РУССКОЕ СЛОВО

1861.

ДЕКАБРЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

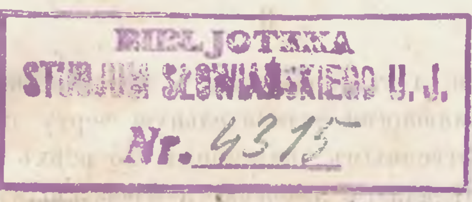
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

РУССКОЕ СЛОВО

НА 1862 ГОДЪ.

Начиная четвертый годъ своего изданія, РУССКОЕ СЛОВО заявляетъ тѣмъ твердую увѣренность въ сочувствіи къ нему публики и въ своемъ возрастающемъ успѣхѣ. Этотъ успѣхъ, въ послѣдніе мѣсяцы, превзошелъ наши ожиданія; ему отвѣчало и будетъ отвѣчать искреннее желаніе Редакціи оправдать довѣріе нашихъ читателей; ихъ голосъ, какъ выраженіе общественнаго мнѣнія, есть единственный голосъ, которымъ мы дорожимъ.

Редакція «РУССКАГО СЛОВА» остается въ прежнемъ составѣ, и потому направленіе журнала не измѣняетъ своей главной цѣли. Вѣроятно, наши воззрѣнія на различные вопросы жизни, науки и искуства, наши симпатіи и антипатіи обозначились довольно ясно; полное же выясненіе ихъ будетъ зависѣть отъ времени. Къ наукѣ мы относились не

для самой науки, а съ серьезными и практическими требованіями, составляющими отличительную черту современной эпохи; за общественнымъ движеніемъ, во всѣхъ его проявленіяхъ, мы слѣдили съ любовью и тревожнымъ ожиданіемъ, сосредоточивая особенное вниманіе не столько на внѣшнихъ явленіяхъ, сколько на внутреннемъ ихъ смыслѣ и значеніи; отъ произведеній искуства, какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, мы требовали идеи и художественной правды, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго искуства. Во всѣхъ сферахъ умственной и эстетической дѣятельности мы искали общечеловѣческихъ началъ и отъ нихъ старались перейдти къ сближенію съ тѣмъ народомъ, среди котораго живемъ и дѣйствуемъ; къ его интересамъ была направлена наша основная мысль; мы раздѣляли и будемъ раздѣлять его радости, смѣяться его смѣхомъ и горячо сочувствовать его горю.

Всякая односторонность, рутина и праздная игра въ отвлеченныя теоріи, задерживающія наше соціальное развитіе, не найдутъ въ РУССКОМЪ СЛОВѢ ни одобрѣнія, ни сочувствія. Авторитеты, системы и отдѣльныя личности, какъ бы высоко они ни были поставлены, для насъ имѣютъ цѣну только тогда, когда они содѣйствуютъ своимъ талантомъ и трудами общему дѣлу. Въ наше время, внѣ общественныхъ интересовъ почти не возмоно представить себѣ поэта или ученаго, потому что только одно холодное равнодушіе, несовмѣстное съ истиннымъ дарованіемъ, духъ касты и партіи могутъ отдѣлять умственную дѣятельность отъ самой жизни общества.

Объяснивъ нашимъ читателямъ основной характеръ РУССКАГО СЛОВА, мы надѣемся остаться ему вѣрны, и не пренебречь ничѣмъ, что можетъ улучшить второстепенныя достоинства журнала. Главные отдѣлы его—*беллетристическій* и *ученый*, *политика*, *критика*, *иностранная литература*, *внутреннее обозрѣніе* и *дневникъ темнаго человѣка*—сохранятъ свой прежній видъ, но обогатятся новыми дѣятелями, на которыхъ мы имѣемъ основаніе расчитывать.

Шахматный листокъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будетъ постоянно прилагаться къ РУССКОМУ СЛОВУ.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 12-ти книжекъ, отъ 25—35 листовъ каждая. Цѣна за годовое изданіе «РУССКАГО СЛОВА» — 12 р. 50 к. безъ пересылки, а съ пересылкой 14 р. Главная подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА, что на Гагаринской пристани, въ домѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко и въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, что на Страстномъ бульварѣ; затѣмъ — у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ Москвы и Петербурга.

Изъ старыхъ и новыхъ подписчиковъ на «РУССКОЕ СЛОВО» тѣ, которые подпишутся *не позже пятнадцатаго декабря*, получатъ премію—третій выпускъ «ПАМЯТНИКОВЪ СТАРИННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ», изданныхъ подъ редакціей Н. И. Костомарова и А. Н. Пыпина, или вмѣсто Памятниковъ полное собраніе сочиненій Л. А. Мея (въ 3 томахъ), смотря по желанію каждаго подписчика. При этомъ редакція проситъ покорнѣйше означать ясно, какую изъ двухъ премій избираетъ подписавшійся. Кромѣ того, подписчики «РУССКАГО СЛОВА» всегда пользуются уступкой 20% на всѣ сочиненія, изданныя редакціей впродолженіи трехъ лѣтъ (*).

Желая облегчить доступъ къ подпискѣ на «РУССКОЕ СЛОВО» небогатымъ читателямъ, редакція допускаетъ разсрочку въ уплатѣ денегъ—для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ,—для всѣхъ прочихъ—по личному или письменному объясненію съ редакціей.

(*) Изданія эти слѣдующія:

Сочиненія А. МАЙКОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 2 р. съ перес. 2 р. 75 к. Сочиненія А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Цѣна 3 р. съ перес. 3 р. 75 к. Сочиненія И. ПАНАЕВА. Въ 4 томахъ. Цѣна 3 р. Съ перес. 4 р. 50 к. Разсказы Я. ПОЛОНСКАГО. Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. ВЪ ПРОВИНЦІИ. М. МИХАЙЛОВА. Въ 2 томахъ. Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ГРАЦІЯ-ЛИ (романъ Джули Кавана, перев. съ англійскаго, въ 2 част.) Цѣна 1 р. съ перес. 1 р. 40 к. ПОЛЬ ФЕРРОЛЬ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Очеркъ англійскихъ нравовъ ТЕККЕРЕЯ. (Перев. съ англійскаго). Цѣна 50 к. съ перес. 70 к. Рисунки БОКЛЕВСКАГО. Сцены и типы изъ сочиненій ОСТРОВСКАГО, въ 6 выпускахъ. Цѣна за каждый выпускъ 1 р. съ перес. 1 р. 50 к.

Примѣч. 1. Редакція считаетъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ жалобъ на недоставку книжекъ РУССКАГО СЛОВА, она строго отвѣчаетъ за исправность только передъ тѣми, кто подписался въ конторѣ РУССКАГО СЛОВА.

Примѣч. 2. Редакція съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на запросы и требованія своихъ подписчиковъ и, насколько будетъ зависѣть отъ нея, исполнять ихъ просьбы безотлагательно.

Редакторъ-Издатель **графъ Г. А. Кушелевъ-Безбородко.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ 24 сентября 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (на В. О., 8 л., № 25).

РУССКОЕ СЛОВО.

XII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

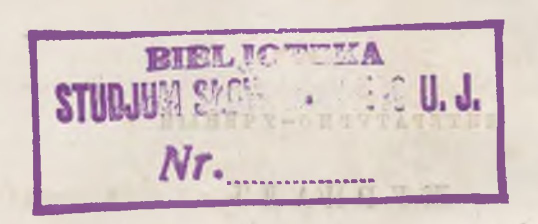
1861.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 31 декабря 1861 года.

Цензоръ *Ѳ. Рахманиновъ.*

Въ Январской книжкѣ Русскаго Слова между прочими статьями будетъ напечатана новая повѣсть А. Ѳ. Писемскаго «БАТЬКА».

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ДРУГЪ-ПРІЯТЕЛЬ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Въ то время, какъ молодежь веселилась въ шумной бесѣдѣ и подъ-конецъ ссорилась, Иванъ Степанычъ ужиналъ съ своими невѣстками; замѣтивъ, что за столомъ недоставало еще двухъ лицъ, онъ сказалъ:

— Вѣрно, Гаранькѣ нашему и ѣда на умъ нейдетъ; шатается съ своимъ проклятымъ гудкомъ.

— Гдѣ ему шататься; извѣстно, молодежь на бесѣдѣ потѣшаетъ... парень молодой, погулять хочется,—замѣтила несмѣло Антипьевна, всегда готовая простить увлеченіямъ молодежи, а тѣмъ болѣе защитить своего названнаго сына.

— И Маремьяна, вѣрно, тоже на бесѣдѣ? — спросилъ опять старикъ.

— Я, батюшка, виновата! я отпустила ее; меня брани и вини...—отозвалась Кондратьевна.

— Словно не знаютъ, что я не люблю этого... Что такое бесѣда? игрище, сонмище бѣсовское; чему тутъ хорошему молодой разумъ научится?..—проговорилъ Иванъ Степанычъ, какъ-бы самъ съ собою, и стукнулъ ложкой объ столъ громче обыкновеннаго.

Кондратьевна потупила глаза и вздохнула. Антипьевна осмѣлилась подать голосъ:

— Вѣдь Маряха, батюшка, къ Ануфріевымъ пошла, не куда нибудь... Сегодня тамъ большая бесѣда, все наѣзжіе гости собрались; а и Ануфріиха сколько разъ мнѣ баяла, что-де Маремьяна у васъ все дома сидитъ, словно старуха; хоть бы къ намъ ходила...—Антипьевна лгала, Ануфріиха ничего никогда не говорила ей про Маремьяну; но добрая женщина хотѣла этою выдумкой успокоить свекра, чтобъ онъ не бранилъ внучку.

— А что, напримѣръ, кому за дѣло,—перебилъ старикъ, что Маремьяна дома сидитъ... Я никому никогда въ домашнемъ житьѣ указчикомъ не былъ, такъ не люблю, какъ и моихъ домашнихъ пересуживаютъ.

— Это такъ, батюшка, къ слову было сказано....

— Къ слову?.. ой бабьи языки! о чемъ-бы нибудь переколечивать..—Говоря это, прикащикъ взглянулъ на Марью. Однако, смотрите, чтобъ дѣвка долго въ бесѣдѣ не засиживалась.... Я не люблю этого...—добавилъ онъ уже болѣе мягкимъ голосомъ.

Кондратьевна сказала, что она сама сходитъ за племянницею.

И ужинъ шелъ своимъ чередомъ; болѣе никто ничего не говорилъ, только ложки постукивали о столъ, и по временамъ Иванъ Степанычъ взглядывалъ изподлобья на младшую невѣстку. Марья, будто сознавая за собою какую нибудь вину, боялась встрѣтиться взглядомъ съ глазами свекра, сидѣла потупясь, то и знай обращаясь къ грудной дѣвочкѣ, хныкавшей у ней на рукахъ. Но всѣ эти несмѣлыя, стѣсненныя движенія молодой бабенки были только слѣдствія ея робкаго характера, а ничего нибудь другаго.

Вдругъ близкій топотъ лошадей и скрипъ отворяемыхъ воротъ заставилъ всѣхъ чутко прислушаться.

— Никакъ деверь Петръ пріѣхалъ?...—сказала Кондратьевна, пріосѣнивъ рукою глаза и смотря пристально въ окно, на стеклахъ котораго морозъ вывелъ свои причудливые узоры.

— На-силу-то...—произнесъ Иванъ Степанычъ, обрадовавшись пріѣзду сына.

— Слава-те, Господи!. воскликнула Марья, и выскочила изъ-за стола, готовая бѣжать навстрѣчу мужу.

Но Петръ входилъ уже въ избу. Съ армяка и шапки, которую онъ держалъ въ рукахъ, сыпался снѣгъ; на бородѣ висѣли ледяныя сосульки. Онъ поспѣшно помолился на образа, и поздоровался со всѣми, кромѣ жены.

— Здорово-ли Богъ носилъ тебя, Петруша? — спрашивалъ отецъ.

— Твоими молитвами, батюшка, помаленьку, все благополучно... Какъ васъ Богъ милуетъ?..—проговорилъ сынъ, и отстранилъ рукою жену, которая, уложивъ ребенка въ зыбку, подошла было къ мужу, чтобъ обнять его. Петръ принялся ощипывать съ бороды кусочки льда. У бѣдной женщины опустились руки и глаза невольно наполнились слезами, она со вздохомъ опять отошла къ зыбкѣ.

— Поди-ка, родимый, Петръ Иванычъ, ужинай, покуда щи не простыли...—сказала Кондратьевна, положивъ на столъ чистую ложку и ломоть хлѣба.

— Прежъ надобно лошадокъ убрать...—отвѣчалъ Петръ и, засвѣтивъ фонарь, пошелъ на дворъ выпрягать лошадей. Марья вышла слѣдомъ за нимъ. И пока мужъ отстегивалъ пристяжныхъ, она старалась разнуздать коренную.

— А ты зачѣмъ тутъ? развѣ я звалъ тебя?..—крикнулъ Петръ на свою бабу.

— Я вышла пособить тебѣ, Петръ Иванычъ, ты и такъ, сердечный, передрогъ; тебѣ и отдохнуть пора...—отвѣчала жена.

— Не къ дѣлу юлишь, не суйся, гдѣ тебя не спрашиваютъ, обойдусь и безъ тебя... ступай прочь!...

Марья отошла въ сторону, и утирала рукавомъ слезы. Мужъ замѣтилъ это.

— О чемъ *нюни* распустила? Что за печаль пришла?..

— Какая печаль, сердечный мой... Я рада, что тебя дождалась.

— Такъ о томъ дура и ревешь, что меня дождалась...

— Охъ! какое-жь о томъ!.. не о томъ...

— Значитъ, безъ меня, видно, семья тебя тутъ обижала?

— Охъ! что семья? семья мнѣ ничего... Да вотъ, батюшка все волкомъ на меня глядитъ... кажись, худаго я ничего не сдѣлала... отвѣчала Марья, уже всхлипывая.

— Смотри, баба, шалишь! — воскликнулъ Петръ. Отецъ нашъ не таковскій, чтобъ занапрасно кого обидѣть... Значитъ, сама въ чемъ нибудь виновата?..

— Ей-же Богу, Петръ Иванычъ, ни сномъ, ни духомъ, никакой вины за собою не вѣдаю... И невѣстки про то тебѣ скажутъ.

— Вотъ еще, невѣстки! Ишь, съ бабами толковать о пустякахъ стану...—сказалъ мужъ съ пренебреженіемъ. Знаю я твой дурацкій нравъ; жаловалась кому нибудь, либо на отца, либо на семью, а пожалуй и на меня, что тебѣ потачки не даю... И мать твоя такая, все бы кому нибудь жаловаться; молода была, такъ на свекровь... А сама свекровью стала, такъ на снохъ жалуется... такъ и ты... А люди твои дурацкія рѣчи и перевели... Ты думаешь, не переведутъ?.. переведутъ...

— А ей-же Богу, Петръ Иванычъ, никому я ничего не баяла... Изъ избы вонъ ногою не бывала...

— Ладно, ладно, ступай прочь, покуда цѣла... И Петръ сильно стегнулъ одну изъ лошадей, вѣроятно, воображая, что стегаетъ жену. Послѣ этого ужъ Марья какъ-то вдругъ очутилась на лѣстницѣ, сама того не замѣчая, поспѣшила уйдти въ избу, и сѣвши за зыбкою, тихонько фыркала.

Черезъ нѣсколько минутъ Петръ сидѣлъ уже въ избѣ, за столомъ, и сытно ужиналъ, не обращая вниманія на жену. Иванъ Степанычъ сбирался начать распросы о томъ: не видалъ ли сынъ въ Москвѣ Веденѣя, какъ вдругъ дверь распахнулась и въ избу поспѣшно вошелъ десятскій Никифоръ, уже знакомый читателю.

— Доброе здоровье Ивану Степанычу, Петру Иванычу!.. бормоталъ онъ, кивая головою на всѣ стороны и не глядя ни на кого. Иванъ Степанычъ, баринъ пріѣхалъ!..

При этой неожиданной вѣсти прикащикъ, словно пришибенный, не пошевелилъ ни однимъ членомъ, но разинувъ ротъ и выпуча глаза, безсмысленно глядѣлъ на вѣстника.

— Ахти, пріѣхалъ!...—воскликнула, всплеснувъ руками, Кондратьевна, и въ голосѣ ея столько было испугу, какъ будто пріѣздъ барина грозилъ ей неминучею, страшною бѣдою.

— Давно, давно пріѣхалъ?—спросилъ Степанычъ, приходя нѣсколько въ себя.

— Съ часъ времени... а можетъ и съ два, отвѣчалъ десятскій, направляясь опять къ дверямъ.

— Куда-жь ты, Никифоръ? погоди, я съ тобою... и Иванъ Степанычъ привсталъ было, но ноги отказались ему служить и онъ опять опустился на лавку.

— Ты не хлопочи, не торопись, Иванъ Степанычъ, сказалъ Никифоръ, насчетъ тебя приказу не было... Вонъ, за старостою тотчасъ-же послали... а я къ тебѣ ужъ самъ. Какъ не оповѣстить прикащика?.. Прощенья просимъ!—и десятскій поспѣшно оставилъ избу.

— На-силу-то собрался къ намъ Володимеръ Александрычъ, замѣтилъ по уходѣ Никифора Петръ, спокойно убирая за обѣ щеки ржаной пирогъ съ кашей.

— Годовъ, чай, десятокъ не бывалъ онъ у насъ въ Завражьѣ, проговорила Антипьевна.

— Пожалуй, и съ хвостикомъ. Чай, съ того времени, какъ его въ ученье отвезли...

— Что ты! Пріѣзжалъ онъ послѣ той поры...

— Нѣтъ, ни-разу не пріѣзжалъ.

— Анъ, пріѣзжалъ.

— Нѣтъ!

И такимъ образомъ, невѣстка съ деверемъ заспорили; но въ этотъ споръ не вмѣшались ни отецъ, ни Кондратьевна. Первый все еще молча смотрѣлъ на затворившуюся за Никифоромъ дверь, а послѣдняя стояла передъ свекромъ, подгорюнясь и громко вздыхала.

Наконецъ Иванъ Степанычъ самъ вздохнулъ глубоко, словно отъ сна пробудился, и, перекрестясь, сказалъ:

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. Однако пора идти...—И онъ всталъ и нетвердыми шагами пошелъ въ старую избу. За нимъ послѣдовала и Кондратьевна.

— Послуш-ка, батюшка, сказала она, когда старикъ на-

дѣвалъ уже на себя суконную праздничную шубу, я думаю, что неспроста баринъ прежде Пахома къ себѣ потребовалъ, а о тебѣ и ни словечка, — словно тебя и на свѣтѣ нѣтъ... Кому-бы теперь и всѣ распорядки при баринѣ дѣлать, какъ не тебѣ?

Иванъ Степанычъ вздохнулъ и искоса взглянулъ на небольшой сундучокъ, стоявшій у него подъ постелью.

— Поневолѣ думается,—продолжала невѣстка,—что старостины *науки* были и въ томъ, о чемъ писалъ Веденѣй.

— *Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ*,—проговорилъ тихо прикащикъ, и, обратясь къ больной дочери, примолвилъ: Марина, баринъ пріѣхалъ! Молись, чтобъ онъ принялъ меня милостиво.

Марина принялась креститься и шептать молитву.

Иванъ Степанычъ, крестясь, вышелъ за дверь.

По уходѣ свекра на Кондратьевну напала тоска. Она хотѣла-было подѣлиться и своими предчувствіями, и опасеніями съ золовкою, но та, напуганная словами отца, только усердно молилась. Возвратясь въ большую избу, Кондратьевна не переставала метаться изъ угла въ уголъ, словно угорѣлая, повѣдать же своего секретнаго горя она не хотѣла ни деверю, ни невѣсткамъ, и чтобъ хотя сколько нибудь развлечься, вздумала идти къ Ануфріевымъ за Маряшею. Но каково-же было удивленіе строгой тетки, когда тамъ Маремьяны не оказалось на-лицо.

— Она давно домой ушла, отвѣтила бесѣдница на вопросъ Кондратьевны о племянницѣ.

Въ сильной досадѣ возвращалась домой разсерженная тетка, забывъ въ эту минуту и о свекрѣ и о пріѣздѣ барина, называя вслухъ Маряшу самыми нелюбезными именами.

— Ахъ она скаредница! негодница! ишь, какъ тетокъ обманываетъ, вѣтренница... побѣгушкой, мерзкая, быть захотѣла,—къ Алёнкѣ ушла... Куда-жъ болѣе, какъ не къ Алёнкѣ... вотъ я ей дамъ! будетъ она меня обманывать, безстыжая!..

Несмотря на вьюгу, не доходя до своей избы, въ переулкѣ, у плетня, Кондратьевна замѣтила мужчину съ женщи-. Вѣтеръ донесъ до ушей тетки голосъ племянницы, а

лучъ мѣсяца, прорвавшись сквозь массу снѣжныхъ облаковъ, освѣтилъ алую шубейку. Кондратьевна уже не сомнѣвалась, и поспѣшно подходила къ молодой четѣ. Егоръ, провожавшій Маряшу съ бесѣды, завидѣвъ тетку своей любезной, отшатнулся, и пошелъ вдоль переулка. Дѣвушка обомлѣла и осталась на мѣстѣ; потомъ она почувствовала сильный ударъ по лицу; тетка налетѣла на Маряшу, какъ ястребъ.

— Такъ-то ты, голубка, меня обманываешь!.. развѣ я тебя отпустила на улицу съ парнями шушукаться, а? Ты куда просилась? и гдѣ очутилась?—говорила Кондратьевна, задыхаясь и учащая удары по затылку племянницы. Съ кѣмъ ты, негодная, стояла тутъ, а?.. съ кѣмъ стояла?.. Погоди-ка, я дѣду скажу...

Но Маряша не отвѣчала и только плакала, едва сквозь слёзы видя дорогу, по которой шла. Она изъ словъ тетки поняла, что послѣдняя не узнала Егора; сама же не захотѣла сказать, что это онъ, боясь, что Кондратьевна объявитъ ея признаніе во всеуслышаніе всей семьи, и что, можетъ быть, поднимутъ на смѣхъ задушевное чувство, которымъ такъ дорожила влюбленная дѣвушка.

Дома Кондратьевна такъ-же усердно работала и языкомъ, и руками; но добиться отъ племянницы попрежнему ничего не могла.

Между тѣмъ спѣшно шелъ старый прикащикъ къ господскому двору, не замѣчая ни холоднаго рѣзкаго вѣтра, ни поднявшейся вьюги, которая заметала дорогу и обсыпала старика съ головы до ногъ снѣгомъ. Когда, запыхавшійся отъ скорой ходьбы, Иванъ Степанычъ вступилъ въ общую людскую избу, то нашелъ въ сильной тревогѣ всѣхъ ея обитателей, состоявшихъ изъ садовника съ женою и двумя дочерьми, двухъ мужиковъ и трехъ бабъ, которыя когда-то пряли господскую пряжу, ткали господскія полотна, получали мѣсячину и звались дворовыми. Вся эта толпа сновала взадъ и впередъ, толкала и сбивала съ ногъ другъ-друга, совершенно безъ всякой надобности.

Впереди, за столомъ, сидѣлъ за самоваромъ барскій камердинеръ, Поликарпъ Карнѣичъ, въ какой-то длинной бе-

кешѣ, не то съ кошачьимъ, не то съ собачьимъ воротникомъ, и спесиво глядѣлъ на толпившуюся челядь.

Поликарпъ не былъ похожъ на своего брата Пахома; онъ имѣлъ высокій ростъ, огромный носъ и важную осанку; держался всегда прямо и глядѣлъ на всѣхъ свысока. Часто, не хотя кому-нибудь отвѣтить на вопросъ положительно, Карнѣичъ плотно сжималъ губы и кривилъ на сторону ротъ. Хотя эта гримаса не выражала ни «да», ни «нѣтъ», но послѣ этого уже отъ него ни слова нельзя было добиться. Передъ бариномъ Поликарпъ постоянно разыгрывалъ роль вѣрнаго, нелицемѣрнаго слуги, хотя въ сущности былъ величайшая шельма, готовая напакостить всѣмъ и каждому, иногда безъ всякой для себя пользы, а такъ, изъ одной возможности сдѣлать вредъ.

— Здорово, Поликарпъ Карнѣичъ! На-силу-то вы къ намъ припожаловали... — обратился вошедшій Иванъ Степанычъ къ камердинеру.

— Да, припожаловали наконецъ, Иванъ Степанычъ, — отвѣтилъ сквозь зубы послѣдній, пристально оглядывая прикащика съ головы до ногъ, словно мѣряя глазами его небольшую фигуру.

— Нежданно, Карнѣичъ, такъ нежданно, что мы и комнатъ не могли приготовить!..

— Что-жъ дѣлать... маленечко врасплохъ... и мы понимаемъ, что это не всѣмъ пріятно... Однако, Иванъ Степанычъ, не хочешь-ли со мною чаю напиться?

— Что ты, Поликарпъ Карнѣичъ, Богъ съ тобою!—воскликнулъ старикъ,—до чаю-ли топерича... Я думаю, прежде всего нужно барину глаза показать... Гдѣ Володимеръ Александрычъ пребывать изволитъ? я думаю, вверху?..

— Да-съ вверху...—отвѣтилъ съ ужимкою Поликарпъ.

Прикащикъ быстро повернулся къ дверямъ, чтобъ идти.

— Куда это-съ?—спросилъ флегматически Карнѣичъ и отдулся какъ кузнечный мѣхъ.

— Какъ куда? къ барину.

— Безъ доклада!.. н-нѣтъ, любезнѣйшій, безъ доклада къ *намъ* не ходятъ-съ... На словѣ къ *намъ* камердинеръ сдѣлалъ удареніе.

Степанычъ остановился; его какъ-то странно всего передернуло, словно змѣя ужалила.

— Что ты сказалъ, Карнѣичъ? безъ доклада...—проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ. — Прежде я къ покойнику старому барину за всякой часъ безъ доклада доступъ имѣлъ, когда надобность того требовала... А теперь, развѣ ужъ молодой-то очинно спесивъ?..

— Спесивы *мы*, или нѣтъ, не всякому о томъ разсуждать, сказалъ значительно камердинеръ; мы не споримъ, можетъ, у стараго барина и были свои старые порядки, а у насъ теперь—свои новые...—И Поликарпъ, не глядя уже болѣе на прикащика, спокойно принялся пить чай.

Теперь только ясно понялъ Иванъ Степанычъ, кто были его враги; но, не показывая виду, скрѣпилъ сердце и отвѣчалъ спокойно:

— Я эфтого не вѣдалъ, Поликарпъ Карнѣичъ, я думалъ попрежнему... Такъ ужъ потрудись, доложи барину...

Камердинеръ поставилъ на столъ допитый стаканъ, и привсталъ немного, потомъ снова опустился на скамью и сказалъ, потягиваясь:

— Тьфу ты! какъ я тяжелъ нонче сталъ!... а тутъ еще этакая чертовская лѣстница!.. Эй, кто тамъ? иди сюда!..

Двѣ дѣвки и мужикъ, толкая другъ-друга, бросились къ столу на зовъ камердинера.

— Сходи кто нибудь наверхъ, доложи барину... проговорилъ послѣдній; но уставивъ глаза на подступившихъ, прибавилъ: тьфу, свиньи! и нечесаныя, и нетесаныя, — какъ такихъ уродовъ пошлешь? ч–ч-черти!!!—Съ послѣднимъ словомъ Карнѣичъ поднялся и мѣрнымъ шагомъ направился къ двери, предварительно плюнувъ на обѣ стороны. Челядь почтительно передъ нимъ разступалась.

Долго прикащикъ ждалъ докладчика, и ждалъ словно на угольяхъ, а послѣдняго все еще не было. Иванъ Степанычъ успѣлъ и на кухнѣ побывать, которая была рядомъ съ людскимъ флигелемъ и гдѣ теперь Домна Власьевна, съ засученными рукавами и съ раскраснѣвшимся лицомъ, готовила на плитѣ для барина ужинъ, собственноручно управляясь съ полдюжиною кострюль и въ то же время покрикивая

на двухъ бабъ, изъ коихъ одна ощипывала курицу, а другая сбивала въ горшкѣ сливки.

— Ну, вотъ, Домна Власьевна, наконецъ и баринъ къ намъ пожаловалъ!..—произнесъ Иванъ Степанычъ, стараясь казаться спокойнымъ, хотя на самомъ дѣлѣ у него на сердцѣ кошки скребли.

— Ахъ, Иванъ Степанычъ! и не говори лучше... Вѣдь какъ нечаянно-то пожаловалъ!.. — воскликнула ключница,— и сколько хлопотъ, ногъ подъ собою не слышу: и свѣтелку очищай, вещи свои убирай куда хочешь; а тамъ ужинъ готовь... А все я одна, кѣмъ возьмешь? вонъ помощницы-то какія!..—она указала на бабъ.—Что́ ты, дура, не видишь, что-ли, что сливки черезъ край изъ горшка льются?.. — крикнула Власьевна на одну изъ нихъ.

— Ну, что́ бы о пріѣздѣ-то насъ извѣстить Володимеру Александрычу?—и домъ-бы прибрали, приготовили-бы все, какъ слѣдуетъ...—замѣтилъ прикащикъ.

— И не говори, Иванъ Степанычъ, совсѣмъ нечаянно накрылъ... И то въ домѣ печки уже затопили, кумъ Пахомъ распорядился...

— Отчего-жь мнѣ не дали знать, когда господинъ пріѣхалъ? сказалъ старикъ, снова уколотый именемъ Пахома,— и кому, понастоящему, слѣдуетъ здѣсь распорядки дѣлать?— мнѣ, или Пахому?

— Ничего я не знаю... Мнѣ, право, самой до себя,—отвѣчала уклончиво дворечиха.—Слышала я, что баринъ приказывалъ старосту позвать, такъ, можетъ быть, староста и распоряжается, по барскому же приказанію.

Иванъ Степанычъ сдержалъ вздохъ, и помолчавъ съ минуту, спросилъ, смотря на кастрюли:

— Что это, Домна Власьевна, ты про одного такъ много готовишь?

— Какое про одного!—съ бариномъ еще два гостя пріѣхали.

Прикащикъ вернулся въ людскую. Возвратившійся Карнѣичъ уже опять сидѣлъ за столомъ и барабанилъ пальцами, въ ожиданіи вновь-подогрѣвавшагося самовара.

— Ну, что, Поликарпъ Карнѣичъ? — спросилъ Степанычъ нетерпѣливо.

— Да ничего-съ,—отвѣчалъ флегматически камердинеръ. Мы сегодня не принимаемъ никого-съ.

— Какъ не принимаемъ?

— Такъ просто-запросто никого видѣть не хотимъ-съ, да и все тутъ.

— Кто, баринъ?—спросилъ старикъ въ недоумѣніи, глядя вопросительно на камердинера.

— Конечно, м-мъ...—Поликарпъ сжалъ губы и скривилъ ротъ.

— Отчего-же это, Карнѣичъ?—вскрикнулъ испуганнымъ голосомъ старый прикащикъ. Можетъ, Володимеръ Александрычъ приказалъ завтра? можетъ, онъ усталъ съ дороги? — Послѣдній вопросъ былъ скорѣй мысль вслухъ, которою Степанычъ хотѣлъ себя успокоить. Но какъ-бы то ни было, камердинеръ болѣе не отвѣчалъ, и спокойно принялся снова за чай, потому что самоваръ уже былъ поданъ, даже не пригласивъ на этотъ разъ прикащика. Старикъ увидѣлъ, что ему нечего болѣе добиваться у камердинера, и, затаивъ въ груди вздохъ, съ какою-то острою болью въ сердцѣ, оставилъ людскую; съ минуту постоялъ онъ въ сѣняхъ, прислушиваясь къ незнакомымъ голосамъ, доносившимся сверху. Подумалъ-было подняться на лѣстницу, и безъ доклада, самовольно, предстать предъ барскія очи, но потомъ раздумалъ, твердо рѣшась ждать завтрашняго дня.—*Утро вечера мудренѣе*—прошепталъ самъ себѣ Иванъ Степанычъ, сходя съ крыльца, и столкнулся съ Веденѣемъ. Крестный и крестникъ поздоровались.

— Послушай-ка, парень, — сказалъ прикащикъ, отводя въ сторону молодаго кучера,—скажи ты мнѣ по чистой совѣсти: правду-ли ты писалъ мнѣ изъ Москвы, съ Егоромъ Жмулинскимъ, что будто-бы барину на меня какое-то письмо было?..

— Вотъ, батюшка-крестный, пусть я тутъ на мѣстѣ провалюсь, коль я хоть въ одномъ словечкѣ солгалъ... Все, какъ есть, истинная правда была...—отвѣчалъ Веденѣй увѣрительно.

— Тс... приходи ко мнѣ завтра, потолкуемъ,—проговорилъ тихо старикъ, оглядываясь по сторонамъ. Онъ заслышалъ голосъ старосты. Послѣдній въ это время показался съ фонаремъ въ рукѣ, на крыльцѣ большаго дома, приказывая слѣдовавшему за нимъ парню запирать наружныя двери. Чтобъ не столкнуться съ Пахомомъ и избѣжать безполезной ссоры, Иванъ Степанычъ поспѣшилъ за ворота, предоставляя все завтрашнему дню.

Эту ночь прикащикъ провелъ чрезвычайно тревожно, въ ожиданіи разсвѣта. Но могла-ли въ его старую голову прійти мысль, что камердинеръ и не думалъ докладывать о немъ господину, однако на дѣлѣ было такъ.

Теперь, любезный читатель, позвольте познакомить васъ съ тѣмъ лицомъ, которое своимъ пріѣздомъ надѣлало столько тревоги въ мирномъ до сей поры селѣ Заовражьѣ,—причинило столько опасеній старому Ивану Степанычу, слывшему примѣромъ честности, и столько хлопотъ Домнѣ Власьевнѣ, изгнавъ ее съ сожителемъ изъ теплой, привольной свѣтелки въ общую людскую, и заставивъ собственноручно готовить ужинъ. А именно: съ молодымъ помѣщикомъ Заовражья, Владиміромъ Александровичемъ, о которомъ такъ много толковали его крестьяне, но котораго мы еще не знаемъ.

Владиміръ Александровичъ десятилѣтнимъ мальчикомъ былъ отвезенъ въ московскій кадетскій корпусъ и выпущенъ оттуда въ П..й армейскій пѣхотный полкъ юнкеромъ (значитъ способности имѣлъ не блестящія). Въ двадцать восемь лѣтъ, въ чинѣ штабсъ-капитана, онъ командовалъ ротою, и имѣя громкій голосъ, воображалъ себя строгимъ и примѣрно справедливымъ командиромъ, хотя на дѣлѣ былъ только взбалмошнымъ крикуномъ. Справедливость-же его, при неровномъ характерѣ, тоже часто была дѣломъ *минуты*. Иной разъ, нашъ ротный строго взыскивалъ съ подчиненныхъ за малѣйшую ошибку; въ другой—прощалъ отечески отъявленнаго негодяя, заслуживающаго справедливаго наказанія. Впрочемъ, плутъ фельдфебель, вызнавшій всѣ слабыя стороны ротнаго и умѣвшій войти въ его довѣренность, хозяйничалъ въ ротѣ едва-ли не болѣе самого Владиміра Александровича.

Собою штабсъ-капитанъ былъ видный, красивый мужчина; имѣлъ высокій ростъ, густые, черные, волнистые волосы, живые, блестящіе глаза, закрученныя въ кольца усы, и широкія плечи. Мужчины называли его молодцомъ, женщины любовались имъ. И хотя Владиміръ Александровичъ не могъ похвастаться ни изящесгвомъ манеръ, ни особымъ умѣньемъ *рисоваться*, но въ его физіономіи, осанкѣ и, словомъ, во всей его фигурѣ было что-то такое ухарское, *отлетное*,—что въ немъ чрезвычайно нравилось провинціальнымъ дамамъ. И во все время полковыхъ стоянокъ по разнымъ городамъ и городкамъ широкой матушки Руси красивый штабсъ-капитанъ постоянно былъ предметомъ ухаживанья, обожанія и ревности женщинъ.

И староста на имянинахъ у дворецкаго и Веденѣй въ письмѣ къ прикащику оба врали, что баринъ ихъ *шибко* играетъ. Владиміръ Александровичъ игралъ не въ большую; но что самый ничтожный проигрышъ бѣсилъ его до крайности, то это была сущая правда.

Въ домашнемъ быту нашъ наслѣдникъ не рѣдко поддавался вліянію своего камердинера Поликарпа, въ честности котораго онъ ни-разу не усомнился. Поликарпъ-же, прикрываясь маскою безкорыстнаго усердія, часто управлялъ бариномъ, какъ хотѣлъ, посредствомъ совѣтовъ и наговоровъ.

Получивъ вѣсть о смерти отца, Владиміръ Александровичъ каждый день сбирался подать въ отпускъ, но удерживаемый разными обстоятельствами службы, неизвѣстно, скороли собрался бы, какъ вдругъ безъименный, но правдоподобный доносъ на прикащика, которому такъ много довѣрялъ покойный отецъ, заставилъ наслѣдника пренебречь многимъ и поспѣшить поѣздкою въ имѣніе.

Въ то время, какъ внизу, въ людской и кухнѣ идетъ такая суматоха, мы посмотримъ, что дѣлается въ свѣтелкѣ, на-скоро меблированной кой-какою мебелью, перенощенною изъ дома.

Передъ столомъ, уставленнымъ привезенными изъ города и уже частію опорожненными бутылками, полулежалъ, въ широкомъ креслѣ, молодой помѣщикъ. Его высокую фигуру облекалъ какой-то длинный шлафрокъ, изъ пестрой шерстя-

ной матеріи, съ бархатною выпушкою и шелковыми кистями. Владиміръ Александровичъ курилъ сигару, и покручивая усы, самодовольно поглядывалъ на своихъ собесѣдниковъ, изъ коихъ одинъ былъ поручикъ Харчукъ, служившій въ одномъ полку съ хозяиномъ и слывшій его закадычнымъ пріятелемъ, съ которымъ Владиміръ Александровичъ каждый день спорилъ, ссорился и все-таки не могъ быть безъ него. Харчукъ, несмотря на лѣнивую, неповоротливую наружность, былъ умнѣе своего товарища. И какъ хитрый хохолъ, вполнѣ сознавалъ это; не любя хвастовства, онъ присвоилъ себѣ право на каждомъ шагу впрахъ разбивать всѣ такого рода выходки Владиміра Александровича, который никогда не прочь былъ прихвастнуть.

Имѣя ограниченныя средства, Харчукъ постоянно былъ нахлѣбникомъ штабсъ-капитана. И когда послѣдній поѣхалъ въ имѣніе, поручикъ объявилъ, что гдѣ-то, верстахъ въ восьмидесяти отъ Заовражья, живетъ его троюродная тетка, очень его любившая въ дѣтствѣ, которую онъ хорошо помнилъ и желалъ-бы съ нею повидаться... Владиміръ Александровичъ, разумѣется, пригласилъ его съ собою, и привезъ въ Заовражье.

Другаго собесѣдника, чиновника Пуговкина, офицеры наши захватили въ городѣ. Пуговкинъ былъ когда-то корпуснымъ однокашникомъ съ Владиміромъ Александровичемъ, но котораго, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, судьба столкнула съ военнаго поприща на гражданское.

Пуговкинъ былъ крошечный человѣкъ, съ крошечною головкою, крошечнымъ круглымъ лицомъ и крошечными выпуклыми глазками. Въ корпусѣ товарищи вмѣсто *Пуговкинъ* его называли *пуговкою*. И дѣйствительно онъ былъ похожъ на пуговку.

Теперь, сидя на стулѣ, Пуговкинъ безпрестанно ощипывался, привскакивалъ и вертѣлся на всѣ стороны, словно флюгеръ, между тѣмъ какъ поручикъ Харчукъ, развалясь, спокойно, съ полузакрытыми глазами, затягивался изъ длиннаго чубука.

— Знаешь-ли, братъ, Пуговкинъ, какъ меня въ полку прозвали?—продолжалъ хозяинъ начатый разговоръ, весело

смотря на гостя,—меня, братецъ ты мой, прозвали злодѣи-товарищи Машенькою.

Пуговкинъ разразился звонкимъ, оглушительнымъ хохотомъ и нѣсколько минутъ его крошечная фигурка тряслась какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, нечего сказать, похожъ на Машеньку, и на самую сантиментальную Машеньку... проговорилъ онъ, все еще задыхаясь отъ смѣха.

— Ты прежде узнай, что подало къ тому поводъ?—сказалъ Владиміръ Александровичъ, едва самъ удерживаясь отъ хохота. Вотъ, братецъ ты мой, какой случай: гдѣ я ни квартировалъ, непремѣнно на квартирѣ находилась или молодая хозяйка, или хозяйская дочка—Машенька, и всѣ, шельмы, прехорошенькія... Ну, разумѣется, и ухаживали за мною, какъ слѣдуетъ.. Да и я ужъ, мое почтеніе—спуску никому! и самую неприступную—пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!.. А провинціальныя дурочки ужасно падки на военныхъ, особенно, этакъ, молодецки закрутишь усы, да верхомъ, такъ, подперевшись рукою, проѣдешь мимо окна разъ пять взадъ да впередъ, и назавтраже отъ деньщика услышишь: — что, молъ, ваше благородіе, хозяйская дочка, или тамъ сама хозяйка распрашивала, сколько вамъ лѣтъ, много-ли душъ имѣется и проч... Ну, вотъ, какъ-бывало идешь на ученье съ новой квартиры, офицеры ужъ и спрашиваютъ: «что, Машенька, есть?» Разумѣется, есть, говоришь, ужъ видно, судьба моя такая... Вслѣдствіе этого и прозвали меня Машенькою; ей-Богу, правда, спроси Харчука...

Пуговкинъ повернулъ головку къ Харчуку и смотрѣлъ на него вопросительно.

— Лжетъ! — произнесъ отрывисто поручикъ; и затянулся.

— Кто лжетъ?.. я лгу?.. —воскликнулъ, живо приподнимаясь, хозяинъ. Глаза его засверкали.

— Разумѣется, ты.

— Харчукъ, развѣ не на всѣхъ квартирахъ были Машеньки? Развѣ не вмѣстѣ съ тобою смѣялись мы этому странному обстоятельству?

— Конечно, не вездѣ.

— Какъ? да только у однихъ Филиныхъ, въ Ивановкѣ, и не было Марьи...—перебилъ штабсъ-капитанъ.

— Не перебивай пожалуйста, я хотѣлъ сказать, что не вездѣ были онѣ молодыя и хорошенькія. Поручикъ сталъ выколачивать трубку.

— Врешь ты! вездѣ молодыя и хорошенькія, только у Филиныхъ не б...

— Какъ, у Филиныхъ не было Марьи? — перебилъ въ свою очередь Харчукъ, — а Марья-то Пафнутьевна, хозяйская теща, развѣ не волочилась за тобою? Ты и ее, вѣроятно, хорошенькою считаешь, что тебѣ цѣпочку къ часамъ въ имянины подарила, да живыхъ стерлядей завсегда присылала... Такъ ужъ ей, любезный, я думаю, шестьдесятъ есть!.. а носъ!.. Поручикъ приставилъ обѣ руки къ собственному носу и потомъ спокойно закурилъ трубку.

Пуговкинъ схватился за бока, и снова, что называется, покатывался отъ смѣху. Сконфуженный, Владиміръ Александровичъ покраснѣлъ какъ ракъ, но вдругъ не нашелся что отвѣтить и только произнесъ съ укоризною:

— Астафій!..

— Называй «Остапъ.» Хочу свое національное имя носить, сказалъ поручикъ, снова затягиваясь.

— Я хотѣлъ сказать, что ты чортъ! — воскликнулъ съ досадою хозяинъ.

— Ну, за здоровье всѣхъ Машенекъ на свѣтѣ!.. сказалъ Пуговкинъ, наливая рюмку, — и молодыхъ и старыхъ, и всѣхъ ихъ обожателей!.. Причемъ онъ залпомъ опорожнилъ налитое.

— Эй, вина! крикнулъ Владиміръ Александровичъ, обратясь къ двери, гдѣ стоялъ Наумъ Ѳомичъ, въ своемъ длинномъ сюртукѣ и очень конфузился, безъ перчатокъ и бѣлаго галстуха, которые Домна Власьевна въ суматохѣ куда-то упрятала.

— Вино, сударь, все на столѣ-съ, — отвѣчалъ дворецкій, почтительно выступивъ изъ полу-тѣни.

— Какой-чортъ на столѣ!—почти ничего нѣтъ... сказалъ баринъ, оглядывая нѣкоторыя изъ бутылокъ, въ которыхъ ни капли не оказывалось; скажи-ка своей женѣ, нѣтъ-ли гдѣ ни-

будь въ погребѣ оставшихся старыхъ наливокъ... прибавилъ онъ, обратясь къ Ѳомичу.

— Помилуйте-съ, сударь, какія-жь наливки-съ... Покойный баринъ словно предчувствовали свою смерть: послѣдній годъ ничего не приказали запасать-съ... отвѣчалъ дворецкій, смотря въ глаза господину яснымъ взоромъ невиннаго младенца.

— Вздоръ! Вы, бестіи, давно растаскали все, вотъ что... По крайней мѣрѣ дождемся-ли мы сегодня ужина?—Владиміръ Александровичъ сердито бросилъ окурокъ сигары.

Наумъ Ѳомичъ, съ быстротою молніи, побѣжалъ на кухню.

— Какъ видится, вся дворня самыя разбалованныя шельмы!.. замѣтилъ наслѣдникъ, обращаясь къ Пуговкину. Ну, да я ихъ образумлю, наведу на путь честности...

— Зачѣмъ-же безъ исключенія обо всѣхъ такъ думать?.. отозвался поручикъ.

— Поневолѣ, братъ, разочаруешься и станешь такъ думать, когда прикащикъ, которому отецъ въ продолженіи тридцати лѣтъ какъ своей душѣ довѣрялъ и ни въ чемъ не могъ замѣтить, и тотъ оказывается мошенникомъ. Чтожъ послѣ этого? Право, только мой старый Карнѣичъ, вѣрно, и есть на свѣтѣ чест...

— Первый плутъ!.. перебилъ Харчукъ.

VII.

На другой день утромъ крестьяне села Заовражья на дворѣ господскаго дома дожидались пробужденія своего помѣщика, чтобъ поздравить его съ пріѣздомъ и по русскому обычаю поднести хлѣбъ-соль. Въ головѣ мужиковъ былъ самъ Иванъ Степанычъ; старосты не было между ними, онъ находился въ домѣ, гдѣ исправляли все, что слѣдовало исправить: мыли и чистили.

Наконецъ ровно въ двѣнадцать часовъ Владиміръ Александровичъ, съ заспанными глазами и нѣсколько помятою физіо-

номіею послѣ вчерашней попойки, вышелъ на крыльцо, въ сопровожденіи своихъ гостей.

— Здравствуйте мои любезные!..—сказалъ онъ ласково крестьянамъ, хотя сначала и намѣревался показаться серьёзнымъ, чтобъ сразу всѣхъ *озадачить*, но при видѣ столькихъ обнаженныхъ головъ, рыжихъ, черныхъ, сѣрыхъ, густоволосыхъ и вовсе безволосыхъ, помѣщикъ нашъ невольно умилился.

Въ–самомъ–дѣлѣ, Владиміръ Александровичъ никогда не испытывалъ такого удовольствія, при видѣ своей роты, кричавшей ему привѣтствіе по командѣ. Въ привѣтѣ же мужиковъ, въ ихъ низкихъ поклонахъ онъ видѣлъ что–то близкое, родственное, и передъ нимъ мгновенно промелькнуло его давно прошедшее дѣтство, полузабытая жизнь въ деревнѣ и образы тѣхъ лицъ, которыми обставлена была его дѣтская жизнь.

Прикащикъ, съ низкимъ поклономъ, дрожащими руками поднесъ Владиміру Александровичу хлѣбъ–соль, на большомъ фаянсовомъ блюдѣ, и раскрылъ–было ротъ, желая что–то сказать, но встрѣтясь глазами со взглядомъ барина и увидѣвъ сзади его Поликарпа, скривившаго ротъ, Иванъ Степанычъ вспомнилъ вчерашній вечеръ, Веденѣево письмо и только мямлилъ губами, не могши произнести слова.

Онуфрій, самый старшій изъ Заовражскихъ крестьянъ и самый зажиточнѣйшій, съ почтенною наружностію и длинною сѣдою бородою, выручилъ Ивана Степаныча.

— Не погнушайся, батюшка–баринъ, нашимъ мужицкимъ усердіемъ, произнесъ онъ, чуть не до земли кланяясь,—мы всѣ желаемъ тебѣ здравствовать долгіе вѣки!..

— Спасибо за ваше желаніе, мои милые!..—отвѣчалъ баринъ; принялъ блюдо съ хлѣбомъ и передалъ его камердинеру.

— Не погнѣвайся на насъ, сударь Володимеръ Александрычъ. Мы пришли твою милость съ пріѣздомъ *проздравить*,—проговорилъ другой мужикъ.

— Не оставь, нашъ отецъ, насъ своею господскою милостью, какъ не оставлялъ насъ твой покойный родитель,—

царство ему небесное!..—послышался изъ толпы третій дребезжащій голосъ.

— Я вами, мужички, очень доволенъ, и благодарю васъ; съ своей стороны считаю долгомъ пещись о вашихъ нуждахъ, какъ о своихъ собственныхъ и надѣюсь заслужить вашу любовь,—проговорилъ торжественно умиленный помѣщикъ.

И мы нисколько не солжемъ, если скажемъ, что въ эту минуту у Владиміра Александровича такъ широко раскрылось сердце, что онъ былъ готовъ обнять всѣхъ этихъ бородатыхъ говоруновъ, и обнялъ бы, еслибъ не боялся уронить въ ихъ-же глазахъ своего барскаго достоинства.

Прикащикъ все это время шевелилъ губами, какъ будто вспоминая затверженную, но забытую рѣчь. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и началъ дрожащимъ голосомъ:

— Позвольте, сударь... Володимеръ Александрычъ, поздравить васъ... ва... вашему вѣр...ному слугѣ... Сподоби меня Господь-Богъ послужить вашей милости... хотя малую толику... нелицемѣрно... какъ я служилъ вашему тятенькѣ...—Слезы показались на глазахъ старика.

Баринъ устремилъ на него пристальный взглядъ.

— А! Степанычъ!.. теперь я узналъ тебя... ты все тотъ же!.. Однако нѣтъ, тотъ, да не *тотъ* сталъ...—Растроганный Владиміръ Александровичъ въ настоящую минуту забылъ о всѣхъ дрязгахъ и наговорахъ на прикащика и сказанными словами, безъ всякой задней мысли, хотѣлъ только выразить, что Степанычъ довольно-таки постарѣлъ.

Но старикъ, грустно и подозрительно настроенный, терзавшійся опасеніями, и вдобавокъ вовсе не спавшій прошедшую ночь, значитъ, находящійся не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, былъ пораженъ словами барина, считая ихъ для себя приговоромъ.

— Ты придешь ко мнѣ погодя; мнѣ о многомъ нужно съ тобою говорить...—добавилъ Владиміръ Александровичъ, относясь къ прикащику, и потомъ обратясь быстро къ толпѣ, прибавилъ:—въ будущее воскресенье, мужички, приходите ко мнѣ на обѣдъ, а теперь покуда прощайте!

Мужички низко поклонились. Владиміръ Александровичъ

съ гостями удалился, а Иванъ Степанычъ стоялъ на мѣстѣ какъ вкопаный, тоскливо опустивъ голову.

— Это!.. это, я вамъ скажу, единственная картина: помѣщикъ... крестьяне... съ хлѣбомъ-солью... какъ отецъ!.. какъ дѣти!.. восхитительно! умилительно! художественно!.. восклицалъ Пуговкинъ, какимъ-то замирающимъ голосомъ.

— Не хочешь-ли ты написать картину изъ этого сюжета?—спросилъ хозяинъ, самодовольно улыбаясь, и разваливаясь въ креслѣ.

— Конечно-бы написалъ, еслибы обучался этому божественному искусству. Но, повѣрьте господа, въ душѣ я тотъ же истинный художникъ; восторгаюсь всѣмъ, что выходитъ изъ рамокъ обыденной жизни; восторгаюсь, ей-Богу восторгаюсь!

— Ахъ, какіе прекрасныя фразы! Гдѣ это ты, Пуговкинъ, ихъ вычиталъ, потому что вовсе того не чувствуешь, о чемъ говоришь... Вонъ, мой Астафій чувствуетъ больше и лучше, чѣмъ говоритъ... Не правда-ли, Астафій?—обратился онъ къ поручику.

— Зови Остапомъ,—отозвался послѣдній, ничего я теперь не чувствую, кромѣ жажды опохмѣлиться... Да еще хорошо бы, бестія, твой Карнѣичъ похлопоталъ поскорѣе о самоварѣ, а то онъ, каналья, развалился гдѣ-нибудь въ людской и сибаритничаетъ, какъ и его баринъ... Я думаю, и чаю давно, мошенникъ, напился.

— Ты ужь слишкомъ несправедливъ, Харчукъ, къ моему слугѣ: онъ честный старикъ, замѣтилъ хозяинъ.

— То есть, ты хотѣлъ сказать, что онъ первый плутъ?

Явились Ѳомичъ съ самоваромъ и Домна Власьевна съ завтракомъ, а также и нарочный, посланный ночью въ городъ за виномъ, и начался холостой завтракъ, въ продолженіи котораго хозяинъ, по обыкновенію, хвасталъ, что ни одна изъ хорошенькихъ сосѣдокъ (если только таковыя найдутся) не устоитъ противъ него. Харчукъ впрахъ разбивалъ своими лаконическими выходками такую самонадѣянность штабсъ-капитана. Пуговкинъ заливался звонкимъ хохотомъ и подпрыгивалъ какъ мячикъ. Потомъ гости заспорили между собою: которая служба лучше,—военная, или штатская?

Пуговкинъ завидовалъ эполетамъ, бранилъ самъ себя за то, что оставилъ военное поприще, вспоминалъ свою жизнь въ корпусѣ и хвастался своими учебными способностями. Поручикъ, напротивъ, завидовалъ спокойной гражданской службѣ, которая, какъ онъ говорилъ, болѣе согласовалась съ его характеромъ, склоннымъ къ сидячей жизни, и перечислялъ всѣ выговоры и аресты, которые ему случалось перенести отъ начальства въ продолженіи службы за свою лѣность.

Владиміръ Александровичъ, увидя, что его камердинеръ, присѣвъ на корточки, рылся въ одномъ изъ чемодановъ, спросилъ:

— Ну, ты какъ, Карнѣичъ, небось отдыхаешь здѣсь, а?..

— Какое, сударь, тутъ отдыханье-съ... Видите, какъ я въ три погибели согнулъ свою старую спину–съ... пора–бы мнѣ, сударь, и на покой... выберите кого-нибудь помоложе, какой я вамъ *камердинъ-съ,* меня ужъ успѣхи, сударь, не берутъ–съ... хоть и радъ бы вамъ служить по гробъ моей *смерти-съ...* — отвѣчалъ Поликарпъ, опершись руками объ стулъ и медленно поднимаясь съ пола.

— Погоди, отдохнешь, помолодѣешь... Ты, я думаю, радъ, что попалъ на родину, а? Давно, братъ, здѣсь не бывали.

— Конечно, сударь, родина и родные, напримѣръ, братъ, сестра... а ужъ радоваться–то, я полагаю, нечему–съ... народъ все такой необразованный, трудно и толковать съ ними, никакого понятія не имѣютъ–съ... Мы хоть и лакейство, а ужъ все не то–съ; свѣтъ таки–видали, слава Богу-съ... Да и вамъ, я думаю, Владиміръ Александрычъ, скучновато здѣсь покажется–съ съ непривычки–съ...

— О, напротивъ, мнѣ очень весело. Вотъ, въ воскресенье для крестьянъ обѣдъ сдѣлаемъ; бабъ и дѣвокъ пѣсни пѣть заставимъ, повеселимся, а тамъ съ сосѣдями знакомиться станемъ. А что, Карнѣичъ, не слыхалъ, рады мужики нашему пріѣзду, а?

— Надобно полагать, сударь, что рады. У многихъ, чай, изъ нихъ до васъ просьбы есть. Вонъ, и братъ мой, Пахомъ, хочетъ для сына у васъ невѣсты просить–съ.

— А! вотъ еще штука! крестьянскія свадьбы устраивать должно быть очень интересно!.. — воскликнулъ весело нашъ

помѣщикъ и, обратясь къ поручику, спросилъ: что ты на это скажешь, Астафій?

— Говорю, зови Остапомъ. Я скажу, что человѣку всегда пріятно тѣшить свой произволъ,—проговорилъ Харчукъ, выпустивъ изъ рта огромный клубъ табачнаго дыма.

— Какой же тутъ къ чорту произволъ! Женитьба въ быту крестьянина необходимость въ хозяйственномъ отношеніи. Не правда-ли, Пуговкинъ?

— А также и огражденіе нравственности,—отвѣчалъ, хохоча, Пуговкинъ.

— И тя...гло!..—протянулъ флегматически поручикъ.

— Ты, Харчукъ, не слишкомъ-ли ужъ матеріально смотришь на вещи?—возразилъ съ досадою хозяинъ.

Владиміръ Александровичъ надулся, и помолчавъ съ минуту, заговорилъ опять съ своимъ камердинеромъ:

— Итакъ, Карнѣичъ, мужички рады нашему пріѣзду? Это для меня очень пріятно.

— Конечно, сударь. И если кто *намъ* не радъ, такъ это прикащикъ. Да и тотъ, старая хитрая кошка, прослезился, какъ сталъ хлѣбъ-соль подносить: видно, совѣсть заговорила. Мужички говорятъ, что онъ таки порядочно набилъ кису вашими, сударь, денежками...—проговорилъ Поликарпъ.

— И мужики о томъ говорятъ? спросилъ горячо баринъ.

— Да-съ, говорятъ, только глухо-съ; знаете, боятся. А я бы вамъ совѣтовалъ хоть маленько приструнить старика.

Священникъ, пришедшій поздравить Владиміра Александровича съ пріѣздомъ, прервалъ этотъ интересный разговоръ у барина съ камердинеромъ.

Спустя немного, явился по приказу барина и Иванъ Степанычъ. Но Владиміръ Александровичъ былъ уже въ такомъ состояніи, что распросилъ только старика: велика-ли у него семья? сколько ему лѣтъ? Объявилъ, что о хозяйственныхъ предметахъ толковать сегодня не имѣетъ времени, и назвавъ прикащика старымъ котомъ, ласково отпустилъ его, къ неудовольствію своего камердинера, который, видя это, только кривилъ ротъ и рѣшился дожидаться благопріятной для себя минуты.

Обязанности службы заставили Пуговкина на другой день уѣхать въ городъ.

Между тѣмъ въ домѣ все прибрали и привели въ порядокъ, выбили и установили мебель, открыли зеркала и развѣшали снятыя со стѣнъ картины. Садовникъ отыскалъ гдѣ-то зимнихъ цвѣтовъ и украсилъ ими окна. Домна Власьевна повѣсила кисейныя занавѣсы,—и старыя угрюмыя хоромы глянули веселѣе. Въ нихъ пахнуло жилымъ духомъ, когда перебрался туда молодой хозяинъ съ своимъ пріятелемъ, поручикомъ Харчукомъ.

Владиміръ Александровичъ прохаживался по комнатамъ, которыя такъ долго оставались пустыми, и вспоминалъ свои дѣтскія игры, отца, (матери нашъ наслѣдникъ не помнилъ) и всѣхъ тѣхъ, кого онъ когда-то видѣлъ въ этомъ домѣ. Гость понѣскольку часовъ сидѣлъ на стулѣ съ полузакрытыми глазами, курилъ, или спорилъ съ хозяиномъ.

Пришло и воскресенье. Заовражскіе крестьяне собрались къ своему помѣщику на обѣдъ, и были усажены Домной Власьевной за длинные столы въ людской, въ кухнѣ и даже въ сѣняхъ. Къ нимъ выходилъ баринъ, и послѣ увѣрялъ поручика, что чувствовалъ такое же удовольствіе, видя мужичковъ у себя за столомъ, какое испыталъ въ тотъ день, когда принялъ отъ нихъ хлѣбъ-соль.

Послѣ обѣда приказано было выставить бочку пива и нѣсколько ведръ вина; бабъ же и дѣвокъ Домна Власьевна въ присутствіи барина одѣлила орѣхами и пряниками, причемъ сама расплакалась, вспомнивъ одинъ день, когда она точно такъ же угощала крестьянъ при Александрѣ Иванычѣ.

Владиміръ Александровичъ между тѣмъ балагурилъ съ крестьянками, хвалилъ вслухъ хорошенькихъ изъ нихъ, щипалъ ихъ румяныя щеки и спрашивалъ дѣвушекъ: кому за котораго парня хочется замужъ?—Причемъ деревенскія красавицы жеманились, хихикали и закрывали лицо руками, не отвѣчая ни слова. За нѣкоторыхъ изъ нихъ держали отвѣтъ бойкія молодицы и выдавали дѣвичьи сердечныя тайны, чему веселый хозяинъ много смѣялся. Харчукъ молча курилъ и равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти продѣлки.

Къ обѣду пріѣхало изъ города нѣсколько человѣкъ гос-

тей, знакомыхъ покойнаго Александра Иваныча, и между ними его душеприкащикъ, Петръ Елизарычъ, а также былъ приглашенъ и отецъ Семенъ. Когда хозяинъ съ гостями сѣли за столъ, крестьянамъ приказано было гулять около господскаго дома и пѣть пѣсни, а старостѣ съ десятскимъ Никифоромъ смотрѣть за порядкомъ. И потрудились же они, сердечные, на своемъ посту такъ, что черезъ часъ едва держались на ногахъ и писали мыслете не хуже тѣхъ, за кѣмъ наблюдали.

Иванъ Степанычъ сидѣлъ въ свѣтелкѣ (куда Домна Власьевна съ сожителемъ успѣла уже опять перебраться) и смотрѣлъ въ окно на гуляющую толпу, раздумывая между тѣмъ: оставаться ему на господскомъ дворѣ до вечера, или идти домой?—какъ вдругъ ему сказали, что подрались два мужика и прибили бабу, которую они ревновали другъ-къ-другу, а что староста и десятскій свалились съ ногъ... Прикащикъ долженъ былъ идти чинить судъ и расправу.

На этомъ праздникѣ, кромѣ самого Степаныча, изъ его семейства были только Петръ, да Гаранька подкидышъ съ своимъ рожкомъ. Жену свою Петръ не пустилъ. Кондратьевна, разумѣется, сама не пошла, боясь грѣха. Антипьевна и пошла-бы, да своей воли безъ мужа не имѣла, а у свекра проситься не посмѣла.

Маряшу также не пустили, да она и сама не интересовалась этимъ гуляньемъ, во-первыхъ потому, что не надѣялась тамъ встрѣтить Егора, во-вторыхъ, насказала ей Антоха про барина, что очень хорошенькихъ дѣвушекъ любитъ. А такъ какъ внучка прикащика себя дурною не считала, то и боялась чего-то, хотя и не могла отдать себѣ яснаго отчета въ своей боязни.

Вечеромъ Владиміръ Александровичъ приказалъ гуляющую деревенскую молодежь позвать въ комнаты, заставилъ пѣть пѣсни; въ большой залѣ затѣялся хороводъ. Гаранька заливался на своемъ рожкѣ; доселѣ молчаливый домъ огласился веселыми звуками.

И надобно отдать справедливость молодому хозяину: онъ держалъ себя съ пѣвицами довольно деликатно, хотя и былъ, какъ онъ говорилъ, на второмъ взводѣ, то есть, довольно

на-веселѣ. Можетъ быть, удалаго штабсъ-капитана удерживало нѣсколько присутствіе гостей, которыхъ онъ принималъ въ первый разъ, и между коими не было ни одного отъявленнаго гуляки, а были по большей части люди семейные и степенные. Всѣ они сбирались завтра пораньше уѣхать обратно въ городъ, а потому и поспѣшили ужиномъ. Безъ этого обстоятельства, разумѣется, хороводъ и пѣсни продлились-бы гораздо долѣе. На прощанье баринъ собственноручно одѣлилъ крестьянокъ мелкою серебряною монетою.

— Всѣ-ли вы тутъ на-лицо, сколько васъ есть въ Завражьѣ? спросилъ онъ дѣвокъ.

— Нѣтъ, не всѣ, баринъ, отвѣчала Алёна, бойко выступая впередъ, Ануфріевыхъ дочерей ни одной нѣтъ.

— И Маремьяна прикащикова не пошла, — подговорила другая дѣвка.

— Развѣ у Степаныча есть дочь?

— Не дочь, а внучка.

— Отчего-жь она не пошла?

Дѣвки переглянулись между-собою, пересмѣхнулись, и молчали.

— Отчего-жь, я спрашиваю, она не пришла? спросилъ уже нетерпѣливо баринъ, у котораго въ головѣ начинало шумѣть выпитое вино.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ это осмѣлилась она не придти? проговорилъ лаконически Харчукъ, курившій неподалеку.

Хозяинъ покосился на гостя, но удержался.

— Если, баринъ, вамъ правду сказать, такъ ее дѣдушка не пустилъ. И какой бѣдовой старикъ этотъ, Иванъ Степанычъ! строгій, престрогій! сказала Алена, кокетливо поглядывая на поручика, котораго длинные усы ей очень понравились... Но чудакъ нашъ ни на кого повидимому не обращалъ вниманія и только дымилъ изъ своего длиннаго чубука.

— Ахъ, онъ старый чортъ, этотъ Иванъ Степанычъ, а вѣрно его внучка хорошенькая, а? правда, хорошенькая? спрашивалъ Алены баринъ. Но ни она, ни прочія дѣвки ничего не отвѣтили, только переглянулись, пересмѣхнулись и

толпою вывалили изъ залы. А Владимiръ Александровичъ, закуривая сигару, напѣвалъ въ полголоса:

«Здравствуй, милая красотка!
Изъ котораго села?
Вашей милости, сударь, крестьянка,
Отвѣчала ему я...»

И вѣроятно какiя нибудь прiятныя картины рисовались въ его разгоряченномъ воображенiи, потому что, запустивъ руки въ карманы панталонъ, онъ, улыбаясь и покачиваясь изъ стороны въ сторону, прошелся по комнатамъ... Также улыбаясь сѣлъ за столъ и улыбался въ продолженiи всего ужина, предлагая гостямъ тосты за тостами.

Пошли дни своимъ чередомъ. Владимiръ Александровичъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько визитовъ къ сосѣдямъ; ему отплатили тѣмъ-же; успѣлъ попировать на нѣсколькихъ имянинахъ, поплясать на деревенскихъ вечеринкахъ, волочился за женщинами по обыкновенiю, лгалъ и божился, по привычкѣ, влюбилъ въ себя нѣсколькихъ деревенскихъ мечтательницъ, которымъ матушка наказывала: какими бы ни было средствами, ловить такого *интереснаго* жениха.

Харчукъ, не вспоминавшiй болѣе о тетушкѣ, которую сначала такъ нетерпѣливо хотѣлъ навѣстить, теперь то сопровождалъ прiятеля въ разъѣздахъ по околодку и разыгрывалъ въ гостяхъ роль безмолвнаго курильщика, то, оставаясь дома, училъ Домну Власьевну готовить галушки, или перестанавливалъ бутыли въ буфетѣ, пробовалъ изъ каждой, и напробовавшись такимъ образомъ, начиналъ придираться къ Карнѣичу, и колоть самолюбiе камердинера за отсутствiемъ барина, за что и получилъ отъ Поликарпа названiе *тунеяда*. Иногда, поручикъ если не попадалъ ему на глаза, Карнѣичъ, запирался въ комнатѣ и начиналъ пѣть малороссiйскiя пѣсни; тогда изъ флигеля прибѣгала вся дворня, и слушала въ коридорѣ, едва удерживаясь отъ громкаго хохота. Но всего чаще Харчукъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на стулѣ, съ полузакрытыми глазами и курилъ... О

чемъ мечталъ онъ, или не носились-ли передъ нимъ какія нибудь видѣнія въ облакахъ табачнаго дыма, рѣшить трудно.

Иванъ Степанычъ между тѣмъ находился въ сомнительномъ состояніи: каждое утро онъ являлся къ барину то съ отчетомъ въ чемъ нибудь, то за приказаніями. И Владиміръ Александровичъ иной разъ приметъ старика ласково, долго толкуетъ съ нимъ о хозяйственныхъ предметахъ, расправшиваетъ о порядкахъ, какіе велись при покойномъ отцѣ, передаетъ собственныя намѣренія, требуетъ совѣтовъ. И старикъ, успокоенный, веселый, возвращался домой, забывая свои опасенія, и даже не совсѣмъ вѣря Веденѣю. Въ другой разъ, Владиміръ Александровичъ сухо отсылалъ Степаныча, не сказавъ ему ни слова, и еще хуже, ни съ того, ни съ сего, начиналъ бранить при немъ всѣхъ вообще прикащиковъ, старостъ и управляющихъ, называя ихъ мошенниками и ворами, ни сколько не радѣющими о господской пользѣ, и только набивающими свои карманы. Словомъ сказать, взбалмошный характеръ штабсъ-капитана начиналъ выказываться во всей своей силѣ. Разумѣется, послѣ такого пріему прикащикъ вѣшалъ голову и вздыхалъ пуще прежняго.

Кондратьевна съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла племянницу съ молодцомъ, удвоила свой строгій надзоръ надъ Маряшею; и, что называется, не спускала ее съ глазъ. Хотя дѣвушка все-таки находила время, хоть на одну минуту, повидаться съ любезнымъ. Кондратьевна душевно желала поскорѣе сбыть съ рукъ племянницу, опасаясь какихъ-нибудь худыхъ послѣдствій, а потому и приставала къ свекру.

— Теперь, батюшка, и постъ проходитъ, скоро Рождество; пора бы и о Маремьянѣ подумать... Говорилъ ты барину о ея выкупѣ?

— Не говорилъ еще, отвѣчалъ старикъ, да я, право, и пристать не знаю какъ. Иной разъ Володимеръ Александрычъ такой сахарный, ну, и заговорилъ бы, или забудешь, или что помѣшаетъ!.. вотъ, думаешь,—въ другой разъ объясню его милости. Въ другой-то разъ—и бѣда!.. не подступайся... и рветъ, и мечетъ.

— На-мнясь мнѣ и-то Сончиха *встрѣлась*... скоро-ли,

баетъ, Анна Кондратьевна, мы сватьями-то будемъ?.. такъ и сказала.

— Что дѣлать будешь, судьбы своими руками не уложишь!.. буди Его святая воля. Можетъ, Егоръ и не суженый Мaремьяны; конечно, жаль такого жениха.

— Отчего не суженый... какъ прежде времени про это сказать можно; надобно у барина съ языка сорвать. Охъ, кабы Господь привелъ *желѣзы*–то мнѣ поскорѣй съ рукъ сбыть.

— Что ты, невѣстка, какія жь *желѣзы*?

— А Маряха-то! Развѣ, батюшка, дѣвка не желѣзы?

— Пустыя бабьи рѣчи: желѣзы съ рукъ сбыть! Нечто насъ объѣла дѣвка? не работница что-ль она? возразилъ съ сердцемъ старикъ, любящій внучку.

Тетка вздохнула и не отвѣчала. Она видѣла, что старикъ ее не понялъ; но объяснить ему свои опасенія, насчетъ племянницыной *прилуки*, (какъ въ деревняхъ зовутъ любящихся) Кондратьевна боялась завести ссоры въ семьѣ.

Прошли Филиповки, прошли и веселые дни Рождества. Въ Заовражьѣ начали поговаривать о свадьбахъ; а извѣстно, что крестьянскія свадьбы чаще всего въ рождественскій мясоѣдъ бываютъ, какъ во время совершенно свободное отъ сельскихъ работъ. И такъ женихи собирались у барина выпрашивать невѣстъ. Невѣсты боялись попасть за *нелюба*. А прикащикъ все думалъ заговорить о внучкѣ, и все не могъ рѣшиться.

Въ одно утро Владиміръ Александровичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и мечталъ о бѣлыхъ плечахъ одной сосѣдки, мужъ которой пригласилъ его сегодня къ обѣду.

— Совершенный капутъ задамъ этому доброму и до крайности глупому господину. Впрочемъ, онъ такъ простъ, что кажется во вѣки вѣковъ не догадается о великолѣпномъ украшеніи своей лысой головы. Что ты на это скажешь, мой милый Астафій? обратился штабсъ-капитанъ къ поручику.

— Остапъ, а не Астафій. Однако я не понялъ, о комъ ты говоришь? спросилъ въ свою очередь послѣдній.

— А ты видалъ у Сошкиныхъ на вечерѣ толстяка, въ пестромъ галстухѣ и синихъ очкахъ?

— Ну такъ что-жь?

— Объ немъ я и говорю. Это мужъ той молодой дамы, съ которою я весь вечеръ танцовалъ и которая, кажется, безъ ума отъ меня!.. говорилъ самодовольно Владиміръ Александровичъ.

— Какая-жь молодая?—старуха! возразилъ поручикъ.

— Конечно, ты вѣрно не объ ней говоришь? Этой, братецъ ты мой, всего не болѣе двадцати-пяти лѣтъ.

— Знаю, и всѣ сорокъ будетъ.

— Какая душка! какой у ней прекрасный цвѣтъ лица!

— Красится.

— Перломутовые зубки!

— Вставные.

— Роскошные каштановые волосы!

— Накладные.

— Ты, Харчукъ, наконецъ бѣсишь меня! воскликнулъ съ сердцемъ хозяинъ; злишь меня, противорѣчишь, только для того, чтобъ противорѣчить.

— Напротивъ, я убѣжденъ, что говорю правду... отвѣчалъ Харчукъ спокойно.

— Если такъ, то я докажу тебѣ, что ошибаешься. Поѣдемъ сегодня къ нимъ, и ты увидишь... сегодня постараюсь окончательно вскружить голову хорошенькой хозяйкѣ.

— Баринъ, староста пришелъ! прокричалъ въ дверь мальчишка лѣтъ двѣнадцати, взятый на время изъ крестьянскихъ дѣтей, одѣтый казачкомъ, и посаженный на безсмѣнный постъ въ переднюю.

— Пусть войдетъ, приказалъ баринъ, по обыкновенію видѣвшій старосту, какъ и прикащика, всякое утро.

— Онъ не одинъ, а съ Софрономъ.

Владиміръ Александровичъ велѣлъ и съ Софрономъ войти.

Староста Пахомъ, а за нимъ и сынъ его, оба въ праздничныхъ кафтанахъ, какъ только переступили черезъ порогъ, такъ и бухнулись въ ноги помѣщику.

— Что это значитъ, къ-чему эти поклоны, Пахомъ? воскликнулъ Владиміръ Александровичъ, вставая. Вѣрно, что нибудь сдѣлалось?

— Ничего поколь не случилось, судырь Володимеръ Александрычъ, отвѣчалъ вставая Пахомъ. А пришли мы къ вашей милости съ просьбою... надумалъ я нонче своего парнишку женить. Софронко, прибавилъ онъ, обращаясь къ сыну, кланяйся, дуракъ, барину.

Софронко опять бултыхнулся въ землю.

— Что жъ? дѣло хорошее, крестьянину женидьба необходима, замѣтилъ баринъ разсудительно.

— Точно такъ, батюшка нашъ. Мы вотъ и осмѣлились вашу милость побезпокоить: пришла ишь намъ *по ндраву* прикащикова внучка. Такъ ужъ не оставьте, Володимеръ Александрычъ, прикажите все дѣло покончить, какъ слѣдуетъ... продолжалъ староста.

— Кончайте съ Богомъ, коль никакихъ препятствій нѣтъ. Я очень радъ.

— Эхъ, судырь, коли особеннаго приказу не дадите *вы*, такъ никакого и толку не будетъ, проговорилъ Пахомъ, почесывая въ затылкѣ.

— Отчего-же нуженъ непремѣнно мой приказъ? развѣ сами собою вы не могли поладить? спросилъ помѣщикъ.

— То-то и есть, судырь, что не могли.

— Значитъ, женихъ невѣстѣ не нравится? сказалъ Владиміръ Александровичъ, пристально оглядывая Софрона.

— У насъ, Володимеръ Александрычъ, этого не водится, чтобъ дѣвки разбирали, а за кого родители благословляютъ, за того и поди, а тутъ, значитъ, отъ старшихъ заковычка: Иванъ Степанычъ извѣстно какой человѣкъ: упрямится безъ всякой причины, да и все тутъ.

— Ну и не нужно, когда не хочетъ. Развѣ только и невѣстъ въ вотчинѣ? Берите другую.

— Что-жь дѣлать, ишь дураку-то моему Маряшка приглянулась. Софронка, кланяйся ихъ милости!

Софронка опять поклонился въ ноги.

Но Пахомъ, говоря это, вовсе не думалъ объ исполненіи желанія сына, которому все-таки Маряша нравилась. Старостѣ только хотѣлось поставить на своемъ, отнять у прикащика внучку, вопреки желанію старика, или погубить его самого.

— Значитъ, у Степаныча хорошенькая внучка? спросилъ баринъ.

— Такъ себѣ, какъ есть дѣвка! отвѣчалъ Пахомъ уклончиво, смотря однимъ глазомъ на барскіе сапоги, а другимъ куда-то подъ столъ, да и Софронка мой никакого порока не имѣетъ. А что касается до прикащика, такъ только одна гордость дѣйствуетъ. У насъ тоже, слава те Господи, всякое заведеніе есть; неча Бога гнѣвить: и парнишка одинъ весь тутъ; придетъ—сама большуха въ домѣ будетъ.

— Принуждать я никого не хочу, а уладить постараюсь: Степаныча уговорю, если препятствій никакихъ нѣтъ. Болѣе ничего не имѣешь сказать по деревнѣ? спросилъ баринъ.

— Поколя, судырь, особеннаго ничего нѣтъ, отвѣчалъ староста, кланяясь и пятясь къ дверямъ.—Такъ ужъ не оставьте нашей просьбы. Онъ толкнулъ было подъ бокъ сына, чтобъ тотъ еще бухнулся въ ноги, но Владиміръ Александровичъ величаво махнулъ рукою и староста вмѣстѣ съ сыномъ исчезли за дверями.

— Ну вотъ, Харчукъ, и интересъ предстоитъ женить своего крестьянина, обратился штабсъ-капитанъ къ поручику.

— Да, драма начинается, проговорилъ послѣдній, доселѣ молчавшій.

— Ужъ и драма. Развѣ деревенская комедія, что-то въ родѣ «Филатки и Мирошки».

— Только чтобъ не кончилась трагедіей.

— Э, куда пошелъ! Ты, Астафій, сегодня вовсе не въ духѣ, замѣтилъ смѣясь хозяинъ.

— Остапъ! молвилъ поручикъ, и сталъ продувать чубукъ.

— Съ позволенія сказать, бѣдовый этотъ Иванъ Степанычъ! заговорилъ вдругъ Поликарпъ, незамѣтно вошедшій въ другую дверь, и слышавшій весь разговоръ барина со старостою.

— А тебѣ досадно, что старикъ отказалъ твоему племяннику? сказалъ смѣясь Владиміръ Александровичъ, ишь самолюбіе страдаетъ!

— Какое, сударь, самолюбіе, не дай Богъ знать его во вѣки. Самолюбіе и сребролюбіе смертные грѣхи-съ. А правду сказать, нетолько и свѣта въ окошкѣ, что прикащикова

внучка: вотчина дѣвками не бѣдна, найдется и моему племяннику невѣста, может еще и почище. Да ишь, онъ-то, дуракъ, къ эвтой съ дуру присталъ. Понимаемъ мы, почему Степанычъ артачится: авось, на волю откупится, такъ не за нашего брата, за купца внучку отдастъ!

Камердинеръ ловко мѣтилъ и зналъ куда попадетъ. Владиміръ Александровичъ сидѣлъ и только крутилъ усы; теперь онъ всталъ, началъ быстро ходить по комнатѣ и ерошить волосы. Это означало, что онъ начиналъ *гнѣваться.*

— Неужели въ самомъ дѣлѣ это правда, что Степанычъ думаетъ о выкупѣ? спросилъ онъ, остановясь передъ камердинеромъ и смотря на него вопросительно.

— Помилуйте, сударь! Да тутъ мнѣ о томъ всѣ уши прожужжали, развѣ только до однихъ васъ эфтотъ слухъ не коснулся-съ, отвѣчалъ послѣдній увѣрительно, чистосердечно смотря барину въ глаза.

— Значитъ, онъ таки денегъ накопилъ?

— Гмъ! Я думаю, сударь, взаймы ни у кого просить не будетъ-съ. Конечно, мое дѣло сторона, Богъ съ нимъ, только я бы вамъ, сударь, совѣтовалъ, при выкупѣ поприжать стараго *сквалыгу*: не смотрите-съ на то, что онъ бѣдняется: около вашего папеньки можно было руки нагрѣть, только стоило совѣсть забыть. Дорого онъ вамъ дастъ, ей-Богу дорого: семья большая, самъ съ тремя сыновьями, не считая бабъ и мелочи. А вамъ-то что, нисколько, сударь, не грѣшно-съ: денежки все ваша-же собственность.

Харчукъ быстро повернулся на стулѣ, словно что его укусило; но онъ промолчалъ, только громко плюнулъ въ сторону.

— Баринъ! прикащикъ пришелъ! прокричалъ въ дверяхъ вышеупомянутый казачокъ.

VIII.

Прикащикъ вошелъ, поклонился и сталъ у порога. Баринъ не переставалъ ходить взадъ и впередъ. Камердинеръ

вышелъ въ сосѣднюю комнату и ставши у дверей, сталъ подслушивать, стараясь не проронить ни слова.

— Что новаго? спросилъ Владиміръ Александровичъ, не глядя на Степаныча.

— Ничего, сударь, покуда только сегодня я съ Худаковскими порѣшилъ насчетъ Ананьевской пустоши, отвѣчалъ Иванъ Степанычъ.

— За что отдалъ?

— За сто рублей, Владиміръ Александрычъ.

— Тьфу, ты чортъ! крикнулъ Владиміръ Александровичъ,—да это дешевлѣ пареной рѣпы. Ужъ лучше было своимъ мужикамъ отдать, или самимъ запашку сдѣлать, а то пошло чортъ знаетъ кому, и за что? Такъ-то вы всегда стараетесь о господской пользѣ; если не видите собственной выгоды въ дѣлѣ, то и пропадай оно прахомъ! Впрочемъ, и то сказать: развѣ вы имѣете понятіе о совѣсти, о долгѣ? и пошелъ, и пошелъ разсерженный баринъ.

Прикащикъ стоялъ, понуривъ голову и ждалъ, когда его выслушаютъ, или выгонятъ. Наконецъ Владиміръ Александровичъ уходился. Степанычъ поднялъ готову и началъ говорить тихо, но твердо.

— У насъ, сударь, еще третьяго дня разговоръ объ эфтомъ дѣлѣ былъ, и я докладывалъ вашей милости, что Худаковцы за пустошь мало даютъ. Но вы приказали порѣшиться съ ними за сто рублей.

— Я въ такомъ случаѣ приказалъ, если больше не дадутъ, сказалъ уже гораздо легче помѣщикъ, садясь снова въ кресло. А я увѣренъ, что Худаковцы дали бы и больше: пустошь имъ подъ линію.

— Воля ваша, сударь, а больше не давали. Впрочемъ, коль не угодно вашей милости, то я имъ такъ и скажу: условіе не написано еще, можно отказать.

— Ну, дѣлать нечего, пусть будетъ такъ! молвилъ баринъ, нѣсколько помолчавъ. А ко мнѣ староста приходилъ, проситъ для сына невѣсты.

— Такъ сударь! протянулъ старикъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Итакъ ты думаешь, кого онъ проситъ? продолжалъ

уже совершенно ласково Владиміръ Александровичъ, проситъ онъ твою внучку!

— Я такъ и думалъ, прошепталъ прикащикъ и отеръ рукавомъ выступившій на лбу потъ.

— Отчего это вы съ Пахомомъ безъ меня сами-собой не поладили? а?

— Что отвѣчать мнѣ вашей милости на эвто! коль сказать по истинной правдѣ, такъ не лежитъ мое сердце къ Пахомовой семьѣ, вотъ и все тутъ.

— Однако, должна-же быть тому какая нибудь причина?

— Причина, сударь, та, что Софронко, съ позволенія сказать, самый пустяшный парнишка, ни къ *чему*!

— Ты такъ разсуждаешь, а можетъ невѣстѣ нравится? замѣтилъ баринъ, смѣясь.

— Кто? Софронко моей Маремьянѣ нравится? прикащикъ ухмыльнулся,—полноте, сударь; да для нея нѣтъ пуще той обиды, какъ кто Софрона ея женихомъ назоветъ.

— Ого! Вѣроятно, твоя внучка хорошенькая, что такъ жениховъ бракуетъ? Впрочемъ, я въ такихъ случаяхъ никого не хочу принуждать. Жаль, что дѣло расходится, а мнѣ было хотѣлось быть сватомъ.

— Покорнѣйше благодаримъ, сударь, на добромъ словѣ; однако, ужъ будьте отцомъ роднымъ, увольте насъ отъ Софрона, сказалъ съ поклономъ старикъ.

— Э! какъ ему не хочется! воскликнулъ, захохотавъ, Владиміръ Александровичъ; скажи же мнѣ, Степанычъ, за кого ты прочишь свою внучку?

— Позвольте, Володимеръ Александрычъ, объяснить вамъ мою нижайшую просьбу, заговорилъ дрожащимъ голосомъ Иванъ Степанычъ, и сдѣлавъ шагъ впередъ, повалился барину въ ноги: желаю я, сударь, мою сироту отъ вашей милости на волю выкупить, а тамъ куда ее Богъ поведетъ, буди его святая воля!

Владиміръ Александровичъ нахмурилъ брови и всталъ съ креселъ.

— Встань, старикъ, не люблю я этихъ поклоновъ.

— Назначьте, сударь, за дѣвку, что слѣдуетъ, чтобъ и

намъ сподручно и вамъ безобидно было, продолжалъ прикащикъ, поднимаясь съ пола.

— Я слышалъ, что ты и самъ со всей семьей выкупиться хочешь? спросилъ неожиданно баринъ.

При этомъ вопросѣ у прикащика ёкнуло сердце; онъ увидѣлъ, что наступаетъ рѣшительная минута, о которой онъ такъ давно и такъ много думалъ; голова его закружилась, кровь прихлынула къ сердцу. Степанычъ едва могъ говорить отъ внутренняго волненія.

— Желалъ бы я, сударь, произнесъ онъ, только суммы моей на то не хватитъ, семья у меня не малая, надобно, чтобы и вашей милости безобидно было.

— Ахъ, какая добросовѣстность! воскликнулъ насмѣшливо баринъ. Слышишь, Харчукъ?

Харчукъ что-то промычалъ.

— Ужъ если на то ваше соизволеніе будетъ, сударь, продолжалъ старикъ, боясь упустить удобную минуту и не замѣчая, что господинъ стоялъ передъ нимъ красный, какъ ракъ, и начиналъ уже ерошить волосы, то попрошу у добрыхъ людей, авось, ссудятъ, сколько ваша милость объявить изволите.

— На кого же ты въ такомъ случаѣ надѣешься? спросилъ баринъ, стараясь сдержать себя.

— Во-первыхъ, на Бога, во-вторыхъ, есть у меня знакомый въ городѣ Иванъ Андреичъ Чернухинъ. Еще давно, у вашего покойнаго тятеньки писаремъ былъ, не изволите ли, сударь, припомнить?

Владиміръ Александровичъ нетерпѣливо кивнулъ головою, и что-то проворчалъ, чего прикащикъ не разслышалъ и продолжалъ разглагольствовать, не предвидя близкой бури:

— Я увѣренъ, что Иванъ Андреичъ не откажетъ, у него деньжонки есть; дѣтки мои ему заплатятъ. А за васъ, отецъ родной, будемъ вѣчно Бога молить.

— Для чего-же занимать деньги, когда можно безъ того обойтись? замѣтилъ Владиміръ Александровичъ, принимаясь быстро ходить по комнатѣ.

— Безъ того, сударь, нельзя...—отвѣчалъ прикащикъ: по совѣсти вамъ доложить, какъ передъ Богомъ, я своими сред-

ствами обернуться не могу. Хорошо еще, если ваша милость взносъ разсрочить изволите, а если вдругъ...

— Ахъ ты, старый мошенникъ, еще и имя Бога призываешь! вскричалъ уже совершенно вышедшій изъ себя помѣщикъ; скрестивъ руки на груди, онъ грозно всталъ передъ прикащикомъ и, казалось, однимъ взглядомъ готовъ былъ обратить старика въ ничтожество. Неужели ты думаешь такъ же обмануть и меня, какъ моего отца обманывалъ? продолжалъ онъ, — не обманешь, голубчикъ, я всю твою подноготную знаю. Ишь, ты своими средствами обернуться не можешь!.. Мало ты наворовалъ у моего отца, то есть, у меня! У меня! потому что я его единственный наслѣдникъ! Владиміръ Александровичъ постепенно все болѣе и болѣе возвышалъ голосъ и тыкалъ себя въ грудь указательнымъ пальцемъ.

Несмотря на то, что Иванъ Степанычъ давно предвидѣлъ подобную минуту, теперь дрожалъ, какъ осиновый листъ, не смѣя поднять глазъ.

— Прошли тѣ времена, когда было можно красть безнаказанно; напрасно лицемѣришь и самъ себя обманываешь; я насквозь тебя вижу. И еслибъ только захотѣлъ сдѣлать обыскъ въ твоемъ гнѣздѣ, нашелъ бы тысячи, клянусь честью.

— Какая дешевая честь! проговорилъ Харчукъ, продувая чубукъ.

— Помилуйте... су...дарь, выслушайте, проговорилъ прикащикъ прерывающимся голосомъ, стараясь прійти въ себя; это все злые люди, врагъ-діаволъ.

Но взбѣшенный баринъ и не думалъ слушать его оправданій.

— Даю мою голову въ закладъ, если у стараго плута не найду тысячей, кричалъ онъ.

— И голова тоже не дорога, прибавилъ поручикъ, накладывая спокойно трубку изъ висѣвшаго у него на пуговицѣ виц-мундира кожанаго кисета.

Хозяинъ сердито взглянулъ на гостя и опять принялся быстро ходить.

— Помилосердуйте, отецъ родной! заговорилъ было Иванъ Степанычъ.

— Вонъ! крикнулъ баринъ лаконически и прибавилъ:

— Эй, Андрюшка!

Казачокъ и прикащикъ столкнулись въ дверяхъ. Первый спѣшилъ на зовъ барина, второй старался поскорѣй уйти.

— Скажи Веденею, чтобъ закладывалъ лошадей въ парныя сани, приказалъ Владиміръ Александровичъ казачку; послѣдній мгновенно исчезъ.

— Завидую, братъ, я твоему невозмутимому спокойствію, Остапъ, произнесъ хозяинъ, садясь противъ поручика.

— На-силу-то назвалъ меня настоящимъ именемъ,—сказалъ послѣдній; однако возмущаешь мое спокойствіе своимъ крикомъ.

— Но скажи пожалуйста, воскликнулъ штабсъ-капитанъ, какъ-бы ты, напримѣръ, бывши на моемъ мѣстѣ, поступилъ съ этимъ старымъ мошенникомъ?

— Какъ-бы я поступилъ?.. во-первыхъ...—началъ не торопясь поручикъ,—во-первыхъ наговоры твоего плута-камердинера... (а ты дѣйствуешь вслѣдствіе ихъ) на меня не произвели бы никакого впечатлѣнія... Но еслибы какой случай, паче чаянія, открылъ мнѣ глаза, я изслѣдовалъ-бы дѣло безъ шуму и крику, который, сказать мимоходомъ, вредитъ только твоимъ собственнымъ лёгкимъ.

— О, достоуважаемая флегма, удивляюсь тебѣ!..—проговорилъ уже смѣясь Владиміръ Александровичъ, и началъ сбираться на обѣдъ къ сосѣдкѣ.

Между тѣмъ Поликарпъ, слыша за дверью разговоръ барина съ прикащикомъ, самодовольно улыбался. Но при словахъ поручика сдѣлалъ гримасу, назвалъ послѣдняго, по обыкновенію *тунеядомъ*, отправился въ свою комнату, гдѣ дожидались его братъ и племянникъ.

— Ну, что ты намъ скажешь, братецъ родимый?.. Прикащикъ *стрѣлся* съ нами, къ барину шелъ... Не говорилъ-ли что ему баринъ насчетъ насъ? спросилъ нетерпѣливо Пахомъ.

— Какъ не говорить, много говорилъ, отвѣчалъ таинственно камердинеръ,—сначала старую крысу пощипалъ, по-

томъ по головѣ погладилъ, а тутъ опять честному старичку всѣ грѣхи его словно на ладошкѣ показалъ, да обыскомъ постращалъ... такъ что Ивану Степанычу, я думаю, давно такъ жарко не было... Ну, да это у насъ нипочемъ... Извѣстенъ вамъ желѣзный пѣтухъ, что надъ колодцемъ вертится? куда вѣтеръ подуетъ, туда и онъ поворотится, — точь-въ-точь нашъ Володимеръ Александрычъ. Однако мы вѣтеръ заставили дуть въ нашу сторону... Поликарпъ прокашлялся, поднялъ важно голову и съ достоинствомъ смотрѣлъ на своихъ родственниковъ.

— Такъ, стало быть, баринъ ничего не говорилъ прикащику про Марему ян у?—спросилъ Софронъ, уставя вопросительно глаза на дядю.

— Это дѣло рѣшено, хотя и несовершенно, — началъ опять важно камердинеръ,—можешь смѣло звать ее невѣстой, а много что черезъ недѣлю — и женой пожалуй назовешь, только нужно вотъ что сдѣлать...

— Родимый дядюшка, научи! на тебя только и надѣюсь, проговорилъ, ухмыляясь, племянникъ,—все готовъ сдѣлать.

— Наставь, братецъ, насъ дураковъ на умъ, на разумъ, подговорилъ Пахомъ, глядя однимъ глазомъ на брата, а другимъ на дверь.

— Завтра, поутру, ступайте опять къ барину, — началъ наставнически Поликарпъ:—поклоновъ не жалѣть... надобно ковать желѣзо, пока горячо; пока сердитъ нашъ крикунъ на прикащика, то скорѣй и записку къ священнику дастъ насчетъ вѣнчанья... А тамъ, день, другой, опять *размякнетъ* и прикащикъ снова въ милость войдетъ; а все этотъ проклятый *тунеядъ* подбиваетъ. Дорого бы я далъ, чтобъ выжить этого усатаго таракана.

— Я думаю, дядюшка, старикъ опять упрется? подалъ свое мнѣніе Софронъ.

— Молчи и дѣлай что велятъ; старшіе, значитъ, больше твоего знаютъ... почти крикнулъ Поликарпъ.

— Все сдѣлаемъ такъ, какъ укажешь... только бы старому козлу роги сломать,—проговорилъ въ полголоса староста.

— Ну, будемъ умны,—на Степанычевомъ стулѣ сидѣть

станемъ; будемъ глупы — пѣняй на себя!.. произнесъ многозначительно камердинеръ и раздумался, выставивъ губу впередъ.

Родственники разстались.

— Ой, ой, какой важный дядя-то Поликарпъ, — словно самъ баринъ, разсуждалъ Софронъ, сходя съ отцомъ съ господскаго двора.

Раздумывая о послѣднихъ словахъ брата, Пахомъ ничего не сказалъ на слова сына.

— Ужъ не даромъ же дядя говоритъ, что черезъ недѣлю Маремьяна моей женой будетъ. Онъ, вѣрно, о томъ отъ барина слышалъ... Вѣрно такъ, батюшка?..

— Ну да!.. произнесъ лаконически отецъ, не слушая Софрона.

— А что, батюшка, и вправду прикащика баринъ обыскать прикажетъ?

— А какъ-же!—проговорилъ невпопадъ староста, совершенно занятый своею думою.

— Это худо!.. продолжалъ разсуждать сынъ; прикащикъ, чай, николи и не ожидалъ такого случая!.. Ну, ничего, *ништо* имъ, больно спесивы... Но потомъ мысль Софрона перешла на Маремьяну, на бракъ съ нею, въ скорости котораго онъ не сомнѣвался; ободренный и обнадеженный обѣщаніемъ дяди и словами отца, онъ шелъ все тише и тише, самодовольно поглядывая по сторонамъ и насвистывая пѣсню,—отсталъ совсѣмъ отъ отца.

Переходя рѣчку, Софронъ увидѣлъ, что на проруби Демьянъ (холостой сынъ прикащика, только-что воротившійся прошлой ночью) поилъ лошадей. У Софрона явилось непреодолимое желаніе похвастаться и подразнить Демьяна скорою женитьбой на Маремьянѣ, зная притомъ очень хорошо, что такое извѣстіе не будетъ пріятно для всей прикащиковой семьи.

Софронъ подошелъ къ Демьяну.

— Здорово, Демьянъ!

— Здорово, Софронъ! отвѣтилъ послѣдній сухо.

— Ты нонче, Демьяха, почитай, всю зиму въ работѣ, а у насъ такое тутъ веселье.

— Чтожь, веселитесь на здоровье... наше отъ насъ не уйдетъ, мы успѣемъ наверстать.

Оба замолчали.

Софронъ зѣвалъ по сторонамъ и не зналъ, какъ бы лучше начать.

— У насъ, Демьянъ, въ селѣ свадьбы начинаются... сказалъ, помолчавъ, сынъ старосты.

— Чьи?

— Чьи... да вотъ и меня отецъ хочетъ женить!..

— Счастливо. Демьянъ началъ приговаривать лошадей, понуждая ихъ пить.

— Женюсь, женюсь, братецъ мой, на самой, само-лучшей дѣвкѣ.

Демьянъ насмѣшливымъ взглядомъ окинулъ Софрона.

— Да ты волкомъ-то не гляди... ссориться-то намъ межь собою топеречка стыдно, скоро родня будемъ... Софронъ оскалилъ зубы и хлопнулъ Демьяна по плечу; завтра къ Маремьянѣ Петровнѣ сватовъ зашлю...

— Чтожь? развѣ первый разъ: сваты придутъ и уйдутъ. Съ чего ты взялъ, что Маремьяна за тебя пойдетъ?..

— Не пойдетъ, такъ повезутъ, аль поведутъ... Воля, братецъ мой, барская!.. баялъ я вамъ, что будетъ на нашей улицѣ праздникъ, такъ и вышло... Скажика лучше отцу, чтобъ пиво становилъ, а Маряха дружкамъ полотенцы готовила.

Демьянъ уставилъ глаза на хвастуна.

— Послушай, Софронъ, сказалъ онъ, если то, что ты говоришь, правда, то ты лучше сейчасъ же и убирайся, покуда, вонъ, въ проруби не очутился. Если, сохрани Богъ, баринъ прикажетъ силою Маремьяну за тебя отдать, то такъ съ животомъ и прощайся,—безъ рукъ, безъ ногъ будешь, во вѣки вѣковъ, и о женитьбѣ не вздумаешь.

— Ишь, грозить вздумалъ!.. плевать я хочу на твои угрозы; а Маряшка будетъ все-таки моя, не ушла отъ меня... поддразнивалъ Софронъ, пятясь подальше. Демьянъ сѣлъ на одну изъ лошадей, погрозилъ жениху кулакомъ и поѣхалъ въ гору.

Но воротимся къ самому Ивану Степанычу. Блѣдный,

почти зеленый, воротился онъ съ госпоскаго двора; не встрѣтивъ никого изъ семьи, онъ пришелъ въ старую избу; не отвѣтивъ на окликъ Марины, послышавшійся изъ-за печки, прикащикъ сѣлъ къ столу, облокотился, положилъ голову на руки и громко вздыхалъ. Для него наступилъ тотъ день, котораго онъ такъ боялся. Просидѣвъ около полу-часа, старикъ началъ собираться съ мыслями; съ каждою минутою, голова его свѣтлѣла, сердце билось спокойнѣе. Онъ приходилъ въ состояніе обдумать свое непріятное положеніе.

— Здоровъ-ли ты, батюшка? спросила Марина, слыша его вздохи.

Прикащикъ не отвѣчалъ.

— Знать, какимъ нибудь я тяжкимъ грѣхомъ прогнѣвалъ Господа Бога, что вдругъ такая невзгода валится на мою голову! прошепталъ онъ, поглядывая тоскливо на сундучокъ, край котораго виднѣлся изъ-подъ постели, и придумывая, наскоро, куда бы его спрятать. Черезъ минуту Иванъ Степанычъ всталъ, осторожно заперъ дверь, досталъ изъ поставца горшокъ, выдвинулъ изъ-подъ постели сундучокъ, отперъ его висѣвшимъ на поясѣ ключомъ и сталъ оттуда вынимать какіе-то свертки въ сѣрой бумагѣ, то перевязанные нитками, то запечатанные сургучомъ. Не развертывая, онъ принялся укладывать ихъ въ приготовленный горшокъ.

Марина, облокотясь на своей постели, смотрѣла что̀ дѣлаетъ отецъ; дивилась, и не смѣла спросить. Потомъ старикъ открылъ западню, находящуюся въ полу, и опустился въ низкое подполье, которое лѣтомъ служило складочнымъ мѣстомъ всякаго хламу, а зимою курятникомъ. Куры, спугнутыя съ насѣсти хозяиномъ, закудахтали и полетѣли. Иванъ Степанычъ отыскалъ въ углу заступъ, отворотилъ съ мѣста большую опрокинутую кадку, выкопалъ въ землѣ ямку, зарылъ въ нее горшокъ, плотно утоптавъ сверху землю. И опять поставивъ кадку на прежнее мѣсто, вылѣзъ изъ подполья.

— Да будетъ воля Божія!.. произнесъ онъ, закрывая западню. Задвинулъ въ уголъ опорожненный сундучокъ, и отперевши дверь, сѣлъ на лавку.

Вскорѣ вошла Кондратьевна въ Маремьяною; первая принесла пирогъ хворой Маринѣ, вторая достала съ полки работу и сѣла подъ окно строчить полотенце своему суженому,—какъ она звала въ душѣ Егора.

— Ну, громъ-то грянулъ!.. сказалъ старикъ. Веденѣй правду писалъ и говорилъ... у меня много вороговъ...

— Какой громъ, батюшка?—спросила испуганнымъ голосомъ Кондратьевна.

Иванъ Степанычъ пересказалъ всѣ слова и угрозы, слышанныя имъ отъ барина, прерывая свой разсказъ вздохами.

— А что, если и въ самомъ дѣлѣ будутъ насъ обыскивать?.. сказала Кондратьевна, заглянувъ подъ постель старика, догадываясь, что въ вышеупомянутомъ сундучкѣ непремѣнно у свекра хранятся деньги. Я чаю, что злодѣи барину насказали, что мы и Богъ знаетъ какіе тысячники!

— Пусть ихъ ищутъ... отвѣчалъ спокойно старикъ, а меня вотъ-что мучитъ: безчестье, да Маремьянина участь... Хотѣлъ-было дѣвку выкупить, да видно Богу не угодно!..

Маремьяна видѣла въ словахъ дѣда вѣрную разлуку съ Егоромъ и громко зарыдала. На нее глядя, заплакала и тетка.

Въ это время вошелъ Демьянъ; посидѣлъ минуты двѣ на лавкѣ, почесалъ въ затылкѣ и сталъ разсказывать, что видѣлъ на рѣкѣ Софрона и что́ слышалъ отъ него.

— Баринъ мнѣ говорилъ, что староста просилъ у него для сына Маремьяны, сказалъ на это Иванъ Степанычъ; но какъ я согласія не объявилъ, то онъ мнѣ своими устами сказалъ, что принужденія отъ него не будетъ... Развѣ, разгнѣвавшись на меня, такой приказъ далъ?

— Пусть мое тѣло на мелкіе кусочки разорвутъ, а ужъ живая въ руки Софронку не дамся!.. вопила Маремьяна, всхлипывая.

На этотъ разговоръ вошла Антипьевна и объявила съ испуганнымъ видомъ, что, бывши у Ануфріевыхъ, она слышала, что тамъ баютъ, будто-бы староста выпросилъ у барина за Софрона Маремьяну. Слыша это, женщины подняли плачъ еще пуще; къ нимъ присоединилась и Антипьевна. Напрасно уговаривалъ ихъ старикъ, обѣщая сходить на

господскій дворъ, и сейчасъ же тамъ все узнать; Маремьяна съ тетками не переставали плакать. И вскорѣ прикащикъ самъ почувствовалъ, что слезы застилаютъ ему зрѣніе.

Дверь съ шумомъ распахнулась, и Антонида, съ громкимъ причитаньемъ, вбѣжала въ избу. Увидѣвъ Маряшу, она бросилась къ ней на шею и заголосила:

«Свѣтъ ты мой, Маремьянушка!
«Не родители тебя замужъ благословляютъ,
«Не братцы съ сестрицами къ вѣнцу собираютъ,
«Собираетъ тебя судьба-неволя,
«Благословляетъ господское приказанье...»

Маремьяна, обливаясь слезами и обнимая сосѣдку, отвѣчала еще голосистѣе:

«Ахъ подруженька, ты моя голубка!
«Ужъ ты вырви изъ груди мое ретивое!
«Изруби мое тѣло въ мелкіе кусья!
«Разбросай кусья по чистому полю,
«Что голоднымъ волкамъ, да медвѣдямъ!
«Чтобъ живая я *нелюбу* не досталась!..»

Смотря на дѣвокъ, Кондратьевна и Антипьевна также принялись голосить.

— Съ ума спятили: *ни коня ни возу*, а вы словно по покойникѣ воете,—молвилъ прикащикъ, украдкою утирая слезы. Отъ кого же ты узнала о нашемъ горѣ? спросилъ онъ Антохи.

— Мать въ избу къ старостѣ ходила, тамъ, баетъ, Софронъ такъ козыремъ и ходитъ, разсказываетъ, что Маряху у барина въ невѣсты выпросилъ... баетъ, скоро и повѣнчаютъ. Завтра, слышь, ладятъ на свадьбу и брагу варить. Я, какъ услышала это отъ матери, такъ и ахнула, да сюда къ вамъ и побѣжала... И Антонида опять заголосила.

Трудно сказать, изъ жалости ли къ Маремьянѣ, причитала Антоха, или только ей хотѣлось при случаѣ выказать свое умѣнье причитать.

— А мать твоя видѣла самого Пахома, онъ что говоритъ?—спросилъ опять Иванъ Степанычъ.

— Нѣтъ, самого-то старосты она не видала..

И такъ, всю эту тревогу въ семьѣ прикащика произвело только глупое хвастовство Софрона, который всякому встрѣчному и поперечному объявлялъ самодовольно о своей скорой женитьбѣ на Маряшѣ.

— И если все это правда, молвилъ молчавшій доселѣ Демьянъ, то ужъ Софронъ не пеняй! Дорога ему Маряха достанется... до новыхъ вѣниковъ, сердечный, не подумаетъ о женитьбѣ!..

— Дуракъ!.. не говори глупыхъ рѣчей... на то есть господская воля...—прервалъ строго отецъ.

— Эхъ-ма!.. вонъ оно што, воля-то господская!—проговорилъ, почесывая въ затылкѣ, Демьянъ, и вышелъ изъ избы.

Промчавшіяся мимо прикащиковой избы господскія лошади обратили вниманіе всѣхъ, бывшихъ въ избѣ. Тройкою правилъ Веденѣй. Въ саняхъ, на узорчатомъ коврѣ, закутавшись въ теплыя шинели, развалились Владиміръ Александрычъ и Харчукъ.

Видя, что баринъ уѣхалъ со двора, Иванъ Степанычъ рѣшился сходить на господскій дворъ и спросить у Домны Власьевны, не знаетъ ли она чего насчетъ замужства Маремьяны.

Ключница, знавшая уже, что утромъ баринъ намылилъ прикащику голову, приняла старика съ радушнымъ участіемъ, усадила за самоваръ и начала бранить барина, который слушаетъ чортъ знаетъ кого и только вздоромъ занимается.

— Эхъ, Иванъ Степанычъ, что они, эти молодые люди! гдѣ имъ противъ стариковъ!.. Вонъ, какъ былъ папенька-то его, царство ему небесное!.. — Власьевна перекрестилась и продолжала:—Вотъ былъ отецъ-то, о всѣхъ заботился! до всего своимъ умомъ доходилъ... А Владимеръ Александрычъ что? вѣтерочикъ! больше ничего... Вотъ и сегодня уѣхалъ къ этой волокитѣ Аннѣ Антоновнѣ... (Волокитою Власьевна называла хорошенькую сосѣдку, о которой мечталъ штабсъ-капитанъ). Ни сегодня, ни завтра, говоритъ, Власьевна не

готовъ обѣда... значитъ, двое сутки прогоститъ тамъ... Дуракъ, право, мужъ-та, привѣчаетъ этакихъ вѣтрогоновъ...

О томъ, что баринъ обѣщалъ Софрону Маремьяну, ключница не знала, и увѣрила прикащика, что еслибъ это было такъ, то ей уже было бы извѣстно. Слова эти немного успокоили старика.

— О другомъ, Иванъ Степанычъ, такъ ужъ навѣрное знаю, примолвила Домна Власьевна и, наклонясь къ самому уху прикащика, начала ему тихо шептать, хотя въ свѣтелкѣ кромѣ ихъ никого не было.

Старикъ, слушая, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, и утиралъ рукавомъ потъ съ лица. Потомъ прокашлялся и сказалъ:

— Напрасно они такъ думаютъ, Домна Власьевна... пусть ищутъ! Богъ съ ними... Чужаго у меня ничего нѣтъ... Есть своихъ трудовыхъ рубликовъ пятьсотъ; неужели баринъ на нихъ бросится?.. Всѣмъ извѣстно: не сложа руки мы сидѣли... слава Богу, три сына добычника...

— Я ничего не знаю, Иванъ Степанычъ; изъ одной жалости къ твоей доброй душѣ говорю... Развѣ эти люди резоновъ твоихъ послушаютъ? али оправданія примутъ? А помоему такъ не мѣшало бы и трудовыя-то припрятать на случай въ хорошее мѣсто... Вонъ, хоть-бы у меня сундуки крѣпкіе и руки вѣрныя... да на меня и подозрѣніе не падетъ... Готова, мой родной, по старой дружбѣ услужить... Мы люди подневольные, должны помогать другъ-другу. Время всякое бываетъ, — заключила Домна Власьевна со вздохомъ.

Прикащикъ поблагодарилъ ключницу за участіе.

— Можетъ, ты огласки боишься, — начала она опять, помолчавъ, — такъ ничего не думай объ эфтомъ, старичокъ; разрази меня громъ, коли я кому чужую тайность выдамъ... Мужу своему не скажу...

Предложеніе ключницы заставило прикащика вспомнить совѣты Ивана Андреича Чернухина. Онъ на минуту задумался и началъ прощаться съ Домной Власьевной.

— Прощай, Иванъ Степанычъ, да не тоскуй!.. Эхъ, перемелется, — все мука будетъ... Только знаешь, своя осторожность ни въ чемъ не помѣшаетъ. Отъ души я тебя жа-

лѣю, словно роднаго... Вонъ староста Пахомъ, и кумъ, да что,—Богъ съ нимъ... а Поликарпъ-то, по покойной своей женѣ, зять двоюродный мнѣ; да что въ немъ, хитрый человѣкъ, грубый... Не люблю такихъ; мы люди простые... Прощай, Иванъ Степанычъ!.. проговорила медоточивымъ голосомъ Домна Власьевна.

— Хитрая, хитрая баба!..—шепталъ прикащикъ, идя домой: ишь съ чѣмъ подъѣхала!..

Остатокъ дня старикъ провелъ въ какомъ-то раздумьѣ. Выславъ Маряшу изъ старой избы, онъ заперъ дверь и нѣсколько разъ спускался въ подполье. Потомъ опять возвращался, что-то шепталъ, вздыхалъ, ложился на постель и опять вставалъ. Марина съ изумленіемъ глядѣла на отца. Господи, ужь не рехнулся ли онъ? думала бѣдная больная, и не утерпѣла, чтобъ не заговорить:

— Батюшка, что это тебѣ словно не по себѣ?..

— Молчи! отвѣтилъ старикъ, и на этотъ разъ, опустившись опять въ подполье, вышелъ оттуда уже съ завѣтнымъ горшкомъ, который опять выкопалъ, и отправился съ нимъ въ амбаръ. Воротясь, Иванъ Степанычъ дождался сумерекъ и приказалъ Демьяну какъ можно скорѣе закладывать въ повозку болѣе выстоявшуюся тройку Петра (который въ тотъ день былъ на мельницѣ). Когда все было готово, прикащикъ положилъ въ повозку приготовленные въ амбарѣ два мѣшка съ житомъ, велѣлъ Кондратьевнѣ поставить кадушку съ коровьимъ масломъ, самъ поспѣшно одѣлся, и садясь въ повозку, наказалъ удивленной невѣсткѣ говорить про него всѣмъ, кто спроситъ, что ушелъ на господскій дворъ, а если, паче чаянія, придутъ съ господскаго двора, то сказать, что куда-то отлучился... Потомъ Иванъ Степанычъ трижды перекрестился, опустилъ кожаный фартукъ и велѣлъ Демьяну ѣхать въ городъ, не жалѣя лошадей. Изумился Демьянъ, но спросить отца не смѣлъ ни о чемъ; поправился на мѣстѣ, подобралъ возжи, хлеснулъ по всѣмъ потремъ, свиснулъ,—и лошади понеслись... Кондратьевна вышла поглядѣть за ними вслѣдъ, и затворила ворота; Антипьевна и Марья даже и не подозрѣвали, что ихъ свекоръ ускакалъ въ городъ. Они думали уѣхалъ одинъ Демьянъ. Только

старшая сноха и Маремьяна долго шептались съ хворою Мариной, дивуясь: куда и зачѣмъ такъ таинственно собрался старикъ?..

Выѣхавъ часу въ седьмомъ изъ Заовражья (которое находилось отъ города въ тридцати шести верстахъ), ѣздоки наши въ десять часовъ подъѣзжали къ городу. Вдали замелькали огни, по обѣ стороны потянулись огороды. Демьянъ придержалъ взмыленныхъ лошадей и поѣхалъ шагомъ.

— Батюшка, мы ужъ въ городѣ!.. сказалъ онъ отцу, который молчалъ всю дорогу и не открывался;—ты, вѣрно, уснулъ?

— Я?.. нѣтъ, какой сонъ... Открой кожу-та...—молвилъ Иванъ Степанычъ; какъ будто въ самомъ дѣлѣ проснувшись, потому что онъ сидѣлъ безъ-мала въ продолженіи четырехъ часовъ, и все о чемъ-то думалъ, думалъ глубоко, не замѣчая пространства, которое пробѣгали рѣзвыя лошади, и глубокихъ нырковъ, отъ которыхъ старика подбрасывало довольно чувствительно то вверхъ, то въ стороны. Но онъ ничего этого не замѣчалъ.

— А вонъ и покровская колокольня! сказалъ онъ, выглядывая изъ повозки.

— Куда-же ѣхать-то? —спросилъ сынъ, — на постоялый дворъ?

— Нѣтъ, Демьянъ, къ Ивану Андреичу; ты знаешь его домъ?

— Еще-бы!.. Вонъ, направо третій, низенькій... такъ?..

— Да, да!

— Кажись, здѣсь?.. И Демьянъ осадилъ лошадей у воротъ низенькаго бревенчатаго флигеля, съ покривившимися окнами, которыя были закрыты ставнями, но сквозь щели проходилъ свѣтъ.

— Не спятъ еще... чай, калитка заперта?.. Попробуй-ка, Демьянъ.

Демьянъ соскочилъ съ облучка и взялся за кольцо калитки; калитка оказалась запертою.

— Стучаться, батюшка?—спросилъ онъ.

— Стучись, стучись, отвѣчалъ старикъ, развязывая ме-

жду тѣмъ одинъ изъ мѣшковъ и дѣлая это такъ, чтобы сынъ не замѣтилъ.

Раздался стукъ Демьяна, на дворѣ залаяла цѣпная собака, но отпирать никто не выходилъ.

— Знать, не слышатъ,—молвилъ Демьянъ.

— Стучись, стучись, продолжалъ Иванъ Степанычъ, вытаскивая изъ мѣшка узелокъ, который спряталъ себѣ за пазуху и снова завязалъ мѣшокъ.

— Погоди-ка, я самъ постучусь,—прибавилъ онъ, когда все было готово, и вылѣзъ изъ повозки. Но въ это время со двора послышался голосъ: «кто тамъ?»

— Я... я, другъ любезный, Иванъ Андреичъ.. отопри, заморозилъ...—говорилъ прикащикъ.

— Ахъ, другъ-пріятель! Иванъ Степанычъ, добро пожаловать!..—воскликнулъ Иванъ Андреичъ, отворяя ворота и обнимая гостя.

— Ну что, ночевать?.. хорошо! а мы только отужинали.

— Ночевать не ночевать, а лошадокъ покормить... я, такъ, на минутку сюда, по дѣлу... говорилъ Иванъ Степанычъ, идя слѣдомъ за хозяиномъ на крыльцо.

Демьяну велѣно было въѣхать на дворъ, распречь и выкормить лошадей. Чернухинъ ощупью ввелъ прикащика черезъ сѣни съ кривымъ поломъ въ низенькую комнату, съ закоптѣлыми деревянными стѣнами и израсчатой печью. Тоненькая свѣчка тускло горѣла на столѣ, съ котораго молодая, полненькая какъ огурчикъ, дѣвушка убирала остатки ужина. Тутъ же находилась пожилая женщина, съ платкомъ на головѣ и подвязанными зубами. То были дочь и жена Чернухина. Онѣ поздоровались съ Иваномъ Степанычемъ, какъ старыя знакомыя, и хозяйка сейчасъ же стала жаловаться на зубную боль, которая ее мучила. Усаженный радушными хозяевами, прикащикъ объявилъ, что привезъ имъ своихъ деревенскихъ гостинцевъ, которые остались въ повозкѣ. Иванъ Андреичъ, подвязавшись платкомъ поверхъ своего засаленнаго халата, и надѣвши на ноги валенки, самъ отправился на дворъ убирать изъ повозки жито и масло. Между тѣмъ Иванъ Степанычъ велъ съ хозяйскою дочкой разговоръ о томъ, что она счастлива, что Богъ открылъ ей грамоту, и

она можетъ теперь читать такія полезныя книги, какъ *спасеный* путь; а онъ свою Маремьяну все сбирался поучить, да такъ дѣло осталось.

— Конечно, Иванъ Степанычъ, ученье такъ себѣ, малое, чтобъ подъ силу было, человѣка не изнуряло,—это еще ничего... а то вонъ теперь, какъ пошли моего Пашу мучить, такъ просто ребенокъ покою не имѣетъ... Встаетъ рано, уроки учитъ, въ училище торопится,—говорила хозяйка,—ну, а вечеромъ мальчику и захочется спать, почитай никогда ужина не дожидается... Вонъ онъ, сердечный, какъ котеночёкъ свернулся!.. Она показала на мальчика, который, свернувшись клубкомъ, крѣпко спалъ возлѣ печки.

— Чтожъ дѣлать, Татьяна Григорьевна, ваше дѣло не наше мужицкое. Вамъ слѣдуетъ дѣтей вашихъ по благородному производить, замѣтилъ прикащикъ.

— А!.. жена жалуется, что сына учачъ? молвилъ, входя въ комнату, Иванъ Андреичъ, и слышавшій слова прикащика. Она всѣмъ жалуется... Ученье, матушка, свѣтъ, а неученье—тьма! вѣдь сынъ-то нашъ ужъ не за сохой и бороной ходить станетъ, онъ долженъ понимать, что благороднаго отца сынъ... да! Вонъ и Пашѣ жениха найдемъ съ чиномъ!.. А она все по-старому, по-деревенски себя держитъ... Эхъ, баба-дура! поди-ка грѣй скорѣй самоваръ.

Татьяна Григорьевна вышла.

— Снимай шубу-то, другъ-пріятель,—обратился хозяинъ къ гостю.

Но послѣдній видимо переминался, придерживая за пазухою завѣтный узелокъ.

— Нужно-бы мнѣ съ тобою, Иванъ Андреичъ, переговорить по одному дѣлу, молвилъ прикащикъ, оглядѣвшись кругомъ.

Черпухинъ кивнулъ, понюхалъ табаку и безъ церемоніи выслалъ вонъ дочь

Иванъ Степанычъ полушепотомъ началъ разказывать обо всемъ, что въ продолженіи дня съ нимъ случалось и чего онъ опасался въ будущемъ.

— Что, не правду я тебѣ говорилъ?.. — воскликнулъ, выслушавъ, хозяинъ.

— Какъ есть,—истинную правду, продолжалъ старикъ:—такъ вотъ теперь, Иванъ Андреичъ, зная твою добрую совѣсть и надѣючись на нашу давнюю дружбу, пріѣхалъ я къ тебѣ съ моей просьбой: убери, пока, до поры-до-времени...—прикащикъ вынулъ изъ-за пазухи узелъ и сталъ развязывать.

— Съ большимъ удовольствіемъ готовъ тебѣ послужить, другъ-пріятель!..— воскликнулъ Иванъ Андреичъ задушевнымъ голосомъ, смотря на знакомые читателю свертки въ сѣрой бумагѣ и догадываясь въ чемъ дѣло.

— И Богъ видитъ, и совѣсть моя вѣдаетъ. .—заговорилъ снова Иванъ Степанычъ: не воровствомъ какимъ-нибудь, а трудами денежки нажиты... а приходится прятать,—словно краденыя... Что̀ дѣлать, толкуй поди съ бариномъ, и рѣчей твоихъ пожалуй не выслушаетъ и оправданья не приметъ. А я тебѣ, другъ-любезный, какъ душѣ своей вѣрю... никому я до сего числа ничего не говорилъ... Даже дѣти мои до сихъ поръ не знаютъ, сколько у меня накоплено... и что я тебѣ отдаю на сохраненіе!..

— Ахъ ты добрая душа!.. Ну, какъ тебѣ спасибо не скажешь за твою довѣренность!..—воскликнулъ хозяинъ со слезами на глазахъ. И вѣрь ты Богу, Иванъ Степанычъ, что собственность твоя будетъ сохранна,—все равно, что въ твоемъ сундукѣ... а сколько тутъ?..

— Двадцать!..—прошепталъ старикъ.

— Хе, хе! да тебя, другъ-дріятель, все считали богачемъ... И правда, что съ твоими дѣтьми можно было и больше *нажить*... Развѣ дома еще оставилъ?

— Осталось сотни три на расходъ, а остальное,—какъ передъ Богомъ сказать, все тутъ... Побереги, другъ-любезный... ну, умру, такъ дѣтямъ моимъ передашь .. знаю, что не запрешься...

— Что̀ ты, Иванъ Степанычъ, да развѣ у меня своихъ дѣтей нѣтъ? это ужъ не дѣло, другъ-пріятель... Дай Богъ всякому своимъ жить... чужое въ прокъ нейдетъ!.. Иванъ Андреичъ предложилъ пересчитать деньги. По повѣркѣ оказалось точно двадцать тысячъ руб. (ассигнаціями).

Прикащикъ опять завязалъ деньги въ платокъ и вручилъ ихъ хозяину.

— Написать росписочку въ полученіи? спросилъ последній.

Гость помоталъ головою, съ упрекомъ смотря на Чернухина.

— За что, любезный Иванъ Андреичъ, обижать-то меня вздумалъ? и не грѣхъ тебѣ?.. Да развѣ я душѣ что́ ли твоей не вѣрю, а? что́, креста что-ли на насъ нѣтъ?.. а?..

И Иванъ Андреичъ, и Иванъ Степанычъ прослезились и обнялись.

Чрезъ нѣсколько минутъ узелокъ былъ убранъ хозяиномъ. И пріятели уже сидѣли, разговаривая, за самоваромъ.

— Ты не повѣришь, Иванъ Андреичъ, говорилъ прикащикъ, у меня теперь словно камень съ души спалѣ; дома я покою не могъ найти: и въ землю-та деньги зарылъ было, и тутъ дума одолѣла; думаешь: подглядятъ домашніе—бѣда!.. разболтаютъ! пройдетъ слухъ, что кладъ зарылъ... Вотъ и придумалъ къ тебѣ съѣздить...

— И хорошо сдѣлалъ, другъ-пріятель!.. ей-Богу хорошо! все твое будетъ сохранно, да и на сердцѣ у тебя будетъ спокойно... проговорилъ радушно Иванъ Андреичъ.

Долго за полночь сидѣли пріятели, лошади той порой отдохнули. И утромъ, въ пять часовъ, прикащикъ съ сыномъ были уже опять въ Заовражьѣ.

IX.

Между тѣмъ нашъ помѣщикъ пріятно проводилъ время въ гостяхъ, весело танцовалъ, волочился за хорошенькою хозяйкой, удачно игралъ въ карты съ ея мужемъ, и воротился домой въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Разумѣется, нисколько не подозрѣвая, что его не многія слова произвели такую страшную кутерьму въ семьѣ прикащика.

Несмотря на то, что чрезъ происки и наговоры камер-

динера, Владиміръ Александровичъ и былъ предубѣжденъ противъ Ивана Степаныча, онъ все-таки считалъ дѣломъ несправедливымъ: безъ явныхъ уликъ, отстранить прикащика отъ должности, занимаемой послѣднимъ, въ продолженіи столькихъ лѣтъ... Собирать же свѣдѣнія о его дѣйствіяхъ, у штабсъ-капитана никогда не достало бы терпѣнія... Высказывая свои подозрѣнія въ горячую минуту, Владиміръ Александровичъ только хотѣлъ *постращать* обыскомъ старика; произвести его на дѣлѣ онъ никогда бы и не подумалъ. И вечеромъ, того же дня, уже забылъ—о головомойкѣ, которою угостилъ утромъ стараго слугу.

Было десять часовъ утра. Штабсъ-капитанъ похаживалъ по кабинету, заложа руки за спину, и насвитывалъ вальсъ, въ которомъ такъ ловко кружилъ вчера румяную Анну Антоновну. Поликарпъ прибиралъ комнату. Поручика не было. Казачокъ — Андрюшка доложилъ о приходѣ старосты съ сыномъ, дожидавшимъ съ нетерпѣніемъ возвращенія барина. Баринъ приказалъ имъ войти.

— Ну, что ты мнѣ скажешь, горе-женихъ? спросилъ Владиміръ Александровичъ, обращаясь къ Софрону.

Послѣдній, помня наставленія дяди, не жалѣть поклоновъ, не говоря ни слова, повалился барину въ ноги.

— Ужъ сдѣлайте божескую милость! сударь Володимеръ Александрычъ! не оставьте.. проговорилъ староста съ поклономъ.

— А!.. вѣрно насчетъ женидьбы? напрасные поклоны: я не могъ ничего для васъ сдѣлать... Степанычъ не желаетъ вступать съ вами въ родство, сказалъ баринъ.

Пахомъ и Софронъ почесали затылки.

— Только была бы на то, сударь, ваша господская воля, а Иванъ Степанычъ такой же вашинской крестьянинъ, какъ и мы... супротивничать не посмѣетъ... молвилъ староста.

— Ужъ только ваша милость, пожалуйте записочку, къ отцу Семену, насчетъ вѣнчанья; а тамъ, дѣло само-собою обойдется, осмѣлился сказать женихъ.

— Чего жь вы хотите! чтобъ я силою заставилъ при-

кащика отдать внучку? вскричалъ Владиміръ Александровичъ, нахмуривъ брови.

Но просители, обнадеженные камердинеромъ, не струсили: Софронъ опять бухнулся въ ноги, а отецъ отвѣчалъ:

— Только, сударь, значитъ, одно Степанычево упрямство... а опослѣ ему и самому слюбится... Мы не какіе-нибудь бобыли...

— Вотъ безотвязные дураки пристали — воскликнулъ баринъ; ну, а что если сама невѣста за твоего сына не хочетъ! Что ты на это скажешь?

Староста хотѣлъ что-то сказать, но сынъ перебилъ его:

— Помилуйте судырь, какъ ей не хотѣть! молвилъ Софронъ увѣрительно, и стараясь, какъ можно пріосаниться.

— Вѣрно тебѣ согласіе невѣсты хорошо извѣстно? спросилъ Владиміръ Александровичъ, пристально оглядывая жениха и какъ будто сомнѣваясь въ согласіи дѣвушки выдти за такого непригожаго парня.

Софронъ ухмыльнулся, почесалъ за ухомъ; но не отвѣчалъ.

— Если такъ, продолжалъ господинъ, то мы, разумѣется, не посмотримъ на старика. Впрочемъ, во избѣжаніе какого-либо насилія, я самъ спрошу у невѣсты о ея согласіи. Теперь покуда ступайте; показавъ старостѣ рукою на дверь, Владиміръ Александровичъ повернулся, подошелъ къ горѣвшей на столѣ свѣчкѣ и закурилъ сигару.

Просители, не ожидавшіе такого оборота, съ изумленіемъ взглянули другъ на друга, бросили вопросительный взглядъ на Поликарпа, и поклонясь барину взадъ, вышли вонъ.

Хотѣвшій что-то сказать камердинеръ, и открывшій уже ротъ, не успѣлъ мигнуть и глазомъ, какъ дверь захлопнулась, за его родственниками. Поликарпъ громко стукнулъ стуломъ и что-то проворчалъ.

— И сегодня баринъ никакого рѣшенья не сдѣлалъ, замѣтилъ Софронъ, сходя съ крыльца барскаго дома.

— А кто виноватъ? все ты же дуракъ; выдумалъ слово вымолвить, лукавый тебя дернулъ!.. Что, если топерича баринъ у самой Маряшки спроситъ? Ты, болванъ, самъ отъ

себя и останешься въ дурняхъ! проговорилъ съ досадою Пахомъ.

— Что-то дядя-то Поликарпъ!.. аль только пыль въ глаза пускалъ, разныхъ турусовъ на колесахъ наговорилъ.

— То-то, знать взаправду только пыль въ глаза пускалъ, *величашился* передъ нами, деревенскими неучами. Я, братъ, самъ на него сначала надѣялся; а теперича вижу, на то... передъ бариномъ, за насъ и слова не замолвитъ... а на разговорѣ—золотыя горы сулитъ... Знать, Софронко, *своя рубаха къ тѣлу ближе,* заключилъ староста.

Между тѣмъ по уходѣ старосты съ сыномъ баринъ опять принялся ходить по кабинету, и насвистывать.

Камердинеръ, перестанавливая на столъ разныя вещи, громко стучалъ, и ворчалъ; но такъ, чтобъ слышалъ Владимiръ Александровичъ.

— Господи Боже мой! ну, что жь послѣ этого будетъ?.. одно своевольство больше, ничего...

— Ты о чемъ тутъ разсуждаешь старый ворчунъ? спросилъ. баринъ.

— Вы, сударь, изволите говорить, что сами-съ намѣрены спросить прикащикову внучку, согласна ли она, примѣрно, за моего племянника, замужъ выйти?.. Вы думаете-съ, она прямо и скажетъ? нѣтъ-съ, она прежде того завоетъ, тоску на васъ нагонитъ и толку не добьетесь, такая ужъ у нихъ манера-съ... По-моему, съ-дѣвкою и разговаривать не стоитъ-съ; что она? *тварь воздушная*-съ, ей Богу... проговорилъ Поликарпъ.

— Ничего, я и воздушной твари спрошу, авось отвѣтитъ, сказалъ смѣясь баринъ.

— Вы только смѣяться сударь изволите-съ... сказалъ не скрывая досады камердинеръ, а ей Богу-съ папенька вашъ, съ позволенiя сказать, никогда въ такiя мелочи не входили-съ... напримѣръ: разсортируютъ какому жениху на ко-кой невѣстѣ жениться; прикажутъ прикащику, и дѣло идетъ, словно по маслу-съ.

— Было Карпѣичъ такъ! было, да и прошло то время! По крайней мѣрѣ, я не допущу насилiя, въ какой бы фор-

мѣ оно ни являлось... Я хотя строгъ, но люблю справедливость!.. воскликнулъ торжественно штабсъ-капитанъ.

— Какая сударь ваша строгость! По вашей добротѣ сударь васъ не бариномъ, а отцемъ роднымъ, слѣдуетъ-съ звать. Напримѣръ: вы по своему же великодушію-съ, не обратили вниманія и на этотъ предметъ: по какому случаю такъ дешево отдана Ананьевка Худаковскимъ-съ! проговорилъ Поликарпъ, по временамъ взлядывая на барина и замѣчая, какое дѣйствіе произведутъ на послѣдняго слова его. А тутъ, сударь, нашлись досужіе люди, и разнюхали.... И какъ бы вы сударь думали-съ? Иванъ Степанычъ, говорятъ, взялъ съ Худаковскихъ полсотни-съ... въ свой карманъ-съ.

Владиміръ Александровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Потому, и пустошь поступила къ Худаковцамъ-съ, продолжалъ камердинеръ; конечно-съ, мое дѣло сторона-съ. Однако все-таки жалко господскаго добра-съ.

Но разжигая гнѣвъ барина на прикащика, Поликарпъ, на этотъ разъ, какъ нельзя болѣе ошибся въ разсчетѣ. Потому что именно въ этотъ самый моментъ и нашла на штабсъ-капитана добрая минута всепрощающаго великодушія. Не входя въ разбирательство, справедливы, или нѣтъ, сообщенные слухи о взяткѣ прикащика, Владиміръ Александровичъ теперь готовъ былъ простить, хотя бы Степанычъ и дѣйствительно оказался виновнымъ. А потому пусть не удивится читатель, когда баринъ сказалъ камердинеру:

— Ты, Карнѣичъ, иногда дѣлаешься самымъ несноснымъ сплетникомъ.

— Кто, сударь, я сплетникъ? вотъ до чего я дожилъ! воскликнулъ обиженнымъ тономъ Поликарпъ; да накажи меня Господь Богъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ-съ! отними у меня руки и ноги! если я, сударь, что-нибудь не по правдѣ!

— Пожалуйста не обижайся!.. Я тебѣ всегда вѣрилъ, и вѣрю! Но ты иногда буквально передаешь всякій взоръ, что не стоитъ слушать...

Владиміръ Александровичъ вспомнилъ, что Степанычъ предлагалъ ему отказать Худаковскимъ мужикамъ: напри-

мѣръ, насчетъ сдѣлки прикащика съ Худаковцами тебя обманули. Я это вѣрно знаю... и ты болтаешь вздоръ, несмотря на свое усердіе.

— Вы это сударь только по своему великодушію, изволите говорить-съ, такъ многое-съ, межь ушей пущаете-съ; возразилъ покачивая головою камердинеръ.

— Я строгъ! но... и справедливъ! повторилъ съ достоинствомъ баринъ.

Иванъ Степанычъ, постоянно, каждое утро, являвшійся къ барину, пришелъ и теперь; несмотря на то, что дрожалъ отъ страха, боясь: не узналъ ли какъ баринъ о его таинственной поѣздкѣ въ городъ. Но понемногу успокоился, видя, что баринъ не вспомянулъ о томъ, за что такъ не давно распекалъ старика. Напротивъ, разговаривалъ съ нимъ весело, ласково потрепалъ по плечу, пустилъ ему въ носъ сигарочнаго дыму; и сталъ совѣтоваться о перестройкѣ нѣкоторыхъ домашнихъ службъ, которыя оказывались ветхими. А тѣмъ болѣе, нужно было перекрыть полусогнившую крышу на домѣ. Постройками положено было заняться съ наступленіемъ великаго поста. Но такъ какъ въ Заовражьѣ заготовленнаго строеваго лѣса не было, то и приказано было прикащику съѣздить въ сосѣднее имѣніе, осмотрѣть и приторговать лѣсъ. Дѣятельный старикъ, утѣшенный снов довѣренностію барина, очень былъ радъ показать свое усердіе немедленно, и ѣхать сегодня же.

Отпуская Ивана Степановича, помѣщикъ и не напомянулъ ему о просьбѣ Софрона.

Однако прикащикъ не совсѣмъ довѣрялъ ласковому обращенію Владиміра Александровича. Онъ уже началъ привыкать къ его взбалмошному характеру.

— Индравъ у барина, словно волны морскія—думалъ старикъ, оставляя господскій дворъ: сегодня—тишь, да гладь, а завтра подулъ вѣтеръ, — возстала буря! И много горя и тревоги причинитъ. Что мнѣ дѣлать съ Марсмьяною? Иванъ Степанычъ прослезился.

Черезъ часъ онъ летѣлъ уже съ Демьяномъ на тройкѣ, въ означенное имѣніе, и разсуждалъ самъ съ собою: можетъ я и напрасно тревожился, дѣло-то бы все такъ обошлось; а

то, съ дуру, открылъ свой *нажитокъ* Ивану Андреичу; хоть и пріятель, а все чужой-человѣкъ... У меня и родные ничего не знали. Впрочемъ, говорятъ: *у страха глаза велики;* хоть и на волю не отпустятъ, все-таки съ деньжонками жить веселѣе, чѣмъ съ пустымъ карманомъ... Развѣ взять ихъ у друга-любезнаго, какъ въ городѣ буду, или лучше погодить?.. пожалуй лучше погодить. На томъ старый прикащикъ и остановился.

Происшествія настоящаго утра, и поведеніе барина, были Поликарпу совсѣмъ не по вкусу. И скривя ротъ, слушалъ онъ сужденія Владиміра Александровича съ прикащикомъ, и когда послѣдній вышелъ, камердинеръ проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Гмъ! знать день такой сегодня выдался. Ишь, противный вѣтеръ подулъ! чортъ побери!..

— Ты что ворчишь? спросилъ баринъ.

— Я сударь говорю, противный, молъ, вѣтеръ подулъ, отвѣчалъ камердинеръ, показывая въ окно на желѣзный флюгеръ, надъ колодцемъ, ишь, пѣтухъ въ другую сторону повернулся–съ...

Уходя изъ кабинета Поликарпъ сильно хлопнулъ дверью.

— Карнѣичъ, ты съ ума сошелъ! что ты такъ стучишь? крикнулъ баринъ.

— Виноватъ, сударь, не удержалъ-съ; отвѣтилъ изъ другой комнаты камердинеръ.

Вечеромъ, того же дня, два наши пріятеля сидѣли въ кабинетѣ. Скучалъ поручикъ Харчукъ, или нѣтъ, сказать трудно; онъ съ обыкновеннымъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ сидѣлъ у стола въ креслахъ, курилъ, или по временамъ прихлебывалъ изъ стакана остывшій чай. Но Владиміръ Александровичъ скучалъ страшно, выкуривая сигару за сигарою, и лежа на диванѣ, положивъ ноги на спинку креселъ, онъ придумывалъ: чѣмъ-бы развлечься? Ѣхать куда нибудь ему было лѣнь; играть въ карты, вдвоемъ съ Харчукомъ, который никогда ему не платилъ проигрыша, не интересно; читать? читать штабсъ-капитанъ — былъ *не охотникъ*. Читалъ онъ, правда, когда-то, какъ былъ юнкеромъ и прапорщикомъ, даже цѣлыя главы изъ «Онѣ-

гина» помнилъ наизусть; а '«графа Нулина» такъ и всего цѣликомъ. Но потомъ, пріятности жизни, болѣе существенныя, понемногу отбили отъ чтенія. Но если-бы и вздумалось теперь читать Владиміру Александровичу, то въ Заовражской библіотекѣ своего папеньки онъ нашелъ только: переписку Екатерины II-й съ Вольтеромъ; томъ изъ сочиненій Эккартсгаузена—«ключъ къ таинствамъ натуры», «Потерянный Рай» Мильтона, и еще нѣсколько разрозненныхъ томовъ, изъ изданій восьмисотыхъ годовъ; кромѣ того, свои старыя учебныя книжки. Что же было изъ этого читать нашему штабсъ-капитану, который всегда считалъ для себя страшною пыткою читать какую нибудь серьезную книгу.

— Развѣ позвать дѣвокъ и парней, чтобъ пѣли пѣсни? молвилъ вдругъ Владиміръ Александровичъ, привставъ съ дивана, да нѣтъ, чортъ возьми, оглушатъ! отвѣтилъ онъ самъ себѣ, махнулъ рукою, и закурилъ сигару. Прошло опять съ полчаса. Въ комнатѣ была совершенная тишина, только въ чубукѣ поручика что-то сопѣло.

Вдругъ помѣщикъ приложилъ палецъ ко лбу, улыбнулся и сказалъ:

— Послушай, Астафій!

— Остапъ, отвѣтилъ поручикъ.

— Ну, пусть по твоему Остапъ, не могу привыкнуть. Я братъ хочу вотъ что сдѣлать: послать за прикащиковой внучкой.

Харчукъ поднялъ глаза на хозяина.

— Зачѣмъ дѣло? сказалъ онъ.

— Да ты братецъ не смотри на меня такимъ волкомъ, я братъ... безъ всякихъ заднихъ мыслей, далъ себѣ слово: спросить дѣвушки, желаетъ ли она сама за старостина сына? Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, только старикъ упрямится.

— Можетъ быть! повторилъ поручикъ, а должно быть, очень пріятно женить крестьянина, что ты такъ отечески хлопочешь?..

— Хорошо, насмѣхайся! И Владиміръ Александровичъ призвалъ Ѳомича, приказалъ сейчасъ же: или послать, или самому сходить, и привести внучку прикащика.

Наумъ Ѳомичъ, глубокомысленно покачивая головою, со-

общилъ о барскомъ приказѣ своей сожительницѣ. Домна Власьевна значительно улыбнулась; потомъ, какъ будто опомнилась, и со вздохомъ замѣтила: что, можетъ быть, дескать, скоро и ключи всѣ придется сдать Маремьянѣ Петровнѣ. А ужь по смерти Ивана Степаныча, конечно, его мѣсто заступитъ не староста Пахомъ, а который нибудь изъ дядей Маряши.

Въ это время внучка прикащика бесѣдовала съ своимъ любезнымъ на задворкахъ, за сосѣднимъ амбаромъ; молодые люди стояли по колѣно въ снѣгу. Маряша разсказывала Егору о своихъ домашнихъ тревогахъ, которыя были препятствіемъ ихъ свадьбѣ, на неопредѣленное время, и плакала. Егоръ обнималъ ее и утѣшалъ. Онъ даже обѣщалъ послать своего отца прямо къ Владиміру Александровичу, для переговоровъ—о выкупѣ Маряши, если боится Иванъ Степанычъ снова напоминать о томъ барину. Обѣщалъ даже свои деньги внести, сколько баринъ за нее назначитъ. Но дѣвушка плакала, не смотря на эти обѣщанія.

— *Серце* мое болитъ, Егоруня! такъ вотъ бѣдное и разрывается, говорила она, словно бѣду какую чую, аль любимаго покойника хороню... такъ вотъ ударилась-бы о земь, да и разразилась-бы до смерти.

— Что это, моя голубка! ужь не отдали бы тебя взаправду силою за Софронка... да тогда, самъ я не знаю, что тогда будетъ? Кажись я своей головы на себѣ не сношу.. а Софронка убью! убью его урода... изъ ружья застрѣлю. сказалъ Егоръ.

— Ну ужь замужъ-то меня, за него не выдадутъ, живая не дамся... брошусь въ рѣку. Ахъ мои батюшки, вспомнить не могу, какъ Василису Тимофѣеву за Журавля вѣнчали... повалили въ сани, привезли! а тутъ въ церкви—въ четверы-руки, вкругъ налоя водятъ. Она кричитъ, дьячковъ заглушаетъ, что поютъ-ничего не слышно. Это давно, при покойномъ баринѣ было; я еще маленькая была... а какъ теперь гляжу да я, на ея мѣстѣ, такъ бы и убѣжала въ лѣсъ, пусть волки *растарзаютъ*!..

Разстались молодые люди... Идучи домой Маремьяна не переставала плакать. Долго глядѣлъ ей вслѣдъ Егоръ, и

когда она скрылась изъ виду, у парня словно оторвалось что отъ сердца...

— Что это Господи, за тоска такая?—сказалъ онъ самъ себѣ, и пошелъ домой тихимъ, невеселымъ шагомъ, оглядываясь безпрестанно на пустую тропинку, по которой ушла Маряша.

Когда дѣвушка входила въ сѣни, къ ней на встрѣчу бросилась Кондратьевна; и у Маремьяны, хорошо знакомой съ подобными встрѣчами, замерло сердце. Но тетка противъ обыкновенія, спросила ласково:

— Маряха! Маряхонька, гдѣ ты была голубка?—Въ голосѣ Кондратьевны слышались слезы.

Маремьяна, вмѣсто отвѣта спросила сама:

— О чемъ ты плачешь тетушка? что понадѣлалось? Ей такъ и вообразилось, что отъ Софрона сваты пришли.

— Не ходи, Маряха, въ большую-то избу. Пойдемъ къ теткѣ Маринѣ... отвѣчала Кондратьевна. И вмѣстѣ съ племянницей вошла въ старую избу.

— Тетушка, родимая, да что-же такое? скажи, не томи меня! молвила нетерпѣливо дѣвушка, аль отъ Софронка?..

— Какой Софронко? Наумъ Ѳомичъ пришелъ.

— Ну, такъ чтожь? Маряша съ недоумѣніемъ смотрѣла на тетку.

— Охъ! Маряха! Наумъ дворецкій пришелъ,—повторяла Кондратьевна, тебя (баринъ) къ себѣ, слышь, требуетъ.

— Меня?! воскликнула Маряша; и ей представился и бракъ—съ постылымъ Софрономъ, и разлука съ Егоромъ. Ей невольно вспомнились и разсказы Антониды о бариновомъ волокитствѣ; и все это какъ-то смутно перепуталось въ мысляхъ дѣвушки. Она поблѣднѣла и присѣла на лавку, возлѣ которой стояла.

— Маряху къ себѣ баринъ требуетъ!.. Ужь видно, мои свѣты, не за добрымъ дѣломъ?.. молвила хворая Марина, вслушавшись въ разговоръ.

— И Господь вѣдаетъ,—отвѣчала плачевно Кондратьевна, пыталась я у дворецкаго вывѣдывать, только усмѣхается. Знать, баетъ, барину вздумалось въ гости позвать вашу Маряху. Этакой грѣхъ, подумаешь! Хоть-бы батюшка-то

даже былъ! что безъ него намъ дѣлать! Вотъ горе горькое.

— По всему видно, что недоброе господинъ задумалъ,— заключила Марина. А мы вотъ-что сдѣлаемъ, невѣстка, спрячемъ Маряху въ подполье и скажемъ, что не вѣдаемъ, куда ушла...

— Сдѣлать такъ не хитрость, только опослѣ батюшкѣ не было бы чего отъ барина. Пожалуй, и нашь-та старикъ разсердится, скажетъ господской воли не исполнили... возразила Кондратьевна.

Маряша все сидѣла истуканомъ, смотря въ полъ помутившимися глазами, тетка разсуждала, не зная на что рѣшиться, какъ вдругъ Наумъ Ѳомичъ прервалъ ихъ разсужденія, явесь собственною тучною особою, въ сопровожденіи свѣтившей ему Марьи.

— А!.. вонъ гдѣ раки-та зимуютъ! воскликнулъ онъ, переступивъ порогъ. Куда-же вы пропали... я ждалъ и пошелъ уже васъ искать.

При появленіи его Маряша вскочила, будто по дѣйствію пружины; Марина ахнула, Кондратьевна открыла было ротъ, но ничего не могла сказать.

— Ну что-жъ, Анна Кондратьевна, не сряжаешь племянницу-та, а? мнѣ ей-Богу пора. А ты, Маремьянушка, поторопись душенька—продолжалъ дворецкій, пристально и съ усмѣшкою смотря на блѣдную Маряшу; э!.. да какая ты стала нѣжненькая! и онъ сдѣлалъ дѣвушкѣ ручкою.

— Все одно твое балагурство Наумъ Ѳомичъ! одни твои шутки! молвила опомнясь Кондратьевна. Полно пугать-то насъ, добрый человѣкъ; ишь на дѣвкѣ-то лица нѣтъ! Садись лучше съ нами чай пить.

— Безъ всякихъ шутокъ, Анна Кондратьевна, въ гости къ вамъ приду пожалуй—въ другой разъ, а теперь—отпусти насъ поскорѣе. Ну-ка, Маремьянушка?

У Маряши брызнули слезы изъ глазъ.

— Скажи мнѣ ради-Бога, Наумъ Ѳомичъ, зачѣмъ меня баринъ требуетъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Ничего не знаю, моя душенька! ничего неизвѣстно мнѣ; приказано тебя представить, вотъ и все тутъ, отвѣ-

чалъ дворецкій, заворачивая волосы съ затылка на лобъ и смотря на Маряшу съ какой-то двусмысленной убыбкой.

Дѣлать было нечего. Дѣвушка рыдая начала одѣваться. Кондратьевна объявила, что ее одну не отпуститъ. Ѳомичъ не препятствовалъ теткѣ идти съ племянницею.

Когда Маряша одѣлась, Марина подозвала ее къ себѣ.

— Не унывай Маряхонька, не плачь голубка, авось Богъ милостивъ. Я помолюсь тутъ за тебя, проговорила она, обнимая дѣвушку.

— Тёта! шептала послѣдняя, захлѣбываясь отъ слезъ, тёта! коль что со мною тамъ случится... я не приду, и не приду къ вамъ! такъ въ прорубь и брошусь.

— Проворнѣй, проворнѣй, торопилъ дворецкій.—Эхъ глупый разумочикъ, плачетъ сама не знаетъ о чемъ, барина боится! Да развѣ онъ медвѣдь, укуситъ нешто тебя? Эхъ, простота-матушка! Да этакого-то к-кррасавца, какъ Владиміръ-то Алаксандрычъ, и въ околодкѣ другаго нѣтъ, коль захочетъ на кого мило посмотрѣть, такъ рублемъ подаритъ.

Но всѣ эти слова наводили Маряшу на пущую боязнь.

Всю дорогу Маряша плакала, а Кондратьевна вздыхала и шептала молитву.

Наконецъ, тетка и племянница, съ замирающими сердцами, вступили въ переднюю господскаго дома. Маряша едва держалась на ногахъ.

Вошедшій вмѣстѣ съ нимъ дворецкій, что-то сказалъ казачку, и тотъ побѣжалъ въ комнаты, Черезъ минуту онъ вернулся.

— Ступай къ барину! молвилъ онъ полушепотомъ смотря на Маремьяну, и кивая ей, чтобъ шла за нимъ.

Внучкѣ прикащика показалось, что полъ проваливается подъ ногами; она взглянула на тетку. Кондратьевна подвинулась къ ней.

— Тебѣ говорятъ иди! повторилъ мальчикъ.

Маряша сдѣлала шагъ, тетка шла за нею, и онѣ за Андрюшкой вступили въ залу. Видъ большой: полумрачной комнаты, освѣщенной одною тусклою свѣчкою; еще болѣе поразилъ дрожащую дѣвушку. Дойдя до дверей гостиной, казачекъ оглянулся.

— А ты зачѣмъ, ты зачѣмъ? Тебя не нужно! шепталъ онъ, махая Кондратьевнѣ.

— Кондратьевна, ты зачѣмъ? воротись! раздавался сзади голосъ Наума Ѳомича.

Маряша уцѣпилась за тетку; но вошедшій камердинеръ разлучилъ ихъ, толкнувъ Маремьяну въ гостиную, и захлопнувъ за нею дверь. Тетка осталась въ залѣ, и была выведена казачкомъ.

Въ продолженія минуты, въ умѣ Кондратьевны пронеслось нѣсколько намѣреній: она хотѣла звать Маряшу, хотѣла кричать, завыть въ голосъ; думала бѣжать домой; и вмѣсто всего этого, усѣлась въ передней на ларь, дожидаться, чѣмъ дѣло кончится. Сердце Кондратьевны рвалось на части, слезы душили ее, и она дала имъ полную волю, нестѣсняясь присутствіемъ Андрюшки. Ѳомича уже не было въ передней.

Не много погодя Домна Власьевна прислала звать Кондратьевну къ себѣ, но послѣдняя отказалась. Не спуская глазъ съ зальной двери, она съ нетерпѣніемъ, каждую минуту, ждала выхода племянницы; но прошелъ и часъ, а Маряши все не было. Но воротимся въ кабинетъ:

Офицеры наши сидѣли въ томъ же положеніи, какъ мы ихъ оставили; только на столѣ стояли уже два стакана и бутылка съ ромомъ.

— Ромъ скверный! мѣстный! молвилъ лаконически поручикъ, прихлебывая медленно изъ своего стакана.

— Что-жъ дѣлать, не изъ удовольствія, отъ нечего дѣлать пьешь, замѣтилъ хозяинъ, допивая свой стаканъ, хоть-бы изъ города, аль изъ сосѣдей, кого нибудь чортъ принесъ....

Въ эту минуту камердинеръ пихнулъ Маряшу въ кабинетъ, и притворилъ за нею дверь; самъ оставшись въ гостиной, ждать приказаній, подслушивать и размышлять о томъ: будетъ-ли Маремьяна играть какую-нибудь роль въ господскомъ домѣ? Оскорбитъ ли Степаныча визитъ его внучки—къ барину, или старикъ съумѣетъ все дѣло обратить въ свою пользу?

— А! добро жаловать! воскликнулъ весело Владиміръ

Александровичъ, взглянувъ на Маряшу, которая стояла у дверей, подойди моя милая поближе!

Маряша поклонилась, но не трогалась.

— Подойди ближе Маша! такъ, кажется, тебя зовутъ? крикнулъ громко баринъ.

— Маремьяной зовутъ, произнесла тихо дѣвушка, сдѣлавъ шагъ впередъ.

— Ахъ, не Маша!, а я такъ привыкъ. Ну все равно, Маремьяна, какая ты хорошенькая! сказалъ штабсъ-капитанъ, не спуская глазъ съ дѣвушки. Харчукъ! посмотри-ка, какая милочка у Степаныча внучка!

Харчукъ, по приглашенію хозяина, оглядѣлъ съ ногъ до головы Маряшу; но ничего не сказалъ, а только затянулся.

— Послушай Маремьяна! началъ Владиміръ Александровичъ, стараясь придать своему голосу самое ласковое выраженіе: тебя староста за сына проситъ. Скажи, откровенно, согласна-ли ты?

Маряша заплакала.

— О нѣтъ, нѣтъ! не погубите меня, помилуйте, проговорила она чуть слышно.

— Что не хочешь! не нравится! не хорошъ? Не плачь, не выдадимъ за такого урода.

Говоря это помѣщикъ всталъ, и подошелъ къ трепещущей дѣвушкѣ. Она невольно попятилась.

— Что это? боишься меня! Ахъ какая дикарка! вѣдь я не кусаюсь. Ужъ не похожъ-ли я на медвѣдя? похожъ, говори? Вламиміръ Александровичъ положилъ обѣ свои руки на плечи дѣвушки; и наклонясь къ ея лицу, пристально и ласково смотрѣлъ ей въ глаза.

Маремьяна потупилась.

— А премиленькая! ей-Богу, если ее одѣть въ платье и въ шляпку! Харчукъ, что ты на это скажешь?

— Я скажу, что будетъ барская барыня, отвѣтилъ Харчукъ.

— Ты, братъ, все вздоръ мелешь, а посмотри-ка, какая у ней коса! роскошь! а щечки? и Владиміръ Александро-

вичъ фамиліярно дотрогивался до Маряшиной косы, и гладилъ щеки.

Дѣвушка вздрогнула и отшатнулась. Такое обращеніе барина встревожило ее не на шутку, и безъ того напуганную: и разсказами Антохи, и предположеніями хворой тетки Марины.

Маремьяна теперь почти не сомнѣвалась, что баринъ позвалъ ее не для одного спроса о ея согласіи на бракъ съ Софрономъ; и въ ожиданіи рѣшенія своей участи, стояла словно на горячихъ угольяхъ.

Она опустила руки, и испуганными глазами озирала комнату, какъ будто ища защиты, или выхода.

Поликарпъ, бывшій въ гостиной и слышавшій, что говорилось въ кабинетѣ, замѣтилъ шепотомъ:

— Кажется, придется племяннику съ эфтою невѣстою проститься... Ну да чортъ съ ними, мое дѣло сторона. Онъ хманулъ рукою, скривилъ ротъ, и принялся опять слушать.

Черезъ нѣсколько минутъ Владиміръ Александровичъ (въ головѣ котораго мѣстный ромъ началъ уже производить свое дѣйствіе) снова подошелъ къ Маремьянѣ. Внутреннее глубокое страданіе придало лицу дѣвушки интересное выраженіе. Она подняла глаза на барина, въ нихъ уже не робость была, въ нихъ было отчаяніе. Видъ Маряши поразилъ штабсъ-капитана; онъ минуты двѣ смотрѣлъ на нее съ безсознательнымъ участіемъ; Маремьяна вскрикнула, сильно оттолкнула барина, и бросилась въ первую попавшуюся дверь.

Дверь эта вела въ спальню хозяина.

Владиміръ Александровичъ, раздосадованный энергическою выходкой деревенской дѣвки, бросился въ слѣдъ за нею... напрасно тщательно оглядывалъ онъ комнату, Маряши не было.

— Въ спальнѣ нѣтъ! вѣроятно убѣжала, проговорилъ сердито баринъ, выходя обратно въ кабинетъ, и сталъ ерошить волосы.

— Унеси ты мое горе! молвилъ поручикъ.

— Эй! кто тамъ есть, иди сюда! крикнулъ штабсъ-капитанъ, такимъ голосомъ, что въ одно мгновеніе не только

камердинеръ и Андрюшка, но изъ всѣхъ угловъ дома сбѣжалась прислуга. Баринъ все еще предполагая, что Маремьяна куда нибудь спряталась, приказалъ обыскать комнаты, но дѣвушки не нашли. Только дверь въ каморку Поликарпа нашли отворенною настежь, да на полу подняли Маряшинъ платокъ.

Въ этой тревогѣ одинъ только поручикъ пребылъ по обыкновенію невозмутимо-спокоенъ; покуда хозяинъ и прислуга хлопотали, бѣгая по комнатамъ, и заглядывали во всѣ углы, Харчукъ управлялся съ бутылкою, стараясь ничего въ ней неоставить.

— Убѣжала! кончивъ поиски, заключилъ утвердительно Владиміръ Александровичъ, толкнувъ стулъ ногою, который съ громомъ опрокинулся.

«И хватился онъ Любаши,
Ея нѣтъ! ахти бѣда!»

Пропѣлъ ему въ отвѣтъ, довольно натянувшійся поручикъ.

— Флегма! чурбанъ! воскликнулъ хозяинъ.

«Всѣхъ на коней, и въ погоню!»

Продолжалъ Харчукъ, набивая трубки.

— Тебя-бъ перваго въ погоню... пусть-бы порастрясло немного... А то, только, сидишь, ѣшь да пьешь... зажирѣлъ!... продолжалъ штабсъ-капитанъ.

— «Да ужъ поздно, нѣтъ слѣда! Докончилъ уже говоркомъ поручикъ, и принялся курить.

— Дерево этакое, ничего человѣческаго въ немъ нѣтъ! ничто его не трогаетъ!..—заключилъ съ досадою штабсъ-капитанъ.

— Вотъ и вспомните, сударь, мои слова. Я говорилъ, что будетъ своевольство; вотъ оно, своевольство-то, и пошло-съ. Дѣвка! ну что она такое, тварь воздушная-съ; а какую тревогу произвела-съ... пустился было въ разсужденія Поликарпъ; но баринъ уже ходилъ по комнатамъ, заложа руки за спину, и ероша волосы. Камердинеръ замолчалъ, и скри-

вилъ ротъ, бросая изъ-подтишка недовольные взгляды на барина.

Разумѣется, какъ самъ Владиміръ Александровичъ, такъ и прислуга, думали: что Маремьяна очень просто ушла домой. Кондратьевна, все еще сидѣвшая въ передней, очень обрадовалась, когда ей сказали, что ея племянница ушла домой, и удивлялась, почему Маряша не зашла за нею?

Но обратимся къ Маремьянѣ.

Едва сознавая себя, внучка прикащика, почти ощупью отворяя дверь за дверью, черезъ комнату камердинера, и какой-то узкій коридорчикъ, пробралась на черную лѣстницу, слыша, то тамъ, то тутъ, людскіе голоса. На крыльцѣ наступила на хвостъ собакѣ, которая громко завизжала; на дворѣ сбила съ ногъ дѣвченку, которая заревѣла во все горло. Наконецъ, Маряша очутилась за воротами, и пустилась бѣжать. Какъ миновала мостъ, на рѣкѣ, какъ поднялась въ гору, бѣглянка наша не помнила; ей все чудилось: что гонятся за нею, кричатъ, зовутъ ее... Дѣвушка опомнилась только у своей избы, перевела духъ и оглядѣлась... Никто не гнался за нею, все было тихо кругомъ, только собаки перекликались, и огоньки мелькали на селѣ. Маряша взялась было за кольцо калитки, но мысль: что вотъ сейчасъ-же придутъ за нею домой, и найдутъ, и возьмутъ, заставили ее уйти. И она побѣжала, куда глаза глядятъ; не задавая себѣ вопроса, куда идти? менѣе чѣмъ черезъ четверть часа, она была уже за деревней. Въ сторонѣ стояло какое-то низенькое почернѣвшее строенье; Маремьяна пошла къ нему по глубокому снѣгу. Легкая пороша заносила слѣдъ.

На другой день, вечеромъ, староста Пахомъ доносилъ барину, все еще сердитому, и молчаливому, что прикащикова внучка пропала; что домашніе ея ищутъ ее со вчерашняго вечера, обошли всѣхъ сосѣдей и родныхъ въ селѣ, и не могутъ нигдѣ найти дѣвки.

Владиміръ Александровичъ подумалъ съ минуту, и потомъ приказалъ нарядить нѣсколькихъ мужиковъ, и искать тщательнѣе.

По уходѣ старосты помѣщикъ подошелъ къ окну, постучалъ по стеклу пальцами, закурилъ сигару, бросилъ ее и по-

томъ опять взялъ, сѣлъ къ столу, досталъ счеты, и безъ цѣли началъ стучать косточками. Замѣтно было, что Владиміра Александровича тяготило непріятное чувство.

— Не было печали, да черти накачали, проговорилъ поручикъ.

— Что ты пристаешь? чего ты хочешь? молвилъ хозяинъ, очень недовольный гостемъ.

— Ужинать хочу, одинадцатый часъ, отвѣтилъ Харчукъ, зѣвая и потягиваясь.

Утромъ, въ слѣдующій день, лишь только староста явился къ барину, первый вопросъ послѣдняго былъ о Маремьянѣ.

— Сгинула да пропала, судырь, словно въ воду канула, отвѣчалъ Пахомъ, разводя руками и кося глазами, баютъ, ея валенку съ ноги нашли, гдѣ-то у околицы, къ жмулинской дорогѣ.

— А!.. значитъ, не потонула? произнесъ живо баринъ.

— Кто, Маряха-то? помилуйте, Владиміръ Александычъ! Да какимъ-же манеромъ ей потонуть? теперча не весна, не осень; ледъ на рѣкѣ крѣпкій. Вѣдь не утопится же своей охотой, помилуйте, отъ какой бѣды!... Не прикажете-ли судырь объявку въ станъ подать?..

— Погодимъ, Пахомъ... Авось... не въ городъ-ли ушла?.. Вѣроятно у Степаныча тамъ есть много знакомыхъ... Нужно послать кого-нибудь поумнѣе къ Петру Елизарычу, чтобъ тамъ провѣдать безъ огласки, тихонько... Понимаешь?

— Какъ не понимать, судырь! Я самъ съѣзжу.

— Тебѣ нельзя, ты здѣсь нуженъ... и чтобъ, чтобъ!... Баринъ нахмурилъ брови, и теръ себѣ лобъ. Чтобъ если ее найдутъ, не стращали... чтобъ сказали, что ей ничего не будетъ. Слышишь?

— Слушаю судырь, слушаю, понимаю... повторялъ Пахомъ.

На третій день послѣ своего отъѣзда, Иванъ Степанычъ воротился домой, и нашелъ свою семью въ страшномъ горѣ. Кондратьевна плакала и причитала въ голосъ, что она сама отвела родную Маряхоньку на пагубу: не послушала Марины, не спрятала, не укрыла дѣвку... Антипьевна ей вто-

рила. Марина вспоминала слова племянницы: не *возвращаться,* если что-нибудь случится съ нею недоброе...

Петръ и Гаранька, въ числѣ прочихъ мужиковъ, искали Маряшу.

Заплакалъ старый прикащикъ, выслушавъ печальный разсказъ Кондратьевны; глубокое горе овладѣло старикомъ.

— Дитятко мое!.. говорилъ онъ, относясь заочно къ любимой внучкѣ:—холилъ я тебя, почитай самъ вынянчилъ, и вольною сдѣлать хотѣлъ тебя... а топеричка, гдѣ ты? можетъ и на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ тебя... И Степанычъ зарыдалъ; всегдашняя робость его исчезла; онъ торопился на господскій дворъ, желая хоть упрекнуть виновника своего горя.

Тяжелою поступью и повѣсивъ голову вступилъ прикащикъ на господскій дворъ, а на сердцѣ было у него столько горечи, что и сказать нельзя... На дворѣ старикъ встрѣтилъ Веденѣя. Потолковали они тихонько все о той же Маремьянѣ, покачали головами, развели руками и разошлись. Когда вошелъ Иванъ Степанычъ въ переднюю, Андрюшки не было тамъ; въ комнатахъ царствовала глубокая тишина. Прикащикъ дошелъ до кабинета.

X.

Въ кабинетѣ нарушалась тишина только всхрапываніемъ Харчука; на широкомъ диванѣ, лежа навзничь, поручикъ, и горломъ, и носомъ издавалъ отрывистые хриплые звуки. Голова его была закинута, грудь высоко поднималась, и концы длинныхъ усовъ, и концы галстуха, поднимались и опускались при каждомъ движеніи груди.

— Спитъ какъ убитый! чортъ возьми, этакая усатая невинность! шепталъ хозяинъ, ворочаясь въ большихъ креслахъ и смотря съ завистію на гостя; сто разъ, тысячу разъ, завидую твоей флегмѣ, Остапъ!.. А я? я не могу спать спокойно, глупыя мысли лѣзутъ въ голову... Неужели это совѣсть? и чтожь я сдѣлалъ? и мысль-то была добрая... Я не

хотѣлъ допустить, чтобъ было насиліе доброй волѣ человѣка... потомъ, шалость... шутка... и отчего взбѣситься? бѣжать?.. Право, въ этой дѣвкѣ были зародыши сумасшествія!.. И Владиміръ Александровичъ началъ серьёзно увѣрять себя: что въ Маремьянѣ точно были зародыши сумасшествія, иначе, и глаза ея не горѣли-бы такимъ дикимъ огнемъ, и отъ барской ласки не убѣжала бы она... И мысли помѣщика мало по-малу принимали спокойный ходъ... Сначала онъ думалъ о предлагаемыхъ постройкахъ, потомъ воображеніе перенесло нашего штабсъ-капитана къ Аннѣ Антоновнѣ; точно въ туманѣ замелькали передъ нимъ ея бѣлыя, полныя плечи... Однообразный храпъ поручика, а можетъ и лишняя, выпитая за столомъ рюмка, подѣйствовали на Владиміра Александровича, и глаза его мало-по-малу начали смыкаться... Какъ вдругъ чьи-то тихіе шаги, и скрипъ отворяемой двери заставили его взглянуть. Передъ нимъ стоялъ прикащикъ.

— Степанычъ!.. воскликнулъ громко баринъ, неожидавшій такого внезапнаго появленія прикащика, передъ которымъ онъ себя почувствовалъ какъ-то не совсѣмъ ловко.

— Я, судырь Володимеръ Александрычъ!.. Я съ отчетомъ къ вашей милости пришелъ, отвѣчалъ Иванъ Степанычъ глухимъ голосомъ; и низко поклонился.

— Ну, что мнѣ скажешь?.. спросилъ помѣщикъ какъ можно ласковѣе.

— Приказаніе ваше, Володимеръ Александрычъ, я все исполнилъ... приторговалъ семьсотъ бревенъ; лѣсъ добрый; двухъ-годовалый... продолжалъ прикащикъ, все также глухо, хотя и спокойно... И сталъ объяснять подробно длину и толщину бревенъ, и высчитывать всю выгоду отъ перевозки ихъ на лошадяхъ своихъ крестьянъ.

Баринъ слушалъ разсѣянно, придакивалъ къ дѣлу, и не къ дѣлу, и внутренно удивлялся, что старикъ не заговариваетъ о Маремьянѣ.

— Ну спасибо, спасибо старикъ! молвилъ благосклонно Владиміръ Александровичъ, когда прикащикъ кончилъ. Все хорошо, все прекрасно! Ты старый конь, тебя нечего учить... и онъ нетерпѣливо махнулъ рукою, давая знать, по обык-

новенію, чтобъ Степанычъ шелъ. Но Степанычъ не уходилъ, онъ выпрямился, словно выросъ, и во всѣ глаза смотрѣлъ на барина.

— Что еще? спросилъ послѣдній отрывисто.

— Володимеръ Александрычъ! а гдѣ, судырь, гдѣ моя вну...чка?.. проговорилъ прикащикъ. Голосъ его порвался, слезы душили старика.

Владимiръ Александровичъ безпокойно повернулся въ креслахъ.

— Ахъ! да! Слышалъ я, Степанычъ, странно! Впрочемъ, заговорилъ было скороговоркою баринъ, стараясь придать спокойное выраженіе своему голосу, который нѣсколько дрожалъ. Но прикащикъ его перебилъ.

— Я, судырь, спрашиваю: куда дѣвалась моя Маремьяна-то?

Вѣдь она, третьяго дня, у васъ въ покояхъ-то была, куда-жь она дѣвалась-то? кто жь про то вѣдаетъ, кромѣ васъ? Говоря это, Иванъ Степанычъ, казалось, забылъ, что говоритъ съ господиномъ; и все ближе и ближе подступалъ къ нему.

Что-то острое, что-то жгучее, прошло по сердцу штабсъ-капитана. За минуту передъ этимъ онъ призналъ себя совершенно невиннымъ въ побѣгѣ Маремьяны, сваливая всю вину на чорта, который натолкнулъ его пошутить съ дѣвушкою, да на зародыши ея небывалаго сумасшествія. Теперь, при взглядѣ на убитаго горемъ старика, Владимiръ Александрычъ какъ-то противъ воли почувствовалъ себя причиною этого горя. Но признаться въ томъ, чистосердечно, хотя бы даже передъ самимъ собою, онъ никогда бы не захотѣлъ. И потому онъ колебался: поддержать-ли ему на себѣ маску равнодушія, разсердиться на дерзость прикащика, и выгнать его вонъ, или высказать старику откровенно свое участіе (къ чести нашего барина, непритворное) и постараться утѣшить Степаныча въ горѣ... Наконецъ, доброе начало превозмогло. Владимiръ Александровичъ всталъ, подошелъ къ прикащику, и положивъ ему руку на плечо, сказалъ:

— Послушай, Степанычъ! Говорю тебѣ, какъ честный и благородный человѣкъ.... Не думая обижать—я позвалъ твою внучку, только за тѣмъ, чтобъ спросить ея согласія выйдти

за Пахомова сына, который,—ты самъ знаешь,—одолѣлъ меня своими просьбами... Но какъ, и отчего, она убѣжала и скрывается до-сихъ поръ... Я не понимаю... Правда, я пошутилъ съ нею; но шутка моя не должна быть для нея оскорбительна; и я ни въ чемъ виноватымъ себя не считаю... Увѣряю тебя, какъ честный и благородный челокѣкъ!...

— Эхъ, баринъ!—молвилъ только едва слышно прикащикъ. Болѣе ничего онъ не могъ сказать, затрясся отъ слезъ, закрылъ лице руками—и вышелъ изъ кабинета. Баринъ съ минуту постоялъ въ раздумьи: укусилъ себѣ губы до крови, и запустивъ пальцы въ свои густые волосы, началъ быстро ходить по комнатѣ. Не прошло и часа, какъ онъ уже летѣлъ къ Аннѣ Антоновнѣ, не пригласивъ съ собою поручика, и даже не разбудивъ его.

Между тѣмъ Маремьяны все-таки не могли найти; и по селу ходили разные слухи. Одна баба увѣряла и даже божилась, что: видѣла своими глазами,—какъ Маряша бѣжала къ проруби. Разсказывалъ мужикъ: что видѣлъ по жмулинской дорогѣ бѣгущую, простоволосую дѣвку. Слушатели разумѣется, безъ дальнихъ разсужденій заключили: что то была Маремьяна. Говорили еще, что видѣлъ кто-то Маряшу въ городѣ,—съ полковымъ солдатомъ.,. И мало ли что еще болтали... И всѣ эти разсказы конечно,не могли быть утѣшительны, ни для семьи прикащика ни для Егора, который на другой-же день узналъ о своемъ несчастіи. Бѣдный парень, не говоря ни слова со своими стариками, ходилъ какъ темная ночь. И то и знай навѣдывался въ Заовражье: не нашлась ли пропажа?..Какъ Иванъ Степанычъ съ семьею, такъ и Егоръ— ни сколько несомнѣвались въ томъ, что баринъ былъ единственнымъ виновникомъ въ пропажѣ Маремьяны... Мужики тихо шушуками, бабы переколачивали о томъ вслухъ. Но читатель, конечно, видитъ, насколько былъ виноватъ въ томъ баринъ.

Въ тотъ же вечеръ Марья сказала Кондратьевнѣ: что къ ней пришла Алена и дожидается на дворѣ.

— Носитъ ее прахъ... Зачѣмъ, что ей нужно отъ меня— вѣтровкѣ этакой?... молвила съ досадою старшая сноха, выходя за дверь.

— Что тебѣ надобно?..—спросила не совсѣмъ ласково Кондратьевна, очень не любившая Алены,—отвѣчая на поклонъ какимъ-то киваньемъ.

— Здравствуйте, Анна Кондратьевна! ну что, чай горюете-о Маряхѣ?.. Молвила дѣвка.

— Еще бы, какъ не горевать!.. Кондратьевна подумала: что Алена пришла посмѣяться надъ ними, и сбиралась ужь выпроводить послѣднюю со двора.

— Не горюйте, Анна Кондратьевна! вѣдь Маремьяна-то здѣсь, въ селѣ... напрасно вы ищете ее... сказала полушепотомъ Алена.

— Аленушка! родимая, голубушка!.. гдѣ же она?.. воскликнула Контратьевна, забывъ себя отъ радости, готовая обнять добрую вѣстницу, забывая въ эту минуту то недоброе чувство, которое всегда питала къ Аленѣ.

— У насъ она, Анна Кондратьевна? у насъ на печкѣ лежитъ... А вотъ я тебѣ все по порядку разскажу—продолжала Алена.—Третьяго дня, выпросила я у сосѣда Панфила бани, и пошла—чтобъ ее вытопить... Отворяю баню: Господи! такъ и не опомнилась... гляжу—сидитъ въ углу человѣкъ, скорчился... Я и бѣжать было, ноги не бѣгутъ,—духъ отъ ужаса заняло... Думала я:—какое нечистое наважденіе померещилось мнѣ... А тутъ и слышу:—не трожь,—баетъ,—меня ради—Бога.. Я очнулась, дай-думаю:—посмотрю кто тутъ зашелъ?... Гляжу: Маряха ваша: блѣдная,—какъ мертвецъ,—вся дрожитъ,—словно въ лихорадкѣ... (Я еще по утру слышала, что она пропала.) Я ее распрашивать обо всемъ стала. А она баетъ свое: не води меня домой Аленушка! тамъ меня найдутъ! спрячь меня,—хоть въ землю закопай!—Она сердечная встала, а ноги-то подгибаются, отощала что-ль, аль перезябла,—Богъ ее вѣдаетъ. Не могла я добиться,—съ коихъ поръ она въ банѣ сидитъ... Привела я ее къ себѣ въ избу; а она все одно проситъ:—чтобъ никому я, даже и вамъ, не баяла про нее... Мы съ матерью видимъ, что мужиковъ пол-деревни сбито,—по приказу барскому,—все ищутъ дѣвки,—боимся, что найдутъ ее, и намъ бѣда!.. а сказать: что она у насъ,—жаль Маряхи, за ея просьбою... Возьмите ее къ себѣ, Анна Кондратьевна!...

Слушая это, Кондратьевна плакала отъ радости, что жива была Маряша. Не менѣе тетки обрадовался и Иванъ Степанычъ; въ мигъ запрягли лошадь, и Маремьяну привезли домой. Но она была уже въ горячкѣ, и не узнавала ни кого изъ домашнихъ... Все только просила Алену, чтобъ закопала ее въ землю, и со слезами прощалась съ Егоромъ, называя его самыми нѣжными именами. Теперь всѣ домашніе узнали ея сердечную тайну. Про барина Маремьяна не вспоминала, какъ будто несчастный вечеръ совершенно вышелъ изъ ея памяти.

Владиміръ Александровичъ былъ очень радъ, когда ему донесли, что Маремьяна нашлась; съ его совѣсти будто камень свалился. И узнавъ подробно: гдѣ, и какимъ образомъ ее нашли, онъ старался, и себя и другихъ увѣрить, что дѣвушка точно находилась въ сумасшествіи. Каждый день спрашивалъ о болѣзни Маряши; и въ первую же свою поѣздку въ городъ, привезъ съ собою доктора. Докторъ осмотрѣлъ больную, прописалъ лекарство и уѣхалъ. За лекарствомъ послали въ городъ—нарочнаго; оно не подѣйствовало,—больная бредила попрежнему. Докторъ въ другой разъ, разумѣется, не пріѣхалъ; заочно лечить оказалось невозможнымъ: близко не было ни аптеки, ни фельдшера. И Маремьяна попала на руки Усихи... И такъ, внучка прикащика вылежала шесть недѣль, не поднимая головы, не сознавая своего существованія, несмотря на то, что Ѳедора Кузминична варила разныя снадобья, и насильно вливала ихъ въ ротъ больной...

Между тѣмъ въ господскомъ домѣ жизнь шла своимъ порядкомъ. Владиміръ Александровичъ, успокоенный тѣмъ сознаніемъ, что онъ все сдѣлалъ для Маряши, даже еще болѣе, чѣмъ слѣдовало, привезя для нея доктора, теперь совершенно забылъ объ этомъ,—какъ онъ говорилъ,—скверномъ происшествіи... И мыкался по сосѣдямъ; завелъ интригу съ Анной Антоновной, ѣздилъ къ ней, обѣдалъ, пилъ, танцевалъ и игралъ, слылъ интереснымъ женихомъ — *душкою*, какъ звали его деревенскія барышни. Слушалъ совѣты Поликарпа Карпѣича, отрекалъ въ Харчукѣ человѣческое чув-

ство и дожидался великаго поста, чтобъ начать перестройки въ усадьдѣ.

Наконецъ прошла масляница. Наступилъ великій постъ. Въ Заовражьѣ, какъ и вездѣ (разумѣется, кромѣ столицъ) всѣ какъ-то притихли: катанье съ горы, гулянье, пѣсни, посидѣлки,—все прекратилось. Въ словахъ, въ манерахъ, въ платьѣ оказалось смиреніе, соотвѣтствующее днямъ покаянія. Не стало шуму на улицахъ; даже въ кабакъ забредетъ развѣ только какой-нибудь отъявленный пьяница, или лакей съ господскаго двора... И выпивши тихо, смирно, безъ шуму, безъ пѣсенъ,—удалится во своояси...

Деревенскія женщины усѣлись за красна, ткать напряденную въ продолженіи зимы пряжу.

Настали теплые мартовскіе дни; чувствовалось скорое приближеніе весны; зимнія, бѣлыя, укатанныя санною ѣздой дороги начинали чернѣть на улицахъ, на солнечной сторонѣ стали въ полдень образовываться лужи.

Въ одинъ изъ такихъ ясныхъ солнечныхъ дней, Маряша приподняла голову, пришла въ память, узнала тетку Марину, отъ которой не далеко лежала, и попросила ѣсть. Несмотря на безтолковое, а можетъ быть и вредное леченіе Усихи, молодая натура дѣвушки одержала побѣду надъ болѣзнью,—кризисъ кончился.

— Поѣшь, Маряхонька, поѣшь моя золотая! вотъ и баранки на столѣ лежатъ... дядя Василій изъ Ростова съ *ярмонки* привезъ... говорила обрадованная Марина; можешь-ли только встать-то?..

Не могу, тёта... въ глазахъ будто какіе-то тенёта, отвѣчала Маряша, упадая опять на подушку.

— Ну вотъ, подожди... кто нибудь придетъ, и чайкомъ тебя напоятъ.

— А какъ солнышко-то свѣтитъ!... Вотъ, мнѣ бы туда, къ оконцу хотѣлось... Дѣвушка показала рукою на окно.

— И къ оконцу тебя переведутъ, родимая ты моя, слава-те Господи!...—говоря это Марина плакала.

— О чемъ-же ты, тёта?...—спросила съ удивленіемъ племянница.

— Отъ радости, Маряхонька, я плачу... ты, можно ска-

зать изъ мертвыхъ воскресла... Шесть недѣль маковой росы у тебя во рту не было, окромѣ лекаркина снадобья...

Маряша перевернулась на другой бокъ, и казалось, припоминала что-то...

— Придутъ къ тебѣ тетки, аль дяди, сидятъ, горюютъ... а ты, и Богъ вѣсть что такое баешь... знать тебѣ видѣлось что нибудь?...

— И видѣлось мнѣ все что-то чудное, тёта, слышу я, говорятъ: и тетушка Кондратьевна, и тетушка Антипьевна, и Антонидинъ голосъ... слышу и Алёнинъ, будто всѣ дѣвки придутъ ко мнѣ... а ихъ не вижу... около меня словно сороки сидятъ... Помню, разъ, иду будто я по снѣгу... вязну: а тутъ поймала меня Алена, и стала въ землю закапывать... говорила Маремьяна, прерывающимся отъ слабости голосомъ.

— Охъ, Маряшенька... наше мѣсто свято... какія тебѣ ужасти видѣлись... Баяла я Кузминичнѣ—богородицкой травы на крестъ тебѣ навязать, такъ меня не послушала... — замѣтила Марина.

— Не все-жь худое... и хорошее мнѣ видѣлось, продолжала дѣвушка, развивая въ памяти свои видѣнія, словно запутанныя нитки.—Вотъ разъ, идемъ мы съ тобою по широкой, широкой дорожкѣ; дорога песчаная, а песокъ бѣлый, чистый,—словно сахаръ; по обѣимъ сторонамъ деревья шумятъ, да такія высокія,—до самаго неба выросли, верхушекъ и глазомъ не видать... А по дорогѣ все идутъ сѣдые старцы — съ котомками, и все поютъ стихи... А въ дали стоитъ церковь: такая свѣтлая и чудная,—что пересказать не могу... да... да! какъ теперь помню, бѣгу я, тороплюсь, ноги вязнутъ въ пескѣ... а ты и сѣла на дорогѣ, не могу идти,—баешь,—ноги нейдутъ... Мнѣ на тебя такъ досадно стало... тороплюсь... а церковь-то и стала подниматься на воздухъ,—все выше и выше...

Марина дотого умилилась, дотого разчувствовалась, что ея громкія всхлипыванья прервали разсказъ Маряши.

— О чемъ-же плачешь тёта?...

— Какъ же не плакать... Вѣдь у меня обѣщаніе есть, Маряхонька... потрудиться, сходить въ какую-нибудь обитель...—отвѣчала тетка; ну-ка, разсказывай...

— Да что разсказывать-то!... послѣ ужь и не помню, куда и ты, и старцы дѣвались; очутилась я въ оврагѣ, вонъ-что-за усадьбой: стою, и слышу—кто-то плачетъ... слушаю: дѣдушка плачетъ...

— Онъ и взаправду, родная, надъ тобою почти кажинный день плакалъ... бастъ, не умирай, Маряха!.. не твое, мое мѣсто—въ могилѣ... Ей-ей правда... тоска вѣрно такая и на него нашла...—перебила Марина.

— Гдѣ-жь теперь дѣдушка?

— На господскій дворъ ушелъ, и дяди всѣ ушли... Сегодня, слышь барина провожаютъ, въ полкъ... баютъ, ѣдетъ.

— Ѣдетъ?

— Да, ѣдетъ... Изъ полка приказъ получилъ—воротиться, продолжала Марина. Слышь, война быть хочетъ... Усиха говоритъ: бѣлый *арапъ* поднимается, а солдатъ со всѣхъ сторонъ гонятъ.

Но Маремьянѣ не было никакого дѣла ни до солдатъ, ни до бѣлаго арапа. При словѣ «баринъ» ей вдругъ вспомнился несчастный вечеръ, со всѣми непріятными послѣдствіями и потомъ мелькнулъ образъ Егора. Маремьяна глубоко вздохнула; всѣ чувства, спавшія такъ долго, въ сердцѣ дѣвушки пробудились. Маряша желала бы спросить тетку о Егорѣ, но придя въ совершенное сознаніе, она вспомнила, что домашніе не знаютъ о ея сердечной тайнѣ.

Вскорѣ пришла Кондратьевна, и обрадовавшись, что племянница можетъ сидѣть на постели, поспѣшила напоить ее чаемъ.

У Ивана Степаныча на этотъ разъ было двѣ радости: первая—выздоровленіе внучки, а другая — что баринъ при отъѣздѣ поручилъ ему управленіе вотчиною на прежнихъ правахъ.

Вечеромъ, въ старую избу сошлась вся семья. Мужики много толковали объ отъѣздѣ барина: какъ прощался онъ съ мужиками, и говорилъ имъ рѣчь, въ родѣ того: что вотъ молъ я васъ оставляю, лечу на поле чести и брани, и можетъ быть—иду на вѣрную смерть за любезное отечество и вижу васъ, мужички, въ послѣдній разъ. Какъ уложили въ повозку соннаго усатаго поручика. И какъ Поликарпъ, не-

довольный отъѣздомъ изъ деревни, кривилъ ротъ, больше обыкновеннаго... И какъ, благословляя Владиміра Александровича, отецъ Семенъ прослезился... а близь-стоявшая старуха завыла въ голосъ...

Марьяша и слушала и нѣтъ эти разговоры, думая безпрестанно о Егорѣ.

Вдругъ въ избу вошла Антонида.

— Доброе здоровье хозяевамъ! говорила она, кланяясь на всѣ стороны.

— Видно, изъ города? спросила Марья.

— Изъ города! А, Маряхонька! знать полегчало... ну слава Богу. Я баяла, что ты встанешь; вотъ и встала... Ну-ка, я тебѣ калачикъ изъ города принесла!—Говоря это, Антоха достала изъ мѣшка калачъ и подала его Марьяшѣ, садясь къ ней на постель.

— Ишь, красной бумаги не стало на *точу* (тканье); я сегодня утромъ въ городъ и махнула, съ Софроновой женой, ну, и купила.

— Съ Софроновой женой? перебила Марьяша.

— Вѣдь Софронъ-то старостинъ женился, Маряха, поколѣ ты хворала,—поспѣшно перебила Кондратьевна, женился, женился—на Марѳѣ Онуфрѣевой.

Маряша шумно вздохнула, словно тяжесть какая спала съ ея сердца.

— А изъ города, начала опять Антоха, я ѣхала ужъ съ Егоромъ Жмулинскимъ; онъ былъ съ своей молодухою. Молодица какая ражая.

— Егоръ! съ молодухою! вскричала Маряша болѣзненно, и устремила на Антониду глаза, которые отъ худобы лица казались вдвое болѣе, чѣмъ были.

— Вѣдь Егоръ-то, Маряха, женился, изъ Васильевскаго дьячковну взялъ, поторопилась пояснить Антипьевна, передъ масляной въ пятницу и вѣнчанье-то было!

Но Маряша уже не слышала послѣднихъ словъ тетки; изъ груди дѣвушки вырвался тихій стонъ, такой тихій, что только Маряша слышала его. Убитая этой вѣстью, Маремьяна не могла подробно распрашивать о женитьбѣ того, кого считала своимъ суженымъ, и молча склонилась на подушку.

Долго сидѣла еще Антонида, разсказывая бабамъ о томъ, что видѣла и что покупала въ городѣ. Долго вся семья жужжала около Маряши, которую считали спящею, и наконецъ всѣ разошлись.

Но что чувствовала въ это время Маремьяна, словами выразить трудно. И тѣ, кто не испыталъ измѣны любви, никогда бы не поняли состоянія любящей, оставленной дѣвушки; состоянія, близкаго къ сумасшествію. Сначала Маряша почувствовала, будто что-то доселѣ привязывавшее ее къ землѣ, лопается со звономъ, съ трескомъ, потомъ сердце ея какъ будто исчезло, уничтожилось, и все существо охватилъ страшный холодъ.

Блѣдная, холодная, съ плотно-сомкнутыми глазами и губами, пролежала Маремьяна цѣлыя сутки, а домашніе думали, что она крѣпко спитъ и надѣялись, что сонъ укрѣпитъ ея силы.

На слѣдующій день Маремьяна открыла глаза, оглядѣлась, и обернулась къ окну, въ которое, такъ какъ и вчера, ярко и привѣтливо свѣтило солнце; а по дорогѣ прыгали и чирикали воробьи. И долго, задумчиво глядѣла Маремьяна на свѣтлое, лазурное небо.

— Тета, обратилась она наконецъ къ Маринѣ, Богъ дастъ, мы весною на богомолье пойдемъ, далеко-далеко куда нибудь, и будемъ ходить до тѣхъ поръ, покуда ноги носить насъ будутъ.

— Пойдемъ, моя голубка, только, тебѣ хорошо, у тебя рѣзвыя ноги,—отвѣчала Марина, печально улыбаясь, а я ужъ и не знаю какъ!..

— И будемъ мы ходить, продолжала племянница, не слушая тетки, и не воротимся... Что намъ здѣсь дѣлать?.. да, намъ нечего тутъ дѣлать! договорила, какъ будто сама съ собою, Маряша и вздохнула глубоко.

Прошло нѣсколько дней. Маремьяна оставила постель, начала приниматься за работу. Взяла было полотенце, которое для Егора вышивала красною бумагою, но опять поспѣшно бросила въ сундукъ, словно руки обожгло оно ей.

Иванъ Степанычъ нѣсколько разъ заводилъ рѣчь, при внучкѣ, о женитьбѣ Егора, жалѣя жениха и обвиняя во

всемъ судьбу. Маремьяна въ это время уходила изъ избы, или смотрѣла въ сторону, стараясь скрыть выраженіе своего лица.

Наступила святая недѣля. Внучка прикащика, противъ обыкновенія, не спѣшила въ церковь, желая избѣжать встрѣчи съ Егоромъ. Но какъ утерпѣть чтобъ не побывать въ церкви въ такой великій праздникъ! такъ и Маряша не утерпѣла, и на четвертый день отправилась къ вечернѣ, вовсе не думая увидѣть Егора.

Но выходя обратно изъ церкви, противъ всякаго ожиданія, повстрѣчалась съ нимъ у ограды. Молодые люди взглянули другъ на друга и остановились, словно по уговору... Маремьяна побѣлѣла бѣлѣе бѣлаго платка, который держала въ рукахъ и отвернулась. Егоръ вспыхнулъ и потупилъ глаза.

Народъ изъ церкви уже разошелся. Выходили еще двѣ три старухи, которыя не обратили никакого вниманія на оторопѣвшую чету.

Маряша пошла было, стараясь не поднимать глазъ, Егоръ остановилъ ее, тихонько дотронувшись до ея плеча.

— Маремьяна Петровна! похристосуемся, молвилъ онъ нетвердымъ голосомъ. Внучка прикащика оглянулась.

Егоръ грустно глядѣлъ на ея блѣдное, осунувшееся личико.

— Похристосуемся, Маремьяна Петровна! повторилъ онъ. Въ голосѣ его слышалось что-то тоскливое. Маряша остановилась.

— Похристосуемся... промолвила она тихо, но спокойно. И они трижды поцѣловались. Маряша провела рукою по своимъ блѣднымъ щекамъ, словно слезы утирала, и пошла своею дорогою, тихо, спокойно, безъ оглядки. На мосту Егоръ опять догналъ ее.

— Маремьяна Петровна! молвилъ онъ, поравнявшись съ нею, нынѣ великіе дни, сердиться грѣхъ: «И ненавидящимъ насъ простимъ», поютъ въ церкви. А мы не токмо ненавидѣть, любили другъ друга...

Изъ глазъ Маряши покатились крупныя слезы.

— Все болѣзнь твоя виновата, продолжалъ Егоръ; ни-

чего, ни отъ кого я не могъ добиться путемъ, какимъ манеромъ пропала ты, зачѣмъ была у барина? Не мало горевалъ я, Богъ про то вѣдаетъ... а тутъ слышу, хвораетъ Маремьяна, не встаетъ, баютъ, какъ пластъ лежитъ, все равно, что мертвое тѣло... Ко мнѣ мать пристала, хворость меня, баетъ, одолѣла, работать не могу: женись, Егоръ; тутъ невѣсту высватали.

Маряша все болѣе и болѣе удвоивала шагъ. Моросилъ мелкій дождь. На улицѣ никого не было.

— Не сердись на меня, ради Христа, не сердись, Маремьяна Петровна! Маряша!

— Богъ съ тобой, Егоръ Селифонтьичъ, ты правду баешь: грѣхъ сердиться, я не сержусь. Только отстань ты отъ меня, проговорила дѣвушка, едва сдерживая рыданія, которыя разрывали ей грудь.

— Маремьяна Петровна, такъ простимся же, воскликнулъ Егоръ, останавливая ее за рукавъ. Простимся, Маряша! Охъ, Маряша, Маряша! голубка ты моя! сердце мое! голосъ его дрожалъ.

— Егоръ Селифонтьичъ! молвила обернувшись Маремьяна, прошу тебя: не срами ты меня, и самъ себя не срами, вспомни, у тебя жена!.. И она рванулась впередъ, и быстро пошла въ гору, не оглядывась ни разу. Егоръ долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ, печально покачивая головою, и тихо побрелъ въ свою деревню. По дорогѣ онъ зашелъ въ кабакъ.

Наступила весна. Въ деревнѣ послышались пѣсни, начались по праздникамъ гулянья, хороводы, но Маряша не выходила на улицу. У ней только и разговоровъ было съ теткою Мариной, что о предполагаемомъ пути на богомолье.

Однажды Иванъ Степанычъ воротился изъ города чрезвычайно веселъ, что со старикомъ случалось очень рѣдко. Онъ объявилъ семьѣ, что Владиміръ Александровичъ пишетъ изъ полку Петру Елизарычу: «если, дескать, Степанычъ хочетъ откупиться съ семьей, то его не удерживать и отпустить за десять тысячъ (ассигнаціями), хоть и съ разсрочкою ». И только теперь старикъ сказалъ откровенно, что онъ готовъ внести барину означенную сумму, хоть сей-

часъ. Сыновья, не знавшіе сколько у отца денегъ, съ изумленіемъ переглянулись между собою.

Не прошло и недѣли, какъ Петръ Елизарычъ опять извѣстилъ Степаныча, что Владиміръ Александровичъ прислалъ другое письмо, и согласенъ уже прикащика отпустить и за восемь тысячъ. Какъ Иванъ Степанычъ, такъ и вся семья еще болѣе обрадовались. Даже Маряша, равнодушная ко всему, не была равнодушна къ этой вѣсти, потому что будущее не грозило ей замужествомъ противъ ея воли.

И вотъ прикащикъ отправился въ городъ, для переговоровъ съ Петромъ Елизарычемъ, намѣреваясь притомъ: взявъ ввѣренныя на сохраненіе Чернухину деньги, отписать барину о своемъ согласіи внести за выкупъ означенную имъ сумму.

Было семь часовъ вечера, когда Иванъ Степанычъ пріѣхалъ въ городъ, на этотъ разъ съ Гаранькою, и на одной лошади. Благовѣстили ко всеночной, гдѣ-то въ дальней церкви; городское стадо возвращалось съ поля въ городъ, поднимая пыль столбомъ на немощеной улицѣ. Прикащикъ, объѣхавъ его, остановился у домика Ивана Андреича. На этотъ разъ калитка была не заперта, и на порогѣ стояла Паша, дочка Ивана Андреича, разговаривая съ дѣвушкою сосѣдкою, однихъ съ нею лѣтъ.

— Здравствуй, Прасковья Ивановна! Тятенька твой дома? спросилъ Иванъ Степанычъ.

— Дома-съ, отвѣчала дѣвушка, маменька въ огородѣ капусту садитъ, а тятенька поливаетъ.

Оставивъ Гараньку съ лошадью за воротами, прикащикъ черезъ дворъ пошелъ на огородъ.

— Добраго здоровья, другъ любезный! вскричалъ онъ, завидѣвъ Ивана Андреича, въ томъ же халатѣ, подпоясаннаго платкомъ, стоящаго въ бороздѣ и поливающаго изъ лейки только-что насаженные кочни.

Добро пожаловать, другъ-пріятель! воскликнулъ хозяинъ. А я, вотъ видишь, *домашенствомъ* занимаюсь.

— Богъ труды любитъ, Иванъ Андреичъ! Богъ въ помочь тебѣ.

— Благодарствуемъ, Иванъ Степанычъ, отозвалась Татьяна Григорьевна съ другаго конца грядъ.

— Паша! распорядись-ка съ самоварчикомъ! крикнулъ Иванъ Андреичъ дочери.

— Сейчасъ, тятенька-съ!—звонко откликнулась Паша со двора.

Хозяинъ и гость вошли въ комнату.

— Ну что, ночуешь у насъ, другъ-пріятель? такъ пусть лошадка на дворъ въѣдетъ, сказалъ хозяинъ.

— Ночевать, я думаю, придется у Петра Елизарыча, отвѣчалъ Иванъ Степанычъ, нужно мнѣ у него совѣта попросить... баринъ онъ добрый. Выкупаться хочу, Иванъ Андреичъ... слышь, нашъ баринъ письмо прислалъ, проситъ съ меня съ семействомъ восемь тысячъ. Какъ ты думаешь, дорого?...

— Не дешево... и не дорого, другъ-пріятелъ!.. молвилъ Чернухинъ: вѣдь у тебя семья-то большая, сочти-ка всѣхъ!

— Я тоже думаю... а потому и спѣшу, покуда Володимеръ Александрычъ не спохватился. Вѣдь у него умокъ-то что вешній вѣтерокъ: сегодня—такъ, а завтра—противный подулъ, и все пропало, замѣтилъ прикащикъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ Татьяна Григорьевна принесла самоваръ, приготовила все что нужно, и пригласила и гостя и хозяина къ чаю, по окончаніи котораго, когда было все убрано, и мать и дочь вышли изъ комнаты, Иванъ Степанычъ, оглядѣвшись, сказалъ хозяину:

— Ну, Иванъ Андреичъ, за угощеніе приношу благодарность.

— Прошу извинить, другъ-пріятель! отвѣчалъ Иванъ Андреичъ; радъ гостю, а дѣла пуще всего. Въ другой разъ милости просимъ!

— Благодарствую, Иванъ Андреичъ... благодарствую... повторялъ Иванъ Степанычъ, вставъ и почесывая затылокъ. Ну, а того-то, другъ-любезный: *нынѣ время благопріятно*... Отблагодарю тебя, добрый человѣкъ... отблагодарю, — чѣмъ могу?

— За что, другъ-пріятель?

— Какъ за что! Ты меня отъ какой бѣды-то избавилъ!

Вѣдь я тебѣ многимъ *обвязанъ*, да! Метался я, бился какъ рыба объ ледъ; одна тоска съѣла... А топеричка, слава-те Господи! Ну поди же, принеси, другъ-любезный!...

— Что такое, Иванъ Степанычъ?

— Шутникъ ты, право, Иванъ Андреичъ! Будто не понимаешь?

— Ей-Богу, не понимаю! молвилъ хозяинъ, смотря на гостя съ невинностію младеца.

— Денежки, копѣечки! принеси... шепотомъ, шутливо, проговорилъ прикащикъ.

— Какія денежки, какія копѣечки? спросилъ съ изумленіемъ Иванъ Андреичъ.

— Какъ какія? а что я тебѣ на сохраненіе-то отдалъ.. Ты думаешь, я забылъ... Эхъ ты шутъ, Богъ съ тобою.. Иванъ Степанъ потрепалъ Ивана Андреича по плечу.

— Господь съ тобою... перекрестись, другъ-пріятель! во снѣ что-ли бредишь? молвилъ Чернухинъ, приходя въ большее изумленіе...

— Шутникъ-ты! только шутить-то съ тобою некогда, продолжалъ гость.

Чернухинъ молча глядѣлъ на прикащика и покачивалъ головою.

— Чтожъ ты глядишь на меня?

— Гляжу я на тебя, другъ-пріятель, чуденъ ты мнѣ что-то кажешься... Еслибъ ты горячіе напитки употреблялъ, такъ я бы подумалъ, что ты того-то... свихнулся. А теперь, ей-Богу, я и думать не знаю что о тебѣ? отвѣчалъ хозяинъ съ самою невинною, сладкою миною, и добродушно засмѣялся.

Гость въ свою очередь посмотрѣлъ на хозяина изумленными глазами.

— Послушай, другъ любезный, Иванъ Андреичъ, сказалъ онъ: еслибы мы не были съ тобой давно знакомы, и неизвѣстна была мнѣ твоя добрая совѣсть, я бы подумалъ.. попросту сказать—я бы подумалъ, что ты запереться хочешь въ моихъ двадцати тысчонкахъ!

Чернухинъ пожалъ плечами.

— Ты наконецъ, кажется, начинаешь меня обижать, другъ-

пріятель... молвилъ онъ такимъ тономъ, что у прикащика захолонуло сердце. Онъ чувствовалъ, что онъ блѣднѣетъ, и холодный потъ выступаетъ по всему тѣлу.

— Ужъ-ли въ томъ моя обида, Иванъ Андреичъ, что я своихъ кровныхъ, собственныхъ денегъ требую? спросилъ онъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, ясно понимая, что съ нимъ уже не шутятъ.

— О какихъ же ты деньгахъ толкуешь?... что это за деньги? и на какой конецъ давалъ ты мнѣ ихъ: взаймы что-ль? Ей-Богу въ толкъ я не возьму, понять не могу...

— Хорошо ты понимаешь! А что притворяешься и вертишься,—такъ вотъ это худо... Самъ я человѣкъ простой, и прямой, и на твою совѣсть надѣялся, точно такъ, какъ на свою... ужь-ли я ошибся? А коль ты запамятовалъ, такъ я тебѣ напомню, все болѣе и болѣе разгорячась продолжалъ Иванъ Степанычъ; отдалъ я тебѣ свои деньжонки прошлою зимою, послѣ Рождества, вотъ въ этой самой горницѣ отдалъ, изъ рукъ въ руки,—одинъ–на–одинъ... А видѣли только стѣны, твоя совѣсть, да Богъ!.. который все видитъ... Ну, вспомнилъ-ли?

— Другъ-пріятель!—отвѣчалъ Иванъ Андреичъ, пожимая плечами; ты говоришь, что деньги мнѣ отдалъ ты на сохраненіе, а тебѣ сохранить ихъ дома негдѣ было что-ль? Слава Богу, ты въ своемъ домѣ живешь, въ родной семьѣ, не у чужихъ... Развѣ деньги были у тебя краденыя? и ты ихъ вздумалъ прятать!... такъ я самъ не воровалъ, и краденаго ничего не укрывалъ,—Богъ миловалъ!... Я хоть бѣдный, но честный человѣкъ! — докончилъ онъ торжественно.

Степанычъ стоялъ ошеломленный, уничтоженный, и глядѣлъ на своего пріятеля мутными глазами, вполнѣ сознавая свое ужасное положеніе. Наконецъ, онъ опомнился:

— Такъ ты ужъ лучше такъ и скажи, что молъ: «я ничего у тебя не бралъ», такъ лучше и скажи, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Разумѣется, не бралъ, отвѣтилъ Иванъ Андреичъ, слегка дрожащимъ голосомъ, прямо смотря въ глаза старику.

Будь на мѣстѣ Ивана Степаныча другой, помоложе, поэнергичнѣе, пожалуй бросился-бы на Чернухина, и за-

душилъ, загрызъ-бы его. Прикащикъ только подвинулся къ нему поближе.

— Не бралъ? повторилъ онъ, не бралъ! Ахъ ты, Иванъ Андреичъ! плутъ, мошенникъ! грабит... Голосъ Степаныча порвался, онъ всхлипывалъ.

— Ты что̀ это шумишь, въ самомъ дѣлѣ, старый чортъ! вскричалъ, выходя изъ себя, наконецъ, Чернухинъ. Ты съ ума сошелъ, и думаешь, что зашелъ куда-нибудь, къ своему заовражскому мужику? Врешь, любезный, я тебѣ покажу, какъ шумѣть въ квартирѣ благороднаго человѣка. Я позову будочника, такъ и возьмутъ въ полицію, аль въ сумасшедшій домъ посадятъ. Убирайся вонъ, покуда цѣлъ.

Старикъ спохватился, понявъ, что ссорою ничего не выиграешь, требовать деньги судебнымъ порядкомъ нельзя, дѣло было глухое, дѣло совѣсти, свидѣтелей нѣтъ. Притомъ же и подозрѣнія барина, и слуги о его намѣреніи обыскивать прикащика, еще живы были въ памяти, какъ самого Степаныча, такъ и заовражскихъ мужиковъ. Итакъ, отчаяннному старику пришло въ голову попробовать другое средство: онъ повалился Ивану Андреичу въ ноги:

— Прости ты меня, другъ-пріятель! нагрубилъ я тебѣ, горе взяло... врагъ-дьяволъ попуталъ, завидуя нашей давнишней пріязни. Не погуби, Иванъ Андреичъ, не погуби, не зарѣжь меня—безъ ножа. Отдай мои деньги... Возьми себѣ, за полежанье, тысячу возьми. Ну, двѣ возьми. Побойся Господа-Бога! у тебя дѣти есть. Помнишь, что ты сказалъ, когда деньги взялъ, что: *чужое въ прокъ нейдетъ*!.. Не привлекай на свою голову Божія наказанія!. Говоря это, прикащикъ плакалъ.

Смотря на слезы Ивана Степаныча, Чернухинъ пересталъ грозить полиціею, поднялъ старика и принялъ свой обыкновенный, ласковый тонъ, добродушно сожалѣлъ, что его другъ-пріятель помѣшался въ умѣ, совѣтуя ему сходить къ лекарю, поставить мушку и проч. Прикащикъ же, съ своей стороны, видя, что ни просьбы, ни слезы ему не помогаютъ, снова пришелъ въ отчаяніе, билъ себя въ грудь и осыпалъ укоризнами Ивана Андреича, грозя божіимъ наказаніемъ.

— Хоть мнѣ и жаль тебя, а ей-Богу, другъ-пріятель, видно придется употребить съ тобою тѣ мѣры, объ коихъ я давича упомянулъ, если ты шумѣть не перестанешь! замѣтилъ Иванъ Андреичъ, стараясь себя сдержать.

— Такъ чтожь, и не бралъ, не бралъ ты у меня денегъ? не переставалъ кричать старикъ, все ближе и ближе приступая къ хозяину.

— Не бралъ, и не бралъ! сто разъ, тысячу разъ повторю, что не бралъ, отвѣчалъ Иванъ Андреичъ, пятясь.

— Такъ подавись-же ты ими, проклятый человѣкъ! Пусть, ни въ здѣшнемъ, ни въ будущемъ вѣкѣ не будетъ *спокою* твоей совѣсти! вскричалъ старикъ, закрывъ лице руками. И съ глухимъ стономъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, словно пьяный, онъ вышелъ изъ комнаты, сѣлъ на телѣжку и велѣлъ ѣхать Гаранькѣ въ Заовражье.

— Прощай, Иванъ Степанычъ! Опять заѣзжай, другъ-пріятель! вскричалъ въ слѣдъ ему, высунувшись изъ окна, Иванъ Андреичъ.

Отъѣхавши отъ города нѣсколько верстъ, и проѣзжая лѣсомъ, Гаранька оглянулся на дѣда, и испугался.

Старикъ сидѣлъ безъ шляпы; остатокъ его сѣдыхъ волосъ развѣвалъ вѣтеръ; лице его было дотого блѣдно, что казалось зеленымъ. Глаза его съ выраженіемъ ужаса смотрѣли по сторонамъ въ лѣсъ, какъ будто тамъ видѣли какія нибудь чудовищныя видѣнія; а лѣсъ глухо шумѣлъ, и густыя сумерки ложились кругомъ.

— Дѣдушка! аль шляпу-то потерялъ? спросилъ подкидышъ, оглянувшись вторично, и видя, что старикъ все еще былъ безъ шляпы.

— Заперся,—все равно что укралъ, Иванъ Андреичъ!.. проклятый! прокл... человѣкъ! проговорилъ глухо дѣдушка, и нѣтъ ему спо...коя... и нѣтъ проще...нія.

— Какой тутъ Иванъ Андреичъ! шляпа-то была у тебя на головѣ, когда мы за заставу, выѣхали началъ очень наивно подкидышъ. Э...да она вонъ гдѣ, голубушка, прабавилъ онъ, доставая шляпу изъ телѣги; на-ка, дѣдушка, надѣнь, ишь, комары голову кусаютъ.

Старикъ молча взялъ шляпу и машинально надѣлъ ее.

Между тѣмъ, некормленная въ городѣ лошадь шла тихо, и путники наши воротились въ село поздно, когда уже вся семья успѣла позавтракать и отправиться всякій на свое дѣло, кромѣ готовившей обѣдъ Кондратьевны.

— Ну, вотъ и пріѣхали! воскликнула невѣстка, видя входящаго въ избу свекра.

— Скажи-ка, родимый, повѣдай: что Петръ-то Елизарычъ баетъ? что баринъ-то пишетъ? спрашивала она нетерпѣливо.

— Что писать! Отстань ты отъ меня, отвѣчалъ глухо прикащикъ, и поспѣшно вышелъ вонъ.

Кондратьевна поглядѣла ему въ слѣдъ и вздохнула, навѣрно подумавъ, что предполагаемый выкупъ, по какому-нибудь обстоятельству, состояться не можетъ.

Когда старикъ пришелъ въ старую избу, Марина къ нему пристала съ тѣмъ же вопросомъ.

— Эхъ-ма! отвѣтилъ отецъ, махнувъ рукою. И раздѣвшись, поспѣшно юлѣзъ въ подполье.

Хворая дочь удивилась, но расспрашивать не посмѣла.

Когда за обѣдомъ собралась вся семья, сыновья осыпали старика вопросами: что съ нимъ говорилъ Петръ Елизарычъ насчетъ выкупа? Иванъ Степанычъ коротко имъ сказалъ, чтобъ они ему не напоминали о выкупѣ... И не кончивъ обѣда, поспѣшно ушелъ изъ-за стола.

Семья переглянулась между собою.

Гаранька объяснилъ, что они въ городѣ были только у Чернухина, а Петра Елизарыча и въ глаза не видали.

— Значитъ, батюшка видно раздумалъ хлопотать о выкупѣ, замѣтилъ, покачивая головою, Василій.

— Должно быть кто-нибудь прогнѣвилъ старика, замѣтилъ Петръ, взглянувъ на свою жену, которая на этотъ разъ рѣшительно не знала за собой никакой вины.

— И какой онъ, прости Господи, сердитый! молвила Контратьевна.

— И страшный! прибавилъ подкидышъ; почесь я даже испужался: сидитъ дѣдъ въ телѣгѣ, словно мертвецъ блѣдный, нолды зеленый!..

— Можетъ, хворается дѣдушкѣ, старъ ишь сталъ, заключила Маряша.

Между тѣмъ, въ продолженіи дня, Иванъ Степанычъ все ходилъ изъ угла въ уголъ; и на дворъ выйдетъ, и въ сѣнникъ пойдетъ, и въ горницу, и въ сарай, и въ подполье нѣсколько разъ лазилъ, словно все искалъ чего-то... И все бормоталъ что-то самъ съ собою, чего съ нимъ прежде никогда не бывало.

Марина всѣхъ скорѣй замѣтила такую странную перемѣну, и спросила, здоровъ ли онъ?

Старикъ вздохнулъ глубоко.

— Тошно мнѣ, Марина! больно мнѣ тошно! отвѣтилъ онъ глухимъ голосомъ, садясь къ дочери на постель, такъ мнѣ тошно, что мѣста не могу найдти...

— Господь съ тобою! родимый мой, передъ добромъ ли? молвила дочь.

— Не передъ добромъ! чувствую, что не передъ добромъ! злой человѣкъ погубилъ, безъ ножа зарѣзалъ: все отнялъ, заперся... А было бы, было бы чѣмъ жить! и дѣтямъ и внучатамъ!.. говорилъ прерывисто Иванъ Степанычъ.

Марина, изумленная словами отца, глядѣла на него во всѣ глаза, не зная что думать.

— И на выкупъ бы было, и на торговлю, на все бы стало, продолжалъ прикащикъ. Охъ, легко сказать: двадцать тысячъ заѣлъ!...

Безсвязныя рѣчи, разстроенный видъ и помутившіеся глаза отца навели Марину на мысль, что старикъ спятилъ съ ума... Она ахнула, и невольно всплеснула руками. Но желая увѣриться въ своемъ предположеніи, спросила:

— А кто же, батюшка, деньги-та у тебя заѣлъ? двадцать-то тысячей?

— Кто заѣлъ мои двадцать тысячъ? проклятый человѣкъ заѣлъ!.. Иванъ Андреичъ, другъ-пріятель заѣлъ! ограбилъ... и не бу...детъ... ему спокою! отвѣтитъ! за все отвѣтитъ, за мою душу отвѣтитъ!.. А я не перенесу, Марина! не перенес....су!.. И старикъ, склонясь на подушку дочери, зарыдалъ.

На Марину напалъ какой-то ужасъ. Она не могла даже

отчетливо осмыслить: въ здравомъ-ли разсудкѣ говоритъ все это ея отецъ, или нѣтъ? и только шептала молитву.

Прошло нѣсколько минутъ, Иванъ Степанычъ приподнялся.

— Марина! — сказалъ онъ болѣе спокойнымъ голосомъ, никто до-сихъ-поръ не зналъ, и не знаютъ, что у меня были деньги... не знаютъ, что и пропали онѣ... Тебѣ одной только повѣдалъ я мое горе... не воротишь того, Марина, что прошло... да, не воротишь!..

Старикъ всталъ, отошелъ, сѣлъ къ окну, и задумался, потомъ всталъ, махнулъ рукою и спустился въ подполье.

А удивленная, пораженная дочь все еще не могла привести въ порядокъ свои мысли и безсознательно шевелила губами.

Спустя нѣсколько, вошла Маремьяна и спросила: гдѣ дѣдушка? говоря, что съ господскаго двора къ нему пришли плотники.

— Вѣрно, въ подпольи?... сказала Марина, уже нѣсколько пришедшая въ себя отъ удивленія.

— Подполье закрыто, отвѣчала дѣвушка, смотря на опущенную западню.

— Больше негдѣ быть: изъ избы не выходилъ, молвила тетка.

— Что-жь онъ тутъ дѣлаетъ?

— А кто его знаетъ?.. Я думаю, онъ сегодня десять разъ туда лазилъ... Охъ, Маряхонька! я и сказать тебѣ не знаю какъ... а батюшка что-то, Богъ его вѣдаетъ, не изъ ума ли онъ, сердечный, выжилъ: такихъ рѣчей мнѣ наговоричъ, что я и ума не приложу...

Но Маряша, не слушая тетки и приподнявъ западню, вскричала.

— Дѣдушка! что ты тутъ дѣлаешь? Къ тебѣ плотники пришли... слышишь?...

Отвѣта не было.

— Тета, его тутъ нѣтъ! — молвила внучка.

— Куда-жь ему дѣваться? возразила Марина.—Поди-ка, Маряхонька, сойди сама, посмотри... старикъ старый, не ровенъ часъ, можетъ, и языкъ отнялся...

Маряша спустилась внизъ.

Вдругъ раздался страшный вопль... и Маремьяна въ ужасѣ, блѣдная какъ смерть, выскочивъ изъ подполья, бросилась на улицу, словно кто гнался за нею.

Не прошло и получаса, какъ мужики, въ шапкахъ и безъ шапокъ, бабы, дѣвки, и даже ребятишки, бѣжали со всѣхъ сторонъ къ избѣ прикащика.

— Куда всѣ бѣгутъ?... что подѣлалось? ужь не пожаръ-ли? — спрашивала онуфріева жена, высунувшись изъ окна, у проходившей мимо Антониды.

— Ужли не слыхала?... — спросила послѣдняя, утирая передникомъ глаза.

— Нѣтъ, не слыхала; ишь, толку не могу добиться...

— Вѣдь Ивана-то Степаныча, сердечнаго, баютъ, — изъ петли выняли!... отвѣчала Антоха.

Далѣе исторія умалчиваетъ о семействѣ прикащика, и только передаетъ: что Иванъ Андреичъ Чернухинъ вскорѣ сталъ отдавать деньжонки въ проценты, сначала подъ залогъ платковъ и женскихъ шубеекъ, а потомъ подъ залогъ жемчуга и серебряныхъ вещей, далѣе-же подъ залоги лавокъ и домовъ; костюма своего онъ не измѣнилъ, хотя въ городѣ и считали его человѣкомъ богатымъ, обращаясь за займомъ, какъ къ извѣстному ростовщику. Пашу свою онъ выдалъ за жениха съ чиномъ. Паша, его сынъ, произведенный по *благородному* (какъ выразился Иванъ Степанычъ), служитъ въ одномъ изъ здѣшнихъ департаментовъ, довольно значительнымъ лицомъ, и совершенно забылъ, что его отецъ — когда-то ходилъ за *сохою* и бороною, но помнитъ Ивана Степаныча, котораго Иванъ Андреичъ называлъ другомъ-пріятелемъ и сожалѣлъ о его смерти, о его душѣ.

А. КОБЯКОВА.

Два вопроса.

Изъ Гейне.

I.

Скажите, кто первый часы изобрѣлъ?
Кто бѣдную жизнь на минуты расчелъ?
Навѣрно препасмурный умникъ... Нерѣдко
Онъ въ зимнія ночи, свой долгій досугъ,
Въ пустынныхъ хоромахъ почившаго предка,
Просиживалъ, слушая трепетный стукъ,
Жильцовъ-невидимокъ въ старинной панели,
Да скребетъ мышей, прогрызающихъ щели.

II.

Скажите мнѣ, кто поцалуй изобрѣлъ?
Кто въ фокусъ лучи наслажденія свелъ?
Навѣрно—блаженныя, юныя губки...
Цалуясь, онѣ подражали голубкѣ,
Ни въ чемъ не завидуя дивнымъ богамъ,
И было то въ дни благодатнаго мая,
Когда закипала любовь молодая,
И солнце съ небесъ улыбалось цвѣтамъ.

В. ЯКОВЛЕВЪ.

СФИНКСЪ.

Въ прошломъ году нанялъ я себѣ на лѣто у колонистовъ небольшой чистенькій домикъ, въ одной изъ окрестностей Петербурга. Мѣсто было хорошее, живописное и — чего мнѣ больше всего хотѣлось — совершенно уединенное, а въ то же время и отъ города не далеко. Мнѣ было удобно: уютъ, просторъ и теплое лѣто, — чего же болѣе?.. Въ городъ я ѣздилъ довольно рѣдко; зато ко мнѣ почти постоянно пріѣзжали оттуда добрые пріятели. Манилъ ихъ сюда чистый воздухъ, такъ влажно напитанный густымъ, смолистымъ ароматомъ хвойнаго лѣса; въ этомъ воздухѣ легко и привольно дышалось. Манило широкое, кристально-свѣтлое озеро, до-того свѣтлое и прозрачное, что отъѣхавши на лодкѣ саженей сто отъ берега, бывало, если наклонить черезъ бортъ голову, такъ сквозь воду можно было разглядѣть ровное дно, все накрѣпко устланное мелкимъ бѣлымъ пескомъ; вода въ немъ всегда стояла свѣжая, для купанья мягкая и бодрая, — славно было купаться! Не мало также манило ко мнѣ добрыхъ пріятелей и густое, вкусное молоко, которое удобно доставалось у колонистовъ во всякое время дня и ночи, да вдобавокъ еще ко всему этому, для любителей всегда представлялась возможность вдоволь поохотиться за лѣсной и болотной дичью. И такъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ удобствъ, мое уединеніе было не совсѣмъ-таки одиноко.

Я забрался въ это «затишье» только ради здоровья: мнѣ надо было лечиться — дышать смолистымъ воздухомъ, пить парное молоко и бродить по песчанымъ, лѣсистымъ горамъ и обрывамъ. Я очень люблю это послѣднее занятіе: бредешь-себѣ потихоньку, куда глаза глядятъ, бредешь, вполнѣ располагая своимъ временемъ, карабкаешься черезъ камни по узкимъ нагорнымъ тропинкамъ, нечаянно зацѣпляя ногами то густую траву, то цѣпкій кустарникъ, то вдругъ спотыкаясь о крѣпкіе, бурые корни сосенъ, которые не всасываются въ глубину земли, а только какъ бы ползутъ надъ каменистой почвой. На душѣ такъ свѣтло и спокойно, какъ-будто она улыбается чему-то, и самъ, глядишь, незамѣтно начинаешь улыбаться... А на ярко-голубомъ небѣ солнце такъ и горитъ, такъ и жжетъ, и сушитъ своими почти отвѣсными лучами запыленную траву на припёкахъ, а въ лѣсу ничего—прохладно; только смолистый воздухъ, растопленный этимъ горячимъ солнцемъ, становится еще гуще и пахучѣй и порою мѣшается то съ сыроватымъ запахомъ грибовъ, то съ тонкимъ, спиртуознымъ запахомъ муравейника. Легкій, баюкающій ухо гулъ неровно пробирается по верхушкамъ высокихъ деревьевъ. Птица лѣсная изрѣдка перекликается другъ съ другомъ, и перекликается такимъ тонкимъ, сладкимъ высвистомъ, будто истомленнымъ, изнѣженнымъ отъ этого тепла благодатнаго; а ты все бредешь да бредешь-себѣ дальше, и что ни шагъ, то новая красивая группа деревьевъ, камней и кустарника, то новое и вѣчно-разнообразное освѣщеніе, въ которомъ каждый малѣйшій полутонъ солнечнаго свѣта, заслоненнаго сѣткой переплетенныхъ вѣтвей, какъ–то особенно милъ и картиненъ; что ни поворотъ, то новый пейзажъ, на который полюбовался съ минуту и опять побрелъ-себѣ дальше. И мысль, и глаза спокойно и равнодушно переходятъ отъ предмета къ предмету, и на душѣ, незамѣтно подступая, разливается тихо-радостное, а подъ конецъ какъ-будто слегка утомленное довольство. И забредешь, бывало, такъ, совершенно незамѣтно, верстъ за шесть, за семь отъ своей дачи; а тамъ отдохнешь-себѣ въ-волю гдѣ-нибудь въ густой и прохладной тѣни, и опять побрелъ, только уже не впередъ, а обратно, къ дому, и непремѣнно новымъ путемъ, новыми мѣстами.

Въ этихъ прогулкахъ особенно любилъ я посѣщать одно мѣсто, на разстояніи пяти или шести верстъ отъ моего домика. Тропинка къ нему вилась горами и лѣсомъ, который на вершинѣ одного обрыва вдругъ прекращался, смѣняясь молодымъ березнякомъ и осинникомъ, обильно кудрявившимъ собою весь глинистый скатъ въ небольшую и ярко-зеленую луговую долину. Хорошъ и картиненъ былъ видъ на эту долину съ высоты обрыва! — Взглянешь направо, тамъ искрится и голубѣетъ большое зеркальное озеро, такъ щедро окаймленное пушистымъ ивнякомъ и свѣтлозеленою высокою осокой; а за озеромъ тонкими очертаніями вырисовываются въ ясномъ воздухѣ снова лѣсистыя возвышенности, чуть-чуть подернутыя легкимъ, синеватымъ туманомъ. Взглянешь налѣво, тамъ, на пригоркѣ, пріютилась небольшая, чистенькая деревенька, которая словно потонула въ волнахъ кудрявой зелени, пестрѣющей издали всѣми своими оттѣнками, начиная съ темно-синеватаго отлива елей, до свѣтлозеленаго цвѣта березы и клена. А за этою деревушкой, изъ-за густо-разросшагося парка, вырѣзываются ярко-бѣлыя колонны старой барской дачи, какъ видно, построенной когда-то на большую широкую ногу. Но теперь эта дача пуста: окна наглухо заколочены ставнями, дорожки парка зарастаютъ травою, и нѣтъ въ ней никакого признака жилья. Посреди этой небольшой долины одиноко возвышается купа высокихъ деревьевъ, довольно близко растущихъ одно отъ другаго и крѣпко переплетенныхъ между собою вѣтвями. Въ этомъ благодатномъ мѣстѣ всегда стоитъ прохладная тѣнь и тишина, а отъ земли разливается мягкотепловатая сырость, которая какъ-то невольно располагаетъ къ нѣгѣ и отдыху. Всѣ роды окрестной растительности, казалось, сошлись и соединились тутъ вмѣстѣ: березы и клены просовывали вѣтви между отроговъ сосенъ и елей; плакучая ива роскошно развѣшивала свою шапку густою бесѣдкой надъ кустами шиповника и дикой малины; молодая, граціозная рябинка упиралась и будто облокачивалась на стальной стволъ трепещущей осины, — и всѣ эти вѣтви, стволы и сучья переплетались зацѣпками молодыхъ побѣговъ хмѣля и бѣлаго павоя, которые разростались и вились тутъ сами-

собою, безъ всякой помощи отъ руки человѣческой. Войдешь, бывало, туда, и вдругъ, такъ и обдастъ тебя ароматомъ свѣжей, спѣлой земляники, которая особенно любила эту заслоненную отъ солнца почву. Соловьи также прилетали сюда каждую вёсну. Малиновки, чижики и пѣночки гнѣздились каждое лѣто въ этихъ темныхъ и уединенныхъ вѣтвяхъ.— Хорошо тамъ было! — и я особенно любилъ это тихое мѣсто. Но болѣе всего меня занимало вотъ что: въ самой серединѣ этой природной бесѣдки (я не придумаю какъ лучше назвать эту великолѣпную группу сросшихся деревьевъ) возвышался небольшой холмикъ, весь густо поросшій сочною травой и земляникой, и видомъ своимъ похожій не то на забытую дерновую скамейку, не то на засохшую могилу.

Помнится, какъ-то разъ вхожу я туда въ самый жаркій полдень и неожиданно застаю тамъ маленькую крестьянскую дѣвочку-босоножку, лѣтъ семи, съ небольшою миской земляники въ рукахъ. Она не ожидала этого прихода и потому, при первомъ шелестѣ моихъ шаговъ, тихо вздрогнула и, молча остановивъ на мнѣ свои полуиспуганные голубые глазенки, хотѣла-было уже удалиться, но я ласково остановилъ ее.

— Продаешь землянику-то? спросилъ я.

— Продаю... робко отвѣтила дѣвочка, торопливо завязывая въ желтоватый, клѣтчатый платокъ свою ношу, какъ бы боясь, что, можетъ, я — лихой человѣкъ и отниму ее, пожалуй.

— А что̀ стоитъ? спросилъ я ее снова.

Дѣвочка помолчала, поглядѣла сперва на меня, потомъ на свою миску, какъ бы соображая, что̀ она стоитъ и что̀ я могу дать за нее, и не смѣло проговорила:

— Восемь копѣекъ сто̀итъ.

Я вынулъ изъ кармана двугривенный — единственную мелочь, какая только была со мною—и отдалъ его дѣвочкѣ.

Та какъ-то недовѣрчиво поглядѣла на серебряную монету и, передавъ мнѣ свой товаръ, повернулась, чтобы уйдти.

— Постой! куда же ты? проговорилъ я во слѣдъ ей: а миска-то, а платокъ-то чтоже? — Погоди, пока опростается!

Она обернулась.

— Такъ тебѣ ненадо миски? помолчавъ немного, спросила она меня.

— Конечно, ненадо, отвѣтилъ я.

— Такъ ты это мнѣ за землянику далъ? какъ-то вдумчиво продолжала она, внимательно разглядывая деньги.

— За землянику.

— Ну, такъ ладно: я подожду, сказала она и, подойдя совершенно спокойно, сѣла подлѣ меня на холмикъ, но уже, какъ показалось мнѣ, не обращая вниманія и неопредѣленно глядя-себѣ Богъ вѣсть-куда-то.

— Хочешь земляники? спросилъ я ее, выбирая крупныя, сочныя ягоды.

Ее, казалось, не мало изумилъ и озадачилъ этотъ неожиданный вопросъ.

— Ну, что же ты не отвѣчаешь? продолжалъ я, подвигая къ ней миску.

— Да вѣдь ты же купилъ... какъ же это?.. съ недоумѣніемъ проговорила она, глядя на меня во всѣ свои большіе, голубые глаза.

— Такъ что-жъ, что купилъ, — мнѣ одному не съѣсть, много... ѣшь, коли хочешь!..

Дѣвочка подумала, и какъ бы сообразила все сказанное мною, потомъ взглянула мнѣ въ лицо, словно желая удостовѣриться, спроста ли я или съ хитростью говорю ей все это и наконецъ отвѣтила:

— Ну, ладно... буду ѣсть...

И мы вмѣстѣ принялись истреблять землянику.

— Что это за мѣсто? спросилъ я ее, кивнувъ при этомъ головой и глазами такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это люди, когда желаютъ на что-нибудь указать.

Дѣвочку видимо затруднилъ мой послѣдній вопросъ.

— Это-то?.. лѣниво отвѣтила она, поднося ко рту горсть земляники и точно такъ-же, какъ и я, кивнувъ впередъ головой и глазами.

— Ну, да.

— Здѣшнес. — Ишь ты, ягодникъ цѣлый!

— Да чьё оно?

— А кто его знаетъ!.. Дѣвки по землянику ходятъ...

— А это тутъ что же такое устроено? продолжалъ я спрашивать, раза два прихлопнувъ ладонью по холмику: скамейку дерновую должно-быть дѣлали, что ли?

— Нѣтъ, не скамейку...

— А что же такое?

— Могила.

— А!.. Чья же могила?

— Не знаю...Господская, сказываютъ, прибавила она послѣ короткаго молчанія. Мы сюда по ягоду ходимъ. — Ишь ты: хорошая, крупная ягода! замѣтила она, нагнувшись къ землѣ и сорвавши вѣточку земляники, которую и поднесла ко мнѣ съ послѣдними словами, какъ будто на-показъ.

— И не боитесь? продолжалъ я расправшивать.

Дѣвочка снова подумала и снова помолчала.

— Нѣтъ, не боимся, отвѣтила она. Прошлымъ лѣтомъ ребята пужали: сказывали, что нехорошее-де, заклятое мѣсто, да мы ничего, ходимъ! Перекрестишься и войдешь—ну, и ничего, не тронетъ!..

«А! такъ вотъ оно что! подумалъ я себѣ, значитъ тутъ и легенда какая-то есть!—И мнѣ захотѣлось узнать эту легенду.

— Что же еще разсказываютъ про могилу? спросилъ я дѣвочку.

— Разсказываютъ...промолвила она несовсѣмъ-то увѣреннымъ тономъ.

— Что же такое, именно?

И...не знаю...Надо-быть, мамка знаетъ, вѣрно...али тятька... а я не знаю.

Такъ я и не добился отъ нея ничего больше. Но тѣмъ не менѣе, вообразивъ себѣ однажды, что тутъ есть какая-то легенда, я раза два пытался-было хоть что нибудь провѣдать о ней, однако же ровно ничего не узналъ. — На томъ и успокоился. Только мѣсто это съ своею забытою могилой, послѣ встрѣчи моей съ крестьянскою дѣвочкой, облеклось для меня

какою-то «романтическою таинственностью» и стало какъ-то еще милѣе,—что дѣлать! ужъ таково свойство моего характера и воображенія!

Мѣсяцъ, можетъ быть, спустя послѣ этого, поѣхалъ я, не помню зачѣмъ-то, въ городъ. Иду-себѣ по Невскому проспекту, и только что поднялся-было на ступеньки подъѣзда къ одному книжному магазину, какъ вдругъ слышу за собою, кто-то окликнулъ меня по имени. Обертываюсь назадъ:—Боже мой! Натаровъ, вы ли?!..

— Какъ видите!

И мы тотчасъ же обнялись, и искренно пожали другъ другу руки.

— Давно-ли вы здѣсь? спросилъ я.

— Четвертый день, какъ съ парохода.

Только?...А давненько таки мы съ вами не видались: лѣтъ около пяти, пожалуй!..Гдѣ же вы были? въ Италіи?

— Да вездѣ, а больше всего во Флоренціи.

— Ну, теперь, значитъ, надолго вы къ намъ?

— Не думаю...Недѣли три впрочемъ пробуду: устрою дѣла кой-какія, да и опять махну за границу... Ну, слава тебѣ Господи! прибавилъ онъ, привѣтливо смотря мнѣ въ глаза и крѣпко пожимая руки: хоть одну-то живую душу встрѣтилъ!.. Вѣрите ли, продолжалъ онъ, вотъ уже четвертый день въ Петербургѣ—и хоть бы одного знакомаго нашелъ, ровнёхонько ни души! Точно въ чужой городъ пріѣхалъ. Поразъѣхались, какъ въ воду канули!..Вотъ и брожу одинъ, какъ видите. Скука невыносимая и жара такая же!

— Знаете ли что, предложилъ я ему, вѣдь вы ничѣмъ особенно не заняты, поѣдемте-ка ко мнѣ на дачу; я живу одинъ-одинешенекъ; а тутъ, быть можетъ, и изъ общихъ знакомыхъ кто нибудь завернетъ ко мнѣ: увидитесь, потолкуете. Мы нѣсколько дней проживемъ отлично! — Хотите? Кстати, вотъ и коляска извощичья ѣдетъ, мы ее тотчасъ и наймемъ.

Натаровъ согласился немедленно; мы взяли экипажъ, за-

ѣхали только на минутку къ нему въ нумеръ отеля и отправились ко мнѣ на дачу.

Владиміръ Натаровъ, мой давнишній, добрый знакомый, былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, симпатичной наружности и характера. Познакомился я съ нимъ чуть ли еще не на университетской скамейкѣ и всегда зналъ его за чрезвычайно общительнаго, милаго и умнаго человѣка. Природа, какъ казалось, лѣпила изъ него что-то замѣчательное, далеко выходящее вонъ изъ ряда, да вдругъ, видно работа надоѣла ей, или такъ, подшутить захотѣлось,—и она, махнувъ рукою, выпустила его на свѣтъ божій какимъ-то недолѣпленнымъ, неоконченнымъ, такъ что великаго и замѣчательнаго изъ него ничего не вышло; тогда какъ задатки вполнѣ артистическаго темперамента глубоко лежали въ его нервной и впечатлительной натурѣ. Натаровъ былъ артистъ, и артистъ самый разнообразный, человѣкъ жизни и съ глубокою вѣрою въ жизнь, въ науку и въ искуство. Но при всемъ этомъ его далеко нельзя было назвать диллетантомъ: диллетантизма въ немъ не было ни сколько, — нѣтъ, напротивъ, тутъ было настоящее, вѣрное пониманіе и любовь къ дѣлу, хотя и это пониманіе, и эта любовь, пришлись ему какъ-то легко, безъ труда, какъ-будто сами дались въ руки. Онъ славно игралъ на фортепіано и на скрипкѣ, да игралъ не виртуозничая, «не мудрствуя лукаво», а съ толкомъ и простымъ, неподдѣльнымъ чувствомъ. Пріятный и чистый теноръ его не однажды хваталъ всѣхъ насъ за сердце.—Онъ, казалось, жилъ и страдалъ и переживалъ страданія въ это время,—и насъ заставлялъ страдать и жить вмѣстѣ съ собою. Карандашъ у него былъ бойкій, хорошій карандашъ и съ художническими замашками. Его каррикатуры блистали остроуміемъ; его акварельныя и масляныя работы отличались мыслью и мягкимъ, жизненнымъ колоритомъ; его стихи наконецъ (онъ и стихи писалъ!) были живы, граціозны, и, помнится, мы не однажды повторяли изъ нихъ многія строфы,—такъ они сами-собою и ложились въ память! Когда онъ намъ читалъ монологи Гамлета, — мы увлекались его простою и глубоко-правдивою декламаціею: онъ вѣрно и тонко понималъ Гамлета! Давалъ ли онъ намъ отрывокъ изъ Грибоѣдова,

изъ «Ревизора», или свою собственную, гдѣ нибудь подслушанную сцену, — мы хохотали до-упаду, и этотъ хохотъ непринужденно и искренно вызывался его разсказомъ и мимикой. А между тѣмъ, въ публичныхъ концертахъ Натаровъ не игралъ и не пѣлъ, каррикатуръ не издавалъ, картинъ и акварелей не выставлялъ на художественныя выставки, стиховъ не печаталъ, на домашнихъ театрахъ не дебютировалъ и, вообще, не мечталъ о себѣ много. И мы всѣ, да и онъ самъ очень хорошо понимали, что ко всѣмъ этимъ артистическимъ свойствамъ какъ-будто недостаетъ чего-то, чтобъ изъ него вышло что нибудь оконченное. — «Крыльевъ нѣтъ, генія нѣтъ, нѣтъ этого общаго, верховнаго синтеза, чортъ возьми!» часто повторялъ онъ самъ и простодушно звалъ себя «недодѣланнымъ.» Всѣ проявленія его хорошей натуры ограничивались у него только небольшимъ кружкомъ добрыхъ знакомыхъ, которые однако на пьедесталъ его не возносили и не захваливали, а любили себѣ попросту, какъ только можно любить добраго товарища,—человѣка простаго и безъ всякихъ заносчивыхъ претензій. Такимъ я зналъ его прежде, до отъѣзда за границу, такимъ оказался онъ и теперь.

И Натаровъ, и я любили бродить по полямъ и лѣсамъ, безъ всякой цѣли, захвативши съ собою развѣ, про всякій случай, охотничье ружье, да лягавую собаку. Двое сутокъ прошло у насъ незамѣтно. На третій день, подъ вечеръ, мы, по обыкновенію, собирались гулять; закурили сигары и, разговаривая всю дорогу безъ-умолку, брели себѣ помаленьку, куда глаза глядятъ. Пройдя версты двѣ отъ дому, я какъ-то незамѣтно и совершенно безсознательно свернулъ на узкую лѣсную тропинку, къ моему любимому мѣсту. Часа черезъ полтора очутились мы у обрыва. Вся долина внизу и вся окрестность за нею неподвижно лежали, нѣжно облитыя золотисто-розовымъ свѣтомъ заходящаго солнца...

— Взгляните-ка, Натаровъ, какой славный видъ отсюда! проговорилъ я, выводя его на открытое мѣсто. Вы, какъ артистъ, должны оцѣнить его...

При первомъ взглядѣ, брошенномъ на окрестность, мнѣ показалось, что онъ слегка вздрогнулъ, подъ тайнымъ впе-

чатлѣніемъ какого-то внезапно прихлынувшаго чувства, которое слегка отразилось у него и на лицѣ. Я, впрочемъ, ни мало не медля, приписалъ это очень естественной чуткости артиста.

— Да, видъ хорошъ... проговорилъ онъ, какъ бы безсознательно, и все еще не выходя изъ-подъ обаянія охватившихъ его впечатлѣній.

Мы стали спускаться въ долину.

Минутъ черезъ пятнадцать привелъ я его къ своей любимой купѣ деревьевъ, и мы вошли подъ ея густую, прохладную тѣнь. Затаенная мысль, мелькнувшая у Натарова въ первую минуту, и до сихъ поръ еще не покидала его лица.

— Гмъ!.. Какое странное стеченіе обстоятельствъ!..какъ бы про себя проговорилъ онъ въ полголоса, окинувъ быстрымъ взглядомъ всю бесѣдку и вдругъ какъ-то загадочно улыбнувшись.

— Что такое? не безъ любопытства спросилъ я.

— Нѣтъ...такъ...ничего...словно нехотя отвѣтилъ Натаровъ, погруженный въ свою мысль, тогда какъ загадочная улыбка все еще тихо играла на его губахъ.

Онъ сѣлъ подлѣ меня на холмикъ.

— А знаете ли вы, вѣдь это, кажется мнѣ, могила, сказалъ я, прерывая минутное молчанье.

— Да, отвѣтилъ онъ, утвердительно кивнувъ головою, какъ будто и самъ безъ меня давнымъ-давно зналъ уже это.

— Тутъ даже, можетъ быть, и легенда есть какая нибудь, примолвилъ я, втайнѣ заинтересованный его загадочной улыбкой и отвѣтомъ.

— Да, есть и легенда, возразилъ онъ все тѣмъ же спокойно-утвердительнымъ тономъ, даже скажу вамъ болѣе: я самъ былъ отчасти дѣйствующимъ лицомъ этой легенды.

— Вы?! можетъ ли быть?!.. невольно воскликнулъ я, уставивъ въ него недоумѣвающіе глаза. Вотъ не ожидалъ-то! Разскажите, Бога ради!.. Признаться, я давно заинтересованъ этой могилой...

— Пожалуй, если хотите... Придемъ домой, такъ разскажу на сонъ грядущій.

— А теперь? Разсказывайте теперь, если можно!

— Нѣтъ, не могу... Мнѣ не совсѣмъ-то легко это сдѣлать: надо собраться съ духомъ, возразилъ Натаровъ, грустно и глубоко вздохнувши. И вотъ какое, въ самомъ дѣлѣ, странное стеченіе обстоятельствъ, прибавилъ онъ все съ тою же улыбкой: за недѣлю до отъѣзда я былъ на этой самой могилѣ, и теперь, черезъ недѣлю по пріѣздѣ — я опять на ней же... И совершенно неожиданно!.. Погодите: дома я разскажу вамъ, поспѣшилъ онъ заключить, точно боялся, чтобы я не сталъ его снова распрашивать.

Но дома застали мы трехъ нашихъ пріятелей, пріѣхавшихъ послѣ ужина, я нагнулся къ Натарову и въ полголоса спросилъ его на ухо:

— А легенда?

— Нѣтъ, погодите... какъ бы нехотя и тоже въ полголоса отвѣтилъ онъ, замѣтно тяготясь этимъ вопросомъ; знаете ли, есть такія отношенія, про которыя неловко какъ-то говорить самому, да еще самому про себя же... Передъ однимъ еще человѣкомъ, въ хорошій часъ, пожалуй, оно и можно, а передъ нѣсколькими... языкъ какъ-то не ворочается, право... Впрочемъ, вы утѣшьтесь, прибавилъ онъ: я всю эту исторію правдиво записалъ за границей въ видѣ разсказа... Я вамъ пришлю его: онъ со мною...

И точно, дней черезъ двѣнадцать я получилъ отъ Натарова небольшую тетрадку при слѣдующемъ письмѣ:

«Очень сожалѣю, что не могу проститься съ вами лично. «Непредвидѣнныя обстоятельства заставляютъ меня немед- «ленно ѣхать къ себѣ въ деревню, а оттуда, устроивъ окон- «чательно свои дѣла, я отправляюсь за границу. Въ Петер- «бургъ не заѣду, а хочу прямо пробраться на гнуснѣйшую «моему сердцу Вѣну, потомъ черезъ Тріестъ въ Venezia la «bella... Если вздумаете побывать во Флоренціи, такъ вотъ «вамъ адресъ.

«При помощи его, вы непремѣнно столкнетесь съ душе- «вно-любящимъ васъ Владиміромъ Натаровымъ.

«Жму вашу руку и посылаю обѣщанный разсказъ, кото- «рый и оставляю въ полное ваше распоряженіе: дѣлайте съ «нимъ что хотите.»

Я воспользовался даннымъ мнѣ правомъ и теперь представляю его читателямъ.

I.

«Я любилъ только одинъ разъ... Это было въ 18.. году Мнѣ тогда только что пошелъ двадцать-третій годъ; университетскій курсъ былъ оконченъ; впереди виднѣлась какая-то широкая и свѣтлая жизнь, а какая именно, я объ этомъ не думалъ; чувствовалъ только, что должна быть непремѣнно широкая и свѣтлая. Силъ было много, а грезъ и надеждъ еще больше. Въ эти годы кому не хочется любить?.. Ну, вотъ и я тоже жаждалъ какой-то особенной, эксцентрической любви; но, признаюсь, вовсе не въ шиллеровскомъ родѣ, — нѣтъ, сердцу хотѣлось чего-то другаго, душа упорно стремилась къ иному идеалу!.. Шекспиръ всегда былъ моимъ богомъ; я бредилъ Шекспиромъ и даже нѣкоторое время чистосердечно считалъ себя Гамлетомъ. Впрочемъ, кто жъ изъ нашего поколѣнія и не считалъ себя имъ? Самая жизнь какъ-то невольно вырабатывала у насъ этотъ типъ, что однако же нисколько не мѣшало мнѣ и не быть имъ въ сущности. Тѣмъ не менѣе, повторяю, я бредилъ Шекспиромъ и искалъ въ жизни шекспировскихъ идеаловъ, шекспировскихъ женщинъ. Я упорно обольщалъ себя радужно-дѣтской надеждой встрѣтиться наконецъ съ Юліей, съ Офеліей, съ Титаніей или съ Дездемоной...

Но увы! санктъ-петербургская почва не родитъ ни Дездемонъ, ни Офелій, она способна производить на свѣтъ только капусту, бруснику, кислосладкихъ Нѣмокъ, сдобныхъ купчихъ да прѣсныхъ барышенъ, которыя вовсе ужъ не подходятъ къ шекспировскимъ идеаламъ, и, по причинѣ своей прирожденной плоскости и безцвѣтной пошлости, не могутъ даже идти въ параллель и съ его комическими общечеловѣческими типами... И знаете ли, какъ ни глупо, а вѣдь я страдалъ, искренно страдалъ отъ этого!.. А между тѣмъ хотѣлось, охъ, какъ хотѣлось любить!—и любить было некого! . Влюбляться же безпрестанно и кое-какъ во всякую встрѣч-

ную юбку я не хотѣлъ: нравственное чувство рѣшительно не поддавалось на это. Я какъ-то строго, даже аскетически смотрѣлъ на отношенія къ женщинѣ; я уважалъ,—мало того—свято чтилъ любовь и эти отношенія. Мнѣ всегда хотѣлось, ужъ если полюбить, такъ полюбить разомъ, всею душою, всею жизнью, и полюбить такую женщину, которой бы было не жалко отдать свѣжую, непочатую силу, растрачивать которую по мелочамъ я считалъ преступленіемъ даже противъ своей собственной совѣсти. Душа сжималась при одной мысли, что послѣ придется, пожалуй, съ презрѣніемъ помянуть весь этотъ «жаръ души, растраченный въ пустынѣ» и въ то же время крѣпко пожалѣть о немъ.—И я упорно сторонился отъ всякаго мимолетнаго, мелкаго чувства. Можетъ быть, покажется даже страннымъ, что я, въ мои годы, съ моею горячею кровью, съ моею нервной, впечатлительной натурой, смотрѣлъ на любовь такимъ исключительнымъ и, если угодно, головнымъ взглядомъ вполнѣ зрѣлаго человѣка, — а между тѣмъ это было такъ; и признаюсь, до такого сознанія дошелъ я чисто посредствомъ головы, посредствомъ разсудочнаго убѣжденія.

И такъ, я бредилъ шекспировскими идеалами. Но—«ужъ коли судьба твоя въ Юттелевѣ, а не въ Рамбовѣ, какъ замѣтилъ мнѣ однажды одинъ паренёкъ, такъ ты хоть головой бейся въ Рамбовъ, а все-таки приколесишь въ Юттелево!»—Такъ и со мной: искалъ я идеаловъ и жаждалъ высокой любви, а любовь сама-собою подкралась ко мнѣ незамѣтно, съ той стороны, откуда я менѣе всего ожидалъ ее, — именно съ Юттелева, а не съ Рамбова. Дѣло было вотъ какъ:

Часу въ девятомъ утра я возвращался домой съ берега сосѣдняго озера, куда я ходилъ съ альбомомъ въ рукахъ, набрасывать эскизъ одного пейзажа и подмѣтить его особенно оригинальное утреннее освѣщеніе. Впереди занятій не предстояло никакихъ, торопиться было некуда и потому я подвигался впередъ довольно медленно, глазѣя по сторонамъ вполнѣ-равнодушнымъ взоромъ и присѣдая отдыхать почти-что подъ каждымъ деревомъ развѣсистымъ и густо-тѣнистымъ, корни котораго мягко застилались пушистымъ, свѣ-

жимъ мхомъ, такъ и манившимъ прилечь на себя, словно на перину.

Утро было великолѣпное. Солнце било въ землю тонко-золотистыми, яркими, но пока еще не горячими лучами. Высокая трава и тонкіе стебли полевыхъ цвѣтовъ блистали алмазными искрами щедро разсыпанной росы. Жаворонокъ высоко взвивался въ блѣдно-голубое, безконечно-прозрачное небо, и легкій вѣтерокъ съ налету доносилъ до земли его щекочущую трель.

Хорошо было въ воздухѣ и хорошо на душѣ.

Я проходилъ по влажно-бархатному, иззелена-золотистому лугу, то-и-дѣло путаясь ногами въ высокой шелковистой травѣ, и безпрестанно спугивая легкихъ луговыхъ бабочекъ и краснокрылыхъ кузнецовъ, которые съ сухимъ звукомъ своихъ трещетокъ, перепрыгивали изъ-подъ ноги впередъ и въ стороны на новыя былинки.

Проходя совершенно разсѣянно этимъ мѣстомъ, я замѣтилъ шагахъ въ десяти отъ себя въ высокой травѣ женскую фигуру. Она, одѣтая въ легкую бѣлую блузу, лежала на спинѣ, закинувъ за голову свои стройно и тонко-очерченныя, блѣднорозовыя руки и небрежно играя зубами тонкимъ стебелькомъ какого-то злака. Большіе черные, совершенно черные глаза ея, слегка прищурясь, были устремлены въ глубину неба, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ. Мнѣ случалось подмѣчать это выраженіе у дѣтей, когда они, лежа точно такъ-же, смотрятъ въ голубое, солнечное небо.

Шагахъ въ пяти прошелъ я мимо нея, но она нисколько не смутилась, ни на іоту даже не измѣнила свое граціозно-лѣнивое положеніе и только равнодушно встрѣтила и медленно проводила меня глазами. Ей какъ-будто до меня никакого дѣла не было; и все равно, будь ли тутъ на моемъ мѣстѣ кузнечикъ, воробей или корова, она бы и къ нимъ отнеслась точно такъ же. И стальной, медленный взоръ ея, заволокнутый, какъ сталь подъ дыханіемъ, легкою влагой утренней нѣги, точно такъ же скользнулъ бы и по всякому встрѣчному предмету, какъ и по моей собственной особѣ.

Это мнѣ понравилось: я вообще люблю все нѣсколько оригинальное.

Сдѣлавъ видъ, какъ-будто и мнѣ тоже все равно, есть ли тутъ кто нибудь, я, не измѣняя шага, прошелъ-себѣ далѣе, въ орѣховые кусты встрѣчнаго лѣса.

Пропавши за этими кустами, я снова прилегъ въ холодокъ, подъ свѣжею листвою. Но не прошло и десяти минутъ, какъ въ шепотѣ листьевъ послышался шелестъ легкой походки: между зеленью мелькнуло бѣлое платье и показалась мнѣ «незнакомка». На головѣ ея слегка былъ накинутъ бѣлый тюлевый вуаль; густая, смятая отъ лежанья коса тяжело падала на нѣжно-блѣдную шею, а влажный взоръ все съ тѣмъ же неопредѣленнымъ, загадочнымъ выраженьемъ уходилъ впередъ, но куда,—опредѣлить было невозможно. Эти глаза, казалось, никуда не глядѣли.

Она прошла мимо того куста, изъ-за котораго незамѣтно слѣдили за ней два мои глаза, прошла небрежной, неторопливой походкой, изрѣдка отмахиваясь отъ большихъ желтыхъ мухъ и липкой мошки тонкою вѣткой молодой березы. Въ этой женщинѣ было что-то неизъяснимо-обаятельное.— Это я почувствовалъ сразу, потому что при первомъ шелестѣ ея шаговъ мое сердце застучало сильнѣе.

Не знаю, какъ кто́, а я вѣрую въ роковыя встрѣчи.— Эта встрѣча была для меня роковою.

Идти незамѣтно за нею, поглядѣть куда она пойдетъ, сослѣдить ее, узнать кто́ она и гдѣ живетъ?—мнѣ и въ голову не приходило ни въ первую минуту, ни въ послѣдующія. Къ-чему мнѣ было все это? И не все ли равно, кто́ она и гдѣ находится? Съ меня довольно и того, что она была здѣсь, прошла здѣсь, мимо, что я видѣлъ ее, что наконецъ и она меня тоже видѣла, тамъ, на лугу. Чего жъ мнѣ еще? Мнѣ было легко, хорошо и привольно лежать, подъ шумомъ вѣтра и листьевъ, въ тѣни прозрачной и свѣтлозеленой орѣшины, улыбаться такъ дѣтски-безпечно и безсознательно Богъ-вѣсть чему-то, слушать лѣнивымъ ухомъ усыпляющее жужжаніе пчелъ и отдаваться новому впечатлѣнію неча-

янной встрѣчи, воскрешая въ душѣ, съ поразительною ясностью и отчетливостью, легкій, граціозный и нѣсколько загадочный образъ....

II.

Прошло дня три послѣ этой встрѣчи. Я опять былъ на озерѣ съ моимъ альбомомъ, и опять возвращался оттуда, только уже не утромъ, а въ самый жгучій, душный полдень.

Парило. Неподвижный, сгущенный воздухъ весь подернулся какою-то иглисто-золотистою мглою. Даль исчезала въ бѣловатомъ туманѣ. Вихри столбами подымались но пыльной дорогѣ, вились, кружились и уносились куда-то... Трава никла и будто просила пить, увядая отъ жажды. Зной тяжко давилъ истомленную землю.

Проходя открытымъ мѣстомъ, по берегу ручья, который, несмотря на удушающій жаръ полудня, катился довольно рѣзво, я опять увидѣлъ свою «незнакомку». Она была не одна: подлѣ нея стояла маленькая, кудрявая дѣвочка, лѣтъ трехъ-четырехъ, не больше. Видно было, что малютка очень истомлена зноемъ и мучится отъ жажды: она такъ внимательно и съ такою жадностью слѣдила глазами за своей спутницей, которая, припавъ на колѣна къ ручью и заслонивъ неприкрытую голову вмѣсто зонтика большимъ листомъ лопуха, другою рукою старалась зачерпнуть воды въ подобный же листъ, свернутый въ видѣ черпальца. Бѣдняжкѣ это никакъ не удавалось: лопухъ не сдерживалъ зачерпнутую воду, перегибался, развертывался,—и она опять выливалась въ ручей. Приникнуть же къ нему ртомъ, чтобы напиться, также не было никакой возможности: бережокъ по крайней мѣрѣ на полъ-аршина отвѣсно выдвигался изъ воды, такъ что еслибы пришлось перегнуться къ струѣ, то упереться руками было бы не куда. А между тѣмъ, дѣвочка своимъ безмолвнымъ и пристальнымъ взоромъ настоятельно просила воды, такъ что даже становилось жаль бѣдняжку. Молодая женщина теряла терпѣніе и выбивалась изъ силъ; видно было, что ее и самое мучатъ и жаръ и жажда, а между

тѣмъ она одна ничего не могла сдѣлать, и только перепачкала сырою землею и зеленью травы свое платье.

Въ это самое время я проходилъ мимо.

Она приподняла голову и посмотрѣла на меня такимъ взглядомъ, который ясно просилъ моей маленькой услуги.

Я остановился, вырвалъ изъ альбома крѣпкій и толстый листокъ, сдѣлалъ изъ него ковшичекъ по тому самому способу, какъ мальчики мастерятъ себѣ бумажныя, треугольныя шляпы, и весьма легко и удобно зачерпнувъ туда воды, подалъ его дѣвочкѣ. Ребенокъ съ жадностью принялся глотать воду. Его молодой менторъ поглядѣлъ на меня признательнымъ взглядомъ и легкимъ наклоненіемъ головы поблагодарилъ за услугу. Дѣвочка напилась и съ просвѣтленнымъ, успокоеннымъ личикомъ сѣла на траву.

— Зачерпните, пожалуйста, и мнѣ, сказала молодая женщина,—и при звукахъ этого бархатнаго голоса, сердце опять во мнѣ ёкнуло и застучало ускореннымъ біеніемъ.

На этотъ разъ она привѣтливо поблагодарила меня улыбкой и словами, и тотчасъ же обратилась къ своей дѣвочкѣ:

— Ну, пойдемъ, Лила, домой пора.

Дѣвочка поглядѣла на нее кроткимъ и просящимъ взглядомъ.

— Я не могу идти... я устала... проговорила она серебристымъ, но слабымъ голосомъ.

Молодая женщина нагнулась и взяла ее на руки.

Но идти надо было по самому припеку; а при этой гнетущей жарѣ такая ноша была ей не подъ силу.

— Вамъ будетъ тяжело, рѣшился проговорить я, подходя къ ней, вы и безъ того уже утомлены;—позвольте лучше мнѣ взять ее къ себѣ на руки, я донесу ее...

Она взглянула на меня своимъ неопредѣленнымъ взглядомъ.

— А вашъ альбомъ... куда же вы съ нимъ? проговорила она, внутренно сдаваясь на мое предложеніе, но затрудняясь еще съ-разу принять его.

— Мы помѣняемся съ вами ношами, поспѣшилъ я возра-

зить; вы передайте мнѣ свою, а я васъ попрошу донести альбомъ мой.

— Благодарю васъ... Хорошо, давайте, согласилась она и передала мнѣ съ рукъ на руки свою кудрявую дѣвочку.

Мы пошли рядомъ. Спутница моя не выпускала изъ руки стебель лопуха, которымъ защищалась отъ солнца.

— Я люблю бродить по пустырямъ, заговорила она спустя нѣсколько времени, и почти каждое утро брожу много и долго. А сегодня Лила напросилась, да вотъ и устала, бѣдняжка. Мы съ ней залежались въ лѣсу и не замѣтили, какъ подошелъ полдень.

Дѣвочка между тѣмъ тихо дремала, прислонясь щекой къ моему плечу.

Я шелъ молча и искоса любовался своей спутницей. Меня теперь уже начиналъ интересовать вопросъ, кто она? Въ ней было что-то загадочное. При самомъ внимательномъ взглядѣ на нее, трудно было опредѣлить, женщина ли это, или дѣвушка? На видъ ей казалось года двадцать-два, двадцать-три, или около того. Ея нѣсколько гордый и сосредоточенный видъ, ея довольно высокій ростъ и прямой, гибкій станъ, не стянутый никакими шнуровками, никакими корсетами, носили на себѣ печать чистой породы. Правильное и нѣсколько съ южнымъ оттѣнкомъ лице ея, обрамленное густыми, цвѣта воронова крыла волосами, ея прозрачно-блѣдныя, нѣжно-тонкія руки, и высокоприподнятая въ подъемѣ, стройная и изящная нога вырисовывались удивительно-гармоничными и только для художника вполнѣ понятными линіями. Въ поступи, въ движеніяхъ, въ голосѣ, въ манерѣ ея—однимъ словомъ, во всемъ какъ-то невольно сказывалась порода. И вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой женщинѣ, повторяю, было что-то странное, что-то загадочное, что проявлялось у нея порою, и въ улыбкѣ и въ выраженіи лица, и въ особенности въ глазахъ... О, никогда не забуду я этихъ дивныхъ, чарующихъ глазъ!

Вы художникъ? спросила она, разглядывая, по пути, мой альбомъ.

— Отчасти... Впрочемъ, только для себя и для короткихъ пріятелей, отвѣтилъ я.

— У васъ очень симпатичный карандашъ;—говорю вамъ это безъ всякой любезности, продолжала она, внимательно разглядывая каждый рисунокъ.

Разговоръ у насъ то начинался, то прерывался вдругъ, какъ это вообще бываетъ между незнакомыми людьми и вертѣлся, по большей части, около самыхъ обыденныхъ вещей и явленій. Но надо сказать, что въ ней нисколько не замѣтилъ я этой натянутости, принужденности, которая непремѣнно является у всѣхъ почти, при первой встрѣчѣ и первомъ знакомствѣ. Она держала себя совершенно просто и естественно, какъ-будто подлѣ нея шелъ самый близкій домашній человѣкъ, съ которымъ нечего церемониться, или даже вовсе никого не было. Если подвертывался ей какой-либо вопросъ или замѣчаніе, — она дѣлала его; но не потому, чтобы нужно было «казаться любезной», или поддерживать разговоръ со мною, — нѣтъ, а просто потому, что пришло на умъ; а коли пришло на умъ, такъ отчегожъ и не высказаться? Я увѣренъ, что если бы не было меня, она говорила бы точно такъ-же и то же самое съ своею дѣвочкой. Если же на умъ ничего не приходило, она, нисколько не стѣсняясь, шла-себѣ довольно долгое время совершенно молча, — и мнѣ нисколько не было тяжело это молчаніе; напротивъ, я чувствовалъ себя совершенно спокойно и развязно. Въ этой женщинѣ, казалось, все говорило: я ничего не требую ни отъ кого въ мірѣ, я никого не стѣсняю и не тягощу — и не хочу, чтобы мной кто-либо тяготился. Я не замѣчаю никого и не хочу, чтобы меня замѣчалъ кто-либо. Сошелся со мной человѣкъ, — хорошо, не сошелся,— тоже хорошо: и мнѣ и ему ни теплѣй, ни холоднѣй отъ этого! Но нельзя сказать, чтобы во всемъ этомъ выражался черствый эгоизмъ; нѣтъ, это, напротивъ, была какая-то замкнутость человѣка, сильно приглядѣвшагося къ жизни и много пострадавшаго въ ней. Эта черта въ ней не отталкивала, а вызывала сочувствіе и, признаюсь, сильно-таки мнѣ нравилась: мнѣ все какъ-будто хотѣлось протянуть ей руку...

Между тѣмъ мы подошли къ калиткѣ большаго парка.

*

— Вотъ мы и дома, Лила! замѣтила молодая женщина, растворяя дверцу. Лила! проснись: мы пришли уже!

Я спустилъ дѣвочку на землю и хотѣлъ уже было раскланяться, но моя спутница предупредила это движеніе:

— Войдите, сказала она, все съ такою же неизъяснимо-милой простотою, не выпуская изъ рукъ моего альбома, позвольте мнѣ хоть знакомствомъ поблагодарить васъ за услугу.

И вслѣдъ за этимъ я пожалъ искренно-протянутую мнѣ руку.

Пройдя нѣсколько аллей, мы вышли къ старой барской дачѣ, съ большими бѣлыми колоннами, бельведеромъ и красивой террасой, уставленной цвѣтами и спускавшейся на площадку сада. По этой самой террасѣ поднялись мы наверхъ — и я очутился въ прохладномъ, мягкомъ полусвѣтѣ небольшой гостиной, убранной съ большимъ вкусомъ и цвѣтами, и покойною мебелью, и носившей на себѣ всѣ признаки утонченно-изящнаго комфорта.

— Я попрошу васъ на пять минутъ остаться однимъ; мнѣ надо переодѣться: видите, какъ я вся перепачкалась! замѣтила молодая женщина, оглядывая свое платье. Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, прибавила она: садитесь, курите, дѣлайте, что хотите;—я въ мигъ буду готова.

И она проворно вышла изъ комнаты.

Я закурилъ папиросу и принялся оглядывать комнату. По стѣнамъ висѣло нѣсколько картинъ замѣчательно хорошей работы; на кругломъ столѣ лежала рабочая корзинка съ какимъ-то женскимъ рукодѣльемъ, кое-какія книжки современныхъ журналовъ и до половины разрѣзанный англійскій новый романъ.

Изъ всего этого я могъ вывести заключеніе, что моя настоящая хозяйка — женщина не пустая, женщина, можетъ быть, съ сердцемъ, и достаточно образована. Это меня какъ-то дѣтски порадовало:

— Ну, вотъ и я! проговорила она, быстро входя въ комнату, и вдругъ обратилась ко мнѣ съ внезапнымъ вопросомъ:

— Хотите завтракать?

Вопросъ этотъ предложенъ былъ такъ просто, такъ искренно и радушно, что отказаться было бы невозможно.

— Пожалуй, отвѣтилъ я съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

— Ну, такъ позавтракаемте вмѣстѣ съ нами.—Пойдемте въ столовую, предложила моя новая хозяйка, сдѣлавъ мнѣ пригласительный жестъ. Ахъ, да!.. Какая я, право, разсѣянная! воскликнула она на ходу, внезапно приложивъ концы пальцевъ себѣ ко лбу и покачавъ головою. Приглашаю къ себѣ гостя, а гость еще и не знаетъ у кого онъ!.. Рекомендуюсь, продолжала она, съ легкимъ поклономъ не головою, а всѣмъ корпусомъ и съ милою, любезной улыбкой: княжна Инна Ларіоновна З***.

Я тоже поклонился и назвалъ себя.

— А это, прибавила она, входя въ столовую и указавъ рукою на кудрявую дѣвочку, это моя дочь, Лила.

При послѣднихъ ея словахъ по мнѣ внезапно пробѣжало какое-то странное чувство; мнѣ показалось даже, какъ-будто я внутренно вздрогнулъ,—такъ неожиданно и странно поразило мое ухо это сочетаніе словъ: «княжна и дочь».— «Не ослышался ли я? не почудилось ли мнѣ?.. Нѣтъ, точно: она сказала «княжна». — Странно!».. Эти мысли, какъ молнія, мгновенно пробѣжали въ моей головѣ, при самомъ затаенномъ внутреннемъ смущеніи, которое дѣйствительно было только *внутреннее*: — наружно я остался совершенно приличенъ. Впрочемъ, отъ проницательнаго взора княжны едва ли оно сокрылось, несмотря на всю свою микроскопичность; по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось изъ ея мимолетнаго, бѣглаго взора, что она какъ-то особенно взглянула, какъ-то особенно улыбнулась. И эту улыбку, и этотъ взглядъ можно было объяснить себѣ такими словами: «что? озадаченъ братъ?!—Ничего: вѣдь я никого не боюсь, — мнѣ все равно!»

Мы сѣли завтракать. Столъ былъ сервированъ просто, но изящно. Два лакея, въ чистыхъ, бѣлыхъ перчаткахъ и галстукахъ и въ щегольскихъ черныхъ фракахъ, совершенно молча и

съ достоинствомъ прислуживали намъ. За стуломъ маленькой Лилы появилась благообразная старушка, очень почтеннаго вида, въ чепцѣ и темно-коричневомъ платьѣ, которую дѣвочка звала няней, а моя хозяйка Маврой Игнатьевной. Старушка же къ этой послѣдней относилась по временамъ съ болѣе фамильярнымъ именемъ «княжны».—Видно было, что она почтенное и давно живущее въ домѣ лицо.

А что касается до причины моего недавняго внутренняго смущенія, то слово: «княжна», услышанное мною изъ устъ Мавры Игнатьевны, только окончательно подтвердило мнѣ, что я не ошибся и не ослышался.

«Но что̀ же это такое? думалось мнѣ: княжна... дочь... ея собственная дочь... Нѣтъ, не можетъ быть!.. Однако она похожа на нее. — Не младшая ли это сестра ея, или племянница, или что-нибудь въ этомъ родѣ? Это вѣроятнѣе всего. Должно быть, такъ!.. А княжна вѣрно по привычкѣ или такъ, шутя, называетъ ее своею дочерью. Но какъ по всему замѣтно, здѣсь въ домѣ, исключая ее, никого нѣтъ больше,—*она* хозяйка, *она* полная госпожа тутъ! Странно, загадочно и вмѣстѣ съ тѣмъ очень оригинально!» Подобныя-то мысли преслѣдовали меня неотвязно въ теченіе всего завтрака, пока наконецъ мы встали изъ-за стола.

Я пробылъ у княжны часа два, и долженъ сознаться, что съ подобною женщиной мнѣ приводилось сталкиваться только первый разъ въ жизни, и этому первому, какъ видно, суждено было быть и послѣднимъ: другаго подобнаго существа я не встрѣчалъ, да увѣренъ, что и не встрѣчу больше! Это была женщина симпатичная до послѣдней степени, изящная — до послѣдняго своего волоса, граціозная — тою особенною граціей, которой не даетъ никакое общество, никакая выдержка, никакое воспитаніе, но которая дается отъ природы, исключительно сама-собою, существомъ, отмѣченнымъ судьбою, существомъ, на счастливую долю которыхъ по преимуществу выпадаетъ завидное предназначеніе быть—*женщиной*. И она была такъ женственно-умна, такъ женственно-развита! Я боялся-было употребить даже это пос-

лѣднее слово: всѣмъ вамъ извѣстно, что такое наши, такъ называемыя, развитыя женщины!.. Я боялся-было оскорбить это исключительное, оригинальное существо эпитетомъ, ставящимъ его въ банальную шеренгу, заурядъ со многими прочими; но — дѣлать нечего! другаго не существуетъ — и я оговорюсь, по крайней мѣрѣ хоть тѣмъ, что употребляю выбранный мною эпитетъ въ его лучшемъ, прямомъ и человѣчномъ значеніи. Да, это была женщина особаго складу, особаго закалу, не похожая ни на кого и не подражающая никому, — гордая, странная и вполнѣ независимая! Я съ удивленіемъ глядѣлъ на нее — я былъ очарованъ ею. И замѣчательно вотъ что: съ первой минуты почувствовалъ я себя совершенно свободнымъ, совершенно не стянутымъ, не стѣсненнымъ ею ни на вершокъ и сидѣлъ съ ней рядомъ, въ теченіи двухъ часовъ, какъ бы самъ съ собою. Съ родною сестрой — и съ тою, кажется, надо бы было больше стѣсняться и церемониться, чѣмъ въ присутствіи этой женщины! Она своимъ незамѣтнымъ вліяніемъ, своею симпатичной натурой, или лучше сказать, сама—всею собою какъ-то умѣла повсюду водворять простоту и естественность взаимныхъ отношеній и прогонять всякій извѣстнаго рода стѣснительный этикетъ, всякую натянутость. «Да, эта женщина умѣетъ не мѣшать жить людямъ! подумалъ я-себѣ; да умѣетъ заставить и людей въ свою очередь тоже и себѣ не мѣшать!»

Мы съ нею проговорили все время почти не переставая, — и обоимъ намъ говорилось легко и свободно. Когда я сталъ прощаться, она протянула мнѣ руку и пригласила къ себѣ. Я обѣщался.

— Я здѣсь одна совершенно, замѣтила она: у меня никто не бываетъ. Приходите, когда вздумается; — посидимъ, поболтаемъ... Я вамъ всегда рада; а когда буду и не рада, такъ скажу.

Я поблагодарилъ за эту откровенность, еще разъ пожалъ ея руку и ушелъ, задавленный, во всемъ существѣ своемъ, наплывомъ множества мыслей и ощущеній, самыхъ разнохарактерныхъ и многообразныхъ, озадаченный этою загадоч-

ностью моей новой знакомки и очарованный ея обаятельной, оригинальной прелестью.

IV.

Я былъ влюбленъ въ неё. Я полюбилъ ее сразу, — съ первой минуты, съ перваго ея слова.

И это чувство не подкрадывалось незамѣтно, не тлѣло маленькой искоркой, которая разгорается постепенно;—нѣтъ, это была страсть, охватившая меня мгновенно всею силою своего огня; страсть, проникающая до мозга костей—и сладкая, и мучительная. Я вышелъ отъ нея, уже любя ее всею душою, всѣмъ составомъ своимъ;—да такую женщину и нельзя было полюбить иначе! Ей надо было сразу или отдать все или ничего,—средняго тутъ и быть не могло. Подобныя натуры могутъ однимъ взглядомъ своимъ, однимъ движеніемъ брови, — либо изъ закоренѣлаго негодяя дѣлать идеалъ добродѣтели, либо заставлять самаго добраго, самаго мягкаго человѣка мгновенно рѣшиться на отчаянно-страшное преступленіе.

Странное дѣло: я искалъ, я жаждалъ подобнаго чувства, а между тѣмъ, когда оно само нежданно и негаданно прихлынуло ко мнѣ всею своей могучею силой, я оробѣлъ какъ-то и смѣшался, смутился внутренно передъ самимъ собою въ первое же мгновеніе яснаго сознанія этого чувства. Подобное смущеніе всегда ощущаетъ молодой охотникъ, въ первый разъ отъ роду выходящій на медвѣдя и вдругъ неожиданно сталкивающійся въ дремучемъ лѣсу, одинъ на одинъ, съ этимъ давно-желаннымъ гостемъ. Сравненіе для женщинъ и любви, конечно, совсѣмъ ужъ не граціозное, зато положительно вѣрное. Да, я и самъ не знаю, почему, только смѣшался и оробѣлъ. «Ужъ не бросить-ли, не вернуться-ли, полно, вспять?. Вѣдь страшно!» А сердце, какъ барабанъ, било тревогу и говорило: «впередъ, впередъ! ты нашелъ то, что тебѣ нужно, чего ты искалъ? Посмотри, какая тутъ заманчивая, даже нѣсколько фантастическая обстановка; посмотри, какая это чудная, раздражительно-завлекательная жен-

щина! Ну, такъ впередъ же, впередъ, и безъ оглядки! Да назадъ ужъ и возврата нѣтъ для тебя: — это невозможно, объ этомъ нечего и думать напрасно!»

— А, чортъ возьми! впередъ, такъ впередъ! рѣшилъ я наконецъ, махнувши рукою: эту можно любить... Нѣтъ, ее *нужно* любить: другой вѣдь такой уже не сыщешь! А когда человѣка крутитъ и затягиваетъ омутъ, такъ тутъ нечего барахтаться руками и вопить о спасенiи: не спасутъ! тутъ нужно отдаться ему и только поскорѣй захлебываться: тутъ ужъ никакая сила не спасетъ и не поможетъ!

И я далъ полный, широкiй разгулъ и волю своему новому чувству.

Дня черезъ четыре послѣ перваго визита, я, съ какимъ-то новымъ и невольнымъ трепетомъ и замиранiемъ сердца, снова явился къ ней.

Она меня встрѣтила по обыкновенiю, или лучше сказать *по-своему*: непринужденно и въ высшей степени просто, какъ встрѣчаютъ самаго короткаго человѣка, и какъ у насъ никто не встрѣчаетъ не только постороннихъ, но даже часто очень близкихъ людей. Только одинъ взглядъ ея, сосредоточенно-равнодушный и отчасти дерзко-проницательный, какъ бы говорилъ мнѣ невольно: «а я ужъ было думала, что ты не хочешь больше бывать у меня. Ну, пришолъ, такъ пришолъ! Спасибо и за это!»

Чѣмъ болѣе глядѣлъ я на нее, чѣмъ болѣе всматривался въ эти глаза, стальные и острые, въ это лицо, въ которомъ чуть-чуть просвѣчивало сквозь холодную оболочку что-то замкнуто и гордо-страдальческое, что-то тоскливо-страстное, тѣмъ болѣе убѣждался, что это женщина странная, непонятная, но обаятельная всею мощью обаянiя ядовитой змѣи, которая однимъ взглядомъ притягиваетъ къ себѣ робкаго кролика... А я былъ совсѣмъ таки кроликъ передъ этою прекрасною змѣею!

Подобно прошлому разу, мнѣ было и хорошо, и сердечно-тепло, и уютно подлѣ нея; — я былъ какъ дома, какъ бы самъ съ собою, но въ то же время чувствовалъ въ

душѣ, что она меня держитъ подъ своимъ обаяніемъ, держитъ и не выпускаетъ, можетъ и сама того вовсе не замѣчая, не подозрѣвая и не желая даже. Я чувствовалъ внутри себя постоянно какую-то томительную и сладко щемящую робость, которая часто бываетъ знакома ребенку въ минуты ожиданія чего-то новаго, неизвѣстнаго, что рано или поздно должно представиться и поразить его. Это отчасти было похоже на мучительно-безпокойное и страстное ожиданіе развязки фантастической гофмановской сказки, ожиданіе, приводящее въ напряженное и даже порою въ лихорадочное состояніе всѣ ваши нервы.

Въ этотъ разъ мы говорили съ нею о многомъ. И вотъ какую еще характерную черту подмѣтилъ я въ этой женщинѣ: это была одна изъ тѣхъ натуръ, которыя, вовсе того и не желая, невольно заставляютъ человѣка высказываться передъ собою;—все равно, какъ хорошая и свѣтлая погода настраиваетъ иногда на хорошій и свѣтлый ладъ. Вы, напримѣръ, сидите вмѣстѣ съ этою женщиной, а душу вашу такъ и подмываетъ неодолимое желаніе выболтать ей искренно всего себя, какъ есть человѣкъ передъ своимъ внутреннимъ міромъ. И вѣдь не то́, чтобы она подала къ этому какой-либо поводъ, подстрекнула бы, вызвала бы на откровенность,—нѣтъ, ни чуть не бывало: ей нѣтъ никакой цѣли, никакого желанія вывѣдать вашу душу,—ей совершенно все равно, что̀ у васъ тамъ на душѣ, это для нея совершенно постороннее дѣло; а между тѣмъ вы высказываетесь невольно, вы опять разыгрываете ту же роль слабаго кролика, который самъ ползетъ въ пасть ядовитой змѣи. Она слушаетъ васъ,—она любуется вами, вашею искренностью, вашимъ ребячествомъ любуется. Высказывайтесь передъ нею смѣло, вы ничего не потеряете, вы не будете раскаяваться въ этомъ: вамъ только легче, свободнѣе станетъ. Вѣдь высказывали же люди передъ мраморной статуей, прекраснымъ воплощеніемъ прекраснаго божества, свои завѣтныя молитвы, думы и надежды, —и божество принимало эти молитвы, надежды и думы, но не платило смертному взаимной откровенностью. И смертный очень хорошо понималъ это: онъ и не претендовалъ на откровенность,—онъ только молился. Такъ и княж-

на: я, Богъ вѣсть, почему и по какимъ побужденіямъ, высказывался передъ нею всею душой своей, а она ни полъ-слова не заикнулась про себя; да я и былъ совершенно увѣренъ, что нетолько я, но и никакая сила не заставитъ ее высказаться ни передъ кѣмъ въ мірѣ. Она могла слушать, могла чувствовать, могла цѣнить наконецъ эту откровенность, но—только не платить за нее откровенностью же про свой внутренній, нравственный міръ,—онъ только ей одной и былъ извѣстенъ.

Я ей высказалъ свою любимую мечту о поѣздкѣ за границу, которая должна была осуществиться въ концѣ того лѣта,—и княжна слушала меня съ участіемъ, даже передала кое-что изъ своихъ собственныхъ впечатлѣній заграничной жизни. Она пробыла тамъ около году. Когда я съ жаромъ говорилъ ей о тѣхъ мечтахъ, стремленіяхъ и надеждахъ, которыя четыре-пять лѣтъ тому назадъ, съ перваго прòсыпу послѣ долгой спячки, были для всѣхъ насъ столь дороги, столь новы, и которыя уже теперь — увы! стали ни болѣе какъ рутинными и ходячими современными фразами,—ея мысль и сердце дышали вѣрой въ эти надежды и сочувствіемъ къ этимъ юношескимъ стремленіямъ, чтò ясно отражалось и на ея прекрасномъ лицѣ. Зашелъ даже разговоръ о чувствѣ,—«о любви». Я, не безъ пристойной рисовки и конечно съ искреннимъ жаромъ, высказалъ ей мой пуритански-строгій взглядъ на чувство и отношенія къ женщинѣ. (Сердце у меня билось въ ту минуту какъ-то особенно порывисто и неровно). Она меня слушала съ сочувствіемъ и не-то съ легкимъ удивленіемъ, не-то съ чуть замѣтною иронической улыбкой. Ей, будто, нравились эти мысли; а мнѣ какъ-то невольно чувствовалось, что кажусь ей мальчикомъ, ребенкомъ; но милымъ и неиспорченнымъ ребенкомъ,— и это мнѣ было пріятно.

Послѣ проведеннаго такимъ образомъ вечера, мы разстались уже искренними друзьями—не на словахъ, а на сердцѣ. Она не повторяла мнѣ приглашенія; она вообще никогда и ничего не повторяла въ жизни: хочешь, ладно, не хочешь,—

все равно! Но я понялъ ясно, что приглашенiе, сдѣланное ею мнѣ въ прошлый разъ, не было словами на-вѣтеръ, простою формою вѣжливости, она всегда говорила искренно и прямо. И я сталъ приходить къ ней довольно часто.

Разъ отъ разу, мы становились болѣе дружны, тою доброю, простой дружбой, которая дѣлаетъ людей *людьми*, дѣлаетъ человѣка добрѣй, теплѣе и искреннѣй. А любовь во мнѣ межъ тѣмъ все крѣпла, крѣпла и засѣдала глубже и затаеннѣе. Меня уже неотступно тянуло къ княжнѣ самое неодолимое желанiе, но я молчалъ, я объ этомъ чувствѣ не заикался ни слова, стараясь (хоть и не всегда успѣшно) не высказывать ни малѣйшаго проявленiя его: я боялся, и самъ не знаю почему, потерять ея дружбу. Мнѣ какъ бы инстинктъ какой-то подсказывалъ это. Въ княжнѣ же не замѣчалъ я ни малѣйшей перемѣны: она была ровна, какъ всегда, какъ и въ первый день нашего знакомства. Въ этой женщинѣ, казалось, всѣ мнѣнiя и убѣжденiя, всѣ чувства и симпатiи, всѣ отношенiя къ людямъ и окружающей обстановкѣ устанавливались въ душѣ разомъ, съ перваго взгляду: какъ и чѣмъ показался ей человѣкъ, какъ она разъ стала держать себя въ отношенiи его, такъ уже и продолжала неизмѣнно. То же самое и въ отношенiи меня: симпатiя ея легла ко мнѣ съ перваго разу, и держать эту симпатiю постоянно въ одномъ и томъ же градусѣ зависѣло уже исключительно отъ меня самого. Но, надо признаться, я какъ-то слѣпо сознавалъ ея загадочное и совершенно для меня непонятное нравственное превосходство надо мною; я чувствовалъ, какъ будто она выше и зрѣлѣе меня. Сила была на ея сторонѣ: я какъ-то невольно стремился подчиниться ей нравственно, какъ-то невольно чувствовалъ себя еще мальчикомъ передъ этою женщиной. И она, казалось, въ глубинѣ души замѣтила и сознала это, хотя наружно и виду никогда не подала мнѣ въ этомъ превосходствѣ.

Я всѣми силами старался не выдать ей своего чувства, но... въ двадцать два года, видно, плохо скрывается любовь!.. Инна Иларiоновна, сколько я могу предполагать, должно быть поняла давнымъ-давно, въ чемъ тутъ кроется настоящее дѣло: проклятая краска въ лицѣ выдавала меня! И какъ

я злился самъ на себя за эту излишнюю краску! Я не могъ переносить порою ея пристальнаго взгляда. Онъ обжигалъ меня, заставлялъ вздрагивать и кидалъ въ жаръ и въ смущеніе. А у нея къ тому жъ была еще эта убійственно-обаятельная манера *стрѣлять* глазами: сидитъ, бывало, совершенно спокойно, глубоко потупя ихъ въ землю, такъ-что длиныя, черныя рѣсницы отчетливо вырисовываются на блѣдно-матовой, оливково-смугловатой щекѣ, да вдругъ неожиданно вскинетъ на васъ, и такъ-таки прямо въ глаза, свой пронзающій взоръ, и разомъ обожжетъ васъ до самой глубины сердца этимъ, какъ молнія, неотразимымъ взоромъ. Ну, какъ тутъ не вздрогнуть, какъ тутъ не смутиться, и какъ тутъ самой безкровной, холодной щекѣ не зардѣться мгновенно лихорадочно-нервнымъ жаромъ! О, Боже мой, что это за глаза, что это за чарующіе глаза были у этой женщины, и что она могла дѣлать этими глазами! Это были глаза сфинкса. Вглядывались-ли вы когда нибудь въ лица этихъ загадочныхъ изваяній, этихъ полу-львицъ-полу-женщинъ и подмѣчали-ль въ нихъ то гордо спокойное и вмѣстѣ съ тѣмъ тоскливо-страстное выраженіе, съ которымъ неподвижные глаза ихъ вѣчно упорно и загадочно устремлены въ нѣмую, таинственную даль? Таково было по большей части выраженіе глазъ княжны Инны. Я помню ее, когда она лежала однажды на травѣ, упираясь въ землю локтями скрещенныхъ на груди рукъ и въ этомъ положеніи, приподнявъ весь бюстъ и чуть откинувъ назадъ свою голову, неподвижно и задумчиво нѣсколько минутъ смотрѣла въ даль; тутъ я въ первый разъ замѣтилъ въ ея лицѣ и глазахъ разительное сходство съ лицомъ и глазами сфинкса. Это были стальные глаза,—я не умѣю лучше опредѣлить ихъ,—глаза, сверкавшіе блескомъ стали, порой холодные какъ сталь, и даже производящіе на васъ дѣйствіе неотразимо вонзающейся въ васъ острой стали. Вѣчно спокойные и нѣсколько гордые, они дышали подъ-часъ сдавленнымъ внутри страданіемъ и тихою, тоскливою, какъ-будто куда-то зовущею страстью. Они и нѣжили, и убивали вмѣстѣ. Въ нихъ было страшно много магнетизма, много таинственной и манящей загадочности, было что-то львиное: и львиная гордость, и львиное коварство.

Въ одномъ только измѣняли они себѣ: это тогда, когда она смотрѣла на свою маленькую Лилу и ласкала ее. Тутъ у ней являлось теплое, мягкое и грустно-ласкающее выраженіе. Въ эти минуты въ ея взорахъ мнѣ даже случалось уловлять какъ-будто живое материнское чувство; но убѣгала отъ нея Лила—и взоръ княжны тотчасъ же принималъ свой обычный оттѣнокъ. Да, повторяю, это были обаятельные глаза сфинкса.

Да и вся-то она сама являлась для меня какимъ-то сфинксомъ, какою-то неразрѣшимою, таинственной загадкой.

V.

Страсть моя уже достигла высшихъ предѣловъ. Я началъ терять сонъ. Нравъ мой, прежде всегда постоянный и легкій, сдѣлался вдругъ крайне неровенъ: то желченъ и раздражителенъ, то угрюмъ и меланхоличенъ, то вдругъ ни съ того, ни съ сего рѣзовъ, общителенъ или нѣженъ. Слѣдствіемъ всего этого было, конечно, страшное разстройство нервъ. Положеніе мое, не шутя, становилось такого рода, что въ ближайшей перспективѣ мнѣ весьма легко и удобно могли предстоятъ или чахотка, или сумашедшій домъ. Эта отчаянная, безумная любовь настолько же совмѣщала въ себѣ физическую страсть, насколько и моральную. Говорю теперь положительно, что на двѣ подобныя страсти въ жизни нехватитъ человѣка, а многихъ и на одну-то, пожалуй, нехватило бы. Ужаснѣе всего было то, что даже и высказаться-то никому не могъ я, — никого подлѣ меня не было; все это нужно было таить въ глубинѣ души, не проронивъ ни одного слова, ни одной жалобы хоть бы на свою-то собственную глупость. А признаться во всемъ княжнѣ я не хотѣлъ, даже и не думалъ, и не мечталъ объ этомъ. И каждый разъ, когда обжигала она меня своимъ взоромъ, я внутренно бѣсился, злился на нее и проклиналъ своего сфинкса. Порой она казалась мнѣ какимъ-то дьяволомъ,—я не шутя готовъ былъ повѣрить старымъ сказкамъ, — и къ этому соблазнительному дьяволу тянуло меня неотступно.

Былъ часъ первый ночи. Весь садъ давно ужъ закутался въ прозрачный полумракъ и тихо шептался тѣмъ особеннымъ, таинственнымъ шепотомъ лѣтней ночи, который такъ тонко щекочетъ и нѣсколько пугливо раздражаетъ нервы.

Княжна, съ ногъ до головы закутанная въ большой кашмировый пледъ, сидѣла на ступенькахъ обставленной цвѣтами террасы. Я близь нея ходилъ взадъ и впередъ по площадкѣ. Намъ какъ то не говорилось въ этотъ вечеръ. Она была спокойна и ровна, какъ обыкновенно, и только изрѣдка,—казалось мнѣ,—какъ будто вдумывалась во что-то. Такъ прошло около часу. Наконецъ она окликнула меня.

— Натаровъ, сказала она своимъ обычнымъ, неторопливымъ и спокойнымъ тономъ, вовсе и не глядя на меня, подите сюда, сядьте тутъ, подлѣ меня. Я хочу говорить съ вами.

Я подошелъ и сѣлъ на каменную ступеньку.

Княжна взглянула мнѣ прямо въ лицо, какъ будто испытывала меня въ чемъ-то. Я, по обыкновенію, смутился отъ ея пристальнаго взгляда, но на этотъ разъ даже болѣе, чѣмъ всегда. Прошла минута молчанія. Я лихорадочно ждалъ, что̀ будетъ и не начиналъ разговора.

— А вѣдь вы любите меня, Натаровъ, проговорила она наконецъ такимъ тономъ и съ такою чуть замѣтною улыбкой, которые рѣшительно поставили меня въ тупикъ. Эти слова сказаны были не-то такъ-себѣ, просто, какъ пустая фраза въ минуту, когда не о чемъ говорить, не-то многозначительно настолько, что заставляли подозрѣвать въ себѣ особенный и въ данный моментъ—роковой для меня смыслъ. Ка̀къ взглянуть на эту фразу, я рѣшительно не зналъ. Вѣчная загадочность этой женщины, загадочность во всемъ, и тутъ проступала у ней въ полной мѣрѣ! Однако слова ея заставили меня вздрогнуть, потому что чутко ударили въ самое сердце: я инстинктивно почувствовалъ, что между нами должно выйти сейчасъ что нибудь рѣшительное, роковое; но на всякій случай счелъ за лучшее принять сказанное ею, какъ пустую, незначущую фразу.

— Конечно, люблю, полушутливо отвѣтилъ я, стараясь

произнести свой отвѣтъ самымъ обыкновеннымъ, самымъ недогадливымъ образомъ; мнѣ не за что не любить васъ...

Княжна снова взглянула на меня еще пытливѣе прежняго.

— Я знаю это, замѣтила она, слегка кивнувъ головою, только вы не то говорите... И на минуту княжна задумалась.

— Послушайте, Натаровъ, намъ нечего съ вами играть въ слова, продолжала она послѣ новой короткой паузы,—вѣдь вы влюблены въ меня?

Меня всего кинуло въ жаръ. Сердце замерло, какъ-будто что подкатило подъ него... Я чувствовалъ, что не могу выговорить ни одного слова, языкъ отнимался, и потому только кинулъ прямо въ глаза ей недоумѣвающій и вопросительный взглядъ.

Но княжна не смутилась.

— Мнѣ жаль васъ, проговорила она тихо своимъ обычнымъ загадочнымъ тономъ.

Тутъ ужъ я не выдержалъ и вспылилъ.

— Благодарю васъ, княжна, за участіе, началъ я сухо и видимо раздраженнымъ голосомъ, быстро подымаясь съ своего мѣста; только мнѣ кажется, я вамъ не подалъ ровно никакого повода жалѣть меня. Какое вамъ дѣло до того, влюбленъ ли я въ васъ?—вѣдь я не докучаю вамъ моею любовью, я не выставляю ее вамъ напоказъ, я вамъ ни разу не заикнулся про нее;—слѣдственно, что́ же вамъ и жалѣть меня? Мы были съ вами друзья, — ну, такъ и останемся ими.

Въ отвѣтъ на эти запальчивыя слова княжна только улыбнулась, какъ улыбаются взрослые люди на смѣшную выходку ребенка. Каждый ея взглядъ, каждая такая улыбка бѣсили меня до послѣдней степени.

Прошло еще нѣсколько минутъ въ полномъ молчаніи. Я зашагалъ-было по террасѣ, но вскорѣ потомъ остановился у пирамиды цвѣтовъ и почему-то, совершенно безсознательно, сталъ считать лепестки гортензіи. Княжна все время не измѣняла своего положенія и сидѣла все точно такъ же, какъ и прежде, какъ-будто между нами вовсе и не было этой маленькой размолвки.

— Вы испугались? раздался вдругъ совсѣмъ неожиданно ея мягкій, бархатный, контральтовый голосъ.

— Совершенно! отвѣтилъ я, весь внутренно дрожа отъ лихорадочнаго волненія.

— Ну, такъ ступайте и садитесь сюда, продолжала она не обертываясь.

Я потерялъ наконецъ послѣднее терпѣніе. И злость, и страсть самая жгучая, и досада, и любовь боролись и кипѣли во мнѣ—всѣ разомъ, и вдобавокъ ко всему этому, я совершенно терялся: я не понималъ этой женщины. «А, была не была! выскажусь разомъ!» мелькнуло у меня въ головѣ,— и я твердо и рѣшительно подошелъ къ ней.

— Послушайте, княжна, началъ я дрогнувшимъ голосомъ, я васъ рѣшительно не понимаю... Зачѣмъ вы меня спрашиваете объ этомъ? Вѣдь вамъ это совершенно все равно! Развѣ затѣмъ, чтобъ посмѣяться надо мною или помучить меня?—Но вѣдь это безчеловѣчно! да я вамъ и не подалъ пока еще повода смѣяться!.. Если вы хотите знать, — я люблю васъ. Говорю вамъ теперь это прямо. Но знайте: я никогда не мечталъ открыться вамъ въ этой страсти, потому что боялся нарушить наши добрыя отношенія. Вѣдь вы не будете любить меня, такъ зачѣмъ же вамъ и спрашивать?

Она взяла меня за руку.

— Да, я вижу, вы точно не понимаете меня, какъ давно уже видѣла, что вы меня любите... Ну, авось когда нибудь поймете! начала княжна, не выпуская руки моей и какъ бы стараясь этимъ успокоить меня. Вотъ видите ли, Натаровъ, я потому-то и пожалѣла васъ, что давно уже увидала, какъ вы меня любите. Я знаю, это ваша первая любовь;—вы мнѣ сами когда-то высказывали свой взглядъ на это чувство.— Зачто же вы-то сами хотите загубить его, засушить его такъ, даромъ? Будь вы постарше или поиспорченнѣе, смотрите вы иными глазами на эти отношенія нѣсколько легче, какъ смотрятъ у насъ почти всѣ, я бы не заговорила тогда съ вами объ этомъ, а теперь, повторяю вамъ, мнѣ жаль васъ, мнѣ жаль этого свѣжаго чувства, которое вы сами намѣрены загубить и растратить.

Я слушалъ ее съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, но

все-таки рѣшительно не могъ объяснить себѣ, что̀ все это значитъ. Голову мою начинало жать и давить, словно стянутымъ обручемъ.

— Ну...такъ что же?.. рѣшился наконецъ съ трудомъ проговорить я.

— Что же? повторила княжна, неопредѣленно устремляя въ даль свои глаза,—любите меня, не скрываясь больше. Вы любите слишкомъ просто и искренно, слишкомъ честно, для того, чтобы погибать этому чувству. Любите меня полною любовью; пусть у васъ останется хоть одно свѣтлое воспоминаніе! Вы теперь пока еще не знаете того горькаго чувства, съ которымъ вспоминаетъ человѣкъ свою неудавшуюся или отравленную любовь. Не знайте же его и совсѣмъ, а любите просто, пока любится. Вы мнѣ не однажды и потомъ скажете спасибо...

Я съ восторгомъ пригнулся къ ея рукѣ и поцѣловалъ ее.

— Ну, такъ выслучайте жъ меня, продолжала Инна Иларіоновна: женой вашей я не буду, а любовницей... пожалуй.. Что̀ вы вздрогнули? что̀ вы такъ странно смотрите на менмя? обратилась она ко мнѣ съ этимъ неожиданнымъ вопросомъ, вдругъ перебивши самое себя.—Неужели же вы пугаетесь откровеннаго слова? Неужели же вамъ надо высказывать то же самое, только маскируя въ благовоспитанную форму свою мысль? Полноте, Натаровъ, намъ нечего играть въ жмурки. Да и передъ кѣмъ рисоваться? кого обманывать?.. Повторяю вамъ еще разъ: мнѣ жаль васъ, и потому я хочу дать вамъ нѣсколько счастливыхъ минутъ въ жизни.

И не дослушавъ даже ея послѣднихъ словъ, я съ глухимъ крикомъ радости, не сдерживая рыданія, накопившіяся въ груди за все долгое время борьбы и мученій, восторженно бросился къ ея ногамъ; жадно цѣловалъ эти ноги, весь трепеща, обвивалъ ея колѣни и, какъ сумашедшій, упоенно вглядывался въ ея привѣтливые глаза. Я обезумѣлъ отъ этого вдругъ нахлынувшаго счастья; я не помнилъ, что̀ уже потомъ было со мною... Да и теперь, по прошествіи четырехъ лѣтъ, и эта минута, и эта ночь, и эта женщина наконецъ представлются мнѣ какой-то томительно-сладкой, упоенной грезой, какой-то восторженной и фантастической сказкой!

VI.

Болѣе мѣсяца я прожилъ полною любовію, полнымъ счастіемъ,—счастіемъ, которое принеслось какою-то яркою грезой, переполненною и дѣтски-безпечной радостью, и мучительнымъ наслажденіемъ, и безпредѣльною страстью, и послѣ котораго человѣку, казалось бы, больше ужъ нечего просить и ожидать отъ жизни, отдавшей ему въ избыткѣ и разомъ все, что только могла она дать хорошаго и добраго на его долю. А все-таки я не понималъ этой женщины; она для меня оставалась тою же загадкой, какъ и въ первый день нашего знакомства. Любила-ль сама она? Этотъ вопросъ и до сихъ поръ остается для меня нерѣшенымъ. Я боюсь сказать и *да*, не могу сказать и *нѣтъ*. Порою я готовъ вѣрить, что любила, а порою мнѣ кажется, что она только сжалилась надъ бѣднымъ мальчикомъ, понявши, что эта страсть для меня роковая, съ которою шутить нельзя. Да, она глядѣла на меня, какъ на мальчика, какъ на ребенка; даже часто ласкала меня вмѣстѣ съ маленькой Лилой, и ласки дѣлила намъ поровну, какъ мать, стараясь не обидѣть ни того, ни другаго. И въ это время въ глазахъ ея свѣтилось то мягкое, любящее, материнское чувство, для котораго она измѣняла своему обычному выраженію.

Каждая моя попытка разгадать эту женщину оставалась тщетной. Каждый разъ, когда я взглядомъ или словомъ хотѣлъ-было вызвать ее на чистосердечный разговоръ про ея внутренній міръ, или про ея прошлое, въ отпоръ себѣ встрѣчалъ я постоянно одинъ и тотъ же холодный, стальной взглядъ (и никогда ни одного слова!), который, казалось, ясно и рѣшительно говорилъ мнѣ: «если ты осмѣлишься хоть слово сказать еще, хоть взглядъ одинъ бросить пытливый,— между мной и тобой все кончено на-вѣки»! И я замолкалъ невольно; а по ея лицу въ то же время разливался легкій оттѣнокъ давящей, гдѣ-то далеко, въ самой глуби сердца, грусти и ѣдкой горечи какихъ-то воспоминаній.

VII.

Но наконецъ-таки все то, что такъ томило меня столь долгое время, перестало быть для меня загадкой.

Однажды Инна Иларіоновна (это было уже къ концу лѣта) неожиданно спросила меня:

— Когда вы ѣдете?

— Куда? спросилъ въ свою очередь и я, не мало изумленный ея вопросомъ и вовсе не сообразившись съ нимъ.

— За границу.

— За границу?!.. Боже мой, да я и позабылъ совершенно объ этой поѣздкѣ! Я не поѣду за границу.

— Отчего? Вѣдь это была ваша всегдашняя любимая мечта? настаивала между тѣмъ княжна.

— Она, пожалуй, и останется такою... Когда-нибудь и поѣду, быть можетъ...

— Нѣтъ, ты хотѣлъ ѣхать въ концѣ этого лѣта; ты самъ говорилъ мнѣ.

— Тогда хотѣлъ, теперь не хочу.

— Ты капризный ребенокъ. Тебѣ нужно ѣхать.

— Отчего нужно?

— Оттого, что разъ было такъ сказано. Это было рѣшено, слѣдовательно надо исполнить.

Я только плечами пожалъ. Что это значило? какой смыслъ имѣлъ весь этотъ разговоръ? — для меня опять-таки было загадкой.

— Ты странная женщина! рѣшился наконецъ проговорить я. Да развѣ я могу уѣхать отсюда?

— Долженъ.

И это короткое «долженъ» было сказано такъ, что не допускало ни малѣйшихъ возраженій, ни малѣйшаго противорѣчія себѣ. Я чувствовалъ, что долженъ былъ подчиниться ея волѣ, потому-что эта женщина постоянно брала какой-то нравственный верхъ надо мною, и я инстинктивно сознавалъ ея могучую нравственную силу, ея желѣзный характеръ и волю, ея исключительное вліяніе и превосходство.

Она настояла на моемъ отъѣздѣ.

Въ послѣднихъ числахъ августа я собрался въ городъ, хлопатать о заграничномъ паспортѣ.

Часамъ къ восьми вечера лошади были готовы, и я хотѣлъ уже садиться, какъ вдругъ подаютъ мнѣ записку. Развертываю,—рука княжны: «Я жду васъ сегодня къ ужину», было написано тамъ и кромѣ этихъ словъ ничего болѣе не значилось.

Я велѣлъ извощику быть готовымъ къ часу ночи, а самъ, спустя часа полтора, отправился къ княжнѣ.

Она была необыкновенно оживлена въ этотъ вечеръ. Какая-то особенная, игривая, живая странность искрилась во всѣхъ ея словахъ и движеніяхъ, придавая имъ еще болѣе граціи и изящества. Умъ такъ и сверкалъ веселостью и остроуміемъ; глаза горѣли увлеченіемъ и нѣгой беззавѣтно переживаемой жизни; улыбка самая безпечная не сходила съ губъ, изъ которыхъ искренно вырывался порою дѣтски-беззаботный и веселый смѣхъ. Въ этотъ вечеръ она была вся—страсть, вся—самое одушевленное увлеченіе. Я никогда еще не видалъ ее такою. Она поразила меня всѣмъ этимъ, какъ совершенно неожиданною новостью, такъ что за ужиномъ я ей высказалъ свое удивленіе, и тутъ показалось мнѣ, что княжна слегка тревожно вздрогнула и мгновенно поблѣднѣла. Но въ тотъ же мигъ переломивъ себя, она стала еще бойче, еще увлекательнѣе говорить и смѣяться. Я налилъ бокалъ и поднесъ уже къ губамъ, чтобъ выпить ея здоровье, какъ вдругъ она остановила мою руку.

— Мое здоровье? проговорила она, вдругъ измѣняя беззаботно-веселый тонъ, какимъ говорила за минуту, на свой всегдашній и совершенно серьезный: нѣтъ ненадо... Ненадо пить за мое здоровье!

— Почему? настойчиво замѣтилъ я, не опуская бокала.

— Я не хочу. Ты не выпьешь этотъ бокалъ за мое здоровье... Дай мнѣ его: лучше я выпью за твое! проговорила княжна, отнимая отъ меня вино. Да что ты смотришь такъ на меня? продолжала она, замѣтивъ мой пытливо-недоумѣвающій взглядъ, который всегда вызывали у меня ея загадочные поступки и движенія, — я, вѣрно, кажусь теперь странною?..

— Да нетолько теперь, а и прежде очень часто! отвѣтилъ я, рѣшась наконецъ добиться своей разгадки.

— Почему же? возразила весело княжна, въ первый разъ не остановивъ меня своимъ роковымъ взглядомъ. Это меня и удивило, и ободрило.

— Потому, что я не могу постичь тебя, отвѣтилъ я, потому, что ты вѣчно являешься для меня какою-то загадкой, надъ разрѣшеніемъ которой какъ я ни бьюсь, все-таки ничего не получаю... Ты вся, какъ есть, какой-то фантастическій сфинксъ. Ты совершенно исключительное явленіе въ нашемъ обществѣ, да и поставлена-то ты также въ совершенно исключительное положеніе. Вѣдь какъ ни странно это для меня самого, а я долженъ сознаться, что при всей коротк͏ости нашей, ты съ своимъ внутреннимъ міромъ и съ своимъ прошлымъ недоступна и загадочна для меня столько же, сколько и для всѣхъ остальныхъ людей. Чтожъ ты такое наконецъ? Скажи мнѣ, Бога ради!

Княжна какъ-то странно улыбнулась: частью сухо, частью саркастически.

— Вы наговорили слишкомъ много книжныхъ фразъ, Натаровъ, изъ которыхъ я ни одной не беру на себя, замѣтила она совершенно равнодушно. Вы меня не понимаете, а я между тѣмъ совершенно простая, обыкновенная женщина. Вы еще,—простите за откровенность,—слишкомъ юны, вы не жили еще, оттого я и кажусь вамъ странною.

Она замолкла на минуту и пристально взглянувъ на меня, протянула мнѣ свою тонко выточенную, розовато-блѣдную руку.

— Ты не сердись на меня, другъ мой, продолжала она, я хочу тебя только разубѣдить въ томъ, что я вовсе не загадка. Я вѣдь давно уже поняла, что ты порываешься заглянуть въ мою душу; ну, такъ и быть! я тебѣ разскажу мое прошлое—въ первый разъ моей жизни... примолвила она, нервно улыбнувшись и раздумчиво покачавъ головою. Слушай, начну по порядку свою біографію.

VIII.

— Я родилась въ 18.. году, на югѣ Россіи. Мать моя сильно мучилась: надо было жертвовать либо жизнью ребенка, либо ея собственною жизнью. Она, вопреки всѣмъ настояніямъ и мольбамъ отца, твердо рѣшилась на послѣднее и умерла родами. Это была женщина замѣчательной красоты и замѣчательной силы характера.

Отецъ пережилъ ее только годомъ, и я осталась однолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ моей бабки, его матери.

Эта бабка была закоренѣлая барыня, да еще московская барыня. Полусумашедшая, сухая, желчная старушонка, самодурная—злая и взбалмошная до послѣдней степени, ханжа, женщина помѣшанная на ханжеской нравственности болѣе даже, чѣмъ на своемъ родѣ и княжескомъ достоинствѣ. Можешь легко представить себѣ, въ какомъ миломъ домѣ должна была рости я и воспитываться!

Меня держали постоянно въ-заперти и страхѣ Божіемъ. Ко мнѣ приставлено было три гувернантки: француженка, нѣмка и англичанка, которымъ строго-настрого приказано было внушать мнѣ, что я не простая смертная, а княжна, и потому должна держать себя гордо и быть нравственною. Объ этомъ княжескомъ титлѣ и особенно объ этой нравственности было мнѣ натолковано столько, что еще съ десятилѣтняго возраста и то, и другое стало мнѣ противно до-нельзя. Ради той-же нравственности, учителей мужескаго пола, исключая стараго духовника, ко мнѣ не допускалось. Вмѣсто ихъ бабка выписывала изъ-за границы учительницъ преклонныхъ лѣтъ, которыя должны были обучать меня всѣмъ наукамъ.

Я росла почти никого не видя, исключая моихъ гувернанокъ да старой няни Мавры Игнатьевны.—Она у меня была любимый человѣкъ, вмѣсто матери родной; съ ней только я и душу отводила, и надо тебѣ сказать, что Мавра Игнатьевна даже и у бабушки пользовалась очень большимъ и почтеннымъ авторитетомъ, больше даже учительницъ и гу-

вернантокъ. Бабушка ей, на мое особенное счастье, довѣрила главный надзоръ за мною, и кабы не Мавра Игнатьевна, я бы рѣшительно отупѣла и зачахла въ этомъ дикомъ домѣ; она одна только и была тамъ живая человѣческая душа. Да и любила она меня какъ дочь свою. Подругъ у меня не было. Бабушка проводила всѣ дни въ постѣ и въ считанiи денегъ, да въ спасительныхъ бесѣдахъ съ монахинями, и жила совершенно закрыто въ своемъ огромномъ мрачномъ домѣ. Только два раза: въ новый годъ да въ ея имянины отворялись двери главнаго подъѣзда. Въ эти два дня являлись къ ней съ почтенiемъ разные дальнiе родственники (близкихъ, кромѣ меня, у ней не было), да разныя черепки стараго вѣка, съ шитыми воротниками и въ орденахъ. Впрочемъ визиты ихъ были не долги, потому что бабушка, по скупости, обѣдать не оставляла, а впослѣдствiи они и совсѣмъ прекратились, такъ какъ она объявила себя молчальницей и уже совершенно отказалась отъ свѣта: скупость заѣла!

Когда мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, учительницы и гувернантки были отпущены, а я ввѣрена въ окончательный надзоръ Мавры Игнатьевны. Вывезти меня въ свѣтъ или прiискать партiю бабка и не подумала: во-первыхъ, расходы большiе, а во-вторыхъ, большiе хлопоты. Она меня вовсе и не предназначала для свѣта; завѣтное желанiе ея было, чтобъ я осталась дѣвушкой и шла бы въ монастырь. Впрочемъ, будучи занята своими деньгами и постничествомъ, она почти совершенно не входила въ мое положенiе и въ мои дѣла. Мы какъ-то мало были знакомы другъ съ другомъ. Она жила сама–по–себѣ, а я—сама–по–себѣ, и даже тайкомъ отъ нея могла пользоваться волей, могла хоть для прогулки выходить изъ дому, въ тѣ часы, когда она спала.

Я почему–то рано развилась и морально, и физически. А такъ какъ вся окружающая меня обстановка была мнѣ противна, то не мудрено, что я всѣми силами стремилась освободиться изъ–подъ этого гнета, хоть какъ-нибудь, хоть куда-нибудь, только бы вырваться въ иную, новую сферу! Не мудрено также, что, питая антипатiю ко всему втолкованному мнѣ, я, какъ натура живая, со всею горячностью броси-

лась въ другую крайность и воспитала въ себѣ идеи совершенно противуположныя тѣмъ, которыя мнѣ такъ сухо и такъ надоѣдливо жужжали въ уши эти ходячіе мертвецы.

Каждую весну мы переѣзжали сюда, на эту дачу. Бабка жила наверху, а я съ Маврой Игнатьевной помѣщались внизу; и видались мы съ бабкой только по два раза въ день: поутру, когда я приходила поздравить ее съ добрымъ утромъ и приложиться къ ея рукѣ, и потомъ за обѣдомъ. Впрочемъ, обѣдала я съ нею всю ея постную кутерьму только такъ, для виду: Мавра Игнатьевна всегда приготовляла мнѣ внизу другой—скоромный обѣдъ. И бабка всегда отзывалась съ большою похвалой о томъ, что я принимаю мало пищи,—«значитъ о духѣ много помышляешь», говорила она; а въ сущности была рада, что черезъ это меньше кушанья выходитъ. Во все время обѣда она обыкновенно читала попеременно то мнѣ, то своимъ собаченкамъ наставленія, и наставленія, предназначенныя мнѣ, нисколько не отличались отъ собачьихъ, потому что она о нашей общей нравственности пеклась совершенно равномѣрно. Этихъ собаченокъ, точно также какъ и меня, держали строго, взаперти и вполнѣ на барской ногѣ. Я помню, когда одной изъ нихъ удалось какъ-то случайно на трое сутокъ пропасть изъ дому безъ вѣсти, — бабка моя всѣ эти трое сутокъ плакала и болѣла душою о дурномъ поведеніи и испорченной нравственности своей собаченки; а когда та наконецъ возвратилась, такъ она, во-первыхъ, наказала ее розгами, а во-вторыхъ, собственноручно всю исколола булавкой, для примѣра, при всѣхъ остальныхъ моськахъ; а послѣ этого тотчасъ же прогнала ее, за нечистоту, и не хотѣла болѣе видѣть.— Такъ и умерла, не простивши.

Въ семнадцать лѣтъ я въ первый разъ полюбила. Мы жили тогда здѣсь, на дачѣ. Весна была такъ хороша, а я была такъ глупа! И обѣ вмѣстѣ мы были такъ горячи и такъ страстны! Какъ же тутъ было не влюбиться! И знаешь ли, полюбила я какъ-то странно, не такъ, какъ всѣ у насъ любятъ, а совершенно наоборотъ: сперва кровью, а потомъ душою. Онъ былъ такой интересный мужчина! Гдѣ ужъ тутъ было думать о его нравственныхъ качествахъ! Да и

могла ли я о нихъ думать? Въ то время я еще судила людей такъ: красивъ собою—значитъ, долженъ быть и добръ, и благороденъ, и великодушенъ; а дуренъ — такъ скверный человѣкъ. Вотъ тебѣ и весь мой тогдашній взглядъ на людскую нравственность! Увидѣла я его въ первый разъ, когда шла вмѣстѣ съ няней въ купальню. Онъ мнѣ сразу понравился. Да и какъ было не понравиться! Вѣдь я и лица-то мужскаго порядочнаго не видала никогда; а онъ былъ такъ красивъ, такъ изященъ, такъ интересенъ! Послѣ этого очень часто встрѣчала я его на своихъ прогулкахъ, и при каждой встрѣчѣ непремѣнно вспыхивала и не могла оторвать отъ него глазъ. Онъ, конечно, замѣтилъ это, и вскорѣ такимъ образомъ между нами завязалось нѣмое знакомство. Казалось, мы очень хорошо понимали другъ-друга. Раза два я его встрѣтила на одной изъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ аллей нашего парка. Онъ впервые поклонился мнѣ, я, не помня себя отъ восторга, отвѣтила ему тоже поклономъ; но ни у него, ни у меня нехватило рѣшимости ни съ того, ни съ сего начать разговоръ.

Наконецъ я рѣшилась быть смѣлѣе и добиться своего... Я и тогда, какъ теперь, постоянно носила на рукѣ старинный золотой браслетъ, — это родовая память моей матери. Однажды шла я по аллеѣ и завидѣла вдалекѣ *его*. Не много нужно было времени для того, чтобы растегнуть запонку браслета и оставить его на рукѣ незастегнутымъ... Пройдя мимо его, я сдѣлала маленькое движеніе, отъ котораго браслетъ упалъ на дорожку. Я будто бы не замѣтила, и прошла дальше. Онъ поднялъ его и отдалъ мнѣ. Этого было достаточно для насъ обоихъ, чтобы вступить въ разговоръ. И какъ бы ты думалъ, что́ я, безумная, сдѣлала?.. — не прошло и получасу, какъ я прямо и открыто сказала ему, что люблю его...

Господи! если вспомнить, что́ только со мною дѣлалось!.. Я вся была въ какомъ-то восторженномъ, упоенномъ экстазѣ, лихорадка била меня, страсть такъ и прорывалась наружу, голова закружилась до-безпамятства. Я не помнила ни себя, ни всего окружающаго и, кажись, если бы кто посто-

ронній, или даже сама бабка моя показалась тутъ въ эту минуту, я не призадумалась бы убить ее на мѣстѣ.

Мы условились видѣться съ нимъ ежедневно, — и видѣлись, все тутъ же, въ этомъ самомъ паркѣ. Я часто ночью выскакивала изъ окошка моей спальни прямо въ садъ и шла къ нему; онъ ожидалъ меня тамъ постоянно. Такъ прошло болѣе полутора мѣсяца. Мнѣ удалось обмануть всѣхъ. Отъ одного только проницательнаго взора няни не скрылось настоящее дѣло. Она сначала испугалась, потомъ поплакала, а потомъ помирилась съ этимъ и стала меня прикрывать.

Между тѣмъ онъ началъ настаивать, чтобы я, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ввела его въ домъ къ бабушкѣ. Я знала, что это невозможно и потому раскрыла ему всѣ причины, по которымъ бабка моя никогда не согласится принять его, и тѣмъ болѣе выдать за него меня: онъ былъ человѣкъ безъ громкаго титла, во-первыхъ; а во-вторыхъ, для нея было совершенно немыслимо разстаться хоть съ частью своихъ денегъ, которыя нужно было отдать мнѣ на приданое. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы выйдти замужъ, приходилось ждать ея смерти. А надо еще сказать, что отецъ мой самъ-по-себѣ не имѣлъ ровно ничего, а все содержаніе получалъ отъ нея, такъ что своего-то и я ровно ничего не имѣла.

Между тѣмъ миновалось лѣто. Бабушка переѣхала въ городъ—и мы поневолѣ должны были видѣться рѣже. Только на какіе-нибудь полчаса удавалось мнѣ иногда уходить къ нему подъ прикрытіемъ няни. Чѣмъ все это кончится, къ чему поведетъ все это?—я не задавала себѣ труда подумать; я, закрывши глаза, что называется, отдалась теченію и беззавѣтно переживала свою молодую жизнь. Между тѣмъ послѣдствія этого увлеченія день ото дня становились яснѣе. Я скрывалась, пока могла, но наконецъ скрываться ужъ не стало никакой возможности. Бабка обо всемъ догадалась и все узнала. Полусумашедшая ханжа и совсѣмъ помѣшалась. Вмѣсто того, чтобъ замять все дѣло, предотвратить скандалъ, какъ это обыкновенно дѣлается у людей ея круга, она, ужаснувшись за опозоренную нравственность, безъ дальнихъ разговоровъ сказала, что лишаетъ меня наслѣдства,

прокляла меня, запретила называться именемъ княжны З*** и, къ довершенію всего, выгнала вонъ изъ дому вмѣстѣ съ Маврой Игнатьевной.

Первымъ дѣломъ, не выходя еще изъ бабкина дома, я написала къ нему письмо, гдѣ подробно разсказала все, что̀ случилось со мною, а сама вмѣстѣ съ няней перебралась къ ея племянницѣ—больше некуда было дѣваться. Но прошелъ день, прошелъ другой, а на письмо мое нѣтъ отвѣта. Я пошла къ нему сама,—говорятъ, нѣтъ дома; я хочу подождать,—меня не впускаютъ. Тутъ ужъ я увидѣла ясно, что тотъ, каго я считала и честнымъ, и великодушнымъ, оказывается подлецомъ, который мечталъ жениться на мнѣ изъ-за моего богатства, а какъ скоро на богатство не осталось никакой надежды, онъ нагло отъ меня отвернулся. Положеніе мое было безвыходно. Что̀ оставалось мнѣ дѣлать? Впереди бѣдность и бѣдность, — самая безнадежная бѣдность! Няня пошла на мѣсто, а я съ Лизой, племянницей ея (она была вольная), помѣстились кое-какъ въ одной бѣдной комнаткѣ. Комнатка эта находилась въ четвертомъ этажѣ, почти на самомъ чердакѣ большаго дома, на Выборгской. Она была и тѣсна, и сыра, и холодна; бывало, дровъ нѣтъ ни полѣна, такъ мы на копѣйку купимъ въ лавочкѣ угольевъ, наставимъ самоваръ и отогрѣваемся кое-какъ его паромъ; руки окоченѣютъ за работой мы ихъ къ самовару—ну, и ничего, отойдутъ немного, такъ что хоть иголку можно держать. Лиза шила бѣлье и платья на разные магазины. Она достала работу и мнѣ, да кромѣ того няня еще помогала кое-какими деньжонками отъ себя—и такимъ образомъ мнѣ предстояло прожить цѣлую жизнь! А тутъ еще я родила дочь—Лилу... Нужда и лишенія сдѣлались еще суровѣе, еще невыносимѣе, исходу не было никакого, — такъ что̀ мною овладѣло самое черное отчаяніе. Жизнь меня обманула на самомъ первомъ шагу; когда я радостно протянула ей руку—она оскорбительно насмѣялась надо мною. Я знаю, ты скажешь, что̀ надо было бы бороться, да бороться-то было не съ чѣмъ и не изъ чего! бороться можно только тогда, когда есть еще у человѣка хоть какая-нибудь надежда или завѣтная мечта, а у меня ни того, ни другаго

не было. Все, что можно было сдѣлать на моемъ мѣстѣ, это—пережить свою полосу; я и пережила ее, какъ видишь. Но зато какъ глубоко возненавидѣла я все́, и всѣхъ, начиная съ самой себя!... Я ужъ была всему чужда въ жизни, исключая Лилы,—такою я и осталась! Мнѣ постоянно, съ какимъ-то восторгомъ и наслажденіемъ, съ адскимъ наслажденіемъ приходила мысль наложить на себя руки; но страхъ за дочь, которую я бросаю на нищенство и погибель, каждый разъ останавливалъ меня. «Рано, подожду еще, думала я, сначала поставлю на ноги дочь, пристрою ее хоть въ пріютъ какой-нибудь, гдѣ бы ей былъ вѣрный кусокъ хлѣба, а потомъ уже и покончу!» И эта мысль была моею завѣтнѣйшею мечтою, моей отрадой, и какъ знать, быть можетъ, ей-то я и обязана тѣмъ, что пережила это тяжелое время. Я отказывала себѣ въ послѣднемъ кускѣ черстваго хлѣба и все копила, все копила по грошамъ, только бы скопить что-нибудь для Лилы, затѣмъ, чтобы похлопотать за нее гдѣ нужно, при отдачѣ въ пріютъ, затѣмъ, чтобы мнѣ было возможно поскорѣй умереть. Эта мысль сдѣлалась наконецъ почти моею маніей. И такъ прошли цѣлые два года!.. Наконецъ бабка, никогда не помышлявшая о смертномъ часѣ, вдругъ умерла скоропостижно, не успѣвъ оставить духовнаго завѣщанія,—и я дѣлаюсь полной ея наслѣдницей, и полною госпожею снова вступаю въ этотъ самый домъ. Шашки перемѣшались. Все, что бросало въ меня каменья, что клеймило меня именемъ позорной женщины и нагло презирало меня, теперь прикусило языки.

Нѣсколько великосвѣтскихъ господъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вздумали явиться ко мнѣ съ визитомъ, и каждый конечно съ arrière pènsee насчетъ моей руки — богатство вѣдь у нихъ все прикрываетъ! Пожелали даже сблизиться со мною и нѣсколько великосвѣтскихъ дамъ; даже и онъ прислалъ оправдательное письмо; но мои двери были заперты рѣшительно для всѣхъ. Я всегда ненавидѣла ихъ, я всегда презирала ихъ всѣхъ, сколько ихъ ни есть — и мнѣ любо и весело быть у нихъ вѣчнымъ бѣльмомъ на глазу. Они послѣ своей неудачной попытки сойдтись, скандализируются мною, а я хохочу надъ ними, и это доставляетъ

мнѣ пока еще капельку удовольствія. Теперь, слава Богу, живу вполнѣ независимо отъ всѣхъ ихъ условій и мелочныхъ предразсудковъ, на зло и крайнюю зависть и злословіе своихъ великосвѣтскихъ сверстницъ.

Ну, дальше разсказывать нечего!.. Вскорѣ послѣ этого я уѣхала за границу, пробыла тамъ годъ, а нынче сошлась съ тобою. Ты мой второй и послѣдній любовникъ... Теперь ты видишь, что я вовсе не загадочная, а только оскорбленная женщина.

Вотъ тебѣ вся моя исповѣдь.

IX.

Я остался глубоко пораженъ разсказомъ княжны. Меня изумила желѣзная воля и сила этой женщины, которая такъ твердо перенесла столько ужасныхъ ударовъ и осталась жить. Я ей высказалъ это.

— Жить!.. проговорила она задумчиво, да развѣ можно было тогда умереть?..

— Да, можно, отвѣтилъ я, все еще не выходя изъ раздумья. Когда жизнь и судьба такъ безжалостно крутятъ человѣка, тогда не грѣхъ покончить расчетъ съ ними.

— Жизнь и судьба не крутятъ людей, мой милый, возразила она, покачавъ головою, я не вѣрю этому... нѣтъ, люди сами крутятъ себя, а судьба и жизнь вполнѣ къ нимъ равнодушны! Какое имъ до этого дѣло?.. Умереть можно всегда... смерть всегда въ нашихъ рукахъ, и судьба настолько равнодушна въ этомъ случаѣ, что даже отдаетъ намъ неограниченное право покончить собственную жизнь, если только мы не струсимъ передъ исполненіемъ его... И вѣрь мнѣ, кто побывалъ въ моемъ положеніи, тотъ, вѣрно, изъ всего этого вынесъ полнѣйшее равнодушіе, даже болѣе: презрѣніе въ жизни и къ судьбѣ... Но тогда, повторяю тебѣ, умереть было бы непростительное малодущіе, было бы подло: потому что я должна была бы или убить дочь вмѣстѣ съ собою, или оставить ее на вѣрное нищенство и голодъ, заставить ее проклинать и себя и меня — это не легко, это ужасно!.. Теперь... те-

перь Лила вполнѣ обезпечена... Но полно! Что за охота говорить объ этомъ!.. перебила она самое себя—я не хочу болѣе вспоминать это прошлое—похоронимъ его разомъ!.. Я хочу жить, жить! Слышишь-ли, жить полною, горячею жизнью! продолжала она, мгновенно воодушевляясь страстнымъ увлеченіемъ... Пойдемъ отсюда, здѣсь душно. Пойдемъ въ садъ, на просторъ, на прохладу! Взгляни, какъ тамъ хорошо, какъ тамъ темно... Пойдемъ туда!.. Я хочу еще, еще разъ прожить нѣсколько мгновеній полно, безумно, увлекательно. Дай мнѣ въ послѣдній разъ забыться! Я мучительно хочу жизни, я хочу счастья! а тамъ... Ну, да что говорить объ этомъ! Идемъ! экзальтированно проговорила княжна, махнувъ рукою и увлекая меня за собою въ глубину тихаго ароматнаго сада...

Было время ѣхать. Княжна мнѣ сама напоминала это. Я не хотѣлъ уѣзжать, я чувствовалъ, что не могу покинуть ее.

— Нѣтъ, ты долженъ ѣхать, настоятельно требовала она, ты долженъ! Я хочу этого... Пора! Прощай!.. Что за малодушіе!.. Вѣдь ты не на смерть ѣдешь... Не умрешь, не бойся.., Ну, прощай же, прощай!..

И она, крѣпко стиснувъ мою руку, стремительно вырвалась отъ меня и быстро направилась къ дому.

«Опять загадка!» подумалъ я, въ недоумѣніи пожавъ плечами, и побрелъ домой, гдѣ ужъ давнымъ-давно ожидалъ меня мой извощикъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я уѣхалъ.

X.

На другой день къ вечеру я вернулся на дачу—и прямо къ княжнѣ. Меня встрѣтила Мавра Игнатьевна, — убитая, съ опухшими отъ слезъ глазами, — вся въ черномъ и объявила, что княжна приказала долго жить. Я ужъ не говорю о томъ, какъ это меня поразило, и что сдѣлалось со мною... Вхожу въ залу—и застаю на столѣ ея трупъ. Она лежала, какъ живая; казалось, какъ будто и умирая она не

уступила смерти, и не дала ей положить на себя свою страшную, отталкивающую печать. Она была все такъ же хороша и изящна, какъ и при жизни.

Строгое мертвое лицо приняло свое обычное, нѣсколько гордое и тоскливо-страстное выраженіе, а на блѣдныхъ губахъ, какъ и прежде, лежала все та же загадочная улыбка.

Въ это время подошла ко мнѣ Мавра Игнатьевна.

— Что же это значитъ? Что тутъ случилось? едва могъ проговорить я.

— А что случилось?.. Не хорошее случилось! возразила старушка, покачивая головою и отирая ежеминутно набѣгавшія слезы. Какъ уѣхали вы, батюшка, такъ она, касатушка моя, вернулась это изъ саду и прямо въ спальню къ Лилочкѣ. Долго-долго стояла передъ ней на колѣнкахъ и глядѣла на нее-то сонную, а потомъ поцѣловала,—и цѣловала тоже это долго-предолго, а тамъ и пошла прямо къ себѣ въ спальню. А горничная-то была въ смежной комнатѣ... Хотѣла-было идти за княжной, раздѣвать ее, — не велѣла, приказала остаться и ни кого не впускать... Та-то, глупая, и осталась... Только это и двухъ минутъ не прошло, какъ сидитъ она, горничная-то, передъ дверью и вдругъ слышитъ, что въ спальнѣ что-то рухнуло на полъ, словно бы тѣло упало, что бы такое могло быть? и ума вѣдь съ разу не приложить!—думала, что княжнѣ дурно сдѣлалось, да прямо туда, смотритъ — а она и впрямь лежитъ на полу, моя голубушка горькая, лежитъ и не дышетъ... Горничная, извѣстно, перепугалась, — какъ не перепугаться! — побѣжала за мною; кликнули это людей, прибѣжали, смотримъ, а она ужъ и Богу душеньку отдала. Сейчасъ это положили ее на кровать; послали за докторомъ... А сами пока тѣмъ временемъ оглядывались, — смотримъ: лежатъ на столикѣ двѣ записки, одна зепечатанная, къ вашей милости, батюшка, а другая просто такъ, на листочкѣ, чернилами...

— Гдѣ же она? воскликнулъ я, хватая старуху за руку.

— А тамъ, батюшка, тамъ, продолжала Мавра Игнатьевна; тамъ обѣ и лежатъ,—у нея-то въ спаленкѣ... такъ и не тронули... И трогать-то вишь запретили... докторъ и полиція

запретили... успѣли вѣдь ужъ побывать-то! Тамъ все, какъ было, такъ и осталось не прибрано...

Я бросился въ спальню.

Въ спальнѣ, дѣйствительно, лежали двѣ записки. Я накинулся на первую, которая мнѣ попалась на глаза. Въ ней было собственною рукою княжны твердо и четко написано: «Не подымайте слѣдствія, не подозрѣвайте и не вините никого,—я сама отравила себя синильною кислотою». У меня захватило духъ, и подкосило ноги, когда я прочелъ эти роковыя слова. Нѣсколько минутъ мнѣ невозможно было придти въ себя и сообразиться съ мыслями. Наконецъ, кое-какъ очнувшись и отрезвившись отъ этого неожиданнаго наплыва потрясающихъ ощущеній, я смутно обвелъ глазами комнату и на томъ же столикѣ замѣтилъ маленькій, изящной отдѣлки хрустальный флаконъ. Въ немъ было нѣсколько капель синильной кислоты.

«А! подумалъ я про себя, она и умирая ни на шагъ не уступила смерти. Она не дала ей исказить себя, и даже ядъ-то съумѣла выбрать такой, который убилъ ее мгновенно, не успѣвъ даже и на лицѣ оставить искажающіе слѣды... Господи, что за женщина! Что за могучая и вмѣстѣ съ тѣмъ непонятная натура!»

Мавра Игнатьевна межъ тѣмъ подала мнѣ запечатанную записку, которая была адресована княжною на мое имя. Это была ея послѣдняя воля. Вотъ что писала она:

«Я знаю, Натаровъ, что я постоянно казалась вамъ странною; смерть моя еще болѣе утвердитъ за мной это качество. Не судите меня за то, что я рѣшилась убить себя. Это, какъ вы уже знаете, было мое давнишнее, завѣтное и страстное желаніе, которое я лелѣяла какъ сокровище, въ теченіи болѣе четырехъ лѣтъ. Мнѣ не зачѣмъ было жить. Я была чужая всѣмъ и всему въ этой жизни, да и самая жизнь, право, нисколько ужъ не была для меня привлекательна, слѣдственно, остаться ли жить, или умереть—было для меня совершенно все равно. Умереть мнѣ казалось лучше: быть можетъ, за гробомъ и есть еще что-нибудь новое, а жизнь мнѣ ужъ ничего не дала бы. Если я не умирала до сихъ поръ, то это только потому, что мнѣ не на кого было

оставить свою несчастную дочку. Теперь у меня есть—вы. Вы, вѣрно, ради моей памяти, не захотите бросить моего ребенка. Умоляю васъ, *заклинаю* васъ нашими отношеніями не оставить ее: вѣдь я люблю ее; но что же мнѣ дѣлать, если я люблю смерть болѣе всего въ мірѣ?. Эта послѣдняя любовь все пересилила! Что же мнѣ дѣлать, если нѣтъ уже во мнѣ силъ бороться съ своимъ завѣтнымъ, страстнымъ желаніемъ? Лила обезпечена мною. Почти все мое родовое состояніе я еще за годъ до этого времени перевела въ денежный капиталъ, который и записала на имя Лилы. Вы ѣдете за границу, возьмите и ее съ собою.

Въ Парижѣ или въ Лондонѣ вы можете очень удобно помѣстить ее въ надежныя руки, гдѣ бы ей дали хорошее воспитаніе, а потомъ позаботьтесь объ устройствѣ ея судьбы.—Пусть она не скоротаетъ жизнь свою такъ, какъ скоротала ея мать! Маврѣ Игнатьевнѣ передайте отъ меня мое послѣднее спасибо за все добро, сдѣланное ею для меня. Скажите ей, что я и ее не забыла: на ея имя у меня положено нѣсколько тысячъ, съ которыми она проживетъ въ довольствѣ. Вотъ моя послѣдняя воля».

— Все кончилось! съ отчаяніемъ и чуть слышнымъ шепотомъ простоналъ я, не двигаясь съ мѣста, и въ то же время въ сознаніи моемъ вполнѣ уже вырисовался образъ этой женщины. Самоубійство довершило его.

Часамъ къ одинадцати ночи въ домъ набралась земская полиція. Замять или остановить дѣло было уже невозможно, потому что еще въ прошлую ночь успѣли составить законный актъ и донесли по начальству. Все, что только можно было сдѣлать, такъ это—убѣдить ихъ довольно полновѣснымъ убѣжденіемъ, покончить дѣло разомъ, безъ проволочекъ и схоронить поскорѣе покойницу.

Часъ еще спустя все уже было готово. Княжну положили въ простой, наскоро сдѣланный гробъ, тотчасъ же заколотили крышку и вынесли изъ дому. Хоронили нарочно попозднѣе, чтобы избѣжать любопытныхъ глазъ.

Ночь была совершенно темная, мглистая, но теплая, какъ ночь умирающаго лѣта.

Странное и болѣзненное ощущеніе ложилось мнѣ на ду-

шу, въ то время, когда я вмѣстѣ съ тремя людьми покойницы несъ на плечѣ ея гробъ! Тоска, тоска безпредѣльная, мрачная и глубокая уходила мнѣ въ душу, какъ и эта безпредѣльная, мрачная ночь уходила въ даль и въ темную глубину неба... Мы несли тихо, не проронивъ во всю дорогу ни слова, и въ этой тишинѣ только глухо раздавались тяжелые шаги нашей процессіи, да порою скорбящій вздохъ старушки-няни, которая брела за гробомъ. Подлѣ нея шла горничная княжны и несла на рукахъ сонную Лилу. Впереди насъ, шагахъ въ десяти, какъ два свѣтлячка, блуждали и мигали по дорогѣ два тусклые, красноватые огонечка,—то были могильщики съ фонарями. Они намъ указывали дорогу къ тому пустырю, гдѣ была вырыта могила княжны. Вся эта процессія съ темною массою покрытаго гроба вырисовывалась какими-то неясными и мрачными силуэтами на чуть-чуть прозрачномъ фонѣ ночи. Наконецъ мы достигли мѣста могилы. Это была группа густоросшихся деревьевъ, отдаленная отъ всякаго жилья, гдѣ нашли всего лучше отвести мѣсто въ три аршина длины несчастной покойницѣ. Мы опустили гробъ, и могильщики, при слабомъ свѣтѣ своихъ фонарей, принялись за работу. Глухо и зловѣще какъ-то рухнули на крышку первые комы сырой земли. Это была для меня страшная минута. Я и теперь не могу безъ содроганія вспомнить этого глухаго звука. Работа шла спѣшно. Княжну зарывали все больше и больше, такъ что черезъ полчаса насыпь была уже сдѣлана.

Мы, съ нѣмымъ, благоговѣйнымъ чувствомъ, безмолвно стояли передъ этой могилой, а земскіе завели уже между собою какой-то веселый разговоръ.

Услышавъ ихъ смѣхъ, я какъ-то озлобленно вздрогнулъ и вышелъ изъ своего задавленнаго тоскою состоянія. Оглядѣвшись вокругъ, различилъ я при мерцаніи огонька черты Мавры Игнатьевны, которая, склонясь на колѣна передъ могилою, пригнула къ насыпи полусонное, свѣжее и безпечное личико Лилы, уговаривая ее поцѣловать эту землю. Дѣвочка безсознательно поцѣловала. Я увидѣлъ это—и, съ нѣ-

мою, удушающею скорбью поклонясь, въ послѣдній разъ могилѣ любимой женщины, сознательно уже — и за себя и за Лилу—поцѣловалъ эту сырую, холодную насыпь.

Черезъ недѣлю я уже плылъ вмѣстѣ съ дѣвочкой на штетинскомъ пароходѣ.

Леэна.

(Аѳинская легенда).

Въ Аѳинахъ казни. Заговоромъ
Папаѳенейскимъ потрясенъ,
Жестокій Гипій приговорамъ
Не знаетъ мѣръ. Со всѣхъ сторонъ
Въ Аѳинахъ слухъ о тяжкихъ пыткахъ,
И горе тѣмъ, кто вписанъ въ свиткахъ
Подозрѣваемыхъ именъ.
Гипарха братъ безъ состраданья,
Со скифской стражей по ночамъ
Ведетъ допросъ, на поруганье
Бросая жертвы палачамъ.
Повсюду ужасъ. Оробѣлый
Въ жилищахъ заперся народъ,
И на Агорѣ опустѣлой
Весельемъ рынокъ не снуетъ.
Въ Пиреѣ пусто. Бани, храмы
Хранятъ молчаніе гробницъ.
Въ садахъ Киприды съ колесницъ
Въ зѣвакъ не сыплютъ эпиграмы.
Фортуны баловень и мотъ,
Кумиръ аѳинскимъ паразитамъ,
Съ восточной нѣгой не даетъ
Веселыхъ ужиновъ харитамъ.
Въ Пекильскомъ портикѣ не ждетъ
Толпа влюбленныхъ, въ багряницѣ,
Въ вѣнкѣ изъ мирта и цвѣтовъ,
Первосвященствующей жрицы
Аѳинскихъ славныхъ вечеровъ.

Не повелитъ она съ улыбкой
Коней парѳянскихъ удержать,
Чтобъ съ голубой мегарской рыбкой
Въ знакомой лавкѣ поиграть;
Чтобъ самолюбіе безсмѣнныхъ
Своихъ поклонниковъ задѣть,
Набрать подарковъ драгоцѣнныхъ
Отъ нихъ, и птичкой улетѣть.
Равно виновныхъ и невинныхъ
Всѣхъ обуялъ невольный страхъ;
Лишь соловьи въ кустахъ пустынныхъ
Поютъ попрежнему въ садахъ,
Да съ той же все улыбкой смѣлой,
Эллады огненной краса,
На городъ смотрятъ опустѣлый
Съ любовной нѣгой небеса.
Да катитъ Илисъ безъ боязни,
Звѣня свободную волну.
Но полночь. Срокъ условный казни.
Къ допросу привѣли жену.

—

Лучи свѣтильниковъ дозорныхъ,
Дрожа, мерцаютъ среди тьмы,
Рисуя пасти сводовъ черныхъ
Въ могильномъ ужасѣ тюрьмы;
Скамьи безмолвныхъ, мрачныхъ судій,
Съ безстрастьемъ полнымъ въ ихъ чертахъ;
И приготовленныхъ орудій
Шипы и иглы на стѣнахъ.
Какъ надъ могилой изваянье,
И не подвижна и блѣдна,
Въ оковахъ жертвой истязанья
Стоитъ прекрасная жена.
Не молитъ взоръ ея пощады,
Леэна знаетъ палачей.
Но отъ чего жъ полны такъ взгляды
Слезой мучительной очей?
Не вѣритъ силъ своихъ въ избытокъ.
Кипр иды вѣтрянная дочь,
И ей ли ужасъ этихъ пытокъ
Возросшей въ нѣгѣ превозмочь!

Садовъ задумчивыя тѣни,
Ковры душистые цвѣтовъ,
Въ ея душѣ съ томленьемъ лѣни
Развили нѣгу и любовь.
Случайной боли бъ не стерпѣла
Она шипа даримыхъ розъ,
И вотъ цѣпей тяжелыхъ въ тѣло
Желѣзо острое впилось.
И ждутъ, что съ адскимъ истязаньемъ
Сейчасъ измѣнитъ ей языкъ;
И имя чье нибудь съ признаньемъ
Неудержимый вырветъ крикъ.
И поданъ знакъ. Въ одно мгновенье
Бичи надъ жертвою взвились.
Ни вздоха,—только цѣпи звенья
Съ протяжнымъ воемъ потряслись.
Еще мгновеніе,—и снова
Бичь страшный въ воздухѣ завылъ.
Вдругъ вздрогнулъ Гиппій и сурово
Ударъ палачъ остановилъ.
Леэна что-то простонала,
Презренья видъ изобразивъ,
И трупомъ хладнымъ на полъ пала,
Языкъ подъ пыткой откусивъ.

—

Съ скамей безмолвно судьи встали,
Безмолвно вышелъ Гиппій вонъ;
И съ той поры уже едвали
Вкушалъ онъ безмятежный сонъ.

—

Въ примѣръ вѣкамъ, во имя славы
Людьми боготворимыхъ лицъ,
Такъ много древность величаво
Воздвигла храмовъ и гробницъ.
Межь нихъ въ честь жертвы благородной
Стоялъ на площади народной
Священный памятникъ Аѳинъ;
Жену и дочь къ нему свободный
Водилъ аѳинскій гражданинъ.
Женихъ невѣстѣ нареченной

О немъ разсказъ передавалъ;
И на него поэтъ влюбленный
Своей возлюбленной казалъ.
Была молва о немъ въ народѣ,
Что въ тихомъ сумракѣ ночей
Пѣвалъ тамъ схоліи свободѣ
И мощи женской соловей.
И каждый годъ съ тѣхъ поръ бывало
Толпа въ Аѳины притекала
Со всей Эллады, какъ рѣка;
Стяжать на играхъ миртъ побѣдный,
И поклониться львицѣ мѣдной
Безъ языка.

Н. КРОЛЬ.

ТАЙНЫ ЖЕЛТАГО ДОМА.

ЗАПИСКИ БѢЖАВШАГО ПАЦІЕНТА.

I.

Infandum, regina, jubes renovare dolorem.
Virgil, Aen.

Страшное горе велишь, о царица, мнѣ вспомнить.
Виргилій, Энеида.

Я только что расходился и сталъ громко проповѣдывать о всеобщемъ равенствѣ и одинаковыхъ правахъ всего человѣчества, какъ меня попросили выйдти на минутку въ другую комнату. Я вышелъ.

— Потрудитесь надѣть вотъ это, сказалъ мнѣ докторъ, указывая на чудовищные рукава съ ремнями и желѣзными пряжками. Два дюжихъ лакея держали наготовѣ передо мной эти кандалы новѣйшаго изобрѣтенія.

— Нѣтъ, благодарю покорно, я этого не надѣну, отвѣчалъ я и вернулся въ гостиную. А читали-ли вы этотъ пе-

реводъ изъ Гейне, обратился я къ другому доктору; и началъ декламировать:

Брось свои иносказанья....

— Нѣтъ, позвольте, прервалъ меня докторъ, бросьте ужь лучше вы свои сказанья (докторъ былъ нѣмецъ, какъ и всѣ почти русскіе доктора) да надѣньте вотъ это.

— Подите прочь, какое дѣло «поэту мирному до васъ....» началъ было я, обращаясь къ навязчивому доктору.

— Очень есть дѣло, отвѣчалъ онъ, когда за вами прислали отъ полиціймейстера.

— Какъ отъ полиціймейстера, зачѣмъ?

— Да такъ, велѣно васъ непремѣнно привезти къ нему.

— А, въ такомъ случаѣ я согласенъ, отвѣчалъ я, выходя въ переднюю, да только рукавовъ я не надѣну.

— Безъ этого нельзя, такъ со всѣми дѣлаютъ, отвѣчалъ докторъ.

Неужели со всѣми, подумалъ я, смотря на толстые ремни и пряжки и уже догадываясь къ какому меня везли полиціймейстеру.

— Надѣньте, Иванъ Николаичъ, упрашивалъ меня одинъ изъ докторскихъ лакеевъ, растопырывая рукава, — вамъ будетъ спокойнѣе...

Сильно сомнѣваясь, чтобы человѣку было спокойнѣе съ затянутыми назадъ руками, я наконецъ рѣшился покориться обстоятельствамъ и надѣть себѣ эти сапоги на руки.

— Вотъ такъ, хорошо, и прекрасно, слава Богу, поддакивали лакеи, пеленая меня ремнями въ полтора вершка ширины.

— Ну, теперь поѣдемъ-те, пора, сказалъ докторъ, натягивая перчатку.

— Поѣдемъ-те, только позвольте мнѣ захватить съ собою пятый томъ Бѣлинскаго; я еще не кончилъ.

— Зачѣмъ? Вамъ его привезутъ.

— Ну, хорошо.

Мы вышли и стали садиться въ карету: докторъ сѣлъ со мной, на козлахъ помѣстился одинъ изъ лакеевъ.

Куда это меня везутъ? думалъ я дорогой. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, къ полицiймейстеру? Да съ какой стати? Теряясь въ догадкахъ, я сталъ наконецъ смотрѣть въ окно и замѣчать дорогу. Карета поворачивала нѣсколько разъ и я долго не могъ распознать по какой улицѣ мы ѣдемъ, пока мы не очутились у какого-то сада.

— Еврика! громко сказалъ я, смотря въ окно.

— Что? спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, ничего, я такъ, про себя.

Мы остановились у двухъ-этажнаго дома, носящаго на себѣ вывѣску: Лечебница для умалишенныхъ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ я былъ въ этой лечебницѣ, узнавалъ объ одномъ изъ своихъ товарищей, который тамъ содержался, и уже, конечно, никакъ не предполагалъ. что такъ скоро самъ въ нее попаду.

Пожалуйте наверхъ, обратился ко мнѣ докторъ, войдя въ переднюю и указывая на лѣстницу. Я повиновался.

На площадкѣ стоялъ зеленый диванъ, а по сторонамъ его статуэтки; мнѣ показалось, что это были Венера и Аполлонъ. Взглянувъ на нихъ, я спросилъ доктора: а читали вы «Боги Грецiи» Гейне?

— Идите, идите, отвѣчалъ докторъ.

— Вмѣсто Аполлона ужь вы бы лучше поставили Меркурiя, въ pendant къ Венерѣ.

— Ну, хорошо, хорошо,— на лѣво.

— Право лучше, вспомните

Мой врачъ языческую вѣру
Въ боговъ эллинскихъ сохранилъ
И за меня молить Венеру
Всегда Меркурiя просилъ.

— Тутъ опять налѣво, возразилъ докторъ.

— Какъ! еще выше? Да тамъ чердакъ?

*

— Какъ-бы не *такъ*, съострилъ докторъ.

— Да тутъ темно; я ничего не вижу·

— А вотъ онъ вамъ посвѣтитъ. Андрей, проводи *ихъ* въ *ихъ* комнату.

Подслѣповатый Андрей повелъ меня по узенькому коридору, стуча сапогами и безпрестанно поплевывая то на ту, то на другую сторону.

— Вотъ-съ, пожалуйте сюда, сказалъ онъ, осклабляясь и отворяя дверь какимъ-то оригинальнымъ ключомъ безъ бородки.

Отведенная мнѣ комната въ одно окно, съ частой желѣзной сѣткой, напоминавшей рѣшето, украшалась желѣзною кроватью, столомъ безъ ящика и стуломъ.

— Теперь можно снять рукавички-съ, любезно обратился ко мнѣ Андрей.—Только вы, пожалуйста, будьте спокойны.

— По мнѣ хоть и не снимайте, отвѣчалъ я, начиная сердиться на самого себя, за то, что поддался увѣщаніямъ доктора, подъ какимъ-то глупымъ предлогомъ приглашенія къ полиціймейстеру.

Въ волненіи сталъ я ходить по комнатѣ.

— За что они меня взяли? Что я имъ сдѣлалъ? Не подло-ли это съ ихъ стороны — схватить здороваго человѣка ни съ того ни сего и вдругъ засадить въ больницу. Ну, скажите, развѣ я болѣнъ? Я совсѣмъ здоровъ, не правда-ли?

— Это точно-съ, отвѣчалъ Андрей и сѣлъ на стулъ, предоставляя мнѣ ходить по комнатѣ, — только вамъ надо успокоиться.

— Да развѣ я не спокоенъ? Чѣмъ я не спокоенъ? Кого я трогаю, кому я мѣшалъ? Развѣ я сдѣлалъ кому нибудь зло?

— Не хотите-ли папироски, неожиданно спросилъ меня Андрей.

Я остановился и посмотрѣлъ на него, не съ разу понявъ, что онъ сказалъ.

— Пожалуй, да только какъ-же я буду курить въ этихъ кандалахъ?

— Рукавички можно будетъ снять-съ.

И онъ пошелъ внизъ за папиросами.

Я продолжалъ ходить и думать о своемъ положенiи. Дѣйствительно, со мной произошла странная перемѣна. За недѣлю до этого вечера я спокойно сидѣлъ въ скромной гостиной одного недавно мнѣ знакомаго семейства, покуривая папиросу и развивая передъ своими слушателями какую-то для самого меня темную философскую систему. Почтенный папенька сводилъ счеты въ сосѣдней комнатѣ, маменька разливала чай, а дочки были заняты моей философiей. Окончивъ какое-то мудреное колѣнцо въ своей сложной теорiи, я остановился.

Воцарилось молчанiе. Подлѣ меня сидѣла младшая изъ сестрицъ, наивнѣйшее существо въ свѣтѣ, съ пухленькими щечками, свѣтлыми глазками и младенчески-невинной улыбкой. Мы какъ-то случайно взглянули другъ на друга, и вдругъ— представьте себѣ — мнѣ показалось, что я влюбленъ. Не долго думая, я обратился къ ней и попросилъ ее на два слова въ другую комнату. Сестрицы переглянулись, а мы вышли въ залу.

— Александра Николаевна, согласились-ли бы вы сдѣлаться моею женой?

Личико моей собесѣдницы изобразило что-то странное: не то испугъ, не то недоумѣнье.

— Скажите мнѣ откровенно:—да или нѣтъ?

Бѣдная дѣвочка совсѣмъ растерялась отъ такого приступа и напрасно старалась собраться съ силами, чтобъ на него отвѣтить.

Я ждалъ и любовался ея смущенiемъ.

— Да, отвѣтила наконецъ она задыхающимся голосомъ.

Я поцаловалъ ее въ лобъ и мы возвратились въ гостиную.

Узнать, что есть женщина, которая васъ любитъ—какой неисчерпаемый источникъ счастья для 22-лѣтняго юноши! Въ качествѣ жениха я на другой же день надѣлъ бѣлый жилетъ и сообщилъ въ короткихъ словахъ своимъ роднымъ объ этой новости. Къ великому моему огорченiю новость

эту приняли очень холодно, скорѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ. Я не обратилъ на это вниманія и продолжалъ ходить въ бѣломъ жилетѣ и развивать передъ будущими родными свои философскія теоріи. Странная вещь!

Теперь я понимаю, какую я дичь поролъ въ это время, а между тѣмъ мои *прошедшія* родственницы до сихъ поръ говорятъ, будто я высказывалъ имъ столько новаго, столько умнаго, что *просто-чудо*! И вотъ. въ самомъ апогеѣ своей любви и краснорѣчія, въ незабвенную для меня субботу, меня осаждаютъ доктора и не смотря на всѣ мои убѣжденія въ стихахъ и въ прозѣ, везутъ меня, спеленутаго ремнями, въ больницу — лечить отъ любви и философіи.

Пока эти воспоминанія волновали мое воображеніе, Андрей вернулся съ ящикомъ папиросъ и снялъ съ меня рукавицы.

— А долго меня здѣсь продержутъ? спросилъ я его.

— Вотъ-съ какъ вы поправитесь, отвѣчалъ онъ, — такъ васъ и выпустятъ.

Это былъ перифразъ извѣстнаго русскаго отвѣта: «какъ только, такъ и сейчасъ.» Экой дуракъ, думалъ я, смотря на Андрея, который ожесточенно затягивался папиросой и сплевывалъ на сторону.

— Вы побудете здѣсь? спросилъ онъ, докуривъ и притиснувъ окурокъ къ своей подошвѣ: — а я пойду принесу тюфякъ.

— Хорошо.

Дверь захлопнулась. Я опять остался одинъ.

Оглянувшись еще разъ въ своемъ новомъ ужилищѣ на рѣшетчатое окно, желѣзную кровать и скудную меблировку, я вдругъ почувствовалъ невыносимую тоску, перенесясь воспоминаніемъ въ знакомую гостиную, которой мнѣ не суждено было увидѣть, и вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

На лѣстницѣ послышались тяжелые шаги Андрея, тащившаго тюфякъ.

Я бросился къ кровати и сталъ поспѣшно раздѣваться. Андрей, пошатываясь и какъ-то странно свистя носомъ, вошелъ съ своей ношей и съ размаха бросилъ ее въ уголъ.

— Нельзя-ли потушить свѣчку, спросилъ я, мнѣ спать хочется.

Андрей подошелъ къ столу, поплевалъ на пальцы, прижалъ ими свѣтильню, и сальная свѣчка, треща, потухла, распространивъ по всей комнатѣ свой смрадный запахъ.

II.

На утро меня повели въ ванну. Мы спустились въ нижній этажъ и разными переходами дошли наконецъ до комнаты съ толстыми желѣзными рѣшетками въ окнахъ, завѣшанныхъ синими занавѣсками, съ тремя ваннами и большимъ засаленнымъ кожанымъ диваномъ, на которомъ больные раздѣвались. Докторъ былъ тутъ и приготовлялся тоже брать ванну. Утро было свѣтлое, солнечное, вполнѣ весеннее; на меня напало какое-то особенно веселое расположеніе духа, я началъ пѣть и декламировать стихи, сидя въ ваннѣ. Доктору это не понравилось.

— Вамъ, кажется, очень весело? спросилъ онъ меня, осторожно опускаясь въ воду сосѣдней ванны.

— Развѣ у васъ въ больницѣ не позволяется быть веселымъ?

— Нѣтъ, почему же, только бы вы другихъ не безпокоили.

— Можетъ быть, я васъ безпокою.

— О, нисколько, я, напротивъ, очень радъ, что вамъ у насъ такъ весело.

— А скажите, по правдѣ, это должно васъ удивлять?

— Почему же?

— Да такъ: кто же веселится, сидя въ съумасшедшемъ домѣ.

— Развѣ вы думаете, что вы здѣсь въ сумасшедшемъ домѣ? спросилъ докторъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Я даже въ этомъ увѣренъ.

— Вы очень ошибаетесь.... но вамъ пора выходить.

Я вышелъ.

— А гдѣ же мое бѣлье, спросилъ я, предполагая, что послѣ ванны мнѣ дадутъ чистое.

— Да вотъ на полу, указалъ мнѣ докторъ.

— Я его бросилъ на полъ, не предполагая, что мнѣ придется его надѣвать; нельзя ли мнѣ хоть теперь дать чистое?

— Нѣтъ, нельзя.—И я припужденъ былъ поднять съ грязнаго пола бѣлье и надѣть на себя. Это меня разсердило, я пересталъ напѣвать и нахмурился.

— Что же вы не поете? съ усмѣшкой спросилъ докторъ.

— А то, что это свинство, къ которому я не привыкъ, отвѣчалъ я сердито.

— Здѣсь вы не въ гостяхъ, на васъ никто не взыщетъ.

— Я не зналъ, что чистое бѣлье надѣвается только для гостей и думалъ всегда, что это дѣлается прежде всего для самого себя.

— Ну, ничего, ничего, подождете до среды, тогда вамъ дадутъ чистое бѣлье.

— До среды еще далеко, сегодня воскресенье.

— Но, но, но, не горячитесь, Иванъ Николаичъ, возразилъ докторъ увѣщательнымъ тономъ, у насъ противъ этого есть средства.

— Противъ чего это?

— Не горячитесь, я вамъ говорю, вы здѣсь обязаны подчиняться общимъ правиламъ.

Я пожалъ плечами и вышелъ изъ ванны въ такъ называемую общую комнату. Здѣсь собирались больные, избавленные отъ одиночнаго заключенія. Первое лицо, попавшееся мнѣ на глаза, былъ мой товарищъ, о которомъ я справлялся за нѣсколько дней. Не знаю почему слезы подступили мнѣ къ горлу, когда я увидѣлъ его пасмурно сидящимъ на диванѣ и безъучастно смотрѣвшимъ на волненіе, овладѣвшее мною. Нѣсколько минутъ я не могъ сказать ни слова: внутреннія, судорожныя рыданія душили меня.

— И ты здѣсь? спросилъ меня N, вяло протягивая мнѣ руку и не обращая вниманія на мои слезы.

— Да, братъ, и меня сюда привезли, едва могъ я проговорить въ отвѣтъ.

— Да чемъ же ты болѣнъ, скажи, пожалуйста? продолжалъ онъ.

— А вотъ спроси этого господина, отвѣчалъ я, указывая на подходившаго доктора, и отворачиваясь, чтобы скрыть свои слезы.

— Вотъ вамъ и товарищъ, замѣтилъ докторъ, обращаясь къ N и кивнувъ головой въ мою сторону.

— Скажите, какъ онъ сюда попалъ, спросилъ N.

— Болѣнъ.

— Чѣмъ же?

— Разстройство нервъ, тоже что и у васъ, но вамъ теперь гораздо лучше, прибавилъ докторъ, взявъ N за руку и щупая пульсъ. Ну, что, Владиміръ Иванычъ какъ вы поживаете, обратился онъ къ другому больному, стоявшему у печки.

— Я не Владиміръ Иванычъ, а Николай Александровичъ, отвѣчалъ тотъ скороговоркой.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 26 ти, довольно высокій, но сутуловатый, съ большими голубыми глазами и продолговатымъ блѣднымъ лицомъ.

— Вы все свое, эхъ вы, продолжалъ докторъ, — отойдите отъ печки, вамъ вредно, замѣтилъ онъ, уходя изъ комнаты.

Больной отошелъ на одну минуту, но потомъ опять сталъ на прежнее мѣсто, заложивъ руки за спину и плотно прислонясь къ печкѣ, глядѣлъ въ нашу сторону.

— Господи, гдѣ мы живемъ, началъ онъ, въ Россіи или въ Англіи.

Мы переглянулись. Больной продолжалъ: вѣдь, кажется, по русскимъ законамъ нельзя держать здороваго человѣка въ больницѣ? Зачѣмъ же меня здѣсь держутъ! Нѣтъ ли у васъ пера и бумаги, я напишу прошеніе....

— Что онъ съумасшедшій, спросилъ я N.

Тотъ махнулъ рукой.

Мало по малу въ комнату стали собираться другіе больные—пить чай. Каждый съ любопытствомъ посматривалъ на меня: новое лицо, по-видимому, доставляло имъ нѣкоторое развлеченіе. Я скоро съ ними познакомился, почти каждый изъ нихъ былъ увѣренъ, что онъ здоровъ и содержится въ больницѣ понапрасну. Двое говорили о своихъ невѣстахъ и своемъ намѣреніи жениться, тотчасъ по выпускѣ изъ лечебницы. Мы вскорѣ узнали другъ друга по именамъ и первое время наши бесѣды имѣли очень оживленный характеръ. Только N все хмурился и кусалъ ногти, слушая мой разсказъ о различныхъ литературныхъ новостяхъ.

— Господа, пожалуйте въ садъ, раздался въ дверяхъ голосъ Андрея, торжественно приглашавшаго насъ на утреннюю прогулку, которая должна продолжаться до завтрака.

Я вышелъ вмѣстѣ съ N.

— Разскажи же мнѣ, какъ ты попалъ сюда, спросилъ онъ меня, когда мы шли вдвоемъ по одной уединенной дорожкѣ.

Я въ двухъ словахъ передалъ ему обстоятельства моего ареста, подшучивая надъ докторами и ихъ уловками выманить меня изъ дому.

— Какъ ты можешь быть такъ веселъ, замѣтилъ на мой разсказъ N и покачалъ головой. Я такъ просто убѣжденъ, что меня отсюда никогда не выпустятъ и что меня засадили сюда съ тѣмъ, чтобы я умеръ въ этой тюрьмѣ.

Съ испугомъ посмотрѣлъ я на своего товарища. Неужели и онъ съумасшедшій, мелькнуло у меня въ головѣ. Я попытался его разувѣрить, но убѣжденіе въ своемъ обреченіи на смерть было въ немъ такъ твердо, какъ будто онъ пришелъ къ нему самымъ строгимъ, логическимъ путемъ...

— Они меня никогда отсюда не выпустятъ, говорилъ N, замѣть, какъ они оттягиваютъ срокъ моего выпуска: сперва назначили два мѣсяца, потомъ четыре, а теперь вотъ уже

скоро годъ какъ я здѣсь и нѣтъ никакой надежды отсюда вырваться.

— Мнѣ стало какъ-то неловко и какъ будто страшно и за N и за себя. Что если и мнѣ суждено умереть въ этой больницѣ? Бррр.... какая перспектива!

Въ это время къ намъ подошелъ какой-то человѣкъ въ военной фуражкѣ и въ шинели. N представилъ насъ другъ другу. Это былъ отставной артиллеристъ, X. Изъ всѣхъ больныхъ, повидимому, онъ былъ единственный, съ которымъ N любилъ гулять и разговаривать.

Чѣмъ былъ болѣнъ полковникъ, я до сихъ поръ не знаю. Онъ хорошо рисовалъ и по временамъ занимался этимъ искусствомъ; впослѣдствіи отъ него отняли всѣ матеріялы и такимъ образомъ лишили единственнаго, доступнаго для него въ больницѣ развлеченія.

— Въ темную его, въ темную, раздался за нами голосъ доктора. Мы обернулись и я увидѣлъ странную сцену. Какой-то больной, прихрамывая, бѣжалъ по саду. За нимъ гнались двое слугъ, нагнали его и потащили назадъ. Больной бился изо всѣхъ силъ, но у него на рукахъ были такія же чудовищныя рукавицы, въ какихъ привезли меня, и онъ могъ отбиваться только ногами. Ему ихъ связали и при помощи подоспѣвшихъ баньщика и дворника потащили къ дому.

— Они убить меня хотятъ, неистово кричалъ больной, барахтаясь на рукахъ своихъ носильщиковъ. Голосъ его замеръ только во внутренности дома.

— Куда это его потащили, спросилъ я N.

— Въ темную комнату, что подлѣ ванны. Туда сажаютъ больныхъ за буйство.

— Ты сидѣлъ?

— Я? Нѣтъ!

— А я такъ сидѣлъ, вмѣшался полковникъ; ничего, комната обита вся клеенкой, довольно удобно, только темно, ничего не видно.

— Хорошо удобство, подумалъ я, взглянувъ на полковника, думая, что онъ говоритъ иронически.

Но полковникъ сохранялъ самый серьозный видъ.

Сцена уламыванья больнаго произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Я предчувствовалъ, что и меня когда нибудь также уломаютъ и потащутъ въ темную.

III.

Для меня началась такимъ образомъ новая жизнь—жизнь леченія, отчасти затворническая, отчасти общественная, такъ какъ на прогулкѣ и за столомъ я былъ окруженъ цѣлымъ обществомъ. Бодрость духа ко мнѣ вскорѣ возвратилась: мрачныя предчувствія N возбуждали только мою насмѣшку, которую я и употреблялъ какъ одно изъ средствъ для его разубѣжденія. Самое леченіе, впрочемъ, было очень немногосложно. Два раза въ день какіе-то сладкіе порошки да три раза ванна—вотъ и все. Случалось, однако, что больнымъ прописывали средства. возбуждавшія въ нихъ такое отвращеніе, что для принятія ихъ докторъ находилъ нужнымъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Больнаго силой укладывали на диванѣ или на кровати, всовывали ему въ ротъ серебряную машинку, доходившую до горла, черезъ нее впускали туда лекарство, заткнувъ предварительно ноздри несчастному субъекту. На N и на меня подобныя сцены производили самое непріятное дѣйствіе. Пріемы давались по большей части вечеромъ и эта борьба, предшествовавшая имъ, крики больнаго, суетливыя движенія прислуги, не отличавшейся особенною мягкостью—все это, при тускломъ освѣщеніи, пугало наше и безъ того равстроенное воображеніе и наводило на самыя грустныя мысли.

Почти каждый день насъ водили на гимнастику, гдѣ мы, по командѣ доктора, и даже по его примѣру, упражнялись въ различнаго рода тѣлодвиженіяхъ, при чемъ между нами старались возбудить соревнованіе. Разумѣется, кто былъ моложе — тотъ и первенствовалъ въ неровномъ состязаніи съ пожилыми или слабыми людьми. Признаюсь, первое время мнѣ трудно было безъ смѣха смотрѣть на почтенную, серьоз-

ную физіономію какого нибудь пятидесятилѣтняго мужа, въ ту минуту, когда его заставляли, стоя на одной ножкѣ, выдѣлывать другою различныя штуки. Равновѣсіе съ трудомъ удерживалось, не смотря на всѣ усилія больнаго и иногда только подоспѣвшая помощь прислуги спасала усерднаго гимнастика отъ неминуемаго паденія. При вскакиваніи на деревянную лошадь происходили грустно-комическія сцены. Рыхлой рысью разбѣжится какой нибудь сѣдовласый паціентъ, подбѣжитъ къ лошади и вдругъ остановится, какъ будто позабывая что онъ хотѣлъ сдѣлать.

— Ну, что-жь вы, спрашиваетъ докторъ.

Больной возвращается къ своему мѣсту, разбѣгается снова, снова подбѣгаетъ къ лошади и кое-какъ вскакиваетъ на самый край подушки.

Докторъ подсмѣивается и отпускаетъ запыхавшагося прыгуна отдохнуть.

Впрочемъ, были между больными и любители всѣхъ этихъ гимнастическихъ упражненій. Особенно одинъ, маленькій, черноволосый и курчавый человѣчекъ возбуждалъ всегда похвалу доктора и ради нея старался отличиться, особенно въ прыганьи черезъ лошадь. Большая же часть больныхъ исполняла свое дѣло на гимнастикѣ не очень охотно. Нѣкоторыхъ просто принуждали заниматься гимнастикой, почему-то имъ неправившейся. Въ этомъ отношеніи самымъ упорнымъ являлся Владиміръ Ивановичъ, называвшій себя Николаемъ Александровичемъ. Бывало его ни за что не заставишь подыматься по отлогой лѣстницѣ, держась на однѣхъ рукахъ. Какъ только дѣло доходило до этого упражненія, Владиміръ Иванычъ, воспользовавшись удобной минутой, пробирался къ дверямъ, съ явнымъ намѣреніемъ проскользнуть на женскую половину, но тутъ обыкновенно могучая десница Андрея хватала его за шиворотъ и вытаскивала на середину залы. Затѣмъ докторъ посылалъ его къ лѣстницѣ.

— Не могу, ей-Богу не могу, отвѣчалъ Владиміръ Ивановичъ, корчась болѣе обыкновеннаго и отступая опять къ заповѣднымъ дверямъ. Андрей отрѣзывалъ ему отступленіе и велъ къ лѣстницѣ. Больной упирался и наконецъ совсѣмъ

садился на землю. Между зрителями начинался при этомъ хохотъ, но какъ ни комично казалось выраженіе лица Владиміра Ивановича, онъ все-таки былъ скорѣе жалокъ, нежели смѣшонъ. Угрозы доктора «поставить его подъ душу» заставляли его наконецъ взяться за перекладину. Но не успѣвалъ онъ къ ней прикоснуться, какъ опять начинались стоны и жалобы, такъ что наконецъ и докторъ, выйдя изъ терпѣнія, оставлялъ Владиміра Ивановича въ покоѣ и обращался къ другимъ больнымъ.

Послѣ гимнастики обыкновенно слѣдовалъ завтракъ. Еслибы посторонній наблюдатель увидѣлъ съ какимъ аппетитомъ уничтожались нами размазня и вареныя яйца, онъ никакъ бы не предположилъ, что видимъ передъ собою больныхъ, одержимыхъ какимъ-либо тяжкимъ недугомъ. Первое время меня занимало изученіе окружавшихъ меня лицъ, но вскорѣ, познакомившись съ ними покороче и убѣдившись, что большая часть изъ нихъ отличалась нѣкоторымъ поврежденіемъ мозга, я перестaлъ интересоваться ихъ бесѣдою и болѣе и болѣе предавался уединенію, такъ какъ и самое общество N, безпрестанно твердившаго будто его не сегодня завтра убьютъ, начинало меня тяготить.

Всѣ мы были совершенно замкнуты въ своемъ больничномъ обществѣ. Ни родныхъ, ни знакомыхъ ни къ кому не допускали и принимались строгія мѣры, чтобы больные не встрѣтили кого нибудь изъ нихъ случайно, проходя мимо швейцарской или на большой лѣстницѣ.

Какъ ни убѣдительны доводы г. Шмидта въ его статьѣ «Нѣсколько словъ о помѣшаныхъ» *), гдѣ авторъ доказываетъ рѣшительную необходимость отдѣлять больнаго отъ всякаго соприкосновенія съ тѣмъ міромъ, въ которомъ онъ жилъ до своего поступленія въ больницу, — я признаюсь, никакъ не понимаю, чѣмъ общество съумасшедшихъ и идіотовъ, окружавшее меня въ больницѣ, было благотворно для моего выздоровленія. Напротивъ того, видя постоянно передъ собой эти обез-

---

*) От. Зап. іюнь 1861.

смысленныя лица, слушая безпрестанно ихъ разговоръ и присутствуя при всѣхъ возможныхъ зрѣлищахъ укрощенія, превращавшихся иногда въ настоящую драку, съ тою разницею, что здѣсь противъ одного больнаго выступало нѣсколько здоровыхъ людей, отплачивавшихъ за безсознательно наносимые имъ удары,—видя все это, говорю я, невольно дѣлался чувствителенъ ко всякому насилію, невольно возмущался противъ варварскаго обращенія прислуги и становился недовѣрчивъ къ ласковымъ рѣчамъ любезнаго хозяина, довольно рѣдко, впрочемъ, появлявшагося въ кругу своихъ паціентовъ.

Какъ-то, недѣли черезъ двѣ послѣ моего ареста, я рѣшился замѣтить это доктору, прибавивъ, что мнѣ съ каждымъ днемъ становится невыносимѣе общество моихъ товарищей по несчастью.

— Какое-жь вамъ еще нужно общество: *здѣсь все благородные,* отвѣчалъ онъ.

— Дѣло не въ томъ, благородные они или нѣтъ, а въ томъ, что они съумасшедшіе.

— Вѣдь вы сами съумасшедшій, такъ чего-же вамъ? отвѣчалъ докторъ съ усмѣшкой.

— Какъ я съумашедшій?

— Разумѣется.

И онъ вышелъ въ другую комнату.

Съ этой минуты мною овладѣла страшная тоска. Я перебиралъ въ умѣ всѣ свои поступки за послѣднее время своей свободы; многіе изъ нихъ отличались эксцентричностью, странностью, объяснявшимися моей нервной натурой, но что же было во всемъ этомъ безумнаго?

Приговоръ доктора тяготилъ мой умъ и не давалъ мнѣ ни о чемъ думать, кромѣ того, какъ бы поскорѣй выбраться изъ этой больницы. Но средствъ никакихъ не представлялось. Меня мучило также и то, что я не имѣлъ никакихъ извѣстій ни изъ дому, ни отъ извѣстной особы. Наконецъ случай доставилъ мнѣ отъ нея записку. Но она была самаго неутѣшительнаго содержанія. «Не пріѣзжай къ намъ, пока со-

вершенно не выздоровѣешь» писали мнѣ. И они считаютъ меня за больнаго, подумалъ я, и еще больше сталъ задумываться. Всего чаще приходило мнѣ на мысль, что я дѣйствительно могу сойти съ ума, и эта мысль была страшнымъ призракомъ, ни днемъ ни ночью меня не покидавшимъ. Отдѣленный отъ всего, что было мнѣ близко и дорого, брошенный въ среду несчастныхъ безумцевъ или идіотовъ и предоставленный попеченію докторовъ, не умѣвшихъ внушить мнѣ ни уваженія ни довѣрія, я былъ дѣйствительно несчастливъ.

Вся эта обстановка подѣйствовала и на мой характеръ; я сдѣлался раздражителенъ до нельзя, безпрестанно спорилъ съ докторомъ, доказывая ему всю нелѣпость моего заключенія въ больницу, и наконецъ дошелъ до того, что нисколько не стѣсняясь присутствіемъ другихъ больныхъ, объяснилъ громогласно, что всѣхъ здѣсь держутъ для того, чтобъ брать за нихъ деньги. Вѣроятно такое откровенное изложеніе моихъ мыслей показалось доктору возмутительнымъ либерализмомъ, потому что онъ рѣшился принять противъ него мѣры и ничего лучшаго не могъ придумать, какъ посадить меня въ темную.

Нужно замѣтить, что до сихъ поръ я ходилъ во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, вполнѣ сознавая, какъ я долженъ быть смѣшонъ въ такомъ щеголеватомъ костюмѣ среди всѣхъ этихъ больныхъ, одѣтыхъ грязно и неряшливо. Мой костюмъ, конечно, могъ служить поводомъ указывать на меня, какъ на дѣйствительнаго съумасшедшаго, потому что кому же могло придти въ голову, что я былъ привезенъ въ такомъ видѣ въ больницу.

По распоряженію доктдора съ меня сняли мое платье, надѣли огромные рукава и въ одномъ бѣльѣ повели въ темную. Это была почти кубическая каморка, безъ малѣйшаго отверстія для свѣта, съ клеенчатыми стѣнами и поломъ, на которомъ, въ одномъ углу лежалъ пожелтѣвшій тюфякъ и грязная подушка.

— Посидишь тутъ, такъ не будешь кричать, проворчалъ баньщикъ, втолкнувъ меня въ дверь и запирая ее на ключъ.

Самыя тяжелыя минуты настали для меня, когда вокругъ все замолкло и я остался одинъ, въ этой непроницаемой темнотѣ, одинъ съ своими черными мыслями, запуганнымъ воображеніемъ и сердцемъ, потрясеннымъ всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ.

Со связанными руками дотащился я до тюфяка и легъ. Не помню долго-ли я пролежалъ въ этомъ положеніи, знаю только, что вечеромъ я былъ разбуженъ и вмѣстѣ испуганъ появленіемъ Андрея и еще двухъ человѣкъ, съ лекарствомъ и необходимою машинкою. Въ этой машинкѣ въ сущности не было ничего страшнаго, но внезапное появленіе этихъ людей, ночью (какъ мнѣ казалось), съ отвратительною зеленою жидкостью на ложкѣ,—все это напоминало сцену отравленія изъ какой нибудь мелодрамы. Я вообразилъ, что меня дѣйствительно отравляютъ и сталъ биться. Но Андрей крикнулъ баньщика. Двое сѣли мнѣ на ноги, повалили меня на полъ, Андрей вставилъ машину въ мой ротъ и влилъ въ него отвратительную жидкость, оказавшеюся въ самомъ дѣлѣ страшно непріятнаго вкуса. Затѣмъ они всѣ встали, положили меня опять на тюфякъ и вышли вонъ.

— Подлецы! успѣлъ только я закричать имъ вслѣдъ и впалъ въ безпамятство. Долго-ли оно продолжалось, не знаю, помню только, что, проснувшись, я услышалъ журчанье воды за стѣной и долго не могъ сообразить, отчего оно происходитъ. Кругомъ меня была та же темнота, вовсе неуспокоительно дѣйствовавшая на мое воображеніе, въ которомъ еще жива была вечерняя сцена, со всѣми ея, ужасавшими меня подробностями. Вдругъ дверь ко мнѣ отворилась и явился баньщикъ звать меня въ ванну. Я радъ былъ вырваться хоть на время изъ удушливой атмосферы темной, гдѣ заключенные больные обыкновенно совершали всѣ свои отправленія за невозможностью достучаться, чтобы ихъ выпустили. Блеснувшій мнѣ въ глаза свѣтъ заставилъ меня прищуриться.

— Въ ванну! лаконически обратился ко мнѣ баньщикъ, остановившись въ дверяхъ.

Я кое-какъ приподнялся съ тюфяка, упершись однимъ пле-

чомъ въ стѣну, такъ какъ руковицы не давали мнѣ возможности шевельнуть руками. Баньщикъ спокойно смотрѣлъ на мои усилія и отъ нечего дѣлать ковырялъ въ носу.

Въ ванной я засталъ полковника и другаго больнаго, разсказывавшаго постоянно какъ Петръ Великій подарилъ его прадѣду домъ на Петербургской сторонѣ и какъ этотъ подарокъ незаконнымъ образомъ перешолъ во владѣніе нынѣшняго хозяина. Полковникъ съ любезною улыбкой, свойственной только дѣйствительно добрымъ людямъ, освѣдомился о моемъ здоровьи, его сосѣдъ даже и не взглянулъ на меня. Я съ усиліемъ расправлялъ отекшія руки и не безъ удовольствія опустился въ воду, предполагая, что послѣ ванны меня пустятъ опять въ общую комнату, но не тутъ-то было. Въ ванную принесли мнѣ чай, напоили, опять напялили руковицы, и я снова очутился на вонючемъ полу, въ непроницаемомъ мракѣ больничнаго карцера. На этотъ разъ мною овладѣла страшная досада; въ отчаяніи грызъ я верхній ремень своихъ рукавицъ, пытаясь какъ нибудь отъ нихъ освободиться. Съ неимовѣрнымъ усиліемъ удалось мнѣ продѣть ноги за поперечный ремень, стягивавшій сзади мои руки, и такимъ образомъ, поднявъ теперь руки къ верху, я мало по малу сталъ освобождаться изъ своихъ пеленокъ. Распусканіе ремней доставило мнѣ затѣмъ нѣкоторое развлеченіе, но, окончивъ это занятіе, я рѣшительно не зналъ, что дѣлать отъ скуки. Я пѣлъ пѣсни, декламировалъ стихи, но все это, занимая мой слухъ, не останавливало на себѣ моихъ мыслей и я безпрестанно обращался къ разсмотрѣнію своего положенія, болѣе сдружаясь съ убѣжденіемъ, что мнѣ грозитъ съумасшествіе и проклиная минуту, въ которую я согласился ѣхать въ больницу.

IV.

Долго продержали меня въ темной, выводя на свѣтъ божій только для ѣды да въ ванну. Въ больницу безпрестанно прибывали новыя лица. По большей части это были люди еще нестарые, но опустившіеся, какъ-бы отрекшіеся отъ

собственной воли и доходившіе до степени животныхъ въ циническомъ невниманіи къ своимъ физическихъ потребностямъ. Съ любопытствомъ осматривалъ я каждый новый субъектъ, появлявшійся въ ванной и доставлявшій мнѣ развлеченіе среди томившей меня скуки. Съ N я встрѣтился всего одинъ разъ, въ теченіе своего заключенія въ темной, и то онъ, какъ будто нехотя подалъ мнѣ руку и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Наконецъ, въ одно утро мнѣ принесли халатъ и вывели въ общую, гдѣ никого не было: всѣ больные были въ саду. Меня встрѣтилъ смотритель и повелъ во вновь отведенную мнѣ комнату. Единственное окно ея выходило на дворъ, но изъ него можно было видѣть весь садъ и часть зданій, находившихся за домомъ больницы.

— Что-жь, снимутъ съ меня эти штуки, спросилъ я смотрителя, указывая глазами на рукавицы, натянутыя сверхъ моего халата.

— Это не мое дѣло, отвѣчалъ смотритель, нужно спросить доктора.

— Да я ужь третій день не вижу доктора.

— Хорошо, я ему скажу.

Часа черезъ два пришелъ докторъ.

— Ну, что, другъ мой, какъ вы себя чувствуете, спросилъ онъ меня.

— Отлично.

— Право? Позвольте-ка вашъ пульсъ. Ну, не очень-то хорошъ. Теперь вы узнали, что такое темная?

— Отвратительный, вонючій хлѣвъ.

— Вотъ вы опять горячитесь, а еще хотите, чтобы вамъ сняли рукавицъ.

— Пожалуй, не снимайте, если вамъ нравится, отвѣчалъ я, раздосадованный логикой моего эскулапа, — на васъ вѣдь аппеляціи нѣтъ, можете дѣлать все, что вамъ угодно.

Приходъ Андрея съ завтракомъ прервалъ этотъ непріятный tête à tête.

Докторъ ушелъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы рукавовъ съ меня не снимали.

Съ какимъ-то страннымъ, незнакомымъ мнѣ до того времени, злобнымъ чувствомъ ходилъ я по комнатѣ, наконецъ не выдержалъ и съ рыданіями бросился на постель.

За стѣной чей-то женскій голосъ вдругъ запѣлъ съ особеннымъ выраженьемъ:

«Другъ мой, другъ далекой,
Вспомни обо мнѣ».

Я вскочилъ съ постели и сталъ прислушиваться. Но голосъ умолкъ и болѣе не раздавался. Какъ часто случается, это неожиданное обстоятельство дало совершенно другое направленіе моимъ мыслямъ и пріятныя воспоминанія одно за другимъ вставали въ моемъ воображеніи.

«Другъ мой, другъ далекой,
Вспомни обо мнѣ!»

повторилъ я нѣсколько разъ, почти безсознательно и въ раздумьи остановился у окна. Въ саду гуляли больные по двое и по одиночкѣ. Можно было подумать, что это собраніе ученыхъ или философовъ: до такой степени было серьозно и сосредоточено выраженіе нѣкоторыхъ лицъ. Два три человѣка замѣтили меня въ окнѣ и привѣтливо кивнули мнѣ головою. Я отворилъ форточку.

— Давно-ли васъ выпустили, закричалъ мнѣ одинъ изъ нихъ.

— Меня не выпустили, а заперли, отвѣчалъ я.

— Ничего, скоро выпустятъ, отвѣчалъ больной и повернулъ по своей дорожкѣ.

Въ бесѣдкѣ кто-то громко читалъ газеты, до меня явственнно долетало это оригинальное чтеніе: «Англія, точка, нижній парламентъ, запятая, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи, запятая, занимался слѣдующими вопросами, двѣ точки...» и т. д. Это чтеніе производилось монотоннымъ голосомъ претендента на обладаніе домомъ, подареннымъ Петромъ Великимъ.

Въ тоже время мнѣ слышны были разсужденія о внутренней политики Россіи другаго больнаго, единственнаго ли-

берала между пацiентами, именно барона Z. Баронъ громко доказывалъ своему единственному слушателю полоумному Владимiру Ивановичу, свои права на обладанiе престоломъ обширнѣйшей въ свѣтѣ имперiи и несправедливость судьбы, ограничившей повелителя миллiоновъ тѣснымъ кругомъ дѣятельности въ лечебницѣ для помѣшанныхъ.

— Врешь все, громко замѣтилъ другой больной, молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, содержавшiйся за манiю къ воровству — все врешь!

Баронъ презрительно посмотрѣлъ на него и продолжалъ, нисколько не стѣсняясь развивать свои политическiя идеи.

— Бай, бай, баю бай.

«Баю баюшки баю» — раздался визгливый голосъ изъ-за забора, отдѣлявшаго женскую половину сада. Это была больная, воображавшая, что укачиваетъ ребенка.

Мнѣ стало холодно и я закрылъ форточку.

— Нельзя ли какъ нибудь убѣжать отсюда? думалъ я, ходя по комнатѣ, въ окно на примѣръ? Хотя оно и высоко, но если захватить съ собою тюфякъ да подушки, связать все это вмѣстѣ, изъ одѣяла и простынь устроить родъ парашюта, который бы облегчилъ паденiе, то можно, повидимому, было спуститься, не смотря на вышину. Наконецъ по крышѣ можно пробраться на другую сторону дома, а тамъ, спустясь на балконъ, прямо спрыгнуть на землю. Проектъ побѣга занялъ меня не на шутку, и не смотря на всю опасность его, казался мнѣ единственнымъ средствомъ къ спасенiю. Во всякомъ случаѣ, думалъ я, не нужно показывать вида, что я рѣшился, чтобы не возбудить подозрѣнiя, а напротивъ того, подчиненiемъ всѣмъ распоряженiямъ доктора, снискать его довѣренность и ослабить надзоръ за собою.

Принятiе такого рода рѣшенiя придало мнѣ особенную бодрость и я сдѣлался самымъ довольнымъ и покорнымъ пацiентомъ. Скоро меня освободили отъ рукавовъ? принесли изъ дому и стали пускать внизъ, наравнѣ съ другими больными. Такъ прошло еще нѣсколько дней.

Вдругъ, совершенно неожиданно, я опять попалъ въ темницу и вотъ какъ это приключилось.

Въ одно утро я игралъ на билліардѣ съ однимъ больнымъ, гораздо болѣе, впрочемъ, походившемъ на здороваго и оказывавшагося слабымъ развѣ только на билліардѣ. Разсматривая картины, висѣвшія на стѣнахъ, я обратилъ вниманіе на одну головку молодой дѣвушки, живо напомнившую мнѣ черты извѣстной особы. Мой партнеръ, нетерпѣливо желавшій выиграть партію, безпрестанно отрывалъ меня отъ созерцанія этой картинки. Въ это время пришелъ самъ докторъ и замѣтилъ намъ, что мы заигрались долѣе, чѣмъ слѣдовало. Я отвѣчалъ, что играю послѣднюю партію.

— Извольте оставить кій и ступайте внизъ, отвѣчалъ докторъ на выраженное мною желаніе.

— Да позвольте мнѣ докончить партію, я сейчасъ пойду внизъ.

— Извольте повиноваться, а не то я позову людей и велю васъ вывести.

— Противъ слабыхъ и больныхъ стыдно употреблять насиліе, возразилъ я.

— Молчать! крикнулъ докторъ, очевидно раздраженный моимъ замѣчаніемъ.

— Не угодно ли вамъ перемѣнить тонъ, возразилъ я, вы не съ лакеемъ вашимъ разговариваете, а не то берегитесь, чтобы я васъ не проучилъ.

— Андрей, Артемій, закричалъ докторъ, отступая отъ меня за билліардъ, — взять его, надѣть рукава и въ темную.

Меня облекли опять въ кожаные доспѣхи и потащили. Признаюсь, я былъ такъ раздраженъ грубостью доктора, что очень выразительно объ немъ отзывался, пока не очутился въ знакомой мнѣ темной, съ ея удушливой вонью, желтымъ тюфякомъ и замасленной подушкой. Къ довершенію несчастія, въ тюфякѣ на этотъ разъ оказались насѣкомыя, коихъ прежде не было, и они мучили меня жестоко, пользуясь, безъ сомнѣнія, моимъ безсиліемъ противъ ихъ укушеній. Къ моему удивленію, не успѣлъ я высидѣть нѣсколько минутъ, какъ ко мнѣ явился Андрей съ полотенцемъ, чтобы перевязать мнѣ ноги, по приказанію доктора.

Это дѣлалось, вѣроятно, для того, чтобы не дать мнѣ возможности развязаться и вылѣзть изъ рукавовъ.

Да это просто какое-то исправительное заведеніе въ обратномъ смыслѣ, подумалъ я, такъ какъ здѣсь за грубость доктора сажаютъ подъ арестъ больнаго, за выраженіе имъ своихъ мнѣній надѣваютъ на него рукава, а за стремленіе къ краснорѣчію вливаютъ въ горло всякую дрянь чрезъ машину, одно употребленіе которой заставляетъ больнаго испытывать нѣсколько разъ послѣднія минуты утопающаго.

Веселое расположеніе духа, впрочемъ, сначала не оставляло меня и я даже обратился къ своей темной, пародируя стихи Пушкина:

Привѣтствую тебя, больничный уголокъ
Пріютъ зловонія, клоповъ и заключеній,
Гдѣ скучныхъ дней проходитъ долгій срокъ
Средь темноты и укушеній.

Передъ обѣдомъ я встрѣтился въ ванной съ полковникомъ.

— Васъ опять посадили? спросилъ онъ, за что это?

Я разсказалъ какъ было дѣло.

— Экіе нахалы! замѣтилъ полковникъ.

— Тсъ, отвѣчалъ я, смотрите, чтобъ и вамъ не было того же.

— Да вѣдь другой темной нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

V.

На этотъ разъ, впрочемъ, я сидѣлъ въ темной не долго, и скоро былъ выпущенъ, съ предостереженіемъ—вести себя скромнѣе. Число больныхъ возрастало съ каждымъ днемъ, такъ что прислуга едва успѣвала управляться. Наступила четвертая недѣля великаго поста. Всѣ больные говѣли, т. е. ходили въ гимнастическую залу слушать два раза въ день службу. Въ одно утро насъ всѣхъ причастили, дали каждому

по просфорѣ и говѣніе кончилось, не бывъ для насъ особенно обременительно, такъ какъ мы все время ѣли скоромное. Въ саду были устроены горы и мой партнеръ на билліардѣ, бывъ страстнымъ охотникомъ до катанья, пригласилъ и меня участвовать въ этомъ единственномъ развлеченіи, которое представляла намъ больница. Намъ не давали ни книгъ, ни бумаги и я, впродолженіе своего шестимѣсячнаго заключенія, не видалъ ни одной печатной буквы. Человѣку, сколько нибудь привыкшему къ умственнымъ занятіямъ, такое лишеніе было однимъ изъ самыхъ тягостныхъ условій больничнаго содержанія. Оставаясь одинъ въ своей комнатѣ, больной рѣшительно не зналъ, на что обратить свою дѣятельность и поневолѣ дѣлался задумчивъ, мраченъ и недовѣрчивъ, какимъ я и нашелъ N., котораго зналъ въ университетѣ за одного изъ самыхъ живыхъ и остроумныхъ товарищей, всегда сообщительнаго, веселаго собесѣдника. Со мною начинала происходить такая же перемѣна: съ каждымъ днемъ меня чаще и чаще стала посѣщать гнетущая тоска по свободѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала моя ненависть къ больничному быту. Прислуга обращалась съ нами грубо, особенно въ отсутствіи смотрителя и доктора. Больной, посаженный въ отдѣльную комнату, по цѣлымъ часамъ не могъ достучаться, чтобы ему принесли напиться, или для другой какой-либо еще болѣе настоятельной надобности. Не знаю, оправдываетъ ли современная медицина эти мѣры, но, признаюсь, на меня онѣ дѣйствовали положительно вредно и я не могъ равнодушно видѣть съ какой безцеремонностью вталкивали иного больнаго въ ванную, послѣ того какъ онъ пробылъ нѣсколько часовъ привязаннымъ къ кровати и часто предоставленный дѣйствію очистительныхъ лекарствъ. Не берусь разбирать гигіеническаго достоинства подобнаго обращенія, «можетъ быть оно тамъ такъ и слѣдовало», но рѣшительно не постигаю, что было полезнаго для больнаго въ нравственномъ вліяніи подобнаго обращенія; знаю одно, что меня лично оно раздражало въ высшей степени, испытывалъ ли я его на себѣ или видѣлъ его примѣненія къ другимъ. Я увѣренъ, что такое же впечатлѣніе производили всѣ эти сцены и на остальныхъ больныхъ,

сколько нибудь сохранявшихъ самосознаніе. До чего доходила грубость прислуги — трудно повѣрить. Не говоря объ обращеніи къ больнымъ съ дружескимъ мѣстоименіемъ *«ты»*, какое она себѣ за-частую позволяла, стоитъ только разсказать слѣдующій случай, котораго я былъ свидѣтелемъ, и читатель будетъ въ состояніи составить себѣ понятіе о томъ, какими людьми мы были окружены. Одинъ больной, сидя въ ваннѣ, положилъ въ разсѣянности свою руку на голову своего сосѣда, но тотчасъ же и отнялъ ее. Бывшій при этомъ слуга подскочилъ къ нему и далъ ему за это *пощечину*.

— Какъ ты смѣешь, закричалъ было больной, но ему зажали ротъ, насильно уложили въ ванну, изъ которой онъ было выскочилъ.

Подобныхъ примѣровъ я бы могъ привести много, но, кажется, и одного достаточно.

Въ одно утро больничная прислуга какъ-то особенно суетилась, прибирала, подчищала, бѣгала взадъ и впередъ, словомъ, обнаруживала самую живую дѣятельность. Какъ оказалось послѣ, причиною такой суетливости было ожиданіе какого-то посѣтителя, долженствовавшаго ревизовать больницу. По сему торжественному случаю на нашихъ кроватяхъ появилось чистое бѣлье, на обѣденномъ столѣ блестѣла свѣжая скатерть и красовались передъ каждымъ приборомъ кусочки бѣлаго хлѣба, въ обыкновенное время не появлявшагося за нашимъ столомъ. Посѣтитель бѣгло осмотрѣлъ больницу, перекинулся нѣсколькими словами съ больными, прошелся по саду и уѣхалъ. Парадъ кончился и все приняло свой будничный видъ.

Памятно мнѣ и другое посѣщеніе какого-то маленькаго господина со звѣздою. Онъ пріѣхалъ вечеромъ, часовъ въ семь. Я былъ въ общей комнатѣ и дремалъ на чьей-то кровати. Вдругъ прибѣжалъ докторъ, растолкалъ меня, велѣлъ оправиться и застегнуть сюртукъ, и поставилъ меня предъ лицо маленькаго человѣка. Пока докторъ рапортовалъ ему о моей болѣзни, господинъ этотъ стоялъ непо-

движно и равнодушно смотря на меня, какъ будто передъ нимъ былъ какой нибудь неодушевленный предметъ, а не такой же человѣкъ, какъ онъ самъ. Когда рапортъ кончился, онъ круто повернулся, блеснулъ своей звѣздою и скрылся изъ комнаты. Я расположился было опять дремать, какъ явился снова докторъ и сталъ распекать меня за непочтительность къ почетному гостю. Я хотѣлъ было доказать доктору, что, еслибъ я и сказалъ что либо о себѣ, то на мои слова не обратили бы вниманія послѣ той лестной рекомендаціи, какую я выслушалъ изъ устъ самого доктора предъ лицомъ посѣтителя, — но или мои доводы были слабы, или докторъ былъ не въ духѣ, только онъ не захотѣлъ выслушать меня до конца и ушелъ, погрозивъ мнѣ «темной и рукавами», если я буду продолжать себя такъ вести. Я пожалъ плечами и пробормоталъ ему въ слѣдъ: cura te ipsum!

Между тѣмъ постоянный надзоръ за всѣми моими движеніями, праздность и стѣсненіе всякой свободной дѣятельности раздражали меня болѣе и болѣе и привели къ дѣйствительной болѣзни. Разъ вечеромъ, идя изъ ванны, я почувствовалъ головокруженіе, предметы и лица перепутались въ моихъ глазахъ и я упалъ на полъ, почему-то громко закричавъ: «Вулканъ былъ хромъ на обѣ ноги.» Меня отвели на верхъ въ мою комнату, и съ этого вечера я слегъ въ постель и заболѣлъ серьозно. Все видѣнное мною въ больницѣ оставило въ моемъ умѣ такое глубокое впечатлѣніе, что я только и бредилъ этими воспоминаніями. Меня обыкновенно клали на постель въ рукавахъ и привязывали за руки и за ноги къ кровати. Впродолженіе ночи мнѣ удавалось иногда развязаться и освободить ноги. Потомъ зубами я развязывалъ полотенца, которыми были спутаны рукава, а за тѣмъ снималъ и ихъ съ помощью пріемовъ, изученныхъ мною въ «темной». Нѣсколько разъ я разрывалъ снятые рукава и выбрасывалъ ихъ въ форточку. Разумѣется, на мѣсто выброшенныхъ немедленно являлись новые и меня привязывали еще крѣпче. Въ одно утро, освободившись отъ своихъ пеленокъ, я расхаживалъ въ одной рубашкѣ по комнатѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что небо заволакивается

огромною черною тучею, занявшею уже большую часть небосклона. Почему-то испуганный этимъ явленіемъ, которое, быть можетъ, создалось моею фантазіей, я схватилъ стоявшій подъ окномъ столъ и вставилъ его въ раму ножками наружу. Доска стола пришлась какъ разъ въ размѣръ окна и плотно закрыла его. Стекла разлетѣлись въ дребезги и я остался въ совершенной почти темнотѣ. Сбѣжавшаяся прислуга не сразу поняла причину мрака въ моей комнатѣ и столпилась у дверей, ожидая, что со мною будетъ. По приказанію доктора меня связали крѣпко накрѣпко и снесли въ «темную». Долго ли я здѣсь пробылъ, не знаю, но когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ новой комнатѣ съ окномъ, завѣшеннымъ почти на глухо шерстянымъ одѣяломъ. Передо мной стоялъ Андрей и держалъ ложку какой-то микстуры. Я долго не хотѣлъ принимать и только опасеніе подвергнуться употребленію машинки заставило меня проглотить какую-то бурую жидкость, наполнявшую большую столовую ложку.

Въ долгіе промежутки времени, когда я оставался одинъ, меня мучили различнаго рода галлюцинаціи, до того живо представлявшіяся моимъ глазамъ, что я былъ совершенно убѣжденъ въ ихъ дѣйствительности. Однажды ночью меня разбудилъ шумъ шаговъ по корридору, проходившему мимо двери моей комнаты. Слышно было какъ будто нѣсколько человѣкъ медленно ступали съ тяжелою ношей.

— Его убили вчера, кричалъ незнакомый мнѣ голосъ, ура!

— Не кричите, Николай Алексѣичъ, послышался голосъ Андрея, не кричите: больныхъ разбудите.

— Нельзя, голубчикъ, никакъ нельзя, ты не знаешь какое дѣло совершилось: убили, вѣдь, ей Богу, я самъ видѣлъ, да еще...

И голосъ замеръ на поворотѣ корридора. Потомъ послышалась возня, какъ будто передвигали кровать и за тѣмъ за стѣной моей комнаты опять послышался разговоръ.

— Вотъ такъ, спасибо, спасибо, вотъ добрый человѣкъ, дай же затянуться, говорилъ новопривезенный больной, но дверь его комнаты захлопнулась и его оставили одного.

Что это онъ говорилъ, думалъ я, кого это убили? Множество различныхъ предположенiй родилось въ моей растроенной головѣ вслѣдствiе этого ночнаго эпизода. Я остановился на одномъ изъ нихъ, какъ на самомъ вѣроятномъ и сталъ думать, что же теперь будетъ, когда *его* убили, какъ будто я зналъ, о комъ говорилъ мой сосѣдъ.

Почти цѣлую ночь я не спалъ, мучимый новыми мыслями, къ утру только что забылся слабой дремотой, какъ за стѣной раздался громкiй голосъ новаго сосѣда и разбудилъ меня.

— Я воскресъ, я опять христiанинъ, кричалъ онъ, я вѣрую во Христа! Ура! Вѣрую во единаго Бога Отца... — да воскреснетъ Богъ... Громъ побѣды раздавайся!..

Я съ жадностью прислушивался къ этимъ безсвязнымъ рѣчамъ, стараясь отыскать въ нихъ смыслъ, и составить себѣ понятiе о личности разговорчиваго сосѣда. Но не смотря на все мое вниманiе, изъ отрывистыхъ фразъ, долетавшихъ до меня, нельзя было составить ничего цѣльнаго. Сосѣдъ, повидимому, былъ веселаго храктера, безпрестанно пѣлъ и доставлялъ мнѣ этимъ большое развлеченiе. Между тѣмъ я по немногу поправлялся. Весна была въ половинѣ и мнѣ въ моей комнатѣ, часто посѣщаемой солнцемъ, было весело и прiятно, не смотря на крѣпко затянутыя полотенца, удерживавшiя меня въ одномъ неподвижномъ положенiи. Наконецъ мнѣ было позволено встать и ходить по комнатѣ. Какъ-то, стоя у окна, я опять услышалъ голосъ сосѣда.

— Эй, солдатъ, кричалъ онъ проходившей по двору женщинѣ,—вѣдь это крѣпость? а?

Женщина посмотрѣла на верхъ и продолжала идти.

— Экой дуракъ, не отвѣчаетъ, кричалъ ей вслѣдъ сосѣдъ, не отвѣчаетъ, разумѣется крѣпость. Думали меня надуть, какъ бы не такъ... И онъ запѣлъ какую-то пѣсню.

Въ ванной какъ-то мнѣ удалось увидать своего сосѣда. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, высокаго роста, худощавый, съ короткими щетинистыми волосами и какимъ-то страннымъ блуждающимъ взглядомъ въ темно-сѣрыхъ глазахъ. Сидя въ ваннѣ, онъ безпрестанно говорилъ, пѣлъ и бранился съ баньщикомъ и прислугой. Съ первой

встрѣчи я ему понравился и онъ всегда обращался ко мнѣ особенно привѣтливо и по большей части на французскомъ языкѣ. Во мнѣ онъ возбуждалъ большое любопытство и я былъ очень радъ, что намъ приходилось каждый день сходиться въ ванной. Сосѣдъ считалъ меня посвященнымъ въ какую-то важную тайну и потому всегда встрѣчалъ меня восклицаніями на двухъ языкахъ: «taisez vous, je vous en prie» и «ohne kein Wort, ich biete sie».—Я всегда утвердительно кивалъ головой и тѣмъ совершенно успокоивалъ сосѣда, начинавшаго, немедленно послѣ моего прихода, свои пѣсни, а иногда и импровизаціи.

Любимой темой для послѣднихъ служили жалобы на докторовъ и на лекарство. Къ сожалѣнію, авторъ такъ мало стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ, что я не могу привести ни одной изъ его импровизованныхъ пѣсенъ, чтобы дать о нихъ понятіе, хотя онѣ и сохранились у меня въ памяти во всей своей полнотѣ и выразительности. Прислуга какъ-то особенно не долюбливала моего сосѣда. Баньщикъ, такъ тотъ просто чуть не дрался съ нимъ изъ за малѣйшаго движенія, которое ему не нравилось. За то, когда бѣдный больной выходилъ изъ терпѣнія, много труда стоило его уломать, такъ какъ природа не обдѣлила его физической силой.

— Эка лошадь! говаривалъ обыкновенно баньщикъ, послѣ жаркой свалки, растирая ушибенныя мѣста и съ трудомъ переводя дыханіе.

Однимъ изъ средствъ укрощенія расходившагося больнаго была душь, подъ которую его ставили съ завязанными руками. Я самъ не испыталъ ощущенія струи холодной какъ ледъ воды, лившей съ потолка на голову, но, по страдальческому выраженію лица подвергавшихся этому роду леченія больныхъ, она была для нихъ порядочной пыткой.

VI.

Когда я совсѣмъ оправился и снова появился въ обществѣ больныхъ, первою новостью было для меня отсутствіе N. Не смотря на всѣ распросы, мнѣ не говорили, что съ

нимъ сдѣлалось. Наконецъ лакей одного больнаго сжалился надо мною и по секрету сообщилъ мнѣ подробный разсказъ о бѣгствѣ N изъ больницы. Меня чрезвычайно обрадовало это извѣстіе. Если одинъ нашелъ возможность убѣжать, то и другому она можетъ представиться, думалъ я, и сталъ строить различные планы. О бѣгствѣ черезъ окно и крышу нечего было и думать; снѣгъ давно сошелъ и я бы разбился въ прахъ, еслибъ вздумалъ теперь спрыгнуть изъ третьяго этажа на груды муссора и кирпича, лежавшія на дворѣ; да притомъ такой планъ уже не соотвѣтствовалъ болѣе спокойному состоянію моего мозга. Нужно было придумать что нибудь другое и я все свое время посвящалъ на обдумываніе различныхъ проектовъ.

Въ больницу поступили новые больные, какой-то чиновникъ, маленькій и толстый, большой весельчакъ, разскащикъ скандальныхъ анекдотовъ и охотникъ до ерашала, нѣсколько военныхъ, преимущественно капитановъ (по странной игрѣ случая ихъ набралось какъ-то до пяти человѣкъ) и отставной дѣйствительный статскій совѣтникъ, большой знатокъ французской литературы и любитель хорошаго тона. Встрѣтя меня въ саду, этотъ господинъ тотчасъ заговорилъ со мной по французски и предложилъ мнѣ послушать его чтенія басень Лафонтена. Я согласился.

«Aidons nous mutuellement» началъ онъ, открывая маленькую книжку, которую досталъ изъ кармана, и вдругъ остановился

Conaissez vous cette fable! спросилъ онъ меня.

— Comment donc! отвѣчалъ я, c'est l'aveugle et le paralytique.

Онъ перевернулъ страницу и прочитавъ первую строку слѣдующей басни, опять обратился ко мнѣ съ вопросомъ, знаю-ли я ее? И такимъ образомъ онъ прочитывалъ мнѣ всякую басню, которой заглавія я не помнилъ.

Съ терпѣніемъ слушалъ я монотонное чтеніе въ самую низкую октаву и тѣмъ заслужилъ полное расположеніе своего новаго знакомаго.

Наступило лѣто. Я чувствовалъ себя очень хорошо и сталъ поговаривать доктору о своемъ желаніи оставить боль-

ницу. Но онъ увѣрялъ, что мнѣ надо пробыть въ ней еще покрайней мѣрѣ мѣсяца четыре, если не больше. Чѣмъ больше я спорилъ, тѣмъ менѣе убѣждался докторъ въ моемъ выздоровленіе. Постояннымъ отвѣтомъ его было: — Вы больны уже потому, что считаете себя здоровымъ.

Какъ ни убѣдителенъ казался такой аргументъ доктору, онъ не имѣлъ для меня никакой силы.

— Если вы будете меня держать дольше здѣсь, то я въ самомъ дѣлѣ могу снова заболѣть, а теперь, когда я совершенно здоровъ, вы должны меня выпустить.

На мои слова докторъ только насмѣшливо улыбался.

Мнѣ снова была предоставлена нѣкоторая свобода, но скука меня томила страшная. Безъ малѣйшаго занятія, въ ненавистномъ мнѣ обществѣ долженъ былъ я проводить цѣлые дни, не слыша ни одного умнаго слова, ни одного здраваго сужденія, шатаясь изъ угла въ уголъ безъ всякой цѣли и безпрестанно натыкаясь то на ту, то на другую возмутительную сцену.

Желаніе убѣжать во что-бы то ни стало еще сильнѣе овладѣло мною, но долго къ этому не представлялось никакого случая.

Наконецъ, уже на исходѣ лѣта, мнѣ открылась возможность покинуть опротивѣвшую мнѣ лечебницу. Вотъ какъ это было. Разъ вечеромъ смотритель, чиновникъ анекдотистъ и я играли въ карты въ общей столовой. Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вбѣжалъ одинъ хромой больной, спасаясь отъ преслѣдованій приставленнаго къ нему слуги и Андрея.

— Подлецы! чего вы отъ меня хотите? Пустите меня домой, я домой хочу!

Смотритель вскочилъ изъ за стола, послалъ одного изъ слугъ за «рукавами», кликнулъ баньщика и всѣ они общими силами стали уламывать больнаго, который бился отчаянно и не давалъ себя связать.

Привыкнувъ къ подобнаго рода зрѣлищамъ, я прошелъ въ буфетъ — выпить стаканъ воды. Изъ буфета дверь вела

въ комнату смотрителя. Я заглянулъ туда. На диванѣ спала его маленькая дочка, окно было отворено и ключъ вложенъ изнутри въ замочную скважину. Сообразивъ всѣ эти обстоятельства, я схватилъ чью-то фуражку, лежавшую въ буфетѣ на шкапу, вбѣжалъ въ комнату смотрителя, заперъ за собой дверь на ключъ, и выпрыгнувъ на улицу изъ отвореннаго окна, пустился бѣжать.

На дворѣ уже темнѣло и никто изъ проходящихъ не обратилъ на меня вниманія.

Дома я разсказалъ вкратцѣ о причинахъ, побудившихъ меня къ бѣгству и велѣлъ сказать приходившимъ за мною съ рукавами лакеямъ, чтобъ они кланялись своему хозяину и извинились передъ моими партнерами, что я оставилъ игру, не докончивъ партіи.

О ЗНАЧЕНІИ УНИВЕРСИТЕТОВЪ ВЪ СИСТЕМѢ НАРОДНАГО ВОСПИТАНІЯ.

I.

Давно мы не встрѣчались съ такимъ интереснымъ и живымъ вопросомъ, какъ вопросъ о нашихъ университетахъ. Къ нимъ общественное мнѣніе всегда относилось съ полнымъ сочувствіемъ; на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣла литература, какъ на единственное звѣно, которое такъ или иначе связываетъ наши умственные интересы съ народною жизнію; отъ университетовъ мы привыкли ожидать лучшихъ дѣятелей и осуществленія нашихъ лучшихъ надеждъ; надежды не всегда сбывались, дѣйствительныя требованія часто улетучивались праздными мечтами, наука вытѣснялась рутиной и фразой, но тѣмъ не менѣе мы любили то юношество, которое стремилось къ высшему образованію, и тѣ учебныя заведенія, откуда оно выносило знаніе и трудъ, обращая ихъ въ общее достояніе жизни. Поэтому, когда заговорили о преобразованіи университетовъ, журналистика подала свой голосъ съ разныхъ сторонъ; откликаясь, обыкновенно, на современные запросы задними числами, на этотъ разъ она разсуждала подъ вліяніемъ событій; на ея мнѣнія отвѣчали самые факты... Въ этихъ мнѣніяхъ выразились противоположные взгляды и цѣли: одни заявили требованіе сво-

боднаго ученія, открытаго всѣмъ, кто желаетъ получить его; другіе вступились за сохраненіе корпораціи, видя въ ней единственное спасеніе университетовъ; нѣкоторые остановились на полдорогѣ своихъ плановъ, а большая часть хотѣла высказать что-то, но ничего дѣльнаго не сказала. Въ общемъ итогѣ оказалось такъ мало трезвыхъ и руководящихъ идей, что нельзя не удивляться бѣдности мысли и полнѣйшему отсутствію педагогическихъ соображеній, выработанныхъ литературнымъ мнѣніемъ. Само собою разумѣется, что мы не можемъ обвинять въ этомъ одну литературу: ея роль скромная и подначальная; для нея есть темы, на которыхъ обрывается ея голосъ не потому, чтобъ нота была не подъ силу, а потому, что камертонъ беретъ невѣрно... Во всякомъ случаѣ, вопросъ былъ поставленъ косо и узко, такъ что капитальная задача о значеніи и будущей судьбѣ нашихъ университетовъ была обращена въ мелкій и односторонній споръ о побочныхъ предметахъ, о которыхъ можно разсуждать только тогда, когда общая идея представлена удовлетворительно-ясно. Не беру на себя смѣлости поправить этотъ недостатокъ въ настоящей статьѣ, но я убѣжденъ, что университетское ученіе находится въ строгой логической связи съ общимъ ходомъ народной жизни и образованія; а потому считаю необходимымъ: 1) взглянуть на современное положеніе европейскихъ университетовъ, которые послужили образцемъ для устройства нашихъ; 2) показась ту внутреннюю связь, которая соединяетъ общее народное воспитаніе съ высшими учебными заведеніями; и наконецъ 3) означить условія, составляющія силу или безсиліе университетскаго ученія.

Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ умственной дѣятельности народа всегда были университеты. Историческая судьба ихъ неразрывно связывается со всѣми измѣненіями европейскаго образованія, со всѣми поворотами прогресса; цвѣтущее состояніе университетовъ совпадаетъ съ цвѣтущими эпохами націй, и обратно,— они вездѣ понижаются съ общимъ уровнемъ народной жизни; по нимъ, какъ по біенію пульса, можно судить о степени здоровья того или другаго общества... Въ средніе вѣка, когда человѣкъ едва не задыхался подъ свинцовой атмосферой невѣжества, они, подобно дикому и нѣжному растенію, незамѣтно распускаются подъ монастырскими стѣнами, за оградами аббатствъ, по программѣ католическаго монаха. Религіозная пропаганда употребляетъ ихъ орудіемъ своихъ фанатическихъ цѣлей, и студентъ, вооруженный шпагой для защиты себя отъ разбойника-фео-

дала, въ то же время думаетъ, чувствуетъ и говоритъ, какъ воспитанникъ кельи. Положеніе его въ обществѣ одинокое, смѣшное, а въ школѣ чисто-пассивное. Отъ него требуютъ не развитія человѣческихъ силъ и приложенія ихъ къ дѣлу, а систематической тупости, и онъ безплодно потѣетъ и чахнетъ надъ схоластическимъ ученіемъ. Это ученіе, построенное на строгой дисциплинѣ и мертвой буквѣ, исключило изъ себя все, что могло бы шевелить умомъ и давать положительное знаніе: анализъ замѣнялся преданіемъ и индивидуальная свобода мысли — авторитетомъ. Между школой и дѣйствительной жизнью лежало то же безмѣрное разстояніе, которымъ отдѣлялся монастырь отъ свѣтскаго замка; если въ жизни повсюду господствовалъ произволъ, то въ школѣ все подчинялось суровымъ ограниченіямъ; здѣсь предписывались особенныя правила для теологическихъ диспутовъ, для занятій и отдыха, для пищи и одежды; здѣсь за всѣмъ подсматривалъ глазъ или подслушивало ухо наставника; здѣсь щедро раздавались самыя грубыя наказанія, какихъ не вынесъ бы равнодушно современный альпійскій оселъ, а средневѣковой школьникъ не только самъ терпѣлъ побои и оскорбленія, но потомъ вымѣщалъ ихъ и на другихъ. Само собою разумѣется, что для такой школы не могло найдтись много охотниковъ; чтобъ зазвать въ нее юношу, разлучить его съ семействомъ и привольнымъ воздухомъ полей, необходимо было дать ему особенныя привиллегіи, обѣщать доходное мѣсто аббата или почетное званіе епископа. И только, благодаря этимъ привиллегіямъ, сюда собирались бѣдные молодые люди, которые за долговременныя лишенія и грязную бурсацкую жизнь покупали себѣ насущный кусокъ хлѣба... Пока средневѣковая школа развивалась свободно, не стѣсняемая буллами римской церкви и продажными регламентами синдиковъ, она выработывала замѣчательныхъ людей, подобныхъ Жану Скотту и Абеляру; подъ видимымъ безпорядкомъ ея молодыхъ всходовъ, въ ней кипѣло много жизни, непонятной сухому доктринеру, но въ высшей степени плодотворной по своимъ послѣдствіямъ; ученіе, не разлученное съ общими интересами націи, еще не заглохшее подъ сословными разсчетами, инстинктивно уважалось даже варварской эпохой и собирало на площадяхъ и улицахъ множество любознательныхъ слушателей. Въ это время парижскій университетъ былъ главнымъ центромъ европейскаго преподаванія. «Отъ Сэнъ-Женевьевы до Нотръ-Дамъ, говоритъ историкъ схоластической философіи, по всѣмъ улицамъ, на обоихъ берегахъ Сены и на мостахъ, болѣе или менѣе извѣстные профессоры открыли

свободное преподаванiе и приглашали, какъ мiрянъ, такъ и духовныхъ приходить слушать ихъ... Когда на послѣднихъ границахъ Британiи, въ отдаленныхъ углахъ Калабрiи, Испанiи, Германiи и Польши, молодой церковникъ обнаруживалъ наклонность къ высшему ученiю и обѣщалъ своимъ начальникамъ хорошаго логика, его тотчасъ посылали въ Парижъ. Онъ отправлялся одинъ, пѣшкомъ, переходя черезъ рѣки и горы, подъ защитой военныхъ людей и даже бродягъ, встрѣчаемыхъ имъ на дорогѣ. Монастырская келья давала ему ночлегъ, кровля хутора закрывала его отъ полуденнаго жара, и чтобы ласково быть принятымъ, стоило только назваться школьникомъ. Школьникъ вездѣ и всегда имѣлъ право убѣжища. (Philosophie Scolast. Hauréau, т. I. стр. 22 и 34). Не то было въ половинѣ XIII вѣка, когда папская власть подобрала къ своимъ рукамъ публичное преподаванiе во всѣхъ странахъ Европы; казалось бы, возраставшая потребность въ грамотныхъ людяхъ, отсутствiе библiотекъ, рѣдкость манускриптовъ, покупаемыхъ цѣной золота, недостатокъ учителей и самыхъ средствъ къ образованiю, должны были поднять значенiе школы, а между тѣмъ она, сравнительно, теперь опустѣла; юноша, отдѣленный отъ остальнаго общества формой платья, маперъ и даже языка, изъ предмета уваженiя обратился въ предметъ сарказма и презрѣнiя; отъ него отворачивался свѣтскiй человѣкъ, какъ отъ пугола, и онъ искалъ удовлетворенiя своимъ спертымъ страстямъ въ буйномъ разгулѣ и отвратительныхъ побоищахъ. Къ концу XV вѣка, католическiе университеты, наглухо запертые въ себѣ и не смѣвшiе идти дальше того, что сказалъ «божественный Аристотель», достигли крайняго застоя: они старались остановить ходъ цивилизацiи и загасить возникавшiй свѣтъ.... Наука дотого изсякла въ своихъ жизненныхъ источникахъ, что стояла въ рѣшительной оппозицiи всякому реформацiонному движенiю; всѣ лучшiя открытiя и болѣе яркiе умы этого мрачнаго времени явились помимо школы. Они вышли изъ рядовъ народа и передали послѣдующимъ поколѣнiямъ едва мерцавшiй факелъ истины черезъ костры и тюрьмы папской инквизицiи. Когда намъ говорятъ о заслугахъ средневѣковыхъ школъ, мы невольно вспоминаемъ американскiя плантацiи: пожалуй, и въ нихъ можно отыскать полезную сторону для Негровъ... Нѣтъ спору, что старая схоластика распространила грамотность, сберегла отъ дикаго меча и пожара блѣдные остатки классической древности, но чего это стоило человѣчеству?

Реформа Лютера обновила средневѣковые университеты. Разсѣявъ тьму католической ночи, она открыла въ область религіи доступъ анализу и критикѣ. Работа мысли началась съ отрицанія и разрушенія, не приготовивъ себѣ другой, болѣе твердой почвы: преданію былъ противопоставленъ здравый смыслъ; мечтамъ и призракамъ — изученіе природы, аскетизму — живые вопросы общества. Здѣсь мы должны объяснить особенную черту протестантскаго движенія. Замкнувшись въ свои отвлеченныя темы, въ холодные логическіе выводы, оно съ первой же минуты разошлось съ народными интересами, и тѣмъ уничтожило свою силу и ослабило результаты. Развязавъ совѣсть людей, оно не хотѣло или, лучше, не съумѣло развязать имъ руки; мы даже думаемъ, что оно еще крѣпче затянуло тотъ узелъ, который держало католическое духовенство въ своихъ рукахъ, но затянуло его на противуположномъ концѣ цѣпи... Ни папство, ни реформація не щадили народъ, вооружая поперемѣнно одну націю противъ другой. Избіеніе крестьянъ и мирныхъ жителей городовъ сопровождалось такими циническими тріумфами, такимъ ожесточеннымъ людоѣдствомъ, что Европа, послѣ тридцатилѣтней войны, потеряла около трети народонаселенія и изъ конца въ конецъ была засыпана пепломъ и развалинами. «Какъ скоро лютеранизмъ, говоритъ Сейнгерле, почувствовалъ себя твердымъ на остаткахъ римской іерархіи, онъ не замедлилъ оказаться узкимъ, педантическимъ и строгимъ. Едва терпимый, онъ самъ сдѣлался невѣротерпимымъ. За поколѣніемъ героевъ послѣдовало поколѣніе мелкихъ, завистливыхъ, честолюбивыхъ и подлыхъ педантовъ, которые задушили свободный порывъ мысли и съ рабской угодливостью продали принципаламъ свободу совѣсти, купленную цѣной крови столькихъ мучениковъ. Надежда на возрожденіе науки изъ реформаціоннаго движенія погибла еще болѣе чѣмъ на сто лѣтъ; и протестантизмъ, измѣнившій своему ученію, вмѣсто того, чтобы служить эманципаціи отдѣльной личности, превратился въ презрѣнное орудіе политики». (Les Universités Allemandes. Revue German. Juillet. 1861). Такъ изъ бѣдной виттембергкой капеллы драма перешла въ королевскіе дворцы и изъ ничтожныхъ десяти богословскихъ тезисовъ сдѣлалась задачей всѣхъ правительствъ. Съ этого времени судьбы Европы раздѣлились между церковью и государствомъ. Воспитаніе юношества, на которомъ католическое духовенство построило теперь свое политическое могущество, съ другой стороны выз-

вало равномѣрную реакцію и было взято подъ непосредственное наблюденіе свѣтской власти. Цѣли той и другой партіи были различныя, но результаты совершенно одинаковы. И папство и королевство имѣло въ виду спеціальныя соображенія, часто совершенно противныя истинному образованію. Вмѣсто монаха и церковника стали воспитывать солдата, юриста, матроса и т. д., но развитіе *человѣка* еще далеко не было понято такъ, какъ понимаютъ его теперь... Клерикальная система осталась преобладающею на югѣ Европы до послѣднихъ дней. Въ Италіи и Испаніи, впродолженіи трехъ вѣковъ, она находилась подъ вліяніемъ іезуитовъ, оставившихъ по себѣ на пиренейскомъ и апеннинскомъ полуостровѣ болѣе гибельные слѣды, чѣмъ всякое моровое повѣтріе. Римскій дворъ постоянно стремился къ тому, чтобы овладѣть инниціативой воспитанія подъ видомъ охраненія католическихъ интересовъ. Такъ еще въ прошломъ году папскій конкордатъ хотѣлъ ввѣрить высшій надзоръ за ученіемъ фрейбургскаго университета епископу; баденское правительство согласилось поддержать эту мѣру, и только энергическая опозиція профессоровъ и гражданъ отклонила своекорыстное намѣреніе клерикаловъ. Та же система, но въ союзѣ съ бюрократическими планами, господствуетъ въ Австріи и Франціи. Въ Австріи она простирается даже на запрещеніе національнаго языка въ славянскихъ школахъ. Къ чему же могла привести такая система? На это отвѣчаетъ намъ одинъ изъ современныхъ писателей такъ: «не удивляйтесь тому, что у насъ нѣтъ въ общественномъ обращеніи ни сильныхъ характеровъ, ни благородныхъ идей. Откуда ихъ взять, когда воспитаніе французскаго юношества стоитъ почти на одной степени съ воспитаніемъ австрійскихъ драгуновъ, — когда ни въ семействѣ, ни въ обществѣ нѣтъ ни одного серьезнаго побужденія къ образованію честнаго и способнаго человѣка, когда успѣхъ въ жизни вовсе не зависитъ отъ степени знанія и добросовѣстной дѣятельности, а отъ болѣе или менѣе ловкой интриги, подкупа деньгами и университетскаго диплома, выдаваемаго даже тѣмъ, кто никогда не видѣлъ профессорской каѳедры. Для хорошо образованныхъ людей необходимы и хорошія соціальныя сферы, гдѣ ихъ трудъ и силы могли бы найдти себѣ достойное примѣненіе. Я нисколько не удивляюсь отсутствію смѣлыхъ, искреннихъ и благородныхъ характеровъ нашей эпохи, но удивляюсь тому, какъ при такомъ воспитаніи мы еще не всѣ обратились въ *черныхъ людей* ордена Лойолы.»

На германскихъ университетахъ отразилась другая игра прави-

тельственныхъ взглядовъ, съ крошечными мѣрками политики Меттерниха; — — — даже университетскія корпораціи, какъ послѣдняя средневѣковая форма, уцѣлѣвшая единственно потому, что протестантизмъ не могъ слить науку и жизнь въ одну стройную силу, даже корпораціи, повидимому, благопріятныя сонливой неподвижности Австріи, были заподозрѣны и кой-гдѣ уничтожены. Но изъ за чего же всѣ эти опасенія? Изъ за того, что умственнаго капитала, собраннаго въ нѣмецкихъ университетахъ, оказалось гораздо больше, чѣмъ сколько было нужно его для самаго общества... Онъ отяготилъ собой страну, не имѣвшую великихъ общественныхъ началъ, которые могли бы пробудить умственную дѣятельность и осмыслить ее практическими результатами. Такая разладица между теоретическимъ образованіемъ и его жизненнымъ приложеніемъ, обыкновенно, сопровождается явленіями въ родѣ тѣхъ, какія мы подмѣчаемъ на плодахъ, воспитанныхъ въ парникахъ: эти плоды, созрѣвшіе въ душной атмосферѣ, отличаются всѣми наружными признаками натуральнаго растенія, но не имѣютъ ни вкуса, ни сочности его. И нѣмецкіе университеты, какъ подновленные готическіе соборы, одной половиной принадлежатъ старому времени, а другой новому: въ нихъ борятся двѣ противоположныя стихіи, —одна, заимствованная изъ односторонней и мелкой бюргерской жизни, другая—изъ чистыхъ и глубокихъ родниковъ идеи. Они сохранили свое Lehrfreiheit (право свободно учить) и Lernfreiheit (право свободно учиться), и въ то же время удержали свою уродливую корпорацію; они обобщили элементарныя знанія между всѣми слоями народа, возвысили семейную нравственность, но оторвавъ человѣческую мысль отъ положительной почвы, унесли ее въ область сновидѣній и лѣниваго идеализма; изъ ученаго они выработали кабинетнаго Дон-Кихота, побораюющаго вѣтряныя мельницы, и въ лицѣ стараго бурша сберегли нѣкоторыя черты средневѣковаго рыцаря. Поэтому роль ихъ въ развитіи европейской образованности совершенно ничтожная, хотя на первый взглядъ и озадачиваетъ своимъ доктральнымъ тономъ. Въ то время, когда Европа вводила свои умственные матеріалы въ насущную жизнь народа и обогощала его замѣчательными техническими открытіями, германскіе университеты занимались пустыми философскими преніями и раздачей докторскихъ дипломовъ даже тѣмъ, кто никогда не слышалъ имени Лессинга или Канта. Причина этого ложнаго направленія, конечно, заключается не въ университетахъ, а въ самомъ соціальномъ устройствѣ Германіи.

Школа, каковы бы ни были ея достоинства, никогда не можетъ измѣнить или переработать общественной жизни; напротивъ, она лежитъ всѣми своими корнями въ окружающей дѣйствительной обстановкѣ и изъ нея почерпаетъ свою силу и значеніе.

Говоря о педагогическихъ системахъ протестантской Европы, мы должны исключить изъ нея Англію. Постараемся разъяснить это мнѣніе. Въ Англіи народное воспитаніе сложилось помимо правительственныхъ регламентацій и до 1832 года (*) не имѣло ничего общаго съ ними. Здѣсь общественная инисіатива всегда шла впереди, и только, благодаря ей, элементарное образованіе рабочихъ сословій достигло, въ послѣднее время, значительныхъ результатовъ. Въ 1803 году въ Англіи и Валлисѣ насчитывали 524, 245 школьниковъ, т. е. грамотное населеніе относилось къ безграмотному, какъ 1: 17½. Черезъ пятьдесятъ пять лѣтъ эта цифра возрасла почти въ пять разъ болѣе и въ 1858 году, коммиссія народнаго воспитанія, представляя общій отчетъ своихъ статистическихъ изслѣдованій, показала число учащихся до 2,535, 462 т. е. въ пропорціи 1: 7 всего народонаселенія. (Popular Education in England, by Herb. Skeats. 1861. London. Стр. 3—4.) Изъ этого факта можно видѣть, что послѣ Америки и Швейцаріи въ первой половинѣ XIX вѣка Англія представляетъ сравнительно лучшіе результаты школьнаго обученія. Развитіе его совершалось двумя путями: вопервыхъ путемъ филантропическихъ учрежденій, поднятыхъ теоріей Мальтуса, испугавшаго Великобританію предсказаніемъ голодной смерти трудящимся сословіямъ, вовторыхъ—путемъ ремесленныхъ ассоціацій, наконецъ догадавшихся, что образованный работникъ гораздо выгоднѣе необразованнаго, особенно при томъ направленіи промышленнаго труда, какое приняла современная Англія. Но величайшее содѣйствіе этому дѣлу оказалъ Робертъ Оуенъ. Впродолженіи сорока лѣтъ онъ доказывалъ и словомъ и примѣромъ, что безъ раціональнаго воспитанія массъ невозможны общественныя улучшенія, что только радикаль-

(*) Съ этого времени правительство начало принимать участіе въ воспитаніи бѣдныхъ классовъ, вслѣдствіе того убѣжденія, что безъ его содѣйствія третія часть народонаселенія не имѣетъ никакой возможности получить элементарное образованіе. Это содѣйствіе, постепенно возрастая, доселѣ ограничивается денежнымъ пособіемъ (2,000,000 ф. опредѣляется на распространеніе и содержаніе народныхъ школъ) и чисто-внѣшнимъ наблюденіемъ за воспитанниками и преподавателями. Вся же нравственная сторона педагогической дѣятельности попрежнему остается въ свободномъ распоряженіи общества.

нымъ преобразованіемъ школы можно выйдти изъ того заколдованнаго круга, который Оуенъ называлъ «лазаретомъ больныхъ». Онъ первый провозгласилъ принципъ невмѣняемости преступленія отдѣльному лицу, поглощенному общественной средой, въ которой копошится тьма разныхъ гадовъ, дающихъ тонъ и направленіе нашей жизни. Ученіе Оуена, вмѣстѣ съ его славнымъ Ланаркомъ упало, потому что борьба одного геніальнаго человѣка съ цѣлымъ лазаретомъ больныхъ превышала силы благороднаго защитника народныхъ правъ. За всѣмъ тѣмъ голосъ его не замеръ въ пустынѣ; извѣстная манчестерская лига подхватила и распространила его въ народѣ посредствомъ своихъ многочисленныхъ митинговъ.

Такимъ образомъ сознаніе необходимости воспитывать народъ привилось къ Англіи; изъ вышеприведенной цифры ясно, что прогрессъ элементарнаго ученія идетъ довольно быстро, общественное мнѣніе поддерживаетъ его энергично. Но иллюзіи изчезаютъ... Изъ 24,563 публичныхъ школъ, всевозможныхъ подраздѣленій, 22,647 учебныхъ заведеній находится на содержаніи и подъ руководствомъ религіозныхъ сектъ Англіи, такъ что вполнѣ независимыхъ школъ не болѣе полуторы тысячи, въ которыхъ считается до 80,000 питомцевъ. Точно въ такомъ же отношеніи стоятъ между собою и предметы ученія: чисто библейское образованіе сравнительно, напримѣръ, съ преподаваніемъ первыхъ началъ физики находится въ пропорціи 63 : 1. Эта квакерская школа совсѣмъ не соотвѣтствуетъ тому воспитанію, которое необходимо мальчику въ жизни; ему необходимо хорошее физическое здоровье, знаніе ариѳметики и счетоводства, пониманіе того или другаго техническаго мастерства, а ему набиваютъ голову теологическими тезисами. Поэтому *общественное* воспитаніе Англіи, которымъ восторгаются наши рутинеры, одно изъ самыхъ узкихъ и одностороннихъ воспитаній. И надо замѣтить, что здѣсь говорится о воспитаніи бѣдныхъ классовъ, которыхъ только одно образованіе и можетъ спасти отъ ремесла вора, мошенника и уличнаго бродяги.

Что же касается другихъ, болѣе достаточныхъ сословій Англіи, они получаютъ образованіе въ частныхъ пансіонахъ и коллегіяхъ, гдѣ дороговизна платы и то же клерикальное вліяніе парализируетъ хорошія стороны ученія. Самый же цвѣтъ великобританскаго общества дрессируется въ университетахъ, сохранившихъ и духъ и наружную обстановку почти въ томъ видѣ, какъ ихъ описываютъ

намъ въ XVI вѣкѣ. Эти привилегированные центры англійской науки напоминаютъ тѣ феодальные замки, вокругъ которыхъ раскидываются цвѣтущія долины, смѣняется зелень, играетъ веселая и довольная жизнь, а они стоятъ—себѣ ветхіе, мрачные и полуразвалившіеся остатки давно ненужной старины. Ихъ академическое устройство, ихъ три факультета—искусствъ, законовѣдѣнія, медицины, ихъ келейное инспекторство, сенатъ и переклички, ихъ классическая мертвечина доселѣ остаются въ неприкосновенномъ схоластическомъ чинѣ. Въ нихъ все есть—и богатое содержаніе, и роскошныя награды, и превосходные профессоры, и даровитые студенты, но одного нѣтъ— свободы ученія, и Англія отъ своихъ университетовъ принимаетъ гораздо меньше образованнаго и дѣловаго юношества, чѣмъ отъ бѣдныхъ ремесленныхъ школъ.

II.

Въ предъидущемъ очеркѣ мы старались навести читателя на ту основную мысль, что народное воспитаніе вездѣ болѣе или менѣе подчиняется постороннему вліянію, чуждому его главной цѣли; эпоха свободнаго и органическаго развитія для него еще не настала. Кромѣ того, намъ хотѣлось показать, что между университетами и общимъ направленіемъ народной жизни вездѣ есть внутренняя необходимая связь, такъ что мечтать о преобразованіи первыхъ помимо второй — значитъ строить ниневійскіе сады на воздухѣ; никогда высшее учебное заведеніе не можетъ быть хорошо, если дурны низшія школы, если общество питаетъ его не чистыми растительными, а испорченными соками. Нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльныя личности, при всякихъ условіяхъ, могутъ являться въ полномъ блескѣ своихъ силъ, но эти силы не затерялись бы и въ черноземной почвѣ невѣжества, если только благопріятныя обстоятельства вызывутъ ихъ къ какой нибудь дѣятельности. Поэтому прежде чѣмъ мы станемъ говорить о значеніи университетовъ въ наше время, скажемъ о значеніи воспитанія вообще, объ отношеніи его къ обществу и къ отдѣльному лицу.

Отношенія человѣка къ природѣ гораздо проще и менѣе искажены, чѣмъ отношенія къ обществу, и потому они съ каждымъ днемъ выясняются лучше. Мы перестаемъ бояться природы, какъ подросшія дѣти перестаютъ дрожать и прижиматься къ нянькѣ при словѣ *бука*,

оборотень и тому подобнаго вздора; по мѣрѣ того, какъ мы ощупываемъ, разлагаемъ, сравниваемъ и изучаемъ природу, она теряетъ для насъ тотъ мистическій характеръ, который въ младенческія эпохи облекается въ самыя причудливыя формы привидѣній, добрыхъ и злыхъ духовъ: вся эта чепуха укладывается въ нашей головѣ, какъ тѣни въ закрытой камеръ-обскурѣ; если пропустить въ нее немножко свѣту, тѣни исчезаютъ и дѣйствительныя явленія объясняются очень просто... Въ развитіи народа—это періодъ сгруппировки фактовъ, анализа или знанія. Но человѣкъ не останавливается на одномъ изученіи естественныхъ явленій, онъ инстинктивно идетъ дальше — примѣняетъ ихъ къ своей жизни, желая какъ можно больше обставить ее различными удобствами и наслажденіями. Сначала, когда онъ глупъ и дикъ, этотъ трудъ обходится ему ужасно дорого, такъ что онъ буквально ѣстъ хлѣбъ въ потѣ лица своего; тамъ, гдѣ впослѣдствіи онъ тратитъ въ десять разъ менѣе силъ и времени, теперь онъ достигаетъ той же цѣли, кряхтя и насилуя себя до безобразія: нужно ли ему защитить наготу своего тѣла отъ холода, онъ долженъ отыскать дерево, сломить себѣ дубину, убить ею звѣря, содрать съ него кожу, высушить ее и потомъ одѣться въ нее; нужно ли ему утолить голодъ своей семьи, онъ долженъ осушить почву, взрыть на ней борозды, бросить сѣмя, и, дождавшись жатвы, срѣзать зрѣлый колосъ, очистить его и превратить въ муку; за неимѣніемъ мельницы онъ принужденъ перетирать зерно между камнями, но вотъ мало-по-малу этотъ парія окружающихъ его нуждъ догадывается, что вмѣсто собственныхъ рукъ можно употребить силу вѣтра или воды, и онъ добываетъ ту же муку и отъ того же камня съ большей экономіей и меньшими усиліями. Точно также сокращаются для него пространства: теперь давленіе пара на ось локомотива переноситъ его въ одни сутки гораздо дальше, чѣмъ прежде онъ могъ пройдти въ десять или пятнадцать дней. Такимъ образомъ, начиная страдной и мучительной борьбой съ внѣшними препятствіями, человѣкъ оканчитаетъ торжественной побѣдой: превращаетъ лѣса и болота въ великолѣпные сады, на мѣстѣ юрты или землянки строитъ теплые и изящные дома, одѣвается нетолько удобно, но и красиво, ѣстъ чистую и вкусную пищу, проводитъ желѣзные рельсы, телеграфическіе нити, пускаетъ громадные корабли во всѣ концы свѣта, измѣняетъ атмосферу, флору и до безконечности можетъ продолжать свои завоеванія, въ предѣлахъ данныхъ ему

средствъ. Но чѣмъ же онъ совершаетъ эту побѣду надъ природой? Разумѣется, *умомъ*; потомучто у человѣка, сравнительно съ другими животными, такъ мало физическихъ средствъ, что онъ бѣднѣе и безпомощнѣе комара, если отнять у него извѣстную долю мозга; умомъ онъ дошелъ до того, что силу вѣтра приложилъ къ устройству мельницы; умомъ онъ обратилъ паръ въ величайшаго соціальнаго реформатора, умомъ онъ открылъ множество такихъ законовъ природы, которые служатъ ему на пользу по первому его желанію. Слѣдовательно умъ—сила и притомъ главная сила человѣка. Но всякая сила требуетъ развитія, т. е. полной и разносторонней разработки всѣхъ средствъ, какими только она можетъ располагать въ своей дѣятельности. Для развитія умственныхъ способностей единственнымъ орудіемъ служитъ *знаніе*, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Сюда относится вся сумма наблюденій, опытовъ, впечатлѣній, пережитыхъ нами самими или принятыхъ отъ другихъ. Самый выборъ впечатлѣній, обыкновенно, отъ насъ не зависитъ, особенно въ первые годы дѣтства; мы не знаемъ при какой обстановкѣ намъ суждено родиться, въ курной и полутемной избѣ или въ чистой и опрятной комнатѣ; мы не знаемъ, какая грудь кормилицы будетъ кормить насъ—исхудалая и черствая или здоровая и нѣжная; мы не знаемъ ни той пѣсни, которая въ первый разъ дойдетъ до нашего слуха, какое небо—голубое или сѣрое—остановитъ на себѣ нашъ взглядъ, какія домашнія сцены—мира и любви или стоновъ и грубой брани потрясутъ наши нервы: все это не зависитъ отъ насъ, но въ высшей степени важно въ первоначальномъ складѣ нашего организма. Физіологически нельзя допустить, чтобы дитя, рожденное въ смрадной лачугѣ, полуголодное, полуодѣтое, забитое и оскорбленное, впослѣдствіи могло также правильно развиться, какъ дитя, воспитанное среди всѣхъ домашнихъ удобствъ, подъ вліяніемъ умной и любящей матери. Отчего, напримѣръ, русскій крестьянскій мальчикъ равнодушно смотритъ на страданія животныхъ и, играя, мучитъ ихъ, и отчего швейцарское дитя отвернется отъ подобной сцены? Оттого, что младенчество перваго формируется среди грубаго семейнаго деспотизма, неизвѣстнаго второму. Отчего чувству Италіянца свойственна грація и гармонія, которая невольно проглядываетъ въ его голосѣ, движеніяхъ и походкѣ, и отчего этого чувства такъ мало въ жителѣ сѣвера? Оттого, что перваго окружаетъ пластическая природа, а втораго суровый видъ неба и земли. Всѣ эти обстоятельства и милліоны оттѣнковъ ихъ незамѣтно дѣйствуютъ на

воспитаніе человѣка, образуютъ его внутреннюю и внѣшнею физіономію; къ сожалѣнію, современная педагогика упускаетъ ихъ изъ виду: она занимается преимущественно *душой*, а тѣло удостоиваетъ своего вниманія только въ томъ случаѣ, когда къ нему надо приложить розгу или палку; пора убѣдиться, что безъ гигіеническихъ условій нечего и думать о хорошемъ воспитаніи.

Послѣ *непосредственныхъ* впечатлѣній, которыя кладетъ на насъ окружающая жизнь, какъ на бѣлую мраморную доску, безъ всякаго участія и желанія съ нашей стороны, начинается самостоятельная работа мысли. Раннее или позднее пробужденіе ея обусловливается врожденными способностями—устройствомъ нервной системы или размѣрами той органической силы, которою надѣлена каждая отдѣльная личность. Нѣтъ сомнѣнія, что величина этой силы бываетъ различная,—у одного она составляетъ то, что мы называемъ геніемъ, у другаго—умомъ, у третьяго—умишкомъ и т. д. Все это—не что иное, какъ видоизмѣненія одного и того же жизненнаго начала, которое мы по привычкѣ схоластическихъ понятій, дробимъ на нѣсколько отдѣльныхъ способностей и подводимъ ихъ подъ извѣстныя психическія категоріи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они не представляютъ ничего осязательно-раздѣльнаго, а только проявляются различно. Само собою разумѣется, что для всякой индивидуальной силы есть своя форма развитія, далѣе которой идти невозможно; доходя до этой формы, мы истрачиваемъ весь запасъ внутренняго содержанія и останавливаемся на ней инстинктивно. Въ этомъ заключается вся разница индивидуальныхъ развитій и дѣятельностей, потому что «чековѣкъ можетъ дѣйствовать, какъ справедливо замѣтилъ Бэконъ, только сообразно степени своего знанія». Знаніе помогаетъ намъ выйдти изъ подъ рабской зависимости отъ природы и ея непріязненныхъ вліяній; знаніе даетъ намъ возможность освободиться отъ тѣхъ призраковъ, которыми наполняетъ нашу голову невѣжество; знаніе эманципируетъ наши руки отъ неблагодарнаго труда и мысль отъ внѣшнихъ ея стѣсненій; внѣ знанія, говоритъ современный человѣкъ, нѣтъ для насъ спасенія—и это справедливо. Слѣдовательно умственная эманципація отдѣльной личности есть высшая человѣческая цѣль, къ которой мы должны стремиться.

Но мы живемъ и дѣйствуемъ въ обществѣ и, какъ общественныя силы, становимся въ новыя отношенія къ окружающему насъ міру. Здѣсь наша роль нѣсколько измѣняется: природа ничѣмъ не обязана намъ, и мы ничего не вправѣ требовать отъ нея помимо

нашихъ собственныхъ средствъ; мы пользуемся ея богатствами только по мѣрѣ изученія и обладанія ими; мы наслаждаемся ея сокровищами, потому что у насъ есть способность наслаждаться; мы овладѣваемъ ея силами, пересоздаемъ ея матеріалы, боремся съ ея непріязненными вліяніями и побѣждаемъ ихъ; мы ежеминутно подчиняемъ ее своему распоряженію, по мѣрѣ нашихъ потребностей; однимъ словомъ природа составляетъ для насъ огромную лабораторію, гдѣ свободно можетъ развиваться творческая мысль человѣка. Въ другихъ отношеніяхъ находимся мы къ обществу: здѣсь мы вращаемся въ одномъ кругу съ милліонами равныхъ силъ, передъ которыми отдѣльная личность слишкомъ слаба, чтобы управлять ими и слишкомъ ограничена, чтобы дѣйствовать въ нихъ. Поэтому, въ строгомъ смыслѣ, она не можетъ отвѣчать ни за поступки всего общества, ни за свои собственные; въ первомъ случаѣ общественная дѣятельность поглощаетъ индивидуальныя стремленія, располагая ими по своему усмотрѣнію; во второмъ, свобода отдѣльнаго лица постоянно встрѣчается съ условіями и требованіями массы и невольно уступаетъ имъ. Никто не станетъ спорить, что общественное мнѣніе лучше китайскаго произвола, но не надо безусловно увлекаться и его достоинствами; оно также можетъ быть тираномъ, преслѣдующимъ насъ въ самыхъ сокровенныхъ помыслахъ и чувствахъ; ни одно дѣйствіе, ни одно намѣреніе не можетъ ускользнуть отъ его контроля: изъ окна сосѣда, на улицѣ и въ собраніи, въ театрѣ и въ церкви оно будетъ повѣрять насъ и клеймить своими приговорами, въ случаѣ противорѣчія его принятымъ правиламъ. Такъ, обыкновенно, и бываетъ, когда оно сосредоточивается въ узкой сферѣ партіи и служитъ частнымъ ея интересамъ... Какъ бы то ни было, но если общество присвоиваетъ себѣ извѣстныя права надъ отдѣльной личностію, то оно должно принять на себя и извѣстныя обязанности. При современномъ общественномъ порядкѣ, главная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы облегчить средства къ умственному развитію каждаго изъ своихъ членовъ. Если оно уполномочиваетъ себя властію наказывать преступника, то пусть доставитъ ему и способы избѣжать преступленія, предварительно избавивъ его отъ нищеты и невѣжества, какъ обильнаго источника всевозможныхъ злодѣяній; если оно рѣшается предписывать нравственные законы жизни, то пусть прежде доведетъ до сознанія ихъ; если оно пользуется моими силами, то пусть и развиваетъ ихъ. И въ этомъ его прямая выгода: народная жизнь тѣмъ скорѣе совершенствуется, чѣмъ

больше въ ней образованныхъ дѣятелей и чѣмъ разнообразнѣе ихъ способности. Представимъ, что среди шестидесяти милліоновъ людей будутъ работать двѣсти или триста умовъ, подобныхъ Ньютону, Франклину, Вашингтону и Гумбольдту: такое общество, конечно, сдѣлаетъ больше, чѣмъ то, въ которомъ не найдется ни одного живаго и дѣятельнаго члена. Притомъ для прогресса необходимо разнообразіе силъ и труда. Гёте сказалъ: «чѣмъ слабѣе существо, тѣмъ отдѣльныя его части болѣе походятъ другъ на друга и тѣмъ больше онѣ имѣютъ сходства съ цѣлымъ; напротивъ, чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ больше различія въ его органахъ.» То же самое мы замѣчаемъ и въ человѣческихъ обществахъ: дикія племена отличаются поразительнымъ сходствомъ индивидуальныхъ типовъ; Готтентотъ, взятый наудачу, повторяетъ собою милліоны другихъ своихъ ближнихъ; характеристика одного Могикана будетъ характеристикою всѣхъ остальныхъ. Эта безличность показываетъ низшую ступень общественнаго развитія, близкаго къ животному состоянію. Напротивъ, чѣмъ яснѣе выступаетъ историческая физіономія народа, тѣмъ рѣзче обозначается его оригинальность.

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить и то, что самая общественность есть плодъ индивидуальнаго развитія личности. Для соединенія людей въ одинъ стройный и крѣпкій союзъ необходимы извѣстные интересы, около которыхъ группировалась бы общинная жизнь; чѣмъ выше и шире эти интересы, тѣмъ сильнѣе они притягиваютъ къ себѣ наши желанія и страсти. Въ этомъ отношеніи люди походятъ на химическія тѣла: они тѣмъ лучше соединяются въ одно цѣлое, чѣмъ разнообразнѣе ихъ стремленія и взаимныя потребности. Отнимите у человѣка способность чувствовать необходимость соціальной связи съ другими подобными ему существами, и онъ обратился бы въ жалкаго одиночнаго скота; но чтобы пробудить въ немъ эту способность, недостаточно собрать огромную кучу людей въ одну гражданскую сферу, заставить ихъ говорить однимъ языкомъ, вѣрить одной вѣрой, считать своимъ отечествомъ Францію или Турцію,—нѣтъ, этого мало; такими свойствами можетъ отличаться всякая полукочевая орда, не имѣющая прочной общественной связи. Въ основаніи соціальныхъ инстинктовъ лежитъ глубокое сознаніе того или другаго принципа, равно полезнаго всѣмъ, такъ что каждый индивидуумъ стремится къ нему настолько, насколько сознаетъ его выгоду и чувствуетъ себя безопаснымъ и свободнымъ подъ его защитой. Безъ этого чувства нѣтъ побужденія къ ассоціаціи и нѣтъ надобности

стѣснять свою личную волю. Идти врозь, но независимо, гораздо удобнѣе, чѣмъ напрасно давить себя въ табунѣ.

Но что же содѣйствуетъ индивидуальному развитію? Разумѣется, образованіе. Оно открываетъ намъ новыя силы, формулируетъ ихъ для различныхъ направленій и цѣлей, видоизмѣняетъ нашу дѣятельность и указываетъ ей практическія примѣненія. Поэтому каждое общество, въ видахъ собственной пользы и самосохраненія, обязано воспитать своего члена, т. е. доставить ему средства быть не мертвой, а живой частью своего организма.

Есть и другая, не менѣе важная черта въ соціальномъ прогрессѣ, это — равномѣрное распредѣленіе умственнаго запаса между всѣми сословіями безъ исключенія; подобно правильному кругообращенію крови въ нашемъ тѣлѣ, образованіе должно проходить по всѣмъ общественнымъ органамъ, сообщая имъ движеніе и жизнь. Если же оно приливаетъ къ одной части народа и не касается другой, тогда общество представляетъ подобіе трупа съ горячей головой и холодными ногами. Такое образованіе положительно вредно... Притомъ, въ экономическомъ отношеніи образованіе находится въ прямой пропорціи съ дѣятельностію и успѣхами ея. Для фабричнаго работника и земледѣльца знаніе — сила, та производительная сила, безъ которой они осуждены работать наравнѣ съ лошадью и быкомъ; у современнаго пролетарія нѣтъ другаго источника къ обезпеченію его существованія, кромѣ умственнаго труда. Если мы сравнимъ богатаго собственника съ бѣднякомъ, если взвѣсимъ вопросъ: кому изъ нихъ необходимѣй образованіе, то неоспоримо отдадимъ всѣ преимущества послѣднему. Капиталистъ, обезпеченный въ своихъ нуждахъ, часто не знающій ни труда, ни желанія трудиться, спокойно можетъ остаться въ положеніи недоросля; но ремесленникъ, достающій себѣ насущный кусокъ хлѣба поденной работой, долженъ подумать о своемъ образованіи, потому что оно облегчаетъ его физическія силы, сокращаетъ время труда и ставитъ его выше той машины, у которой онъ не рѣдко проводитъ цѣлую жизнь. Наконецъ только воспитаніемъ массъ можно очистить удушливую атмосферу современной цивилизаціи, которая подъ наружнымъ блистательнымъ лоскомъ скрываетъ необозримую пропасть лжи, предразсудковъ и мрачныхъ заблужденій, въ такъ называемыхъ низшихъ слояхъ человѣчества. «Міръ полонъ суевѣрія, писали мы прежде. Куда ни обратимъ взглядъ, вездѣ видимъ, что массы народа живутъ исключительно воображеніемъ и самыми дикими понятіями. Изъ рода

въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ эти понятія передаются на-вѣру и усвоиваются безъ всякой логической повѣрки. Какъ въ XIII–мъ, такъ и въ половинѣ XIX вѣка Китаецъ принимаетъ солнечное затмѣніе за особенный гнѣвъ божества,повелѣвающаго дракону закрыть лапой дневной свѣтъ отъ очей смертныхъ. При этомъ явленіи вся небесная имперія поднимается на ноги, спѣшитъ въ пагоды съ молитвой и умоляетъ своихъ истукановъ о спасеніи. Русскій крестьянинъ доселѣ смотритъ на выпуклыя части луны какъ на человѣческія фигуры, представляя въ нихъ Каина, несущаго своего брата Авеля. Наши оборотни, ворожеи, могильныя привидѣнія, лѣшіе и домовые составляютъ предметъ страха и чистосердечнаго вѣрованія. Въ западныхъ провинціяхъ Франціи всѣ мужики думаютъ, что лампа, сдѣланная изъ дѣтскаго черепа, служитъ невидимкой; еще недавно одинъ ночной воръ былъ осужденъ за убійство восьмимѣсячнаго младенца. Въ Англіи почти повсюду вѣрятъ, что вѣдьмы иногда употребляютъ для своихъ разъѣздовъ вмѣсто метлы хорошую лошадь, и потому кучера съ особеннымъ вниманіемъ стерегутъ стойла и двери конюшень. Все это, по мнѣнію любителей старины, доказываетъ жизненность преданія, и неистощимые инстинкты народной фантазіи; но что̀ бъ оно ни доказывало, а въ практической жизни ужасно вредно. Трудно вообразить, какъ дорого расплатилось за эти суевѣрія человѣчество вообще и каждый народъ въ особенности. Изъ нихъ породились средневѣковыя ордаліи и пытки, инквизиціонные костры, истребленіе колдуновъ и постоянное преслѣдованіе Евреевъ. «Путь исторіи (сказалъ одинъ писатель) устланъ жертвами человѣческаго безумія». Само собою разумѣется, что воспитаніе не въ состояніи передѣлать нашего воображенія, но оно должно уравновѣсить его разсудкомъ и очистить знаніемъ. Еслибъ Китаецъ и Русскій хоть нѣсколько были знакомы съ законами астрономіи, они не обратили–бы естественнаго феномена въ миѳъ. Еслибъ Наполеонъ 1-й не былъ убѣжденъ, что какая–то чудесная звѣзда вела его къ побѣдамъ, вѣроятно, онъ испепелилъ бы меньше городовъ и умеръ въ Парижѣ, а не на островѣ св. Елены. Еслибъ древній Грекъ умѣлъ сообразить, что кровь и страданія человѣка должны быть противны Верховному Существу, онъ не жегъ–бы людей на своихъ алтаряхъ. Если–бъ каждый изъ насъ ясно понималъ, что мертвецъ, зарытый въ землю, не можетъ встать изъ могилы, мы не боялись–бы ночью кладбища и не пугали бы дѣтей привидѣніями. Но что бъ дойдти до сознанія всей нелѣпости этихъ понятій, необходима извѣстная степень умственнаго раз-

витія. И, разумѣется, чѣмъ оно чище и выше, тѣмъ мы свободнѣе отъ нихъ. Въ этомъ заключается, въ настоящую эпоху, главная цѣль народнаго воспитанія; между тѣмъ оно большею частію служитъ второстепеннымъ интересамъ, противнымъ его предмету и назначенію. Принимая вездѣ болѣе или менѣе національный характеръ, оно удовлетворяетъ не потребностямъ конкретной истины, а случайнымъ соображеніямъ».....

Сообразивъ все, что сказано доселѣ, мы приходимъ къ двумъ главнымъ выводамъ: во-первыхъ умственное развитіе эманципируетъ человѣка отъ враждебныхъ столкновеній съ природой, даетъ ему въ знаніи силу обращать естественные законы въ свою пользу и открываетъ ему путь къ общественной жизни; во-вторыхъ образованіе вводитъ человѣка въ общество и, надѣляя его индивидуальными способностями, разнообразитъ его дѣятельность и ускоряетъ прогрессъ (*).

(*) Въ заключеніе намъ остается опредѣлить самое слово: *воспитаніе*. На современномъ педагогическомъ языкѣ, оно, обыкновенно, означаетъ первоначальное развитіе младенческихъ и отроческихъ силъ, когда еще они не самостоятельно дѣйствуютъ, а зависятъ отъ руководства няньки или наставника. Затѣмъ, періодъ умственнаго развитія юноши называютъ *образованіемъ*, разумѣя подъ этимъ словомъ болѣе спеціальное и часто противоположное понятіе *воспитанію*. Человѣкъ *образованный* и *благовоспитанный* доселѣ различаются между собою. Все это—чистѣйшая схоластика, изобрѣтенная для оправданія невѣжества однихъ и пустоты другихъ. Нельзя воспитывать безъ образованія и образовывать безъ воспитанія, точно также какъ нельзя найдти ни одного кретина благовоспитаннымъ и ни одного благовоспитаннаго юношу необразованнымъ. Это натянутое различіе есть произвольное толкованіе современной педагогической системы, гдѣ иногда простая формальность принимается за что-то существенное. Поэтому мы въ настоящей статьѣ употребляли и то и другое слово безразлично, не придавая имъ особеннаго значенія. Оба они какъ нельзя лучше выражаются однимъ понятіемъ: *развитіе*. Въ самомъ дѣлѣ, какой бы возрастъ, какую бы степень ума ни взяли, съ какой бы способностію мы не имѣли дѣло, какими бы средствами мы ни дѣйствовали на воспитаніе—цѣль наша одна и та же—полное и разностороннее развитіе человѣческихъ силъ. Сюда входитъ все, что составляетъ нашу органическую связь,—мускулы, нервы, мозгъ, кровь, душа и сердце. Развивать одинъ органъ безъ другаго невозможно; развивать одинъ органъ насчетъ другаго—значитъ выдѣлывать уродовъ; всякая односторонность въ этомъ случаѣ есть рѣшительное искаженіе человѣческой природы. Подъ такое опредѣленіе, конечно, нельзя подвести современное воспитаніе, но вѣдь мы и не называемъ воспитаніемъ того, что скорѣе принадлежитъ дрессировкѣ людей, чѣмъ истинному развитію ихъ.

III.

Національное воспитаніе, предоставленное его свободному развитію, складывается подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій страны; на него дѣйствуетъ внѣшняя обстановка природы, характеръ семейной и соціальной жизни, историческія обстоятельства, нравы и обычаи народа, однимъ словомъ все, что такъ или иначе формируетъ наши вѣрованія, воззрѣнія и расширяетъ горизонтъ свѣдѣній. Человѣкъ одаренъ неутомимымъ инстинктомъ наблюденія; онъ принимаетъ знаніе отвсюду и на всемъ оставляетъ слѣды своей мысли. Предметы, окружающіе его, постоянно производятъ на его мозгъ и нервы различныя впечатлѣнія, какъ солнечный лучъ на фотографическое стекло. Обставьте человѣка дикой природой, нищетой, потрясающими сценами насилія, пытокъ, религіознаго изувѣрства, оскорбленія его личности, собственности, и этотъ человѣкъ обратится въ варвара; но дайте ему благопріятный климатъ, богатую почву, хорошее общество, матеріальное довольство, увѣренность въ своихъ правахъ, свободу дѣятельности, и изъ него образуется честный и умный гражданинъ. Отъ той или другой соціальной среды, въ которой мы вращаемся, главнѣйшимъ образомъ зависитъ наше развитіе... Идея сообщается быстро, если только не заперты каналы для ея свободнаго распространенія; а распространять идею, съ цѣлію народнаго воспитанія, можно самыми разнообразными средствами. Общество не варварское, а нѣсколько образованное, должно открывать народу свободный доступъ въ картинныя галлереи, на художественныя выставки, въ сады, въ собранія и клубы, устроивать на разныхъ пунктахъ дешевыя публичныя лекціи, театры, облегчать издержки путешествій, коротко,—вносить какъ можно больше умственнаго капитала въ общее обращеніе. Къ сожалѣнію, современное состояніе Европы еще далеко отъ того времени, когда всѣ сословія могутъ равно воспользоваться этими средствами. Для массъ образованіе почти недоступно: у милліоновъ людей нѣтъ ни времени, ни возможности получить даже элементарное воспитаніе. И это понятно: чтобы дать самое посредственное образованіе юношѣ, въ Россіи оно будетъ стоить не менѣе 150 р. въ годъ, слѣдовательно въ шесть лѣтъ, полагая этотъ срокъ достаточнымъ для окончанія средняго курса наукъ, надо ис-

тратить 900 р. Намъ было бы очень интересно знать сравнительную цифру нашихъ среднихъ состояній, чтобъ утвердительно сказать, сколько можно насчитать семействъ, могущихъ располагать этой суммой для воспитанія своихъ дѣтей; но едва ли мы преувеличимъ фактъ, если положимъ, что изъ 60 милліоновъ собственно русскаго населенія не болѣе 500,000 семействъ могутъ получить кой-какое образованіе и не болѣе 200,000 индивидуумовъ, способныхъ читать Крылова и Пушкина. Изъ этой цифры едва ли не двѣ части останавливаются на одномъ процессѣ чтенія, и только третія можетъ понимать народныхъ поэтовъ. Вслѣдствіе этого мы приходимъ къ необходимости—для распространенія систематическаго воспитанія въ массахъ необходимо избирать болѣе дешевыя и популярныя средства; этому пока удовлетворяетъ всего лучше *школа и книга*. И та и другая, проводя знаніе посредствомъ изустнаго преподаванія и чтенія, удешевляютъ издержки по воспитанію и сокращаютъ время и опытъ собственнаго саморазвитія. Кажется, нѣтъ надобности говорить, что все достоинство такого образованія зависитъ отъ хорошаго устройства школы и отъ умно-написанной книги; нѣтъ надобности говорить и о томъ, что до сихъ поръ на всемъ земномъ шарѣ глупыхъ книхъ и учителей было гораздо больше, чѣмъ умныхъ.

Въ системѣ народныхъ школъ университеты занимаютъ самое видное мѣсто. Въ нихъ, какъ въ главныхъ учебныхъ центрахъ, собираются лучшія юношескія силы и, если не на дѣлѣ, то по идеѣ, лучшіе представители науки; на всемъ европейскомъ континентѣ они самыя доступныя заведенія, гдѣ бѣднякъ наравнѣ съ богачемъ, мѣщанинъ на одной скамьѣ съ аристократомъ получаютъ одинаковое образованіе. Въ этомъ сила университетовъ. Воспитанники ихъ, оканчивая курсъ наукъ, разносятъ свои познанія по всѣмъ классамъ общества, по всѣмъ отраслямъ дѣятельности, и тѣмъ оказываютъ величайшую пользу народной жизни. Кто-то сравнилъ университеты съ большими артеріями, которыя, почерпая кровь изъ общаго резервуара и очищая, разливаютъ ее по всему организму. Это совершенно справедливо; но для здоровья организма нужна хорошая кровь, и если ея въ жилахъ общества нѣтъ, то университеты не въ состояніи ее дать. У насъ еще спорятъ о преимуществахъ свободнаго ученія, что почти то же, еслибъ стали спорить о томъ: какимъ воздухомъ лучше дышать—чистымъ или зловоннымъ? Разумѣется, зловоннымъ, если больныя легкія не выносятъ свѣжей атмосферы. Но

дѣло въ томъ, что безъ свободы не только не можетъ быть правильной дѣятельности мысли, но и побужденія мыслить. Свяжите мнѣ руки и ноги, вы причините мнѣ одну физическую боль; но свяжите умъ,—вы уничтожите его. Когда мнѣ говорятъ: ходи такъ-то, поворачивай глазами направо, застегивайся крѣпче, я могу исполнять эти приказанія безъ особеннаго вреда для своей жизни, но когда мнѣ говорятъ: учись тому-то и такъ-то, такое вмѣшательство въ мои дѣйствія посягаетъ на все нравственное мое существо, на мое настоящее и будущее. Если никто не можетъ принять на себя отвѣтственности за мои намѣренія, желанія и поступки, то никто не должетъ и распоряжаться выборомъ моего образованія и, безъ моего согласія, навязывать ему постороннія цѣли. Никакія программы и законодательныя мѣры еще не создавали геніальныхъ людей; они ростутъ и зрѣютъ только въ свободныхъ атмосферахъ мысли и искуства. Если человѣкъ еще не изобрѣлъ средства управлять моимъ умомъ, какъ онъ управляетъ паромъ и электричествомъ, то напрасно онъ и старается направь мою мысль въ ту или другую сторону: ее можно остановить, обезобразить, но если она разъ попала на прямую дорогу, тогда никто не въ состояніи втиснуть ее въ произвольно-придуманныя рамки. Притомъ строгое наблюденіе за развитіемъ идеи положительно невозможно; внутренняя работа ея ускользаетъ отъ постороннихъ глазъ и часто остается невѣдомой для меня самого: я не знаю, откуда она пришла въ мою голову и чѣмъ кончится тамъ; у нея нѣтъ ни національнаго типа, ни географическихъ признаковъ, она не стѣсняется ни заставами, ни каменными стѣнами, ни даже гоненіемъ ея; напротивъ, она является вездѣ, гдѣ ее требуютъ и, какъ всякая жизненная сила, тѣмъ рѣзче пробивается наружу, чѣмъ внѣшнее давленіе тяжелѣе. Напримѣръ, парижскій университетъ шелъ рука объ руку съ французскими ресбубликами, имперіями, конституціонными монархіями, революціями и реакціями. Наполеонъ I обратилъ его въ казарму, соединившую въ себѣ всѣ вѣтви національнаго образованія; университетъ раздавалъ мѣста и привиллегіи ученому сословію, открывалъ пансіоны, собиралъ торговыя пошлины съ каждой школы и съ каждаго воспитанника. И эта монополія ума, самая презрѣнная изъ всѣхъ монополій, болѣе тридцати лѣтъ обременяла Францію. Что же было въ результатѣ? Жалкое и малодушное поколѣніе двухъ реставрацій, безсовѣстная продажность министерскихъ мѣстъ и глубокое опошленіе всего общества, внезапно пробужденнаго іюльской революціей. Потомъ, въ 1852 году Наполеонъ III далъ новую

реформу воспитанію Франціи; тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, Фортуль, составилъ, по плану президента, общую программу, въ которой онъ исказилъ все, что было лучшаго въ народномъ образованіи». Университетъ (такъ выражался Фортуль въ своей незабвенной программѣ), предполагая образовывать *людей*, слишкомъ пренебрегалъ цѣлью готовить изъ нихъ способныхъ *слугъ* для главныхъ государственныхъ должностей. Согласно этой идеѣ введены были слѣдующія перемѣны: выборъ преподавателей Сорбонны и французской коллегіи отдѣльными совѣтами профессоровъ уничтоженъ; генеральными инспекторами среднихъ и низшихъ заведеній назначены были два аббата—Даніель и Нуаро; ректорамъ академій предоставлено полное право смѣнять, перемѣщать и лишать мѣстъ учителей, не относясь къ муниципальнымъ совѣтамъ, какъ это было при Лудовикѣ-Филиппѣ; въ лицеяхъ снова явилась старая наполеоновская дисциплина. Гораздо глубже реформа коснулась самого духа преподаванія. Подъ предлогомъ особеннаго покровительства *ученому* направленію, ограниченъ былъ кругъ литературныхъ занятій; изученіе древне-классическихъ литературъ сократилось до мертвой буквы филологіи; каѳедра исторіи философіи уничтожена, и потомъ замѣнена преподаваніемъ сравнительной грамматики, конституціонное право Франціи — юстиніановскими институтами; диспуты и философскій анализъ сведены на простыя дефиниціи. Фортуль постоянно предписывалъ профессорамъ «держаться не только смысла новыхъ программъ, но и буквы ихъ», и въ то же время обязалъ ихъ записывать содержаніе каждой лекціи въ особенныя классныя тетради. Такимъ образомъ личныя воззрѣнія и независимая работа профессора кончились. Въ пансіонахъ и частныхъ заведеніяхъ снова явились іезуиты и темные адепты ихъ. Пользуясь удобнымъ случаемъ и желая возвратить, на-время утраченное, свое вліяніе на воспитаніе народа, они употребили всѣ происки, чтобъ закрыть нормальныя школы въ провинціяхъ, — и это бладодѣтельное учрежденіе болѣе не существуетъ; наконецъ высшая агрономическая школа въ Версали превращена въ гвардейскую казарму. Вслѣдствіе всего этого мы не видимъ на университетскихъ каѳедрахъ ни одного замѣчательнаго профессора, ни одного достойнаго представителя въ академіяхъ и ученыхъ обществахъ; единственное заведеніе — Jardin des Plantes, гдѣ преемственно работали лучшія головы Франціи, замкнулось въ кругъ мелкихъ интригантовъ и безсмысленныхъ доктринеровъ. Литература, драматическое искуство, журналистика и трибу-

на замолчали, или возвышаютъ голосъ только для новаго остракизма. И что особенно удивительно, всѣ эти перемѣны не вызвали ни малѣйшаго сожалѣнія со стороны общественнаго мнѣнія; какъ будто такъ и должно быть. Только теперь, черезъ десять лѣтъ, Франція начинаетъ сознавать, чѣмъ она обязана Фортулю—паденіемъ образованія по всѣмъ его направленіямъ и значительной долей своей деморализаціи. Если еще два поколѣнія возрастутъ подъ вліяніемъ этой хитросплетенной системы, то двадцать будущихъ поколѣній не поправятъ зла. Такъ обыкновенно оканчиваются реформы воспитанія, у котораго отнимаютъ свободу и внутреннее содержаніе, подставляя на мѣсто нхъ бюрократическія формы. Но достигъ-ли Фортуль, покрайней мѣрѣ, той цѣли, которую преслѣдовалъ съ такимъ усердіемъ? Нѣтъ. Онъ, подобно Меттерниху, сверху замазывалъ щели, сквозь которыя проходила идея, и оставилъ ей огромныя отверствія снизу. Рано или поздно, а она найдетъ свой естественный исходъ, не въ окно, такъ въ двери.

— Вопросъ о нашихъ университетахъ возбужденъ не случайно. Это—вопросъ старый, поставленный передъ нами неизбѣжнымъ ходомъ исторіи и жизни... Мы не можемъ, особенно теперь, говорить о русскихъ университетахъ безъ горячаго сочувствія къ нимъ. Они явились у насъ, какъ фантастическіе арабески на черномъ грунтѣ дѣйствительной жизни, разрисованные всевозможными капризами времени и перемѣнчивыхъ событій; у нихъ никогда не было собственной физіономіи; ее слѣпили изъ разныхъ матеріаловъ, собранныхъ кое-гдѣ и кое-какъ; они не успѣли представить намъ ни великихъ дѣятелей мысли, ни великихъ реформъ въ умственномъ движеніи; но они воспитали и сберегли нѣсколько добрыхъ юношескихъ силъ, — и за это мы глубоко уважаемъ ихъ.

Развитію русскихъ университетовъ сильно мѣшало ихъ исключительное положеніе. Основанные по плану правительства, съ цѣлію доставить *образованныхъ чиновниковъ*, они съ самаго начала приняли строго-офиціальный характеръ, и другого принять не могли. Они возникли безъ народныхъ школъ, среди сплошнаго безграмотнаго населенія, когда не было ни малѣйшаго понятія о домашнемъ воспитаніи, когда мать провожала сына въ школу съ такимъ же плачемъ, какъ теперь провожаютъ крестьянскаго парня въ рекруты, когда во мнѣніи однихъ ученіе смѣшивалось съ колдовствомъ, а во мнѣніи другихъ считалось совершенно безполезнымъ. Для кого же были осно-

ваны университеты? Разумѣется, для тѣхъ, кто нуждался въ службѣ, рангахъ и гражданскихъ отличіяхъ, Еще Ломоносовъ жаловался, что въ университетъ никто не йдетъ и, указывая на причины этого застоя, онъ между прочимъ выражался такъ: «во всѣхъ европейскихъ государствахъ позволено въ академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, а иногда и на жалованьи, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ въ Россіи при самомъ наукъ начинаніи уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушный окладъ въ университетѣ принимать запрещается. Довольно бъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ.» Вслѣдствіе этого ограниченія на первыхъ же порахъ университетъ оттолкнулъ отъ себя живую силу и предложилъ свои услуги бюрократіи и одному бѣдному дворянству. Но дворянство, современное Ломоносову, или сидѣло праздное въ своихъ захолустьяхъ, воспитываясь по образцу «Недоросля» фонъ-Визина или искало въ образованіи исполненія чисто внѣшнихъ условій. Впослѣдствіи двери университета были открыты всѣмъ свободнымъ сословіямъ, но большинство юношей шло въ нихъ попрежнему за дипломами и чинами, большинство профессоровъ искало въ нихъ жалованья и двадцатипятилѣтнихъ пенсій. Горькая посредственность преподователей и равнодушіе слушателей были неизбѣжными послѣдствіями такого порядка вещей. Притомъ строгость пріемныхъ экзаменовъ и формальность поступленія отбивали охоту и у тѣхъ, кто желалъ учиться. Самое расположеніе высшихъ учебныхъ заведеній не благопріятствовало равномѣрному распространенію образованія во всѣхъ частяхъ Россіи: обширный край Сибири доселѣ остается безъ университета и все многолюдное приволжское побережье примыкаетъ къ одной Казани, между тѣмъ какъ тамъ-то и чувствуется настоятельная потребность въ умственномъ пробужденіи. Сотни бѣдныхъ, но даровитыхъ юношей останавливались на полдорогѣ единственно потому, что боялись рисковать дальнимъ путешествіемъ въ университетскіе города, не имѣя полной увѣренности вступить въ число студентовъ. Но все-таки многіе шли и поступали въ университетъ. Если это были молодые люди, не имѣвшіе впереди себя ни заранѣе обезпеченной карьеры, ни протекціи, ни достаточнаго состоянія, они пополамъ съ горемъ оканчивали курсъ наукъ и спѣшили занять учительскія каѳедры или пристроиться къ сословію литераторовъ; большинство же, алкавшее министерскихъ

канцелярій, записывалось по юридическому факультету и потомъ исчезало въ общемъ круговоротѣ чиновнаго люда.

Но не въ этомъ коренной недостатокъ нашихъ университетовъ; онъ скрывается гораздо глубже. Давно уже высказывается мнѣніе, что образованіе плохо гармонируетъ съ нашими обыденными потребностями, что его не вызываетъ ни жизнь, ни общество. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что наши университеты находились бы въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, что образованіе, получаемое въ нихъ, самое лучшее, но куда же съ нимъ идти и на что употребить его? Почва, разработанная нами для образованныхъ людей, еще такъ непрочна и мало привлекательна, что на ней надо держаться съ необыкновенными усиліями. Конечно, можно учиться ради одного ученья, можно отдать десять или двѣнадцать лѣтъ лучшей поры жизни только для того, чтобы стать въ уровень съ вѣкомъ, чтобы не прослыть неучемъ, но вѣдь это героизмъ или донъ-кихотство,—назовите какъ угодно,—но не требуйте его отъ каждаго. Большинство вправѣ расчитывать на утилитарное примѣненіе своего образованія; оно вправѣ надѣяться, что проведенные имъ годы на школьной скамейкѣ и безсонныя ночи, потраченныя за учебнымъ столомъ, вознаградятся приличнымъ положеніемъ и дѣйствительными выгодами въ жизни. А много ли она представляетъ намъ карьеръ, на которыхъ бы наука, не говоримъ обогатила, а обезпечила безбѣдное существованіе? Промышленность не представляетъ и тѣни ничего похожаго на трудъ, связанный съ серьезнымъ изученіемъ свойственныхъ ей предметовъ. Наши откупщики и гостинодворскіе лавочники не имѣли ни малѣйшей надобности въ университскомъ образованіи; напротивъ, имъ надо было воспитаться подальше отъ университетовъ. Земледѣліе — вотъ обширное поприще для приложенія самыхъ глубокихъ и разнообразныхъ знаній; но кто же нуждается въ нихъ? У крестьянина нѣтъ средствъ выучиться грамотѣ; помѣщикъ находитъ болѣе удобнымъ собирать оброкъ черезъ своего управляюшаго и беззаботно проживать на парижскихъ мостовыхъ и въ кофейняхъ. Литература... но кому же она доставалась легко? Служба, опять служба, и это почти единственная стезя, по которой можно идти образованному человѣку, но служить всѣмъ нельзя: у общества должны быть другія потребности. Потому нечего и требовать отъ нашихъ университетовъ того, чего они не въ состояніи дать. Можно разглагольствовать о ихъ радикальномъ преобразованіи, о корпораціяхъ, стипендіяхъ, о томъ, какъ бы по-

больше развести намъ магистровъ и докторовъ, какъ бы соединить университеты съ академiей или академiю придѣлать къ университету—о всемъ этомъ, конечно, можно помечтать на досугѣ, но не больше какъ помечтать. Настоящея же реформа высшихъ учебныхъ заведенiй требуетъ болѣе шорокихъ размѣровъ: каждый изъ насъ долженъ быть искренно убѣжденъ, что нельзя поднять значенiя университетовъ до тѣхъ поръ, пока не сольются ихъ интересы съ интересами самой общественной жизни, пока не создадутся потребности образованiя, не рутинныя и мечтательныя, а дѣйствительныя и живыя.

Можно было бы посмотрѣть на этотъ вопросъ и съ другой стороны. Современное состоянiе науки съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе заявляетъ реальныя требованiя, удовлетворяющiя возможно лучшимъ условiямъ человѣческихъ обществъ. Посмотрите кругомъ—вездѣ производится перестройка ложныхъ системъ, отжившихъ направленiй, вездѣ чувствуется новая жизнь идеи, и если вы не замѣчаете ея присутствiя среди васъ, то въ этомъ виновата не идея, а ваши отупѣвшiя нервы. Вмѣсто того, чтобы напрасно спорить о томъ, нужно ли отворить или затворить двери университета, не мѣшало бы литературѣ взглянуть на сущность дѣла—на самую организацiю факультетовъ, методу преподаванiя, отбросить то, что обветшало и прянять то, что могло бы обновить и раздвинуть понятiя нашего юношества. Только съ этой точки зрѣнiя можно говорить о преобразованiи высшаго воспитанiя и вполнѣ сочувствовать ему. Мы не сомнѣваемся, что русскiе университеты современемъ процвѣтутъ, когда въ каждой крестьянской избѣ будетъ лежать умная книга и циркуль, когда въ каждомъ селѣ на мѣстѣ кабака будетъ стоять библiотека и школа, когда каждая мать почувствуетъ необходимость воспитанiя своихъ дѣтей и когда каждый изъ насъ убѣдится, что *знанiе* есть дѣйствительная *сила*. Этотъ день будетъ первымъ днемъ нашей цивилизацiи и великой реформы университетовъ...

Г. Б.

МЕТТЕРНИХЪ.

IX.

Въ 1830 году настроеніе умовъ въ Парижѣ сильно тревожило князя Меттерниха; оппозиціонная партія въ палатѣ депутатовъ вела упорную борьбу съ министерствомъ Полиньяка, и за успѣхами этой борьбы слѣдили съ тревожнымъ вниманіемъ люди всѣхъ партій во всѣхъ странахъ континентальной Европы; одни надѣялись, другіе боялись; къ числу послѣднихъ принадлежалъ, конечно, австрійскій министръ; онъ видѣлъ, что въ Парижѣ волнуются, постепенно сближаясь между собою, республиканцы и бонапартисты; онъ зналъ, что ихъ идеи и стремленія находятъ себѣ сочувствіе въ Испаніи, и въ Италіи, и въ Германіи, и даже въ наслѣдственныхъ земляхъ Австрійской имперіи; онъ видѣлъ кромѣ того, что Карлъ X и министръ его, Полиньякъ вполнѣ увѣрены въ силѣ своего правительства, и эта легкомысленная самоувѣренность, основанная на незнаніи настоящаго положенія дѣлъ, еще болѣе безпокоила князя Меттерниха; онъ боялся, чтобы какой нибудь самовластный поступокъ французскаго правительства не повелъ къ страшной катастрофѣ; онъ постоянно упрашивалъ князя Полиньяка дѣйствовать осторожно и мало по малу стѣснять дѣятельность оппозиціонной партіи; Полиньякъ успокоивалъ его самыми положительными обѣщаніями, а между тѣмъ въ глубокой тайнѣ ра-

боталъ вмѣстѣ съ королемъ надъ составленіемъ новыхъ ордонансовъ, измѣняющихъ конституцію 1815 года. Въ концѣ іюля 1830 года князь Меттернихъ получилъ отъ своего посланника въ Парижѣ самыя успокоительныя извѣстія; ему писали, что ни Карлъ X, ни Полиньякъ не думаютъ предпринимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, и что оппозиціонная партія съ своей стороны не обнаруживаетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Но, вслѣдъ за этими утѣшительными извѣстіями, явились депеши совершенно другаго свойства. Оказалось, что Карлъ X и Полиньякъ въ послѣднихъ числахъ іюля попытались ввести новые ордонансы и что въ Парижѣ тотчасъ же вспыхнуло страшное возстаніе; Меттернихъ разразился проклятіями противъ безразсудныхъ посягательствъ французскаго правительства; когда же онъ узналъ о томъ, что Бурбоновъ выгоняютъ изъ Франціи, онъ пришелъ въ совершенное уныніе. «Теперь все пропало, говорилъ онъ, теперь вездѣ загорится!»

Дѣйствительно, приверженцы либеральной партіи подняли голову; въ Бельгіи вспыхнула раволюція, окончившаяся распаденіемъ Нидерландскаго королевства; въ Германіи обнаружилось броженіе; въ Гессенѣ, въ Саксоніи и въ Брауншвейгѣ произошли отдѣльныя возстанія; при такомъ положеніи дѣлъ, Меттерниху и думать нечего было о томъ, чтобы вести съ революціею наступательную войну, и бороться съ ея результатами во Франціи; ему надо было употребить всѣ усилія, чтобы уцѣлѣть въ Вѣнѣ и сохранить спокойствіе въ разнородныхъ лоскуткахъ австрійской монархіи. Поэтому, онъ показалъ себя готовымъ на всякаго рода уступки и началъ съ того, что первый призналъ Людовика-Филиппа, получившаго корону изъ рукъ торжествующей революціи, законнымъ королемъ Франціи; точно также было признано существованіе отдѣльнаго бельгійскаго королевства; точно также были фактически признаны результаты брауншвейгской революціи, низвергнувшей съ престола герцога Карла, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ князя Меттерниха.

Осторожно и уступчиво повелъ себя австрійскій министръ въ отношеніи къ оппозиціи, начинавшей возникать въ мадьярской націи. Вниманіе народа, по распоряженіямъ правительства, было отвлечено на блестящія празднества, сопровождавшія собою коронацію эрцгерцога Фердинанда, объявленнаго Венгерскимъ королемъ при жизни отца своего, Франца I. Когда въ сеймѣ произошли пренія насчетъ рекрутскихъ наборовъ и взиманія податей, правительство на всѣхъ пунктахъ ус-

тупило настоятельнымъ требованіямъ оппозиціи Эта неожиданная уступчивость смягчила воинственное настроеніе умовъ, и всеобщее воодушевленіе венгерской націи не пошло ей въ прокъ, благодаря уклончивой робости князя Меттерниха.

Уступая въ Венгріи, Меттернихъ не хотѣлъ уступать въ Италіи; это былъ послѣдній уголокъ, въ которомъ съ грѣхомъ пополамъ держалась его отжившая система; мелкіе итальянскіе владѣтели боялись своихъ собственныхъ подданныхъ, и съ величайшею радостью принимали отъ Австріи вооруженныхъ блюстителей порядка; Италіи недоставало единодушія; смѣлыхъ патріотовъ было довольно, но они были разсѣяны и дѣйствовали врозь. То въ Моденѣ, то въ папской области, то въ Неаполѣ обнаруживались волненія, но приходили австрійскіе солдаты и тушили огонь, прежде, чѣмъ онъ успѣвалъ разгорѣться. Европейскія державы обыкновенно не мѣшали этимъ упражненіямъ австрійскихъ отрядовъ и смотрѣли на вмѣшательство Австріи какъ на дѣло очень естественное и вполнѣ законное. Но послѣ іюльской революціи, новое французское правительство, чувствуя настоятельную потребность поддерживать свою популярность въ глазахъ тѣхъ людей, которымъ оно обязано было своимъ возвышеніемъ,—рѣшилось защищать національные интересы Италіи противъ посягательства Австріи. Въ мартѣ 1831 года французскій кабинетъ объявилъ Меттерниху, что вступленіе австрійской арміи въ итальянскія земли можетъ подать поводъ къ войнѣ съ Франціею, что война эта возможна, если Австрійцы займутъ Модену, правдоподобна, если они войдутъ въ папскую область, и неизбѣжна, если они перешагнутъ черезъ границу Піемонта. Когда Меттернихъ, не смотря на это объявленіе, двинулъ войска въ Болонью, въ которой обнаружилось возстаніе, то французское правительство отъ словъ перешло къ дѣлу: Людовикъ Филиппъ послалъ сильную эскадру и захватилъ приморскую крѣпость Анкону, чтобы, въ случаѣ дальнѣйшихъ предпріятій со стороны Австріи, имѣть противъ нея точку опоры въ папской области. Въ это самое ввемя, французскій посланникъ при папскомъ дворѣ убѣждалъ Пія VIII уступить желанію недовольнаго народа и отнять такимъ образомъ у Австріи поводъ ко вмѣшательству. Требованія Франціи поддерживала Англія; на сторонѣ Австріи находились Пруссія. Меттернихъ боялся войны, и потому, съ своею обыкновенною, техническою ловкостью отступилъ, поддерживая только внѣшнее благообразіе; но, самъ передъ собою,

въ тиши своего рабочаго кабинета, австрійскій министръ не могъ не сознаться въ томъ, что даже въ Италіи, на которую постоянно было обращено его бдительное вниманіе, выражавшееся въ многочисленныхъ арестахъ и въ постоянномъ движеніи военныхъ отрядовъ, даже въ Италіи, повторяю я, преобладаніе австрійской политики колеблется и становится сомнительнымъ.

Тоскливо оглядываясь вокругъ себя, отъискивая испуганнымъ взоромъ друзей и единомышленниковъ, князь Меттернихъ попробовалъ пустить въ ходъ старое средство, приносившее такіе блестящіе результаты въ Ахенѣ, въ Тропавѣ, въ Лайбахѣ и въ Веронѣ;онъ попробовалъ освѣжить идею священнаго союза и пригласилъ короля Прусскаго пріѣхать въ одинъ изъ городовъ Австріи для совѣщанія съ императоромъ Францомъ о дѣлахъ Европы. Свиданіе между вѣнценосцами произошло въ Мюнхенъ-Грецѣ въ Богеміи, но не принесло тѣхъ послѣдствій, которыхъ такъ усердно добивался Меттернихъ. Тѣсный, оборонительный и наступательный союзъ, котораго желалъ Меттернихъ не состоялся, потому что Пруссія не обнаружила того консервативнаго рвенія, которымъ пылалъ австрійскій министръ. Не одобряя дѣйствій французскаго правительства въ папской области, Пруссія ограничилась однако тѣмъ, что выразили это неодобреніе очень миролюбивымъ тономъ, въ очень умѣренныхъ дипломатическихъ нотахъ. Нота австрійскаго правительства, напротивъ того, была написана рѣзко, она обвиняла французскій кабинетъ въ поощреніи безпорядковъ и объявляла торжественно, что Австрія, Пруссія и Р—ія готовы съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать спокойствіе въ тѣхъ странахъ, которыя Франція волнуетъ своимъ вліяніемъ. Ни Пруссія, ни Р—ія не уполномочивали Меттерниха пользоваться ими; грозя Франціи вооруженнымъ вмѣшательствомъ трехъ великихъ державъ, нашъ дипломатъ обѣщалъ больше, чѣмъ онъ могъ выполнить; французское правительство поняло это, и отвѣчало очень рѣшительно, что Франція никогда не потерпитъ ничьего вмѣшательства въ Бельгіи, въ Швейцаріи и въ Піемонтѣ. Въ Бельгіи и въ Швейцаріи—это еще ничего! Но *въ Піемонтѣ*, лежащемъ на границѣ Ломбардо-Венеціанскаго Королевства! Въ Піемонтѣ не имѣть права возстановлять порядокъ— это, по мнѣнію Меттерниха, значило отказаться отъ итальянскихъ владѣній, значило признать себя побѣжденнымъ до начала сраженія. А между тѣмъ, какъ ни страдало сердце государствен-

наго канцлера, пришлось покориться и этому тягостному ограниченію. Находясь въ крайнезатруднительномъ положеніи, Меттернихъ попробовалъ пропустить мимо ушей то, что было сказано о Піемонтѣ; онъ отвѣчалъ французскому посланнику, что требованія Франціи касательно Бельгіи и Швейцаріи совершенно законны; французскій посланикъ замѣтилъ ему, что онъ забываетъ Піемонтъ; Меттернихъ выразилъ притворное удивленіе, потомъ благородное негодованіе, но французскій дипломатъ продолжалъ настаивать; Англія также поддержала это послѣднее требованіе, и Меттерниху пришлось уступить, потому что ни Пруссія, ни Россія не изъявляли желанія проливать кровь своихъ гражданъ за неприкосновенность австрійскихъ владѣній въ Италіи, и за торжество меттерниховой системы въ континентальной Европѣ.

Тайная ненависть Меттерниха къ королю, Людовику Филиппу, возвысившемуся путемъ революціи, постепенно возрастала по мѣрѣ того, какъ политика новаго французскаго правительства парализировала его вліяніе на европейскія событія. Въ рукахъ Меттерниха находилось вѣрное средство надѣлать этому ненавистному правительству множество хлопотъ; при австрійскомъ дворѣ жилъ герцогъ Рейхштатскій, о которомъ я уже упоминалъ въ предъидущей статьѣ, и этимъ именемъ можно было бы отъ времени до времени грозить орлеанской династіи точно также, какъ, до ея вступленія на престолъ, грозили династіи Бурбоновъ. Но угрозы Меттерниха выполнялись такъ рѣдко, и въ этомъ случаѣ выполненіе ихъ было такъ ненадежно, что правительство Людовика Филиппа выслушало ихъ съ полнымъ равнодущіемъ, зная, какъ нельзя лучше, что императоръ Францъ I никогда не выпуститъ своего внука изъ Вѣны и не позволитъ ему отвѣдать заманчиво-тревожной жизни политическаго авантюриста. Герцогъ Рейхтштатскій хорошо понималъ свое положеніе и не могъ съ нимъ помириться. Ему пошелъ двадцать второй годъ; онъ былъ уменъ и честолюбивъ; подвиги его отца рисовались ему какими-то баснословными дѣяніями сказочнаго героя; они раскаляли его молодое воображеніе; онъ чувствовалъ въ себѣ силы идти путемъ своего отца, онъ рвался къ шумной дѣятельности, онъ задыхался въ атмосферѣ вѣнскихъ салоновъ; его не пускали на волю, а между тѣмъ онъ зналъ, что многочисленная партія требуетъ его присутствія во Франціи; постоянная тревога, постоянно сдерживаемыя нравственныя страданія разбили его здоровье, онъ истомился, зачахъ и въ 1832 году умеръ

въ той самой комнатѣ Шенбрунскаго замка, въ которой отецъ его въ былые годы диктовалъ Австріи условія унизительнаго мира.

Смерть герцога Рейхштатскаго разстроила на время надежды бонапартистовъ во Франціи, но надежды эти сосредоточились скоро съ новою силою на одномъ изъ племянниковъ «великаго императора», на томъ самомъ, которому удалось совершить переворотъ 2 декабря 1851 года.

Чисто германскія дѣла требовали со стороны Меттерниха самаго неуклоннаго вниманія; подъ вліяніемъ іюльскихъ событій 1830 года, въ германской націи просыпались тѣ опасныя стремленія къ національному единству и къ самоуправленію, которыя австрійскій министръ успѣлъ задушить послѣ войны съ Наполеономъ I. Симптомы болѣзни были тѣ же; стало быть, надо было, по мнѣнію Меттерниха, пустить въ ходъ тѣ лекарства, которыхъ дѣйствіе уже было испытано въ прошедшемъ кризисѣ. Опять началась дѣятельная переписка вѣнскаго кабинета съ различными дворами Германіи; однихъ упрашивали, другихъ увѣщевали, третьихъ усовѣщивали; всѣмъ грозили ужасами революціи, отъ всѣхъ требовали энергическихъ мѣръ. Энергическія мѣры, которыхъ требовалъ Меттернихъ, состояли въ усиленіи полицейскаго надзора, проявляющагося въ самыхъ разнообразныхъ и замысловатыхъ формахъ; во Франкфуртѣ на Майнѣ была учреждена центральная слѣдственная коммисія, что-то въ родѣ комитета общественной безопасности; эта коммисія должна была преслѣдовать и отъискивать либерализмъ во всемъ, — — — прежде всего упала, конечно, гроза на литературу, на журналистику и на книжную торговлю; посыпались аресты, денежные штрафы и запрещенія; всякія политическія сходки и народные праздники были запрещены; политическія рѣчи считались преступленіемъ; кокарда на шляпѣ или цвѣтная лента въ костюмѣ считались нарушеніемъ общественнаго спокойствія. имя Меттерниха, которому совершенно основательно приписывалась иниціатива реакціонныхъ мѣръ, сдѣлалось предметомъ ненависти — — — сеймъ служившій Меттерниху послушнымъ орудіемъ потерялъ всякое значеніе въ глазахъ націи; его узаконенія и декреты, издававшіеся цѣлыми десятками по поводу самыхъ ничтожныхъ происшествій, надоѣли всѣмъ и возбуждали презрительный смѣхъ; слабость и робость центральнаго правительства, душою котораго былъ Меттернихъ, выражалась самымъ нагляднымъ образомъ въ этомъ ни на что не нужномъ обиліи указовъ и постановленій, постоянно нов-

торявшихся и постоянно нарушавшихся. Между тѣмъ, неудовольствіе народа прорывалось въ частныхъ демонстраціяхъ; старыя, бытовыя формы, подправленныя въ 1815 году не удовлетворяли молодаго поколѣнія, на глазахъ котораго совершились іюльскія событія. Меттернихъ все-таки не понялъ и не хотѣлъ понять, того, что нація стремится къ новой политической жизни, и что ни полумѣры, ни уступки, не заставятъ ее помириться съ положеніемъ дѣлъ, Онъ думалъ, что разогнать преставительное собраніе значитъ уничтожить въ народѣ стремленіе къ самоуправленію; запретить книгу или газету значило, по его мнѣнію, искоренить тотъ вредный образъ мыслей, которому она обязана своимъ происхожденіемъ. Словомъ, вдавливая внутрь проявленіе какого-нибудь принципа, Меттернихъ думалъ уничтожить самый принципъ. Такимъ образомъ, имѣя въ виду радикальное успокоеніе Германіи, стремившейся, по его мнѣнію, къ губительной анархіи, Меттернихъ въ началѣ 1834 года собралъ въ Вѣнѣ посланниковъ отъ всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, для того, чтобы, по общему соглашенію совокупными силами раздавить революціонную партію въ Германіи. Изъ рѣчи, которую Меттернихъ произнесъ передъ началомъ перваго засѣданія, видно, какое огромное значеніе онъ придавалъ этой партіи:

«Волненія нашей эпохи, говорилъ между прочимъ австрійскій министръ, породили партію, которой смѣлость, поощряемая нашею уступчивостью, дошла до непозволительной дерзости. Враждуя съ властями и авторитетами, считая себя призванною къ господству, эта партія среди общаго политическаго мира поддерживаетъ внутреннюю войну, отравляетъ духъ и настроеніе народа, соблазняетъ юношество, отуманиваетъ даже людей зрѣлаго возраста, путаетъ и искажаетъ всѣ общественныя и частныя отношенія, сознательно подстрекаетъ подданныхъ къ систематическому недовѣрію противъ законныхъ государей, и проповѣдуетъ разрушеніе и уничтоженіе всего существующаго. Эта партія успѣла вселиться въ представительныя собранія, учрежденныя въ германскихъ государствахъ. Дѣйствуя по строго обдуманному плану, она сначала довольствовалась тѣмъ, что въ палатахъ депутатовъ составила противувѣсъ вліянію правительствъ. На этомъ ея стремленія не остановились; они старались усилить свое значеніе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заключить правительственную власть въ возможно-тѣсныя границы; наконецъ они пожелали, чтобы дѣйствительная власть изъ рукъ вѣнценосца была перенесена въ представительныя собра-

тія... И, должно сознаться, партія эта, къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, достигаетъ своей цѣли; если высококатящіяся волны этого направленія не встрѣтятъ на пути своемъ крѣпкой плотины, если успѣхамъ этой партіи не будетъ положенъ конецъ, то въ скоромъ времени, изъ рукъ многихъ правителей ускользнетъ послѣдняя тѣнь монархической власти».

Открывшись рѣчью государственнаго канцлера, вѣнскія конференціи повели къ слѣдующимъ результатамъ: протоколлъ 12 іюня 1834 года отнялъ у представительныхъ собраній Германскихъ государствъ все ихъ дѣйствительное значеніе; эти собранія лишились права отказывать правительствамъ въ податяхъ и налогахъ и обсуживать государственный бюджетъ. Университеты и вся система народнаго образованія были подчинены строгому полицейскому надзору; значеніе суда присяжныхъ въ дѣлѣ литературныхъ преступленій было стѣснено вмѣшательствомъ администраціи; представительныя собранія, школы и литература—словомъ, всѣ проявленія народной мысли были систематически сдавлены; большая часть статей этого протоколла, по рѣшенію совѣщавшихся лицъ, была оставлена въ тайнѣ; примѣръ Карла X и его ордонансовъ былъ еще слишкомъ свѣжъ въ памяти Меттерниха; рѣшаясь подражать дѣйствіямъ неосторожнаго французскаго короля, Меттернихъ не рѣшался подражать его отважной откровенности. Должно замѣтить, что нѣкоторые изъ германскихъ государей съ неудовольствіемъ исполняли рѣшенія вѣнскихъ конференцій; они понимали, что подобныя распоряженія отнимаютъ у правительства всякую нравственную опору, подрываютъ и губятъ его популярность, ставятъ его въ открытую оппозицію съ разумными стремленіями націи. «Намъ, пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ государей, слѣдовало бы огорчаться результатами вѣнскихъ конференцій; онѣ отняли у насъ любовь и довѣріе нашихъ подданныхъ; мы лишились ихъ по милости Меттерниха. Если мы когда-нибудь снова достигнемъ сочувствія нашего народа, то это будетъ, съ нашей стороны, великая заслуга; но, говоря откровенно, я не знаю, какимъ образомъ можно будетъ засыпать бездну, отдѣляющую теперь престолъ отъ хижинъ простыхъ гражданъ, государя отъ народа».

Государи, лично заинтересованные въ поддержаніи монархическаго принципа, были такимъ образомъ недовольны излишнею услужливостью и безтолковымъ усердіемъ Меттерниха, громко величавшаго себя самою надежною опорою европейскихъ престоловъ. Государи уп-

рекали его въ томъ, что онъ вредилъ ихъ дѣйствительнымъ интересамъ и компрометировалъ ихъ имена въ общественномъ мнѣніи. Меттернихъ не могъ не знать ихъ мнѣнія; онъ самъ, разными дипломатическими маневрами, угрозами и притѣсненіями навязывалъ свою политику тѣмъ государямъ Германіи, которые не хотѣли отнимать назадъ предоставленныя права; такъ поступилъ онъ съ Баденскимъ великимъ герцогомъ, а поступая такимъ образомъ, онъ уже не могъ говорить, что отстаиваетъ права монарховъ; и дѣйствительно, Меттернихъ не былъ чистосердечнымъ монархистомъ; онъ былъ бюрократомъ и, какъ бюрократъ, тѣснилъ и преслѣдовалъ выборное начало.

X.

2-го марта 1835 года умеръ императоръ Францъ I, и политическій міръ Европы задалъ себѣ интересный вопросъ: какимъ образомъ, и въ какомъ отношеніи измѣнится положеніе князя Меттерниха? Императоръ и его первый министръ, действовавшіе заодно впродолженіи 25 лѣтъ, сжились между собою, коротко узнали другъ друга и не разстались бы ни въ какомъ случаѣ, хотя бы императоръ Францъ прожилъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ. Гибкость и уступчивость князя Меттерниха уже давно расположила въ его пользу Франца I, нетерпѣвшаго ни въ комъ изъ своихъ приближенныхъ присутствія собственной воли и самостоятельныхъ убѣжденій; между императоромъ и министромъ существовало различіе, но это различіе исчезало въ практической дѣятельности, благодаря драгоцѣнному свойству Меттерниха безъ малѣйшей боли отступать отъ идей и принциповъ. Францъ I былъ вѣрующій католикъ, Меттернихъ былъ скептикъ и индифферентистъ; Францъ I былъ злопамятенъ и мстителенъ; Меттернихъ легко забывалъ обиды и никогда никого не преслѣдовалъ своею ненавистью; Францъ въ своемъ отвращеніи къ нововведеніямъ доходилъ до слѣпаго фанатизма; Меттернихъ былъ не прочь отъ мелкихъ улучшеній, лишь бы только проэктъ подобныхъ улучшеній былъ выработанъ правительственнымъ лицомъ и облеченъ въ канцелярскія формы. Меттернихъ очень часто не сочувствовалъ распоряженіямъ своего государя, но всегда являлся его послушнымъ орудіемъ; Францъ I намѣчалъ общее направленіе, въ которомъ слѣдуетъ вести дѣло, а Меттернихъ, сохраняя про себя свое сочувствіе или несочувствіе, при-

думывалъ, какимъ образомъ провести это направленіе въ отдѣльныя отрасли администраціи. При жизни императора Франца, Меттернихъ составилъ проэктъ амнистіи для политическихъ преступниковъ Ломбардіи; императоръ не утвердилъ этого проэкта, Меттернихъ немедленно отложилъ его въ сторону и съ прежнимъ усердіемъ продолжалъ поддерживать тѣ мелкія притѣсненія, на которыя жалуются въ своихъ мемуарахъ Сильвіо Пеллико, Паллавичино и другіе шпильбергскіе арестанты. Францу I нуженъ былъ расторопный исполнитель и Меттернихъ, изучившій своего государя, былъ незамѣнимъ для императора Франца, какъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

Какъ посмотритъ на этого чиновника новый государь, и съумѣетъ ли шестидесятилѣтній министръ съ надлежащею быстротою примаровиться къ новымъ требованіямъ, — вотъ какъ формулировался вопросъ, занимавшій умы европейскихъ дипломатовъ въ первое время послѣ смерти стараго императора. Новый государь, тридцатишестилѣтній Фердинандъ I, носившій титулъ короля венгерскаго со времени своей коронаціи въ Пресбургѣ, въ сентябрѣ 1830 г., почти ни въ чемъ не былъ похожъ на своего отца; онъ былъ человѣкъ очень болѣзненный, съ трудомъ могъ сосредоточить свои мысли на обсужденіи серьезнаго предмета и не выдерживалъ двухчасоваго засѣданія въ государственномъ совѣтѣ; всѣ люди, знавшіе его въ то время, когда онъ былъ еще наслѣднымъ принцемъ, любили его за кроткій нравъ и отъ души жалѣли о томъ, что болѣзнь, ослабляющая умственныя способности, мѣшаетъ новому государю провести въ жизнь съ должною энергіею свои человѣколюбивыя стремленія. Первымъ дѣломъ Фердинанда по вступленіи на престолъ было облегченіе участи Итальянцевъ, заключенныхъ въ Шпильбергѣ и въ Мункачѣ; узникамъ этимъ позволено было выселиться въ Америку. Фердинандъ могъ сдѣлать много частичнаго добра, но измѣнить господствующее направленіе политики онъ не былъ въ состояніи; съ благоговѣніемъ почтительнаго сына принялъ онъ изъ рукъ отца санъ императора, а вмѣстѣ съ этимъ саномъ получилъ инструкціи, въ непреложность которыхъ онъ безусловно вѣрилъ. Всѣ старые слуги Франца I были оставлены на прежнихъ мѣстахъ и князь Меттернихъ, вскорѣ послѣ смерти стараго императора получилъ отъ Фердинанда собственноручное, ласковое письмо, въ кокоромъ новый государь благодарилъ министра за услуги, оказанныя имъ габсбургскому дому и австрійской имперіи, и просилъ по прежнему отправлять обязанности государственнаго канцлера. Несмотря на

это любезное обращеніе Фердинанда къ старому слугѣ покойнаго отца, положеніе Меттерниха при новомъ правительствѣ чувствительно измѣнялось. При Францѣ государственный канцлеръ былъ исполнителемъ монаршей воли, и представителемъ высочайшей особы, и потому все безропотно и безпрекословно склонялось предъ его могуществомъ. При Фердинандѣ этого не могло быть, потому что во 1-хъ, у императора не было опредѣленной воли, и потому что, во 2–хъ, князь Меттернихъ вовсе не пользовался его исключительнымъ или даже преобладающимъ расположеніемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, природный Чехъ, графъ Коловратъ-Либштейнскій, послѣ смерти Франца явился соперникомъ государственнаго канцлера, и несогласія между этими важнѣйшими правительственными лицами стали часто нарушать ходъ административныхъ распоряженій. Коловратъ, какъ государственный человѣкъ, былъ даровитѣе, смѣлѣе и популярнѣе Меттерниха, но главною причиною размолвокъ между обоими министрами было не столько существенное различіе въ коренныхъ убѣжденіяхъ, сколько мелочное желаніе каждаго изъ нихъ поставить на своемъ и подчинить соперника своему вліянію. Несогласія начались съ того, что Коловратъ составилъ проэктъ о новомъ устройствѣ государственнаго совѣта, а Меттернихъ изъявилъ желаніе учредить конференціонный совѣтъ, какъ высшую административную инстанцію.

Государственный совѣтъ въ то время фактически не существовалъ; онъ никогда не собирался въ полномъ своемъ составѣ и только отдѣльные департаменты его имѣли дѣйствительное значеніе; между тѣмъ Коловратъ пользовался титуломъ председателя государственнаго совѣта, и ему хотѣлось придать этому титулу фактическую силу; для этого надо было по его мнѣнію превратить государственный совѣтъ въ высшее государственное мѣсто, предоставить председателямъ его отдѣльныхъ департаментовъ право дѣлать словесные доклады самому императору, и учредить общія собранія всѣхъ департаментовъ. Председателемъ этого общаго собранія государственнаго совѣта былъ бы конечно графъ Коловратъ, и черезъ это его вліяніе могло бы даже перевѣсить значеніе князя Меттерниха.

Но Меттернихъ также не оставался въ бездѣйствіи; его сторону держалъ эрцгерцогъ Людовикъ, братъ покойнаго Франца I, и оба совокупными силами противодѣйствовали проэкту Коловрата; они считали исполненіе этого проэкта опаснымъ они боялись, чтобы государственный совѣтъ, соединившись въ одно административное цѣ-

лое, не составилъ сильной оппозиціи намѣреніямъ и стремленіямъ самодержавнаго правителя; со стороны Меттерниха къ этимъ опасеніямъ примѣшивалось конечно въ значительной степени невысказанное, чисто личное и очень мелкое чувство зависти къ возрастающему вліянію Коловрата. Чтобы ни ни въ какомъ случаѣ не предоставить послѣднему рѣшительнаго перевѣса, Меттернихъ предложилъ оставить государственный совѣтъ въ покоѣ, и дать новое устройство конференціонному совѣту, въ которомъ окончательно обсуживались и рѣшались важные государственные вопросы. Членами этого совѣта были только Меттернихъ и Коловратъ. Когда они не соглашались между собою, тогда не было ни какой возможности рѣшить предложенный вопросъ, и государственная машина принуждена была остановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока не уступитъ кто нибудь изъ обоихъ членовъ конференціи. Обыкновенно примирителемъ и посредникомъ являлся эрцгерцогъ Людовикъ. Чтобы положить конецъ этимъ неудобствамъ, Меттернихъ предложилъ принять эрцгерцоговъ Людовика и Франца въ число постоянныхъ членовъ конференціоннаго совѣта. Въ конференціи оказалось бы такимъ образомъ четыре члена, и перевѣсъ голосовъ постоянно находился бы на сторонѣ государственнаго канцлера, потому что оба эрцгерцога вѣрили въ непогрѣшимость его политическихъ мнѣній. Планъ Меттерниха встрѣтилъ себѣ сочувствіе въ императорской фамиліи, а Коловратъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, удалился отъ государственныхъ дѣлъ и уѣхалъ въ свои помѣстья. Безъ него не съумѣли управиться; эрцгерцоги старались помирить его съ Меттернихомъ и кончилось тѣмъ, что Коловратъ возвратился въ Вѣну, принялъ на себя управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ финансовъ; отказался отъ перестройки государственнаго совѣта и согласился вмѣстѣ съ Меттернихомъ и двумя эрцгерцогами засѣдать въ государственной конференціи. Государственныя дѣла пошли своимъ обычнымъ ходомъ, еще вялѣе, еще медленнѣе, чѣмъ они шли при Францѣ I; всѣ важные чиновники чувствовали необходимость перемѣны, но никто изъ нихъ не зналъ, какъ приступить къ дѣлу, что измѣнить, что оставить по старому. Громадность задачи пугала ихъ тѣмъ болѣе, что ни на одномъ пунктѣ они не могли между собою согласиться. Всѣ они чего-то ожидали, чего-то боялись, и не смѣли притронуться къ существующимъ учрежденіямъ. Смерть Франца I лишила австрійское правительство того начала инииціативы, которымъ оно отличалось въ первой четверти нынѣш-

няго столѣтія; Меттернихъ, являвшійся услужливымъ исполнителемъ предначертаній, не былъ способенъ дѣйствовать въ духѣ покойнаго императора съ тою твердостью и послѣдовательностью, какою отличался Францъ I. При жизни Франца, Меттернихъ могъ опереться на него и поставить себя подъ его защиту; онъ дѣйствовалъ по приказанію государя и зналъ, что его не дадутъ въ обиду; при Фердинандѣ надо было держать себя иначе: возбуждать неудовольствіе подданныхъ непопулярными мѣрами было опасно, потому что добродушный и слабохарактерный императоръ не рѣшился и не съумѣлъ бы наперекоръ общественному мнѣнію защищать даже своего любимца, а Меттернихъ пользовался только офиціальнымъ уваженіемъ государя, и не внушалъ ему особенной симпатіи. Еслибы Меттернихъ деспотическими распоряженіями разбудилъ бы противъ себя въ австрійскихъ подданныхъ ту ненависть, которую уже давно чувствовали къ нему иностранцы, то онъ упалъ бы съ своего высокаго мѣста; онъ это зналъ и потому угнетая Нѣмцевъ и Итальянцевъ сѣтью дипломатическихъ интригъ, держалъ себя очень осторожно въ отношеніи къ ближайшимъ подданнымъ своего государя. Онъ постоянно уступалъ требованіямъ венгерской оппозиціи, и уступалъ изъ личнаго чувства самосохраненія въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ, съ точки зрѣнія монархическаго принципа, слѣдовало пустить въ ходъ энергическія мѣры. Въ 1836 году Кошутъ въ первый разъ обнародовалъ засѣданія венгерскаго сейма, распустивъ по всей Венгріи литографированные отчеты. Правительство сдѣлало попытку остановить обращеніе этихъ листовъ, но встрѣтило сильное сопротивленіе, и не смѣя раздражать энергическую націю, сдѣлало важную уступку: съ 1839 года въ венгерскихъ газетахъ стали печататься подробные отчеты о засѣданіяхъ сейма, и нѣмецкій языкъ былъ вытѣсненъ изъ оффиціальныхъ актовъ. Чувство національности, подавленное системою Франца I и его предшественниковъ, стало расправлять свои крылья, и почти мгновенно выросло на глазахъ самого Меттерниха, который конечно не сочувствовалъ ея проявленіямъ и между тѣмъ не смѣлъ прикоснуться къ тому, за что народъ готовъ былъ поднять оружіе. Уступки, которыя Меттернихъ дѣлалъ требованіямъ массъ, не возбуждали къ нему сочувствія, и не оправдываютъ его личности въ глазахъ исторіи. Уступки эти были чисто вынужденныя; народности, обращавшія ихъ въ свою пользу, презирали министра за его слабость. Проявленіемъ слабости, слѣдствіемъ малодушнаго страха объяснялись и объясняются до сихъ поръ всѣ уклоненія Меттерниха отъ системы Франца I. Если Меттернихъ

не сочувствовалъ мѣрамъ своего покойнаго государя, то стало быть онъ служилъ при немъ изъ-за жалованья и и изъ-за внѣшняго почета; если онъ сочувствовалъ этимъ мѣрамъ, то стало быть онъ теперь отступилъ отъ нихъ вслѣдствіе мелкой трусости. Полиньякъ въ сравненіи съ Меттернихомъ является героемъ и мученикомъ. Чѣмъ ближе всматриваемся мы въ человѣческую личность Меттерниха, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ томъ, что въ ней нельзя найти ни одной выкупающей черты. Все въ этомъ человѣкѣ мелко, посредственно. Ни дальновидности, ни великодушія, ни даже мужественной твердости. Неумѣніе обсуживать государственные вопросы и неспособность твердо держаться принятаго рѣшенія кладутъ на всю дѣятельность Меттерниха послѣ смерти Франца I печать жалкаго безсилія и совершенной безхарактерности. Онъ постоянно идетъ ощупью, постоянно боится споткнуться на какомъ нибудь препятствіи; ему совѣстно стоять на одномъ мѣстѣ и страшно идти впередъ; народныя силы ему попрежнему неизвѣстны и попрежнему пугаютъ разными небывалыми признаками болѣзненно-настроенное воображеніе; ему вездѣ мерещится революція и онъ не знаетъ, въ какую сторону бѣжать отъ нея. Пруссія предлагаетъ напримѣръ, очень простой проэктъ: уничтожить заставы и таможни между германскими государствами и составить для всей Германіи общій таможенный уставъ: выгода очевидная; торговля оживится, потому что товары не будутъ задерживаться, общеніе между мелкими германскими государствами сдѣлается тѣснѣе и торговыя сношенія ихъ съ иностранцами будетъ удобнѣе; но Меттернихъ эту очевидную выгоду не принимаетъ въ соображеніе; онъ не понимаетъ того, что Австрія, взявши на себя устройство дѣла, выгоднаго для Германіи, можетъ усилить свое значеніе и увеличить политическое вліяніе. Проектъ Пруссіи тотчасъ возбуждаетъ въ немъ недовѣріе; онъ дипломатическимъ путемъ начинаетъ противудѣйствовать осуществленію, потомъ понемногу мириться съ нимъ, потомъ наконецъ становится покровителемъ той самой идеи, противъ которой онъ интриговалъ; но эту идею онъ не въ силахъ привести въ исполненіе; ее осуществляетъ уже послѣ паденія Меттерниха баронъ фонъ Брукъ, присоединившій Австрію къ германскому таможенному союзу въ 1853 году; между тѣмъ, толки о возможности подобнаго торговаго договора между Австріею и Германіею происходили еще въ 1834 году; спрашивается, по чьей милости девятнадцать лѣтъ прошло въ пустыхъ переговорахъ? Положимъ даже, что Меттернихъ чистосердечно желалъ успѣха этой реформѣ,

положимъ онъ даже работалъ въ ея пользу; это нисколько не снимаетъ съ него вины и отвѣтственности. Возникаетъ вопросъ, на который не съумѣютъ отвѣтить самые ревностные защитники государственнаго канцлера: отчего этотъ человѣкъ, собиравшій конгрессы и конференціи, въ родѣ карлсбадскихъ и вѣнскихъ, отчего этотъ самый человѣкъ былъ такъ слабъ, когда надо было и когда можно было принести управляемому народу существенную пользу? Въ этомъ вопросѣ заключается полное осужденіе Меттерниха.

XI.

Внѣшняя политика Меттерниха послѣ 1830 года и особенно послѣ смерти Франца I сдѣлалась совершенно робкою и нерѣшительною. Англія, Франція и даже Пруссія постоянно стремились къ расширенію своего политическаго вліянія, а между тѣмъ Австрія постоянно заботилась только о томъ, чтобы сохранить внѣшнюю представительность и удержать за собою блѣдную тѣнь того могущества которымъ она пользовалась послѣ 1815 года. Князь Меттернихъ терпѣлъ постоянныя пораженія на дипломатическомъ поприщѣ и только крайнею уступчивостью умѣлъ маскировать чувствительность этихъ неудачъ. Уступчивость эта, происходившая отъ безсилія и отъ робости, называлась благоразуміемъ и оправдывалась желаніемъ поддержать въ Европѣ миръ и спокойствіе. Греческое королевство, возникшее помимо воли и даже вопреки желанію Меттерниха,, рѣшительно не подчинялось вліянію Австріи; Бельгійское королевство отложилось отъ Нидерландовъ и, благодаря содѣйствію Франціи и Англіи, рѣшительно отстояло свою независимость, несмотря на пассивное сопротивленіе Австріи; Донъ Мигуэль, любимецъ Меттерниха и ревностный послѣдователь его политическихъ теорій, былъ изгнанъ изъ Португаліи, и Австрія не дѣлала въ его пользу ни малѣйшаго распоряженія; въ Испаніи вспыхнула революція, сбросившая съ престола Дона Карлоса, и Меттернихъ не рѣшился поддерживать изгнаннаго инфанта; всѣ политическіе вопросы рѣшались совершенно противно желанію австрійска о министра, и онъ оставался безгласнымъ, иногда слабо возражалъ, иногда пускалъ въ ходъ мелкую интрижку, но никогда не заявлялъ рѣшительнаго протеста, боясь пораженія, и не надѣясь на свои силы. Съ тѣхъ поръ, какъ Каннингъ разрушилъ

вѣру въ непогрѣшимость Меттерниха, ни одно дипломатическое предпріятіе не клеилось въ рукахъ австрійскаго министра, всѣ его попытки создать что нибудь подобное священному союзу не шли въ прокъ и вели только къ усиленію полицейскаго элемента въ управленіи Германіи, или къ изобрѣтенію какой нибудь новой стѣснительной мѣры въ отношеніи къ Италіи.

Въ 1832 году вся Европа обратила вниманіе на Турцію; египетскій паша Мегеметъ-Али, усилившійся въ своихъ владѣніяхъ, потребовалъ себѣ отъ султана сирійскій пашалыкъ. Султанъ отказалъ, и тогда сынъ Мегемета, Ибрагимъ вступилъ въ Сирію съ сильною арміею, разбивъ турецкое войско и черезъ Малую Азію грозилъ пройдти къ Константинополю. Султанъ обратился съ просьбою о помощи къ Р — іи; Р — ій флотъ отправился изъ Чернаго моря къ берегамъ Сиріи, и сильная армія вступила въ турецкія владѣнія; Меттернихъ пришелъ въ сильное безпокойство; онъ особенно боялся усиленія ближайшихъ сосѣдей Австріи, онъ предвидѣлъ, что р — ая армія рано или поздно одержитъ побѣду надъ Ибрагимомъ и что тогда р — ое правительство, выручившее султана изъ крайне опаснаго положенія, пріобрѣтетъ вліяніе на Турцію. Требовать отъ Р — іи, чтобы она не вмѣшивалась въ турецкія дѣла значило вызвать съ ея стороны рѣзкій отвѣтъ, нарушить дружескія отношенія съ р — имъ кабинетомъ и поставить себя въ необходимость, или молча перенести дерзость или объявить войну Р — и. Войны Меттернихъ не желалъ ни въ какомъ случаѣ; перспектива дипломатическаго пораженія также не имѣла для него ничего привлекательнаго; поэтому онъ, не говоря ни слова р — ому посланнику, рѣшился окольнымъ путемъ разстроить планы р — аго правительства. Чтобы сдѣлать вмѣшательство Россіи безполезнымъ и даже невозможнымъ, надо было помирить воюющія стороны. Мирить бунтующаго подданнаго съ законнымъ государемъ было конечно мудрено для такого усерднаго защитника легитимизма, какимъ любилъ себя выказывать передъ лицомъ Европы князь Меттернихъ. Съ точки зрѣнія системы, господствовавшей надъ континентальною Европою послѣ сверженія Наполеона I, съ точки зрѣнія той системы, которую Меттернихъ съ гордостью называлъ *своею*, слѣдовало, конечно, усмирить мятежника, возбудить въ немъ чистосердечное раскаяніе, и потомъ, смотря по желанію властелина, простить дерзкаго нарушителя общественнаго спокойствія или накинуть ему на шею шелковую петлю. Но, что дѣлать, легче составлять политическія

теоріи, чѣмъ примѣнять ихъ къ дѣлу. Въ настоящемъ случаѣ, для Меттерниха было гораздо важнѣе устранить вмѣшательство Р—іи, чѣмъ спасти достоинство законнаго государя Турецкой имперіи. Дерзкій мятежникъ Мегеметъ-Али не хотѣлъ идти съ повинною головою къ своему законному повелителю; считая себя побѣдителемъ, онъ очень настоятельно требовалъ себѣ Сирію и Меттернихъ, повидимому, нашелъ его требованіе законнымъ; по крайней мѣрѣ, австрійскій интернунцій при турецкомъ дворѣ поддерживалъ домогательства египетскаго паши и доказывалъ Портѣ необходимость уступить силѣ обстоятельствъ. Австрійская логика убѣдила султана и его совѣтниковъ; сирійскій пашалыкъ былъ отданъ Мегемету-Али и въ Кутаѣ былъ подписанъ договоръ, въ которомъ такимъ образомъ законный государь по совѣту легитимиста Меттерниха, во всѣхъ отношеніяхъ исполнялъ требованія своего возмутившагося подданнаго. Но въ то самое время, какъ Меттернихъ подавлялъ въ себѣ голосъ легитимизма для того, чтобы уничтожить вліяніе Р—іи на Турцію, это вліяніе упрочивалось и облекалось въ законную форму. Въ мѣстечкѣ Ункяръ-Скелесси былъ заключенъ въ это время оборонительный союзъ между Турціею и Р—іею. Меттерниха сильно встревожило извѣстіе объ этомъ договорѣ, который, по его мнѣнію, могъ повести къ общеевропейской войнѣ; въ этой войнѣ Австріи пришлось бы непремѣнно принять сторону того или другаго лагеря; можетъ быть, оказалась бы необходимость рѣшиться тогда, когда результатъ борьбы будетъ еще неизвѣстенъ; война на границахъ славянскихъ и мадьярскихъ владѣній Австріи могла надѣлать множество хлопотъ австрійскому правительству; усиленіе Р—іи было конечно не пріятно для патріотическаго сердца князя Меттерниха, но лучше было стерпѣть молча это усиленіе, чѣмъ изъ за него подвергать себя опасностямъ великой войны. Поэтому Меттернихъ, пожертвовавшій принципомъ легитимизма ради политическаго расчета, пожертвовалъ политическими расчетами ради самосохраненія; онъ боролся съ преобладаніемъ Р—іи въ Турціи, пока оно еще устанавливалось и пока можно было подорвать его дипломатическими интригами; какъ только оно явилось узаконеннымъ фактомъ, такъ Меттернихъ тотчасъ же покорился необходимости, и сталъ убѣждать представителей Франціи и Англіи послѣдовать его примѣру. Дѣйствительно, Франція и Англія успокоились, а Меттернихъ сблизился съ Р—іею, и заключилъ съ нею договоръ, въ силу котораго Австрія и Р—іа гарантировали не-

прикосновенность турецкихъ владѣній даже въ томъ случаѣ, если вымретъ царствующая династія. Конечно, всѣ эти дѣйствія Меттерниха не разрѣшали и не могли разрѣшить восточнаго вопроса; онѣ только отсрочивали смуты и раздоры на неопредѣленное время; внутренняя слабость Оттоманской имперіи не позволяла ей существовать самостоятельно; великія европейскія державы постоянно сосредоточивали свое вниманіе на Константинополѣ, чтобы не допустить до рѣшительнаго преобладанія котораго нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей Турціи. Англія, Франція и Австрія постоянно упражнялись въ дипломатическихъ состязаніяхъ, и можно было предвидѣть, не будучи ни пророкомъ, ни великимъ политикомъ, что эти оберегатели Оттоманской Порты рано или поздно передерутся между собою, не сойдясь въ обсужденіи какого нибудь спорнаго пункта. Зналъ или не зналъ Меттернихъ, что это такъ случится, все равно. Во всякомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ дѣйствуютъ люди, рѣшительно не заботящіеся о томъ, что будетъ впереди, лѣтъ черезъ десять или черезъ пятнадцать. Надо было кое-какъ увернуться отъ войны, и если это удавалось, Меттернихъ оказывался совершенно довольнымъ, не замѣчая того, что количество горючаго матеріала постоянно увеличивалось, и что, отсрочивая взрывъ, можно было увеличить его потрясающую силу. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Мегеметъ-Али опять обезпокоилъ султана; онъ потребовалъ, чтобы его пашалыкъ былъ объявленъ наслѣдственнымъ въ его родѣ; когда ему отказали, онъ захватилъ въ плѣнъ весь турецкій флотъ и разбилъ армію султана при Низибѣ въ іюнѣ 1839 года; въ это самое время умеръ султанъ Махмудъ II и весь дипломатическій міръ Европы пришелъ въ волненіе; всѣ государственные люди ожидали, что Р—ія, поручившаяся въ неприкосновенности турецкихъ владѣній, введетъ свои войска въ Турцію, чтобы охранять ее отъ притязаній египетскаго паши; если бы это случилось, то столкновеніе между Р—іею съ одной стороны и Англіею и Франціею съ другой было бы неизбѣжно. Франція уже высказала свое сочувствіе Мегемету-Али; Англія держала сторону Порты и въ этомъ отношеніи сходилась съ Р—іею; но если бы Р—ія захотѣла взять въ опеку султана Абдулъ-Меджида и занять турецкія области своими войсками, тогда, по всей вѣроятности, Англія и Франція совокупными силами вступили бы въ борьбу съ Р—іею. Чтобы еще разъ отклонить предстоящую войну, Меттернихъ убѣдилъ Порту просить посредничества пяти великихъ державъ въ дѣлѣ съ Мегеметомъ-Али.

Порта послѣдовала его совѣту и въ августѣ 1839 года обратилась къ представителямъ пяти державъ съ формальною просьбою усмирить бунтующаго пашу. Когда бы такимъ образомъ всѣ великія державы принялись за это дѣло, тогда конечно вліяніе Р—іи на турецкія дѣла оказалось бы значительно ослабленнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, ближайшій поводъ къ войнѣ былъ бы устраненъ.

Р—ія не сопротивлялась плану Меттерниха; въ Лондонѣ шли даже переговоры между Р—іею и Англіею о томъ, чтобы составить союзъ для защиты Турціи: но Франція, поддерживавшая пашу, рѣшительно не соглашалась принимать участія въ предлагаемомъ посредничествѣ и старались найти себѣ союзника въ Австріи. Можно было сказать навѣрное, что эти старанія будутъ совершенно безуспѣшны; кто сколько нибудь зналъ Меттерниха, тотъ могъ себѣ легко престaвить, какъ онъ посмотритъ на предложеніе Франціи; если бы Австрія присоединилась къ Франціи, тогда оказалось, бы что двѣ великія державы идутъ противъ двухъ другихъ великихъ державъ; обѣ враждующія партіи оказались бы почти равносильными и слѣдовательно исходъ борьбы между кабинетами или между войсками былъ бы крайне сомнителенъ; если бы напротивъ того, Австрія стала на сторону Р—іи и Англіи, тогда пошли бы три державы противъ одной; въ первомъ случаѣ можно было предполагать, что дѣло дойдетъ до войны; во второмъ случаѣ трудно было себѣ представить, чтобы одна Франція, и притомъ Франція Людовика-Филиппа, рѣшилась за египетскаго пашу вызывать на бой почти всю Европу; миролюбивыя наклонности князя Меттерниха побуждали его сблизиться съ Р—іею и Англіею, чтобы такимъ образомъ показать Франціи, что ея оппозиція будетъ безполезна; кромѣ того, примыкая къ Англіи и Р—іи, Меттернихъ доставлялъ имъ рѣшительный перевѣсъ въ случаѣ войны. Тутъ не зачѣмъ было болѣе колебаться, и Меттернихъ, въ совѣщаніи съ французскимъ посланникомъ Сент-Олеромъ, посовѣтовалъ ему передать своему правительству, чтобы оно не сопротивлялось единодушному желанію европейскихъ державъ. «Я всѣмъ подаю совѣты, говорилъ государственный канцлеръ, я выслушиваю, умѣряю страсти; но я не могу и не хочу сдѣлаться рѣшительнымъ приверженцемъ той или другой партіи. Я желаю сохраненія мира, согласія между державами; такъ какъ въ Лондонѣ происходятъ совѣщанія, то я не понимаю, почему Франція, по необъяснимой любви къ пашѣ, держится въ сторонѣ отъ обще-европейскаго дѣла. Если вы хотите знать мое мнѣніе,

то, по моему, лучше всего согласиться съ тѣмъ, что будетъ рѣшено съобща, потому что это рѣшеніе вѣроятно будетъ основательно и дѣльно. Мы не хотимъ исключать Францію, но мы также вовсе не желаемъ, чтобы Франція взяла насъ на буксиръ. Эти слова, произнесенныя Меттернихомъ осенью 1839 года, показывали ясно, что онъ рѣшился дѣйствовать за-одно съ Англіею и Р—іею, предоставляя впрочемъ своимъ союзникамъ полное право драться за общее дѣло и безъ его содѣйствія проливать кровь и пожинать лавры. Впрочемъ, дѣло тянулось еще болѣе полугода; только лѣтомъ 1840 года, 15 іюля былъ подписанъ союзный договоръ между Р—іею, Англіею, Пруссіею и Австріею; этимъ договоромъ четыре державы обязывались противодѣйствовать неумѣреннымъ требованіямъ Мегемета-Али, и поставить его въ прежнія отношенія къ султану. Сообразно съ условіями дипломатической вѣжливости, подписавшіяся державы черезъ своихъ представителей предложили и Франціи приступить къ союзу, но Франція на это любезное предложеніе отвѣчала сухимъ отказомъ и даже встревожила князя Меттерниха, принявъ воинственную осанку; во главѣ французскаго министерства стоялъ въ то время историкъ Тьеръ, восторженный поклонникъ Наполеона I, человѣкъ честолюбивый, энергическій, мечтавшій о военной славѣ и вполнѣ способный затѣять обще-европейскую войну изъ тщеславія, изъ любви къ блеску и треску оружія. Конечно, воинственные порывы Тьера умѣрялись холодною расчетливостью короля Людовика-Филиппа, но тѣмъ не менѣе, Франція стала вооружаться, и Меттернихъ съ безпокойствомъ обратился за объясненіями къ Ст-Олеру. «Къ чему эти поспѣшныя приготовленія, говорилъ онъ. Неужели вы хотите войны? Мы такъ миролюбивы, а вы намъ грозите. Неужели вамъ хочется, чтобы Германія поднялась такъ, какъ она поднималась въ 1813 году? Если это случится, то это поведетъ къ важнымъ послѣдствіямъ и тогда ни за что нельзя поручиться». Это совершенно справедливо; если бы Германія въ 1840 году поднялась бы съ тѣмъ энтузіазмомъ, который она обнаружила въ войнѣ съ Наполеономъ I, тогда конечно нельзя было бы поручиться за неприкосновенность Австріи и за министерство Миттерниха. Государственный канцлеръ очень хорошо понималъ, что ему самому воодушевленіе Германіи можетъ повредить гораздо сильнѣе, чѣмъ Людовику-Филиппу и Франціи. Это обстоятельство было, конечно, одною изъ важнѣйшихъ причинъ его миролюбивой политики.

Подписавши союзный договоръ, Меттернихъ, несмотря на всю свою дипломатическую осторожность, рѣшился даже послать къ берегамъ Сиріи небольшую флотилію, которая вмѣстѣ съ англійскою эскадрою Стопфорда взяла нѣсколько приморскихъ крѣпостей и такимъ образомъ значительно поколебала настойчивость египетскаго паши. Это распоряженіе Меттерниха объясняется тѣмъ, что, поступая такимъ образомъ, Австрія ничѣмъ не рисковала и между тѣмъ доказывала свою энергію, являясь въ числѣ самыхъ ревностныхъ исполнителей подписаннаго договора. Порта захотѣла выместить на Мегеметѣ-Али тотъ страхъ, который египетскій паша не разъ нагонялъ на нее своими побѣдами; она объявила его отставленнымъ отъ управленія Египтомъ; англійское правительство, въ лицѣ лорда Пальмерстона, сочувствовало этому распоряженію и желало продолжать военные подвиги противъ Сиріи и Египта. Франція значительно понизила свои требованія и желала только, чтобы Мегеметъ-Али остался наслѣдственнымъ правителемъ Египта; о Сиріи же не было рѣчи, потому что она, благодаря дѣйствіямъ англо-австрійскаго флота, была предоставлена въ полное распоряженіе султана. Тьеръ вышелъ въ отставку и вмѣстѣ съ нимъ исчезло воинственное настроеніе французскаго правительства. Меттернихъ былъ очень радъ помириться съ Франціею и съ удовольствіемъ согласился отстоять пашу отъ Порты и отъ Англіи; продолжать обстрѣливаніе сирійскихъ береговъ значило работать въ пользу Англіи и дать ей возможность захватить два три приморскихъ пункта—этого Меттерниху конечно не хотѣлось; онъ отозвалъ австрійскую эскадру, и говорилъ, что считаетъ египетское дѣло оконченнымъ; о воинственныхъ стремленіяхъ Англіи онъ сталъ отзываться съ неудовольствіемъ. «Это сумашедшій, говорилъ онъ о лордѣ Понсонби, англійскомъ посланникѣ въ Константинополѣ; онъ способенъ заключить миръ или объявить войну, не обращая вниманія на положительныя приказанія своего двора; онъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ прекрасный, но сумашедшій. Впрочемъ, теперь онъ можетъ дѣлать, что ему угодно; исторія эта кончена». Дѣйствительно, ни одна изъ великихъ державъ, кромѣ Англіи, не была заинтересована въ продолженіи войны, и потому всѣ согласились съ предложеніемъ Меттерниха оставить Мегемета-Али въ покоѣ, предоставляя ему владѣть Египтомъ и завѣщать его своему сыну. Мегеметъ-Али, рисковавшій потерять все, съ радостью согласился на предложенныя условія и вопросъ оказался такимъ образомъ рѣшеннымъ, несмотря на усилія Пальмерстона запутать дѣло

и затянуть войну. Австрія вышла съ честью изъ этого дѣла и вынесла изъ него много существенныхъ выгодъ; и, поддержавши въ рѣшительную минуту Мегемета-Али, упрочила и скрѣпила дружескія отношенія съ Франціею. Впрочемъ весь этотъ вопросъ представлялъ такъ мало затрудненій, что изъ него вовсе не мудрено было выдти съ достоинствомъ и съ прибылью, особенно для Австріи, которая, не имѣя въ этомъ дѣлѣ прямаго, личнаго интереса, могла обсуживать его совершенно спокойно и хладнокровно, и кромѣ того, во всякую данную минуту могла отойдти въ сторону и, въ случаѣ надобности, ограничиться ролью безпристрастнаго зрителя. Кромѣ того, Меттерниху благопріятствовало счастье; когда Франція возвысила голосъ и начала вооружаться, дѣло могло сильно запутаться; если бы Франція объявила войну, если бы французская армія вступила на германскую землю, тогда многіе расчеты государственнаго канцлера могли бы оказаться невѣрными; изъ домашняго дѣла турецкаго султана съ своимъ вассаломъ могла выдти обще-европейская коллизія, которая разыгралась бы въ огромныхъ размѣрахъ и повела бы къ неисчислимымъ послѣдствіямъ; французскія войска могли бы вступить въ Италію и въ 1840 году могло бы случиться то, что произошло въ 1859 году. Паденіе министерства Тьера спасло Австрію и Меттерниха; причина этого кризиса заключалась въ самой Франціи; Меттернихъ нисколько не содѣйствовалъ паденію Тьера и даже не предвидѣлъ его; такъ случилось, и изъ этой случайности для Меттерниха вышли хорошія послѣдствія; если бы случилось иначе, Меттерниху и Австріи пришлось бы нехорошо. Стало быть, государственнаго канцлера выручила не дипломатическая опытность, не предусмотрительная мудрость, а просто счастливое стеченіе обстоятельствъ.

XII.

Въ сентябрѣ 1843 года въ Греціи произошла революція и король Оттонъ былъ принужденъ даровать конституцію; хотя преданія политики конгрессовъ и священнаго союза уже давно были сданы въ архивъ исторіи, Меттернихъ не утерпѣлъ; въ немъ заговорило ретивое, и желаніе вспомнить подвиги молодости, когда, по его мановенію, полки ходили усмирять Піемонтъ, Неаполь и Испанію, шевельнулось въ душѣ ветерана-легитимиста, такъ часто измѣнявшаго принципу леги-

тимизма. Въ настоящемъ случаѣ Меттернихъ осенью 1844 года обратился въ Парижъ съ дипломатическимъ вопросомъ: не будетъ ли удобно, для поддержанія престола короля Оттона, пяти великимъ державамъ съобща принять участіе въ дѣлахъ Греціи. Вопросъ этотъ былъ обращенъ къ тогдашнему министру Гизо, считавшему себя великимъ прогрессистомъ и ex officio чувствовавшему ко всякой конституціи величайшую нѣжность. Гизо отвѣчалъ Меттерниху, что ни Пруссія, ни Англія не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла Греціи; отъ себя же французскій министръ выразилъ то мнѣніе, что лучше всего предоставить Грецію ея собственнымъ силамъ и стремленіямъ, ограничиваясь только тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое можно оказывать на личности отдѣльныхъ дѣятелей посредствомъ письменныхъ и изустныхъ совѣтовъ. Изъ этого отвѣта князь Меттернихъ могъ заключить съ глубокою грустью, что времена перемѣнились. Онъ печально махнулъ на Грецію, понялъ невозвратимость милаго прошедшаго и сталъ смотрѣть въ другую сторону.

Въ 1846 году онъ высмотрѣлъ и присоединилъ къ Австріи вольный городъ Краковъ. Не буду обсуживать нравственной стороны этого событія. Замѣчу только мимоходомъ, что въ 1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, самъ князь Меттернихъ составилъ и подписалъ актъ, въ которомъ четыре статьи (отъ VI-ой до X-ой) освящали и обезпечивали на вѣчныя времена независимое существованіе вольнаго города Кракова; въ 1846 году тотъ же самый князь Меттернихъ объявилъ, что Австрія считаетъ должнымъ, повинуясь политической необходимости, прекратить независимое существованіе города Кракова и присоединить его къ австрійскимъ владѣніямъ. Есть обстоятельства, объясняющія ядо нѣкоторой степени оригинальный поступокъ Меттерниха и до нѣкоторой степени снимающія съ него отвѣтственность, но во всякомъ случаѣ онъ уничтожилъ то, что самъ создалъ; онъ разбилъ свое дѣло; онъ самъ затопталъ въ грязь преданія той политики, къ которымъ онъ питалъ такое нѣжное чувство.

Италія попрежнему была предметомъ неусыпныхъ заботъ австрійскаго министра, и попрежнему показывала себя неблагодарною и недостойною его попеченій. Итальянцы попрежнему продолжали ненавидѣть Австрійцевъ и начинали даже придумывать средство совсѣмъ выгнать ихъ изъ Италіи; уже Маццини и партія «Юной Италіи» начали свою агитаторскую дѣятельность; Піемонтъ сдѣлался центромъ итальянскаго движенія; мысль о свободѣ и единствѣ Италіи понемно-

гу стала облекаться въ образы, способные возбудить энтузіазмъ народной массы. Сардинскій король, Карлъ Альбертъ, отецъ нынѣшняго итальянскаго короля, Виктора Эммануила, личный врагъ князя Меттерниха, сталъ опираться на патріотическую партію и въ рѣзкихъ нотахъ выражать австрійскому правительству свои враждебныя чувства и намѣренія. Въ это самое время, 1 іюня 1846 года умеръ папа Григорій XVI, поддерживавшій политику Меттерниха въ Италіи, и черезъ двѣ недѣли послѣ его смерти на папскій престолъ вступилъ Мастаи-Феррети подъ именемъ Пія IX. Первымъ дѣломъ новаго преемника Св. Петра была всеобщая амнистія. Этого было достаточно, чтобы привести въ восторгъ Итальянцевъ и возбудить въ австрійскомъ правительствѣ самыя серьезныя опасенія. Пій IX съ первой минуты сдѣлался героемъ патріотическихъ надеждъ Италіи; первые поступки его были приняты взрывомъ національнаго энтузіазма, и ропотъ одобренія, способный съ минуты на минуту превратиться въ призывъ къ оружію противъ враговъ и угнетателей родины, пробѣжалъ по всему аппенинскому полуострову. Меттернихъ далъ замѣтить папѣ, что считаетъ амнистію несвоевременною, и просилъ Пія IX не выходить въ предполагаемыхъ реформахъ изъ тѣхъ границъ, которыя были установлены въ маѣ 1831 года. Амнистія тревожила Меттерниха потому, что, пользуясь ею, множество итальянскихъ патріотовъ или политическихъ преступниковъ со всѣхъ концовъ земли стеклись въ Церковную область, откуда имъ очень удобно было завязать сношенія съ недовольными гражданами Ломбардіи, Неаполя, Тосканы, Модены и Пармы. Предчувствуя, что папа не обратитъ особеннаго вниманія на его совѣты, Меттернихъ принялъ серьезныя мѣры противъ ожидаемаго движенія въ Италіи вообще и въ Церковной области въ особенности. Онъ началъ съ того, что усилилъ въ Феррарѣ австрійскій гарнизонъ, занимавшій эту крѣпость со временъ вѣнскаго конгреса. Папское правительство, боясь, чтобы его не заподозрили въ тайномъ сообщничествѣ съ Австріею, протестовало противъ этой мѣры, и протестовало такъ громко, что въ это дѣло вмѣшались Франція и Англія.

Итальянскіе патріоты потребовали учрежденія національной гвардіи; раздраженіе противъ Австріи усилилось и приняло опредѣленную форму. Въ это самое время въ Римѣ произошли волненія, возбужденныя партіею реакціи, желавшей насильно обратить папу къ политикѣ прежняго правительства; общественное мнѣніе приписало эти волненія

интригамъ австрійскаго правительства, и гласный протестъ Меттерниха противъ этого обвиненія нисколько не поколебалъ этого слуха. Когда Меттернихъ, желая энергическими мѣрами задавить возрастающее броженіе, предложилъ папскому правительству успокоить народъ австрійскими отрядами, ему отвѣчали на это предложеніе громкимъ и гордымъ отказомъ, въ которомъ говорилось между прочимъ, что Итальянцы сами умѣютъ защищать себя. Вслѣдъ за тѣмъ папское правительство смѣлѣе прежняго стало поддерживать идею итальянскаго единства и завязало съ Сардиніею и Тосканою переговоры насчетъ устройства итальянскаго таможеннаго союза. Меттернихъ понялъ тогда, что Пій IX стоитъ на ложной дорогѣ, съ которой невозможно будетъ своротить его кроткими увѣщаніями; онъ понялъ также, что начинающееся итальянское движеніе можетъ повести за собою важныя послѣдствія; онъ назвалъ это движеніе революціею, объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ этого движенія, и, по своему обыкновенію, сталъ собирать союзниковъ, сталъ совѣщаться чаще обыкновеннаго съ посланниками и переписываться съ министрами. «Я вѣрю, писалъ онъ около этого времени къ Гизо, въ торжество умѣренныхъ идей въ такихъ странахъ, которыя, подобно Франціи, пережили нѣсколько революцій. Тогда возможенъ компромиссъ, ведущій къ благодѣтельнымъ результатамъ. Но я не думаю, чтобы могъ водвориться порядокъ juste milieu въ той фазѣ, въ какой находятся итальянскія государства; тамъ революція не подходитъ къ концу, а только что начинается; если въ государствѣ власть переходитъ изъ рукъ существующихъ правительствъ въ руки другой, какой бы то ни было партіи, тогда можно сказать, что государство находится въ состояніи революціи. Меня несправедливо считаютъ приверженцемъ абсолютнаго сопротивленія; нѣтъ ничего абсолютнаго, кромѣ истины. Политика имѣетъ дѣло съ результатами и не знаетъ ничего абсолютнаго. Ни въ теоріи, ни въ практикѣ не было создаваемо ничего абсолютнаго. Мое сопротивленіе революціонному духу было иногда дѣятельное, какъ въ 1820 году, часто оборонительное, какъ въ 1831. Теперь я выжидаю. То, что происходитъ въ Италіи, скорѣе можно назвать мятежомъ (révolte), чѣмъ революціею (révolution). Мятежи осязательнѣе революціи; у нихъ есть тѣло, за которое можно ухватиться. Революціи похожи на призраки; чтобы расчитать свои дѣйствія въ отношеніи къ нимъ, надо выждать, пока эти призраки не облекутся въ тѣла». Отрывокъ этотъ дастъ нѣкоторое понятіе о замѣчательномъ искуствѣ

Меттерниха сообразоваться съ характеромъ и наклонностями того человѣка, съ которымъ онъ говоритъ. Онъ имѣетъ дѣло съ ученымъ историкомъ, отыскивающимъ общіе законы, подводящимъ явленія жизни подъ разныя искуственныя построенія собственнаго мозга, и распредѣляющимъ въ придуманныя рубрики неопредѣлившіяся и невыяснившіяся стремленія и движенія настоящаго; кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, любящимъ опираться на хартію, но чувствующимъ нѣкоторую, весьма естественную робость передъ толпою пролетаріевъ, шумящихъ на площади и требующихъ себѣ хлѣба и работы; кромѣ того, онъ имѣетъ дѣло съ Французомъ, постоянно выражавшимъ съ высоты профессорской каѳедры и министерской трибуны свое благоговѣніе и умиленіе передъ доблестями и геніальностью французской націи. Чтобы понравиться Гизо, какъ ученому, Меттернихъ пускается въ безплоднѣйшія, діалектическія розысканія о различіи между *révolte* и *révolution*; чтобы польстить его псевдо-либерализму, онъ хвалитъ juste milieu и обнаруживаетъ добродѣтельное отвращеніе, какъ къ слѣпому пристрастію къ реакціи, такъ и къ рьяному демократизму; чтобы погладить по шерсти фразистый патріотизмъ французскаго министра, Меттернихъ самымъ утонченнымъ образомъ намекаетъ на превосходство французской цивилизаціи надъ зарождающеюся итальянскою гражданственностью. Меттернихъ, скептикъ, практикъ, неразборчивый въ средствахъ начинаетъ толковать о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ компромисса, о разумности историческаго теченія событій! Что можно подумать о подобномъ превращеніи? Даничего. Это маска, очень искусно приложенная къ лицу. Меттернихъ. сочиняя это письмо къ Гизо, въ душѣ навѣрное посылалъ ко всѣмъ чертямъ и доктрину, и *juste milieu*, и развитіе Франціи, и въ особенности папу, забравшаго себѣ въ голову неприличныя его лѣтамъ и званію патріотическія тенденціи. Ему надо было только отстоять плодородныя равнины Ломбардіи, а для этого было необходимо устранить вмѣшательство Франціи и Англіи въ итальянское движеніе. И вотъ Меттернихъ становится доктринеромъ съ доктринерами и напрягаетъ свои мыслительныя способности, чтобы поддѣлаться подъ складъ ихъ идей. Дѣйствительно циркулярная нота, посланная 2 августа 1847 къ четыремъ великимъ державамъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ идеями, выраженными въ письмѣ Меттерниха къ Гизо. Эта нота отвергаетъ существованіе итальянскаго народа. «Италія, пишетъ въ ней Меттернихъ, географическій

терминъ. Итальянскій полуостровъ составленъ изъ самостоятельныхъ и независящихъ другъ отъ друга государствъ. Существованіе и территоріальныя границы этихъ государствъ основаны на принципахъ всеобщаго международнаго права и скрѣплены ненарушимыми политическими трактатами. Императоръ съ своей стороны рѣшился уважать эти трактаты и всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи, содѣйствовать ихъ поддержанію». Цѣль этой ноты, въ которой уже не было рѣчи о *juste-milieu* и о компромиссахъ, состояла въ томъ, чтобы узнать мнѣніе великихъ державъ объ италіянскомъ движеніи и о тѣхъ гарантіяхъ, которыми обезпечивалось независимое существованіе отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ. Р—ія и Пруссія обратили на эту ноту мало вниманія и не обнаружили желанія посылать въ Италію войска для охраненія австрійскихъ владѣній и итальянскихъ вѣнценосцевъ. Франція приняла двусмысленное положеніе; она стала ободрять итальянскихъ патріотовъ и въ то же время продолжала увѣрять Австрію въ неизмѣнной прочности своего дружескаго расположенія; Меттернихъ нуждался въ политическихъ друзьяхъ и потому не имѣлъ возможности быть разборчивымъ и подвергать строгой критикѣ поступки своего мнимаго друга, который легко могъ превратиться въ дѣйствительнаго врага; онъ чувствовалъ себя одинокимъ и дружба Франціи связывала ему руки; какъ только онъ заводилъ рѣчь о вооруженномъ вмѣшательствѣ Австріи, такъ начинался немедленно громъ французской прессы; общественное мнѣніе возмущалось противъ Австріи, и французское правительство, побуждаемое, броженіемъ умовъ въ обществѣ, заявляло свой оффиціальный протестъ противъ намѣреній князя Меттерниха. Въ это время Англія гораздо яснѣе выказывала Италіи свое сочувствіе; Пальмерстонъ послалъ въ Туринъ лорда Минто съ порученіемъ обѣщать Сардиніи содѣйствіе Англіи и поддерживать враждебное настроеніе Итальянцевъ противъ австрійскаго правительства. Въ оффиціальныхъ своихъ депешахъ Пальмерстонъ объявилъ рѣшительно, что англійское правительство считаетъ реформы необходимыми для Италіи, и намѣревается поддерживать и защищать своимъ вліяніемъ тѣ попытки, въ которыхъ выразится стремленіе измѣнить къ лучшему существующія въ этой націи бытовыя формы. Меттернихъ все еще надѣялся на то, что, когда вспыхнетъ рѣшительное возстаніе, великія державы позволятъ Австріи ввести свои войска въ Италію; имѣя въ виду эту надежду, онъ спѣшилъ заключить съ отдѣльными государями Италіи договоры,

въ силу которыхъ австрійскимъ войскамъ дано было бы разрѣшеніе пройти черезъ ихъ владѣнія. Парма и Модена изъявили согласіе, но папа отказался отъ подобнаго договора, и тогда государственный канцлеръ, видя, что его благія идеи находятъ себѣ очень мало сочувствія, рѣшился предоставить Италію ея горькой участи, лишить ее покровительства Австріи и сосредоточить всю свою заботливость на сохраненіи спокойствія въ Ломбардіи.

Ломбардія начинала волноваться; въ Миланѣ происходили частые безпорядки; сосѣдство съ Піемонтомъ и надежда на содѣйствіе Англіи начинали оказывать свое ядовитое вліяніе; наконецъ все это страшно натянутое положеніе разразилось возстаніемъ и вступленіемъ Сардинцевъ въ предѣлы Ломбардіи; сигналомъ къ этимъ роковымъ событіямъ послужила февральская революція, низвергнувшая престолъ Людовика-Филиппа и отозвавшаяся электрическимъ сотрясеніемъ во всѣхъ концахъ континентальной Европы. Эта революція вмѣстѣ съ престоломъ Людовика Филиппа опрокинула и министерство Меттерниха; государственный канцлеръ принужденъ былъ бѣжать изъ Вѣны такъ посиѣшно, что не успѣлъ даже, какъ слѣдуетъ, сдать своимъ преемникамъ дѣла и бумаги. Но, не забѣгая впередъ событій, я теперь снова обращусь къ внутреннимъ распоряженіямъ князя Меттерниха. Обзоръ его иностранной политики я считаю оконченнымъ; онъ конечно неполонъ и отрывоченъ, но, такъ какъ дѣло идетъ не о томъ, чтобы представить систематическій перечень событій, а о томъ, чтобы охарактеризовать человѣческую личность министра, занимавшаго въ теченіи сорока лѣтъ высшую государственную должность въ одной изъ великихъ державъ, то я полагаю, что достаточно будетъ и тѣхъ немногихъ фактовъ, которые приведены и очерчены мною въ этой и въ предыдущей статьѣ. Представлять въ сжатой формѣ выводы изъ этихъ фактовъ я считаю неудобнымъ и, кромѣ того, безполезнымъ; если изъ всего разсказа читатель не вынесъ никакого общаго, живаго впечатлѣнія, то онъ не вынесетъ его изъ краткаго résumé. Если же мнѣ удалось сгруппировать событія такъ, что читатель составилъ себѣ сколько-нибудь цѣлостное понятіе о личности и дѣятельности Меттерниха, тогда всего лучше предоставить самому же читателю охарактеризовать эту личность и эту дѣятельность какимъ угодно хвалебнымъ словомъ или эпитетомъ.

XIII.

Уже со временъ возстанія Германіи противъ Наполеона, въ отдѣльныхъ частяхъ австрійской имперіи начали обозначаться такія стремленія, которыя до того времени были совершенно неизвѣстны. Почувствовалась потребность реформъ; потребность эта выразилась, и въ однихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Италіи, была подавлена, въ другихъ, напримѣръ въ Венгріи, была потихоньку замята или усыплена частичными уступками. Французская революція 1830 года оживила надежды той партіи, которая сознавала необходимость и пользу фундаментальныхъ измѣненій; смерть императора Франца, заклятаго, упрямаго врага всякой новизны, дала новую пищу этимъ надеждамъ; примѣръ Пруссіи, работавшей надъ учрежденіемъ таможеннаго союза, былъ живымъ укоромъ для реакціонной партіи и постоянно побуждалъ умѣренныхъ друзей реформы къ дѣятельной борьбѣ съ тѣми людьми и обстоятельствами, которые хотѣли китайскою стѣною отгородить Австрію отъ живаго, развивающагося и мыслящаго міра. Въ 1840 году на прусскій престолъ вступилъ король Фридрихъ Вильгельмъ IV. Первые поступки и рѣчи этого короля вызвали сочувствіе лучшихъ гражданъ Германіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпокоили мнительнаго старца князя Меттерниха почти также сильно, какъ въ 1846 году его встревожилъ первый дебютъ папы Пія IX. Новый король объѣхалъ свои владѣнія, произнесъ нѣсколько рѣчей, изумившихъ современниковъ смѣлою честностью выраженныхъ стремленій, и потомъ, возвратясь въ столицу, началъ постепенно приводить въ дѣйствіе свои либеральные планы. Пруссія повеселѣла; литература и журналистика заговорила смѣлѣе; въ 1842 году былъ изданъ указъ короля объ учрежденіи сословныхъ собраній, изъ которыхъ современемъ должны были выработаться парламентскія учрежденія. Въ сентябрѣ того же 1842 года Меттернихъ, съ недоумѣніемъ смотрѣвшій на обозначавшіяся тенденціи новаго правительства, свидѣлся съ Фридрихомъ Вильгельмомъ въ Кобленцѣ и пустилъ въ ходъ весь запасъ своего краснорѣчія, чтобы самыми яркими красками расписать заблуждающемуся монарху ту опасность, къ которой онъ своими распоряженіями ведетъ Пруссію. Краснорѣчіе государственнаго канцлера пропало даромъ; прусскій король выслушалъ его доводы, не повѣрилъ ни одному изъ

нихъ и дѣятельнѣе прежняго повелъ приготовительныя работы по конституціонному вопросу. Тогда Меттернихъ пришелъ въ крайнее замѣшательство; противъ Пруссіи невозможно было пустить въ ходъ знаменитое средство вооруженнаго вмѣшательства; король самъ становился въ ряды той партіи, которую Меттернихъ называлъ революціонною; не за кого было поднимать оружіе, а дипломатическіе пріемы, въ родѣ личныхъ свиданій и словесныхъ уговариваній, не дѣйствовали на упрямаго паціента. Поневолѣ приходилось оставить Пруссію въ покоѣ, и князь Меттернихъ конечно съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы на это условіе, но этого нельзя было сдѣлать. Пруссія не оставляла его въ покоѣ; видя начинающееся движеніе сосѣдей и единоплеменниковъ, читая книги, брошюры и журналы, появляющіеся въ Пруссіи, австрійскіе подданные чувствовали живѣе прежняго значеніе новаго порядка вещей, котораго они не сознавали еще во всѣхъ подробностяхъ. Высшіе и средніе классы общества, слѣдовавшіе въ жизни совѣтамъ Эпикура и долго остававшіеся равнодушными къ политическимъ событіямъ, стали съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить за движеніемъ идей и за ходомъ реформы въ Пруссіи; люди, спеціально знакомые съ технической частью австрійской администраціи, стали за границею печатать сочиненія, въ которыхъ существующія учрежденія подвергались самой строгой, безпристрастной, и, вслѣдствіе этого, разрушительной критикѣ. Собранія сословій въ разныхъ областяхъ имперіи заговорили рѣшительнѣе, чѣмъ когда либо, и выдвинули впередъ такія требованія, которыя и въ голову не приходили князю Меттерниху. Венгерскій сеймъ съ 1843 на 1844 годъ обнаружилъ сильнѣйшую оппозицію противъ намѣреній и распоряженій австрійскаго правительства; ненависть къ нѣмецкому элементу въ языкѣ и въ учрежденіяхъ и желаніе оторвать Венгрію отъ австрійской имперіи и дать ей самостоятельное политическое существованіе выразились съ такою силою, что государственная конференція въ Вѣнѣ пришла въ смятеніе. Нашлись люди, которые посовѣтывали произвести въ Венгріи государственный переворотъ и указомъ императора уничтожить всѣ представительныя учрежденія. Меттернихъ не могъ рѣшиться на такую крутую мѣру; для него это значило поставить на карту существованіе австрійской имперіи, и, вмѣстѣ съ нею, свое канцлерство, онъ зналъ, что подобный coup d'Etat поставитъ подъ оружіе всю Венгрію; вмѣстѣ съ Венгріею могли, опасаясь за свои права и учрежденія, подняться Чехи и другіе Сла-

вяне; пользуясь этою удобною минутою, вооружилась бы Ломбардія и такимъ образомъ, Фердинанду II и Меттерниху пришлось бы завоевывать всю австрійскую имперію. Но государственному канцлеру на старости лѣтъ не хотѣлось садиться на боеваго коня и потому онъ въ государственной конференціи выразилъ ту мысль, что правительство должно уступить требованіямъ общественнаго мнѣнія и само начать необходимыя реформы. Идея Меттерниха получила перевѣсъ, и, въ теченіи 1846 года, австрійское правительство приготовило цѣлый рядъ проектовъ, которые, въ 1847 году, должны были разсматриваться и обсуживаться въ предстоящемъ венгерскомъ сеймѣ. Чешскіе чины не уступали венгерскимъ въ силѣ оппозиціи; національныя стремленія съ небывалою силою охватили Богемію и выразились въ наукѣ, въ литературѣ и политической жизни. Даже нижне-австрійскіе чины, засѣдавшіе въ Вѣнѣ и отличавшіеся въ былое время примѣрнымъ благонравіемъ, каждый годъ стали требовать отъ правительства уступокъ; и правительство постоянно уступало, потому что представительныя собранія были сильны сочувствіемъ своихъ избирателей, которые съ напряженнымъ вниманіемъ ловили слухи и печатныя извѣстія. Дѣло дошло до того, что нижне-австрійскіе чины потребовали обнародованія государственнаго бюджета, права обсуживать всѣ важныя дѣла, касающіяся ихъ области, учрежденія земскаго банка и радикальныхъ реформъ въ общинномъ устройствѣ. Меттернихъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, и всѣ эти неожиданныя событія, валившіяся, какъ снѣгъ на голову, вызывали въ его умѣ печальныя размышленія; слишкомъ тридцатилѣтнія старанія оказывались разрушенными; если, несмотря на всѣ затворы и запоры зараза вѣка проникла въ наслѣдственныя владѣнія австрійскаго императора и въ короткое время усилилась въ нихъ до такой степени, то чего же можно ожидать впереди? На чемъ же остановится эта язва? Что она пощадитъ? Дѣйствительно язва ничего не пощадила; и князь Меттернихъ, несмотря на всю свою безпримѣрную уступчивость, не могъ удержаться во главѣ правительства. Но сначала я попрошу читателя обратить вниманіе на то обстоятельство, что уступчивость князя Меттерниха въ послѣдніе два года его правительственной дѣятельности доходитъ до невѣроятныхъ предѣловъ. Тотъ же страхъ передъ революціею, который въ двадцатыхъ годахъ побуждалъ Меттерниха разрушать насильственнымъ образомъ малѣйшія проявленія національнаго чувства и невиннѣйшія стремленія человѣческой мысли, тотъ же страхъ передъ революціею, повторяю я, заставлялъ

Меттерниха въ концѣ сороковыхъ годовъ, предлагать самыя разнородныя либеральныя мѣры и произносить такія рѣчи, которыя конечно очень странно было слышать отъ бывшаго министра и испытаннаго друга Франца I. Люди, неумѣренно пользующіеся силою тогда, когда сила находится въ ихъ рукахъ, обыкновенно являются очень трусливыми тогда, когда сила переходитъ въ руки ихъ противниковъ. Меттернихъ подходитъ подъ это общее правило. Въ мартѣ 1847 года онъ обратился къ Пруссіи съ предложеніемъ подать на союзномъ сеймѣ голосъ въ пользу свободы печати; въ этомъ же году онъ выразилъ государственной конференціи ту идею, что пора создать для Австріи конституцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ два проекта, имѣвшіе цѣлью расширить конституціонныя права отдѣльныхъ провинцій и потомъ составить обще-австрійское, государственное представительное собраніе, которому предоставлялось право обсуживать и утверждать бюджетъ, разсматривать и рѣшать важнѣйшіе правительственные вопросы, словомъ, отъ лица всей націи принимать дѣятельное и постоянное участіе въ администраціи.

Но не всѣ члены правительства умѣли, подобно Меттерниху, безъ сожалѣнія и безъ борьбы разставаться съ своими политическими идеями и стремленіями. Новые проекты Меттерниха встрѣтили себѣ сопротивленіе при дворѣ; эрцгерцогъ Людовикъ не понималъ необходимости такихъ капитальныхъ уступокъ и во всякомъ случаѣ не хотѣлъ торопиться; съ недовѣріемъ, свойственнымъ старику, онъ хотѣлъ сначала всмотрѣться въ предлагаемыя реформы, попривыкнуть къ нимъ, протянуть нѣсколько лѣтъ пренія и совѣщанія о частностяхъ и подробностяхъ и потомъ уже вводить новые порядки понемногу, не спѣша, безъ шума и эфекта. Вліяніе эрцгерцога, находившаго себѣ единомышленниковъ въ старыхъ сподвижникахъ своего покойнаго брата Франца, остановило проекты Меттерниха; начались толки, разсужденія, назначенія коммисій для разсмотрѣнія разныхъ предметовъ и вопросовъ, и всѣ реформы остановились на одномъ разсмотрѣніи.

1 января 1848 года было учреждено высшее управленіе цензуры (Censur-Oberdirection), а 1 февраля, еще кромѣ того появилось высшее цензурное судилище (Oberstes Censurgericht); оказалось впрочемъ, что реформы эти не подвинули дѣла впередъ. Тогда вѣнскіе книгопродавцы и вѣнскіе литераторы подали прошеніе, которое не принесло никакой существенной пользы.

2 февраля 1848 года была открыта вѣнская академія наукъ, но это торжество не произвело на общество того благодѣтельнаго впечатлѣнія, котораго ожидало правительство. Множество замѣчательныхъ ученыхъ и писателей получили званіе дѣйствительныхъ академиковъ; множество важныхъ лицъ были назначены почетными членами; въ числѣ послѣднихъ находился самъ князь Меттернихъ, вельможный покровитель просвѣщенія въ Германіи и въ Европѣ; словомъ все было чинно, важно и оффиціально, а между тѣмъ многія характерныя подробности не укрылись отъ бдительнаго вниманія публики. Не укрылось, напримѣръ, то обстоятельство, что люди, подобные Араго, Шлоссеру, Ранке, Гервинусу не были приняты въ число академиковъ, потому, что ихъ политическія мнѣнія не нравятся правительству. Не укрылось и то обстоятельство, что рѣчь Гаммера, произнесенная имъ при открытіи академіи, была помѣщена въ вѣнской газетѣ съ пропусками. Все это были конечно мелочи, на которыя не стоило обращать вниманія, но, эти мелочи хватали за сердце и кипятили желчь.

Вечеромъ 28 февраля къ князю Меттерниху прискакалъ курьеръ съ первымъ извѣстіемъ о февральской революціи; государственный канцлеръ узналъ только, что Людовикъ Филиппъ отказался отъ престола и что герцогиня Орлеанская приняла на себя регентство; это извѣстіе не произвело особеннаго впечатлѣнія, потому что вѣнскій кабинетъ никогда не питалъ особеннаго сочувствія къ личности и къ политикѣ короля, возведеннаго на престолъ революціею. Но на другой день утромъ пришло новое извѣстіе: Франція объявила себя республикою. Это извѣстіе сильно поразило Меттерниха; прочитавъ депешу, онъ нѣсколько минутъ съ смертною блѣдностью на лицѣ неподвижно просидѣлъ въ креслѣ. Съ замираніемъ сердца сталъ онъ ожидать новыхъ извѣстій изъ Франціи; у него оставалась слабая надежда на то, что произойдетъ контръ-революція, которая положитъ конецъ существованію юной республики. Послѣдующія событія разбили эту надежду и князь Меттернихъ съ нѣмымъ отчаяніемъ сталъ ожидать грядущихъ бѣдствій; съ именемъ французской республики ему казались неразлучными картины дикаго насилія и безотрадная перспектива нескончаемыхъ войнъ и повсемѣстныхъ волненій. Меттернихъ, всегда любившій вооруженное вмѣшательство, на этотъ разъ считалъ его примѣненіе рѣшительно невозможнымъ. Послѣдній ударъ, нанесенный политикѣ государственнаго канцлера переворотомъ во Франціи, былъ такъ силенъ и такъ внезапенъ, что Меттернихъ

растерялся, пришелъ въ уныніе и потерялъ всякую вѣру въ дѣйствительность какого бы то ни было средства. Онъ очевидно не могъ собраться съ мыслями, и на предложенія идти во Францію и разсѣять мятежниковъ, отвѣчалъ нерѣшительно: надо подождать, надо высмотрѣть, какъ и куда станетъ распространяться революція. Какъ доводъ противъ наступательной войны съ Франціею, Меттернихъ приводитъ даже то обстоятельство, что подобная война можетъ возбудить противъ себя негодованіе націи. Меттернихъ началъ обращать вниманіе на то, что говоритъ, и даже на то, что думаетъ нація; по одному этому аргументу, приведенному государственнымъ канцлеромъ въ офиціальныхъ дипломатическихъ нотахъ, можно составить себѣ довольно яркое понятіе о томъ, какъ неизмѣримо великъ былъ страхъ его передъ ожидаемымъ движеніемъ. Распоряженія по внутренней администраціи замерли въ такомъ положеніи, въ какомъ ихъ захватили роковыя извѣстія изъ Парижа. Проэкты реформъ не пошли въ дѣло; дворъ и конференція раздѣлились на двѣ партіи, неравныя по числу своихъ приверженцевъ; эрцгерцогъ Людовикъ и Меттернихъ стали доказывать, что производить реформы несвоевременно и опасно, что всякая уступка со стороны правительства покажется обществу и народу поблажкою, признакомъ слабости, поощреніемъ къ дальнѣйшимъ требованіямъ и, въ случаѣ крайности, къ возстанію. Всѣ остальные члены императорской фамиліи и государственной конференціи считали быстрыя реформы совершенно необходимыми; они хотѣли упрочивать за собою расположеніе народа; для Меттерниха любовь общества и націи была невозвратно потеряна; для Фердинанда, извѣстнаго своимъ кроткимъ характеромъ, и для тѣхъ членовъ его семейства, которые не принимали дѣятельнаго участія въ правительственныхъ распоряженіяхъ Франца I, было очень не трудно сохранить или даже вновь пріобрѣсти популярность. Надо было только вычеркнуть изъ списка австрійскихъ чиновниковъ то громкое имя, съ которымъ связывалось такъ много роковыхъ воспоминаній, то имя, которое въ продолженіе сорока лѣтъ постоянно тяготѣло подъ правительственными распоряженіями. Имя Меттерниха уже успѣло пріобрѣсти себѣ такую печальную извѣстность, что его одного было достаточно, чтобы возбудить полное недовѣріе противъ правительства; члены правительства понимали это и, конечно, не желая раздѣлять съ Меттернихомъ тѣхъ опасностей, которыя являлись для него, съ удовольствіемъ готовы были исключить его изъ списковъ, чтобы помириться съ общественнымъ мнѣніемъ. Во главѣ этой партіи, желавшей

искренняго примиренія съ обществомъ, стояла эрцгерцогиня Софія, жена эрцгерцога Франца, брата императора, женщина умная, энергическая, постоянно слѣдившая за ходомъ событій и понимавшая довольно вѣрно ихъ истинный смыслъ; она ожидала сильныхъ волненій и совѣтовала болѣзненному Фердинанду отказаться отъ престола въ пользу ея сына, Франца-Іосифа; сверхъ того, она считала необходимымъ, чтобы эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ, совершенно устранили свое вліяніе на государственныя дѣла, и чтобы Австрія, получивши общую конституцію, вступила въ новую эру исторической жизни. Софія считала подобныя мѣры рѣшительно необходимыми для спасенія австрійской династіи отъ той участи, которая два раза постигала Бурбоновъ, и такъ недавно обрушилась на Орлеановъ. Эти мысли часто выражались эрцгерцогинею въ семейныхъ совѣщаніяхъ; при этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ иногда князь Меттернихъ и тутъ-то ему нерѣдко приходилось выслушивать горькія истины; эрцгерцогъ Іоаннъ, личный врагъ государственнаго канцлера, разбивалъ по пунктамъ его политическія теоріи и прямо, не церемонясь, говорилъ при немъ, что его удаленіе отъ дѣлъ необходимо для блага государства и для спокойствія царствующей династіи. Меттернихъ на подобныя любезности отвѣчалъ холодно и почтительно, что онъ удалится отъ дѣлъ только въ такомъ случаѣ, когда самъ императоръ выразитъ ему такого рода желаніе. Государственный канцлеръ даже не останавливался на той идеѣ, что ему могутъ серьезно предложить отставку; онъ твердо вѣрилъ въ неразлучность своей судьбы съ судьбою австрійской имперіи; онъ полагалъ, что можетъ пасть подъ развалинами всего государственнаго зданія, какъ послѣдній надежный защитникъ погибающаго принципъ; подобная катастрофа представлялась ему чѣмъ-то возможнымъ, но далекимъ и неопредѣленнымъ, за этою катастрофою по его убѣжденію неминуемо должны были слѣдовать анархія, терроръ и хаосъ. Представить себѣ, чтобы ему, какъ всякому другому министру, дали отставку,—представить себѣ все это князь Меттернихъ былъ рѣшительно не въ силахъ. Между тѣмъ его противники не дремали; придворная партія, желавшая реформъ и перемѣны министерства, завела сношенія съ предводителями оппозиціи на нижне-австрійскомъ сеймѣ, котораго засѣданія должны были открыться 13 марта. Имъ дали понять, что паденія государственнаго канцлера желаютъ многіе члены высшаго правительства, и что слѣдовательно прошеніе сейма объ удаленіи Меттерниха будетъ принято благосклонно и можетъ повести за собою плодотворныя послѣдствія.

6-го марта въ присутствіи графа Коловрата и эрцгерцога Франца, общество промышленности (Gewerbeverein) составило и одобрило на имя императора адрессъ, въ которомъ выражалось ясно то убѣжденіе, что взаимное довѣріе между управляющими и управляемыми можетъ быть возстановлено только послѣ удаленія Меттерниха. Этотъ адрессъ былъ врученъ эрцгерцогу-Францу, наслѣднику престола, и эрцгерцогъ поблагодарилъ подателей и составителей за честность ихъ стремленій. Это обстоятельство конечно ободрило публику и въ первый разъ показало народу, что даже императорская фамилія не довольна управленіемъ государственнаго канцлера.

— — — составили прошеніе объ отставкѣ Меттерниха и два профессора Гіе и Эндлихеръ офиціально подали это прошеніе Эрцгерцогу Людовику. эрцгерцогъ принялъ депутацію и прочиталъ прошеніе съ видимыми знаками неудовольствія; онъ не далъ депутатамъ положительнаго отвѣта, но въ тотъ же день, въ два часа пополудни, созвалъ государственную конференцію и пригласилъ для совѣщаній нѣкоторыхъ членовъ имераторской фамиліи. Въ этомъ собраніи Людовикъ разсказалъ исторію прошенія и рѣшилъ, что на основаніи такой причины невозможно удалить отъ должности человѣка, оказавшаго такія великія услуги государству и царствующей династіи. Государственный канцлеръ очень кротко и спокойно замѣтилъ, что онъ тотчасъ готовъ отказаться отъ своей должности, если таково будетъ желаніе императора, но что, не искавши никогда популярности, онъ не можетъ удалиться отъ исправленія своихъ обязанностей. Послѣ засѣданія конференціи, въ тотъ же день, вечеромъ, могущественные недоброжелатели Меттерниха нашли средства провести въ комнату самого императора тѣхъ профессоровъ, которые утромъ подавали прошеніе эрцгерцогу Людовику. Императоръ принялъ ихъ съ обычною своею привѣтливостью и даже обѣщалъ обдумать представленное ему прошеніе; но никакихъ опредѣленныхъ надеждъ или обѣщаній онъ имъ не далъ.

Меттернихъ изъ конференціи поѣхалъ домой, грустный и озабоченный; онъ чувствовалъ, что ему придется или выйти въ отставку, или уступить той партіи, которая требовала реформъ и уступокъ общественному мнѣнію; ему представлялась такая дилемма, хотя въ сущности ея не было; никакія реформы и уступки уже не могли спасти его отъ паденія; онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ удалиться, но отъ него зависѣло допить или не допивать до дна чашу огорченій и

оскорбленій; отъ него зависѣло сказать: «я выхожу въ отставку, потому что мой образъ мыслей не находитъ себѣ сочувствія ни въ обществѣ, ни въ моихъ товарищахъ по управленію», или же дожидаться, пока ему скажутъ· «ступайте, Ваше вліяніе вредитъ государству и обществу». Нѣтъ сомнѣнія, что Меттернихъ, какъ человѣкъ практическаго ума, и какъ «образцовый кавалеръ», дорожащій соблюденіемъ внѣшняго благообразія, выбралъ бы первый исходъ, если бы онъ зналъ, что изъ его положенія дѣйствительно только два выхода; но, къ несчастію для государственнаго канцлера, онъ былъ совершенно ослѣпленъ вѣрою въ самого себя; онъ все-таки считалъ свое положеніе непоколебимымъ и, главное, неразлучно связаннымъ съ судьбою Австріи. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣло идетъ только объ уступкахъ, а уступить онъ былъ не прочь, потому что упорная борьба съ людьми, находящимися съ нимъ въ непосредственныхъ, вседневныхъ отношеніяхъ, вообще была ему не по силамъ и рѣшительно не соотвѣтствовала его мягкому и слабому характеру. Теперь же въ особенности, думая уступками утвердиться въ своемъ положеніи и зажать ротъ своимъ врагамъ при дворѣ и въ обществѣ, Меттернихъ оказался въ высшей степени гибкимъ и сговорчивымъ; онъ постоянно говорилъ до того времени, что уступки несвоевременны потому, что онѣ покажутся вынужденными; теперь и эта послѣдняя отговорка была отложена въ сторону; разграниченіе между добровольными и вынужденными уступками исчезло, Вечеромъ въ тотъ же день, Меттернихъ пригласилъ къ себѣ предводителя дворянства (Landesmarschall) графа Монтекукули, пользовавшагося популярностью и расположеніемъ нижнеавстрійскихъ чиновъ; онъ сталъ совѣтоваться съ нимъ о предполагаемыхъ уступкахъ и обѣщалъ ему, что въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ созваны депутаты отъ областныхъ представительныхъ собраній. Въ заключеніе бесѣды, онъ попросилъ графа Монтекукули позаботиться о томъ, чтобы засѣданія сейма были, по возможности, спокойны и не увеличивали бы своими шумными преніями глухаго раздраженія, проявлявшагося уже въ народѣ.

13-го марта, члены конференціи съ ранняго утра собрались во дворецъ императора; не далеко отъ конференціонной залы, въ комнатѣ Фердинанда, находилась вся императорская фамилія; этотъ день былъ назначенъ для открытія сейма; въ ночь были получены очень неуспокоительныя извѣстія о положеніи города; улицы, прилегающія

къ дому сейма, къ университету, и даже къ императорскому дворцу наполнялись людьми; Эрцгерцогъ Людовикъ и князь Меттернихъ приказали стянуть войска ко дворцу и разставить по улицамъ многочисленныя патрули, чтобы разгонять народъ при малѣйшемъ шумѣ. Ни Людовикъ, ни Меттернихъ не думали, что дѣло можетъ дойти до свалки между войсками и народомъ. Между тѣмъ, толпы народа запрудили улицы: громко произносимыя рѣчи принимались криками одобренія; съ этими криками смѣшивались возгласы: долой Меттерниха! и эти зловѣщіе возгласы подхватывались сотнями голосовъ. Въ это время, во дворцѣ къ императору приступали съ двухъ сторонъ двѣ противоположныя партіи: эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ требовали немедленныхъ, радикальныхъ уступокъ. Съ другой стороны Людовикъ и Меттернихъ совѣтовали пустить въ ходъ энергическія мѣры. Почему совѣтовалъ сдѣлать это Людовикъ? Я не знаю, да мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Почему добивался этого Меттернихъ — понятно. Онъ слышалъ нелестные для себя крики и начиналъ понимать, что ему нельзя помириться съ этимъ народомъ, что надо или побѣдить его, или бѣжать безъ оглядки изъ Вѣны, изъ Австріи, быть можетъ, даже изъ континентальной Европы; кромѣ того, онъ начиналъ понимать, что Фердинандъ, не рѣшившійся оттолкнуть его отъ себя, можетъ, въ минуту крайней опасности, оставить его, отшатнуться отъ него, и, такимъ образомъ, поставить его въ самое затруднительное положеніе; поэтому, совѣтуя императору пустить въ ходъ самыя энергическія мѣры, Меттернихъ, сознательно или инстинктивно, дѣлалъ последнюю, отчаянную попытку связать неразрывными узами судьбу своей личности съ участью Австріи. Если бы императоръ Фердинандъ, слѣдуя совѣту Меттерниха, приказалъ подавить возстаніе силою, то правительству необходимо было бы или побѣдить, или упасть; если бы правительство побѣдило, то навѣрное вліяніе Меттерниха перевѣсило бы значеніе всѣхъ противниковъ его личности и его политики. Если бы правительство упало, то съ нимъ вмѣстѣ упалъ бы Меттернихъ, но онъ начиналъ думать, что онъ можетъ упасть даже и въ томъ случаѣ, когда правительство удержится, и потому увлечь правительство вмѣстѣ съ собою ему не казалось особенно страшнымъ. Ухватываясь всѣми силами за императорскую мантію Фердинанда, прячась за эту мантію отъ ярости народа, Меттернихъ увеличивалъ для себя шансы спасенія. Если бы ему удалось склонить Фердинанда, сломить возстаніе военною силою, то, можетъ быть, Меттерниху удалось бы до

самой смерти своей остаться государственнымъ канцлеромъ. Но Фердинандъ, не рѣшился на крайнія мѣры. Онъ находился въ недоумѣніи, а между тѣмъ каждую минуту приходили съ улицы новыя вѣсти: уступки правительства не приняты; домъ сейма занятъ толпою народа; патруль далъ залпъ по толпѣ; нѣсколько человѣкъ убито; народъ остервенился; долой Меттерниха! кричатъ въ одинъ голосъ всѣ недовольные.

Въ это время пришла во дворецъ депутація, состоящая изъ членовъ сейма. Эрцгерцогъ Людовикъ принялъ депутатовъ, выслушалъ ихъ разсказъ объ уличныхъ событіяхъ, распросилъ о желаніяхъ народа и отвѣчалъ имъ твердо и спокойно, что «комитетъ разберетъ эти желанія и тогда императоръ рѣшитъ дѣло, какъ слѣдуетъ».

Меттернихъ въ это время прошелъ къ себѣ домой; вѣроятно его не замѣтилъ или не узналъ толпящійся народъ, иначе жизнь его могла-бы подвергнуться самой серьезной опасности; подойдя къ окну своего кабинета, онъ слышалъ, какъ одинъ ораторъ разбиралъ его систему передъ народомъ, и какъ народъ, увлеченный живыми доводами оратора, кричалъ съ возрастающею яростью: Прочь, прочь Меттерниха! Эти крики не производили на Меттерниха особеннаго впечатлѣнія; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что терпѣніе Фердинанда лопнетъ, что полиція и войско разметутъ улицы и площади, что ораторъ насидится гдѣ нибудь въ острогѣ и что тѣмъ дѣло покончится. А между тѣмъ, онъ уже сдѣлалъ еще одну вынужденную уступку; передъ уходомъ своимъ изъ дворца онъ, сообразно съ требованіемъ депутаціи, убѣдилъ императора немедленно назначить комитетъ для составленія конституціи и для произведенія другихъ реформъ, не терпящихъ дальнѣйшаго отлагательства. Но когда Меттернихъ снова отправился во дворецъ, тогда онъ началъ убѣждаться въ томъ, что полиція и войско не задавятъ движенія.

Когда появился государственный канцлеръ, неблаговолившіе къ нему члены императорской фамиліи окружили его со всѣхъ сторонъ и стали просить его подать въ отставку и такимъ образомъ положить конецъ уличнымъ волненіямъ, разразившимся уже сценами насилія и кровопролитія; одни указывали ему на жертвы возстанія, другіе говорили, что изъ-за одного человѣка нельзя подвергать опасности цѣлую династію.

Меттернихъ обвелъ глазами вокругъ себя. Всѣ окружающіе молчали, послѣ того, какъ прошелъ первый приступъ увѣщаній, направ-

ленный на Меттерниха его врагами; ни одного слова сочувствія не послышалось ни откуда; ни одного ободрительнаго взгляда не встрѣтилъ вопрошающій взоръ Меттерниха. Даже императоръ, даже эрцгерцогъ Людовикъ не говорили ни слова; Меттернихъ почувствовалъ себя очень одинокимъ; легкая краска пробѣжала по его лицу; онъ едва совладѣлъ съ внутреннимъ волненіемъ, внезапно разыгравшимся въ его груди и быстрыми шагами прошелъ въ комнату государственной конференціи.

Между тѣмъ, депутація приходитъ за депутаціею; въ предмѣстіяхъ Вѣны свирѣпствуетъ разгулявшаяся чернь; депутаты настоятельно требуютъ, чтобы ихъ выслушали и говорятъ, что они не ручаются ни за что, если до наступленія ночи не будетъ возстановлено спокойствіе.

Эрцгерцогъ Людовикъ призываетъ къ себѣ депутатовъ и узнаетъ отъ нихъ, что народъ попрежнему требуетъ отставки Меттерниха и отступленія солдатъ, пустившихся въ рукопашный бой безъ особеннаго приказанія изъ дворца. Выслушавъ эти требованія, Людовикъ отвѣчалъ сухо, что онъ ничего не можетъ сдѣлать и, отправившись въ комнату конференціи, предложилъ Меттерниху выдти «къ этимъ людямъ» и сдѣлать имъ тѣ уступки, которыя онъ признаетъ удобными.

Меттернихъ вышелъ къ депутатамъ отъ вѣнской милиціи; за нимъ послѣдовали почти всѣ члены императорской фамиліи; всѣ интересовались знать, что скажетъ и на что согласится государственный канцлеръ. Меттернихъ подошелъ къ одному изъ офицеровъ, положилъ ему руку на плечо и произнесъ слѣдующія слова.

— Вы гражданинъ; вѣнскіе граждане отличались всегда и во всѣхъ случаяхъ; имъ было бы стыдно, еслибы они, въ соединеніи съ войскомъ, не были въ состояніи разогнать уличныхъ буяновъ.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ офицеръ, тутъ дѣло не въ буянахъ, въ городѣ происходитъ революція, въ которой принимаютъ участіе всѣ сословія.

— Это неправда, перебилъ Меттернихъ поспѣшно. Итальянцы, Поляки и Швейцарцы возмущаютъ народъ.

— Ваша свѣтлость, представленныя прошенія подписаны тысячами именъ, вы встрѣтите тутъ и важнаго государственнаго чиновника и простаго ремесленника; если бы вашей свѣтлости угодно было взглянуть на улицу, то вы убѣдились бы въ правдивости моихъ словъ.

Меттернихъ больше не сказалъ ни слова; аудіенція окончилась,

но депутацію задержали, боясь, чтобъ она не увеличила раздраженія народа разсказомъ о происходившемъ свиданіи съ властями. Между тѣмъ, крики уличной толпы съ каждою минутою становились явственнѣе и громче; и все то же самое слышалось въ этихъ крикахъ; и все такъ же часто Меттернихъ слышалъ свое имя, и все также мало лестнаго и утѣшительнаго заключалось въ этихъ безпрерывныхъ поминаніяхъ; у бѣднаго старика начинала кружиться голова и звенѣть въ ушахъ; не зная что дѣлать, онъ объявилъ наконецъ свою готовность уступить всѣмъ требованіямъ народа. Національная гвардія, свобода печати, конституція, все было отдано разомъ; но между тѣмъ, и тутъ, уступая во всемъ, уступая безславно, передъ открытою силою, Меттернихъ захотѣлъ сохранить внѣшнее благообразіе; исполняя всѣ требованія волнующагося народа, онъ придумалъ другія названія требуемымъ предметамъ, чтобы хоть этимъ заявить иниціативу и самостоятельность своего правительства. Вмѣсто «національной гвардіи» онъ далъ «гражданскую милицію» (Bürgerwehr); вмѣсто свободы печати— уничтоженіе цензуры; наконецъ вмѣсто «Constitution»—«Constituirung des Vaterlandes». Меттернихъ отправился въ свой рабочій кабинетъ писать объ этихъ предметахъ указы, которые немедленно должны были быть представлены на подпись императору; дѣлая всѣ эти уступки, онъ забывалъ объ четвертомъ требованіи народа, онъ пропускалъ умышленно мимо ушей тотъ крикъ, который повторялся громче и чаще всѣхъ остальныхъ: «Меттерниха, Меттерниха долой!» Въ то время, какъ падающій министръ сидѣлъ за столомъ, — служебная участь его окончательно рѣшалась въ кабинетѣ императора. Эрцгерцогиня Софія и эрцгерцогъ Іоаннъ доказывали Фердинанду, что если министръ останется первенствующимъ министромъ, то всѣ уступки, сдѣланныя правительствомъ, окажутся безполезными и даже не укротятъ народнаго волненія. Императоръ былъ утомленъ шумомъ и сильными ощущеніями, пережитыми имъ съ утра этого дня; ему хотѣлось спокойствія и мира; его ужасали и огорчали до глубины души кровавыя сцены, разыгрывавшіяся на улицахъ его столицы; онъ уступилъ доводамъ своихъ родственниковъ и удаленіе князя Меттерниха отъ должности государственнаго канцлера почислилось дѣломъ рѣшенымъ.

Пользуясь позволеніемъ императора, эрцгерцогъ Іоаннъ тотчасъ отправился въ кабинетъ Меттерниха и передалъ ему просьбу Фердинанда отказаться отъ занимаемаго мѣста для успокоенія націи и для

устраненія тѣхъ опасностей, которымъ подвергается царствующая династія.

Меттернихъ получилъ такимъ образомъ фактическое доказательство того, что его дѣятельность положительно вредна.

Слова эрцгерцога были произнесены сухо, рѣзко, и не допускали возраженій.

Государственный канцлеръ выслушалъ ихъ молча. Онъ былъ блѣденъ, сосредоточенно серьезенъ и глубоко опечаленъ. Внутреннія страданія его выразились въ иронической улыбкѣ, которая какъ-то неестественно искривила его блѣдныя губы.

Онъ вышелъ въ комнату аудіенціи, въ которой депутаціи просили свиданія съ императоромъ, чтобы лично просить его объ увольненіи канцлера. Спокойнымъ, ровнымъ, медленно—торжественнымъ шагомъ вышелъ сѣдой министръ на середину залы и сказалъ предводителямъ депутаціи:

— Милостивые государи, если вы полагаете, что отказываясь отъ моей должности, я могу принести пользу государству, то я съ радостью соглашаюсь на это.

Всѣ эти слова были сказаны для благообразія. Меттернихъ не могъ придавать никакого значенія приговору тѣхъ людей, которыхъ онъ за полчаса предъ тѣмъ называлъ уличными буянами. Меттернихъ не могъ съ радостью согласиться на такую жертву, для избѣжанія которой онъ, за пять минутъ передъ тѣмъ, за своимъ письменнымъ столомъ собирался отречься отъ политическихъ тенденцій, составлявшихъ сущность всей его долголѣтней дѣятельности. Умирающему гладіатору необходимо было принять граціозную позу, и онъ умиралъ, насильственно придавая всей своей фигурѣ выраженіе величаваго и неестественнаго спокойствія.

Предводитель депутаціи отвѣчалъ на слова Меттерниха:

— Ваша свѣтлость, мы не имѣемъ ничего противъ вашей личности, но все—противъ вашей системы, и поэтому мы должны принять съ радостью извѣстіе о вашемъ выходѣ въ отставку.

— «Задачею всей моей жизни, заговорилъ снова старый канцлеръ, было дѣйствовать для блага Австріи всѣми силами, находившимися въ моемъ распоряженіи; если думаютъ, что дальнѣйшее пребываніе мое на этомъ мѣстѣ подвергаетъ это благо какимъ бы то ни было опасностямъ, то для меня не можетъ быть жертвою сойдти съ этого мѣста. Я слагаю въ руки императора отправленіе моихъ обя-

занностей. Поздравляю васъ съ новымъ правительствомъ. Желаю Австріи счастья.»

Всѣ эти слова пропадали даромъ; депутатамъ не было никакого дѣла до той задачи, которую Меттернихъ поставилъ себѣ въ жизни; имъ не было дѣла и до того, съ какими чувствами удалялся государственный канцлеръ съ арены правительственной дѣятельности; ихъ интересовалъ только фактъ удаленія и они, не заявивъ ему своего сочувствія ни однимъ словомъ, отвѣчали на фразы Меттерниха громкимъ крикомъ торжествующей радости и возгласами: да здравствуетъ императоръ Фердинандъ.

Меттернихъ не рѣшился уйдти, не заявивъ еще разъ своего присутствія передъ толпою, собравшеюся въ залѣ. Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ его людей спокойнымъ, испытующимъ взоромъ и опять заговорилъ:

— Я предвижу, что распространится ложное убѣжденіе, будто я унесъ съ собою монархію. Противъ подобнаго убѣжденія я торжественно заявляю свой протестъ. Ни у меня, ни у кого другаго нѣтъ такихъ широкихъ плечей, на которыхъ можно было бы унести государство. Если державы исчезаютъ, то это происходитъ только тогда, когда онѣ сами отрекаются отъ себя.

Въ этихъ последнихъ словахъ, произнесенныхъ Меттернихомъ въ санѣ первенствующаго министра, сказалось то самообожаніе, которое подъ конецъ политической карьеры составляло его преобладающій недостатокъ; онъ воображалъ себѣ, что всѣ смотрятъ на него такими же глазами, какими онъ самъ смотрѣлъ на себя: онъ воображалъ себѣ, что всѣ видятъ въ немъ воплощеніе монархическаго принципа, и думаютъ, что съ его удаленіемъ отъ государственныхъ дѣлъ исчезнетъ та идея, которую онъ олицетворялъ въ своей особѣ.

Вѣнская революція не возставала противъ монархическаго принципа; она просто требовала, чтобы правительство посвѣжѣло, обновилось и дѣятельно принялось за пересмотръ и переборку старой, административной машины. Она выбросила Меттерниха не какъ представителя принципа, а просто, какъ безполезнаго, одряхлѣвшаго старика, Но принять свое паденіе такъ просто было не по силамъ государственному канцлеру; онъ сталъ на ходули, накинулъ на себя драпировку и сошелъ со сцены, какъ герой какой нибудь ложно-классической трагедіи Расина или Корнеля; а дѣйствительно, вѣнская революція едва не кончилась для него трагически. Народъ, узнавшій объ его удаленіи на

другой день утромъ, въ ночь съ 13-го на 14-ое марта разорилъ его загородную виллу и искалъ его съ твердымъ намѣреніемъ убить. Бывшему министру пришлось бѣжать изъ Вѣны въ наемной каретѣ, въ чужомъ платьѣ, почти безъ денегъ; пришлось бѣжать изъ австрійскихъ владѣній, черезъ всю Германію, въ Англію, въ которой онъ нашелъ себѣ безопасное убѣжище вмѣстѣ съ Людовикомъ Филиппомъ.

О послѣдующихъ годахъ жизни Меттерниха говорить не стоитъ. Къ политической дѣятельности онъ не возвращался, а человѣческая его личность не настолько интересна, чтобы занимать насъ въ психологическомъ или въ какомъ бы то ни было другомъ отношеніи. Какъ и что онъ читалъ, какъ принималъ гостей и посѣтителей, какъ смотрѣлъ онъ самъ на политическія событія, совершавшіяся безъ его содѣйствія, какъ онъ, можетъ быть, дивился тому, что міръ не сдѣлался жертвою анархіи послѣ его выхода въ отставку—намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

Князь Меттернихъ умеръ въ 1859 году, 11 іюня, въ тотъ день, когда Французы и Сардинцы входили въ Миланъ и когда дѣло Меттерниха въ Италіи окончательно разрушилось. Его похоронили послѣ торжественной процессіи, 15 іюня. Впереди его гроба несли на четырехъ черныхъ бархатныхъ подушкахъ его ордена, принадлежавшіе всѣмъ европейскимъ государствамъ, кромѣ Англіи.

Д. ПИСАРЕВЪ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Столкновеніе Англіи и Америки въ Багамскомъ каналѣ. — Англійскіе законники раздуваютъ войну по поводу пароходовъ Трента и Санъ-Яцинто. — Что можетъ быть результатомъ этой войны? — Послѣднія событія борьбы между сѣверомъ и югомъ Америки. — Продажа поземельной собственности въ Индіи. — Абдулъ-Азизъ и денежный кризисъ въ Турціи. — Дѣла венгерскія и прусскія. — Поведеніе туринскаго парламента и statu quo Италіи. — Фульдъ, архиказначей Франціи, и финансовый кризисъ. — Процессъ Плассьяра.

Бываютъ роковыя минуты, когда двадцать пять милліоновъ взрослыхъ людей выкидываютъ одинъ и тотъ-же фарсъ. Все зависитъ отъ того, какой повѣетъ вѣтеръ. Холодомъ повѣетъ, все холодно; тепломъ повѣетъ, все тепло. Повѣетъ ли духомъ героизма,—является цѣлая нація героевъ. Подуетъ-ли духъ негодованія и гнѣва, какъ въ настоящее время, все заражается этимъ духомъ: короли, министры, духовенство, мѣщане, фермеры, мелочные торговцы, продавцы угольевъ, желѣза, хлопчатой бумаги, а въ особенности юристы. Вся Англія теперь неистовствуетъ въ одинъ голосъ. Куда дѣвался прежній Англичанинъ, всегда розовый и свѣжій, всегда строго методическій, комфортабельный, всегда тщательно выбритый, довольный самимъ собою и дышащій спокойствіемъ и благоразуміемъ? Увы! его уже нѣтъ. Мы видимъ теперь Англичанина бѣшенаго, съ взъерошенными бакенбардами, пышущаго гнѣвомъ. Толстый Джонъ Буль грозитъ своимъ могучимъ кулакомъ, и яростнымъ голосомъ изъ-за Атлантическаго океана бранитъ на чемъ свѣтъ стоитъ своего маленькаго кузена Джона-

тана: Джонатанъ пока еще не отвѣтилъ ни слова. Онъ молчитъ потому, что живетъ слишкомъ далеко отъ своего старшаго кузена и что нужно около двадцати дней для того, чтобы нападки переходили черезъ Атлантическій океанъ и обратно, мы скоро будемъ имѣть отвѣтъ Соединенныхъ Штатовъ и тогда узнаемъ, снова ли война, начнетъ терзать и мучить человѣчество.

Но въ чемъ же дѣло?

Англійскій почтовый пароходъ *Трентъ* встрѣтился въ Багамскомъ каналѣ съ военнымъ пароходомъ Соединенныхъ Штатовъ, *Санъ-Яцинто*, и поднялъ британскій флагъ. Санъ-Яцинто, подъ начальствомъ капитана Уайлькса (Wilkes), поднялъ флагъ американскій, холостымъ выстрѣломъ подалъ Тренту сигналъ остановиться и затѣмъ немедленно выстрѣлилъ ядромъ.

Капитанъ Трента потребовалъ объясненіе такой остановки. Вмѣсто отвѣта, командиръ парохода Санъ-Яцинто отправилъ на Трентъ двухъ офицеровъ и десять рядовыхъ, чтобы потребовать списокъ находящихся тамъ пассажировъ. Въ этомъ требованіи посланнымъ было отказано.

Тогда лейтенантъ парохода Санъ-Яцинто объявилъ, что его капитану извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что на Трентѣ находятся чрезвычайные коммисары сепаратистскихъ штатовъ, Мэзонъ и Слайдель, и ихъ секретари, Юстисъ и Фарлендъ, и потребовалъ, чтобъ они немедленно были выданы. Въ этомъ требованіи ему опять рѣшительно отказали капитанъ Уилліамсъ и морской агентъ англійскаго почтоваго вѣдомства.

Капитанъ дѣйствительно не признавалъ права захватить кого бы то ни было, находящагося подъ защитою британскаго флага. Сепаратистскіе коммисары, присутствовавшіе при этомъ спорѣ, объявили, что, находясь на англійскомъ кораблѣ, они просятъ покровительства этого флага. Американскій лейтенантъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ будетъ взятъ пароходъ, и подалъ сигналъ американскому кораблю, который немедленно отправилъ три шлюпки, съ тридцатью солдатами и шестидесятью матросами. Командиръ Уилліамсъ снова протестовалъ противъ такого распоряженія.

«На этомъ кораблѣ», замѣтилъ онъ, «я представитель британскаго правительства и во имя этого правительства объявляю такой поступокъ незаконнымъ, нарушеніемъ народнаго права, пиратствомъ».

Вмѣсто отвѣта, Американцы взошли на англійскій пароходъ, съ оружіемъ въ рукахъ, арестовали сепаратистскихъ коммисаровъ и за-

ставили ихъ сѣсть въ шлюпки. Американскій лейтенантъ сошелъ потомъ съ парохода и Трентъ снова отправился въ путь.

Коммисары южныхъ штатовъ, какъ только причалили къ берегу, немедленно заключены были въ крѣпость Уарренъ, въ Бостонѣ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, Слайдель, приглашенный въ Бостонъ для мирныхъ переговоровъ, гордо отвѣтилъ, что явится туда не иначе, какъ въ качествѣ посланника. Мэзонъ и Слайдель были самые упорные члены сепаратистской партіи, главные виновники отпаденія южныхъ штатовъ, самые ревностные двигатели этого дѣла. Они отправлялись во Францію и Англію съ порученіемъ сдѣлать Людовику Наполеону и правительству королевы Викторіи разныя предложенія. Сепаратисты придавали успѣху ихъ предпріятія чрезвычайно важное значеніе. Поэтому, извѣстіе о взятіи сепаратистскихъ коммисаровъ было принято въ Нью-Іоркѣ съ энтузіазмомъ. Немедленно открылась подписка для поднесенія капитану Уайльксу почетной шпаги, каждому изъ его офицеровъ по парѣ пистолетовъ, а каждому изъ матросовъ по почетному топору. Въ первый же день по этой подпискѣ было собрано 250,000 франковъ.

Капитанъ Уайльксъ, виновникъ этого отважнаго предпріятія, человѣкъ не безъизвѣстный; онъ даже не военный, по ремеслу. Онъ путешественникъ, ѣздившій вокругъ свѣта, необыкновенный географъ, ученая и политическая знаменитость Соединенныхъ Штатовъ. Уайльксъ владѣетъ огромнымъ богатствомъ и имѣетъ дворецъ подлѣ такъ называемаго Бѣлаго Дома. Ему поручено было начальство надъ эскадрой, отправленной въ Австралійскія моря для ученыхъ изслѣдованій. Онъ обогнулъ мысъ Горнъ, посѣтилъ Австралію, моря антарктическія и описалъ берега неизвѣстной до него части австралійскихъ морей. Дюмонъ Дюрвиль, Уайльксъ и капитанъ Россъ—единственные путешественники, проникавшие въ эти опасныя захолустья океана. Описаніе путешествія и открытій Уалькса помѣщено въ великолѣпномъ изданіи, которое можно назвать истиннымъ памятникомъ географіи. Возвращаясь съ береговъ Африки и узнавъ въ Гаваннѣ, что мѣстный англійскій консулъ офиціально принималъ тамъ коммисаровъ южныхъ штатовъ, капитанъ Уайльксъ, или, какъ его прозвали послѣ его знаменитой экспедиціи, коммодоръ Уайльксъ, отважился на предпріятіе, которое теперь подвергаетъ опасности миръ и спокойствіе цѣлаго свѣта. Онъ рѣшился въ Багамскихъ водахъ выждать сепаратистскихъ посланниковъ съ тѣмъ, чтобы ихъ арестовать, и такимъ образомъ принялъ на свою шею страшную от-

*

вѣтственность. Но онъ считалъ свое дѣло правымъ. Нью-Іоркцы, собравшіе въ пользу его подписку, были того же мнѣнія, федеральное правительство также: оно вполнѣ одобрило поступокъ капитана. Юристы государственнаго совѣта также раздѣляли это мнѣніе и упрекали Уайлькса только за то, что онъ не захватилъ самый *Трентъ* и не доставилъ его въ Нью-Іоркъ, какъ хорошую добычу. Самъ Лайонсъ англійскій посланникъ, не отрицалъ этого права, несмотря на свое негодованіе противъ кабинета Линкольна; онъ ограничился тѣмъ, что изъявилъ сожалѣніе по поводу такого приключенія. Все народонаселеніе сѣверныхъ штатовъ считаетъ Уайлькса совершенно правымъ, потому что послѣ первой вспышки радости оно обратило вниманіе на другія событія. Такое спокойствіе служитъ явнымъ доказательствомъ правоты дѣла. Сѣверные жители вспоминаютъ объ этомъ дѣлѣ только для того, чтобы вывести новое заключеніе относительно недоброжелательства къ нимъ со стороны Джона Булля. Они съ любопытствомъ спрашиваютъ себя: что скажетъ Англія?

Что она скажетъ? Она говоритъ: что флагъ ея обезчещенъ измѣнниками и пиратами; что этимъ вопіющимъ, насильственнымъ поступкомъ нарушено международное право, священное право гостепріимства Англіи; что такъ какъ Мэзонъ и Слайдель сѣли въ Гаваннѣ на англійскій корабль, то ихъ должно было считать за людей, отправлявшихся изъ испанской страны, нейтральной, въ страну также нейтральную, Англію; что если это арестованіе признать справедливымъ, то нужно за правительствомъ Сѣверныхъ Штатовъ признать право захватывать, какъ контрабанду всякаго сепаратиста, гдѣ бы то ни было; что арестованіе посланниковъ на англійскомъ пароходѣ равняется арестованію ихъ на улицахъ Лондона; что должно требовать немедленнаго удовлетворенія; что Мэзонъ и Слайдель должны быть освобождены и вполнѣ вознаграждены за противозаконное содержаніе ихъ подъ арестомъ, и что Уайлькса надо подвергнуть примѣрному наказанію. Посланникъ Лайонсъ получилъ приказаніе требовать, чтобы американское правительство извинилось въ своемъ поступкѣ, а въ противномъ случаѣ объявить, что всякая дружба между обѣими націями прекращена, такъ какъ Англія никогда, никогда не задумается въ выборѣ между войною и безчестіемъ.

Конечно, восклицаютъ Англичане, справедливость нашихъ требованій ясна до очевидности, когда даже наши собственные юристы, *our own lowyers* (sic!), которыхъ юридическій взглядъ образовался

въ теченіи многихъ лѣтъ, менѣе чѣмъ въ двадцать четыре часа рѣшили, что Англія жестоко оскорблена злосчастными янки и что надо требовать удовлетворенія судомъ войны.

Кто, кромѣ нарѣзной пушки, въ состояніи рѣшить споръ между юристами Бѣлаго Дома и юристами королевы Викторіи? Но развѣ люди честные, которые, никогда не были законниками, не могутъ составить себѣ мнѣніе вполнѣ безпристрастное.

По нашему рѣшительному мнѣнію, Англичане виноваты и Американцы виноваты. Англичане грѣшатъ противъ буквы своего закона, Американцы противъ справедливости. Оба противника заслуживаютъ порицанія. Объяснимся:

Существующій законъ сохраняетъ свою силу: Каждая изъ воюющихъ сторонъ имѣетъ право обыскивать и брать нейтральные корабли, которые могутъ содержать военную контрабанду. *Times* говоритъ: «Законъ, относящійся къ между-народному праву, дозволяетъ крейсерамъ воюющихъ державъ посѣщать и обыскивать купеческія суда, находящіяся посреди моря». Приведемъ въ примѣръ хоть объявленіе войны Россіи, сдѣланное ея британскимъ величествомъ 15 апрѣля 1854 года.

Ея британское величество не можетъ не пользоваться правомъ брать всякую военную контрабанду и предостеречь жителей нейтральныхъ державъ, чтобъ они не развозили непріятельскихъ депешъ... Въ сомнительномъ случаѣ, военный совѣтъ рѣшаетъ, справедливо-ли взято имущество.

Таковы главные пункты, и самая сущность закона, которые въ настоящее время подверглись столь многимъ толкованіямъ.

Разсмотримъ настоящій вопросъ.

Были ли Мэзонъ и Слайдель посланниками?

Если они были посланниками, то не могли быть таковыми въ отношеніи къ настоящему своему адвокату, Англіи. Объявивъ себя нейтральною въ спорѣ между двумя воюющими сторонами и отказавшись отъ всякаго вмѣшательства въ рѣшеніи этого вопроса, Англія вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась признать законное существованіе правительства рабовладѣтельныхъ штатовъ. Поэтому она не могла также признать Мэзона и Слайделя посланниками. Въ отношеніи къ ней Мезонъ и Слайдель не имѣютъ никакихъ другихъ юридическихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ всѣмъ гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ. Признать ли ихъ мятежниками или нѣтъ? Этотъ вопросъ должна

рѣшить будущность. Притомъ же Мэзонъ и Слайдель находились на купеческомъ суднѣ, а только военные корабли Англіи считаются владѣніемъ этой державы.

Вотъ въ чемъ заключается главный вопросъ:

Были—ли Мэзонъ и Слайдель военная контрабанда; люди, отправляющіеся съ депешами, которыя составляютъ военную контрабанду? Отправляясь во Францію и Англію съ тѣмъ, чтобы добыть оружія, составляющія контрабанду, Мэзонъ и Слайдель представляли живыя депеши.

Вотъ впрочемъ авторитеты, на которые ссылаются англійскіе журналы. Докторъ Робертъ Филлиморъ, адвокатъ ея британскаго величества при адмиралтействѣ, говоритъ: «Официальное сообщеніе, со стороны лица официальнаго, о дѣлахъ воюющихъ державъ есть депеша, придающая непріязненный характеръ тому, кто ее доставляетъ. Послѣдствія услуги, оказываемой такимъ образомъ непріятелю, гораздо болѣе вредны, чѣмъ послѣдствія доставки какой—бы то ни было контрабанды». Англичанинъ, канцлеръ Кентъ въ основаніе своихъ сужденій объ этомъ предметѣ, полагаетъ, «что война между двумя націями есть война всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ одной изъ нихъ, со всѣми лицами, принадлежащими къ другой». Лордъ Стоэль, оправдывая адмиралтейство по поводу уничтоженія корабля *Кэролайнъ*, говоритъ: «Вы можете примѣнять право войны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ проявляется непріязненный характеръ. Вы можете остановить посланника своего непріятеля». Кажется, нельзя выразиться болѣе рѣшительнымъ образомъ.

Намъ могутъ возразить: Такъ толковала Англія прежде, сообразно съ нуждами того времени; теперь бы она сама готова была отказаться отъ этихъ толкованій.—Положимъ!—Но пока она не отказалась, Уайльксъ остается правымъ. Допустимъ, что это право сомнительно, все же Уайльксъ уполномоченъ арестовать Мэзона и Слайделя и доставить ихъ въ Нью-Іоркъ, съ тѣмъ, чтобы судъ разобралъ, справедливо ли они взяты въ плѣнъ. Но вотъ главный пунктъ, на которомъ основываются всѣ споры. Слѣдовало—ли Мэзона и Слайделя доставить въ Нью—Іоркъ вмѣстѣ со всѣмъ пароходомъ, на которомъ находились путешественники и товары, безъ сомнѣнія не составляющіе военной контрабанды? Слѣдовало ли, вмѣстѣ съ четырьмя лицами, которыхъ вина сомнительна, захватить также нѣсколько сотъ невинныхъ пассажировъ? Англія говоритъ, что *слѣдовало* , но всякій правди—

вый, здравомыслящій человѣкъ скажетъ, что *не слѣдовало.* Такимъ образомъ, Англія угрожаетъ Соединеннымъ Штатамъ всею тяжестью своего гнѣва за то, что пираты не захватили богатый англійскій корабль, а только самый *corpus delicti*, лицъ, подлежащихъ суду. «Поэтому», восклицаетъ генералъ Уинфильдъ Скотть обращаясь къ здравому смыслу и чувству справедливости англійскаго народа, «поэтому мы были бы менѣе виновны, еслибъ вина наша была значительнѣе; обида, нанесенная англійскому флагу, была бы ничтожнѣе, еслибъ, вмѣсто того, чтобъ захватить четырехъ мятежниковъ, мы захватили цѣлый корабль, со всѣми находившимися на немъ пассажирами и товарами! Господа юристы англійской короны, если васъ такъ сильно оскорбляетъ то, что мы не взяли вашъ корабль *Трентъ*, то пришлите его къ намъ на слѣдствіе въ Нью-Іоркъ»!

Вотъ что мы должны были замѣтить въ отношеніи этого права.

Но неужели возразятъ намъ: этотъ законъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе? Неужели можно людей мирныхъ и честныхъ, принадлежащихъ къ нейтральной державѣ, отдавать на произволъ военной силы? Англія поддерживаетъ это право, которое въ сущности не что иное, какъ право сильнаго. Она навязала его всѣмъ морскимъ державамъ и строго примѣняла во время послѣдней войны съ Россіею. На парижскомъ конгрессѣ, который, если мы не ошибаемся, долженъ былъ возвѣстить Европѣ новую эру благоденствія, Франція предложила Англіи уничтожить этотъ законъ и признать на будущее время неприкосновенность всякаго нейтральнаго флага. Англія не согласилась. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Американскіе Штаты возобновили это предложеніе, но Англія опять отказала. Взаимное положеніе обѣихъ державъ нераціонально и эта нераціональность заключается въ томъ, что одна ссылается на право, котораго никогда не признавала, а другая отвергаетъ право, на которое всегда ссылалась... и нетолько ссылалась: Англія создала это право, создала вопреки желанію всѣхъ и каждаго и особенно вопреки желанію Соединенныхъ Штатовъ. Морскія лѣтописи представляютъ тому множество любопытныхъ примѣровъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ, имѣющій замѣчательное сходство съ исторіею *Трента.* Этотъ случай припомнилъ Джорджъ Семмеръ американскій юрисконсультъ:

Въ 1780 году *Генри Лоренсъ* экспрезидентъ революціоннаго конгреса штатовъ, старавшихся тогда отложиться отъ Англіи, былъ отправленъ въ Голландію, въ качествѣ чрезвычайнаго

коммисара, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать заемъ въ пользу возрождающейся республики. Онъ отправился на кораблѣ *Adriana*, который и доставилъ его въ Мартинику, страну нейтральную. Отсюда онъ поѣхалъ на *Меркуріѣ*. Голландія объявила себя нейтральною въ отношеніи къ Англіи и Соединеннымъ Штатамъ. Она признавала эти штаты только какъ одну изъ воюющихъ сторонъ. 14 сентября англійскій фрегатъ *Весталка*, подъ начальствомъ капитана *Кеппеля* захватилъ корабль, на которомъ находился американскій коммисаръ. Капитанъ корабля взятъ былъ въ плѣнъ, а Лоренсъ заключенъ въ Лондонѣ въ Tower, какъ обвиненный въ государственной измѣнѣ. Его плѣнъ продолжался два года, до заключенія мира въ Парижѣ, причемъ Лоренсъ участвовалъ въ качествѣ уполномоченнаго министра Соединенныхъ Штатовъ.

Еще болѣе назидателенъ случай, бывшій съ Люсьяномъ Бонапарте. Негодуя на тиранію, которой Наполеонъ Бонапарте подвергалъ членовъ своего семейства, Люсьянъ хотѣлъ бѣжать въ Америку, чтобъ жить тамъ простымъ гражданиномъ. Онъ отправился на американскомъ кораблѣ, но Англичане, узнавъ объ этомъ, захотѣли овладѣть его особой, какъ драгоцѣнной добычей. Они приняли видъ, будто полагаютъ, что онъ отправленъ съ депешами (то-же, что случилось и съ Мэзономъ и Слайделемъ) остановили нейтральный корабль и отправили Люсьяна въ замокъ Лудловъ, гдѣ онъ и содержался какъ плѣнникъ.

Мы выбрали только примѣры, имѣвшіе поразительное сходство съ разбираемымъ нами случаемъ, но можно было бы также разсказать о томъ, какъ Англія вообще обращалась съ нейтральными державами. Такъ въ 1810 году Нельсонъ и Паркеръ начали бомбардировать Копенгагенъ и захватывать датскій флотъ черезъ три часа послѣ объявленія Даніи войны. Это подвигъ не безпримѣрный въ лѣтописяхъ англійскаго флота. Случилось однажды, что Англія захватила 400 французскихъ купеческихъ судовъ и потомъ уже объявила Франціи войну. Но мы нисколько не отступимъ отъ главнаго вопроса, если упомянемъ о случаѣ, бывшемъ съ американскимъ кораблемъ *Caroline*, на которомъ находились канадскіе инсургенты. Англичане, подъ предводительствомъ капитана Мэкъ Ліода овладѣли этимъ кораблемъ, подожгли его и погнали къ Ніагарскому водопаду. Мы такъ-же не уклонимся отъ нашего предмета, говоря объ американскихъ корабляхъ, Леопардѣ и Чезепикѣ конфискованныхъ англійскими крейсерами. Эти крейсеры нашли въ нихъ англійскихъ подданныхъ, всту-

пившихъ на американскія купеческія суда, чтобы освободиться отъ опасности быть насильственно вербованными въ военную морскую службу. Этихъ несчастныхъ дезертировъ, захваченныхъ съ другими, мнимыми дезертирами, безъ дальнихъ околичностей повѣсили. Въ то же время вѣшались мнимые Англичане, на самомъ дѣлѣ бывшіе Американцами. Сенъ-Джемское правительство великодушно потомъ изъявило сожалѣніе по поводу ихъ смерти. Послѣдствія этихъ непріятныхъ приключеній извѣстны. Американцы сильно протестовали противъ распоряженій, которыя предоставляли простому морскому офицеру право, безъ всякаго контроля, судить о національности лицъ, состоявшихъ на службѣ нейтральной державы. Англичане не уступали. Начался горячій споръ, который кончился тѣмъ, что обѣ стороны взялись за оружіе.

Во всякомъ случаѣ, какое значеніе имѣютъ эти мелочныя дрязги? Къ чему ставить войну между двумя великими націями въ зависимость отъ лукавыхъ словопреній законниковъ? Въ 1813 году Джонатанъ защищалъ права нейтральныхъ державъ противъ Джона Булля, поддерживавшаго права воюющихъ государствъ. Въ 1861 году Джонатанъ объявляетъ себя въ пользу права воюющихъ, а Джонъ Булль, защищаетъ права нейтральныхъ народовъ.

Намъ, простымъ смертнымъ, понятно только то, что Англія пользовалась правомъ сильнаго, пока могла, и что теперь, когда ея собственный законъ примѣняется противъ нея-же самой, она находитъ это право несноснымъ и въ высшей степени несправедливымъ. Что значитъ эта раздражительность Англичанъ, выразившаяся въ крикѣ: «*Outrage on the British flag?*» Не происходитъ-ли она отъ высокомѣрія, въ которомъ Англія не хочетъ сознаться, но которое она и не отвергаетъ, но гордости? Осматривать и арестовать другихъ пріятно, но въ свою очередь подвергнуться осмотру и аресту несносно. Очень мило выражается на этотъ счетъ журналъ Times: «Мы дѣлали то, чего другимъ не позволимъ дѣлать.»

Итакъ Англія хочетъ одна пользоваться правомъ сильнаго. Но дѣйствительно ли она сильнѣе своего соперника? Мы вскорѣ разсмотримъ этотъ вопросъ.

Говорятъ: бѣда никогда не приходитъ одна: въ то время, какъ приключеніе, бывшее съ Трентомъ, происходило въ водахъ Багамы, другое приключеніе совершилось у входа въ Ла-Маншъ. Военный пароходъ *Нашвилль* (Nashville), принадлежащій сепаратистамъ, и ко-

тораго экипажъ большею частію состоялъ изъ Англичанъ, встрѣтилъ торговое судно *Гарвей Берчъ* (Harvey Bierch), плывшее подъ американскимъ флагомъ. *Нашвилль* остановилъ этотъ корабль, не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, и, грозя затопить судно со всѣмъ находившимся на немъ имуществомъ, приказалъ немедленно опустить американскій флагъ и сдаться. Это приказаніе было исполнено. Тогда пятидесяти человѣкамъ, находившимся на Гарвей Берчѣ, дано было полчаса времени для того, чтобы собрать кое-какіе пожитки и перейти на Нашвилль. Здѣсь этихъ несчастныхъ заключили въ оковы. Корабль, который они покинули, немедленно былъ подожженъ у кормы и носа. Вскорѣ пламя его охватило со всѣхъ сторонъ, мачты рухнули и судно пошло ко дну. Гарвей Берчъ былъ корабль, вмѣщавшій 1500 тоннъ и стоившій 625000 франковъ. Находившіеся на немъ товары оцѣнивались вдвое или втрое противъ этой суммы. Такимъ образомъ болѣе двухъ милліоновъ франковъ пошло ко дну моря. Корабль сепаратистовъ спокойно прибылъ въ Соутамптонъ (Southampton), чтобы высадить своихъ плѣнныхъ и поправить понесенныя имъ поврежденія.

Этотъ случай подалъ поводъ къ весьма сложнымъ вопросамъ. Англія не нарушала-ли права нейтралитета, дозволивъ *Нашвиллю* высадить плѣнныхъ и исправить оказавшіяся на немъ поврежденія англійскими работниками?

Законъ дѣйствительно запрещаетъ выгрузку военной контрабанды. Но плѣнные составляютъ-ли такую контрабанду? Быть можетъ. Но въ такомъ случаѣ федералы сѣвера могутъ пожаловаться, что ихъ высадили въ нейтральной странѣ. Англія тогда можетъ выразить свое сожалѣніе, и предложить имъ полное удовлетвореніе. Это удовлетвореніе, безъ сомнѣнія, прежде всего должно состоять въ томъ, чтобы снова заключить въ оковы экипажъ *Гарвей Берча* и передать плѣнныхъ на попеченіе *Нашвилля*, для доставки ихъ изъ Соутамптона въ тюрьмы южныхъ штатовъ.

Притомъ федералы имѣютъ ли право жаловаться на то, что Англичане дозволяютъ *Нашвиллю* запасаться военными снарядами въ англійскомъ арсеналѣ, чтобы быть въ состояніи сжечь другія суда сѣверныхъ штатовъ? Вѣроятно.—Но коронные юристы Англіи тогда отвѣтятъ: мѣсяцъ тому назадъ вы бы имѣли право жаловаться, но теперь этого права не имѣете, послѣ того, какъ вы на насъ возложили исправленіе корабля *Джэмсъ Аджеръ* (James Adger), который те-

перь разъѣзжаетъ по морю, чтобы нападать на суда сепаратистовъ и, быть можетъ, съ этою цѣлью гдѣ нибудь поджидаетъ *Нашвилль*. Если я долженъ былъ согласиться на ваше требованіе, то не могъ же я отказать просьбѣ *Нашвилля*.

Англичанамъ всего болѣе досадно, что ихъ собственный законъ, сдѣланный въ пользу сильнаго, теперь обращается противъ нихъ же самихъ. Отъ этого страдаетъ ихъ гордость. Съ другой стороны, сильно задѣто самолюбіе сѣверныхъ штатовъ. Имъ досадно, что Англія нетолько не обнаружила къ нимъ никакого участія, но даже съ злобной радостью смотрѣла на ихъ затруднительное положеніе. Они не хотѣли, чтобъ Англія давала мятежному югу титулъ воюющей страны. Имъ казалось, что правительство королевы Викторіи содѣйствуетъ отпаденію южныхъ штатовъ, чтобы раздѣлить это огромное государство, которое, усиливаясь все болѣе и болѣе, почти сдѣлалось ровнымъ Англіи, по могуществу. Жители сѣвера думаютъ, что Англія желаетъ ихъ вытѣснить съ юга посредствомъ введенія свободнаго обмѣна товаровъ между страною земледѣльческою и страною промышленною, обмѣна хлопчатой бумаги, риса и сахара на произведенія англійскихъ мануфактуръ. Они обижены предосторожностями, принятыми Англіею, которая съ самаго начала войны стала увеличивать свои гарнизоны и строить новыя укрѣпленія въ Канадѣ, гдѣ многія богатыя семейства сепаратистовъ нашли для себя убѣжище. Канада сдѣлалась сборнымъ пунктомъ отпавшихъ отъ союза Американцевъ, *Кобленцомъ* рабовладѣльцевъ, возставшихъ противъ сѣверныхъ штатовъ. На приказаніе укрѣпить Канаду Сьюардъ отвѣтилъ приказаніемъ привести въ оборонительный порядокъ берега штата Мэна (Maine). Это еще болѣе раздражило Англичанъ.

Итакъ вооруженія готовятся и съ той и съ другой стороны На всѣхъ приморскихъ верфяхъ Англіи работы производятся и въ будни и въ воскресенье, и днемъ и ночью, какъ будто война должна начаться черезъ двѣ недѣли.

Какія могутъ быть послѣдствія этой войны?

Въ Нью-Іоркѣ вездѣ хладнокровно разсуждаютъ о томъ, какой исходъ, благопріятный или неблагопріятный, можетъ имѣть война. Америка готова видѣть свою торговлю разстроенною и свои прибрежные города объятыми пламенемъ; эти города могутъ быть вскорѣ отстроены вновь, а американскіе корсары не пощадятъ торговаго флота Англіи.

Правда, что война корсаровъ теперь уже не такъ удобна, какъ въ

1812 году, до изобрѣтенія пароходовъ. Теперь военные корабли Англіи быстро могутъ переправляться отъ одного пункта морей къ другому, преслѣдуя суда союзныхъ штатовъ; но какъ бы многочисленъ ни былъ англійскій флотъ, онъ все же не въ состояніи будетъ удовлетворить потребностямъ. У корсаровъ Соединенныхъ Штатовъ также будутъ пароходы, которые въ скорости нисколько не уступятъ англійскимъ.

Не забудемъ, что телеграфическая линія теперь соединяетъ Нью-Іоркъ съ Санъ-Франциско, котораго портъ во всякое время наполненъ великолѣпными кораблями. Потребуется не много часовъ для того, чтобы сообщить въ Калифорнію извѣстіе объ объявленіи войны, и чрезъ нѣсколько дней многочисленные суда союзниковъ, вооруженные какъ нельзя лучше отправятся очищать отъ непріятеля моря Индіи, Китая и Австраліи.

Но предположимъ самый лучшій исходъ. Предположимъ, что американская торговля будетъ уничтожена и флагъ американскій изгнанъ со всѣхъ морей: все же Англія не можетъ думать о завоеваніи континента Америки. Этотъ континентъ останется за Американцами, со всѣми своими богатствами, лугами и рѣками и съ неисчерпаемыми рудниками Пенсильваніи; земледѣліе и промышленность получатъ въ немъ новый толчекъ. Лишенные возможности пользоваться иностранными товарами, жители Сѣвера научатся обходиться безъ посторонней помощи. Во время войны 1812 года, колонизація Америки, ограничивавшаяся прежде берегами Атлантическаго моря, перешла за Аллеганскій хребетъ и распространилась по всей равнинѣ Миссисипи: теперь же она перейдетъ за Скалистыя горы. Американцы оканчатъ желѣзную дорогу, пролагаемую къ Тихому океану, и протянутъ руку своимъ калифорнскимъ братьямъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, Европа можетъ увидитъ передъ собою республику еще болѣе обширную, —— болѣе могущественную и болѣе увѣренную въ своей будущности.

Что же выиграетъ Англія въ этой военной игрѣ? Поражая сѣверную Америку, она поразитъ самое себя. Ея торговля съ Соединенными Штатами составляетъ половину ея торговли со всѣмъ свѣтомъ. Англійскіе капиталы въ Америкѣ, употребляемые на торговые обороты и на постройку желѣзныхъ дорогъ, или отданные подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, составляютъ болѣе двухъ милліардовъ; всѣ эти деньги лопнутъ въ случаѣ объявленія войны. Подавая поводъ къ войнѣ, Англія готовитъ себѣ страшныя испытанія

и, что быть можетъ еще хуже, вселяетъ къ себѣ ненависть въ сердцахъ Американцевъ. Прежняя ненависть, порожденная войною за независимость, исчезла; въ доказательство достаточно привести радушный пріемъ, сдѣланный принцу Гальскому, будущему преемнику англійской короны. Этотъ принцъ былъ дурно встрѣченъ только въ одномъ американскомъ городѣ; и знаете ли въ какомъ? въ Ричмондѣ, въ Виргиніи: Чернь этого города оскорбила въ лицѣ принца сына королевы, подозрѣваемой въ сочувствіи къ уничтоженію невольничества. Теперь, по странному обороту дѣлъ, Ричмондъ открываетъ свои объятія Англіи, а Англія, съ своей стороны, намѣрена содѣйствовать самостоятельности тѣхъ самыхъ штатовъ, которыхъ любимое учрежденіе она столь долгое время признавала нарушеніемъ человѣческихъ правъ!

Замѣчательно, что усиленіе неприязни къ Соединеннымъ Штатамъ, обнаружившееся съ самаго начала гражданской войны въ Америкѣ, совпадаетъ съ внезапнымъ ослабленіемъ радикальной партіи въ Англіи и съ другимъ явленіемъ, которое почти можно было бы назвать смѣшеніемъ виговъ и тори: Кто въ настоящее время въ состояніи съ точностью опредѣлить различие между этими двумя политическими школами? Но кто-же не видитъ, что онѣ сближаются между собою, съ тѣмъ, чтобы вмѣстѣ противодѣйствовать вліянію Кобденовъ, Брайтовъ и людей, отличающихся демократическими тенденціями?

Господствующіе классы Англіи опасаются демократіи; надѣясь ослабить сѣверную Америку, они въ то-же время надѣются ослабить эту возрастающую силу, которая грозитъ ихъ собственнымъ привиллегіямъ. Побѣда надъ Соединенными Штатами надолго отстрочитъ избирательную реформу. Кто въ послѣдніе годы слѣдилъ за англійскими журналами, гдѣ проявляется мысль господствующихъ классовъ, тотъ пойметъ, каковы должны были быть чувства правительственныхъ людей Англіи, когда приключеніе *Трента* подало имъ поводъ, котораго, безъ сомнѣнія, они не рѣшились бы подать сами.

Размышляя объ этихъ важныхъ событіяхъ и о страстяхъ, содѣйствующихъ ихъ развитію, нельзя не вспомнить о Неграхъ, бывшихъ первою причиною возстанія юга и всѣхъ послѣдовавшихъ за тѣмъ несчастій. До сихъ поръ кабинетъ Линкольна не хочетъ знать, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны невольники. «Оставимъ,» говоритъ онъ, — «въ сторонѣ вопросъ о невольничествѣ; не будемъ жертвовать счастіемъ двадцати милліоновъ бѣлыхъ жителей въ пользу четырехъ милліоновъ черныхъ.» Если вспыхнетъ война между прежнею метрополіею и быв-

шею ея колонiею, то сѣверъ будетъ принужденъ объявить свободу Негровъ, а въ случаѣ надобности, также войну за уничтоженiе рабства. Послѣдствiемъ этой войны будетъ не истребленiе бѣлыхъ жителей черными, какъ многiе полагаютъ притворно, а истребленiе черныхъ бѣлыми, хотя правда, что незначительная часть Негровъ, которые быть можетъ останутся въ живыхъ, потомъ въ свою очередь станутъ убивать своихъ прежнихъ истребителей.... Итакъ Англiя, истратившая пять сотъ миллiоновъ на уничтоженiе невольничества, теперь въ союзѣ съ южною Америкою хочетъ истратить вдесятеро болѣе, чтобы возстановить это учрежденiе. Всѣ, принимавшiе участiе въ этомъ учрежденiи,—и югъ и сѣверъ и Англiя, которая ввела невольничество въ своихъ американскихъ колонiяхъ и теперь извлекаетъ изъ него выгоды,—будутъ жестоко наказаны за такой поступокъ:

Между тѣмъ положенiе, принятое въ Ирландiи значительною партiею *нацiоналистовъ*, вовсе неутѣшительно для англiйскаго правительства и не таково, чтобы смягчить пессимизмъ Таймса. Въ то время, какъ Смитъ О'Брайенъ объявляетъ въ одномъ письмѣ, что двѣсти тысячъ американскихъ солдатъ изъ Ирландцевъ будутъ сражаться противъ Англичанъ, въ Дублинѣ многочисленныя и шумныя собранiя воспламеняютъ старинную ненависть противъ Великобританiи и возбуждаютъ въ народѣ новыя надежды. Рѣшено составить коммиссiю изъ двадцати пяти избранныхъ членовъ, для обсужденiя средствъ къ достиженiю нацiональной организацiи.... Нацiональная организацiя! Вотъ вопросъ, котораго никогда не въ состоянiи будутъ рѣшить Ирландцы, какъ они ни храбры, какъ ни лукавы и изобрѣтательны: ихъ непостоянство можетъ сравниться развѣ только съ духомъ ихъ предпрiимчивости; они одинаково готовы сражаться и съ недругомъ и другомъ. Если вспыхнетъ война, то Англiя не будетъ имѣть большой надобности опасаться Ирландiи, а только Ирландцевъ, переселившихся въ Америку. Едвали простое шарлатанство, хвастовство выражается въ воинственной пѣснѣ дублинскаго журнала Nation: «Да, войска Англiи въ первыхъ рядахъ своихъ непрiятелей встрѣтятъ людей столько же рѣшительныхъ, какъ и тѣ, которые при Фонтнэ разбили англiйскiе баталiоны при крикѣ: *Лаймрикъ! Вы помните Лаймрика!* «Да, люди, изгнанные изъ родной страны, эти люди будутъ впереди сражающихся.!»

Если вспыхнетъ война, то она будетъ жестокая и по своимъ результатамъ сдѣлается однимъ изъ самыхъ громадныхъ явленiй нашего

вѣка. Но люди, исполненные чести и любви къ прогрессу, стоятъ на своемъ посту. Пріятно слышать благородныя слова Джона Брайта и разумную рѣчь Ричарда Кобдена.

Вотъ сущность содержанія одного изъ писемъ Ричарда Кобдена, которое прочтено было на митингѣ въ Рочдэлѣ (Rochdale), 5 декабря: «Нѣкоторые люди въ Англіи и на континентѣ думаютъ, что прави-«тельства Великобританіи и Франціи могутъ подвергнуть своему кон-«тролю и окончить гражданскую войну въ Америкѣ. Я какъ нельзя «болѣе убѣжденъ въ противномъ и полагаю, что всякое вмѣшательство «въ эту борьбу со стороны европейскаго государства можетъ только «продлить и увеличить ея бѣдствія. Исторія подтверждаетъ это примѣ-«ромъ: ужасы французской революціи (sic) значительно усилились вслѣд-«ствіе вмѣшательства иностранныхъ державъ. Если подобное же по-«стороннее начало вмѣшается въ борьбу партій въ Америкѣ, то уже «нельзя будетъ ожидать между спорящими ни снисхожденія, ни со-«глашенія, ни примиренія! Сѣверъ воспользуется страшнымъ оружіемъ, «находящимся у него подъ рукою; онъ возмутитъ невольниковъ про-«тивъ южныхъ штатовъ, которые сдѣлаются театромъ кровопролитія «и опустошенія. И что всего хуже (sic) для насъ, даже люди, за-«нимающіеся разведеніемъ *хлопчатой бумаги*, наконецъ покинутъ «почву южной части Союза.»

Брайтъ, говорившій болѣе двухъ часовъ о дѣлахъ Америки, такъ окончилъ свою рѣчь: «Будетъ ли снова возстановленъ Союзъ, или «нѣтъ? Получитъ ли югъ самостоятельность, лишенную чести, или не «получитъ? Я этого не знаю и не хочу дѣлать на этотъ счетъ ника-«кихъ предположеній. Но я думаю и знаю, что чрезъ нѣсколько лѣтъ «двадцать милліоновъ свободныхъ жителей Сѣвера превратятся въ трид-«цать, даже пятьдесятъ милліоновъ и составятъ народонаселеніе, кото-«рое нисколько не будетъ меньше, если не больше народонаселенія «нашего королевства. Когда наступитъ этотъ день, дай Богъ, чтобы «граждане сѣверныхъ штатовъ не имѣли причины говорить, что въ «самую мрачную для нихъ минуту испытаній, Англія, страна ихъ «предковъ, смотрѣла холодно и безчувственно на опасности и бѣд-«ствія своихъ дѣтей! Что касается до меня лично, то признаюсь: я «только членъ этого собранія и одинъ изъ многочисленныхъ жителей «Англіи; но если даже всѣ остальные будутъ безмолвствовать, я не «перестану проповѣдывать политику, подающую надежду невольникамъ «юга, политику, стремящуюся къ благороднымъ мыслямъ, къ благо-

«роднымъ выраженіямъ и къ благороднымъ поступкамъ въ отношеніи «другъ друга со стороны двухъ націй, которыя говорятъ на англій-«скомъ языкѣ и, по своему происхожденію, одинаково заслуживаютъ «имени Англичанъ!»

Вспыхнетъ-ли война?

Если она не вспыхнетъ, то этимъ мы будемъ обязаны американскому народу, обыкновенно вспыльчивому, горячему и настойчивому, который, сознавая свое критическое положеніе, быть можетъ, захочетъ выказать болѣе благоразумія, нежели Англія. Послѣдняя теперь, повидимому, сожалѣетъ, что такъ опрометчиво воскликнула при самомъ началѣ: «*Война или безчестіе!*» Она въ 23-мъ протоколѣ парижскаго конгресса нашла замѣчаніе, которое можетъ ее спасти отъ этой выходки. Вотъ это замѣчаніе: «Гг. уполномоченные, отъ имени своихъ правительствъ, рѣшаются выразить желаніе, чтобы государства, «между которыми произойдутъ серіезныя несогласія, обращались по «возможности къ посредничеству какой либо дружественной держа-«вы, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ оружію для рѣшенія своего спора. «Гг. уполномоченные надѣются, что правительства, не имѣющія пред-«ставителей на конгрессѣ, согласятся съ мыслью, внушившею жела-«ніе, означенное въ настоящемъ протоколѣ.»

По замѣчанію газеты *Daily-News*, Соединенные Штаты, съ своей стороны, оправдали эту надежду, формально согласившись съ желаніемъ конгресса. Съ другой стороны нью-іоркская газета *Tribune*, отличающаяся стремленіемъ къ уничтоженію невольничества и которая теперь пользуется большимъ вліяніемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, совѣтуетъ возвратить Мэзона и Слайделя Англіи, чтобы сохранить прежнія отношенія съ этой страною и чтобы спасти новый принципъ, имѣющій быть утвержденнымъ. Дѣло въ томъ, что Англія намѣрена придать законную силу принципу, по которому товары на кораблѣ, плывущемъ подъ нейтральнымъ флагомъ, останутся неприкосновенными. Если, говоритъ *Tribune*, возвратить этихъ двухъ пожирателей Негровъ, то въ цивилизаціи будетъ сдѣланъ важный шагъ впередъ. Это весьма благородныя слова. Желательно, чтобы Соединенные Штаты осуществили этотъ благоразумный совѣтъ и чтобы его послушалась Англія!

Что касается до насъ, то мы не слишкомъ полагаемся на политическую мудрость націй; но мы при всемъ томъ не хотимъ признать возможнымъ такое страшное событіе, котораго призракъ возмущаетъ наше сердце. Видя два огромныхъ локомотива, летящихъ другъ на дру-

га на всѣхъ парахъ и съ ужасающей быстротою, мы не смѣемъ надѣяться, что машинистамъ удастся ихъ остановить, но въ то же время не рѣшились бы сказать, что столкновеніе этихъ страшныхъ машинъ *возможно*. Сказать это, значило бы придать такому несчастію возможность нравственную, родъ согласія, возмущающаго нашу совѣсть. Мы возстаемъ противъ кровопролитій, противъ этихъ громадныхъ опустошеній, которыя производятся по поводу спора, основаннаго на недоразумѣніи.

При страшной перспективѣ, какую представляетъ возможность войны между Англіею и Соединенными Штатами, подробности борьбы, происходящей въ самой Америкѣ, теряютъ свою важность и становятся на задній планъ. Не теперь, когда богиня мести готовится предать пламени цѣлые флоты на океанѣ и окрасить человѣческою кровью всѣ моря и рѣки не теперь стычки на берегахъ Потомака и Миссури могутъ приковать вниманіе читателя. Однакожъ борьба, происходящая между союзною аристократіею юга и демократическимъ населеніемъ сѣвера, все же сама по себѣ нисколько не теряетъ своего высокаго значенія: эта борьба, порожденная бичемъ невольничества, имѣетъ логическимъ слѣдствіемъ уничтоженіе жестокой эксплоатаціи Негровъ, производимой ихъ бѣлыми собратами. Поэтому друзья справедливости и прогреса всегда съ одинаковымъ усердіемъ должны слѣдить за ходомъ событій въ древней республикѣ Соединенныхъ Штатовъ.

На западѣ Миссисипи, вызовъ генерала Фремона (Frémont) имѣлъ результатъ, какой должно было ожидать: разстройство союзнаго войска и новое вторженіе на сѣверъ, со стороны рабовладѣльцевъ. Фремонъ успѣлъ настигнуть непріятеля на южной границѣ штата Миссури и уже готовился дать сраженіе. Войска рабовладѣльцевъ упали духомъ, вслѣдствіе продолжительнаго отступленія, частыхъ неудачъ и несогласія ихъ собственныхъ генераловъ, и раздѣлились на части. Въ это самое время Фремонъ получилъ приказаніе передать начальство надъ арміею своему личному врагу генералу Гёнтеру (Hunter). Тщетно отставленный вождь увѣщевалъ войска быть твердыми и забыть обиду: зло уже было сдѣлано; офицеры также хотѣли подать въ отставку; солдаты, деморализованные удаленіемъ своего генерала болѣе, чѣмъ какимъ бы то ни было пораженіемъ, не имѣли достаточной отваги атаковать непріятеля. Началось всеобщее отступленіе. Въ то же время войска рабовладѣльцевъ ободрились: не рѣшаясь, однакожъ,

дать сраженія, они стали слѣдовать за сѣверною арміею, предавая пламени и грабя города, находившіеся на ихъ пути. Теперь третья часть Миссури досталась въ ихъ руки и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Фремонъ съ своимъ войскомъ, собраніе плантаторовъ могло вотировать присоединеніе этого штата къ своему союзу. Вотъ какой вредъ нанесла республикѣ вспышка зависти въ сердцѣ президента Линкольна!

На другихъ пунктахъ обширной линіи, которая отдѣляетъ обѣ непріязненныя націи одну отъ другой, войска сѣверныхъ союзниковъ имѣли болѣе успѣха. Въ Кентукки они вытѣснили сепаратистовъ на югъ, такъ что депутаты рабовладѣльцевъ должны были избрать сборнымъ пунктомъ своимъ городъ, находящійся на южной границѣ этого штата. Въ западной Виргиніи, генералъ Розкранцъ (Rosecranz) отбилъ у сепаратистовъ весьма важную стратегическую позицію. Передъ Вашингтономъ, Макъ-Клелланъ (Mac-Clellan) все болѣе и болѣе усиливаетъ свою армію; Потомакъ теперь уже не такъ недоступно укрѣпленъ батареями рабовладѣльцевъ.

Съ своей стороны, флотъ сѣверныхъ штатовъ, принимавшій прежде въ войнѣ только слабое участіе, отличился отважнымъ предпріятіемъ. Разсѣянные сначала страшною бурею, которая въ то-же время разбила два или три французскихъ военныхъ корвета, слишкомъ увлеченныхъ любопытствомъ, корабли американскіе, за исключеніемъ четырехъ, воспротивились ярости вѣтровъ и собрались передъ бухтою Портъ Ройяля (Port Royal). Этотъ портъ, лучшій на южномъ берегу американскихъ штатовъ, былъ укрѣпленъ съ самаго начала войны и газеты сепаратистовъ считали его неприступнымъ. Онъ, однакожъ, былъ взятъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардированія. Звѣздный флагъ снова водрузился въ южной Каролинѣ, которая первая его сняла. Солдаты сепаратистовъ и плантаторы, убивъ нѣсколькихъ невольниковъ, которые не хотѣли слѣдовать за ними, поспѣшно покинули островъ Портъ Ройяль, съ своими женами и дѣтьми, оставивъ плантаціи, дома и магазины въ рукахъ Негровъ. Внѣ себя отъ радости, прежніе рабы заняли жилища своихъ господъ и неистово стали плясать въ роскошныхъ залахъ, куда прежде не смѣли ступить ногой. Они разбили темницы, и даже сломали тюремныя цѣпи.

Извѣстіе объ этомъ событіи принято было на югѣ съ ужасомъ. Дѣйствительно сѣверный флотъ, овладѣвъ Портъ Ройялемъ, нетолько занялъ стратегическую позицію, весьма выгодную для блокады бере-

говъ сепаратистскихъ штатовъ, и для наблюденія за Саванною и Чарльстономъ, главными пунктами возстанія: онъ теперь угрожаетъ плантаторамъ въ самыхъ ихъ жилищахъ, потому что можетъ обратить Негровъ изъ покорныхъ невольниковъ, въ людей, сражающихся за свободу. Всѣ рабовладѣльцы ужаснулись; города Чарльстонъ и Саванна, угрожаемые болѣе другихъ, подняли черный флагъ, въ знакъ, что сепаратисты съ этого времени никому не дадутъ и не отъ кого не примутъ пощады. Въ своемъ посланіи, президентъ Джефферсонъ Дэвисъ (Jefferson Davis), изложивъ вымышленныя злодѣйства, будто бы совершенныя войсками сѣверныхъ штатовъ, объявилъ, что теперь война будетъ производиться немилосердно и что военноплѣнные будутъ считаться внѣ закона и подвергаться такому же обращенію, какъ и хищныя животныя.

Это посланіе, написанное высокопарнымъ слогомъ, возбудило всеобщее удовольствіе въ дипломатахъ англійскихъ и даже французскихъ: о невольничествѣ, — этомъ божественномъ учрежденіи, — въ немъ не говорится ни слова; но за то сколько тамъ великолѣпныхъ фразъ о свободѣ, независимости и національной чести! По словамъ Джефферсона Дэвиса оказывается, что финансы южнаго союза находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, какъ будто тамъ ассигнаціи не упали уже на 40% своей цѣны; что арміи рабовладѣльцевъ всюду очистили отъ непріятеля священную почву отечества, какъ будто Виргинія, Кентукки, Миссури и даже южная Каролина, словомъ всѣ рабовладѣтельные штаты, не служатъ теперь театромъ войны и какъ будто самъ президентъ не перевелъ снова своей подвижной столицы въ отдаленный пунктъ, безопасный отъ непріятельскихъ ядеръ! Наконецъ, Джефферсонъ Дэвисъ косвенно обращается къ Англіи, подъ предлогомъ, что и она также оскорблена жителями сѣверной Америки, вслѣдствіе нарушенія ими народнаго права въ дѣлѣ, бывшемъ съ *Трентомъ*: какъ будто сами сепаратисты насильственно не захватили, для пополненія своей арміи, множество Англичанъ и Ирландцевъ и какъ будто они до сихъ поръ не содержатъ въ темницахъ Новаго Орлеана трехъ моряковъ изъ Ямайки, подданныхъ англійскихъ, которыхъ преступленіе заключается въ томъ, что они Негры! Къ довершенію своихъ возгласовъ, президентъ южныхъ штатовъ съ упованіемъ обращается къ всемогущему Богу, моля его о помощи...

Посланіе президента Линкольна придетъ къ намъ не раньше,

какъ завтра. Безъ сомнѣнія, оно также, какъ и всѣ предыдущія, будетъ произведеніемъ патріота-юриста, не обращающаго вниманія на сущность вопроса, но за то увлекающагося конституціонными мелочами, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ общественнаго благополучія заставляетъ его подавить индивидуальныя права, составляющія неотъемлемую привиллегію американскихъ гражданъ. Быть можетъ, Линкольнъ уклончиво выразится о дѣлѣ *Трента*, чтобы выиграть время; но за то онъ непремѣнно потребуетъ сотни тысячъ солдатъ, необходимыхъ для войны, и сотни милліоновъ долларовъ, такъ какъ до двухъ милліоновъ теперь истрачивается ежедневно. О самомъ вопросѣ невольничества онъ будетъ такъ же безмолвствовать, какъ и врагъ его, Джефферсонъ Дэвисъ; но за то его министры въ своихъ донесеніяхъ будутъ настаивать на завладѣніи *«черной контрабандой»*, не во имя справедливости, а въ видахъ военной пользы. Такимъ образомъ война принимаетъ свой истинный характеръ, вопреки желанію самихъ сражающихся. Вотъ рѣчь, которую, нѣсколько дней назадъ, полковникъ Кохренъ (Cochrane) произнесъ своему полку въ присутствіи военнаго министра, Кеймрона (Cameron), который при этомъ поспѣшилъ выразить свое одобреніе:

«Въ такой войнѣ, какъ настоящая, мы должны употребить всѣ силы, находящіяся въ нашемъ распоряженіи. Мы беремъ собственность мятежниковъ, блокируемъ ихъ порты, угрожаемъ ихъ жизни. Неужели мы не имѣемъ права захватывать ихъ черныхъ невольниковъ? Спрашиваю, развѣ вы не готовы вооружить Негровъ? И такъ взрывайте всѣ непріятельскіе магазины, жгите хлопчатую бумагу, вывозите ее, конфискуйте имущество врага, и если этого мало, то берите невольника, дайте ему въ руки ружье и скажите, чтобъ онъ пользовался имъ.

Между тѣмъ, какъ этотъ полковникъ, недавно еще убѣжденный въ святости невольничества, обращался къ здравому смыслу своихъ солдатъ, другой полковникъ, представитель ненавистниковъ рабства, такимъ образомъ говорилъ ротѣ капитана Джона Броуна (John Brown), сына мученика Гарпера Ферри:

«Нашъ полкъ есть полкъ людей свободныхъ. Мы сражаемся исключительно для уничтоженія невольничества, но мы будемъ сражаться до послѣдняго человѣка и до послѣдней пули, пока останется хоть одинъ невольникъ въ Америкѣ. Наши черные братья будутъ

сражаться рядомъ съ нами и имъ-то мы вручимъ пушки, отнятыя у ихъ господъ!»

— Мы не вѣримъ своимъ глазамъ, не вѣримъ своимъ ушамъ! Индія продается, ее предлагаютъ намъ въ собственность, чтобы пользоваться ею, употреблять и злоупотреблять ею. Выплатите сначала нотарій, выплатите до послѣдней копѣйки, выплатите звонкою монетою или цѣнностями, обладающими курсомъ на рынкѣ, и вы можете выкраивать себѣ провинціи и королевства! вы можете купить имперію Великаго Могола, если она вамъ по деньгамъ. Не стѣсняйтесь, господа капиталисты: что вамъ угодно? Королевство Пора? Восхитительную Кашмирскую долину? Господа, назначайте ваши цѣны! Вотъ снѣжный и высокій Гималай, вотъ священная гора Меру, центръ міра, который на землѣ то же, что пестикъ въ срединѣ цвѣтка лотуса... Господа, кто изъ васъ покупщикъ? Не желаете ли вы хлопчатобумажныхъ полей, рисовыхъ нивъ, чайныхъ или индиговыхъ плантацій? Вотъ земной Рай съ его пальмовыми рощами, съ банановыми деревьями, священными фиговыми лѣсами, зеленѣющими соборами, съ прогалинами, гдѣ блестящее солнце дѣлаетъ широкіе прорывы, съ голубыми прудами прозрачныхъ и тихихъ водъ, съ яркими и душистыми цвѣтами, между которыми порхаютъ птицы яркихъ, будто пламенныхъ цвѣтовъ? Господа, кто хочетъ купить страну съ ея огромными рѣками, которыя теперь извиваются по всей землѣ Гавильской, гдѣ родится золото, а золото этой страны хорошо, честное слово! Тамъ же находится бделлій и ониксовый камень! «Господа, страны эти продаются по 19 франковъ за гектаръ! Это огромный паръ, но мы продаемъ распаханную землю по 30 франковъ за гектаръ! Господа, кто покупщикъ? Разъ, два, три! говорите свои цѣны, господа! по 30 франковъ за гектаръ. Дельгійскіе сады! по 19 франковъ за гектаръ, гольгондскія розсыпи! по 19 франковъ за гектаръ Элефантинскія и Эллорскія горы! по 19 франковъ земли изъ тысячи и одной ночи!»...

Итакъ знайте, что *рѣшеніемъ* генералъ губернатора Индіи, лорда Каннинга, намѣстника ея величества *Victoria Regina*, 17 октября 1861 г., Индія назначена въ продажу; продажа неограниченна и на вѣчное владѣніе: «*out and out*», какъ говорятъ Американцы.

Постановленіе, опредѣляющее эту продажу, выражено въ словахъ чрезвычайно либеральныхъ, и не налагаетъ на покупщиковъ никакого особеннаго способа обработки въ ихъ собственности; оно не напоми-

настъ, ни однимъ параграфомъ, *объ отеческихъ распоряженiяхъ* и *правительственномъ благоволенiи*, которыя управляютъ продажами и уступками собственности въ нашей алжирской колонiи. Правительство не будетъ продавать долей свыше очень разумнаго *maximum'а* 1200 гектаровъ, чтобы спекуляторы и плутовскiя шайки не купили оптомъ, чтобы потомъ перепродавать въ разницу съ огромными барышами со вторыхъ покупателей. Земля пущена въ продажу по очень умѣренной цѣнѣ 6 шиллинговъ: за акръ *de jungles* и по 10 шиллинговъ за акръ пастбищъ; эти цифры очень умѣренны, надо согласиться съ этимъ; исключая приблизительную сумму болотъ, озеръ и недоступныхъ горъ, недорого будетъ предложить правительству ея величества кругленькую сумму изъ 6 миллiардовъ за поземельную собственность 1,600,000 квадратныхъ километровъ необработанныхъ земель, представляющихъ около половины поверхности Индустана.

— «Если Индустанъ весь продается и если всякiй можетъ купить его, то онъ не принадлежитъ Индѣйцамъ!» «Разумѣется, нѣтъ, имъ менѣе, чѣмъ кому бы то ни было!»

По уничтоженiи учрежденiя Индiйской Компанiи, попросту *Джонъ Кумпани*, Индѣецъ можетъ владѣть въ своей родинѣ акромъ земли, если у него въ карманѣ есть монета въ 6 шиллинговъ: это огромный прогрессъ. Самъ Англичанинъ можетъ владѣть столькими акрами земли, сколько у него монетъ въ 6 или 10 шиллинговъ. и это тоже огромный прогрессъ. Потому что, вообразите, что въ Индiи нѣтъ комка земли, принадлежащаго Индѣйцу; вообразите, что въ англiйской Индiи ни одинъ Англичанинъ не владѣлъ бы тоже комкомъ земли и не могъ купить ее ни за какую цѣну. *Джонъ Кумпани* постепенно лишилъ владѣнiй всѣхъ государей, выдалъ себя за наслѣдника всѣхъ ихъ самодержавныхъ правъ, которыми онъ воспользовался непомѣрно. Единственный собственникъ земли, онъ укрѣпилъ ее за казной, которая передала ее сборщикамъ, помощникамъ сборщиковъ, слугамъ сборщиковъ и наконецъ отыскали нѣсколько несчастныхъ Индѣйцевъ, которые взялись содержать всѣхъ этихъ лицъ, въ тщетной надеждѣ кормить, въ одно и то же время, себя съ своими семействами.

Налогъ былъ великимъ воинскимъ оружiемъ, который согналъ всѣхъ собственниковъ и всѣхъ Индѣйскихъ государей съ Индѣйской земли; это было великое военное оружiе, которое дѣлало виновнымъ всякаго Англичанина, который могъ бы сдѣлаться непрiятенъ. Получившiе земли отвѣчали за весь налогъ. Когда *земиндаръ* отдалъ

внаймы свою землю нѣсколькимъ тысячамъ райевъ, если въ срокъ налогъ (постоянно непомѣрный) былъ отяготителенъ, по большей части, отъ бунта, засухи или наводненія, правительство тотчасъ же выгоняло фермера безъ всякой иной формы процесса; это былъ законъ, правило. А какое снисхожденіе фермеры могли оказать снимавшимъ у нихъ землю, когда они сами не видѣли никакого, когда всякое замедленіе въ дѣлѣ налога было наказываемо наравнѣ съ измѣною.

Отнынѣ владѣлецъ не можетъ быть болѣе лишенъ собственности. Изъ нихъ, десятая часть будетъ имѣть права снова купить свои фермы, немедленно сдѣлаться ихъ собственниками. До сихъ поръ нѣсколько обогатившихся Англичанъ нанимали, единственно отъ казны, нѣсколько деревенскихъ домовъ, нѣсколько спекуляторовъ удерживали за собою огромныя плантаціи индиго, но правительство, безъ исключенія, мѣшало системѣ фермерства Англичанами. Проникните ли вы въ глубину этой мѣры?

По необходимости, побѣдитель, оставаясь чуждымъ землѣ побѣжденнаго народа, не имѣлъ права изъявлять на нее своихъ претензій. А побѣдитель, имѣющій обыкновеніе запрещать жениться на туземныхъ дѣвушкахъ, поступая въ этомъ случаѣ въ тысячу разъ суровѣе и самовластнѣе закона, постоянно будетъ притѣснителемъ. Не будучи въ состояніи симпатизировать угнетеннымъ, онъ долженъ оставаться равнодушнымъ къ ихъ ненависти и презрѣнію. Вступая въ Индію только для обогащенія, онъ долженъ непремѣнно поскорѣе наѣсться, чтобы тотчасъ же уступить мѣсто другому правителю.

Послѣдствія не заставили себя ждать. Всѣ пути, исключая нѣсколькихъ шоссе, которыя только теперь оканчиваются, и нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, были непроходимы, внутренняя навигація затруднена, земледѣліе забыто на огромныхъ пространствахъ въ государствѣ. Мало по малу рабы отказались воздѣлывать казенныя земли, поддерживая дикими плодами свое жалкое существованіе. Въ нѣкоторыхъ странахъ число львовъ и тигровъ увеличивалось изо дня въ день, а число народонаселенія уменьшалось, а между тѣмъ нѣтъ въ мірѣ народа болѣе способнаго и имѣющаго болѣе задатковъ общественнаго благосостоянія, чѣмъ народъ Индусовъ! Эта нація имѣетъ слишкомъ много средствъ. Живетъ въ прекрасной, огромной и плодородной странѣ, невообразимо плодородной, производящей исландскій мохъ и ананасы, сѣверную сосну и сахарный тростникъ, хлопчатую бумагу. Одна

провинція этой страны, напр. Бенгалія, могла бы накормить цѣлый міръ. И эта страна, имѣя только 200,000 жителей, страдала въ продолженіи трехъ лѣтъ отъ голода и отъ язвы. Даже теперь холера продолжаетъ свои опустошенія въ странахъ юго-восточныхъ. Она перешла даже границу и теперь страшно опустошаетъ Кабулъ, гдѣ смертность простирается до 300 человѣкъ въ день. Теперь тамъ ежедневно совершаются горячія молитвы объ избавленіи отъ язвы.

И такъ, благодаря невѣрности бюджета, надо было прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ! Собственность, главное условіе свободы, можетъ преобразовать современемъ рабовъ казны въ гражданъ страны, и въ Индіи наконецъ будутъ Индусы. Англичане современемъ перестанутъ быть побѣдителями и утѣснителями Индусовъ и сдѣлаются основателями восточной цивилизаціи, цивилизаціи въ полномъ смыслѣ слова, потому что мы не фанатическіе ея поклонники. Можетъ быть, прогрессъ произойдетъ и мирнымъ образомъ; можетъ быть, образуется классъ, состоящій изъ богачей и собственниковъ. Можетъ быть Англичане будутъ политически лишены своихъ завоеваній только силою обстоятельствъ. Можетъ быть, они перестанутъ ненавидѣть эту прекрасную страну, которую они презирали, съ самаго вступленія въ нее. Можетъ быть, они перестанутъ срубать пальмовыя деревья, чтобъ замѣнять ихъ яворами и не будутъ срѣзывать лотусовъ, чтобъ садить вмѣсто нихъ плакучія ивы, вынесенныя съ ихъ туманнаго острова. Можетъ быть, туземцы перестануть ненавидѣть гордое и жестокое поколѣніе *фирекьевъ*, можетъ быть это населеніе, кроткое, нѣжное и способное, не позволитъ себѣ болѣе увлечься ненавистью и гнѣвомъ, какъ въ несчастные дни убійствъ въ Дельги и Конкурѣ.

Такъ какъ мы теперь находимся на Востокѣ, то самая лучшая дорога для возвращенія нашего къ европейскимъ дѣламъ лежитъ черезъ Турцію. Проходя черезъ Константинополь, мы узнаемъ, что тамъ было нѣсколько безпорядковъ между христіанами армянскаго вѣроисповѣданія. Имъ надо было избрать патріарха. Епископъ, который въ то время занималъ эту должность, нисколько не думая уступить своего мѣста какому-нибудь преемнику, приказалъ своимъ приверженцамъ побить палками тѣхъ вѣрныхъ, которые держались противной партіи. Исполненіе этого приказанія послѣдовало въ самой Генитанской церкви, въ то время, какъ верховный пастырь Армянской церкви передавалъ своимъ слушателямъ благословеніе неба. Раненые жаловались Великому Визирю.

Очень много говорятъ въ Константинополѣ объ одномъ старомъ астрологѣ, который предсказалъ многія великія событія. Такъ напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ назвалъ годъ смерти Абдулъ-Меджида и вступленіе на престолъ Абдулъ-Азиза. Немного спустя, по вступленіи на тронъ, теперешній султанъ отправился къ астрологу, чтобы узнать продолжительность своего царствованія. Старикъ ничего не хотѣлъ говорить объ этомъ; но когда нѣсколько новыхъ предсказаній, относящихся къ внутреннимъ событіямъ въ сералѣ исполнились, и падишахъ снова началъ настаивать, то вмѣсто подробнаго отвѣта онъ услышалъ: *девять мѣсяцевъ*. Не знаю, вѣрны или нѣтъ эти слухи.

Упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ идетъ съ удивительною быстротою. Теперь турецкій ливръ внезапно повысился 220 піастрами болѣе своей двойной цѣны. По послѣднимъ извѣстіямъ, паническій страхъ овладѣлъ всѣми, биржа закрылась, хлѣбъ и прочіе товары сдѣлались втрое дороже, и наступила крайняя нищета. Однако, *Константинопольская* газета, нѣчто въ родѣ Moniteur Constitutionnel, представляетъ картину не въ столь мрачномъ цвѣтѣ. Она говоритъ, что упадокъ бумажныхъ денегъ происходитъ отъ полдюжины неблагонамѣренныхъ спекуляторовъ, которыхъ уже посадили въ тюрьму, какъ давно слѣдовало. Намъ кажется гораздо вѣроятнѣе, что этотъ упадокъ есть слѣдствіе указа, приказавшаго сдѣлать огромный заемъ. Богатые или тѣ, которыхъ считали богатыми, должны были всегда и вездѣ платить золотомъ, которое имъ мѣняли на бумажки равной цѣнности. Какъ бы то ни было, этотъ заемъ, названный національнымъ, недурная уловка. Онъ, какъ говорятъ, уже доставилъ 100,000 ливровъ болѣе тѣхъ 3,000,000, на которые разсчитывали при объявленіи его. Послѣ жаркихъ споровъ, было признано невозможнымъ чтобы онъ во всей имперіи далъ оборотъ бумажнымъ деньгамъ, находящимся въ настоящее время въ одномъ только Константинополѣ. Среди этой бѣдности государственнаго казначейства, идетъ своимъ чередомъ работа въ арсеналѣ и постройка судовъ въ Англіи.

Это, однако, нисколько не подвигаетъ дѣлъ Омера-Паши, все еще находящагося въ большомъ затрудненіи по поводу борьбы съ инсургентами Босніи, Герцеговины, вступившими въ союзъ съ Черногорцами. Его армія незамѣтно уменьшилась отъ 30,000 до 20,000, а между тѣмъ отъ своего правительства онъ не получаетъ ни денегъ, ни подкрѣпленій, но за то получилъ большой крестъ Османіехъ. Несмотря на то онъ имѣлъ, кажется, нѣкоторый успѣхъ во второмъ

сраженіи при Пивѣ, которое продолжалось 2 дня, но осталось безъ серьезныхъ послѣдствій. Въ настоящее время трудно мирно устроить дѣло между Турками и Славянами. Австрія вступаетъ въ союзъ съ Турціей противъ христіанъ. Она позволила Турціи устроить батареи въ Сутторинѣ, чтобъ выгнать оттуда инсургентовъ, но когда тѣ овладѣли ими, то Австрійцы поспѣшили занять ихъ вооруженной силою, говоря, что земля эта нейтральная. Если это увѣреніе справедливо, то отчего же они позволили Туркамъ нарушить нейтралитетъ и почему они нарушали его сами, давъ Туркамъ двѣ свои пушки. Если прежніе трактаты были уничтожены трактатомъ 1856 года, то за настоящій поступокъ, не слѣдуетъ ли ихъ обвинить во вмѣшательствѣ.

Вѣнская газета *Presse* формально отвергаетъ слухъ о договорѣ, заключенномъ между Австріей и Высокой Портой. Да въ самомъ дѣлѣ! Договора нѣтъ, хорошо! Но не было ли соглашенія?

Та же газета приводитъ текстъ рескрипта, адрессованнаго императорскимъ коммисаромъ муниципальнымъ властямъ Венгріи. Этотъ документъ стремится доказать отставнымъ чиновникамъ, что они не могутъ, не измѣняя долгу, оставить свои мѣста, до замѣщенія ихъ другими чиновниками. Какимъ бы образомъ ни разсматривать теорію коммисара, этотъ рескриптъ очерчиваетъ одною, произвольною, но энергическою чертою, настоящія отношенія Австріи въ Венгріи. Куца, государь Малдавіи и Валахіи поступаетъ иначе; онъ уподобляетъ отставнаго чиновника злостному банкроту. Слѣдовательно,` государство вознаградитъ свои убытки оброками натурою и заставитъ отставнаго чиновника содержать и кормить на свой счетъ около 20 солдатъ.

Возвратимся къ Венгріи. Осадное положеніе пользуется здѣсь удивительнымъ успѣхомъ. Мы сказали: осадное положеніе. Но это не совсѣмъ такъ. Гражданскіе судьи могутъ войти въ составъ военныхъ судовъ; правда, что въ нихъ будетъ примѣняться только одинъ военный законъ. Венгерцы были бы неблагодарны, еслибы не ставили въ счетъ этого успокоивающаго вниманія. Напротивъ, ничего болѣе не остается королевскому намѣстнику, генералу графу Пальффи, какъ энергически войти въ дѣйствительность положенія. Въ самомъ дѣлѣ, въ одной рѣчи, произнесенной въ Пештѣ, онъ категорически изложилъ положеніе, которое онъ намѣревался принять.

«Въ послѣднее время, сказалъ онъ, слишкомъ много злоупотребляли словомъ. Довѣріе его величества и интересы страны побуждаютъ

насъ дѣйствовать. Я говорю это въ одномъ словѣ: вы узнаете меня по моимъ дѣламъ, какъ и я буду судить васъ по вашимъ»!

Назовите мнѣ еще администратора, который умѣетъ принять твердое положеніе и умѣетъ показать, съ перваго раза, справедливую строгость. Со вступленія его въ должность, Венгрія не шевелилась; страна быть можетъ спокойна только на поверхности, но за то ни одна мышь тамъ не шелохнется. Пальффи твердо вѣритъ, что его новый порядокъ возбуждаетъ довольство всѣхъ честныхъ людей. Пальффи съ удивленіемъ говорить о журналахъ, которые не порицали ни малѣйшаго дѣйствія правительства, и повидимому болѣе интересовались мексиканскими дѣлами, чѣмъ Пештомъ. Пальффи охотно повѣрилъ бы, что его кабинетъ выдумывалъ себѣ пустые страхи, когда онъ называлъ его диктаторомъ столь покойной страны. Пальффи не имѣлъ необходимости ничего запрещать, ничего защищать, ему нужно было давать легкіе совѣты то тамъ, то здѣсь. Такъ однажды, онъ велѣлъ собрать начальниковъ музыки разныхъ полковъ, чтобъ предписать имъ строгій выборъ въ пьесахъ ихъ репертуара. Въ особенности онъ велѣлъ имъ воздерживаться отъ новой революціонной пѣсни. Извините, ваше сіятельство, невиннымъ образомъ замѣтилъ одинъ Чехъ, это не новая пѣсня, а старая»!

Безоружная Венгрія повинуется, но не подчиняется. Она предпочитаетъ порядокъ грубой силы ложно конституціонному порядку. Вѣнское правительство также не противится этому и видя успѣхъ осаднаго положенія Венгріи, предполагаетъ въ скоромъ времени обрадовать этимъ же Трансильванію. Оно приготовляется воспользоваться имъ какъ можно шире, чтобъ поскорѣй отдѣлаться отъ патріотовъ, мѣшающихъ ему. Уже насъ извѣщаютъ изъ Гевскаго комитата, что вице-палатинъ, и коммисаръ (commissaire de surêté) арестованы и представлены въ цѣпяхъ предъ военный совѣтъ. Самъ Палатинъ графъ Счапара также поименованъ въ обвинительномъ актѣ. Но это даже не начало.

Намъ говорили, что реакція употребляетъ все свое вліяніе на правительство, чтобы заставить его оставить унитарный, но конституціонный патентъ Фейнера для октябрскаго диплома, характеръ котораго болѣе аристократическій... Можно было бы сохранить нѣсколько небольшихъ діэтъ для отправленія мѣстныхъ дѣлъ. Этотъ планъ имѣетъ то неудобство, что можетъ снова поднять волненіе между нѣмецкими либералами. Потому что правительство находится въ томъ

роковомъ положенiи, что оно не можетъ удовлетворить Венгерцевъ, не возбуждая недовольства Нѣмцевъ и не можетъ въ одно и то же время угодить и либераламъ и реакцiонерамъ.

Г. Шмерлингъ находится въ большомъ затрудненiи. Венгерскiе патрiоты любятъ его не болѣе вѣнской знати, которая никогда не проститъ ему его законовъ или проэктовъ закона о неприкосновенности жилища и писемъ свободнаго человѣка и о нѣкоторыхъ льготахъ, пожалованныхъ печати. Удивленный такимъ множествомъ прекрасныхъ дѣлъ, добрый г-нъ Пелльтанъ смѣло восклицаетъ предъ нашими императорскими прокурорами, присутствующими въ Парижѣ: «Пусть дадутъ намъ свободу въ родѣ австрiйской и я былъ бы доволенъ»! Господа императорскiе прокуроры въ томъ восклицанiи, пожалуй, увидятъ нападенiе на императорскую конституцiю. Это можетъ статься.

И такъ г-ну Шмерлингу, сказали мы, остается только крѣпче держаться. Придворный проповѣдникъ и слишкомъ крайнiе журналы, уже возвѣстили его отставку, но они слишкомъ поторопились. Сперва надо позаботиться о бюджетѣ. Министерство подвергло его вотированiю Рейхсрата, государственнаго совѣта, собранiю, которое не въ полномъ составѣ, извѣстно почему. Оно будетъ вотировать, но зачѣмъ? вотированiе все-таки будетъ не болѣе законнымъ, какъ и другiя рѣшенiя этого парламента. Такимъ образомъ, какъ бы то ни было, правительство стало внѣ законности, которую само установило.

Съ 1-го марта 1862 года новый торговый кодексъ получитъ силу закона на всемъ протяженiи Прусскаго королевства. Этотъ кодексъ составленъ по образцу французскаго законодательства, но особенно онъ отличается отъ него своей теорiей векселя, который онъ разсматриваетъ не какъ переводъ денегъ изъ мѣста въ мѣсто, подчиненный распоряженiямъ гражданскаго права о мандатахъ, но какъ настоящую оборотную облигацiю. Банкрутства пройдены здѣсь молчанiемъ, вѣроятно по причинѣ различiя частныхъ законодательствъ насчетъ гражданской процедуры; различiя, которое однако одинъ великiй фактъ приводитъ къ нѣкоторому единству: «Главное правило, въ дѣлѣ процедуры, издержки превышаютъ дѣло. «Этотъ новый кодексъ принимаетъ законъ о мѣнѣ, опредѣленный нацiональнымъ парламентомъ отъ 24 ноября 1848.

Составители этого кодекса дали ему пышное заглавiе. Торговый *Нѣмецкiй кодексъ*, несмотря на то, что послѣ Пруссiи приняло его

только одно Виртембергское государство. *Chi va piano, va lontano*! (кто идетъ тихо, идетъ далеко!). Въ 2000 годъ по рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа, нѣмецкое единство сдѣлаетъ безъ сомнѣнія значительный успѣхъ.

Саксонское княжество Кобургъ-Гота все болѣе и болѣе старается добровольно присоединиться къ Пруссіи. Не довольствуясь тѣмъ, что присоединилъ свой военный контингентъ къ прусской арміи, князь Эрнестъ предполагаетъ, какъ говорятъ, примѣнить свою смѣшанную систему (соединенія) къ учрежденіямъ общественнаго образованія своего небольшаго государства. Кобургскіе преподаватели будутъ сравнены на будущее время съ прусскими наставниками, и всѣ общественныя школы будутъ поставлены подъ одно общее управленіе.

Побуждаемое фабрикантами шелковыхъ издѣлій, прусское правительство до сихъ поръ отвергало заключеніе торговаго договора съ Франціею. Но когда идетъ дѣло о нѣкоторыхъ умственныхъ произведеніяхъ, оно болѣе чѣмъ свободный обмѣнщикъ. Своимъ закономъ 7 ноября, оно поражаетъ налогомъ 33¹/₄% (можно сказать штрафомъ) всѣ прусскія газеты, но признаетъ свободу иностранныхъ газетъ. Вотъ какъ обойденъ Робертъ Пиль!

Либеральная партія получила истинное торжество въ первоначальныхъ выборахъ, которые произведены по всеобщей подачѣ голосовъ. Извѣстно, что каждый Пруссакъ, достигшій 25-ти-лѣтняго возраста, нелишенный пользованія гражданскими правами, и имѣющій осѣдлость въ общинѣ, есть избиратель точно также, какъ парижскій работникъ или какъ шампанскій крестьянинъ. Такъ какъ всякій отправляетъ въ Пруссіи военную службу, то нѣтъ ничего справедливѣе, какъ признать за нимъ право участвованія въ правительствѣ, которое, въ случаѣ нужды, онъ будетъ призванъ защищать. Всѣ голоса считаются въ этой всеобщей подачѣ; правда, что они считаются неодинаково. Это-то и составляетъ выгоду или невыгоду, какъ хотите, системы прусской въ сравненіи съ французскою.

Второстепенные выборы, которые посылаютъ депутатовъ въ Берлинскую палату, были не такъ торжественны, какъ первостепенные. Но они, безъ всякаго сомнѣнія, доставили блестящій успѣхъ либеральной партіи. Небольшое католическое меньшинство осталось почти на томъ же положеніи, партія передовая не сдѣлала чувствительныхъ успѣховъ; и такъ преимущество остается за либеральной и конституціонной партіей, которая выиграла отъ 70 до 80 голосовъ, ровно

столько, сколько потеряла юнкерская (аристократическая) партія. Послѣдняя оставила на избирательной аренѣ 3 своихъ представителей: Бланкенберга, Буклера и Вагнера, съ $^3/_4$ своихъ членовъ. Работники вотировали массою для либеральнаго списка; неблагодарные не отвѣчали на первые шаги, которые имъ были сдѣланы краутъ и крейцъ-юнкерами. Это явное пораженіе причинитъ феодальной партіи болѣе мученія, чѣмъ доставилъ ей радости мгновенный успѣхъ, достигнутый ею при Вѣнскомъ дворѣ.

Мы не изъ тѣхъ, которые рукоплещутъ актеру при его выходѣ на сцену, и прежде чѣмъ онъ открылъ ротъ, мы хотимъ видѣть его на дѣлѣ. Мы подождемъ до преній о военномъ вопросѣ.

Мы остаемся безъ важныхъ новостей о княжествѣ Кнечь-Князь Димирфельде!

Въ туринскомъ парламентѣ, слѣдующія очередныя занятія, принятыя министерствомъ, были предложены на голоса. Палата подтверждаетъ желанія 27 марта, которыя объявляютъ Римъ столицею Италіи, и надѣется, что правительство постарается поскорѣе окончить національное вооруженіе, устройство королевства, дѣйствительное покровительство лицъ и собственности.

Она принимаетъ также актъ министерскихъ объявленій, относящихся къ общественной безопасности, къ выбору честныхъ чиновниковъ, способныхъ и патріотовъ, къ переустройству магистратуры, къ большему развитію публичныхъ работъ, національной гвардіи и всѣхъ другихъ мѣръ, которыя могутъ доставить благосостояніе южнымъ провинціямъ, и потомъ переходитъ къ очереднымъ занятіямъ».

Это предложеніе, принятое большинствомъ двухъ третей палаты, не выражаетъ положительнаго порицанія министерству, но торжественно приглашаетъ его дѣйствовать энергичнѣе или опытнѣе прежняго для спасенія отечества». *Coveant Consules*!

Эти очередныя занятія совершенно заключаютъ въ себѣ вопросы, волнующіе Италію, вопросы жизненные, какъ это видно, и которые возбудили довольно ораторскихъ преній. Было произнесено нѣсколько рѣчей о мнѣніяхъ.

Признавая трудности всякаго рода, съ которыми долженъ бороться кабинетъ, сознавая, что онъ самъ бы не могъ слѣдовать политикѣ, совершенно противуположной, и не думая еще о власти, Ратацци ока-

залъ покровительство Рикасоли, не пощадивъ его однако отъ косвенныхъ упрековъ и тонкой ироніи. Ратацци не совсѣмъ ясно изъяснился насчетъ своего путешествія въ Парижъ, но далъ мнѣ увѣреніе, что всемогущій императоръ Французовъ не будетъ болѣе покровительствовать неаполитанскимъ инсургентамъ. При этой новости въ палатѣ раздались рукоплесканія...

Г. Риччіарди принялся, послѣ краснорѣчиваго Брофферіо, за обозрѣніе обвиненій направленныхъ противъ министерства. Послѣ довольно мрачной картины неаполитанскихъ провинцій, онъ возвѣщаетъ однако, что есть средство спасти все: «Можно ли мнѣ высказаться? Когда я вамъ скажу о немъ, не обрушится ли средство на наши головы? Наконецъ (извѣстно, что я человѣкъ старый), можно исцѣлить всѣ эти раны двумя словами!» На что палата, въ удивленіи, не сокрушается, а восклицаетъ: «Ну чтожъ такое?» «Помѣстите въ офиціальной газеттѣ; сессія 1862 будетъ открыта въ Неаполѣ».

Тогда онъ начинаетъ хвалить неаполитанское населеніе, мирное и любящее порядокъ, какъ оно показало это въ 1821 и въ 1848 годахъ, и кончилъ рѣчь слѣдующимъ предложеніемъ: «Всякая дорога ведетъ въ Римъ, попробуйте неаполитанскую, вы найдете ее самою короткою!»

Въ замѣчательной рѣчи г. Мелланъ упрекалъ Рикасоли въ его недальновидности, которое лишало Италію стеченія людей дѣятельныхъ и всей передовой партіи. Г. Кавуръ, говорилъ онъ, открыто порицалъ ихъ и даже преслѣдовалъ, но онъ умѣлъ приглашать ихъ въ свой кабинетъ и соглашаться съ ними, чтобы его офиціальная политика могла сходиться съ тѣмъ путемъ, которымъ они слѣдовали на свой страхъ и опасность. Кавуръ не пренебрегалъ слѣдовать за Италіей, вотъ почему онъ шелъ впередъ. Рикасоли одинъ хочетъ идти въ головѣ, вотъ отчего все пятится назадъ.

Музалино произвелъ огромное впечатлѣніе, сказавъ, что теперь безполезно молчать объ одной истинѣ, которую никто не зналъ: французское правительство хотѣло замѣнить австрійское вліяніе своимъ; соединенію, единственному средству спасенія, оно хочетъ помѣшать в что бы то нистало.

Петричелли упрекалъ кабинетъ въ томъ, что онъ подчинялся императору Бонапарте въ римскомъ вопросѣ. Министерство, сказалъ онъ, забыло свое революціонное происхожденіе. Не сдѣлавшись вассаломъ Франціи, Италія войдетъ въ Римъ. Самъ римскій народъ дол-

женъ кончить дѣло. Пусть они дадутъ себя убивать Французамъ и папистамъ. Искупленіе Италіи совершится только кровью Итальянцевъ. Нужны жертвы, пусть Римляне принесутъ себя въ жертву!..

— «Si, Signore, Si!» вскричала съ хоръ одна дама, одѣтая въ яркій красный казакинъ.

Впродолженіи всѣхъ этихъ преній Рикасоли не спотыкался. Онъ вошелъ въ засѣданіе, не говоря никому ни слова, сѣлъ на стулъ, смотрѣлъ на стоявшую предъ нимъ группу національныхъ гвардейцевъ, и оставался неподвижнымъ впродолженіи всей рѣчи. Безъ сомнѣнія онъ слушалъ, во всякомъ случаѣ онъ отвѣчалъ ораторамъ только изложеніемъ своей собственной политики. Это вамъ рисуетъ человѣка.

Похвалы, которыя были обращены къ нотѣ Рикасоли папѣ не остались безъ ограниченія. Въ ней былъ замѣченъ вообще характеръ слишкомъ теологическій; ей дѣлаютъ упрекъ въ томъ, что однимъ почеркомъ пера она уступила папѣ то, чего не осмѣлились уступить ему всѣ императоры среднихъ вѣковъ. Но довольно объ этомъ. Съ большимъ основаніемъ можно осудить уступку неограниченной свободы католической церкви, между тѣмъ какъ сардинскимъ статутомъ она признана единственною религіею государства. Слова «свободная церковь въ свободномъ государствѣ» кажутся Итальянцамъ слишкомъ отвлеченными; кардиналы вовсе не смущаются отъ нихъ и не смутятся до тѣхъ поръ, пока не будетъ объявлено раздѣленіе церкви и государства, и свобода вѣроисповѣданій.

Генералъ Чальдини вступилъ съ оружіемъ и багажемъ въ лагерь противниковъ и вице-адмирала Персано, которому Ламорисьеръ отдалъ свою шпагу. Персано, который далъ возможность взять Гаэту, былъ отставленъ отъ должности за какой-то незначительный проступокъ противъ Менабреа, очень почтеннаго, но весьма неловкаго Піэмонтца. Общественное мнѣніе съ крайнимъ прискорбіемъ видитъ, что правительство удаляется отъ Гарибальди, Чальдини, Персано и другихъ защитниковъ и главныхъ виновниковъ итальянскаго движенія. Мадзини опасно боленъ. Правительство получило множество просьбъ о дарованіи великому изгнаннику полной и безусловной амнистіи, но піемонтскій кабинетъ отвѣчалъ молчаніемъ.

Бастоджи, министръ финансовъ, возвратилъ назадъ проектъ закона, дававшаго правительству право продавать почетныя званія. По этому закону титулъ барона стоилъ 10,000 франковъ, виконта

15,000, графа—20,000, маркиза—30.000, герцога—40,000. князя—50,000.—Парламентъ навѣрно отказался бы употреблять такое средство; ибо если эти почетныя званія имѣли дѣйствительное значеніе, то не слѣдовало ихъ лишать его, дѣлая изъ нихъ товаръ; если же они не имѣютъ значенія, то правительство не должно было разсчитывать на легкомысліе общества—Правительство піемонтское очень ошиблось въ своихъ расчетахъ, думая замѣнить движеніе въ пользу Венеціи движеніемъ въ пользу Рима. — Всякій инстинктивно чувствуетъ, что вмѣстѣ съ Римомъ Италія, даже безъ помощи другихъ державъ, можетъ одержать побѣду надъ Австріей; между тѣмъ какъ безъ Рима война съ Австріей есть явная нелѣпость, если только не самоубійство.—

— Большой и густонаселенный Неаполь, конечно ни за что не согласится подчиниться маленькому городку, Турину, между тѣмъ какъ тотъ же Неаполь охотно подчинится Риму, столицѣ всей Италіи.

—Всѣ прошедшіе и настоящіе, горячіе и нескончаемые, споры ясно доказываютъ, что для Неаполя, гордаго своимъ прошедшимъ, надобно не такую метрополію, какъ Туринъ. Однимъ словомъ, пока Италія не будетъ поддерживаема своей настоящей столицей, она постоянно будетъ подвержена ошибкамъ и безпокойствамъ и будетъ страдать отъ непрочности своего положенія.—Единство Италіи пока заключается только въ общемъ одушевленіи и патріотизмѣ. Этого съ избыткомъ достаточно для защиты, но слишкомъ мало для созиданія.

Продолжительная отсрочка рѣшенія римскаго вопроса болѣе всего раздражаетъ Неаполитанцевъ. Пока на сторонѣ Италіи не будетъ Рима, до тѣхъ поръ не будетъ и Неаполя. Тамъ будетъ тишина и спокойствіе, изрѣдка прерываемыя вспышками итальянскаго энтузіазма; потому что народъ, хотя подвластный, способенъ иногда необдуманно увлекаться, имѣя умъ и сердце. Самое генеральное лейтенантство есть въ сущности мѣра только переходная, какъ и всѣ политическія мѣры, сколько нибудь похожія на диктатуру.

Итальянскій климатъ какъ-то особенно нездоровъ генеральнымъ лейтенантамъ піемонтской, школы: вотъ, напримѣръ, бѣдный Ла-Мармора, такъ внезапно захворавшій подагрой, уже проситъ увольненія.— Чальдини почти окончательно уничтожилъ разбои и надобно было только дополнить легкій тріумфъ Ла-Марморы поимкою нѣсколькихъ бродягъ; но они вздумали защищаться и вздумали дѣйствовать смѣлѣе обыкновеннаго. Чипріано и Крокко, бѣглый каторжникъ, пребезза-

ботно и преуспѣшно продолжали свои подвиги на большой дорогѣ. Кіавоне, который предписаніемъ изъ С-тъ-Сіежа былъ произведенъ въ генералы, Кіавоне, которому графъ Трапани предписывалъ *быть либеральнымъ* (sic)—Кіавоне началъ подвизаться: онъ грабилъ, убивалъ, жегъ... и заслужилъ уже нѣсколько благосклонныхъ улыбокъ, множество индульгенцій, а между тѣмъ бѣдный Жакъ-Борджесъ и Альфредъ Тразейньесъ подверглись непріятности быть разстрѣленными. Борджеса мы знаемъ уже давно, но сеньеръ-Альфредъ — нашъ новый знакомый. Родители его живутъ въ Бельгіи и онъ племянникъ извѣстнаго маршала С-тъ Арно и почтеннаго Мерода и въ родствѣ съ маркизомъ Монтальтомъ, бельгійскимъ посланникомъ въ С-тъ-Сіежѣ. Онъ еще молодъ, пріятной наружности, съ прекраснымъ кинжаломъ и двумя обдѣланными въ серебро револьверами за поясомъ, одѣтъ въ живописный костюмъ калабрійскаго разбойника и носитъ на своихъ курчавыхъ волосахъ поярковую шляпу, по формѣ похожую на голову сахара, украшенную развѣвающимися розовыми ленточками. Въ продолженіи пятнадцати дней онъ застрѣлилъ пять итальянскихъ солдатъ, священника Джіованн Инкарико, самъ зажегъ одну хижину, разрядивъ свой изящный револьверъ на одной женщинѣ. Онъ былъ занятъ разбиваніемъ цѣлой кучи разной посуды, какъ вдругъ его захватили совершенно неожиданно.

Онъ былъ арестованъ совершенно погруженный въ свое занятіе, не думая нисколько о защитѣ. Онъ держалъ себя во время ареста очень гордо, выставлялъ на видъ свое знатное родство и объявилъ, что онъ сдѣлался разбойникомъ только какъ любитель. «Такъ васъ и разстрѣляютъ какъ любителя», отвѣчалъ ему капитанъ.—Его повернули лицемъ къ стѣнѣ и разстрѣляли прежде, чѣмъ онъ успѣлъ кончить смѣяться на эту шутку; онъ не захотѣлъ ни причаститься, ни писать къ своимъ роднымъ. Офицеры французскаго гарнизона очень сожалѣли объ этомъ происшествіи и требовали выдачи трупа молодаго героя, который имъ выдали безъ большихъ затрудненій.

— Папскій циркуляръ на имя епископовъ приморской кампаніи приказываетъ священникамъ давать убѣжище и помощь изгнаннымъ Бурбонамъ, находящимся въ ихъ провинціяхъ.—

— Нѣсколько разбойниковъ распустили слухъ, что этотъ циркуляръ данъ папою подъ вліяніемъ Французовъ, которыхъ онъ же экипировавъ, содержалъ и отпустилъ отъ себя съ подорожными, составленными вполнѣ правильно, подъ командою шести испанскихъ офицеровъ.

Профессоръ Подежти расписалъ альфреско на стѣнахъ залы почестей въ Ватиканѣ, изобразивъ на нихъ торжества и церемоніи, слѣдовавшія за обнародованіемъ догмата безпорочнаго зачатія; на первомъ планѣ этого произведенія находится превосходно нарисованная голова отца Пассалія, отдѣльная отъ прочихъ и могущая назваться вѣнцомъ картины. Весьма справедливо поступилъ художникъ, давъ первое мѣсто первому защитнику и распространителю этого догмата.—

— Но обстоятельства измѣнили эту картину: отецъ Пассалія заговорилъ о власти папской—и Пій IX придумалъ отличный способъ наказать виновнаго: онъ приказалъ замарать его голову для того, чтобы она не оскверняла священной страны.

— Какой-то маляръ былъ исполнителемъ этого приказанія—и голова отца Пассалія была отдѣлена отъ туловища.

— Въ 1809 году министръ Молліенъ подалъ рапортъ императору Наполеону о положеніи финансовъ; съ благороднымъ самоотверженіемъ онъ выставилъ постоянно увеличивающіяся неудобства администраціи, показалъ бездну, въ которую влекъ Францію тогдашній бюджетъ и умолялъ императора сообразоваться съ средствами государства. Наполеонъ I Бонапартъ, не думая принимать въ дурную сторону представленія своего вѣрнаго подданнаго, приказалъ напечатать ихъ въ Монитерѣ. Подвергая себя этимъ общественному обсужденію, онъ хотѣлъ показать своимъ народамъ, что лучшею гарантіею его раскаянія служитъ полное и искреннее сознаніе въ ошибкѣ.

Въ 1861 году Наполеонъ III Бонапартъ, котораго финансы находятся также въ дурномъ положеніи, рѣшился своему министру Ахиллу Фульду отвести мѣсто въ столбцахъ Монитера, далъ ему въ руки ферулу и протянулъ свою царственную руку.

Его величество уже не въ первый разъ рѣшился внять предстательству подданнаго. Намъ помнится, что онъ позволилъ уже разъ порицать себя.—«Государь!» думаете ли вы объ этомъ?, восклицалъ разъ въ Монитерѣ господинъ Манъ, человѣкъ очень добросовѣстный,—государь! ваши вспоможенія частнымъ лицамъ не ограничиваются болѣе ничѣмъ какъ вашимъ состраданіемъ и симпатіею ко всѣмъ обиженнымъ судьбою: вы разорите своей щедростью! Если я не вмѣшаюсь въ это дѣло, то во Франціи не будетъ болѣе неимущихъ, кромѣ вашего величества!» Это горячее обращеніе принесло свои плоды.

Жозефъ Прюдомъ прибавляетъ: «Государь! я беру завтра купоны государственнаго казначейства.» Человѣкъ, сознающійся въ своихъ ошиб-

кахъ. выше побѣдителя въ сраженіи. Гавинъ, политическій директоръ журнала «le Siècle», замѣчаетъ, что Сципіонъ, побѣдитель Сципіона, гораздо выше Сципіона, побѣдителя Ганнибала. Государь! я беру завтра купоны государственнаго банка но за то я знаю многихъ людей, которые собственными глазами, внимательно просматривали дефицитъ, оставленный въ послѣдніе десять лѣтъ. Глаза не выносятъ блеска этой страшной массы слитковъ золота, серебра и топазовъ, массы, конечно, не менѣе блестящей, чѣмъ та, которую видѣлъ Аладдинъ въ пещерѣ, гдѣ нашелъ волшебную лампу. Ее составляютъ двадцать милліоновъ килограмовъ слитковъ серебра.

Здѣсь дѣло идетъ только объ экстренныхъ расходахъ; что же касается налоговъ прямыхъ и непрямыхъ, собранныхъ въ продолженіе этого времени, то они составляютъ вчетверо или впятеро большую массу—около сотни милліоновъ килограмовъ слитковъ серебра. Часть этихъ сокровищъ была употреблена на народное просвѣщеніе, другая на проложеніе нѣсколькихъ дорогъ и вообще на работы, полезныя для общества.

Остальное употреблено на управленіе и на администрацію. Намъ надобно множество чиновниковъ гражданскихъ, военныхъ, духовныхъ, одѣтыхъ въ длинныя платья, и въ короткія, во фраки и въ мундиры. Я незнаю названій всѣхъ ихъ; тутъ есть и директоры, и префекты перваго, втораго и третьяго класса, священники, проконсулы, меры, жандармы и прочее и проч. и проч.

Правительство, состоящее изъ чиновниковъ, формально объявило, что не можетъ управлять, если уменьшится число или значеніе чиновниковъ. Слѣдовательно у правительства нѣтъ ни одного лишняго полицейскаго, ни одного лишняго солдата, ни одной лишней пушки; Правительство не можетъ убавить ни внѣшнихъ, ни внутреннихъ расходовъ, по его собственному выраженію. А если оно само такъ говоритъ, то надобно ему вѣрить. А, между тѣмъ, если не уменьшить расходы правительства, то какже возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ? Не сдѣлать ли новые налоги? Напрасно многіе говорятъ, что новыя таксы невозможны. Невозможный—слово, не существующее въ словарѣ правительства. Впрочемъ, при новыхъ назначеніяхъ налоговъ есть затрудненіе въ выборѣ. Морни и Веронъ, предлагаютъ налоги на фортепіано; Пьетри и Лекорсъ предлагаютъ обложить гаванскія сигары, роскошныя кареты и слугъ мужескаго пола. Это все недурно придумано, но сенатъ, какъ блюститель общественныхъ льготъ, ни за

что не согласится на это: не лучше ли увеличить налоги на соль? Толковали много о монополіи на химическія спички, и на многое другое, но принцъ Наполеонъ и его другъ Емиль де-Жирарденъ предпочитаютъ постепенное увеличеніе налоговъ на доходы государства...

Если-бы не англо-американскій вопросъ, то возвышеніе налоговъ, избавило бы государство отъ смятеній въ настоящую минуту, но въ нашемъ теперешнемъ положеніи, какъ Фульду уладить дѣло о бюджетѣ? Государственное казначейство пусто—это не для кого не новость, а государственный долгъ, а 75 милліоновъ надобно скоро платить, а сумма, извѣстная подъ именемъ «итальянскаго займа», уже истрачена (*), всѣ публичныя кассы опустошены, у сборщиковъ податей взято до 150 милліоновъ, а между тѣмъ вотъ уже и срокъ, конецъ декабря. Самое интересное, что мнѣ случалось когда-либо видѣть или слышать, есть конечно дѣло Пассьяра. Господинъ Пассьяръ, меръ Колонжа, былъ преданъ всей душой Людовику Филиппу, потомъ республикѣ, а теперь императору. Въ продолженіе двадцати лѣтъ онъ былъ самымъ неумолимымъ диктаторомъ, но наконецъ и для него наступилъ день возмездія, о которомъ онъ уже давно пересталъ думать. Его призвали въ судъ и уличили въ грабительствѣ, въ воровствѣ, въ насиліи, въ составленіи подложныхъ писемъ и актовъ, въ разныхъ обманахъ при выборахъ, такъ напримѣръ, въ ложныхъ доносахъ и обвиненіяхъ своихъ конкуррентовъ, въ обѣщаніяхъ и въ угрозахъ избирателямъ.

Сверхъ того онъ былъ обвиненъ въ возбужденіи народа къ бунту и въ притѣсненіи слабыхъ; онъ разорилъ множество семействъ и погубилъ множество народа. Передъ нимъ всѣ дрожали: мелкіе чиновники за свое мѣсто, матери за своихъ дочерей, ремесленники за свой хлѣбъ. Когда онъ, еще въ 1851 году, былъ уличенъ передъ префектомъ въ клеветѣ, то тотъ выразился: «Если этого господина не отставятъ отъ должности, значитъ у него сильная рука.» И вотъ съ 1851 до 1861 онъ не былъ отставленъ. Мы приведемъ нѣсколько выписокъ изъ допроса, произведеннаго императорскимъ прокуроромъ съ большею энергіею.

«Администрація есть машина очень сильная и весьма искусно организованная, это прекрасныя клавикорды, на которыхъ очень легко

(*) Это мнѣ навѣрно извѣстно, но доказать въ настоящее время еще нельзя.

играть; всякій легко можетъ овладѣть ею. Но *всякій можетъ также сдѣлать ее самымъ страшнымъ орудіемъ безпорядка.*»

«Артуръ Плассьяръ, твое лицемѣріе наконецъ обнаружилось и въ Колонжѣ въ продолженіи 10 лѣтъ всякій, всякій былъ твоимъ непріятелемъ. Между тѣмъ, въ продолженіи этого времени твоя порядочная репутація осталась неприкосновенною. когда наконецъ твой противникъ осмѣлился произнести жалобу, то тебя надобно было почти силою вырвать изъ толпы твоихъ приверженцевъ, чтобы представить въ судъ.

А не угодно ли вамъ узнать, почему Плассьяръ сдѣлался такимъ страшнымъ правителемъ? «*Не смѣшивайте*, такъ говорилъ онъ полевымъ сторожамъ, *не смѣшивайте друзей и недруговъ правительства*»...

ЖАКЪ-ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова.

I.

Сколько лѣтъ уже живутъ люди на свѣтѣ, сколько времени толкуютъ они о томъ, какъ бы устроить свою жизнь поизящнѣе и поудобнѣе, а до сихъ поръ самыя простыя и положительно необходимыя отношенія не установились какъ слѣдуетъ. До сихъ поръ мужчина и женщина мѣшаютъ другъ другу жить, до сихъ поръ они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами отравляютъ другъ другу жизнь. Разойтись они не могутъ, сойтись, какъ слѣдуетъ, не умѣютъ, и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются въ такія сложныя, мучительныя, неестественныя отношенія, о которыхъ свѣжій человѣкъ съ здоровымъ мозгомъ не можетъ себѣ составить даже приблизительно-вѣрнаго понятія. Мужчина гнететъ женщину и клевещетъ на нее. Взгляните на восточные гаремы, вспомните о тѣхъ законахъ, по которымъ вдова должна была сжигаться на кострѣ покойнаго мужа, вспомните тѣ странныя статьи первобытнаго уголовнаго кодекса, въ силу которыхъ нарушительница супружеской вѣрности подвергалась смертной казни, или, по меньшей мѣрѣ, жестокому и унизительному тѣлесному наказанію,—вспомните все это, и вы увидите ясно, что на сторонѣ мужчины всегда находилась сила, власть, и

неоцѣненное право мучить по своему благоусмотрѣнію подчиненную, безотвѣтную, и, сравнительно съ нимъ, слабую спутницу. Загляните потомъ въ литературу всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, пересчитайте, если у васъ на то хватитъ силъ и свѣдѣній, всѣ ядовитыя или просто грязныя обвиненія, направленныя противъ женщины вообще, и вы увидите также ясно, что мужчина, постоянно развращавшій женщину гнетомъ своего крѣпкаго кулака, въ то же время постоянно обвинялъ ее въ ея умственной неразвитости, въ отсутствіи тѣхъ или другихъ высокихъ добродѣтелей, въ наклонности къ тѣмъ или другимъ преступнымъ слабостямъ. Обвиненія эти дѣлались, конечно, чисто съ точки зрѣнія самого обвинителя, который въ своемъ собственномъ дѣлѣ являлся обыкновенно истцомъ, судьею, присяжнымъ и палачомъ. Если, напримѣръ, молодому, образованному Греку временъ Перикла было скучно сидѣть съ своею женою, которая не знала ничего, кромѣ своихъ рабынь и шерстяной пряжи,—то онъ громко обвинялъ ее въ тупоуміи и уходилъ съ веселыми пріятелями къ модной гетерѣ, гдѣ, конечно, находилъ полное сочувствіе своему семейному горю, а вслѣдъ за сочувствіемъ, отъискивалъ и утѣшеніе. Жена, существо молодое, свѣжее, способное развиваться и наслаждаться, оставалась одна, не смѣя даже роптать, съ тихимъ, затаеннымъ вздохомъ принималась опять за пряжу, робко поджидала возвращенія господина-супруга, стыдливо принимала его полупьяныя ласки, и, не получая ни откуда притока свѣжаго воздуха, постоянно тупѣла и съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе надоѣдала своему мужу. Возьмемъ другой примѣръ.

Если богатый мусульманинъ, владѣтель великолѣпнаго гарема, не имѣлъ возможности любить съ одинаковою силою всѣхъ своихъ женъ и любовницъ, и если одна изъ оставленныхъ одалискъ искала себѣ утѣшенія въ какой нибудь посторонней привязанности, если она успѣвала склонить стражу и украдкою ввести въ гаремъ своего возлюбленнаго,—хозяинъ и властелинъ считалъ себя смертельно оскорбленнымъ, и самымъ жестокимъ образомъ вымещалъ свою обиду на своей возмутившейся собственности. Эта собственность зашивалась въ мѣшокъ и отправлялась на дно ближайшей рѣки или немилосердно уродовалась палками, плетьми, розгами и другими исправительными орудіями, принадлежащими къ той же категоріи.

Но все это, скажетъ читатель, примѣры взятые изъ отдаленнаго прошлаго или изъ другой уродливо сложившейся цивилизаціи! Хорошо,

возьмемъ примѣръ изъ нашихъ временъ и изъ нашего быта. Года четыре тому назадъ, въ нашемъ отечествѣ былъ поднятъ вопросъ о воспитаніи; появилось нѣсколько педагогическихъ журналовъ, и въ нихъ, между прочимъ, заговорили очень рѣчисто о женщинѣ; на нашихъ женщинъ напали съ двухъ сторонъ; во-первыхъ, ихъ раскритиковали въ пухъ, какъ воспитательницъ, во-вторыхъ, какъ часть воспитывающагося и вырастающаго молодаго поколѣнія. Матерямъ и воспитательницамъ наша литература говорила безо всякихъ обиняковъ: «вы воспитываете скверно, вы сами пусты, вы живете нарядами и выѣздами, вы не думаете о страшной отвѣтственности, которая лежитъ на васъ передъ обществомъ, передъ родиною, передъ собственною совѣстью. Покайтесь и обратитесь на путь истины.» Обращаясь къ воспитанницамъ, литература наша даже ихъ умѣла обвинить въ томъ, что онѣ получили съ самыхъ малыхъ лѣтъ скверное направленіе, что онѣ не любятъ науки, равнодушны къ интересамъ своего развитія, обожаютъ своихъ учителей, начинаютъ кокетничать чуть не съ пеленокъ, и, достигши шестнадцатилѣтняго возраста, наровятъ выйти замужъ за кого попало. Я возьму только одинъ фактъ этого обвиненія и докажу вамъ, что, по своей идеѣ, онъ нисколько не лучше тѣхъ двухъ примѣровъ, которые я привелъ выше

Въ первомъ примѣрѣ, Грекъ дуется на свою жену за ея неразвитость, которую онъ же самъ поддерживаетъ въ ней своимъ обращеніемъ съ нею.

Во второмъ примѣрѣ, мусульманинъ колотитъ свою одалиску за невѣрность, которую онъ же самъ вызываетъ своею невнимательностью.

Въ третьемъ примѣрѣ, литераторы наши ругаютъ женщинъ за ихъ вѣтреность, за ихъ пустоту, которая поддерживается складомъ всего общества, и въ которой виноваты одни мужчины, какъ единственные дѣятельные члены этого общества.

Наши русскія матери плохо воспитываютъ—согласенъ; да гдѣ жъ имъ было научиться пріемамъ здравой педагогики? Гдѣ имъ было проникнуться человѣческими идеями? Наши матери занимаются устройствомъ своихъ куафюръ, или маринованіемъ грибовъ — опять таки согласенъ. Да что же имъ дѣлать, когда ничего лучшаго не знаютъ? А не знаютъ онѣ потому, что съ ними никто по человѣчески не говорилъ. Виноваты же въ этомъ одни мужчины, потому что мужчины дирижируютъ оркестромъ общественныхъ убѣжденій и являются занѣ-

валами. Если выходитъ разладица, они же сами за это отвѣчаютъ, и на себя должны пенять.

Наши дѣвушки кокетничаютъ потому, что никто не умѣетъ шевельнуть, какъ слѣдуетъ, ихъ ума; молодыя силы ищутъ себѣ исхода, и не находя себѣ разумнаго приложенія, обращаются на пустяки и тратятся на нелѣпости; дѣвушка старается выйти замужъ — это очень похвально и благоразумно; желая этого, она повинуется естественному голосу физической природы, и показываетъ въ себѣ присутствіе свѣжихъ силъ, потребность любви и наслажденія; кромѣ того, она очень хорошо понимаетъ, что, выходя замужъ, она становится свободнѣе, чѣмъ была прежде, находясь въ родительскомъ домѣ; если она ищетъ для себя личной свободы, значитъ она инстинктивно или сознательно понимаетъ ея цѣну. Кто стремится къ независимости, тотъ во всякомъ случаѣ оказывается сильнѣе, умнѣе и энергичнѣе человѣка, мирящагося съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ.

Чтобы выйти замужъ, многія дѣвушки пускаютъ въ ходъ неблагообразныя средства; онѣ стараются понравиться, продаютъ товаръ лицомъ, кокетничаютъ; все это очень нехорошо, но опять таки въ этомъ виноваты мужчины. Еслибы мужчинамъ не нравились кокетки, еслибы мужчины требовали отъ женщинъ серьезнаго ума, еслибы они не довольствовались легкою граціею, тогда кокетство сдѣлалось бы невозможнымъ. А кричать въ литературѣ противъ того зла, которое поощряешь въ жизни, безцѣльно и безполезно. Валить нравственную отвѣтственность на такое существо, которое въ теченіи всей своей жизни находится въ зависимости, несправедливо и неблагородно. Пора, мнѣ кажется, сказать рѣшительно и откровенно: женщина ни въ чемъ не виновата. Она постоянно является страдалицею, жертвою или, по крайней мѣрѣ, страдательнымъ лицомъ. Если случается иногда, что женщина отравляетъ существованіе добраго, честнаго и умнаго мужчины, то въ этомъ случаѣ совершается только круговая порука. Женщина вымещаетъ на своемъ мужѣ то зло, которое ей сдѣлали въ домѣ отца; ее испортили, — она и является испорченною; а все таки, въ существованіи портящихъ элементовъ виновата не женщина. Она въ полномъ смыслѣ слова продуктъ извѣстныхъ бытовыхъ формъ и условій, и притомъ продуктъ, не имѣющій никакой возможности заявить свой протестъ. Даже мужчина, недовольный тою жизнью, на которую обрекаютъ его понятія, укоренившіяся въ обществѣ, бываетъ принужденъ выдержать страшную борьбу, такую борьбу, которая

обыкновенно истощаетъ до послѣдней капли живыя силы его личности; большая часть мужчинъ не доводятъ этой борьбы до конца, смиряются и склоняютъ голову, признавая себя побѣжденными; кто остается побѣдителемъ, тотъ скоро умираетъ отъ послѣдствій непомѣрныхъ усилій. Подумайте, что же, при такихъ условіяхъ, можетъ сдѣлать женщина? Вспомните, что женщина у насъ знаетъ несравненно меньше, чѣмъ мужчина, изнѣжена несравненно больше, и также несравненно больше мужчины сдавлена контролемъ общественнаго мнѣнія. Мужчина приходитъ въ столкновеніе съ множествомъ разнообразныхъ сферъ; родительскій домъ, гимназія, университетъ, департаментъ или полкъ, маскарадъ, трактиръ, редакція журнала, прилавокъ торговой конторы — вѣдь это все школы жизни; положимъ, что каждая изъ этихъ школъ сама по себѣ неудовлетворительна, но зато ихъ довольно много, и каждая изъ нихъ болѣе или менѣе даетъ матеріалы для критики остальныхъ. Если даже мы видимъ уродливыя явленія, то они оказываютъ на нашу мыслительную дѣятельность возбуждающее вліяніе, лишь бы только эти уродливыя явленія не были утомительно-однообразны. Мужчинѣ есть на чемъ развиться; что это развитіе пойдетъ вкривь и вкось, въ этомъ нѣтъ почти ни малѣйшаго сомнѣнія; но тѣмъ не менѣе, первобытный сонъ ребенка будетъ нарушенъ; придется не разъ задуматься, разсердиться, опечалиться; явятся столкновенія съ разными личностями, съ разными сферами; явится борьба, и эта борьба такъ или иначе начнетъ обтесывать личность молодаго индивидуума, вступающаго въ жизнь. Тѣ задатки способностей и страстей, которыя лежали въ темпераментѣ мальчика, разовьются въ дурную или хорошую сторону, смотря по обстоятельствамъ: сдѣлавшись молодымъ человѣкомъ, этотъ мальчикъ помирится съ жизнью или возстанетъ противъ нея, но во всякомъ случаѣ онъ обозначится, по-своему пойметъ самого себя и станетъ къ окружающей его жизни въ какія нибудь отношенія. Личность сложится такъ или иначе, а у женщины, въ большей части случаевъ, и этого не бываетъ. Мужчину жизнь вертитъ и колышетъ круче, но женщину она давитъ сильнѣе. Для того, чтобы одна женщина выдѣлилась своимъ образомъ жизни изъ тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничѣмъ не затронутыхъ индивидуумовъ, необходимо соблюденіе нѣсколькихъ условій, которыя въ нашемъ обществѣ, при теперешнемъ складѣ воспитанія и понятій, встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

Необходимо, во-первыхъ, чтобы что нибудь вызвало на размышле-

ніе и на критику. Необходимъ какой нибудь толчокъ, который нарушилъ бы ребяческую полудремоту дѣвушки или женщины. Мужчина встрѣчаетъ такіе толчки довольно часто; каждый изъ насъ помнитъ, вѣроятно, теплое слово какого нибудь учителя или профессора, старшаго товарища или случайнаго знакомаго, котораго свѣтлая личность рельефно вырисовывается на темномъ фонѣ будничныхъ, житейскихъ воспоминаній; каждый испыталъ, вѣроятно, электрическое дѣйствіе такого слова, послѣ котораго приходилось оглянуться на свою прежнюю жизнь, перебрать въ умѣ свои неясныя, неперебродившія чаянія и стремленія, и положить первый краеугольный камень будущимъ, мужскимъ убѣжденіямъ. — Къ такимъ словамъ женщины воспріимчивѣе, чѣмъ вы думаете; такія слова для нихъ не пропадаютъ даромъ, онѣ запоминаютъ ихъ чувствомъ, онѣ выростаютъ и развертываются мгновенно, подъ живительнымъ вліяніемъ такого слова, онѣ привязываются всѣми силами молодой и пылкой души—и къ этому слову, и къ тому, кто его произноситъ, но посмотрите, гдѣ, когда, отъ кого приходится имъ слышать такое слово? Много-ли у насъ такихъ людей, которые способны заговорить съ женщиною по человѣчески? а изъ тѣхъ людей, которые на это способны, много-ли такихъ, которые достойны этого? Много-ли такихъ, повторяю я, которые, вызвавъ довѣріе и сочувствіе женщины смѣлою, вдохновенною тирадою, не обманутъ этого довѣрія и не окажутся мыльными пузырями и ничтожными фразерами? Оглянемся на самихъ себя; посмотримъ, каковы мы сами; посмотримъ, что мы, люди дѣла, люди мысли, дали и даемъ нашимъ женщинамъ? посмотримъ—и покраснѣемъ отъ стыда! Порисоваться передъ женщиною изяществомъ чувствъ, огорошить ее блестящею оригинальностью вычитанной мысли, очаровать ее красивою смѣлостью честнаго порыва—это наше дѣло, на это мы мастера. А дальше, дальше, когда надо эту же самую женщину поддержать, защитить, ободрить — мы на попятный дворъ, мы начинаемъ дѣлаться благоразумными, мы пугаемся того, что мы сдѣлали, мы стараемся залить тотъ пожаръ, который сами, сдуру, не спросясь броду, раздули, мы говоримъ и себѣ, и другимъ, и даже женщинѣ: вольно жъ было такъ горячо принимать къ сердцу! Надо помириться, надо покориться! Да, вотъ мы каковы, и туда же требуемъ отъ женщины, чтобы она была мыслящимъ существомъ. И смѣшно, и досадно!

Вотъ видите ли: стало быть, если даже толчокъ данъ, если даже мышленіе и критика пробудились, этого еще недостаточно. Женщина

во всякомъ возрастѣ до такой степени лишена самостоятельности, что первыя же проявленія этой критики очень легко могутъ быть задавлены тѣми людьми, которые составляютъ обстановку. Молодое существо шевельнется, рванется къ какой-то новой, незнакомой жизни, его круто осадятъ назадъ; оно заговоритъ—его осмѣютъ; она начнетъ протестовать—ей велятъ молчать; чтобы побѣдить въ неравной борьбѣ, которая завяжется между молодою женщиною и обстановкою, необходимы или особенно благопріятныя обстоятельства, или огромная сила характера. Осуждать ту молодую дѣвушку или женщину, которая начнетъ борьбу и не выдержитъ ея до конца—я не рѣшаюсь. Силъ у нея мало—да что же дѣлать? Гдѣ было развиться этимъ силамъ? На что имъ опереться? Да и наконецъ, развѣ ей самой, этой побѣжденной личности, склонившей голову и смирившейся передъ тѣмъ, что вызываетъ въ ней глубокое отвращеніе, развѣ ей самой легко жить на свѣтѣ? Обличать страдалицу, осуждать женщину, сломленную и изнывающую подъ ея бременемъ—это, можетъ быть, высоко-нравственно и глубоко-справедливо, но я предоставлю подобные подвиги другимъ, тѣмъ болѣе, что охотники всегда найдутся. Итакъ, получивши расшевеливающій толчокъ, женщина должна еще получить извнѣ или развить въ самой себѣ силы для протеста и борьбы. Борьба будетъ самая разнообразная; сначала внутренняя борьба, ломка прежнихъ убѣжденій и созиданіе новыхъ; потомъ, борьба съ семейными властями, съ маменьками, съ тетушками, съ ихъ матримоніальными планами, съ ихъ великосвѣтскими предразсудками, съ ихъ мѣщанскою посредственностью и окоченѣвшею рутинностью. Наконецъ, борьба съ общественнымъ мнѣніемъ, съ насмѣшками, намеками и сплетнями. Возьмемъ самую простую вещь—трудъ женщины. Мы знаемъ внѣшній фактъ: нѣкоторыя дѣвушки ходили на лекціи въ университетъ и ходятъ до сихъ поръ въ медико-хирургическую академію. Но знаемъ ли мы внутреннюю, закулисную, семейную сторону этого факта: сколько домашнихъ споровъ вызывало быть можетъ желаніе дѣвушки учиться серьезно, сколько разъ это желаніе бывало подавляемо, сколько слезъ тутъ было пролито, и какія святыя слезы! Если вы, положимъ, видите сегодня десять дѣвушекъ на лекціи, то почему вы знаете, чего имъ стоило придти? И почему вы знаете, что на эту лекцію не пришло-бы еще двадцать дѣвушекъ, еслибы ихъ не задержали... доводами, насмѣшками, силою? Теперь идетъ рѣчь о томъ, что женщины желаютъ быть допущены къ медицинской

практикѣ. Вопросъ, какъ вы видите, поднятъ свѣжій, но какіе иногда встрѣчаются отзывы, хоть святыхъ вонъ неси. Напримѣръ, Кіевская газета, «современная медицина» въ своемъ фельетонѣ вздумала позубоскалить на эту тему; она говоритъ, что женщины-медики будутъ поставлены въ щекотливое положеніе, если имъ придется лечить спеціально-мужскія болѣзни, и потомъ предлагаетъ этимъ женщинамъ-медикамъ называться докториссами. Это только плоско, и конечно не можетъ имѣть никакого вліянія на разрѣшеніе поставленнаго вопроса, но вы посмотрите на дѣло вотъ съ какой точки зрѣнія: если такія штуки откалываются въ печати людьми грамотными, чуть ли даже не учеными, то что́ же говорится на эту тему конфиденціально, въ своихъ кружкахъ, людьми темными и употребляющими прилагательное *ученый* не иначе, какъ съ прибавленіемъ существительнаго *гусь*. Каково тутъ будутъ острить и потѣшаться надъ тою женщиною, котороя у насъ въ Россіи первая рѣшится объявить себя практикующимъ медиковъ? И вѣдь эти остроты и потѣхи будутъ раздаваться въ тѣхъ самыхъ семейныхъ кружкахъ, въ которыхъ будутъ подростать молодыя существа, способныя проникнуться до глубины души идеею о пользѣ и необходимости женскаго труда. Какова будетъ борьба! Каково будетъ слабой женщинѣ съ нѣжною, тонкою кожею проходить сквозь строй грубыхъ насмѣшекъ, наглыхъ взглядовъ въ упоръ, благонамѣренныхъ совѣтовъ и крупно-посоленныхъ остротъ и намековъ. Подумайте-ка объ этомъ, поставьте на мѣсто этой пробивающейся личности образъ дорогой для васъ женщины, и тогда найдите въ себѣ силы бросить камнемъ въ ту, которая ослабѣетъ и спасуетъ на половинѣ дороги. Мнѣ кажется, вы тогда согласитесь со мною въ томъ, что женщина находится у насъ въ такомъ положеніи, при которомъ она не отвѣчаетъ ни за что; когда она изнемогаетъ и падаетъ, мы должны ей сочувствовать, какъ мученицѣ; когда она одолѣваетъ препятствія, мы должны прославлять ее, какъ героиню. Если что нибудь дурно въ женщинѣ, такъ дурна форма, въ которую отлиты ея понятія, чувства и дѣйствія; а форму эту изготовили мы; измѣнить ее собственными силами женщина не можетъ; а матеріалъ въ ней такъ хорошъ, такъ свѣжъ, несмотря на уродливую форму, въ которую онъ втиснутъ, что онъ заставляетъ все забывать; любовь матери, сестры, любовницы, жены разливаетъ на нашу сѣрую жизнь свѣтлыя полосы счастья и поэзіи. И за что насъ любятъ эти милыя существа? И чѣмъ мы это заслужили? На этотъ вопросъ мы затруд-

нимся отвѣтить, если не захотимъ отвѣтить фразой; но въ этомъ избыткѣ любви, которая вырывается изъ мѣры и тратится безъ разбора, въ этой кипучей полнотѣ покуда неосмысленнаго чувства, въ этомъ отсутствіи нравственной экономіи и разсудочности—заключаются именно задатки будущаго, богатаго развитія, будущей, широкой, разносторонней, размашистой жизни, будущей плодотворной, любвеобильной дѣятельности. Что сдѣлаетъ женщина, если она будетъ развиваться наравнѣ съ мужчиною?—это вопросъ великій и покуда неразрѣшимый.

II.

Изъ предъидущихъ общихъ разсужденій читатель можетъ замѣтить двѣ выдающіяся черты: во-первыхъ то, что я во всѣхъ случаяхъ, безусловно оправдываю женщину; во-вторыхъ то, что я считаю теперешнее положеніе женщины крайне тяжелымъ и неутѣшительнымъ. Съ этими двумя основными идеями я приступлю теперь къ анализу женскихъ типовъ, встрѣчающихся въ романахъ и повѣстяхъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго. Я буду выбирать только тѣ личности, которыя еще борятся съ жизнью и чего нибудь отъ нея требуютъ. Женщины, уже помирившіяся съ извѣстною долею, не войдутъ въ мой обзоръ потому, что онѣ, собственно говоря, уже перестали жить. Тѣ конечные результаты, къ которымъ приводитъ жизнь, не лишены интереса; ихъ можно изучать какъ опредѣлившіеся факты, какъ памятники прошедшаго; но дѣло въ томъ, что мы теперь живемъ тревожною жизнью настоящей минуты; мы чувствуемъ неотразимую потребность отвернуться отъ прошедшаго, забыть, похоронить его и съ любовью устремить взоры въ далекое, манящее, неизвѣстное будущее. Поддаваясь этой потребности, мы сосредоточиваемъ все наше вниманіе на томъ, въ чемъ видна молодость, свѣжесть и протестующая энергія, на томъ, въ чемъ вырабатываются и зрѣютъ задатки новой жизни, представляющей рѣзкую противуположность съ нашимъ теперешнимъ прозябаніемъ. Наши романисты также поддаются этой потребности, изображая своихъ героинь именно въ тотъ моментъ, когда онѣ, подъ вліяніемъ чувства къ мужчинѣ, развертываютъ всѣ силы своей природы и поворачиваютъ свою жизнь въ ту или другую сторону. Этотъ поворотный пунктъ въ жизни женщины особенно важенъ; рѣдко удается женщинѣ пойдти по той дорогѣ, которая обѣщаетъ полное удовле-

твореніе ея потребностямъ и стремленіямъ; большею частью ей приходится, споткнувшись объ какое нибудь препятствіе, свернуть куда нибудь въ сторону, и потомъ, убѣдившись въ невозможности выйдти снова на прежній широкій, свѣтлый и ровный путь, жить день за днемъ, безъ цѣли, безъ опредѣленныхъ желаній, безъ живаго наслажденія. Кто видитъ женщину въ этой фазѣ развитія, тотъ видитъ существо больное, слабое, увядающее, способное молча покоряться, но уже потерявшее силы и желаніе работать и бороться. Въ такой отживающей женщинѣ вы не найдете слѣдовъ той энергіи, которая кипѣла въ молодой дѣвушкѣ; въ энергіи этой заключаются залоги будущаго развитія, слѣдовательно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, на что способна женщина, какія силы таятся въ ея мозгу, въ ея нервахъ, изучайте ее тогда, когда она еще полна жизни и свѣжести, а не тогда, когда она измята, избита и обезцвѣчена вліяніемъ пошлыхъ людей и пошлой обстановки. Берите ее именно въ ту минуту, когда она любитъ и когда, подавая руку избранному человѣку, она готова съ нимъ рядомъ весело идти навстрѣчу труду, лишеніямъ, суду свѣта, упрекамъ родственниковъ, словомъ всѣмъ тѣмъ передрягамъ, которыя закаляютъ человѣка, и которыя, на нашемъ безцвѣтномъ и неточномъ разговорномъ языкѣ, называются горемъ и непріятностями.

Романъ большей части нашихъ женщинъ непродолжителенъ и нерадостенъ, благодаря тому обстоятельству, что наши мужчины изъ рукъ вонъ плохи; а почему плохи наши мужчины, это я, насколько возможно, старался объяснить въ предъидущей книжкѣ. Большею частью, мужчина влюбляется въ женщину или тогда, когда онъ находится въ положеніи неоперившагося птенца, или тогда, когда жуированіе жизнью, мелкія дрязги и постоянный разладъ между міромъ мысли и міромъ дѣйствительности измучили и утомили его до крайности. Свѣжести и силы нѣтъ у нашихъ мужчинъ; они становятся стариками на другой день послѣ того, какъ перестаютъ быть ребятами; мало того, старческая дряблость живетъ въ нихъ рядомъ съ ребяческою наивностью и неразвитостью; не умѣя ни однимъ серьезнымъ дѣломъ заняться серьезно, они уже начинаютъ чувствовать себя лишними на бѣломъ свѣтѣ въ томъ возрастѣ, въ которомъ при нормальномъ образѣ жизни должно еще продолжаться физическое и умственное развитіе. Дѣлать нечего, заняться нечѣмъ, болтать вдохновенную чепуху надоѣдаетъ—и человѣкъ мечется изъ угла въ уголъ, привязывается къ разнымъ искусственнымъ интересамъ, чтобы хоть чѣмъ нибудь заинтере-

соваться, и наконецъ, встрѣтивъ на своей дорогѣ женщину, которая ему нравится и способна понимать то, что онъ ей будетъ говорить, воображаетъ себѣ, что онъ въ пристани, что цѣль жизни найдена, что его счастье въ рукахъ этой уже любимой особы. Но дѣло въ томъ, что особа и ея обожатель совершенно различными глазами смотрятъ на жизнь.

Женщину заинтересовываетъ то, что мужчина говоритъ ей о жизни; она сама не жила, а покуда только росла или прозябала въ родительскомъ домѣ; а между тѣмъ силъ пожить и желанія пожить въ ней набралось много, вотъ она и слушаетъ съ напряженнымъ и постоянно возрастающимъ любопытствомъ и участіемъ то, что ей говоритъ ея собесѣдникъ о новомъ для нея процессѣ, о самостоятельной жизни, въ которой человѣкъ самъ пожинаетъ посѣянные плоды и самъ несетъ отвѣтственность за свои хорошіе и дурные поступки. Она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ усталъ жить, хотя въ сущности очень мало жилъ; она не замѣчаетъ того, что ея собесѣдникъ постоянно оставался школьникомъ, хотя давно уже покинулъ университетскую скамью; она воображаетъ себѣ, что дѣятельность ея собесѣдника дѣйствительно широка и плодотворна, что жизнь его полна и разнообразна; она готова была бы завидовать ему, если бы она его не любила и не надѣялась раздѣлить съ нимъ все наслажденіе и всю обаятельную тревогу этой, по ея мнѣнію, дѣятельной жизни. Она не знаетъ и не понимаетъ, что ея обожатель никогда въ жизни не являлся и не явится полноправною, самостоятельною, всесторонне развитою человѣческою личностью; она не видитъ того, что избранникъ ея сердца бѣгаетъ, какъ бѣлка въ колесѣ и будетъ продолжать это общеполезное занятіе до тѣхъ поръ, пока не откажутся служить его руки и ноги; заглядывая изъ спертой атмосферы своей дѣвической каморки въ рабочій кабинетъ того человѣка, котораго она желаетъ назвать своимъ мужемъ, дѣвушка не замѣчаетъ того, что она только изъ одной клѣтки хочетъ перейти въ другую; эта другая будетъ пожалуй попросторнѣе первой, да что же въ этомъ толку; клѣтка все таки останется клѣткою.

Ошибаясь насчетъ размѣровъ и значенія дѣятельности, дѣвушка ошибается точно также насчетъ самой личности того человѣка, который, поразивши ея воображеніе, начинаетъ мало по малу возбуждать въ ней любовь. Она слушаетъ его разсужденія о жизни съ страстнымъ воодушевленіемъ, и придаетъ его личности часть того огня,

который горитъ въ ней самой; она воображаетъ себѣ, что разсказчикъ чувствуетъ тоже самое, что чувствуетъ она, слушательница; вѣдь случается же иногда, что человѣкъ, съ которымъ произошло какое-нибудь счастливое событіе, выходитъ на улицу и воображаетъ себѣ, подъ вліяніемъ своего господствующаго настроенія, что всѣ окружающіе предметы, одушевленные и неодушевленные, смотрятъ на него какъ-то особенно весело, дружелюбно и довѣрчиво. Если такой человѣкъ одаренъ значительною долею впечатлительности и фантазіи, то съ нимъ можетъ случиться то, что онъ подойдетъ къ цѣпной собакѣ, чтобы приласкать ее, и конечно очень быстро, печальнымъ опытомъ убѣдится въ ошибочности своихъ оптимистическихъ воззрѣній. Для молодой дѣвушки, воспитывающей въ груди своей первое чувство любви, такого рода ошибка почти неизбѣжна. Идеализировать личность нравящагося человѣка гораздо легче, чѣмъ идеализировать цѣпную собаку, а послѣдствія отъ того и другаго могутъ выдти одинаково скверныя, хотя и существенно различныя по внѣшнимъ проявленіямъ.

Молодой человѣкъ, разсказывающій дѣвушкѣ о томъ, какъ онъ развивался, какъ боролся съ обстоятельствами, что перенесъ и выстрадалъ, гальванизируетъ самого себя процессомъ разсказа и близостью нравящейся ему женщины; глаза его блестятъ, давно поблекшія щеки загараются яркимъ румянцемъ; дикція его оживляется по мѣрѣ того, какъ онъ замѣчаетъ впечатлѣніе, производимое его рѣчью на свою собесѣдницу; онъ самъ наслаждается своимъ торжествомъ; чувство удовлетворяемаго самолюбія доставляетъ ему болѣе сильное удовольствіе, чѣмъ чувство раздѣленной любви; въ самой пылкой сценѣ любви онъ является въ одно время и актеромъ и зрителемъ, и эта несчастная способность смотрѣть на самого себя со стороны, въ то время, когда существо свѣжее безраздѣльно отдается обаятельному впечатлѣнію минуты, эта несчастная способность, повторяю я, есть вѣрный симптомъ вялости и дряблости; мозгъ постоянно бодрствуетъ и господствуетъ надъ всѣми отправленіями организма потому, что остальныя нервы притупились и ослабѣли. А между тѣмъ дѣвушка вся находится подъ обаяніемъ; ни одно слово въ разсказѣ, ни одна нота въ голосѣ разсказчика, ни одно измѣненіе въ мускулахъ его лица или въ выраженіи его глазъ не пропадаетъ для нея и не ускользаетъ отъ ея напряженнаго, благоговѣющаго вниманія. Новыя, неиспытанныя и неожиданныя ощущенія проходятъ черезъ ея нервную систему съ такою непостижимою быстротою, что она въ теченіи получасоваго разговора пережи-

ваетъ чуть ли не два три года и почти внезапно изъ взрослаго ребенка превращается въ любящую женщину. И какъ она хороша въ эту минуту перерожденія! И какъ она, при всей своей чуткости, при всей напряженной силѣ вниманія, не способна отнестись критически къ своему собесѣднику! Какъ она горячо вѣритъ и какъ жестоко ошибается! Въ ней вспыхиваетъ энергія, и въ немъ вспыхиваетъ энергія, но въ ней это первые проблески разгарающагося пламени, а въ немъ это послѣднія искры потухающаго огня. Она, послѣ двухъ трехъ теплыхъ разговоровъ, способна рѣшиться на все, а онъ послѣ двухъ трехъ такихъ разговоровъ ужъ равно ни на что не способенъ; она подойдетъ къ нему и скажетъ: ну что же! мы довольно говорили; пора дѣйствовать, пора жить; если между нами есть препятствія, опрокинемъ ихъ, перешагнемъ черезъ нихъ. Пойдемъ навстрѣчу трудамъ, опасностямъ и наслажденію. А онъ, потративши остатки энергіи на восторженную рѣчь, чистосердечно удивится тому , что отъ него еще чего-то требуютъ; она думаетъ, что разговоръ есть только начало дѣйствія, прелюдія жизни, а онъ послѣ разговора отдыхаетъ на лаврахъ въ полномъ убѣжденіи, что разговоръ есть полнѣйшее и единственное возможное проявленіе жизни. Увлеченная его рѣчами, она кидается къ нему на шею, и въ эту минуту забываетъ и папеньку, и маменьку, и то, что въ комнату можетъ войти посторонній человѣкъ, и даже то, что она благородная дѣвица, какъ неоднократно внушали ей воспитательницы. А онъ, при подобной вспышкѣ дѣйствительнаго чувства, при подобномъ проявленіи свѣжей жизни, теряется и опускаетъ руки подъ вліяніемъ чисто-комическаго, глубокаго испуга; онъ не знаетъ, что ему дѣлать съ этою женщиною, принявшею его слова въ такомъ серьезномъ смыслѣ; онъ до такой степени теряетъ присутствіе духа, что не понимаетъ даже того, что ему изъ деликатности, почти изъ приличія слѣдуетъ приласкать любящее существо и отвѣтить выраженіемъ теплаго сочувствія на страстныя объятія; онъ предобродушно проситъ взволнованную женщину успокоиться, придти въ себя, вспомнить, что ихъ могутъ застать... Если эта сцена происходитъ съ дѣвушкою впечатлительною, слабою и нервною, то она разрѣшается слезами, кончается истерическимъ припадкомъ и не производитъ рѣшительнаго перелома; дѣвушка объясняетъ себѣ всю нескладность этой сцены тѣмъ обстоятельствомъ, что она сама была растроена и взволнована; любимый мужчина не теряетъ въ ея глазахъ своего достоинства и разочарованіе происходитъ уже впослѣдствіи, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ

сценъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ вялыхъ отношеній. Но если дѣйствующимъ лицомъ въ этой нелѣпой сценѣ была дѣвушка или женщина сильная, страстная и энергическая, то она съ разу понимаетъ, какъ пошло велъ себя въ этой сценѣ правившійся ей мужчина, она быстро откидывается назадъ, однимъ холоднымъ взглядомъ уничтожаетъ впечатлѣніе всего разговора, въ одну минуту сосредоточивается въ самой себѣ, и только что начатой романъ оказывается навсегда оконченнымъ, безъ шуму, безъ слезъ, безъ эффектныхъ выходокъ, и по видимому, къ обоюдному удовольствію героя и героини. А между тѣмъ, чувство женщины глубоко и несправедливо оскорблено; она обманута въ лучшихъ своихъ вѣрованіяхъ; первое проявленіе жизни прихвачено морозомъ и самая жизнь оказывается надломленною. Зло, конечно, поправимое, но кому-жъ его поправить? Гдѣ у насъ тѣ люди, которые умѣли и хотѣли бы понять страданія женщины и радикально излечить эти страданія любовью, лаской, удовлетвореніемъ той потребности дѣятельности, которая постоянно волнуетъ мыслящую человѣческую личность. Если бы у насъ было много такихъ людей, то во многихъ отношеніяхъ жизнь наша пошла бы не такъ, какъ она идетъ теперь.

III.

Изъ женскихъ личностей, выведенныхъ въ романахъ г. Гончарова, только Ольга Сергѣевна Ильинская до нѣкоторой степени заслуживаетъ анализа. Въ доброе старое время, когда литература считалась роскошью и забавою жизни, отъ автора романа требовали только блестящаго вымысла и разнообразія картинъ; самые строгіе цѣнители требовали отъ него нравственнаго поученія, и совершенно удовлетворялись его произведеніемъ, если оно изображало борьбу добра и зла, и выводило на сцену воплощенія разныхъ добродѣтелей и пороковъ; одни критики требовали, чтобы непремѣнно торжествовало добро; другіе, болѣе догадливые, позволяли злу одерживать побѣду, но желали только, чтобы зло, подавленное или торжествующее, было представлено въ очень отвратительномъ видѣ, «во всей наготѣ своего безобразія», какъ выражались съ добродѣтельнымъ негодованіемъ эти догадливые цѣнители. Для однихъ романъ былъ источникомъ благородной забавы, пособіемъ для успѣшнаго пищеваренія, чѣмъ ни-

будь въ родѣ хорошей сигары, рюмки ликера или коньяка; для другихъ романъ былъ нравоученіемъ въ лицахъ, и эти другіе смотрѣли на первыхъ какъ на жалкихъ умственныхъ недорослей, какъ на людей пустыхъ и ничтожныхъ. Эти другіе, считавшіе себя солью земли и свѣтилами міра, очень много толковали объ идеалахъ и искали идеаловъ въ романахъ, повѣстяхъ и драмахъ. Подъ именемъ идеала они разумѣли что-то очень высокое и хорошее; идеаломъ человѣка они называли совокупленіе въ одномъ вымышленномъ лицѣ всевозможныхъ хорошихъ качествъ и добродѣтельныхъ стремленій; чѣмъ больше такихъ качествъ и стремленій романистъ нанизывалъ на своего героя, тѣмъ ближе онъ подходилъ къ идеалу, и тѣмъ больше похвалъ заслуживалъ онъ со стороны этихъ высоко развитыхъ цѣнителей. Цѣнители эти хотѣли, чтобы читатель, закрывая книгу, могъ сказать съ сердечнымъ умиленіемъ: да! вотъ какіе должны быть люди! Увы! зачѣмъ это я не похожъ на этого героя, и зачѣмъ это въ моей супругѣ нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ изящною личностью этой героини.

Доброе, старое время, о которомъ я говорю, время Грандисоновъ и Кларисс для многихъ добродушныхъ людей еще не миновалось, и для многихъ никогда не минуетъ. До сихъ поръ есть такіе высоконравственные люди, которые смотрятъ на литературу какъ на проповѣдь, возвышающую душу и очищающую нравственность; есть и такіе, которые видятъ въ ней весьма позволительную забаву; есть даже и такіе, которые видятъ въ ней источникъ всякаго зла. Люди послѣдней категоріи не читаютъ ничего, кромѣ календарей и дѣловыхъ бумагъ; но зато люди первыхъ двухъ категорій съ наслажденіемъ читаютъ Обломова; людей, наслаждающихся чтеніемъ романовъ послѣ сытнаго обѣда нѣжитъ обаятельность языка и спокойствіе разсказа; сверхъ того ихъ радуетъ и умиляетъ тщательная отдѣлка мелочей; нужны ли эти мелочи для пониманія дѣла, объ этомъ они не спрашиваютъ; ощущеніе, доставляемое имъ романомъ,—пріятно, и они совершенно довольны. Люди, ищущіе назиданія, восхищаются фигурою Ольги и видятъ въ немъ идеалъ женщины; каюсь, господа читатели, года два тому назадъ и я принадлежалъ къ числу этихъ людей, и я восторгался Ольгою, какъ образцомъ русской женщины. Но нашъ желѣзный вѣкъ, вѣкъ демоническихъ сомнѣній и грубо реальныхъ требованій, образуетъ мало по малу такихъ людей которые даже романисту не позволяютъ быть фантазеромъ, и даже ученому спеціалисту не позволяютъ быть буквоѣдомъ. Мы нуж-

даемся, говорятъ эти люди, въ рѣшеніи самыхъ элементарныхъ вопросовъ жизни, и намъ некогда заниматься тѣмъ, что не имѣетъ прямаго отношенія къ этимъ вопросамъ. Мы жить хотимъ, и слѣдовательно назовемъ дѣятелемъ жизни, науки или литературы только того человѣка, который помогаетъ намъ жить, пуская въ ходъ всѣ средства, находящіяся въ его распоряженіи. — Но созданія г. Гончарова не выясняютъ намъ ни одного явленія жизни, и слѣдовательно, мы можемъ взглянуть на всю его дѣятельность какъ на явленіе чрезвычайно оригинальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ высокой степени безполезное. Мы не требуемъ отъ художника мелкаго обличенія, но полагаемъ, что пониманіе жизни и ясныя, сознательныя и притомъ искреннія отношенія къ поставленнымъ его вопросамъ представляютъ необходимую принадлежность художника. Г. Гончаровъ попытался нарисовать образъ русской дѣвушки, одаренной отъ природы значительными умственными силами и поставленной при самыхъ выгодныхъ условіяхъ развитія. Картинка вышла, на первый взглядъ, очень красивая. Благодаря пластичности гончаровскаго изложенія, большинство читателей приняли Ольгу за живую личность, возможную при условіяхъ нашей жизни. Первое впечатлѣніе говоритъ въ пользу героини Обломова, но стоитъ только, не останавливаясь на мелочахъ, взглянутъ на крупныя черты этого характера, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ выдуманъ, какъ и все то, что когда нибудь выходило изъ подъ пера г. Гончарова. При первомъ своемъ появленіи на сцену, Ольга выходитъ изъ головы автора совершенно сформированною, въ полномъ вооруженіи, подобно тому, какъ въ доброе старое время, Паллада Аѳина вышла изъ черепа Зевеса. Авторъ пытается объяснить происхожденіе выведеннаго имъ женскаго характера, но попытки эти оказываются совершенно неудачными. Говоря вскользь о развитіи Ольги, г. Гончаровъ указываетъ только на два обстоятельства, отличавшія собою ея жизнь отъ жизни другихъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ тому же слою общества. Первымъ обстоятельствомъ является отрицательное вліяніе тетки, вторымъ положительное вліяніе Штольца. Тетка, замѣнившая Ольгѣ родителей, не мѣшала ей дѣлать, что угодно, а Штольцъ въ досужныя минуты училъ ее уму разуму; первое обстоятельство довольно правдоподобно: сироты обыкновенно ростутъ свободнѣе, чѣмъ дѣти, воспитывающіеся въ родительскомъ домѣ; они терпятъ больше горя, но зато развиваются самобытнѣе и становятся тверже, именно потому, что ихъ не охватываетъ со всѣхъ сторонъ разслабляющая ат-

мосфера слѣпой любви и неотразимаго деспотизма. Ольгѣ было удобнѣе развиваться подъ надзоромъ тетки, чѣмъ подъ руководствомъ матери; но вѣдь тетка могла дать только отрицательный элементъ; она могла до извѣстной степени не мѣшать развитію, а условія жизни, выборъ чтенія, кружокъ знакомыхъ должны были направлять силы молодаго ума въ ту или другую сторону. Что могъ сдѣлать Штольцъ? Если бы даже онъ съ неуклоннымъ вниманіемъ слѣдилъ за проявленіями мысли и чувства въ молодой дѣвушкѣ, то и тогда ему одному было бы довольно трудно составлять противувѣсъ всему вліянію домашней и общественной обстановки. Но, кромѣ того, Штотьцъ—«человѣкъ дѣятельный»; онъ съ утра до вечера бѣгаетъ по городу, онъ постоянно находится въ разъѣздахъ; гдѣ жъ ему быть руководителемъ и воспитателемъ молодой дѣвушки? Сверхъ того, Штольцъ относится къ Ольгѣ, какъ къ ребенку даже во время той сцены, послѣ которой онъ предлагаетъ ей руку и сердце; когда Ольга говоритъ ему о своемъ романѣ съ Обломовымъ, онъ ей отвѣчаетъ на ея признанія: «васъ за это надо оставить безъ сладкаго блюда за обѣдомъ». Если этотъ дѣловой господинъ, сильно смахивающій вообще на commis voyageur, относится такъ шутливо къ серьезному разсказу дѣвушки о серьезныхъ чувствахъ, и о дѣйствительныхъ, пережитыхъ ею страданіяхъ, то можно себѣ представить, съ какою покровительственною улыбкою онъ относился къ этой дѣвушкѣ, когда она ходила въ коротенькихъ платьяхъ, и когда она, какъ умный, развивающійся ребенокъ, всего болѣе нуждалась въ дружескомъ совѣтѣ и въ уваженіи со стороны взрослаго. Кромѣ того, Штольцъ и самъ не отличается значительною высотою развитія; когда Ольга, сдѣлавшаяся уже его женою, жалуется ему на какія-то стремленія, на какую-то неудовлетворенную тоску, Штольцъ говоритъ на это: «мы не боги», и совѣтуетъ ей покориться, помириться съ этою тоскою, какъ съ неизбѣжною принадлежностью жизни. Штольцъ очевидно не понимаетъ смысла и причины этой тоски, но какъ человѣкъ самолюбивый и самонадѣянный, онъ не рѣшается признаться въ своемъ непониманіи и пускается въ фразерство. Человѣкъ, не способный понять такую простую вещь, человѣкъ, неспособный въ рѣшительную минуту поддержать и разумнымъ образомъ успокоить жещину, опирающуюся на него съ полнымъ довѣріемъ, конечно не можетъ имѣть на развитіе молодаго существа того рѣшительнаго и благотворнаго вліянія, которое приписано Штольцу въ романѣ г. Гончарова. Если Штольцъ не умѣетъ направить къ разум-

ной дѣятельности силы женщины, уже сложившейся и окрѣпшей, то какимъ же образомъ можетъ этотъ самый Штольцъ пробудить и вызвать къ жизни силы, еще дремлющія въ мозгу ребенка? Есть, конечно, такіе люди, которые могутъ расшевелить, но потомъ не въ силахъ поддержать довѣрившуюся имъ женщину; къ числу такихъ людей принадлежитъ Рудинъ, Шамиловъ, герой стихотворенія Некрасова: «Саша»; такіе люди слабы и порывисты, а Штольцъ твердъ и спокоенъ; такіе люди очень хорошо знаютъ, что надо дѣлать, но у нихъ не хватаетъ силъ, на то, чтобы исполнить сознанное дѣло. Штольцъ, напротивъ того, могъ бы все сдѣлать, но онъ не знаетъ, что надо дѣлать. Изъ всего этого видно, что Штольцъ не имѣетъ ничего общаго съ людьми рудинскаго типа; мало того, онъ поставленъ въ противуположность къ этому типу; онъ, по мнѣнію г. Гончарова, является живымъ укоромъ этимъ людямъ. Спрашивается, какъ же этотъ высоко развитой, металлически твердый, трезво и спокойно размышляющій человѣкъ оказался неспособнымъ вывести жену свою изъ лабиринта осадившихъ ее сомнѣній и стремленій? Тѣ эпитеты, которые я здѣсь придаю Штольцу, не выражаютъ моего личнаго мнѣнія объ этой фигурѣ; этими эпитетами я обозначаю только тѣ свойства, которыя г. Гончаровъ *хотѣлъ* придать своему созданію; я же съ своей стороны не считаю Штольца ни высокоразвитымъ, ни металлически твердымъ, ни спокойно размышляющимъ; всѣ эти свойства могутъ быть приписаны человѣку, а я не считаю Штольца за человѣка. Я вижу въ немъ довольно искусно выточенную маріонетку, двигающуюся взадъ и впередъ по произволу выточившаго ее мастера. Еще гораздо искуснѣе маріонетки Штольца выточена другая, очень красивая маріонетка, Ольга Сергѣевна Ильинская; но жизни нѣтъ ни въ той, ни въ другой. Поэтому, говоря о гончаровскихъ лицахъ, намъ приходится только слѣдить за процессомъ мыслительной дѣятельности въ головѣ автора; намъ приходится не обсуживать выведенныя имъ стороны жизни, а просто рѣшать вопросъ: послѣдовательны-ли и пригодны-ли его сужденія. Беру я на себя этотъ трудъ потому, что имя г. Гончарова пользуется значительною извѣстностью и слѣдовательно, мнѣнія его могутъ имѣть нѣкоторое вліяніе на мысли читателей. Итакъ, мы видѣли, что г. Гончаровъ думаетъ о развитіи женщины: онъ полагаетъ, что дѣвушкѣ достаточно пользоваться нѣкоторою независимостью и встрѣчаться порою съ умнымъ и твердымъ мужчиною, для того, чтобы вполнѣ развить свои природныя силы. Тѣ предѣлы, которыхъ должна

достигать эта независимость, не обозначены ясно, потому что отношенія Ольги къ теткѣ совершенно не обрисованы, и отношенія ея къ обществу оставлены въ тѣни, съ тѣмъ замѣчательнымъ умѣніемъ, съ которымъ г. Гончаровъ всегда набрасываетъ покрывало на то, о чемъ, по его мнѣнію, неудобно распространяться. Тѣ размѣры, въ которыхъ должны проявляться умъ и твердость мужчины, также не опредѣлены съ достаточною ясностью; г. Гончаровъ не далъ себѣ труда подумать о томъ, чѣмъ могутъ быть искреннія и разумныя отношенія между развитымъ мужчиною и развитою женщиною, и вслѣдствіе этого отношенія эти вышли блѣдны и фальшивы, какъ казенная фраза на избитую тему. Въ самомъ характерѣ Ольги встрѣчаются внутреннія противорѣчія, которыя ясно показываютъ, до какой степени туманны и сбивчивы понятія автора о томъ идеалѣ женщины, который онъ самъ себѣ составилъ и который онъ хотѣлъ выяснить читателямъ своего романа.

Возьмемъ отношенія Ольги къ Обломову. Ольгу заинтересовываетъ граціозность этой честной, мѣшковатой личности, которой наивность и природный умъ рѣзко отдѣляются отъ вычурности и безцвѣтности тѣхъ свѣтскихъ джентльменовъ, которыхъ до того времени приходилось видѣть Ольгѣ. Заинтересовавшись Обломовымъ, Ольга начинаетъ въ него вглядываться, убѣждается въ томъ, что онъ дѣйствительно уменъ, честенъ, мягокъ, симпатиченъ, и начинаетъ чувствовать къ нему влеченіе. Когда эта зародившаяся любовь сдѣлалась замѣтна для самой Ольги, то она взглянула на свое чувство довольно оригинально; она посмотрѣла на него, какъ на подвигъ, который посылаетъ ей судьба; она вообразила себѣ, что ей предстоитъ обновить Обломова, одряхлѣвшаго отъ умственнаго сна; воодушевить его новою энергіею, и сдѣлать его способнымъ къ дѣятельной, человѣческой жизни. Чтобы понимать такимъ образомъ свои отношенія къ любимому человѣку, надо стоять на высокой степени умственнаго развитія и обладать огромными природными силами. Кто стоитъ на такой степени и обладаетъ такими силами, тотъ неспособенъ затосковать безпредметною тоскою и не понять причины своей тоски. Если Ольга понимаетъ, что Обломову необходима дѣятельность, то какъ же она можетъ не понять, что ей, какъ энергической личности, дѣятельность еще гораздо необходимѣе? Какъ же она не понимаетъ, что вся ея тоска съ любимымъ человѣкомъ, на южномъ берегу Крыма, среди роскошной, цвѣтущей природы,—не что иное, какъ неудовлетворенная потребность

разумной дѣятельности? Какъ наконецъ, эта энергичнская природа не рвется вонъ изъ душной атмосферы спокойнаго, соннаго счастья въ живую среду дѣятельности, и тревоги? Какъ возможно, чтобы Ольга, рѣшившаяся такъ рѣзко разорвать свои отношенія съ Обломовымъ тогда, когда Обломовъ оказался тряпкою, чтобы эта самая Ольга, повторяю я, успокоилась на плоскомъ отвѣтѣ Штольца: «мы не боги», и помирилась съ такою жизнью, въ которой, сколько намъ извѣстно по словамъ г. Гончарова, не было ничего, кромѣ воркованія любящаго супруга, няньчанія ребенка, и заботъ по домашнему хозяйству? Энергическая женщина сама пробила бы себѣ дорогу къ дѣятельности и взглянула бы съ невольнымъ презрѣніемъ на того мужчину, который рѣшился бы увѣрить ее, что надо быть богомъ, чтобы работать и наслаждаться. Но г. Гончаровъ, расходясь съ моимъ мнѣніемъ, доказываетъ, кажется, совершенно противное; если сгруппировать въ общую картину всѣ черты, введенныя имъ въ фигуру Ольги, то смыслъ выдетъ довольно оригинальный, гармонирующій съ основною идеею «обыкновенной исторіи». Ольга въ крайней молодости беретъ себѣ на плеча огромную задачу; она хочетъ быть нравственною опорою слабаго, но честнаго и умнаго мужчины; потомъ она убѣждается въ томъ, что эта работа ей не по силамъ, и находитъ гораздо болѣе удобнымъ самой опереться на крѣпкаго и здороваго мужчину. Положеніе ея очень прочно и комфортабельно, но, какъ вспышка молодости, у нея является припадокъ тоскливаго волненія. Этотъ припадокъ отъ времени до времени повторяется, постепенно ослабѣвая; наконецъ, молодая женщина совершенно излечивается, дѣлается спокойною и веселою, и жизнь ея начинаетъ струиться тихимъ, прозрачнымъ и отчасти усыпительно журчащимъ ручейкомъ. Г. Гончаровъ находитъ, что это сонное спокойствіе должно быть признано счастіемъ; я съ нимъ не буду спорить, потому что у каждаго свои понятія о счастьи; это—дѣло личнаго вкуса. Г. Гончаровъ въ изображеніи личности Ольги, точно также какъ и въ «обыкновенной исторіи» производитъ варіаціи на извѣстныя русскія пословицы: «жгуча крапива, да уварится», или «кабы на горохъ, да не морозъ, онъ бы и тынъ переросъ»; онъ видитъ въ проявленіяхъ молодости и свѣжести дикія вспышки, безплодныя попытки перекрутить все по своему, и постепенно ослабѣвающіе припадки сумазбродства; онъ смотритъ на вещи трезвыми глазами благоразумнаго старца и считаетъ развитіе человѣка благополучно довершеннымъ въ ту эпоху, когда онъ начинаетъ располагать

свои слова и поступки, сообразуясь съ внушеніями приличнаго расчета. Знаете-ли, господа читатели, что вышло бы изъ «Обломова», если-бы этотъ романъ былъ разсказанъ писателемъ, смотрящимъ на вещи не такъ благоразумно, какъ смотритъ г. Гончаровъ. Вышло бы вотъ что. Обломовъ оказался бы беззаботною головою, съ поэтическими стремленіями, не находящими себѣ удовлетворенія; онъ бы вышелъ похожимъ на Бельтова, и авторъ показалъ бы, что условія жизни, а не лимфатическій темпераментъ, мѣшаютъ ему развернуть свои способности и удовлетворить тѣмъ стремленьямъ, которыя отъ неудовлетворенія чахнутъ и мелѣютъ.

Ольга оказалась бы очень умною дѣвушкою, во всей личности которой совершается борьба между энергическимъ голосомъ чувственности съ одной стороны и разсчетомъ съ другой стороны. Ей нравится Обломовъ; она желала бы отдаться ему; ее привлекаетъ граціозная беззаботность, спокойная размашистость этой честной личности; но съ другой стороны эти самыя свойства внушаютъ ей серьезныя и благоразумныя опасенія. «Вѣдь этотъ Обломовъ, разсуждаетъ она, ужасный ротозѣй; его могутъ оплести и обмануть, такъ что онъ и ухомъ не поведетъ; растратитъ все состояніе, работать не съумѣетъ, служить не пойдетъ, потому что «прислуживаться тошно. Что же я съ нимъ буду дѣлать? Онъ милый, хорошій; мнѣ его поцѣловать хочется, у меня къ нему сердце лежитъ, да вѣдь страшно; вѣдь онъ по міру пуститъ». Пока дѣвушка раскидываетъ такимъ образомъ своимъ рано созрѣвшимъ разсудочкомъ, чувство симпатіи къ Обломову въ ней усиливается, она увлекается пылкимъ темпераментомъ; случайно рука ея попадаетъ въ его руку; она наклоняется къ нему, слышится звукъ поцѣлуя; случай этотъ повторяется, — она счастлива, потому что находится подъ обаяніемъ минуты, и потому что въ ней громко говоритъ голосъ здоровой природы... Но въ это время обаяніе вдругъ разрушается; ей дѣлаетъ предложеніе молодой человѣкъ, Штольцъ, находящійся на отличной дорогѣ, подвигающійся къ видному положенію въ обществѣ, отлично-устроившій свое имѣніе и пользующійся репутаціею красиваго. умнаго и дѣльнаго джентльмена «Изъ молодыхъ, да ранній», говорятъ объ этомъ юношѣ благоразумные старцы, и этотъ-то юноша съ подобающею солидностью выражаетъ Ольгѣ искренность и силу своего чувства, и, серьезно глядя ей въ глаза, предлагаетъ ей руку и сердце. Юноша Штольцъ дѣйствуетъ не безъ расчета, онъ знаетъ, что Ольга можетъ расчиты-

вать на наслѣдство отъ какой-нибудь тетушки или бабушки; «кромѣ того, разсуждаетъ онъ, все же будетъ женщина въ домѣ; больше порядка, изящества, представительности; въ томъ положеніи, которое мнѣ въ скоромъ времени придется занимать, это даже необходимо». Ну, да что тянуть разсказъ! разсчетъ у Ольги беретъ верхъ надъ чувствомъ; она круто обрываетъ отношенія съ Обломовымъ, называетъ его пустымъ человѣкомъ, хотя самой больно разстаться съ милою личностью, и наконецъ, скрѣпя сердце, выходитъ замужъ за дѣльнаго Штольца, который представляетъ что-то среднее между Калиновичемъ Писемскаго и Паньшинымъ Тургенева. Апоѳеоза расчета, скептическое отношеніе къ чувству—вотъ альфа и омега обоихъ романовъ г. Гончарова. Эти черты составляютъ остовъ характера Ольги; не та дѣвушка хороша, по мнѣнію Гончарова, которая любитъ сильно и безкорыстно, а та, которая умѣетъ выбирать себѣ мужа; не тотъ человѣкъ хорошъ, по мнѣнію г. Гончарова, у котораго есть и теплое чувство, и свѣтлый умъ, и широкія стремленія, а тотъ, кто, живя съ волками, умѣетъ выть по волчьи. Это совершенно справедливо, и эту глубокую истину, до которой мы, легкомысленные свистуны, никакъ не можемъ додуматься, уже давно сознала ученая редакція учено-литературнаго журнала: «Русскій Вѣстникъ». Одно опасно въ этомъ случаѣ: желая понравится волкамъ, подражая подъ нихъ, какъ говоритъ наше купечество, можно завыть такъ нескладно и нелѣпо, что даже волкамъ придется тошно.—Да и наконецъ, неужели большинство нашей публики—волки? Не наговоръ ли это?

И такъ насчетъ Ольги Ильинской, мы можемъ замѣтить, что это характеръ невѣрно понятый, и ложно представленный авторомъ. Кто не можетъ ужиться съ нами, думаетъ г. Гончаровъ, тотъ и дрянь; кто живетъ припѣваючи, тотъ молодецъ. Коротко и ясно. Но справедливо ли будетъ, если я поступлю такъ: положимъ, я иду мимо высыхающаго прудка и вижу, что карась издыхаетъ отъ недостатка воды; въ это самое время сотни лягушекъ прыгаютъ и квакаютъ, пляшутъ отъ радости и съ наслажденіемъ таскаютъ червяковъ изъ жидкой грязи; я останавливаюсь надъ карасемъ и указывая ему на лягушекъ, начинаю ругать его, зачѣмъ онъ не веселится и не наслаждается благами жизни. Правъ ли я буду? Кажется нѣтъ.—Не виноватъ карась въ томъ, что онъ родился карасемъ, и не большая заслуга лягушкамъ отъ того, что онѣ родились или сдѣлались лягушками. Одинъ дышетъ жабрами, другой легкими; одинъ любитъ свѣтлую воду, другой жидкую грязь. Ну и съ Богомъ!

IV.

Съ любовью и съ полнымъ довѣріемъ обращаюсь я снова къ нашимъ, менѣе благоразумнымъ художникамъ, Писемскому и Тургеневу. У Тургенева мы находимъ разнообразіе женскихъ характеровъ, у Писемскаго—разнообразіе положеній. Тургеневъ входитъ своимъ тонкимъ анализомъ во внутренній міръ выводимыхъ личностей; Писемскій останавливается на яркомъ изображеніи самаго дѣйствія. Романы Тургенева глубже продуманы и прочувствованы; романы Писемскаго плотнѣе и крѣпче построены. Тургеневъ больше Писемскаго рискуетъ ошибиться, потому что онъ старается отыскать и показать читателю смыслъ изображаемыхъ явленій; Писемскій не видитъ въ этихъ явленіяхъ никакого смысла, и въ этомъ случаѣ, заботясь только о томъ, чтобы воспроизвести явленіе во всей его яркости, онъ, кажется, избираетъ вѣрную дорогу. У Тургенева уловленъ смыслъ нашей жизни, но, рядомъ съ тонкими и вѣрными замѣчаніями и соображеніями попадаются поразительно фальшивыя ноты, въ родѣ построенія Инсарова. У Писемскаго букетъ нашей жизни, какъ крѣпкій запахъ дегтя, конопляника и тулупа, поражаетъ нервы читателя помимо воли самаго автора. Тургеневъ мудритъ надъ жизнью, и иногда не впопадъ; Писемскій лѣпитъ прямо съ натуры, и созданія его выходятъ некрасивыя, грубыя, кряжистыя, какъ некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша, самая неотесанная наша натура. Общая атмосфера нашей жизни схвачена полнѣе у Писемскаго, но зато индивидуальные характеры у Тургенева отработаны гораздо тщательнѣе. Словомъ, романы Писемскаго представляютъ *этнографическій* интересъ, а романы Тургенева замѣчательны по интересу *психологическому*.

Въ повѣстяхъ и романахъ Тургенева—много великолѣпно отдѣланныхъ женскихъ характеровъ. Я остановлюсь только на нѣкоторыхъ; возьму Асю, Наталью (изъ Рудина), Зинаиду (изъ Первой любви), Вѣру (изъ Фауста), Лизу (изъ Дворянскаго гнѣзда) и Елену (изъ Наканунѣ).

Ася—милое, свѣжее, свободное дитя природы; какъ незаконнорожденная дочь, она въ домѣ отца своего не пользовалась тѣмъ тщательнымъ надзоромъ, который душитъ въ ребенкѣ живыя движенія, и превращаетъ здоровую дѣвочку въ благовоспитанную барышню. Свобо-

дно играла и рѣзвилась она, бывши ребенкомъ; свободно стала она развиваться подъ руководствомъ своего старшаго законнорожденнаго брата, добродушнаго молодаго человѣка, весело, свѣтло и широко смотрящаго на жизнь. «Вы видите, говоритъ объ ней ея братъ, Гагинъ, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разъигрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила... Полная независимость во всемъ, да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень. Она бросилась на книги. Что тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ».

Эти слова Гагина характеризуютъ и того, кто ихъ произноситъ, и ту дѣвушку, о которой говорятъ. Мнѣ могутъ возразить, что изъ этихъ словъ не видно, чтобы Гагинъ смотрѣлъ на жизнь широко. На это возраженіе отвѣчу, что Гагинъ принадлежитъ къ числу людей мягкихъ, неспособныхъ вступить въ открытую борьбу съ существующимъ предразсудкомъ или завязать горячій споръ съ несоглашающимся собесѣдникомъ. Мягкость и добродушіе поглощаютъ въ немъ всѣ остальныя свойства; онъ изъ добродушія посовѣстится уличить васъ въ нелѣпости; онъ даже съ подлецомъ постарается разойтись помягче, чтобы не обидѣть его; самъ онъ не стѣсняетъ Аси ни въ чемъ, и даже не находитъ въ ея своеобразности ничего дурнаго, но онъ говоритъ объ ней съ довольно развитымъ, но отчасти фешенебельнымъ господиномъ и потому невольно, изъ мягкости становится въ уровень съ тѣми понятіями, которыя онъ предполагаетъ въ своемъ собесѣдникѣ. Онъ высказываетъ о воспитаніи Аси тѣ понятія, которыя живутъ въ обществѣ; самъ онъ не сочувствуотъ этимъ понятіямъ; находя на словахъ, что полную независимость вынести не легко, онъ самъ никогда не рѣшится стѣснить чью нибудь независимость; зато и не рѣшится отстоять отъ притязаній общества свою или чужую независимость. Уступая требованіямъ общественныхъ приличій, онъ отдалъ Асю въ пансіонъ; когда же Ася по выходѣ изъ пансіона поступала подъ его покровительство, онъ не могъ стѣснять ея свободы ни въ чемъ, и она стала дѣлать, что ей было угодно. Что же, спроситъ читатель, она вѣроятно надѣлала много непозволительныхъ вещей? О да, отвѣчу я, ужасно много. Какъ же въ самомъ дѣлѣ! Она прочла нѣсколько страстныхъ романовъ, она одна ходила гулять по прирейнскимъ скаламъ и развалинамъ, она держала себя съ посторонними людьми

то очень застѣнчиво, то весело и бойко, смотря потому, въ какомъ она была настроеніи, она... ну да что же! Неужели вамъ этого мало? *Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы. Полная независимость во всемъ! Да развѣ легко ее вынести?* О, эти двѣ фразы имѣютъ великое значеніе. Золотая середина! Тебѣ я посвящаю ихъ! Русскій Вѣстникъ! Отечественныя Записки! Возьмите ихъ въ эпиграфъ!

Ася является въ повѣсти Тургенева восьмнадцатилѣтнею дѣвушкою; въ ней кипятъ молодыя силы; и кровь играетъ, и мысль бѣгаетъ; она на все смотритъ съ любопытствомъ, но ни во что не вглядывается; посмотритъ и отвернется, и опять взглянетъ на что-нибудь новое; она съ жадностью ловитъ впечатлѣнія, и дѣлаетъ это безъ всякой цѣли и совершенно безсознательно; силъ много, но силы эти бродятъ. На чемъ онѣ сосредоточатся и что изъ этого выйдетъ, вотъ вопросъ, который начинаетъ занимать читателя тотчасъ послѣ перваго знакомства съ этою своеобразною и прелестною фигурою.

Она начинаетъ кокетничать съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ Гагинъ случайно знакомится въ нѣмецкомъ городкѣ; кокетство Аси такъ же своеобразно, какъ и вся ея личность; это кокетство безцѣльно и даже безсознательно; оно выражается въ томъ, что Ася въ присутствіи посторонняго молодаго человѣка становится еще живѣе и шаловливѣе; по ея подвижнымъ чертамъ пробѣгаетъ одно выраженіе за другимъ; она какъ-то вся въ его присутствіи живетъ ускоренною жизнью; она при немъ побѣжитъ такъ, какъ не побѣжала бы, можетъ быть, безъ него; она станетъ въ граціозную позу, которую не приняла бы, можетъ быть, еслибы его тутъ не было, но все это не расчитано, не пригоняется къ извѣстной цѣли; она становится рѣзвѣе и граціознѣе, потому что присутствіе молодаго мужчины незамѣтно для нея самой волнуетъ ея кровь и раздражаетъ нервную систему; это не любовь, но это—половое влеченіе, которое неизбѣжно должно явиться у здоровой дѣвушки точно такъ же, какъ оно является у здороваго юноши. Это половое влеченіе, признакъ здоровья и силы, систематически забивается въ нашихъ барышняхъ образомъ жизни, воспитаніемъ, обученіемъ, пищею, одеждою; когда оно оказывается забитымъ, тогда тѣ же воспитательницы, которыя его забили, начинаютъ обучать своихъ воспитанницъ такимъ маневрамъ, которыя до извѣстной степени воспроизводятъ его внѣшніе симптомы. Естественная грація убита; на ея мѣсто подставляютъ искуственную; дѣвушка

запугана и забита домашнею выправкою и дисциплиною, а ей велятъ при гостяхъ быть веселою и развязною; проявленіе истиннаго чувства навлекаетъ на дѣвушку потокъ нравоученій, а между тѣмъ любезность ставится ей въ обязанность; однимъ словомъ, мы вездѣ и всегда поступаемъ такъ: сначала разобьемъ естественную, цѣльную жизнь, а потомъ изъ жалкихъ черепковъ и вершковъ начинаемъ клеить что-нибудь свое, и ужасно радуемся, если это свое издали почти похоже на натуральное. Ася—вся живая, вся натуральная, и потому-то Гагинъ считаетъ необходимымъ извиниться за нее передъ тою золотою серединою, которой лучшимъ и наиболѣе развитымъ представителемъ является г. Н. Н., разсказывающій всю повѣсть отъ своего лица. Мы такъ далеко отошли отъ природы, что даже ея явленія мѣряемъ не иначе, какъ сравнивая ихъ съ нашими искуственными копіями; вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей случалось, глядя на закатъ солнца и видя такіе рѣзкіе цвѣта, которыхъ не рѣшился бы употребить ни одинъ живописецъ, подумать про себя (и потомъ, конечно, улыбнуться этой мысли): что это, какъ рѣзко! Даже не натурально. Если намъ случается такимъ образомъ ломить на колѣнку явленія неодушевленной природы, которыя имѣютъ свое оправданіе въ самомъ фактѣ своего существованія, то можно себѣ представить, какъ мы, безсознательно, незамѣтно для самихъ себя ломаемъ и насилуемъ природу человѣка, обсуживая и перетолковывая вкривь и вкось явленія, попадающіяся намъ на глаза. Изъ того, что я до сихъ поръ говорилъ объ Асѣ, прошу не выводить того заключенія, будто это — личность совершенно непосредственная. Ася настолько умна, что умѣетъ смотрѣть на себя со стороны, умѣетъ по-своему обсуживать свои собственные поступки и произносить надъ собою приговоръ. Напримѣръ, ей показалось, что она черезчуръ расшалилась, на другой день она является тихою, спокойною, смиренною до такой степени, что Гагинъ говоритъ даже объ ней:

— А-га! Постъ и покаяніе на себя наложила.

Потомъ она замѣчаетъ, что въ ней что-то не ладно, что она, кажется, привязывается къ новому знакомому; это открытіе ее пугаетъ; она понимаетъ свое положеніе, двусмысленное, по мнѣнію нашего общества; она понимаетъ, что между нею и любимымъ человѣкомъ можетъ появиться такая преграда, черезъ которую она, изъ гордости, не захочетъ перескочить и черезъ которую онъ, изъ ро-

бости, не посмѣетъ перешагнуть. Весь этотъ рядъ мыслей пробѣгаетъ въ ея головѣ чрезвычайно быстро, и отдается во всемъ ея организмѣ; кончается тѣмъ, что она, какъ испуганный ребенокъ, порывисто отвертывается отъ неизвѣстнаго будущаго, которое является ей въ образѣ новаго чувства, и съ дѣтскимъ довѣріемъ, съ громкимъ плачемъ и въ то же время съ недѣтскою страстностью кидается назадъ къ своему милому прошедшему, воплощающемуся для нея въ личности добраго, снисходительнаго брата.

— Нѣтъ, говоритъ она сквозь слезы, я никого не хочу любить, кромѣ тебя; нѣтъ, нѣтъ, одного тебя я хочу любить—и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, говоритъ Гагинъ,—ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

— Тебя, тебя одного! повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цѣловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно, твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.

Наша европейская цивилизація какъ-то такъ устроена, что она пугаетъ дикарей и мало-по-малу истребляетъ ихъ; Ася въ отношеніи къ этой цивилизаціи находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ можетъ быть поставленъ какой-нибудь краснокожій стрѣлокъ; ей предстоитъ рѣшить грозную дилемму: надо или отказаться отъ того человѣка, къ которому она начинаетъ чувствовать влеченіе, или стать во фронтъ, войдти въ ранжиръ, отказаться отъ милой свободы; она инстинктивно боится чего-то, и инстинктъ ее не обманываетъ; она хочетъ воротиться къ прошедшему, а между тѣмъ будущее манитъ къ себѣ, и не отъ насъ зависитъ остановить теченіе жизни.

Настроеніе Аси, ея обращеніе къ прошедшему скоро исчезаютъ безъ слѣда; приходитъ Н. Н., начинается разговоръ, прихотливо перепрыгивающій отъ одного впечатлѣнія къ другому, и Ася вся отдается настоящему, и отдается такъ весело и беззаботно, что не можетъ даже скрыть ощущаемаго удовольствія; она болтаетъ почти безсвязный вздоръ, обаятельный какъ выраженіе ея свѣтлаго настроенія, и наконецъ прерывается и просто говоритъ, что ей хорошо. И это настроеніе совершенно неожиданно разрѣшается въ весьма естественномъ желаніи—повальсировать съ любимымъ человѣкомъ.

«Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами: небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо! также тихо отвѣтила она, не смотря на меня... Еслибъ мы съ вами были птицы—какъ бы мы взвились, какъ-бы полетѣли... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырости, возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживите—узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать?.. Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ. Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать? спросила она вдругъ.

— Умѣю, отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею, и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ, подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное близкое дыханіе, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзво обвѣянномъ кудрями. «Во всей этой сценѣ Ася очевидно находится въ напряженномъ состояніи; она переживаетъ новую для себя фазу развитія; она въ одно время и живетъ, и думаетъ о жизни, какъ это всегда бываетъ съ людьми, одаренными свѣтлыми умственными способностями; она поддается новымъ впечатлѣніямъ, и въ то же время боится ихъ, потому что не знаетъ, что дадутъ они ей въ будущемъ; порою пересиливаетъ страхъ, порою одолѣваетъ желаніе. Чувство растетъ съ каждымъ днемъ; Ася объявляетъ г-ну Н., что крылья у нея выросли, да летѣть некуда, а потомъ признается брату, что она любитъ этого господина «Увѣряю васъ, говоритъ Гагинъ въ разговорѣ съ Н., мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на нее также неожиданно и также неотразимо, какъ

гроза.» Дѣйствительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами; оно доводитъ ее до дѣйствія: забывая всякую предосторожность, отлагая въ сторону всякую ложную гордость, она назначаетъ любимому человѣку свиданіе, и тутъ-то, при этомъ случаѣ высказывается въ полной яркости превосходство свѣжей, энергической дѣвушки надъ вялымъ продуктомъ великосвѣтской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чѣмъ рискуетъ Ася, и посмотрите, чего боится Н? Идя на свиданіе, Ася, конечно, не знала, чѣмъ оно можетъ кончиться; свиданіе это было назначено безъ всякой цѣли, по неотразимой потребности сказать любимому человѣку наединѣ что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидѣвшись съ Н. у фрау-Луизъ, она такъ безраздѣльно отдалась впечатлѣнію минуты, что потеряла и желаніе, и способность сопротивляться чему бы то ни было; она безусловно довѣрилась, не слыхавши отъ Н. ни одного слова любви; безсознательная робость молодой дѣвушки и сознательная боязнь лишиться добраго имени— все умолкло передъ настоятельными, неотразимыми требованіями чувства. Если можно благоговѣть передъ чѣмъ бы то ни было, то всего разумнѣе и изящнѣе будетъ съ благоговѣніемъ остановиться передъ этою силою чувства: это такой двигатель, для котораго не существуетъ непреодолимыхъ трудностей; при всякой борьбѣ между людьми одолѣетъ рано или поздно та партія, на сторонѣ которой находится наибольшая сумма энергическаго чувства; человѣкъ, вносящій въ жизнь пылкое желаніе наслаждаться, горячую, энергическую любовь къ жизни, навѣрное достигнетъ желаемаго счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь нелѣпый камень. Только вялость и апатія вязнутъ въ тряспнѣ, не умѣя осилить ни матеріальную нужду, ни людское недоброжелательство.. Femme le veut, Dieu le veut,—эта поговорка живетъ у Французовъ со временъ рыцарства и въ ней есть значительная доля правды; чего, чего не надѣлаетъ любящая женщина? Какія новыя силы не пробудятся въ ней подъ вліяніемъ ея чувства? Еслибы, дѣйствительно, (какъ утверждаютъ противники такъ-называемой эмансипаціи женщинъ) у женщины не было ничего, кромѣ способности любить, то и тогда еще неизвѣстно, чья природа оказалась бы крѣпче и богаче интеллектуальными дарами: природа мужчины или природа женщины? Въ разбираемой мною повѣсти неразвитая, полудикая дѣвушка одною силою своего чувства становится неизмѣримо выше молодаго человѣка, у котораго есть и умъ, и образованіе, и современное развитіе. Она на все рѣшилась, не остановилась даже передъ тою

мыслью, что можетъ огорчить брата, единственнаго человѣка въ мірѣ, котораго она любитъ; она пошла навстрѣчу осужденію и позору, страданіямъ и домашнему горю, а онъ, онъ... на чемъ онъ запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачѣмъ. На томъ, читатели, что его женѣ на визитныхъ карточкахъ не удобно будетъ написать: M-me N. née une telle. На томъ, что онъ самъ, г. Н., затруднится отвѣчать на вопросъ какого-нибудь великосвѣтскаго хлыща: «какъ ваша супруга урожденная? «Потомъ онъ, послѣ двухдневной борьбы, одолѣваетъ это препятствіе, но эта побѣда оказывается несвоевременною. Кромѣ того, читатель, подумайте сами, если мы будемъ бороться съ такими плюгавыми препятствіями, какъ съ какимъ-нибудь дѣйствительно существующимъ колоссальнымъ врагомъ, то, не правда-ли, какъ мы далеко уйдемъ впередъ, какъ много сдѣлаемъ дѣльнаго, а главное, какъ много успѣемъ насладиться жизнью? А жизнь, ей-Богу, коротка, и счастливыя стеченія обстоятельствъ бываютъ такъ рѣдки, что ими необходимо пользоваться, если не хочешь глупѣйшимъ образомъ прозѣвать жизнь. На личность г. Н. можно взглянуть еще съ одной очень поучительной стороны. Онъ приходитъ на свиданіе, съ твердымъ намѣреніемъ объявить Асѣ, что они должны разстаться. «Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ (прибавьте еще, г. Н., на незаконнорожденной дочери), говоритъ онъ самъ себѣ, съ ея нравомъ (тутъ г. Н. очевидно боится, чтобы у него, вслѣдствіе этого нрава, не выросли рога), какъ это можно?» (Да и не бойтесь г. Н.: вамъ, конечно, нельзя, да вы и не женитись. Это вамъ сказалъ уже и Гагинъ). Твердое намѣреніе г. Н. начинаетъ колебаться, когда онъ видитъ грустную, робкую и обаятельную въ этой грустной робости фигуру Аси, которая старается улыбнуться и не можетъ, хочетъ сказать что-то и не находитъ ни словъ, ни голоса. Ему становится жаль этой милой, любящей дѣвушки; онъ снисходитъ къ ней и называетъ ее ласкательнымъ полуименемъ.

— «Ася, сказалъ я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взглядъ женщины, которая полюбила, кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами, я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ...

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ

дрожавшей, руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось. Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ-будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все, я потянулъ ее къ себѣ— покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ, и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы...

— Ваша... прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана...

«Ахти, бѣда! подумаетъ сердобольный читатель. Погубитъ онъ, озорникъ, бѣдную дѣвушку!» Да, дѣйствительно, всякій здоровый и крѣпкій человѣкъ увлекся бы до послѣднихъ предѣловъ, и, конечно, въ увлекающейся Асѣ не встрѣтилъ бы ни малѣйшаго сопротивленія. Честный человѣкъ увлекся бы, и отъ послѣдствій его увлеченія не пострадалъ бы никто; онъ женился бы на Асѣ на другой день послѣ свиданія, и самое свиданіе осталось бы въ жизни обоихъ супруговъ свѣтлымъ, блестящимъ воспоминаніемъ. Энергическій негодяй, въ родѣ Василія Лучинова (въ повѣсти Тургенева: «Три портрета»), также не отказался бы отъ плодовъ свиданія, воспользовался бы всѣми наслажденіями, какія можно было-бы добыть отъ Аси, и потомъ бросилъ бы ее, какъ прочитанную записку. Первый поступилъ бы какъ порядочный человѣкъ, второй—какъ отъявленный негодяй. Что же касается до тѣстообразнаго г. Н., то онъ поступилъ такъ замысловато и вслѣдствіе этого такъ глупо, какъ можетъ поступить только существо, лишенное плоти и крови, или одаренное весьма жалкою дозою крови плохаго достоинства. Онъ сначала было-растаялъ, а потомъ спохватился. У него недостало мозгу, чтобы съ первой минуты окатить дѣвушку ушатомъ холодной воды, а потомъ недостало полнокровія, чтобы, не заботясь о послѣдствіяхъ, дать этой дѣвушкѣ и самому себѣ нѣсколько мгновеній жгучаго наслажденія. У него все перепутано: чувство врывается въ процессъ мысли, мысль парализируетъ чувство. Воспитаніе ослабило его тѣло и набило мозгъ его идеями, которыхъ тотъ не можетъ осилить и переварить. У него нѣтъ физическаго здоровья, физической силы, физической свѣжести; это—ходячая теорія, человѣческая голова на курьихъ ножкахъ, выжатый лимонъ, безъ соку, безъ вкуса и безъ остроты. И таково большинство; и намъ этотъ типъ такъ привыченъ, что насъ даже не поражаютъ его вопіющіе не-

достатки; многіе читатели навѣрное сказали, по прочтеніи Аси, что Н. очень честный человѣкъ, которому не посчастливилось въ жизни. Да, честный. Никто у него и не отнимаетъ этой честности — — —

Ася такая личность, въ которой есть всѣ задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условій нашей жизни, она не заразилась ея нелѣпостями. Встрѣться она съ свѣжимъ мужчиною, она бы показала намъ, что значитъ быть счастливою и дала бы намъ самый спасительный и плодотворный урокъ, котораго намъ до сихъ поръ никто не умѣлъ дать. Но гдѣ же взять такого мужчину? У насъ ихъ нѣтъ. И вотъ свѣжее, молодое, здоровое существо попало въ лазаретъ, въ которомъ стонутъ на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болѣзнями. Ну, конечно, изъ этого не могло выдти ничего путнаго; поневолѣ ей пришлось зачахнуть отъ аптечнаго воздуха или заразиться отъ дыханія окружающихъ субъектовъ. Виновата ли въ этомъ женщина?

V.

Наталья въ Рудинѣ похожа на Асю, или, вѣрнѣе, въ основу ихъ личностей положена авторомъ одна идея, разработанная различно въ обоихъ романахъ. Въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья—сдержанностью и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ сильно и внезапно; дѣйствіе этого внутренняго огня тотчасъ отражается на ея физіономіи, въ ея поступкахъ, во всемъ ея поведеніи; въ Натальѣ этотъ огонь разгарается медленно, и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ нея самой и отъ другихъ; а потомъ, когда она сама отдаетъ себѣ отчетъ въ своемъ настроеніи, она все-таки скрываетъ его отъ другихъ, и одна, безъ постороннихъ свидѣтелей, хозяйничаетъ въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Различій, какъ видите, очень много, а между тѣмъ, сходство самое существенное: обѣ дѣвушки сохранили свѣжесть и здоровье помимо обстановки, помимо тѣхъ людей, которые считали себя вправѣ распоряжаться ихъ мыслями и чувствами. Натальѣ это было труднѣе сдѣлать, чѣмъ Асѣ, и потому Наталья вышла изъ своей борьбы крѣпче и вынесла изъ нея большій запасъ сознаннаго опыта. Наталья—старшая дочь богатой барыни, окружен-

ная съ малолѣтства гувернантками, французскими грамматиками и душеспасительными наставленіями, произносимыми на разныхъ европейскихъ языкахъ. Какъ тутъ не опошлиться? Дѣйствительно мудрено, но тутъ выручаетъ одно обстоятельство, именно то, что матери некогда постоянно наблюдать за воспитаніемъ, а гувернантки большею частью довольно тупы. Воспитанію дѣтей посвящаютъ себя обыкновенно тѣ лица, которыя по ограниченности ума ни на что другое не способны, да иначе и быть не можетъ. Во-первыхъ, матеріальное положеніе наставника всегда зависимо и всегда скудно обезпечено. Во-вторыхъ, обречь себя на то, чтобы постоянно передавать другому то, что знаешь, значитъ отказаться отъ возможности идти дальше. Когда начинаешь учить другаго, тогда уже интересы собственнаго развитія отодвигаются на задній планъ. Кто хочетъ денегъ, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что мѣсто не хлѣбное. Кто хочетъ идей, тотъ не пойдетъ въ педагоги, потому что занятія съ дѣтьми отнимаютъ у человѣка время, не обогащая его внутреннимъ содержаніемъ. Стало быть, въ педагоги идетъ, даже по призванію, только трудолюбивая посредственность; въ гувернантки идутъ тѣ дѣвушки, которымъ не удалось выдти замужъ. То обстоятельство, что мѣсто педагога не пользуется почетомъ, и что, вслѣдствіе этого, на эти мѣста идутъ люди, обиженные Богомъ, не разъ возбуждало въ нашей педагогической литературѣ жалобные вопли; я осмѣлюсь самымъ скромнымъ тономъ выразить сомнѣніе въ основательности этихъ воплей. Осмѣлюсь даже предложить вопросъ: велика-ли та услуга, которую мы оказываемъ дѣтямъ, занимаясь ихъ нравственнымъ воспитаніемъ? Воспитывать значитъ приготовлять къ жизни; спрашивается, можетъ-ли готовить къ жизни кого бы то ни было такой человѣкъ, который самъ не умѣетъ жить? А что мы не умѣемъ жить, въ этомъ, кажется, не усомнится благосклонный читатель. Воспитывая нашихъ дѣтей, мы втискиваемъ молодую жизнь въ тѣ уродливыя формы, которыя тяготѣли надъ нами; мы поступаемъ такимъ образомъ съ такими личностями, которыя сами не могутъ еще ни подать голоса, ни заявить протестъ, ни оказать сопротивленія; мы безъ спросу мнемъ чужія личности и чужія силы; когда владѣльцы этихъ силъ и этихъ личностей начинаютъ вступать въ свои человѣческія права, то они находятъ, что въ ихъ владѣніяхъ все перепутано; мысль загромождена разными кошемарами и кикиморами; чувство извращено и болѣзненно нацарапано или насильственно притуплено педагогическими внушеніями

о долгѣ, о чести, о нравственности; молодое тѣло изнурено безплодною, одностороннею мозговою работою, отсутствіемъ правильнаго моціона, чистаго воздуха, часто даже недостаткомъ здоровой пищи. Физическое здоровье подорвано, а что дано взамѣнъ? Насаженъ въ мозгу, по разнымъ грядкамъ, съ нѣмецкою тщательностью и возмутительною аккуратностью, бурьянъ и чертополохъ, который надо вырывать съ корнемъ, чтобъ онъ не истощилъ всю умственную почву. И вотъ молодой хозяинъ поневолѣ посылаетъ ко всѣмъ чертямъ услужливыхъ огородниковъ, вскопавшихъ и засѣявшихъ ему мозгъ; онъ исподволь или вдругъ, смотря по обстоятельствамъ, эманспипруетъ себя отъ ихъ непрошенной опеки и начинаетъ жить по-своему и думать по-своему. Но на борьбу съ сорными травами уходитъ много хорошихъ силъ, и часто человѣкъ оказывается освобожденнымъ отъ бурьяна уже тогда, когда тѣлесное развитіе достигло полной зрѣлости и стоитъ уже на поворотномъ пунктѣ. Чѣмъ раньше молодая личность становится въ скептическія отношенія къ своимъ наставникамъ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ меньше послѣдніе успѣютъ напортить и тѣмъ больше времени останется на поправленіе или, вѣрнѣе, на радикальное уничтоженіе ихъ работы. Стать въ скептическія отношенія легче къ дураку, чѣмъ къ умному человѣку, и потому я рѣшаюсь признать положительно полезнымъ то обстоятельство, что нашимъ воспитаніемъ занимались и занимаются большею частью недалекіе люди. Развиваться подъ руководствомъ наставника, мнѣ кажется, положительно невозможно, а развиваться помимо наставника тѣмъ удобнѣе, чѣмъ ограниченнѣе наставникъ. Но отчего же однако, спроситъ читатель, умный и широко-развитой человѣкъ не можетъ принести своему воспитаннику существенной пользы? Оттого, любезный читатель, что умный и широко-развитой человѣкъ никогда не рѣшится воспитывать ребенка; онъ пойметъ, что врываться въ интеллектуальный міръ другаго человѣка съ своею инипіативой—безчестно и нелѣпо; онъ будетъ хорошо кормить ребенка, удалять отъ него вредные предметы, въ родѣ бѣшеной собаки, каленаго желѣза, сырой комнаты, угарнаго воздуха. На томъ онъ и остановится; если ребенокъ предложитъ ему вопросъ, онъ ему отвѣтитъ; если ребенокъ принесетъ на его судъ какое нибудь сомнѣніе, онъ ему выскажетъ свое убѣжденіе. Зрѣлый умъ старшаго будетъ имѣть вліяніе на формированіе сужденій ребенка, но это вліяніе будетъ независимо отъ воли обоихъ дѣйствующихъ лицъ; его не будутъ втискивать силою, или всучивать педагогическою хит-

ростью. Кто попытается сдѣлать больше этого, тотъ, стало быть, не настолько уменъ, или не настолько широко развитъ, чтобы быть безвреднымъ сознательно и добровольно. Если онъ не можетъ быть безвреденъ сознательно и добровольно, то пускай будетъ безвреденъ невольно, вслѣдствіе безсилія. Если нельзя найдти человѣка очень умнаго, возьмите человѣка очень глупаго. Результатъ получится почти въ такой же мѣрѣ удовлетворительный, а людей глупыхъ много, особенно между педагогами. Стало быть выдетъ и дешево, и сердито.

Наталья, какъ умный ребенокъ, рано заявила свою умственную жизнь какимъ нибудь озадачивающимъ вопросомъ, мѣткимъ замѣчаніемъ, вспышкою своеволія; это заявленіе, благодаря тупости воспитательницы, встрѣтило себѣ холодный или даже недоброжелательный пріемъ. На вопросъ отвѣчали вскользь; на мѣткое замѣчаніе воспослѣдовало со стороны гувернантки не менѣе мѣткое замѣчаніе: «маленькія дѣвочки не должны такъ говорить». Маленькая дѣвочка спросила: почему? Ей приказали молчать. Вспышку своеволія назвали капризомъ, и подавили силою. Словомъ, такъ или иначе, воспитывающая сторона уронила себя въ глазахъ воспитывающейся стороны, а это, какъ извѣстно всѣмъ, занимавшимся когда нибудь воспитаніемъ, вовсе не трудно сдѣлать, когда имѣешь дѣло съ умнымъ ребенкомъ. Маленькая дѣвочка широко раскрыла свои умные глаза, съ удивленіемъ посмотрѣла на старшихъ недоумѣвающимъ взоромъ и подумала про себя: какіе они странные; а черезъ нѣсколько времени она подумала: а, такъ вотъ они какіе! Вотъ и вошелъ въ воспитаніе новый элементъ, котораго существованіе не подозрѣваютъ воспитатели, и который, между тѣмъ, постоянно путаетъ алгебраическія выкладки педагогическихъ соображеній. Приказанія ихъ исполняются, но «формировать умъ и сердце» ребенка имъ не удается; приказанія ихъ не прохватываютъ вглубь; маленькая дѣвочка, какъ улитка, ушла въ себя, и начинаетъ строить себѣ свой мірокъ, въ который она ни за какія коврижки не пуститъ ни мамашу, ни гувернантку; откровенность откладывается въ сторону, и чѣмъ умнѣе ребенокъ, тѣмъ безуспѣшнѣе оказываются попытки старшихъ разбить раковину улитки и подсмотрѣть нескромнымъ взоромъ тайну внутренняго развитія. Дѣти, начинающіе развиваться помимо руководства наставниковъ, выбираютъ обыкновенно одинъ изъ двухъ путей: или они вступаютъ въ ожесточенную, отчаянную борьбу съ посягательствами взрослыхъ, или они, отказываясь отъ всякой борьбы, повинуются чисто внѣшнимъ

образомъ и уже постоянно держатся на-сторожѣ, постоянно относятся къ распоряженіямъ педагоговъ критически и скептически. Первые — будущіе Донъ-Кихоты жизни, всегда готовые ломать копье за свои идеи, всегда дѣйствующіе открыто и смѣло, и часто погибающіе за доброе дѣло. Другіе — тѣ люди, о которыхъ говоритъ нашъ народъ: «въ тихомъ омутѣ черти водятся». Невозмутимо спокойные по наружности, глубоко-страстные въ душѣ, непоколебимые и неподкупные, эти люди дѣйствуютъ медленно, бьютъ на-вѣрняка и рѣдко промахиваются. Наталья принадлежала ко второй категоріи, а между тѣмъ промахнулась. Она полюбила Рудина и ошиблась въ немъ, но кто же бы и не ошибся въ Рудинѣ? Кого бы не подкупили его рѣчи, если даже онѣ подкупили Лежнева, мужчину, одареннаго значительною дозою скептицизма и здраваго смысла. Причины ошибки Натальи лежатъ не въ ней самой, а въ окружавшихъ ее обстоятельствахъ. Рудинъ былъ лучшимъ изъ окружавшихъ ее мужчинъ, она его и выбрала; что же дѣлать, если и лучшій оказался никуда негоднымъ? И Лежневъ, и Волынцевъ крѣпче Рудина, въ этомъ спору нѣтъ; но ни Волынцевъ, ни Лежневъ не могли шевельнуть молодую дѣвушку, находящуюся въ той порѣ жизни, когда умъ требуетъ яркости идей, и когда весь организмъ проситъ сильныхъ ощущеній. Романъ Натальи очень похожъ на романъ Аси; и та, и другая искала въ любимомъ человѣкѣ жизни и силы; и та, и другая наткнулась на вялое резонерство и на позорную робость. И опять приходится закончить главу вопросомъ: въ чемъ тутъ виновата женщина?

VI.

Но не всѣмъ же дѣвушкамъ удается развиться помимо обстановки; многія и очень многія, даже большинство, пропитываются насквозь атмосферою нашей жизни, въ дѣтствѣ принимаютъ въ себя зародыши разложенія, живыми тѣнями проходятъ свое земное странствіе, и, какъ неизлечимые больные, рано начинаютъ увядать и клониться къ могилѣ.

Къ этому чрезвычайно многочисленному типу, допускающему внутри себя почти безконечное разнообразіе, принадлежатъ два замѣчательные женскіе характера: Вѣра (изъ Фауста) и Лиза (изъ Дворянскаго гнѣзда).

Первая искуственно заморожена воспитаніемъ, вторая заражена съ дѣтства міазмами нашей домашней атмосферы. Разберу отдѣльно ту и другую личность.

Вѣра воспитывается подъ руководствомъ своей матери, женщины очень умной, очень энергичной, испытавшей много несчастій и сосредоточившей всю силу своей любви на единственной дочери. Сказать по правдѣ, трудно найти болѣе невыгодныя условія развитія. Любящая мать, да еще къ тому же энергичная, да еще къ тому же умная, да еще къ тому же испытавшая несчастья, навѣрное будетъ слѣдить за каждымъ движеніемъ дочери, будетъ прокрадываться въ ея мысли, будетъ рѣшать за нее всѣ представляющіеся вопросы жизни, будетъ оберегать ее отъ впечатлѣній такъ же заботливо, какъ отъ сквознаго вѣтра. Вмѣсто того, чтобы жить въ жизни, дочь будетъ обрѣтаться въ какой-то восковой ячейкѣ, состроенной вокругъ нея любящею рукою матери. Любить человѣка и не мѣшать ему въ жизни, не отравлять его существованія непрошеными заботами и навязчивымъ участіемъ, это такой фокусъ, который не многимъ по силамъ. Родителямъ онъ совершенно недоступенъ. Они хотятъ во что бы то ни стало, чтобы ихъ опытность шла на пользу дѣтямъ; того они не понимаютъ и не хотятъ понять, что самый процессъ пріобрѣтенія опытности чрезвычайно пріятенъ, и что этотъ процессъ никакъ не можетъ быть замѣненъ чужимъ разсказомъ или описаніемъ; когда вы голодны, вамъ надо ѣсть, а не читать описанія лакомыхъ блюдъ и даже не смотрѣть на эти блюда; когда вы любите женщину, чтеніе самыхъ разнообразныхъ романовъ и разсказы о самыхъ замысловатыхъ любовныхъ похожденіяхъ вашего папеньки не замѣнятъ вамъ двухъ минутъ разговора, созерцанія, непосредственной близости; когда вы молоды, когда вы вступаете въ жизнь, вамъ надо жить, а никакъ не слушать разсказы о томъ, какъ жили ваши родители.

Мать Вѣры вообразила себѣ, что она пожила за себя и за свою дочь, и рѣшилась во что бы то ни стало избавить Вѣру отъ ошибокъ и страданій, выпавшихъ на долю ея матери. Для этого нужно было обработать по своему мягкій матеріалъ, попавшійся въ руки, и г-жа Ельцова принялась за работу довольно ловко; она успѣла приготовить изъ дочери своей такую консерву, которая могла-бы десятки лѣтъ плавать по морю житейскому, постоянно сохраняя подъ свинцовою крышкою свою нетронутую, дѣтскую невинность; борьба между умною,

опытною женщиною съ одной стороны, и непробудившимися силами бѣднаго ребенка съ другой стороны, была слишкомъ не равна; мать побѣдила безъ труда, и живыя силы почти безъ сопротивленія отправились подъ свинцовую крышку; и свинцовая крышка эта придавила ихъ такъ рано, что онѣ замерли, не заявивъ протеста; дѣвочка даже не замѣтила существованія этой крышки и выросла, считая свое положеніе нормальнымъ, или, вѣрнѣе, не думая подвергать его анализу.

Во-первыхъ, г-жа Ельцова пріобрѣла полное довѣріе своей дочери и внушила ей страстную, доходящую до благоговѣнія, любовь къ своей особѣ. Есть личности, которымъ очень пріятна подобная любовь, исключающая критику. Мнѣ кажется, существованіе такого чувства унижаетъ человѣческое достоинство того, кто его испытываетъ, и того, къ кому оно обращено. Обожающее лицо теряетъ всякую самостоятельность; обожаемое—ставится въ обидное положеніе китайскаго идола.

Вѣруя въ опытность матери, въ ея умъ и непогрѣшимость, Вѣра Ельцова поневолѣ должна была безусловно подчиниться ея воззрѣніямъ; но убѣжденія отжившей старухи не могутъ быть убѣжденіями молодой дѣвушки; они могутъ сдѣлаться для нея только догматами вѣры; она можетъ повторять ихъ про себя, какъ магическое заклинаніе, не понимая ихъ истиннаго смысла, потому что этотъ смыслъ дается только тому, кто пожилъ и кого помяла жизнь; принять на вѣру убѣжденія матери значило отказаться отъ знакомства съ жизнью; при всей любви своей къ матери, молодая дѣвушка могла-бы не рѣшиться на подобную жертву, если бы кто-нибудь представилъ ей эту жертву въ настоящемъ свѣтѣ; но такого Мефистофеля не нашлось, а старый ангелъ-хранитель, г-жа Ельцова, употребила съ своей стороны всѣ усилія, чтобы отвести дочери глаза и показать ей только тѣ уголки жизни, которые, по ея мнѣнію, не могли произвести вреднаго вліянія, т. е. не могли нарушить умственной и нервной дремоты дѣвушки. Все, что могло сильно потрясти нервы, подѣйствовать на воображеніе и сообщить сильный толчокъ критическому уму, было тщательно устранено; ни посторонній человѣкъ, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стѣну, которою г-жа Ельцова отдѣлила свою Вѣрочку отъ всего живаго міра; еслибы Вѣрѣ случилось поговорить съ кѣмъ-нибудь, то этотъ разговоръ она же сама отъ слова до слова передала бы матери; если бы Вѣрѣ попалась книга, она не стала бы ее читать, не спрося позволенія матери; когда

узникъ полюбилъ свою тюрьму, тогда нѣтъ средствъ освободить его; вѣдь не насильно же тащить его на свѣтъ божій! Вѣрѣ до ея замужества не давали въ руки ни одного романа; зато научное ея образованіе было такъ полно, что она удивляла кандидата своими обширными свѣдѣніями; свѣдѣнія эти были, конечно, чисто фактическія; Вѣра знала, въ которомъ году произошло, положимъ, Нёрдлингенское сраженіе, къ какому роду и виду принадлежитъ божья коровка, сколько пестиковъ и тычинокъ въ георгинѣ, но значенія реформаціи она не понимала и общаго взгляда на жизнь природы не имѣла.

Навѣрное г–жа Ельцова боялась Вольтера и Фейербаха такъ же сильно и такъ же основательно, какъ Жоржъ–Занда или Бальзака. Вѣрочкѣ позволялось украшать свою память всякими антиками и диковинками, но работать мыслью или воспринимать какія–нибудь необыденныя ощущенія нервами было строго запрещено.

Строгій выборъ книгъ былъ только административнымъ средствомъ въ рукахъ г–жи Ельцовой; цѣль, къ достиженію которой она стремилась, опираясь на подобныя средства, лежала очень далеко; надо было устроить по извѣстной программѣ всю жизнь молодой дѣвушки, надо было искусно обѣжать опасный періодъ любви, надо было выдать ее замужъ за хорошаго человѣка, укрѣпить ее въ понятіи долга и наконецъ поставить ее на якорь въ такой пристани, въ которую не заходятъ и не заглядываютъ житейскія бури, смѣлыя мысли, безпорядочныя, кометообразныя чувства. Чтобы дойти до такой пристани, надо было лавировать, и г–жа Ельцова лавировала не безъ успѣха.

Молодой человѣкъ, заинтересованный Вѣрою, съ похвальною скромностью проситъ у г–жи Ельцовой позволенія сдѣлать ей предложеніе; заботливая маменька, видя, что этотъ молодой человѣкъ, несмотря на всю свою скромность, не похожъ на желанную пристань, отказываетъ ему прямо, не спросивши мнѣнія дочери; она даже не считаетъ нужнымъ сказать ей потомъ, что за нее сватался такой–то. Одного этого факта достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, насколько г–жа Ельцова употребляла во зло довѣренность своей дочери, и какъ грубо она нарушала ея святыя человѣческія права. Наконецъ, желанная пристань находится; добродушный, простоватый господинъ, бывшій въ университетѣ, не вынесшій оттуда завиральныхъ идей и превратившійся въ помѣщика, несмотря на свои молодые лѣта, оказывается достойнымъ субъектомъ; эврика! говоритъ г–жа Ельцова, — и выдаетъ за него свою дочь, которая, конечно, ставитъ себѣ за счастье испол-

нить волю божію и родительскую. Ельцова умираетъ, вполнѣ спокойная; «пристроила, думаетъ она. Теперь и безъ меня проживетъ; въ сторону-то сбиться некуда».

Мы видѣли такимъ образомъ, какъ формировалась Вѣра Ельцова; посмотримъ теперь, какъ она, несмотря на предосторожности маменьки, столкнулась съ жизнью мысли и чувства. Вотъ она уже лѣтъ девять замужемъ, ей уже двадцать восемь лѣтъ, а она смотритъ семнадцатилѣтнею дѣвушкою. «То же спокойствіе, та же ясность, голосъ тотъ же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу». И попрежнему незнакома съ волненіями мысли и чувства, попрежнему не тронута жизнью, попрежнему не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія. Страшно становится за эту женщину!—Если она проживетъ свой вѣкъ и умретъ не любивши, не мысливши, не испытавши ни одного эстетическаго наслажденія, то, спрашивается, для чего же было жить? А если она вдругъ проснется отъ какого-нибудь сильнаго потрясенія,—что съ нею будетъ? Вынесутъ-ли ея нервы ту массу ощущеній, которыя нахлынутъ со всѣхъ сторонъ и поразятъ ее сильнѣе, чѣмъ кого-либо другаго. Дѣти впечатлительнѣе взрослыхъ; ребенокъ плачетъ о сломанной игрушкѣ, о томъ, что мать ѣдетъ куда-нибудь дня на два, такъ же горько, какъ взрослый заплачетъ о смерти дорогаго человѣка; ребенокъ утѣшается также гораздо скорѣе, и это служитъ новымъ доказательствомъ того, что онъ впечатлительнѣе взрослаго. Міръ дѣтскихъ радостей и дѣтскихъ горестей гораздо мельче и уже, чѣмъ міръ горя и радости у взрослаго; если-бы у ребенка было столько же серьезныхъ интересовъ, сколько ихъ у взрослаго, и если бы ребенокъ на всѣ эти интересы откликался съ тою же живостью, съ какою онъ радуется подарку или горюетъ о минутной разлукѣ, то навѣрное организмъ его не вынесъ бы этого избытка сильныхъ ощущеній. Входя въ міръ мысли и чувства постепенно, незамѣтно, втягиваясь понемногу въ серьезныя занятія и въ интересы дѣйствительной жизни, ребенокъ мало по-малу теряютъ свою прежнюю раздражительность и воспріимчивость. Нервы притупляются отъ часто повторяющагося раздраженія; является привычка; человѣкъ черствѣетъ и, вслѣдствіе этого, крѣпнетъ. Крайняя раздражительность несовмѣстна съ мужественною твердостью, и, чтобы вынести передряги жизни, необходимо утратить невинность, свѣжесть, дѣвственность чувства, и тому подобныя свойства, которыми особенно дорожатъ въ своихъ воспитанникахъ добродѣтельные педагоги.

Недобрую штуку сотворила Ельцова съ своею дочерью; сохранивши первобытную чуткость и отзывчивость ребенка, Вѣра смотритъ на вещи, какъ женщина; она понимаетъ умомъ многое, чего не переживала чувствомъ; силы въ ней дремлятъ, но онѣ созрѣли; стоитъ дать толчокъ и вся эта личность преобразится; въ ней мгновенно разыграется такая драма, которая удивитъ всѣхъ знающихъ ее людей порывистостью и силою борьбы. Положеніе ея страшно усложнено заботливыми распоряженіями матери: она никогда не любила, а между тѣмъ она замужемъ; она рискуетъ полюбить тою свѣжею и сильною любовію, какая доступна и понятна только очень молодымъ существамъ, а между тѣмъ у нея есть семейство, есть такъ называемыя обязанности, и въ ней сильно развито чувство долга. Что—то будетъ?

Чего можно было ожидать, то и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Мужчина открываетъ Вѣрѣ Николаевнѣ доступъ въ тотъ міръ сильныхъ ощущеній, который оставался ей неизвѣстнымъ впродолженіи цѣлаго десятка лѣтъ; мужчина пробуждаетъ ее изъ того летаргическаго сна, въ который погрузило ее воспитаніе; мужчина превращаетъ мраморную статую въ женщину, и эта женщина привязывается къ своему просвѣтителю всѣми силами богатой, любящей женской души. Проспать слишкомъ десять лѣтъ, лучшіе годы жизни, и потомъ проснуться, найдти въ себѣ такъ много свѣжести и энергіи, сразу вступить въ свои полныя, человѣческія права — это, воля ваша, свидѣтельствуетъ о присутствіи такихъ силъ, которыя, при сколько нибудь естественномъ развитіи, могли бы доставить огромное количество наслажденія, какъ самой Вѣрѣ Николаевнѣ, такъ и близкимъ къ ней людямъ. Вѣра Николаевна полюбила такъ сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности; образъ любимаго человѣка и наполняющее ее чувство сдѣлались для нея жизнью и она рванулась къ этой жизни; не оглядываясь на прошедшее, не жалѣя того, что остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упрековъ совѣсти; она рванулась впередъ и надорвалась въ этомъ судорожномъ движеніи; глаза, привыкшіе къ густой темнотѣ, не выдержали яркаго свѣта; прошедшее, отъ котораго она кинулась прочь, настигло и придавило ее къ землѣ. Она первая, прямо, безъ вызова со стороны мужчины, объявляетъ ему, что она его любитъ; она сама назначаетъ свиданіе и идетъ твердымъ шагомъ къ назначенному мѣсту.

«Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы неза-

мѣтно выскользнуть изъ дому, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось—мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ.

При потухшемъ свѣтѣ дня, ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкою самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцѣлуй...

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ, и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ...

— Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ: вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? Что?

— Мою мать, медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновеніе?

— Полноте, началъ я: что вы это? Скажите мнѣ лучше...

— Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ! перебила она и схватила себя за голову. Это сумасшествіе... Я съ ума схожу... Этимъ шутить нельзя—это смерть... Прощайте...

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновенье, воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ, что говорилъ и едва держался на ногахъ. Ради Бога, вѣдь это жестоко.

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ, поспѣшно проговорила она: не сегодня, прошу васъ... уѣзжайте сегодня... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду... я клянусь тебѣ, что приду, прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ея блеснули... Кто

бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пустите меня сегодня.

И прежде чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла».

А потомъ умерла. Организмъ не выдержалъ потрясенія и обаятельная сцена любви разрѣшилась смертельною нервною горячкою. Образы, въ которыхъ Тургеневъ выразилъ свою идею, стоятъ на границѣ фантастическаго міра. Онъ взялъ исключительную личность, поставилъ ее въ зависимость отъ другой исключительной личности, создалъ для нея исключительное положеніе, и вывелъ крайнія послѣдствія изъ этихъ исключительныхъ данныхъ. Старуха Ельцова и дочь ея такіе чистые представители двухъ типовъ, какихъ въ дѣйствительности не бываетъ. Какая мать съумѣетъ провести такъ послѣдовательно свои идеи въ воспитаніе дочери, и какая дочь захочетъ съ такою слѣпою покорностью подчиниться этимъ идеямъ? Размѣры, взятые авторомъ, превышаютъ обыкновенные размѣры, но идея, выраженная въ повѣсти, остается вѣрною, прекрасною идеею. Какъ яркая формула этой идеи, «Фаустъ» Тургенера неподражаемо хорошъ. Ни одно единичное явленіе не достигаетъ въ дѣйствительной жизни той опредѣленности контуровъ и той рѣзкости красокъ, которыя поражаютъ читателя въ фигурахъ Ельцовой и Вѣры Николаевны, но за-то эти двѣ, почти фантастическія фигуры бросаютъ яркую полосу свѣта на явленія жизни, расплывающіяся въ неопредѣленныхъ, сѣроватыхъ, туманныхъ пятнахъ.

VII.

Слѣдуетъ-ли подвергать отдѣльному разбору личность Лизаветы Михайловны Калитиной, героини романа «Дворянское гнѣздо»? Этотъ романъ написанъ такъ недавно, по поводу его выхода въ свѣтъ появилось въ нашей періодической литературѣ столько критическихъ статей, что читателямъ, вѣроятно, пріѣлись толки о Лизѣ и о Лаврецкомъ, толки, въ которыхъ все-таки не договаривалось послѣднее слово. Я знаю, что мнѣ тоже не придется договориться до послѣдняго слова, и потому предпочитаю вовсе не говорить. Если же, паче чаянія, кто нибудь изъ читателей пожелаетъ знать мое мнѣніе о Лизѣ, то я попрошу этого читателя внимательно просмотрѣть предъидущую главу моей критической статьи и потомъ перечитать «Дворян-

ское гнѣздо«. Зная, какъ я смотрю на Вѣру, читатель узнаетъ также, какъ я смотрю на Лизу. Лиза ближе Вѣры стоитъ къ условіямъ нашей жизни; она вполнѣ правдоподобна; размѣры ея личности совершенно обыкновенные; идеи и формы, сдавливающія ея жизнь, знакомы какъ нельзя лучше каждому изъ нашихъ читателей по собственному горькому опыту. Словомъ, задача, рѣшенная Тургеневымъ въ абстрактѣ въ повѣсти «Фаустъ», рѣшается имъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» въ приложеніи къ нашей жизни. Результатъ выходитъ одинъ и тотъ же; гниль одолѣваетъ, праведная смерть торжествуетъ надъ грѣховною жизнью.

О Зинаидѣ Засѣкиной (изъ повѣсти «Первая любовь») не скажу ни слова. Я ея характера не понимаю.

VIII.

Совершенно уйдти отъ вліянія обстановки невозможно; такъ или иначе, обстановка дастъ себя знать; если вы живете съ дурными людьми, то эти люди могутъ подѣйствовать на васъ двоякимъ образомъ, смотря по тому, насколько стойки ваши убѣжденія и тверда ваша воля. Вы можете или заразиться отъ этихъ людей ихъ преобладающимъ порокомъ, или довести въ самомъ себѣ до уродливой крайности протестъ противъ этого порока. Большею частью случается такъ, что отдѣльная личность понемногу окрашивается подъ общій цвѣтъ массы; личности, одаренныя значительными силами, обыкновенно не многочисленны; и эти немногія избранныя личности окрашиваются обыкновенно въ противуположный цвѣтъ, и, нечувствительно для самихъ себя, доводятъ этотъ цвѣтъ до рѣзкой крайности именно потому, что масса постоянно пытается заштукатурить ихъ подъ одну тѣнь съ собою. Если вы жизнью и словами съ особеннымъ воодушевленіемъ протестуете противъ господствующаго въ обществѣ порока, то вы протестуете такъ горячо именно потому, что порокъ стоитъ передъ вашими глазами; причина протеста лежитъ не въ вашей природѣ, а въ томъ, что васъ окружаетъ; для васъ самихъ протестъ дѣло безплодное и утомительное; вашъ крикъ сушитъ вамъ легкія и производитъ охриплость въ голосѣ; а между тѣмъ, нельзя не кричать; вы кричите и этимъ самымъ платите дань тѣмъ идеямъ, которыя уродуютъ жизнь вашихъ соотечественниковъ. Если вы отмахиваетесь отъ

комаровъ и не даете имъ укусить себя, то все-таки комары дѣйствуютъ на васъ тѣмъ, что заставляютъ васъ дѣлать утомительныя движенія. Подлость и глупость раздражаютъ ваши нервы, слѣдовательно производятъ въ васъ перемѣну, и можно сказать навѣрное, что, въ какомъ бы направленіи ни совершилась эта перемѣна, она никогда не можетъ быть перемѣною къ лучшему. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство Тургеневъ упустилъ изъ виду, создавая характеръ Елены, и отъ этой ошибки произошла, мнѣ кажется, вся нескладица, поражающая читателя въ построеніи романа: «Наканунѣ».

Елена раздражена мелкостью тѣхъ людей и интересовъ, съ которыми ей приходится имѣть дѣло каждый день. Она умнѣе своей матери, умнѣе и честнѣе отца, умнѣе и глубже всѣхъ гувернантокъ, занимавшихся ея воспитаніемъ, она раздражена и не удовлетворена тѣмъ, что даетъ ей жизнь; она съ сознаннымъ негодованіемъ отвертывается отъ дѣйствительности, но она слишкомъ молода и женственна, чтобы стать къ этой дѣйствительности въ трезвыя отрицательныя отношенія. Ея недовольство дѣйствительностью выражается въ томъ, что она ищетъ лучшаго, и, не находя этого лучшаго, уходитъ въ міръ фантазіи, начинаетъ жить воображеніемъ. Это болѣзненное состояніе; когда воображеніе забѣгаетъ впередъ, когда начинается сооруженіе идеала и потомъ бѣганіе за нимъ, тогда живыя силы уходятъ на безплодные поиски и попытки, и жизнь проходитъ въ какомъ-то тревожномъ, безпредметномъ, смутномъ ожиданіи. Елена все мечтаетъ *о чемъ-то,* все хочетъ *что-то* сдѣлать, все ищетъ *какого-то* героя; мечты ея не приходятъ и не могутъ придти въ ясность, именно потому, что это мечты, а не мысли; она не критикуетъ нашей жизни, не всматривается въ ея недостатки, а просто отворачивается отъ нея, и хочетъ выдумать себѣ жизнь. Такъ нельзя, Елена Николаевна! Что жизнь въ дурныхъ своихъ проявленіяхъ вамъ не нравится, это дѣлаетъ вамъ величайшую честь, это показываетъ, что вы умѣете мыслить и чувствовать; но жить и дѣйствовать вы рѣшительно не умѣете. Если не нравится жизнь, надо или исправить ее, или умереть, или уѣхать. Чтобы исправить жизнь, *для себя* лично, надо вглядѣться въ ея недостатки, и отдать себѣ самый ясный отчетъ въ томъ, что именно особенно не нравится; чтобы умереть, надо обратиться къ оружію или къ яду; чтобы уѣхать куда бы то ни было, надо взять паспортъ и запастись деньгами. Но не мечтать, ни въ какомъ случаѣ не мечтать! Это совсѣмъ не практично; это растравляетъ

раны, вмѣсто того, чтобы залечивать ихъ; это губитъ силы, вмѣсто того, чтобы обновлять и укрѣплять человѣка. Мечта принадлежность и утѣшеніе слабаго, больнаго, задавленнаго существа, а вамъ, Елена Николаевна, нечего Бога гнѣвить, можно и другимъ дѣломъ заняться. Вы пользуетесь нѣкоторою независимостью въ домѣ вашихъ родителей, васъ не бьютъ, не гнутъ въ дугу, не выдаютъ насильно замужъ; этихъ условій слишкомъ мало, для того, чтобы наслаждаться, но ихъ слишкомъ достаточно для того, чтобы дѣйствовать и бороться; мечтать было позволительно въ былые годы вашей крѣпостной горничной, точно также, какъ ей позволительно было пить запоемъ, но теперь и ей это будетъ уже не къ лицу. Я не осуждаю Елену въ томъ, что она мечтаетъ; я бы не осудилъ человѣка, схватившаго сильнѣйшій простудный кашель, я бы сказалъ только, что онъ болѣнъ; точно также я говорю и доказываю самой Еленѣ, что она больна, и что она ошибается, если считаетъ себя здоровою. Въ этомъ отношеніи ошибается вмѣстѣ съ нею самъ Тургеневъ; онъ глазами психически больной Елены смотритъ на дѣйствующія лица своего романа; оттого онъ вмѣстѣ съ Еленою ищетъ героевъ; оттого онъ вмѣстѣ съ нею бракуетъ Шубина и Берсенева; оттого онъ выписываетъ изъ Болгаріи невозможнаго и ни на что ненужнаго Инсарова. Елена и, вмѣстѣ съ нею, Тургеневъ не удовлетворяются обыкновенными, человѣческими размѣрами личностей; все это мелко, все это обыкновенно, все это пошло; давай имъ эффекта, колосальности, героизма. Жить скверно, говорятъ Тургеневъ и Елена; согласенъ; жить скверно потому, что люди скверны; несогласенъ! Отношенія между людьми ненормальны, это такъ, а люди ни въ чемъ не виноваты, потому что передѣлать отношенія, затвердѣвшія отъ десятивѣковой исторической жизни, и передѣлать ихъ тогда, когда еще очень не многіе начали сознавать ихъ неудобства—это, воля ваша, мудрено. Если несется шестерня бѣшеныхъ лошадей, то я никакъ не рѣшусь называть мелкими трусами всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ уклоняться въ сторону и давать имъ дорогу. Инстинктъ самосохраненія и трусость двѣ вещи разныя. Ставить самоотверженіе въ число необходимыхъ добродѣтелей, обязательныхъ для всякаго человѣка можетъ только мечтательная дѣвушка Елена Николаевна Стахова, да замечтавшійся до забвенія дѣйствительности художникъ, Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Бракуя людей за то, что они не герои, раскидывая направо и налѣво окружающую его мелюзгу, Тургеневъ доходитъ наконецъ до

созданія идеальнаго человѣка. Человѣкъ этотъ—Болгаринъ. На какомъ основаніи? неизвѣстно. Принимать Инсарова за живое лицо я не могу; потому прослѣживать его развитіе и возсоздавать его личность критическимъ анализомъ я не берусь; выпишу только съ буквальною вѣрностью рядъ фактовъ, совершенныхъ этимъ героемъ и рядъ свойствъ, приписанныхъ ему Тургеневымъ.

1) Инсаровъ—Болгаръ; мать его убита турецкимъ агою; отецъ разстрѣленъ безъ суда.

2) Въ 48 году Инсаровъ былъ въ Болгаріи, исходилъ ее вдоль и поперегъ, провелъ въ ней два года и въ 50 году вернулся въ Россію съ широкимъ рубцомъ на шеѣ и съ желаніемъ образоваться въ московскомъ университетѣ и сблизиться съ Русскими.

3) Вотъ портретъ Инсарова: «это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, худощавый и жилистый, съ впалою грудью, съ узловатыми руками; черты лица имѣлъ онъ рѣзкія, носъ съ горбиной, изсиня-черные, прямые волосы, небольшой лобъ, небольшіе, пристально глядѣвшіе, углубленные глаза, густыя брови; когда онъ улыбался, прекрасные бѣлые зубы показывались на мигъ изъ-подъ тонкихъ, жесткихъ, слишкомъ отчетливо очерченныхъ губъ. Одѣтъ онъ былъ въ старенькій, но опрятный сюртучокъ, застегнутый доверху».

4) Когда Берсеневъ предлагаетъ Инсарову переѣхать къ нему на дачу, Инсаровъ соглашается только съ тѣмъ условіемъ, чтобы заплатить Берсеневу по разсчету 20 руб. сер.

5) По уходѣ Берсенева, Инсаровъ бережно снимаетъ сюртукъ.

6) Берсеневъ говоритъ объ Инсаровѣ, что онъ ни отъ кого не возьметъ денегъ взаймы.

7) Инсаровъ отказывается обѣдать съ Берсеневымъ, говоря ему съ спокойной улыбкой:

— Мои средства не позволяютъ мнѣ обѣдать такъ, какъ вы обѣдаете!

8) Инсаровъ никогда не мѣняетъ никакого своего рѣшенія, и никогда не откладываетъ исполненія даннаго обѣщанія.

9) Инсаровъ учится русской исторіи, праву, и политической экономіи, переводитъ болгарскія пѣсни и лѣтописи, собираетъ матеріалы о восточномъ вопросѣ, составляетъ русскую грамматику для Болгаръ, болгарскую для Русскихъ.

10) Инсаровъ не любитъ распространяться о собственной своей

поѣздкѣ на родину, но о Болгаріи вообще говоритъ охотно со всякимъ.

11) Инсаровъ надѣваетъ на голову ушастый картузъ, и на прогулкѣ выступаетъ не спѣша, глядитъ, дышетъ, говоритъ и улыбается спокойно.

12) Инсаровъ уходитъ куда то на три дня съ двумя Болгарами, которые предварительно съѣдаютъ у него «цѣлый огромный горшокъ каши».

13) Въ разговорѣ съ Еленою Инсаровъ откровенно разсказываетъ исторію своей отлучки, говоритъ, что онъ ѣздилъ за шестьдесятъ верстъ, чтобы помирить двухъ земляковъ, что его всѣ знаютъ, и что всѣ ему вѣрятъ. Елена спрашиваетъ у него: «вы очень любите свою родину»? Онъ на это отвѣчаетъ: это еще неизвѣстно. Вотъ, когда кто-нибудь изъ насъ умретъ за нее, тогда можно будетъ сказать, что онъ ее любилъ. Потомъ онъ говоритъ такъ: «Но вы сейчасъ спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на землѣ? Что одно неизмѣнно, что выше всѣхъ сомнѣній, чему нельзя не вѣрить, послѣ Бога? «Эта, нелишенная риторики, рѣчь заканчивается удивительною антитезою: «Замѣтьте»; послѣдній мужикъ, послѣдній нищій въ Болгаріи и я, мы желаемъ одного и того же. Антитеза, ей Богу, очень хороша. А Елена-то слушаетъ и только уши развѣшиваетъ.

14) Инсаровъ бросаетъ въ воду пьянаго Нѣмца, обезпокоившаго дамъ на гуляніи.

15) Инсаровъ замѣчаетъ, что онъ полюбилъ Елену и хочетъ уѣхать. Онъ говоритъ: «Я Болгаръ, мнѣ русской любви не нужно».

16) Инсаровъ, наканунѣ своего отъѣзда, на просьбу Елены придти къ нимъ на другой день утромъ, ничего не отвѣчаетъ, и не приходитъ. «Я васъ ждала съ утра, говоритъ Елена, встрѣтившись съ нимъ у часовни. Онъ отвѣчаетъ на это: я вчера, вспомните, Елена Николаевна, ничего не обѣщалъ».

17) Въ объясненіи съ Инсаровымъ, Елена постоянно является активнымъ лицомъ и постоянно тащитъ его за собою; она первая говоритъ ему о любви.

18) По возвращеніи съ дачи въ Москву, Инсаровъ опасно занемогаетъ и двѣ недѣли находится при смерти.

19) Елена приходитъ къ Инсарову послѣ его выздоровленія; Инсаровъ въ ея присутствіи чувствуетъ волненіе и проситъ ее уйдти,

говоря, что онъ ни за что не отвѣчаетъ; Елена не уходитъ и отдается ему.

20) Тайно обвѣнчавшись съ Еленою, Инсаровъ уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нею въ Венецію, чтобы оттуда пробраться въ Болгарію.

21) Инсаровъ въ Венеціи умираетъ отъ аневризма, соединеннаго съ разстройствомъ легкихъ.

Ради Бога, господа читатели, изъ этого длиннаго списка дѣяній и свойствъ, составьте себѣ какой нибудь цѣлостный образъ; я этого не умѣю и не могу сдѣлать. Фигура Инсарова не возстаетъ передо мною; но зато съ ужасающею отчетливостью возстаетъ передо мною тотъ процессъ механическаго построенія, которому Инсаровъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Тургеневъ не могъ остановиться на чисто отрицательныхъ отношеніяхъ къ жизни; ему до смерти надоѣли пигмеи, а между тѣмъ отъ этого жизнь не измѣнилась и пигмеи не выросли ни на вершокъ. Ему захотѣлось колоссальности, героизма и онъ задумался надъ тѣмъ, какія свойства надо придать герою; образъ не напрашивался въ его творческое сознаніе; надо было съ невѣроятными усиліями составлять этотъ образъ изъ разныхъ кусочковъ; во первыхъ, надо было поставить героя въ необыкновенное положеніе; положеніе придумано: Инсаровъ Болгаръ и родители его погибли лютою смертью. Потомъ надо было устроить такъ, чтобы каждое слово и движеніе героя было проникнуто особенною многозначительностью, не сознаваемою самимъ героемъ; Тургеневъ достигъ этого, заставивъ Инсарова разглагольствовать о любви къ родинѣ почти также, какъ разглагольствуетъ чиновникъ Соллогуба, съ тою только разницею, что послѣдній не дѣлаетъ блестящей антитезы (послѣдній мужикъ—и я). Чтобы оттѣнить то воодушевленіе, которое овладѣваетъ Инсаровымъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, Тургеневъ заставляетъ его въ остальное время быть очень спокойнымъ; Тургеневъ напираетъ даже на то, что въ Инсаровѣ не видно ничего необыкновеннаго, что въ немъ все очень просто, начиная отъ ушастаго картуза и кончая спокойною походкою. Чтобы показать благородную гордость героя, Тургеневъ упоминаетъ о томъ, что Инсаровъ ни отъ кого не взялъ бы денегъ взаймы и даже отъ Берсенева не принимаетъ даромъ комнаты, когда тотъ приглашаетъ его къ себѣ на дачу. Не знаю, какъ другимъ, а мнѣ эта гордость по поводу десяти или двадцати рублей кажется мелочностью. Не принимать одолженія отъ мало знакомаго человѣка или отъ такого, которому тяжело быть обязаннымъ, это понятно; но съ мелочною

тщательностью отгораживать свои интересы отъ интересовъ товарища-студента или друга—это, воля ваша, безплодный трудъ. Мое ли перейдетъ къ нему, его ли ко мнѣ—чортъ ли въ этомъ? Я знаю, что самъ съ удовольствіемъ сдѣлаю ему одолженіе, и потому съ полною довѣрчивостью принимаю отъ него такое же одолженіе. Чтобы показать, какъ земляки Болгары вѣрятъ Инсарову, Тургеневъ разсказываетъ о поѣздкѣ послѣдняго за шестьдесятъ верстъ; чтобы дать образчикъ той колоссальной энергіи, на которую способенъ герой—Тургеневъ изобрѣлъ бросаніе пьянаго Нѣмца, и притомъ великана, въ воду. Чтобы дать понятіе о любви Инсарова къ родинѣ—Тургеневъ заставляетъ его бороться съ любовью къ Еленѣ; Инсаровъ готовъ на пользу Болгаріи пожертвовать любимою женщиною,—и это невольно переноситъ читателя въ лучшіе дни Римской республики. Но вотъ что любопытно. Инсаровъ герой, сильный человѣкъ; отчего же онъ постоянно предоставляетъ Еленѣ иниціативу? Отчего Елена тащитъ его за собою и постоянно сама дѣлаетъ первый шагъ къ сближенію? Отчего Инсаровъ постоянно принимаетъ отъ нея разныя доказательства любви не иначе, какъ послѣ нѣкотораго упрашиванія съ ея стороны? Что это за церемоніи, и умѣстны ли онѣ между не-пигмеями? Инсаровъ видитъ, что дѣвушка вышла къ нему на встрѣчу и съ тоскою спрашиваетъ у него: отчего же вы не пришли сегодня утромъ? Въ этомъ вопросѣ сказывается любовь, недоумѣніе, страданіе, а Инсаровъ отвѣчаетъ на это: «я вамъ не обѣщалъ» и старается только отстоять ненарушимость своего слова. Точно будто хозяинъ торговаго дома отвѣчаетъ кредитору: «срокъ вашему векселю не сегодня!» Освободитъ ли Инсаровъ Болгарію—не знаю; но Инсаровъ, какимъ онъ является въ отдѣльныхъ сценахъ романа: «Наканунѣ», не представляетъ въ себѣ ничего цѣлостно-человѣческаго, и рѣшительно ничего симпатичнаго. Что его полюбила болѣзненно-восторженная дѣвушка, Елена—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; вѣдь и Титанія гладила съ любовью длинныя уши ослиной головы; но что истинный художникъ, Тургеневъ соорудилъ ходульную фигуру, стоящую ниже Штольца—это очень грустно; это показываетъ радикальное измѣненіе во всемъ міросозерцаніи, это начало увяданія. Кто въ Россіи сходилъ съ дороги чистаго отрицанія, тотъ падалъ. Чтобы освѣтить ту дорогу, по которой идетъ Тургеневъ, стоитъ назвать одно великое имя, Гоголя. Гоголь тоже затосковалъ по положительнымъ дѣятелямъ, да и свернулъ на переписку съ друзьями. Что-то будетъ съ Тургеневымъ?

Кромѣ фальшиваго пониманія и уродливаго построенія, въ романѣ «Наканунѣ» есть еще недоговоренность, умышленная недоконченность въ выраженіи главной идеи. Нѣтъ отвѣта на естественный вопросъ: нашла ли Елена своего героя въ Инсаровѣ? Вопросъ этотъ очень важенъ, потому что онъ ведетъ къ рѣшенію общаго психологическаго вопроса: Что такое мечтательность и исканіе героя? Болѣзнь ли это, порожденная пустотою и пошлостью жизни, или это— естественное свойство личности, выходящей изъ обыкновенныхъ размѣровъ? Есть ли это проявленіе силы или проявленіе слабости? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было создать для Елены самыя благопріятныя обстоятельства и тогда въ картинахъ и образахъ показать намъ: счастлива ли она или нѣтъ? А тутъ, что такое? Инсаровъ скоропостижно умираетъ: да развѣ это рѣшеніе вопроса? Къ чему эта смерть, обрывающая романъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, замазывающая черною краскою неоконченную картину, и избавляющая художника отъ труда отвѣчать на поставленный вопросъ? Но, можетъ быть, Тургеневъ и не задавалъ себѣ этого вопроса? Можетъ быть, для него центромъ романа была не Елена, а былъ Инсаровъ? Тогда остается только пожалѣть, что въ плохомъ дидактическомъ романѣ, похожемъ на Обломова по идеѣ, встрѣчается такъ много такихъ великолѣпныхъ частностей, какъ, напримѣръ, личности Елены, Шубина и Берсенева, дневникъ Елены, сцена ожиданія, сцены любви, и наконецъ неподражаемый Уваръ Ивановичъ.

IX.

У Писемскаго я не буду брать отдѣльныхъ женскихъ характеровъ; постараюсь только показать общія отношенія его къ женщинѣ; отношенія эти въ высшей степени гуманны; всепрощеніе доведено въ нихъ до послѣднихъ предѣловъ. «Женщина, говоритъ намъ Писемскій своими произведеніями, никогда ни въ чемъ не виновата. Ее бьютъ, ее угнетаютъ, ее обижаютъ дѣломъ и словомъ, ея потребности остаются неудовлетворенными и непонятыми; она страдаетъ, и своими страданіями мучитъ мужчину; мужчина на нее сердится и не понимаетъ того, что онъ самъ причина ея страданій и своихъ мученій». Переберите всѣ романы Писемскаго и вы убѣдитесь въ вѣрности моихъ словъ. Писемскій не идеализируетъ женщинъ; у него

есть дрянныя женщины, есть и хорошія; но и самая дрянная женщина освобождается отъ всякаго укора. Посмотрите на Юлію Владиміровну въ «Тюфякѣ», на Марію Антоновну въ «Бракѣ по страсти», на Катерину Александровну въ «Богатомъ женихѣ». Некрасивы эти три барыни, куда некрасивы, но вы чувствуете и видите, что имъ не было никакого выхода изъ пошлости и грязи. Онѣ увязли и перемарались, потому что не было никакой возможности пробраться въ жизни сухими тропинками. И во всѣхъ трехъ случаяхъ, мужчина постоянно является ближайшею, непосредственною причиною униженія женщины: На Юліи женится почти насильно тюфякъ Бешметевъ; очень понятно, что Юлія пускается во всѣ тяжкія; на Маріи Антоновнѣ женится по расчету хлыщъ Хозаровъ; она выходитъ за него замужъ по чистосердечной страсти; онъ оставляетъ ее въ забросѣ и начинаетъ ухаживать за другою женщиною; она отъ скуки начинаетъ цѣловаться съ офицеромъ Пириневскимъ. На Катеринѣ Александровнѣ женится фразеръ Шамиловъ, также по расчету; потомъ этотъ господинъ начинаетъ показывать себя несчастнымъ, не имѣя на то законнаго повода; Катерина Александровна чувствуетъ себя оскорбленною, и съ своей стороны очень жестко показываетъ своему неделикатному супругу его зависимое положеніе.—Вы видите такимъ образомъ, что эти три женщины находятъ себѣ оправданіе въ поведеніи своихъ мужей, и въ томъ воспитаніи, которое было имъ дано въ родительскомъ домѣ.

Когда Писемскій симпатизируетъ выводимой женской личности, тогда все построеніе и изложеніе повѣсти или романа согрѣвается такимъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, какое на первый взглядъ трудно даже предположить въ этомъ безпощадномъ реалистѣ. Это чувство выражается не въ лирическихъ отступленіяхъ, не въ идеализаціи любимаго женскаго типа; оно, помимо воли и сознанія самого автора, просвѣчиваетъ въ постановкѣ фигуръ, въ группировкѣ событій; оно не нарушаетъ правдивости; оно само вытекаетъ изъ этой правдивости. Чтобы сочувствовать страданіямъ женщины, чтобы оправдывать ее не нужно подкупать себя въ ея пользу; надо только смотрѣть на вещи простыми, невооруженными и не предубѣжденными глазами.

Писемскій вполнѣ понялъ значеніе этой мысли, и съ свойственною ему неумолимою и притомъ безсознательною послѣдовательностью провелъ эту мысль во всѣхъ своихъ произведеніяхъ.

Прочтите, господа читатели, его разсказъ: «Виновата ли она?»,

помѣщенный во второмъ томѣ его сочиненій, и вы увидите, какъ просто и честно относится онъ къ вопросу о женщинѣ.

Хотѣлось бы мнѣ подольше остановиться на отношеніяхъ Писемскаго къ женщинѣ, но я потратилъ много времени на разборъ менѣе отрадныхъ явленій, и потому приходится кончить.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Стихотворенія Н. Некрасова. 2 части. Спб. 1861.

Въ статьѣ предыдущаго нумера нашего журнала въ общихъ чертахъ было опредѣлено значеніе Некрасова какъ поэта и брошенъ взглядъ на сущность и направленіе его поэтической дѣятельности. Этихъ же самыхъ вопросовъ отчасти коснемся и мы, хотя главною задачею нашей статьи будутъ самыя отношенія Некрасова какъ поэта, какъ общественнаго дѣятеля къ проявленіямъ нашей народной и общественной жизни.

Много уже было, и много еще будетъ впереди толковъ о Некрасовѣ, много «*опредѣленій*» его таланта, опредѣленій самыхъ разнообразныхъ—всѣхъ и не перечтешь! Мы возьмемъ только крайности: одни, вознеся его выше облака ходячаго, соорудили ему почти что пьедесталъ генія, другіе низводили его чуть ли не на степень плохаго версификатора. Къ числу послѣднихъ конечно принадлежали поклонники такъ называемаго чистаго искуства, для которыхъ жолчное вдохновеніе поэта грустными явленіями обыденной жизни, казалось преступленіемъ. Что же касается до настоящаго, истиннаго опредѣленія этого таланта, то его чуть ли не лучше всѣхъ (хотя и нѣсколько скромно,—нельзя же иначе!), сдѣлалъ самъ поэтъ. Статья прошлой книжки приводила уже по этому поводу одни его стихи; мы позволимъ себѣ напомнить отчасти вамъ другіе, также весьма характерные въ этомъ отношеніи:

Твои поэмы безтолковы,
Твои элегіи не новы,
Сатиры чужды красоты,
Но благородны и обидны,
Твой стихъ тягучъ. Замѣтенъ ты,
Но такъ безъ солнца звѣзды видны
Въ ночи, которую теперь
Мы доживаемъ боязливо,
Когда свободно рыскалъ звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо,—
Ты свѣточъ истины держалъ
Рукою твердой, но для свѣта
Онъ благотворно не сіялъ
Какъ свѣточъ генія-поэта.

Хотя это уже и выходитъ «униженіе паче гордости», но правда и характерность въ этомъ опредѣленіи есть. Еще яснѣе и глубже это опредѣленіе своей духовной и поэтической сущности выразилось у Некрасова въ его стихотвореніи «Муза», тамъ, гдѣ онъ говоритъ: «нѣтъ, музы, ласково-поющей и прекрасной не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной», и особенно въ этихъ стихахъ:

Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой неласковой и нелюбимой музы,
Печальной спутницы печальныхъ бѣдняковъ,
Рожденныхъ для борьбы, страданья и трудовъ,—
Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просящей,
Которой золото—единственный кумиръ...

Муза Некрасова, говоря его же словами,—«муза мести и печали», — и мы любимъ и чтимъ эту злобно-скорбящую музу. Такой поэтъ, какъ Некрасовъ, былъ намъ нужнѣе всего, — Его благородно-рѣзкое, нельстивое слово вмѣстѣ съ немногими другими голосами и пропагандой Бѣлинскаго больно царапало наши опунѣвшія отъ апатическаго сна нервы, хватало за болѣзненныя струны нашего сердца и поддерживало въ насъ, насколько это было возможно при обстоятельствахъ времени, энергію. И Некрасовъ понялъ смыслъ своего призванія и служилъ ему неизмѣнно, не уклоняясь въ стороны,

не дѣлая никакихъ уступокъ и не увлекаясь ложными, хотя и блестящими призраками. Подобными увлеченіями можно попрекнуть многихъ, только не Некрасова, который понималъ, что «покуда не видно солнца неоткуда», то поэту съ подобнымъ настроеніемъ «стыдно спать» и

Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать.

Эти стихи были не пустое, звучное слово,—Некрасовъ цѣлымъ рядомъ своихъ самыхъ жизненныхъ произведеній доказалъ противное. Отношеніе его къ жизни, какъ поэта, было настоящее, прямое, истинное отношеніе. Онъ глубоко понялъ окружающую его жизнь со всѣми ея болящими, страдающими, угнетенными и темными сторонами. Вѣрнѣе же всего и глубже всего проникъ онъ въ жизнь и потребности народа. Мы говоримъ преимущественно о произведеніяхъ прежняго періода его поэтической дѣятельности. Тутъ нѣтъ ни подслащенности, ни розовыхъ цвѣтовъ, ни идеализаціи, тутъ настоящая, народная жизнь, со всѣми ея радостями и многоскорбными печалями, прошедшая сквозь призму вдохновенія правдиваго поэта.

Вотъ, напримѣръ, передъ вами проходятъ, одна за другою, цѣлымъ рядомъ, нѣсколько тяжелыхъ и глубокихъ драмъ, которыя щедро разсыпала по нашей «печальной юдоли» сама жизнь своими безобразными, противуестественными условіями и требованіями. Вотъ, мимо васъ, медленно, благочестивою поступью проходитъ сѣдой старикъ, съ обнаженною головой, весь въ веригахъ, на груди у него мѣдная икона; это дядя Власъ—нашъ старый знакомецъ, съ которымъ часто мы сталкивались въ жизни. Ходитъ онъ уже не первый годъ; онъ искрестилъ всю Россію, прося подаянія на построеніе храма. Какой сановитый, почтенный образъ! Онъ и всѣмъ казался и кажется таковымъ же; иная добродушная старушка, пожалуй, и въ божьи угодники зачислила его; а между тѣмъ, было время, когда этотъ самый святой божій человѣкъ

Побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ,
Промышляющихъ разбоями
Конокрадовъ укрывалъ.

У всего бѣднаго сосѣдства скупалъ задаромъ хлѣбъ, и втрое дралъ съ нищаго въ голодный годъ, а потомъ... ну, а потомъ пошелъ замаливать грѣхи. Положимъ, пошелъ онъ отъ чистаго сердца, съ искреннимъ раскаяніемъ, да только вотъ вопросъ: разумное ли сознаніе привело его къ такому результату? — Нѣтъ! Ему просто-напросто во снѣ привидѣлась чертовщина; онъ испугался, струсилъ, суевѣрный обирало, этой чертовщины и пошелъ замаливать грѣхъ и «творить доброе дѣло» — церковь построилъ! А между тѣмъ посмотрите, что за грандіозный образъ:

Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ
И желѣзною веригою
Тихо на ходу стучитъ,
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.

Ну, какъ тутъ не подкупиться этимъ образомъ?! Читатель невольно какъ-то этими стихами позволяетъ положить въ карманъ себѣ взятку — и, совершенно удовлетворенный, мирится съ дядей Власомъ и начинаетъ любить его! Конечно, бываютъ въ жизни и такіе грандіозные Власы, да только рѣдко между ними встрѣтишь искренняго Власа, а большая часть изъ нихъ остаются тѣми же выжигами, пройдохами, кулаками и бездушными грабителями, только подъ іезуитскою маскою благообразнаго смиренія и пощенія. Положимъ, переломъ въ жизни Власа былъ переломомъ къ лучшему; онъ, если и не много принесъ существенной пользы, то хоть, по крайней мѣрѣ, не дѣлалъ болѣе зла, да вотъ что обидно: переломъ-то самъ по себѣ нелѣпъ, хоть и глубоко искрененъ и причины перелома этого еще болѣе нелѣпы. Отсутствіе разумности, здраваго смысла поражаетъ въ подобныхъ явленіяхъ.

Вотъ вамъ другая картина, но какая грустная, какая безотрадная!.. Передъ вами голое поле, съ котораго уже давнымъ-давно сняты хлѣба. Поздняя осень, стаи грачей, пустота и холодъ—вотъ фонъ этой картины. «Только не сжата полоса одна» — и грустную думу наводитъ она на поэта, да и на каждаго, кто только остановится передъ этою картиной. Гдѣ же пахарь?

.... Пахарю моченьки нѣтъ.
Зналъ для чего и пахалъ онъ, и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.
Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,
Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли какъ плети,
Очи потускли и голосъ пропалъ,
Что заунывную пѣсню пѣвалъ,
Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Нѣсколько штриховъ—и картина готова; а за этою грустною картиной вашему воображенію предоставляется дорисовывать цѣлую и еще болѣе грустную драму разбитой жизни, разбитыхъ надеждъ одного человѣка, тщетно стремившагося вырваться изъ удушающей сферы на чистый воздухъ вольнаго простора. И эту жизнь, и эту силу, и эти надежды разбилъ какой-нибудь нелѣпый капризъ посторонняго..

Вотъ вамъ еще одна новая драма, тоже разбитой, порванной жизни, въ которой чуть ли не все—общее съ предыдущей. Передъ вами встаетъ поэтическій образъ Груши, простой крестьянской дѣвушки, которой, вслѣдствіе ничѣмъ неоправдываемаго каприза, дано было образованіе вмѣстѣ съ ея барышней и вслѣдствіе еще болѣе нелѣпаго каприза приказано выдти за мужика. Парень ей въ мужья попался добрый, любящій, работящій, который ее

бить — такъ почти не бивалъ,
Развѣ только подъ пьяную руку.

Онъ даже и подарки, и обновы ей дѣлаетъ, и жалѣетъ ее, а между тѣмъ — странное дѣло! — Груня при чужихъ еще ничего, не блажитъ, «а украдкой реветъ, какъ шальная» —

На какой-то патретъ все глядитъ,
Да читаетъ какую-то книжку...
Инда страхъ меня, слышь ты, щемитъ,
Что погубитъ она и сынишку:
Учитъ грамотѣ, моетъ, стрижотъ,
Словно барченка каждый день чешетъ,

Бить не бьетъ—бить и мнѣ не даетъ...
Да не долго пострѣла потѣшитъ!
Слышь, какъ щепка худа и блѣдна,
Ходитъ тоись совсѣмъ черезъ силу,
Въ день двухъ ложекъ не съѣстъ толокна,—
Чай, свалимъ черезъ мѣсяцъ въ могилу...
А съ чего?..

Вы не отдохнули еще отъ тяжелаго впечатлѣнія этой драмы, а передъ вами уже выдвигается новая. Передъ вами парень, котораго безъ вины посѣкъ сотскій. Кажется бы, дѣло бывалое: не онъ первый, не онъ и послѣдній—много и до него было, да только чуть ли не всѣ остальные многіе прошли послѣ такой операціи весь ужасный рядъ тѣхъ нравственныхъ мученій, про которыя разсказываетъ парень:

Какъ подумаю, весь задрожу,
На душѣ все чернѣй и чернѣй.
Какъ теперь на людей погляжу?
Какъ приду къ ненаглядной моей?

Нашептало ему ночью сердце много «неразумныхъ и буйныхъ рѣчей», хотѣлъ ужъ онъ-было привести ихъ и въ исполненіе, да на утро подвернулась сестра съ словами: «не хочешь ли, братикъ, вина?» Парень осушилъ цѣлый штофъ и уже въ тотъ день не ходилъ со двора!.. Полюбилъ онъ сосѣдскую дочку, да староста поперечилъ и выдалъ силою ее за другаго, не милаго. Выскочилъ парень на улицу, съ крикомъ: «погоди! разочтусь я съ тобой!» для смѣлости хватилъ вина да и задремалъ въ кабакѣ. «А на утро раздумье пришло»... Взялся онъ съ артелью у купца передѣлать въ дому всѣ печи. Передѣлалъ и пришолъ за расчетомъ, купецъ не далъ ни гроша; парень неудачно ходилъ къ нему восемь недѣль; а артель межъ тѣмъ требуетъ расчета и грозитъ ему острогомъ. Парень махнулъ рукою, сказалъ съ отчаянія: «пропадай!» и

Побѣжалъ, притаился какъ воръ
У знакомаго дома—и ждалъ.
Да прозябъ, а напротивъ кабакъ,
Разсудилъ: отчего не зайти?

На послѣдній хватилъ четвертакъ,
Подрался—и проснулся въ части...

. Одна открыта торная
Дорога къ кабаку!..

Въ разсказанныхъ нами разбивались жизни отдѣльно взятыхъ существъ, а въ этой взору вашему является уже какъ-бы общій итогъ всѣхъ разбитыхъ и порванныхъ жизней, всѣхъ безвозвратно утраченныхъ силъ, несбывшихся надеждъ, картина скорби и смиреннаго, пришибеннаго терпѣнія.—Это «забытая деревня»:

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лѣсу попросила.
Отвѣчалъ: нѣтъ лѣсу, и не жди—не будетъ!
«Вотъ пріѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ,
Баринъ самъ увидитъ, что плоха избушка
И велитъ дать лѣсу»—думаетъ старушка.

—

Кто-то по сосѣдству, лихоимецъ жадный
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ, плутовскимъ маneромъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!»
Думаютъ крестьяне: «скажетъ баринъ слово—
И землицу нашу отдадутъ намъ снова.»

—

Полюбилъ Наташу хлѣбопашецъ вольный:
Да перечитъ дѣвкѣ нѣмецъ сердобольный,
Главный управитель. «Погодимъ, Игнаша,
Вотъ пріѣдетъ баринъ!» говоритъ Наташа.
Малые, большіе—дѣло чуть за споромъ —
«Вотъ пріѣдетъ баринъ!» повторяютъ хоромъ...

—

Умерла Ненила, на чужой землицѣ
У сосѣда плута—урожай сторицей,
Прежніе парнишки ходятъ бородаты,
Хлѣбопашецъ вольный угодилъ въ солдаты,
И сама Наташа свадьбой ужь не бредитъ...
Барина все нѣту... баринъ все не ѣдетъ!

—

Наконецъ однажды середи дороги
Шестернею цугомъ показались дроги:
На дрогахъ высокихъ гробъ стоитъ дубовый,
А въ гробу-то баринъ; а за гробомъ новый.
Стараго отпѣли, новый слезы вытеръ,
Сѣлъ въ свою карету—и уѣхалъ въ Питеръ.

Къ этой послѣдней драмѣ прибавлять намъ нечего и пояснять ее незачѣмъ: она слишкомъ ясно, просто и краснорѣчиво сама за себя говоритъ вашему сознанію и сердцу. Въ другихъ слояхъ общества страданія личности зависятъ почти настолько же и отъ нея самой, насколько отъ окружающей среды. Въ другихъ слояхъ общества страдающая личность если и не всегда имѣетъ возможность свергнуть съ себя иго страданій посредствомъ какой бы то ни было борьбы, то ей хоть остается возможность чѣмъ-нибудь заявить свой протестъ, слѣдственно хоть какъ-нибудь, но все-таки проявится активно. Возможность эта уже дается нѣсколько самымъ относительнымъ развитіемъ личности и ея соціальнымъ положеніемъ, съ которымъ болѣе или менѣе ужъ какъ-то невольно соединяется возможность дѣйствія, протеста и отпора наплыву враждебныхъ обстоятельствъ. А тутъ вѣдь, въ этой замкнутой и приниженной сферѣ, и самое-то страданіе пассивно: оно безропотно и терпѣливо.

Возьмите теперь «некрасовскаго огородника» и «тройку» и тутъ вы найдете многое, надъ чѣмъ сильно можно будетъ призадуматься, и тутъ подглядите вы не малую драму. Это вещи какъ-то родственны между собою. Какъ въ той, такъ и въ другой въ основаніи лежитъ та же идея. Идея эта заключается въ сопоставленіи чувства симпатіи, любви, чувства совершенно свободнаго тѣснымъ и узкимъ условіямъ сословной жизни. Въ первомъ оно падаетъ на мужчину, во второмъ на женщину. Выраженіе обоихъ чрезвычайно граціозно, тепло и поэтично. Въ «Тройкѣ» за женщину мыслитъ и страдаетъ поэтъ; въ «Огородникѣ» онъ заставляетъ самого героя высказывать свое горе. Грустѣе всего на душу читателя дѣйствуетъ та нѣсколько иронически высказанная мораль, которая слѣдуетъ какъ результатъ, какъ выводъ изъ отношеній свободнаго, *человѣческаго* чувства любви, неподчиняющагося никакимъ кастовымъ принципамъ къ тяжелой, замкнутости сословныхъ различій.

Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь.

Это слова такія, которыя много и много заставятъ надъ собою призадуматься; но мы не будемъ останавливаться надъ ними; иначе бы это повело насъ слишкомъ далеко—гораздо за предѣлы нашего журнальнаго очерка!.. Говорятъ намъ: «огородникъ» и «тройка» вещи афектированныя, но, Боже мой, что значитъ эта афектація передъ тѣмъ громаднымъ впечатлѣніемъ, которое, словно молотъ, неотразимо бьетъ въ самую глубину вашей души! «Тройка» всѣмъ намъ пришлась по сердцу и по плечу. Посмотрите, гдѣ только ее не поютъ и кто только не поетъ ее; хоть и перевираютъ, да все-таки поютъ! А это, какъ хотите, по нашему мнѣнію говоритъ безусловно въ пользу произведенія. Нужды нѣтъ, что оно афектировано,—оно правдиво, оно искренно,—а въ этомъ-то и есть главное дѣло и главная причина его популярности.

Всмотритесь же теперь пристальнѣе и глубже во всѣ эти произведенія, и вы поймете значеніе ихъ для того времени, въ какое они писались.

II.

Отношеніе къ народной жизни Некрасова было реальнѣе всѣхъ остальныхъ поэтовъ, и это не реальность Пушкина, не реальность Кольцова, нѣтъ, это нѣчто свое, совершенно особенное, чисто индивидуальное, что принадлежитъ исключительно одному Некрасову,—это именно — проникновеніе въ самую глубокую сущность народной жизни со стороны ея насущныхъ потребностей, и затаенныхъ, незримыхъ страданій. Кольцовъ тоже задѣвалъ эти струны народной жизни, только по свойству своего таланта, задѣвалъ ихъ со стороны, такъ сказать, психологической, а Некрасовъ со стороны психіатрической, и преимущественно съ соціальной. Въ этомъ ихъ существенное различіе.

Но Кольцовъ стоитъ какъ-то особнякомъ въ нашей литературѣ. Онъ является чѣмъ-то въ родѣ переходнаго звена, связующаго эпоху пушкинскаго періода съ дѣятелями современной намъ русской поэзіи. Кольцовъ не могъ еще стоять посреди тѣхъ животрепещущихъ соці-

альныхъ интересовъ, которыхъ и самая жизнь того времени въ общей массѣ была почти чужда совершенно и которые только въ настоящую минуту могутъ волновать чувство дѣятелей русской мысли, поэтому мы оставимъ его въ сторонѣ и посмотримъ лучше, кто изъ современныхъ намъ поэтомъ касался народной жизни и какъ, и съ какой стороны и насколько касался ея? Это гораздо ближе къ намъ и потому гораздо интереснѣе. Но тутъ—увы! результатъ будетъ весьма скуденъ!..

Въ то время, когда за Некрасовымъ считались уже такія произведенія, какъ «забытая деревня» и др., Майковъ, напримѣръ, не далъ намъ ничего изъ среды народной жизни, оставаясь вѣчно замкнутымъ въ своемъ строгомъ классицизмѣ, и только недавно послѣднія событія вызвали у него два вполнѣ прекрасныхъ стихотворенія, это: «Сфинксовая загадка» и «картина». Фетъ въ своихъ «снѣгахъ» и въ «гаданьяхъ» далъ два или три очень милые пейзажика, два или три нѣсколько фантастическія вещи—и больше ничего. Полонскій относился нѣсколько живѣе къ этой жизни, но его отношеніе во-первыхъ чисто фантастическое, сказочное, хоть и обаятельное всѣмъ обаяніемъ сказки, а во-вторыхъ оно очень бѣдно, потому что въ то еще время, сколько помнится, выразилось только въ двухъ его стихотвореніяхъ: «ночь морозная тускло глядитъ» и потомъ въ стихотвореніи.

Нѣсколько более реальности проглянуло у него въ «бѣглый» самомъ послѣднемъ его стихотвореніи. И желательно, конечно, чтобы оно не было послѣднимъ въ этомъ родѣ. И вотъ въ то-то время раздался одинъ только свѣжій, и вполнѣ русскій звукъ, непринадлежащій Некрасову. Это была «запѣвка» Мея:

Охъ, пора тебя на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Пригородная, посельная, попольная и т. д.

Въ этихъ стихахъ почуялась-было свѣжая сила. Къ нимъ вполнѣ можно было приложить для охарактеризованія ихъ пушкинскій стихъ:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

И въ то же время появились его «хозяинъ», «Русалка» и нѣсколько другихъ вполнѣ прекрасныхъ въ своемъ родѣ вещей. Но въ талантѣ Мея элементъ *русскаго*, *народнаго* принялъ не соціальный, не современный, а какой-то археологическій колоритъ. Во всѣхъ его

лучшихъ вещахъ этого рода вы невольно чуете *Русь*, и Русь народную; если хотите, Русь вѣчную, какою суждено ей быть въ своемъ идеалѣ; если хотите, ноющую, празднующую, да только не Русь современнаго намъ народа. Эта послѣдняя только и далась одному Некрасову. Читая Мея, вы можете эстетически-наслаждаться; читая Некрасова, вы будете страдать.

Некрасовъ страдаетъ вмѣстѣ съ русскимъ человѣкомъ, но нисколько не идеализируетъ его. Онъ умѣетъ заставить насъ сочувствовать его горю совершенно не разцвѣчивая его. Онъ глубоко понимаетъ народъ и внѣ всякой идеализаціи становится даже безпощаднымъ въ отношеніи его и проявленій его жизни и духа. За примѣромъ ходить не далеко: мы припомнимъ вамъ одно его стихотвореніе. Вслушайтесь, всмотритесь въ него:

— Такъ, служба! самъ ты въ той войнѣ
Дрался—тебѣ и книги въ руки,
Да дай сказать словцо и мнѣ:
Мы сами дѣлывали штуки.
— Какъ затесался къ намъ Французъ,
Да увидалъ, что проку мало,
Пришолъ онъ, помнишь ты, въ конфузъ
И на попятный тотчасъ драло:
Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя щенками,
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фузеи—кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса,—*глядимъ да тужимъ!*
Жаль стало: топорищемъ хвать—
И протянулась, рядомъ съ мужемъ!
Глядь: дѣти! Нѣтъ на нихъ лица:
Ломаютъ руки, воютъ, скачутъ,
Лепечутъ—не поймешь словца —
И въ голосъ, бѣдненькія, плачутъ,
Слеза прошибла насъ, ей-ей!
Какъ быть? Мы долго толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали...

Такъ вотъ что, служба! вѣрь же мнѣ:
Мы не сидѣли сложа руки,
И хоть не бились на войнѣ,
А сами дѣлывали штуки?

Вѣдь не шутя, морозъ подираетъ по кожѣ, становится страшно отъ этой голой ужасающей правды. Вѣдь нельзя отказаться: *это наше*, это наша жизнь, или по крайней мѣрѣ, одинъ изъ ея заурядно-характерныхъ эпизодовъ! Въ основѣ этой вещи лежитъ страшное пониманіе русской жизни, пониманіе ее до цинизма, до безпощадности— и вотъ этимъ-то и дорогъ намъ Некрасовъ. Эта странная, но жизненная смѣсь звѣрства, удалой похвальбы этимъ звѣрствомъ и совершенно человѣчнаго чувства жалости, состраданія, сожалѣнія вполнѣ свойственны нашему сѣрому человѣку. На это стихотвореніе, сколько помнится, совершенно не было обращено вниманія нашей критики,—а жаль! оно одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній Некрасова!

Но если Некрасовъ силенъ безпощаднымъ даже до цинизма отношеніемъ анализа своего къ народу, его характеру и его жизни, то столько же силенъ онъ и вѣрою въ этотъ народъ, въ эту темную, но могучую и здоровую силу. Его «Школьникъ» служитъ порукою въ томъ. Вспомните хоть только это одно восьмистишіе:

Не бездарна ты природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ—то-и-знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

Припомните также и стихи изъ «несчастныхъ», приведенные въ статьѣ предыдущей книжки нашего журнала Это уже переходъ отъ безъисходнаго отчаянія, мрака и скорби, къ могучей вѣрѣ и свѣтлой надеждѣ. Но эта вѣра и надежда пока еще принадлежатъ грядущему, будущему; настоящее навѣваетъ на поэта горькія думы, даетъ ему грустные мотивы. Мотивы ему напѣваетъ только жизнь, зато какіе подчасъ мотивы! Намъ особенно нравятся все-таки мотивы данные ему народною жизнью.

Вотъ хоть «коробейники». Мы съ удовольствіемъ останавливаемся на этомъ произведеніи, потому что оно раскрыло намъ въ Некрасовѣ много такого, чего мы, при всей нашей вѣрѣ въ его чуткій талантъ, даже и не предполагали въ немъ. Что это за вещь въ сущности?— опредѣлить невозможно, или покрайней мѣрѣ весьма трудно, потому что она не подходитъ какъ-то ни подъ одно піитическое опредѣленіе стихотворныхъ произведеній. Это повѣсть не повѣсть, поэма не поэма, разсказъ не разсказъ, а нѣчто въ высшей степени жизненное, нѣчто трогающее, задѣвающее и поэтическое—и замѣтьте, жизненное болѣе въ частностяхъ, нежели въ цѣломъ, потому что въ цѣломъ-то въ немъ и нѣтъ ничего, т. е. нѣтъ того, что мы привыкли называть *содержаніемъ*, *сюжетомъ*. Шли коробейники, изъ которыхъ одинъ, Ванюха, разстался съ невѣстой, продали они весь товаръ; Ванюха мечтаетъ, какъ къ Покрову онъ женится, но вдругъ попался имъ на дорогѣ недобрый человѣкъ—лѣсникъ, который убилъ изъ ружья обоихъ разомъ, ограбилъ, да пьяный въ кабакѣ и проболтался про свой грѣхъ, вотъ и все!—Ну, чѣмъ бы тутъ, кажется, вдохновиться? А между тѣмъ взгляните, что сдѣлалъ изъ этого Некрасовъ! Правда, что къ этому произведенію удобнѣе всего примѣняется его собственный стихъ:

Твои поэмы безтолковы,

обращенный имъ къ самому же себѣ, да что намъ до того за дѣло, коли въ этой безтолковости есть плоть и кровь, есть обаятельно-захватывающая васъ струя жизни, вѣяніе которой вы инстинктивно чуете тутъ что не въ каждой строфѣ!

Вотъ начало этого произведенія—полюбуйтесь на это начало: стихи, одинъ за другимъ, такъ и такъ и западаютъ въ вашу память, такъ и шевелятъ вашу душу за ея исключительныя, національныя струны:

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодецкаго плеча!
Выди, выди въ рожь высокую!
Тамъ до ночки погожу,
Я завижу черноокую —
Всѣ товары разложу.

Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алыя,
Ближе къ милому садись!»
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодецъ.
Чу, идетъ!—пришла желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать.
Парень съ дѣвицей цалуется,
Проситъ цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая
Какъ поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

Сколько тутъ удали, широты и страсти въ этой безъискусной простотѣ! Это чисто русская, удалая, задушевно-теплая поэзія. Отрывокъ самъ по себѣ дотого хорошъ, дотого художественно-законченъ и цѣленъ, что, право, порой намъ становится даже жаль, зачѣмъ это приступъ къ большой вещи, а не отдѣльное стихотвореніе! Но не однимъ началомъ щеголяютъ «коробейники»,—нѣтъ, въ нихъ разсыпано много хорошаго, много истинныхъ алмазовъ, которые выпукло красуются на общемъ фонѣ, художественно отграненные опытною рукою хорошаго мастера. Вспомните только «пѣсню убогаго странника», которая была приведена въ заключеніе статьи прошлаго нумера:

Я лугами иду—вѣтеръ свищетъ въ лугахъ:
Холодно, странничекъ, холодно,
Холодно, родименькой, холодно! и т. д.

Духъ захватываетъ отъ этой страшной, громадной силы! А между тѣмъ, что можетъ быть безъискуственнѣе и проще этой пѣсни! По простотой-то она и сильна. Это великая и грозная своимъ величіемъ простота. Дальше уже въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, поэту идти некуда; въ пѣснѣ странника онъ овладѣлъ элементомъ народнаго творчества, онъ постигъ тайну этого творчества. У насъ много было поддѣлокъ подъ народный стиль, но это не поддѣлка; тутъ совершенно не видать претензіи сдѣлать эту вещицу, такъ сказать, «*понаряд-*

нье»; она написалась, какъ Богъ положилъ на душу, она вылилась непосредственно изъ души, какъ одинъ вопль нашей всеобщей великой скорби. Да, Некрасовъ своею «пѣсней» сталъ поэтомъ этой великой скорби! И «пѣсня убогаго странника» не должна быть пройдена равнодушіемъ или невниманіемъ, — нѣтъ, она должна быть подхвачена сотнями тысячъ голосовъ. Да, эта пѣсня не должна быть забыта: она долгая, безконечная наша пѣсня. Самъ Некрасовъ лучше всего и характернѣе всего опредѣлилъ ея значеніе:

Вся-то пѣсня—два словца,
А запой ее, дѣтинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту пѣсенку мудреную
Тотъ до слова допоетъ,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Изъ конца въ конецъ пройдетъ.
Самъ ее Христовъ угодничекъ
Не допѣлъ— спитъ вѣчнымъ сномъ.

Вотъ смыслъ этой пѣсни! Мы отнюдь не увлекаемся, высказывая эти мнѣнія—мы только открыто исповѣдуемъ нашу личную искреннюю и задушевную думу. «Пѣсня странника» заставила насъ еще болѣе вѣровать въ талантъ ея автора. Она намъ многое открыла въ немъ. Въ послѣднее время мы болѣе были склонны къ мнѣнію, что талантъ Некрасова выдыхается и слабѣетъ; теперь, послѣ «пѣсни странника», мы готовы вѣрить, что талантъ этотъ крѣпнетъ, и что онъ дастъ намъ еще много впереди. Въ этомъ отношеніи, еще болѣе говоритъ въ пользу нашего убѣжденія одно небольшое стихотвореніе— «дума», съ которымъ мы встрѣтились также въ послѣднее время. Это—сила, сила и сила, которая такъ и мечется вамъ въ глаза въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ. Широта размаха, чисто русскаго, удаль и здоровье, полное горячей крови, такъ и брызжетъ въ этомъ стихотвореніи:

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку,
Проклинай житье мѣщанское,
Да почесывай головушку.

Спи, не спи—валяйся по́-печи,
Каждый день не доѣдаючи,
Трать задаромъ силу дюжую,
Недоимку накопляючи.
Ужъ какъ нѣтъ бѣды кручиннѣе —
Безъ работы парню маяться,
А пойдешь куда къ хозяевамъ —
Ни одинъ-то не нуждается!
У купца у Семипалова
Живутъ люди не говѣючи,
Льютъ на кашу масло постное
Словно воду, не жалѣючи.
Въ праздникъ—жирная баранина,
Паръ надъ щами тучей носится;
Въ пол-обѣда распояшутся —
Вонъ изъ тѣла душа просится!
Ночь храпятъ, наѣвшись до́-поту,
День придетъ—работой тѣшутся...
Эй! возьми меня въ работники,
Поработать руки чешутся!
Повели ты въ лѣто жаркое
Мнѣ пахать пески сыпучіе,
Повели ты въ зиму лютую
Вырубать лѣса дремучіе, —
Только трескъ стоялъ бы до̀ неба,
Какъ деревья бы валилися;
Вмѣсто шапки бѣлымъ инеемъ
Волоса бы опушилися!

III.

Но... чѣмъ больше талантъ, тѣмъ больше и тѣмъ строже съ него и взыщется. А Некрасовъ не безупреченъ и небезгрѣшенъ относительно своихъ произведеній. Есть у него вещи, хотя и написанныя подъ вліяніемъ идеи, весьма благородной и честной, но написанныя не искренно. Спѣшимъ оговориться: если мы говоримъ *не искренно*, то это значитъ, что появленіе ихъ вызвано не душевной настоятельной потребностью, а просто какимъ нибудь посторопнимъ обстоятельствомъ. Мы возьмемъ «знахарку и «деревенскія новости.

Надѣемся, что какъ то, такъ и другое произведеніе настолько извѣстны читающей массѣ, что мы можемъ избавить себя отъ неудовольствія приводить ихъ въ нашемъ очеркѣ. Будь подъ этими произведеніями подписано имя г.г. Бенедиктова или Розенгейма, Свистокъ Современника не замедлилъ бы, во время оно, взять съ нихъ извѣстную лепту для своего мѣткаго и злаго остроумія; будь они никѣмъ не подписаны, мы бы просто-напросто прочли ихъ, и сказали-бы: дрянь, плохо!—тѣмъ и судъ бы весь былъ поконченъ. Но, признаемся, когда мы увидѣли подъ ними имя Некрасова, насъ весьма непріятно покоробило отъ этого. Покоробило еще болѣе, когда мы увидѣли ихъ рядомъ въ новомъ собраніи его стихотвореній. Скажите, Бога ради, г. Некрасовъ, и для чего вы печатали подобныя вещи? какъ выто сами рѣшились печатать такія плохія вирши, которыя заставляли вчужѣ краснѣть за васъ людей уважающихъ вашъ талантъ. Эти стихотворенія могъ написать кто угодно, только не вы. Вамъ стыдно подписывать подъ ними свое имя. Писать для какой нибудь одной современной фразы, которая давнымъ-давно уже успѣла орутинериться и опошлиться цѣлыя страницы—извините за откровенное выраженіе—стиховной лапши и ерунды—воля ваша!—неприлично, стыдно, въ особенности, стыдно для человѣка, который могъ намъ дать «пѣсню убогаго странника» и много другихъ безподобныхъ вещей. Мы вамъ высказываемъ это прямо и рѣзко, быть можетъ, даже увлекаясь отчасти, но высказать мягче или совсѣмъ промолчать мы не считаемъ себя вправѣ: съ такимъ талантомъ какъ Некрасовъ церемониться нечего, а тѣмъ болѣе щадить его! Его силу этимъ не поколеблешь—она слишкомъ крѣпка, и потому-то давать подобные промахи Некрасову непростительнѣе, чѣмъ кому-быто ни было другому, по крайней мѣрѣ, таково наше искреннее убѣжденіе.

«Деревенскія новости» выкупаетъ еще отчасти одна чрезвычайно граціозная картинка, это то мѣсто, гдѣ говорится про мальчика-пастуха, убитаго молніей:

Угомонился Волчокъ —
Спитъ себѣ. Кровь на рубашкѣ,
Въ лѣвой рученкѣ рожокъ,
А на шляпкѣ вѣнокъ
Изъ васильковъ да изъ кашки.

Этотъ эпизодъ заставляетъ еще нѣсколько снисходительнѣе смот-

рѣть на «Деревенскія новости». Стихъ Некрасова вообще неуклюжъ и тяжолъ, но мы любимъ эту неуклюжесть и тяжесть—это тяжесть желѣза, тяжесть желѣзнаго молота; въ ней его сила, его мѣткость. Тамъ, гдѣ Некрасовъ вдохновляется и пишетъ отъ души, тамъ его неуклюжій стихъ удивителенъ. И дайте въ этихъ мѣстахъ стихъ майковскій или меевскій, или всякаго другаго поэта, вышло бы изъ рукъ вонъ скверно. Тутъ именно нуженъ стихъ Некрасова со всѣми его оригинальными особенностями. Но... это все относится къ тѣмъ произведеніямъ, которыя вылились изъ непосредственнаго вдохновенія настрадавшейся души, а тамъ, гдѣ поэтъ нашъ пишетъ ради одной только заключительной фразы, тамъ эта тяжесть и неуклюжесть переходятъ въ потугу, въсонливую вялость и производятъ крайне непріятное впечатлѣніе. Все такъ и кажется, будто и ждешь въ сумерки по грязному, крайне-ухабистому переулку, когда петербургская оттепель разжидитъ въ грязь и мутную кашицу весь уличный снѣгъ. Да, г. Некрасовъ, подобныя вещи никому непригодны, они никого не научатъ и ни на кого не произведутъ инаго впечатлѣнія, кромѣ невыгоднаго для васъ. Вѣдь согласитесь, что любой публицистъ, даже самый тупой и бездарный, своими десятью строками скорѣе сдѣлаетъ несравненно болѣе пользы, чѣмъ вы сотнею подобныхъ виршей. Слѣдственно, для чего же и писать ихъ, для чего же и не поберечь своего стиха, который, право, заслуживаетъ болѣе уваженія, чѣмъ вы ему оказываете?

Къ подобной же категоріи мы готовы отнести и еще одну вашу вещь, которая по формѣ стоитъ, впрочемъ, неизмѣримо выше вашей «Знахарки» и которая задумана несравненно глубже и сердечнѣе. Это—«Несчастные»,—вещь и афектированная и добродѣтельная, изображающая каторжниковъ дотого добродѣтельными, что они даже заслуживаютъ любовь и благоволеніе своихъ начальниковъ, вещь ложная и ложная самымъ незнаніемъ изображаемой жизни, вещь, въ которой только и есть одинъ силуэтъ живаго лица—это кротъ и только одно правдивое, живое и сердечно-теплое слово, это стихъ:

Чтобъ человѣкъ не баловался.

А что касается до пѣсни преступниковъ, то объ такой ложно афектированной вещи и говорить не стоитъ. Она *сдѣлана* поэтомъ, сочинена имъ, и, право, съ такими данными, какія лежатъ въ основѣ «Несчастныхъ», должно бы было распорядиться лучше, чѣмъ вы распорядились

IV.

Доселѣ мы говорили объ отношеніи Некрасова, какъ поэта, къ народу; теперь же бросимъ взглядъ на отношеніе его къ нашему обществу и нашей такъ-называемой, или лучше сказать, подразумѣваемой общественной жизни. Для насъ кругъ предметовъ, служащихъ матеріаломъ для творческой дѣятельности Некрасова, какъ *поэта современности*, представляется раздвоеннымъ. Первую вѣтвь этого раздвоенія, вѣтвь воспринявшую въ себя народную жизнь, мы уже разсмотрѣли. Теперь дѣло за второй. И вотъ именно эта-то вторая вѣтвь и заключаетъ въ себѣ отношеніе его къ нашей общественности. Въ первой онъ является почти исключительно поэтомъ скорби и горя и, замѣтьте, по преимуществу *поэтомъ*; во второй онъ чаще дѣлается негодующимъ сатирикомъ, оставаясь, впрочемъ, въ то же самое время, и поэтомъ. Здѣсь у него иронія и болѣзненная скорбь, желчь и злоба, ѣдкая, могучая насмѣшка и почти рядомъ съ нею тяжкій вопль безсилія, безсилія честнаго человѣка передъ порокомъ и зломъ сплетаются между собою въ одну крѣпкую ткань. Весь отдѣлъ произведеній этого рода непосредственно относится къ сферѣ нашей петербургской жизни. Она вся тутъ, какъ есть, со своими нравственными людьми, которые, живя согласное строгою моралью, никому не сдѣлали въ жизни зла, со своими филантропами, которые ищутъ какъ бы свѣтъ весь заново къ общей пользѣ измѣнить,

А голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить,

со своими падшими и отверженными за бѣдность созданіями, которыя продаютъ себя изъ-за куска насущнаго хлѣба и нагло презираются за то модною блестящей развратницей, у которой «на лбу роковыя слова»:

«Продается съ публичнаго торга».

Однимъ словомъ все, все сошлось и сгруппировалось здѣсь, въ этихъ улицахъ, гдѣ рядомъ съ бѣднымъ гробомъ мчатся великолѣпныя коляски; тутъ всѣ — начиная отъ великолѣпныхъ представителей ве-

ликолѣпныхъ салоновъ, до несчастныхъ матерей несчастныхъ рекрутовъ и даже до жалкаго разсыльнаго изъ типографіи, который подъ грохотъ экипажей, подъ вопли нужды и горя, и самодовольный смѣхъ спесивой наглости, и подъ звуки подмокшихъ барабановъ болтаетъ о красныхъ крестахъ и о литераторахъ и о томъ, какъ

Даже Фр—нгъ устанетъ марать.

И все это кишитъ, суетится, бѣснуется и мучится подъ хмурымъ, холоднымъ и кислымъ небомъ; не что иное, какъ это же самое небо и нагоняетъ на поэта тоскливыя и безъисходно-тяжелыя впечатлѣнія «О погодѣ»—и въ его впечатлѣніяхъ вамъ невольно чуется весь этотъ гнетъ тяжелаго и тлетворнаго петербургскаго неба. И изъ этой жизни нѣтъ исхода, и вырваться некуда. Въ народной скорби для нашего поэта существуетъ еще вѣра въ его будущее,—здѣсь уже не существуетъ ничего. Вспомните только хоть «Ѣду-ли ночью по улицѣ темной» или «Въ больницѣ»—и вы вполнѣ оправдаете нашу характеристику. Вотъ общее впечатлѣніе, выносимое читателемъ изъ всего отдѣла стихотвореній этого рода.

Съ особеннымъ грустнымъ чувствомъ остановимся мы теперь на заключительныхъ строфахъ стихотворенія «Въ больницѣ». Мы безо всякихъ коментаріевъ и психолого-эстетическихъ объясненій, просто напомнимъ ихъ читателю. Эти строки и сами за себя говорятъ хорошо и понятно нашему сердцу. Вотъ они:

Братья—писатели! въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое:
Если бы всѣ мы, не вѣря себѣ,
Выбрали дѣло другое—
Не было бъ точно, согласенъ и я,
Жалкихъ писакъ и педантовъ —
Только бы не было также, друзья,
Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ!
Чтобъ одного возвеличить, борьба
Тысячи слабыхъ уноситъ —
Даромъ ни что не дается: судьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ...

Въ основѣ всѣхъ задушевнѣйшихъ произведеній Некрасова лежитъ горячая и искренняя любовь—и, замѣтьте, любовь гражданина, что

составляетъ главную характеристическую черту Некрасова. Некрасовъ поэтъ-гражданинъ. Одна только эта горячая любовь и вызываетъ его слезы, и скорбь, и желчь, и насмѣшку. Главная причина его скорби—это отсутствіе того идеала, къ которому стремится поэтъ всею душою:

А что такое гражданинъ?
Отечества достойный сынъ. —
Ахъ, гдѣ же онъ? Кто не сенаторъ,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантаторъ,
Кто гражданинъ страны родной?
Гдѣ ты? откликнись! Нѣтъ отвѣта.
И даже чуждъ душѣ поэта
Его могучій идеалъ!
Но если есть онъ между нами,
Какими плачетъ онъ слезами!!..

Самъ Некрасовъ болѣе всего склоненъ видѣть въ себѣ сатирика, и только сатирика. Мы думаемъ совершенно наоборотъ: сатирикъ-то онъ именно меньше всего,—онъ поэтъ, крѣпко приросшій къ почвѣ русской жизни, поэтъ сросшійся съ нею дотого, что внѣ ея для него ничего не существуетъ, что каждая ея рана, боль и скорбь есть и его рана и скорбь; каждая ея надежда есть въ то же время и его надежда. Сатирикъ какъ-то невольно заставляетъ предполагать въ себѣ дидактизмъ, а въ Некрасовѣ дидактизма почти нѣтъ совершенно. Въ немъ дидактизмъ замѣняется желчью и соболѣзнованіемъ, которыя сами по себѣ жизненны въ высшей степени, тогда какъ дидактика въ сущности есть сухое, холодное, мертвое начало. Дидактикъ, повѣрьте, не написалъ бы ни пѣсни убогаго странника, ни думы, ни Саши и ничего подобнаго.

Если же вы хотите найдти ключъ къ разгадкѣ всего направленія поэзіи Некрасова, то прочтите его «Старыя хоромы», «Въ невѣдомой глуши, въ деревнѣ полудикой», и нѣкоторыя другія вещи изъ Лары и вамъ станетъ ясно, что направленіе это подготовила сама жизнь—она первая положила въ него закваску и она же выработала изъ него поэта, который сталъ ея выраженіемъ.

Да, Некрасовъ, болѣе чѣмъ кто либо другой, принадлежитъ намъ; онъ выработанъ намъ самою жизнью, онъ есть ея выраженіе, ея ха-

рактеристика, ея протестъ. Скажемъ болѣе: онъ ея послѣднее слово. Настанетъ новый періодъ нашего соціальнаго бытія, выработаетъ общественная жизнь для себя иныя, новыя формы и иное содержаніе, тогда выработаетъ она и новое выраженіе для себя, и новаго поэта, который быть можетъ скажетъ тогда свое новое слово. А пока у нея, у этой жизни остается только Некрасовъ неуклоннымъ выразителемъ ея грустныхъ проявленій. И какъ поэтъ этой жизни, онъ смѣло, прямо и совершенно чистосердечно имѣетъ полное право сказать:

Клянусь, я честно ненавидѣлъ,
Клянусь, я искренно любилъ!

ВС. К—ОВСКІЙ.

Жизнь графа Сперанскаго. 2 т. С. Петерб. 1861 года.

(*Окончаніе*).

Въ первой статьѣ я старался представить личную характеристику Сперанскаго, опредѣлить тѣ силы, которыми онъ былъ надѣленъ для государственной дѣятельности и тѣ средства, которыми онъ располагалъ на своей шаткой карьерѣ. Чѣмъ внимательнѣй я всматривался въ нравственныя черты этого человѣка, тѣмъ болѣе изумлялся крайнимъ противорѣчіямъ его характера: при огромныхъ дарованіяхъ онъ не имѣлъ и сотой доли соотвѣтственнаго имъ развитія; съ холоднымъ и всегда строго-обдуманнымъ планомъ дѣйствій онъ соединялъ юношескія увлеченія несбыточными цѣлями; его умѣреннымъ желаніямъ и твердой волѣ въ частномъ быту противуполагаются заносчивыя требованія и робкое малодушіе на служебномъ поприщѣ; онъ начинаетъ строить, какъ титанъ,—не щадитъ ни силъ, ни времени, ни матеріаловъ, но къ концу постройки замѣчаетъ, что выведенная имъ пирамида стоитъ острымъ угломъ внизъ и рушится на него всею своею тяжестію; онъ работаетъ всю жизнь съ тревожными усиліями и неутомимой энергіей, онъ берется за все, и во всемъ оканчиваетъ сравнительно малыми результатами; онъ мечтаетъ «обновить Россію»,

на мѣсто механическаго и чисто-инертнаго движенія поставить принципъ, и заключаетъ тѣмъ, что запутывается въ однихъ бюрократическихъ формахъ.

Но вправѣ ли мы обвинять Сперанскаго за то, что онъ останавливается на полдорогѣ своихъ стремленій и, круто поворачивая въ другую сторону, оканчиваетъ совершенно не тѣмъ, чѣмъ началъ? Самая непріятная, почти полицейская обязанность критика состоитъ въ томъ, что ему часто приходится произносить приговоры надъ дѣятелемъ, котораго ложныя воззрѣнія, ошибки и отвѣтственность за нихъ падаютъ не столько на него лично, сколько на самыя обстоятельства его жизни. Кого осуждать—отдѣльное лицо, увлеченное ложной системой, или общество, приготовившее эту систему? По обыкновенію, мы сваливаемъ всю вину на единичную силу, когда рѣшаемъ этотъ вопросъ человѣческихъ отношеній къ окружающей насъ жизни; намъ нѣтъ дѣла до того, что и какъ подготовило фактъ, мы не разбираемъ ни постепеннаго развитія его, ни того внутренняго источника, изъ котораго онъ вытекаетъ, а смотримъ на него такъ, какъ онъ есть, и поражаемъ его своимъ судомъ. Въ этомъ величайшая несправедливость современныхъ обществъ. Въ большей части случаевъ индивидуумъ является рабомъ той внѣшней обстановки, которая, подобно паутинѣ, состоитъ изъ сплетенія едва уловимыхъ нитей, опутывающихъ насъ со всѣхъ сторонъ; разорвать эту паутину мы не можемъ, потому что какъ она ни тонка, но все же крѣпче каждаго отдѣльнаго усилія: слѣдовательно остается или помириться съ своимъ положеніемъ или задушить себя въ напрасной борьбѣ съ нимъ. Само-собою разумѣется, что личности съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, съ независимымъ характеромъ и непреклонными силами, рѣшаются лучше бороться до послѣдней крайности, чѣмъ поддаваться нелѣпому увлеченію, хотя бы на сторонѣ его и было большинство. Но между людьми, къ сожалѣнію, мало героевъ и еще меньше вполнѣ независимыхъ характеровъ; массы пока живутъ стадами и, не разсуждая, слѣдуютъ тому, что дѣлается впереди. Поэтому нельзя быть слишкомъ строгимъ къ тѣмъ, кто безсознательно плыветъ за общимъ потокомъ жизни, или не можетъ одолѣть противную силу, которая давитъ его своимъ напоромъ.

На исторической почвѣ ясно выдѣляются изъ массы только дѣятели свободные и самостоятельные. Управляя общимъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ, они оставляютъ по себѣ глубокіе слѣды добра или

зла, смотря по тому направленію, которое проводили въ жизни; ихъ воля, убѣжденія и даже слова ложатся тяжелымъ грузомъ на современной имъ эпохѣ и взвѣшиваются громадными послѣдствіями; они пролагаютъ новые пути, создаютъ новыя системы или, противодѣйствуя реформамъ, окружаютъ чертою неподвижности и смерти все, что подчиняется ихъ вліянію. Въ обоихъ случаяхъ имъ принадлежитъ главная историческая роль. Что же касается дѣятелей второстепенныхъ, исторія, въ строгомъ смыслѣ, не имѣетъ къ нимъ близкаго отношенія; она оцѣниваетъ и заноситъ ихъ имена на свои страницы для украшенія своихъ картинныхъ галлерей. Для насъ важно знать не наружныя оболочки принципа, а самый принципъ.

Какъ въ жизни, такъ и въ дѣятельности Сперанскаго есть двѣ различныя эпохи, мало похожія другъ на друга. Никогда онъ не выходилъ изъ ряда подначальныхъ дѣятелей, но до удаленія своего онъ дѣйствовалъ прямѣй и свободнѣй. Имѣя непосредственное сношеніе съ Государемъ, соединяя въ своихъ рукахъ почти всѣ органы административной машины, онъ сообщилъ ей движеніе по своей мысли и желанію; не было ни одного государственнаго постановленія, ни одной болѣе значительной мѣры, въ которой бы Сперанскій не принималъ участія и не положилъ своей иниціативы; онъ является попеременно и часто въ одно и то же время законодателемъ, дипломатомъ, канцлеромъ университета, организаторомъ духовныхъ семинарій, госугосударственнаго совѣта и военныхъ поселеній, преобразователемъ финансовой системы и составителемъ самыхъ мелкихъ и ничтожныхъ инструкцій, однимъ словомъ, первымъ министромъ и первымъ писаремъ имперіи. Съ перваго взгляда кажется, что на все это не могло достать силъ одного человѣка, какъ бы ни были геніальны его способности и разносторонни познанія: такъ, дѣйствительно, кажется. Но если посмотрѣть на дѣло ближе и холоднѣе, то оно представляется далеко не въ томъ колоссальномъ видѣ, какъ понимаетъ наша критика. Нѣтъ сомнѣнія, что Сперанскій, занимавшій различныя должности, вполнѣ былъ знакомъ съ технической стороной администраціи или, выражаясь языкомъ барона Корфа, со всѣми «таинствами нашей юриспруденціи»; Сперанскій, въ качествѣ Статсъ-Секретаря, находился у самого источника государственнаго управленія и почти каждый день лично бесѣдуя съ монархомъ, конечно, лучше другихъ зналъ о его намѣреніяхъ и планахъ. Поэтому вся исполнительная часть не стоила Сперанскому ни особеннаго труда, ни особенно-серьезныхъ

соображеній: такъ называемый внѣшній порядокъ дѣлъ, искони заведенный по извѣстной программѣ, можно было сохранить при очень ограниченныхъ способностяхъ администратора. Притомъ самый составъ управленія этой эпохи не имѣлъ ничего замысловатаго и глубоко-разработаннаго; онъ сложился большею частію подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ и минутныхъ взглядовъ прежнихъ государственныхъ людей. «Напитанный Наполеоновскими идеями, говоритъ баронъ Корфъ, онъ (т. е. Сперанскій) не давалъ ни какой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію». (т. 1 стр. 155). Если самъ Сперанскій такъ думалъ въ то время, когда работалъ надъ общимъ преобразованіемъ министерствъ, то, разумѣется, ему не трудно было импровизировать новые уставы, положенія и самый сводъ законовъ; ктому же онъ импровизировалъ ихъ для «народа, по его собственному мнѣнію, самаго кроткаго и добродушнаго, для подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти». Наконецъ государственные *мужи*, современные Сперанскому, какъ видно изъ его безпристрастныхъ отзывовъ, не отличались тѣми столбовыми достоинствами, которые сосчиталъ за ними Бантышъ-Каменскій въ своемъ «словарѣ достопамятныхъ Россіянъ». Говоря о государственномъ совѣтѣ, имъ же самимъ устроенномъ, Сперанскій выражался такъ: «Всѣ разсужденія въ совѣтѣ—одна формальность. Эти господа ничего тутъ не понимаютъ. Вы (обращаясь къ Н. И. Тургеневу) да я обработаемъ дѣло, какъ найдемъ лучше». (т. II. стр. 278). Главнымъ недостаткомъ этого поколѣнія было, разумѣется, рутинерство, мелочность взглядовъ и наслѣдственная боязнь нововведеній. Передавая эти черты, Оленинъ между прочимъ пишетъ о томъ, какъ вообще смотрѣли на реформы Сперанскаго его современники: «Сіи опытные люди, устрашенные частію и не безъ причины превратностію и дерзновеніемъ мыслей и замысловъ людей нынѣшняго времени, опасаются встрѣтить даже и въ самыхъ искреннихъ желаніяхъ лучшаго въ управленіи устройства какія нибудь тайныя намѣренія, клонящіяся, по ихъ мнѣнію, къ ниспроверженію стараго порядка. Сей страхъ дѣйствуетъ въ нихъ такъ сильно, что они въ существующемъ порядкѣ никакихъ недостатковъ не видятъ, хотя оный уже давно, отъ времени и отъ разныхъ обстоятельствъ, пришелъ въ совершенный упадокъ и запутанность. Въ семъ-то именно видѣ—ниспроверженія *ко—*

ренныхъ нашихъ законовъ и замѣненія оныхъ совершенно новыми принятъ былъ нѣкоторыми изъ членовъ совѣта и проектъ гражданскаго уложенія. Малый форматъ книги, въ коей сей проектъ заключается, показался имъ весьма сомнительнымъ. Люди, привыкшіе, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, видѣть, что даже и неполное собраніе существующихъ у насъ гражданскихъ законовъ составляетъ немаловажное число бумажныхъ рукописныхъ книгъ, или десятокъ и болѣе печатныхъ томовъ въ листъ и четвертку, крайне были удивлены и даже, такъ сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса сихъ законовъ заключается въ одной книжкѣ, напечатанной въ восьмушку и довольно крупнымъ шрифтомъ, на 248 страницахъ. (т. 1 стр. 170). И такъ если форматъ книги приводилъ въ такое замѣшательство и ужасъ *сихъ мужей* — если тупой лифляндскій дворянинъ, баронъ Розенкампфъ, не знавшій ни языка, ни исторіи той страны, для которой онъ взялся составлять законы, занималъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ администраціи, то ктоже не могъ прослыть за опаснаго реформатора во мнѣніи этихъ людей? Съ другой стороны при самомъ рутинномъ взглядѣ на вещи, но при смѣлыхъ и энергическихъ замыслахъ, легко было назваться величайшимъ геніемъ въ административныхъ сферахъ. Сперанскій, конечно, цѣлой головой стоялъ выше этой среды по уму и личнымъ достоинствамъ; но величина его роста много выигрываетъ уже и оттого, что окружавшіе его люди были самыхъ скромныхъ размѣровъ.

Послѣ этого неудивительно, если всякое нововведеніе Сперанскаго казалось имъ возмущеніемъ противъ общественнаго спокойствія и коренныхъ началъ жизни, но неудивительно также и то, что во всякомъ измѣненіи старой формы, въ самыхъ мелочныхъ канцелярскихъ преобразованіяхъ они видѣли геркулесувскіе подвиги государственнаго секретаря.

Мы замѣтили прежде, что, не зная въ полномъ объемѣ организаціоннаго плана Сперанскаго, трудно судить о его политическихъ убѣжденіяхъ, о силѣ и характерѣ его государственнаго таланта, но приблизительное понятіе можно составить по второстепеннымъ его распоряженіямъ; для насъ интересно прослѣдить не подробности его энциклопедической дѣятельности, а самый смыслъ и внутреннее достоинство ея. Съ этой цѣлью мы возьмемъ два лучшіе момента изъ его правительственныхъ работъ—реформу финансовой системы и управленіе сибирскимъ краемъ. Въ первомъ случаѣ отъ Сперанскаго требовалась особенная гибкость государственнаго ума, ясность практическаго взгляда

и вѣрное пониманіе народныхъ интересовъ; во второмъ случаѣ онъ могъ проявить высшія административныя соображенія, заложить основу новой жизни въ странѣ, заброшенной въ самый темный уголъ Азіи, неимѣвшей ни тѣни правильнаго общественнаго быта и представлявшей tabula rasa для правительственныхъ реформъ.

Въ 1810 году печальное состояніе финансовъ обратило на себя вниманіе правительства. Безпрерывный рядъ прошлыхъ войнъ, общее потрясеніе европейскаго кредита и наступавшая опасность страшной борьбы съ Наполеономъ I, угрожали государственной кассѣ неизбѣжнымъ кризисомъ, тѣмъ болѣе роковымъ, что впереди предстояли чрезвычайные расходы. «Безпокойство, говоритъ книга барона Корфа, должно было возрасти до высшей степени, когда, при предварительномъ обозрѣніи финансоваго положенія на 1810 годъ, открылся дефицитъ въ 105,000,000 р., а къ его покрытію не оказывалось никакихъ другихъ способовъ. Поступило множество разнородныхъ проектовъ, но всѣ они представляли облегченія минутныя и притомъ вредныя въ своихъ послѣдствіяхъ. 125,000,000 дохода, 230,000,000 расхода, 577,000,000 долга, ни малѣйшаго запаснаго фонда, ни одного готоваго источника, управленіе казначейства самое нестройное вотъ какою была исходная точка, отъ которой надо было идти къ исправленію нашихъ финансовъ, къ открытію корня зла и къ возможному уничтоженію его.» (т. 1. стр. 189). Чтобы уничтожить этотъ корень зла, правительство перемѣнило слабоумнаго Голубцева на Гурьева и поручило Сперанскому отыскать «надлежащіе способы къ преобразованію финансовъ.» Государственный секретарь, стоявшій въ это время на верху своего значенія и силы, создававшій людей и учрежденія также легко, какъ онъ поправлялъ регламенты и уставы, немедленно приступилъ къ сочиненію новаго плана. Не имѣя никакихъ научныхъ свѣдѣній о финансахъ и на этотъ разъ не совсѣмъ довѣрявшій своему здравому смыслу, онъ обратился къ профессору Болугьянскому, единственному финансисту, какой только могъ найдтись тогда во всей Россіи; профессоръ, совершенно незнакомый съ мѣстными и политическими условіями казны, о которой онъ разсуждалъ, но хорошо помнившій теорію Адама Смита, и государственный секретарь, никогда не читавшій англійскаго экономиста, общими усиліями приготовили финансовый проэктъ, въ нѣсколько сотъ рукописныхъ листовъ; его обсуждали за обѣдами у графа Потоцкаго, пересмотрѣли въ государственномъ совѣтѣ и съ 1810 года, 1 января, обратили въ офиціальный

правительственный актъ. «Чтобы вывесть Россію, говорилъ Сперанскій въ своей запискѣ, изъ несчастнаго ея финансоваго положенія, нужны *сильныя мѣры* и важныя пожертвованія.» Читая эти слова, такъ и думаешь, что рѣчь идетъ о сооруженіи большаго купеческаго флота въ нѣсколько мѣсяцевъ или о превращеніи сибирскихъ тундръ въ золотыя розсыпи; но на самомъ дѣлѣ эти *сильныя мѣры* ограничивались слѣдующими операціями: 1, *всевозможнымъ сокращеніемъ расходовъ* и 2. *пріумноженіемъ ихъ въ существующихъ податяхъ и налогахъ.* Система, очевидно, предлагалась самая обыкновенная, за которой не было ни малѣйшей надобности прибѣгать къ совѣтамъ Адама Смита; подробное же развитіе ея формулировалось такъ: для погашенія государственнаго долга прекращался на будущее время выпускъ ассигнацій, признанныхъ внутреннимъ займомъ, обезпеченнымъ «на всѣхъ богатствахъ имперіи»; для равновѣсія расходовъ съ доходами сокращенъ экономическими мѣрами бюджетъ на 20 милліоновъ; наконецъ для пополненія казны новыми суммами увеличены налоги и открыты дотолѣ небывалые источники ихъ; между прочимъ, для покрытія долга въ 286 милліоновъ предписывалось обратить въ продажу ненаселенныя государственныя имущества, оцѣненныя въ общей смѣтѣ до 183 милліоновъ р. Результаты этой постройки оказались крайне неудачными: народъ, обремененный надбавкой податей среди всеобщаго застоя промышленности и сильно упавшаго сбыта сырыхъ матеріаловъ за границу вслѣдствіе блокады портовъ, среди повсемѣстнаго недовѣрія, порожденнаго смутными событіями военнаго времени, «самый кроткій и добродушный» народъ зароптал; что́ же касается экономическихъ средствъ, они остались только на бумагѣ: въ слѣдующемъ же году вмѣсто сбереженія предполагаемыхъ 20 милліоновъ истрачено было сверхъ обыкновенной росписи 56 милліоновъ на чрезвычайныя потребности: вмѣсто объявленныхъ въ продажу государственныхъ имуществъ на 4,429,000 (въ первый годъ) всего продано только на сумму около 300,000 р. Такимъ образомъ изъ проекта Сперанскаго уцѣлѣлъ въ живыхъ одинъ финансовый пунктъ — увеличеніе податей и налоговъ. Но у какого же министра не хватило бы ума для такой мѣры? Послѣ системы Сюлли, прятавшаго металлическіе слитки въ подвалахъ Бастиліи и вѣрившаго, что отъ этого богатѣетъ государство, исторія финансовъ мало представляетъ такихъ воззрѣній, какъ проектъ Сперанскаго. Никто, разумѣется, не станетъ обвинять его за то, что онъ, современникъ

меркантильной теоріи, вмѣстѣ съ другими ошибался въ значеніи капитала, полагая его въ деньгахъ; никто не будетъ упрекать его и за то, что онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ не разработалъ *дѣйствительные* источники народнаго богатства, не увеличилъ сумму общественнаго труда, не вызвалъ въ немъ новой энергіи и умѣнья, не удобрилъ песчаныхъ полей, не обратилъ Ледовитаго моря въ крымскіе сады или не придупредилъ Стефэнсона открытіемъ желѣзныхъ дорогъ; все это было, конечно, выше силъ *единственнаго русскаго финансиста* Болугьянскаго и государственнаго секретаря. Но какъ они не могли понять самыхъ простыхъ и толковыхъ вещей, разжеванныхъ и наукой и опытомъ; какъ имъ не пришло въ голову, что увеличивать налоги и подати въ такую трудную пору—значило еще болѣе ослаблять народныя силы, покупать воображаемое богатство цѣной дѣйствительной бѣдности. Такой финансовый палліативъ не имѣлъ даже практическаго оправданія наканунѣ 1812-го года; еще страннѣе было думать, что общественный кредитъ могъ подняться вслѣдствіе размѣна ассигнацій на звонкую монету... Точно также создавалъ Сперанскій нашу промышленную систему. Желая распространить фабричную дѣятельность въ странѣ, не имѣвшей къ тому ни историческихъ, ни соціальныхъ условій, желая дать движеніе деньгамъ среди общества, страдавшаго не мертвыми капиталами, а мертвыми силами, онъ пустилъ въ ходъ запретительную машину, насильно искореняющую общественныя потребности и удобства жизни. Чтобъ заставить выдѣлывать *свои* сукна и войлоки, хоть дурные, надо было остановить зоркимъ таможеннымъ надзоромъ и тяжелымъ тарифомъ привозъ иностранныхъ предметовъ роскоши; чтобъ обществу не хотѣлось ни сицилійскихъ плодовъ, ни ліонскихъ шелковыхъ тканей, надо было заставить его покупать ихъ въ десять разъ дороже, чѣмъ онѣ стоили. Послѣдствія, конечно, были жалкія: вяземскіе пряники не сдѣлались лучше парижскихъ конфектъ. Въ этомъ отношеніи самые логичные экономисты — наши московскіе славянофилы; тѣ прямо гонятъ насъ отъ иностранной заразы въ семнадцатый вѣкъ, со всей его обстановкой. Но что смѣшно у г. Аксакова, то выходитъ больно у людей, подобныхъ Сперанскому. Финансовый планъ его рухнулъ вмѣстѣ съ нимъ; противъ него поднялись сарказмы и критика даже тѣхъ господъ, которые боялись формата книги. Главная ошибка Сперанскаго состояла въ томъ, что онъ увлекался одной формальной стороной предмета, спѣшилъ создавать на бумагѣ то, что создаетъ самая жизнь; въ его

воображеніи были готовыя нормы для всѣхъ явленій народнаго быта, и онъ соглашалъ эти нормы не съ дѣйствительными требованіями общества, а самое общество втискивалъ въ нихъ, какъ игрушку подъ стеклянный колпакъ: онъ долго не задумывался ни надъ чѣмъ — поручаютъ ли ему устроить духовныя школы или финляндскій сеймъ, дать правила абоскому университету или Бѣлостокской области, составить рескриптъ главнокомандующему арміей или инструкцію законодательной комиссіи,—онъ собираетъ комитетъ, дѣлаетъ за всѣхъ одинъ, исписываетъ цѣлыя стопы листовъ собственной рукой, тамъ ставитъ пять сотъ параграфовъ, здѣсь тысячу, и немедленно приводитъ ихъ въ исполненіе. Какъ чиновникъ, привыкшій все регламентировать, во всемъ видѣть необходимость административнаго порядка, и только въ этомъ порядкѣ находившій благосостояніе страны, онъ принялъ искуственную систему за дѣйствительную жизнь...

Двухлѣтнее управленіе Сибирью представляло Сперанскому полное раздолье осуществить лучшія изъ его государственныхъ цѣлей. Онъ былъ посланъ туда генералъ–губернаторомъ, съ огромнымъ уполномочіемъ судьи и правителя, съ властію уничтожить злоупотребленія края, болѣе ста лѣтъ преданнаго произволу, и открытому воровству мрачнаго подъячества; съ тѣмъ вмѣстѣ ему поручалось сообразить и приготовить положеніе для будущаго устройства и управленія этой обширной колоніей. Онъ, не стѣсняясь, могъ перемѣнять людей, и творить служебныя инстанціи, отводить границы, карать и миловать по усмотрѣнію. Въ его распоряженіи были значительныя средства для всѣхъ преобразованій, какія только могъ проектировать Сперанскій. Народонаселеніе ожидало его съ восторгомъ; оно видѣло въ немъ своего спасителя отъ людей, въ родѣ слѣдующаго образчика,—исправника Лоскутова. Лоскутовъ не пріѣзжалъ въ селеніе иначе, какъ съ казаками, которые везли по нѣскольку возовъ прутьевъ и лозъ; тутъ онъ приступалъ къ осмотру жилищъ, кухонь и всего скарба и за всякую неисправность безжалостно сѣкъ и мужчинъ и женщинъ. Всѣ трепетали его взгляда и тероризмъ, карающій смертію, не могъ бы внушить бо́льшаго страха. Передъ прибытіемъ Сперанскаго онъ отобралъ въ цѣломъ уѣздѣ чернила, перья и бумагу и сложилъ ихъ въ волостныхъ правленіяхъ. Несмотря, однакожъ на всѣ эти предосторожности, просьбы были написаны и вручены для поданія двумъ сѣдымъ старикамъ. Неизобразимъ былъ ужасъ послѣднихъ, когда, переправясь черезъ Канъ, навстрѣчу генералъ-гу-

бернатору, они увидѣли возлѣ него самого Лоскутова. Оба упали почти безъ чувствъ на колѣни, держа свои просьбы на головѣ. Сперанскій, принявъ эти просьбы, велѣлъ Рѣпинскому читать ихъ вслухъ. Тогда просители растянулись на землѣ. Немедленно по выслушаніи просьбъ, подтверждавшихъ всѣ уже прежде полученныя свѣдѣнія о своеволіи и поборахъ Лоскутова, Сперанскій тутъ же на мѣстѣ отрѣшилъ его и арестовалъ. Когда старики были приведены въ чувство и имъ объявили, что ихъ исправникъ удаленъ отъ должности, то они, трясясь всѣмъ тѣломъ, схватили Сперанскаго за полу и едва сами помня что говорятъ, зашептали ему: «батюшка, вѣдь это Лоскутовъ, что ты это баешь; чтобъ тебѣ за насъ чего худаго не было: вѣрно ты не знаешь Лоскутова!» (т. 11, стр. 201). Такъ и среди такихъ сценъ и людей началъ Сперанскій свою дѣятельность, и началъ ее гуманно. Стараясь открыть болѣе удобный доступъ къ себѣ всѣмъ жалобамъ и просьбамъ угнетенныхъ жителей, онъ выслушивалъ ихъ лично, отбиралъ показанія на мѣстѣ, учреждалъ слѣдственныя комиссіи и произносилъ приговоры. Но чѣмъ далѣе онъ углублялся въ этотъ омутъ административнаго произвола, тѣмъ болѣе энергія его ослабѣвала: онъ жаловался на отсутствіе порядочныхъ людей и, видимо, отчаявался поправить зло. «Еслибы успѣхъ порученнаго мнѣ дѣла, писалъ онъ, должно было измѣрять количествомъ обнаруженныхъ злоупотребленій, то было бы чѣмъ утѣшаться; но какое же утѣшеніе преслѣдовать толпу мелкихъ исполнителей, увлеченныхъ примѣромъ и попущеніемъ главнаго ихъ начальства?» Отложивъ надежду починить машину внутри, онъ и здѣсь сосредоточилъ все свое вниманіе на исправленія ея внѣшнихъ атрибутовъ,—сталъ развивать административныя формы, придавая имъ какое-то жизненное значеніе. Я не знаю, какъ бы поступилъ, на мѣстѣ Сперанскаго, другой государственный умъ, но не много проницательности надо было имѣть для того, чтобъ убѣдиться въ совершенной безполезности самыхъ лучшихъ *учрежденій* безъ *людей*. Но воспитывать людей вообще гораздо труднѣе. Онъ, конечно, лучше другихъ понималъ, что самые мудрые законы въ рукахъ Лоскутовыхъ могутъ быть всѣмъ—и орудіемъ палача и крючкомъ взяточника. Тѣмъ легче это могло случиться въ Сибири, гдѣ разнородныя племена отдѣлены другъ отъ друга различными національными условіями: степенью развитія,—отъ азіятской дикости до европейской полуобразованности, отъ городской осѣдлости до степнаго кочевья,—гдѣ смѣсь языковъ, религій и народныхъ антипатій носитъ всевозможные оттѣнки;—въ такой странѣ нетолько

было трудно, но положительно невозможно привить однородную администрацію, выработанную въ Москвѣ, подъ другими историческими обстоятельствами, съ другими требованіями.... А между тѣмъ, какъ предшественники Сперанскаго, такъ отчасти и онъ самъ являлись сюда съ правительственными взглядами другаго міра, и не разбирая мѣстныхъ и спеціальныхъ особенностей спѣшили подводить все и всѣхъ подъ одинъ гражданскій уровень. Сперанскій, проѣзжая къ Иркутску, на опытѣ удостовѣрился, что гдѣ было меньше административныхъ затѣй, тѣмъ жизнь шла правильнѣй. Такъ, посѣтивъ и осмотрѣвъ Енисейскъ, генералъ-губернаторъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Нравы жителей отмѣнно чистые и простые. Въ теченіи десяти лѣтъ не было въ уѣздномъ судѣ ни одного подсудимаго изъ всѣхъ обывателей уѣзда». Спутникъ Сперанскаго, Батеньковъ, подтверждаетъ то же самое: «Странно, пишетъ онъ, теперь вспомнить о Енисейскомъ уѣздѣ и самомъ городѣ. Мы застали тамъ рѣшительно патріархальную простоту; жители выходили смотрѣть на наши лица, одежды, экипажи, какъ на чудо. Не нашлось въ разсмотрѣніи ни одного уголовнаго дѣла». Затѣмъ, чѣмъ ближе подвигался Сперанскій къ Иркутску, къ центру сибирскаго управленія, тѣмъ гуще становилось болото злоупотребленій; бѣдный Цейеръ, назначенный предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи надъ провинившимися чиновниками, едва съ ума не сошелъ отъ тягостныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ этой тины плутовства и мелкаго каннибальства. Самъ Сперанскій, утомленный потрясающими фактами и преслѣдованіемъ ихъ, потерялъ всякую надежду на излеченіе ранъ, растравленныхъ временемъ и людьми; онъ отдыхалъ на чтеніи Исторіи Литературы Шлегеля, Мессіады Клопштока и на изученіи нѣмецкаго языка.

Несмотря однакожъ на полную увѣренность въ безплодномъ размноженіи учрежденій безъ людей, на рѣзкіе опыты, ясно открывавшіе ему, съ какой стороны надо было идти къ улучшенію Сибири, онъ не отказался отъ бюрократическихъ привычекъ... Путешествуя по сибирскимъ пустынямъ, среди торжественныхъ встрѣчъ и праздниковъ, онъ вездѣ отдаетъ главное свое вниманіе осмотру присутственныхъ мѣстъ, посѣщенію и распросу офиціальныхъ лицъ, усложняетъ судебныя и гражданскія учрежденія; въ одномъ мѣстѣ онъ отставляетъ губернатора, въ другомъ предаетъ суду всѣхъ чиновниковъ; обозрѣвъ Кяхту, онъ записываетъ въ памятной книжкѣ свои наблюденія такъ: «17. Вторникъ. Пріемъ Бухарцовъ и назначеніе чиновниковъ для тракто-

ванія о ревенѣ. Они на колѣнахъ предстали и откланялись. Дары обыкновенные: двѣ черныя канфы, яблоки, виноградъ и два коврика. Обозрѣніе канцеляріи. Архивъ драгоцѣнный — въ анбарѣ; таможня — развалины; милліоны на открытомъ дворѣ. Ратуша; въ ней два учрежденія. Установленіе хлѣбнаго запаснаго магазина въ Усть-Кяхтѣ и обученіе мѣщанскихъ дѣтей мастерствамъ слесарному и пр. на счетъ бургомистра» и т. д. Осмотрѣвъ Нерчинскіе заводы, въ одномъ письмѣ онъ отзывается въ такихъ словахъ: «не жалѣю однако жъ ни трудовъ, ни усталости; ибо я видѣлъ бѣдствія человѣческія, кажется, на послѣдней ихъ линіи,» а въ другомъ письмѣ говоритъ: «Отъ черты сихъ заводовъ, на всемъ протяженіи заводскаго вѣдомства, не слыхалъ я ни одной личной жалобы на начальство, — случай рѣдкій и, можетъ быть, единственный, особливо въ Иркутской губерніи». Надо замѣтить, что первое письмо было послано его дочери, а второе министру финансовъ, въ вѣдѣніи котораго находились эти заводы. Точно также *осторожно* онъ доносилъ о своихъ розысканіяхъ и другимъ лицамъ, сообразуясь съ тѣмъ, кому и что можно говорить.

Такимъ образомъ обревизовавъ всю Сибирь, ощупавъ по краямъ всѣ ея раны, только мимоходомъ коснувшись ея внутренняго, неофиціальнаго состоянія, онъ присѣлъ за начертаніе проектовъ; менѣе чѣмъ въ два года подъ его плодовитымъ перомъ явились десять плановъ, въ три тысячи параграфовъ. Масса творчества, дѣйствительно, изумительная, но вѣдь и нетрудная.. Результаты этихъ плановъ были слѣдующіе: 680 человѣкъ, обвиненныхъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, раздѣленіе Сибири на восточную и западную въ административномъ отношеніи, особенный уставъ для управленія Киргизами, особенное положеніе для ясашныхъ инородцевъ, особенныя правила для сибирскихъ городовыхъ казаковъ и проч. и проч. Всѣ эти проэкты были привезены Сперанскимъ въ Петербургъ и почти безусловно приняты Сибирскимъ комитетомъ. «Корабль спущенъ, писалъ генералъ-губернаторъ, — дай Богъ ему счастливаго плаванія». Ну, корабль, разумѣется, и поплылъ...

Здѣсь мы не можемъ не указать на одно обстоятельство, очень важное для пониманія дѣятельности Сперанскаго. Управленіе Сибирью относится ко второму періоду его жизни, когда онъ находился подъ опалой; а этотъ періодъ сильно измѣнилъ, или, лучше, изломалъ его прежнія стремленія, его характеръ и силы. Упавшій съ высоты, онъ еще мечталъ взойдти на нее снова, но не такъ откровенно и бодро, какъ прежде, а потихоньку, оглядываясь на всѣ сто

роны, чтобъ не зацѣпить кого нибудь своимъ неловкимъ соприкосновеніемъ. Теперь онъ притворялся до самоуниженія, чтобъ только не навлечь на себя новыхъ подозрѣній, чтобъ не разбудить задремавшую ненависть враговъ и не провалиться еще ниже... Въ частномъ, семейномъ кругу онъ стоналъ и охалъ, уязвленный въ самое чувствительное мѣсто своего сердца — въ честолюбіе; въ оффиціальной сферѣ онъ примѣнялся къ окружавшей его обстановкѣ, однимъ словомъ, онъ боялся того, чтобъ о немъ опять не заговорили громко, а между тѣмъ не хотѣлось и успокоиться въ независимомъ, но глухомъ положеніи. Такъ, во время его пензенскаго губернаторства, принятаго изъ рукъ Аракчеева, Сперанскій не сдѣлалъ ничего замѣчательнаго, особенно важнаго, но пріобрѣлъ всеобщую популярность въ губерніи; онъ велъ себя такъ, чтобъ водой не замутить, какъ выражаются на нашемъ оффиціальномъ языкѣ, а между тѣмъ повсюду вносилъ свое гуманное чувство, но вносилъ его въ мелкія обыденныя дѣла; какъ въ Сибири, такъ и въ Пензѣ онъ былъ самый доступный начальникъ, безкорыстный исполнитель своего *долга*; онъ каждое воскресенье посѣщалъ тюрьму и вмѣстѣ съ заключенными молился Богу; онъ щедро награждалъ молодыхъ и усердныхъ чиновниковъ, заступался за крестьянъ, притѣсняемыхъ помѣщиками, лечилъ зубы имъ самимъ изобрѣтенными каплями, и оставилъ по себѣ въ Пензѣ самое благодарное воспоминаніе. Ни одной рѣшительной мѣры, ни одного горячаго протеста въ его трехлѣтнемъ управленіи, а все вмѣстѣ составляетъ много хорошаго. Та же уклончивость закралась въ прямыя и чистыя убѣжденія прежняго Сперанскаго. Когда онъ создавалъ планъ общаго государственнаго преобразованія и составлялъ для него законы, всѣ историческія данныя ему казались чистымъ вздоромъ, отечественныя уложенія никуда негоднымъ хламомъ, а потомъ онъ неутомимо работалъ надъ собраніемъ и компиляцiей старыхъ указовъ. Тогда онъ отзывался о тѣхъ господахъ, которые боялись маленькаго формата книги, очень мѣтко: «Эдакіе чудаки!—ничего не понимаютъ», а теперь и самъ хлопоталъ о томъ, чтобъ сводъ законовъ вышелъ потолще. Тогда онъ думалъ совершить все одинъ, силой своего таланта и смѣлыхъ реформъ, а теперь заговорилъ о недостаткѣ людей: «Тутъ корень зла, писалъ онъ; о семъ прежде должно было помыслить тѣмъ юнымъ законодателямъ, которые, мечтая о конституціяхъ, думаютъ, что это новоизобрѣтенная какая-то машина, которая можетъ идти сама собою

вездѣ, гдѣ ее пустятъ.» (Т. I, стр. 253). И вотъ, этотъ благородный и энергическій умъ, изъ лести Аракчееву, написалъ панегирикъ «Военнымъ поселеніямъ». Ничего не можетъ быть оскорбительнѣе для человѣка, какъ растоптать свои искреннія и честныя убѣжденія, и кто хоть нѣсколько дорожитъ ими, тому больно за Сперанскаго во второй половинѣ его дѣятельности.

Мы не разсматриваемъ здѣсь собственно законодательныя его работы. Для нихъ критика еще впереди. Корабль также пущенъ благополучно, и время оцѣнитъ строителя, пассажировъ, грузъ и ходъ его плаванія по тихимъ водамъ нашей жизни...

Г. Б.

Побѣда надъ самодурами и страдальческій крестъ. Сатирическая бывальщина Гермогена Трехзвѣздочкина. Изд. Н. Макарова.

Я бы никогда не позволилъ себѣ во второй разъ утруждать читателей Русскаго Слова отчетомъ о литературныхъ трудахъ г. Гермогена Трехзвѣздочкина, если бы этотъ господинъ не обвинилъ меня печатно въ пристрастіи, въ несправедливости, во лжи и пр. Всѣ эти обвиненія посыпались на меня за рецензію, помѣщенную мною въ Ноябрьской книжкѣ нашего журнала. Чтобы показать моимъ читателямъ, что отзывъ мой о книгѣ г. Трехзвѣдочкина былъ очень снисходителенъ, я въ этой статьѣ не буду говорить отъ себя почти ни одного слова. Представлю читателямъ букетъ выписокъ и пусть они сами судятъ книгу и произносятъ надъ нею приговоръ.

Вотъ, напримѣръ, о воспитаніи: стр. 41. Ну, и наградите его, да только не изюмцемъ и не яблочкомъ.... А дайте ему въ соприкасалище, т. е. постегайте его маненько извѣстными и по извѣстной. Это будетъ для него не въ примѣръ «пользительнѣе» вашего изюмца и яблочка, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ.

Вотъ остроуміе: стр. 139. Что же касается до конторскаго кота Васьки, который имѣлъ чрезвычайно много и ума, и гонору, и ни капли мѣднаго лба, то, услышавъ рѣзкій о себѣ отзывъ Виссаріона I, рѣшился сильно и немедленно протестовать, и для этого собралъ на миттингъ въ конторскомъ подвалѣ всѣхъ красноярскихъ котовъ, и промяукалъ передъ ними блистательную рѣчь въ защиту своей чести. Вотъ образчикъ этого котовскаго краснорѣчія:

И за тѣмъ слѣдуетъ на десяти страницахъ сцена между кошками.

Вотъ изображеніе сильнаго чувства: стр. 162. За малѣйшее оскорбленіе моего самолюбія буду мстить здѣсь до гроба, и даже тамъ, за гробомъ. Если не успѣю вымѣстить на самомъ обидчикѣ, буду мстить его женѣ, сестрѣ, брату, дѣтямъ, внучатамъ, правнучатамъ. А если никого изъ нихъ не окажется, и обидчикъ мой умретъ прежде нежели я успѣю ему отмстить, тогда я проберусь ночью, какъ тать, на кладбище, самъ своими руками разрою его могилу, достану гробъ, выну кости моего обидчика и буду наругаться надъ ними, буду топтать, попирать ихъ моими ногами, стану плевать, харкать на нихъ и размечу ихъ на всѣ четыре стороны!

Вотъ мнѣніе г. Трехзвѣдочкина о современной литературѣ: стр. 208. Слѣпцы!... имъ нужны авторитеты, а не таланты.... Какъ пѣтухи, которые копаются въ навозныхъ кучахъ и отыскиваютъ въ нихъ одни овсяныя или другія зерна, бросая съ презрѣніемъ попавшійся имъ случайно алмазъ или жемчужину, они роются въ навозной кучѣ земной жизни, и отыскиваютъ въ ней не новые и свѣжіе таланты, а авторитеты, въ которые вѣруютъ слѣпо, безконтрольно, мѣряя ихъ на аршинъ мелочныхъ, но непосредственныхъ барышей. И вотъ, попалась въ ихъ пѣтушиный клювъ зерно, то есть статейка, такъ себѣ, но за подписью авторитета и порою какого?... Отысканнаго кѣмъ-то въ закоулкахъ Апраксина или Щукина двора у какого-то букиниста и вымѣняннаго, какъ библіографическая рѣдкость, но только подозрительнаго достоинства.... И вотъ нашъ пѣтухъ, со статьею въ клювѣ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ и карабкается на заборъ. А другіе пѣтухи, его собраты по навозной кучѣ, глядя на него, кричатъ во все пѣтушиное горло: *кукуреку!* Смотрите, смотрите! у нашего собрата въ клювѣ геніальная статья, *перлъ созданія*, плодъ глубокой учености и высокаго таланта нашего Апраксинскаго авторитета! Ку куреку, ку куреку!!.. Ну, а за этими пѣтухами и нѣкоторыя хохла-

тыя куры вторятъ своимъ мужьямъ, и горланятъ во всю куричью глотку: кудахъ-тахъ-тахъ, кудахъ-тахъ-тахъ!

Вотъ дѣянiе того героя, которому вполнѣ сочувствуетъ авторъ: стр. 250. Громиловъ, весь погруженный въ разговоръ съ купчикомъ и словно пробужденный отъ сна, встрепенулся, поднялъ голову и сказавъ: «Дерзкая маска»! со всего размаху послалъ ей въ накрахмаленныя юбки и пониже спины сильнѣйшаго шлепка, который, какъ пистолетный выстрѣлъ, раздался по всей залѣ.

А вотъ какъ извиняется тотъ же герой въ своемъ эксцентричномъ поступкѣ стр. 251. — Ахъ, это вы! Извините меня, мадамъ N N! Я полагалъ, что это кухарка моего прiятеля, извѣстная всему городу Каролинхенъ. Я видѣлъ вчера на ней точь въ точь такой же костюмъ какъ и на васъ, который принесли къ ней изъ магазина Семихвостовой, и который она при мнѣ примѣривала. Если бы я зналъ, что это не кухарка, а вы, я никогда не позволилъ бы себѣ того, что я сейчасъ сдѣлалъ.

А вотъ еще поступокъ того же сорта; стр. 268. Громиловъ не выдержалъ: вырвалъ племянницу изъ рукъ полупьяной мегеры, отдалъ ребенка на руки одной изъ горничныхъ, сбѣжавшихся толпою въ залу на шумъ и на обморокъ барыни. Потомъ повернулъ нѣмку своею могучею рукою къ двери, и принялся ее выталкивать. Мегера еще не хотѣла сознать себя побѣжденною, а обернулась, оцарапнула ногтями одну щеку у Громилова и намѣревалась сдѣлать тоже и съ другою; а въ заключенiе собралась укусить его за руку. Но это ей не удалось. Владимiръ снова повернулъ ее къ двери и, на этотъ разъ, такъ сильно придержалъ ее за плечо, что у нее отнята была малѣйшая возможность оборачиванья, царапанья и кусанья. За тѣмъ, раздраженный до нельзя и обморокомъ сестры, и болѣзненнымъ крикомъ ребенка, и не совсѣмъ прiятнымъ ощущенiемъ царапины на собственной щекѣ, онъ отпустилъ ей по спинѣ нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ тоненькой камышевой тросточкой: находившеюся у него въ рукѣ. Конецъ концовъ: нѣмка была вытолкана изъ дома, посажена на телѣгу, куда уже были снесены всѣ ея пожитки, расчитана до послѣдней копѣйки и отправлена въ Одессу.

Вотъ еще выходка автора противъ литературы и критики, осмѣлившейся осудить оригинальные поступки его героя: стр. 288. И этого мало: подцѣпятъ его ошибку разные бумагомаратели, пачкуны и кропатели, эти однодворцы ума и таланта, эти бездарные поденщики

мысли, слова и пера, чернорабочіе повременныхъ изданій, панегиристы и кадильщики однихъ авторитетовъ. И примутся они бросать печатной грязью въ честное и свѣтлое имя того, кто виновенъ только въ томъ, что сознался въ одномъ своемъ проступкѣ, тогда какъ у многихъ изъ его хулителей и судей имѣется на совѣсти десятки проступковъ, несравненно предосудительнѣйшихъ, но тщательно ими скрываемыхъ. И попадетъ онъ, мученикъ своей добросовѣстности и правды, въ разные печатные листы и карикатуры, на одну доску съ опозоренными именами. И осудятъ его безъ суда и безъ аппеляціи, и убьютъ въ немъ и талантъ, и жажду добра и полезной дѣятельности!...

Вотъ будущій апоѳеозъ героя, избивающаго барынь и нѣмокъ: стр. 294. Проснется тогда нашъ Владиміръ отъ оцѣпенѣнія, т. е. отъ слѣдствій недовѣрія къ своимъ силамъ, неумолимой, безпощадной строгости къ своимъ произведеніямъ и тяжелаго, всеподавляющаго воспоминанія о своей колыбели, гдѣ его встрѣтила и повила на жизнь — ненависть родной матери,... И запоетъ онъ тогда пѣснь громкую, дивную, сладкозвучную, соловьиную, но быть можетъ, свою пѣснь послѣднюю, лебединую; пропоетъ и улетитъ туда, къ источнику свѣта и тепла, премудрости и любви, бросивъ съ грустнымъ сожалѣніемъ о безплодности своего земнаго поприща, бросивъ свой умирающій взглядъ на своихъ бывшихъ судей и хулителей, и сказавъ имъ:

«Прощайте, друзья и братія! Я былъ между вами—и вы меня не познали. Оставайтесь же вѣчными дѣтьми и слѣпцами, оставайтесь со своими позолоченными кумирами, увѣнчанными вами незаслуженными и поддѣльными лаврами. И никогда не перестанете вы поклоняться тѣмъ или другимъ кумирамъ; на вѣки останетесь слѣпцами и язычниками... А я полечу къ моему отцу Небесному, и у подножія его престола буду пѣть пѣсни сладкія, высокія, которыхъ вы не хотѣли слушать, потому что ихъ не понимали. *Не доросли до нихъ*!...»

А вотъ наконецъ образецъ реализма, до котораго конечно до г. Трехзвѣздочкина не доходилъ никто: стр. 20. Подлецъ ты мой затюшка, бывшій купецъ Софронъ Антроповъ сынъ Тропейниковъ, а нынѣшній мусье Софронье Антропье Тропенье! Подлецъ ты естественный! Подлецъ ты съ головы до пятокъ! Подлецъ ты и съ рожей и съ кожей, и съ руками и съ ногами! Подлецъ ты изъ подлецовъ! Подлецъ ты былъ, подлецъ ты есть, подлецъ будешь, подлецомъ из-

дохнешь; и да будешь ты, анаѳема, проклятъ отнынѣ и во вѣки вѣковъ аминь! Вотъ тебѣ мое родительское благословеніе! — И съ самымъ эвтимъ словомъ собралъ я, сватъ, полонъ ротъ слюны, нарочито для того откашлянулся и харкнулъ я въ его богомерзкую харищу. Увертливъ, окаянный! Прежде, чѣмъ я успѣлъ въ рожицу-то ему харкнуть, повернулся ко мнѣ спиной; ну, и шлепнулось ему о спину мое родительское благословеніе. Такую большущую, знашь, яичницу палѣпилъ на его кургузку, что одного полотенца куда мало, чтобы отереть ее.

Ну, довольно и этого. Судите сами, господа читатели, хороша ли книга г. Трехзвѣздочкина, который въ статьѣ направленной противъ меня, съ пѣной у рта требуетъ, чтобы критика относилась мягко къ *начинающимъ дарованіямъ*. Мое убѣжденіе насчетъ сатирической бывальщины таково. Первая часть плоха и скучна. Вторая часть составляетъ уже просто патологическое явленіе. Г. Трехзвѣздочкину нужна не критика, а медицинская помощь.

Д. ПИСАРЕВЪ.

[illegible]

Д. ПИСАРЕВЪ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Густавъ III, король шведскій. Леузона Ле Дюка. Gustave III. roi de Suède (1746—1792) par L. Léouzon Le Duc.

(Окончаніе).

Жажда славы, желаніе возвратить Швеціи прежнее ея значеніе волновали душу Густава. Главное препятствіе преставляла ему Россія; до тѣхъ поръ, пока императрица враждебно смотрѣла на него, замыслы его были неисполнимы. Онъ понималъ это и надѣялся при личномъ свиданіи разсѣять ея неблагорасположеніе. Екатерина приняла его великолѣпно: праздники, спектакли, балы слѣдовали безпрерывно другъ за другомъ, на подарки его она отвѣчала подарками болѣе драгоцѣнными, — но этимъ дѣло и кончилось: Густавъ не достигъ своей цѣли: заставить Россію разорвать союзъ съ Пруссіей и заключить его съ нимъ противъ Даніи. Хотя послѣдняго онъ ясно не высказывалъ, но императрица легко отгадала его. Все, чего онъ могъ добиться, состояло въ томъ, что она обѣщала не начинать войны съ Швеціей, если не будетъ сама аттакована...

Успокоенный съ этой стороны, Густавъ обратилъ виды свои на Данію. Жена его Софія Магдалина была родная сестра Христіана VII и единственная наслѣдница датской короны, послѣ племянницы

своей Луизы-Августы, потому что наслѣдный принцъ былъ постоянно близокъ къ могилѣ. Но надъ рожденьемъ Луизы-Августы носились мрачныя подозрѣнія: произносили имя Струэнзе, говорили, что Христіанъ въ завѣщаніи лишалъ ее всѣхъ правъ, принадлежащихъ ей по сану. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Густавъ надѣялся захватить корону или посредствомъ брака Луизы-Августы съ принцемъ, котораго рожденья скоро ожидалъ, или посредствомъ приведенія въ дѣйствія мнимаго завѣщанія Христіана. Съ этой цѣлью, вскорѣ по возвращеніи изъ Петербурга, онъ отправился въ Копенгагенъ. Принятый съ радушіемъ королевской фамиліей, съ восторгомъ народомъ, онъ, не смотря на то, не успѣлъ въ своихъ переговорахъ. Но не одно желаніе разрѣшить вопросъ о датскомъ престолонаслѣдіи влекло Густава въ Копенгагенъ: онъ надѣялся тамъ встрѣтиться съ герцогами брунсвикскимъ и баварскимъ, желая привлечь ихъ на свою сторону, чтобъ воспользоваться содѣйствіемъ ихъ какъ масоновъ.

Франкмасонство сильно распространилось въ концѣ XVIII вѣка по всей Европѣ; многія владѣтельныя особы были въ числѣ членовъ: принцъ Карлъ братъ короля былъ гросмейстеромъ шведской ложи; герцоги брунсвикскій и баварскій были тоже начальниками ложъ и пользовались огромнымъ вліяніемъ; претендентъ Карлъ-Эдуардъ считался главой всѣхъ масоновъ. Густавъ вздумалъ получить этотъ титулъ послѣ него въ наслѣдство для себя или для принца Карла, надѣясь черезъ это пріобрѣсти право на Лифляндію, потому что считалъ франкмасоновъ орденомъ темпліеровъ. Эти соображенія заставили его ухаживать за герцогами и претендентомъ; онъ даже ѣздилъ для свиданія съ нимъ во Флоренцію; но всѣ его старанія не привели ни къ какому существенному результату: онъ истратилъ пропасть денегъ и привезъ пустыя обѣщанія.

Надо замѣтить, что эти попытки явились у Густава черезъ шесть лѣтъ послѣ переворота. Обязанный интриганамъ и авантюристамъ, онъ приблизилъ ихъ къ себѣ; такіе помощники были преданы ему безусловно, и онъ могъ дѣлать что угодно. «Густавъ выбиралъ для высшихъ должностей людей, большей частью сомнительной нравственности, надѣясь руководить ими по своему произволу безпрестанной угрозой раскрыть ихъ злоупотребленія. Сверхъ того онъ окружилъ себя молодыми придворными съ блестящими манерами, съ надменной пышностью, но совершенно неспособныхъ къ дѣламъ: они не имѣли равныхъ себѣ въ необузданной спѣси и горделивой дерзости; они безстыдно льстили

королю; это было для него все, и онъ на перерывъ предавался этой толпѣ паразитовъ, которые въ душѣ нисколько не уважали короля и цѣнили только его деньги и награды. Вліяніе этихъ людей развило въ Густавѣ всѣ дурные инстинкты: онъ скоро дошелъ до самообожанія: воображеніе рисовало ему постоянно рядъ великихъ подвиговъ; онъ представлялъ себя героемъ, создавалъ планы, превосходящіе скромныя средства Швеціи, тратилъ пропасть денегъ и снова разстроилъ государственныя финансы... Чтобъ выпутаться изъ этаго стѣсненнаго положенія, онъ вздумалъ продавать церковныя мѣста; поставщикъ галуновъ для Весманландскаго полка получилъ въ уплату приходъ въ Далекарліи; баронъ Таубе, гвардейскій офицеръ, поклонникъ Вольтера, сдѣлался въ короткое время стокгольмскимъ архіепископомъ... Вооружая противъ себя духовенство, Густавъ возбудилъ въ тоже время негодованіе въ народѣ откупной системой. Запретивъ крестьянамъ выкуривать водку даже для собственнаго употребленія, онъ вызвалъ желающихъ взять право приготовленія крѣпкихъ напитковъ на откупъ. Число явившихся было такъ незначительно и суммы ими предложенныя такъ ничтожны, что король принужденъ былъ самъ стать въ головѣ предпріятія: онъ накупилъ ржи, основалъ винокуренные заводы, издалъ рядъ принудительныхъ указовъ. Сословіе крестьянъ, на основаніи шведской конституціи, энергически протестовало посредствомъ депутаціи противъ такихъ мѣръ; но Густавъ остался глухъ къ ихъ жалобамъ и продолжалъ упорствовать въ примѣненіи своей системы въ дѣйствіе. Это вызвало возстаніе въ разныхъ пунктахъ Швеціи. Пришлось прибѣгнуть къ войску для усмиренія ихъ...

Но не одними мѣрами строгости старались дѣйствовать для увеличенія доходовъ съ винокуренія; чтобъ побудить народъ къ пьянству, настроили кабаковъ съ разными приманками, давали преміи наиболѣе отличившимся на поприщѣ Бахуса и даже не постыдились прибѣгнуть къ архіепископамъ, для распространенія пьянства. Вотъ какой циркуляръ послала имъ дирекція королевскихъ винокуренъ. «Дирекція, преисполненная ревности къ добродѣтели, получила-бы чрезвычайную помощь въ своемъ стремленіи, если бъ пастыри народа, которымъ ввѣрено попеченіе о душахъ его, постарались склонить своихъ прихожанъ образовать общества съ обѣщаніемъ не пить другой водки кромѣ королевской, и избѣгать кабаковъ контрабандистовъ.» Журналистика не осталась равнодушна къ такому порядку вещей и

возвысила свой голосъ. Но Густавъ былъ уже не тотъ; онъ думалъ, что ему не была нужна болѣе помощь литературы и потому принялъ противъ ней стѣснительныя мѣры; уничтоживъ возобновленный указъ 1766 года, онъ учредилъ стѣснительную цензуру; право изданія журналовъ, принадлежавшее прежде всякому гражданину, предоставилъ только книгопродавцамъ, подвергнувъ ихъ одинаковой отвѣтственности съ редакторами.

Эти распоряженія вызвали со стороны литературы тайную оппозицію: критика сдѣлалась болѣе ѣдкой, приняла болѣе замысловатыя формы для проведенія въ публику преслѣдуемыхъ идей. Самая публика какъ будто переродилась: она привыкла читать между строками, отгадывать самые тонкіе намеки, понимать вмѣсто однихъ словъ другіе, такъ что иногда она придовала противоправительственный смыслъ такимъ статьямъ, которыя вовсе не имѣли этого, мало того, она питала полное недовѣріе къ оффиціальнымъ извѣстіямъ и перетолковывала въ дурную сторону всѣ правительственныя распоряженія. Такимъ образомъ, запретивъ толковать о злѣ, Густавъ нисколько не уничтожилъ зла; напротивъ того, онъ этимъ далъ новую пищу общественному неудовольствію, вооруживъ противъ себя образованнѣйшую часть общества и большинство народа.

Раздраженный этимъ безпрестаннымъ порицаніемъ своихъ поступковъ, Густавъ учредилъ тайную полицію. Начальникомъ ея былъ назначенъ Лиліенспарре, человѣкъ съ большими полицейскими способностями, но крайне недобросовѣстный. Въ скоромъ времени королевство покрылось шайками шпіоновъ: они проникали повсюду: никто ни могъ считать себя въ безопасности.

Стѣсняя такими мѣрами общественное мнѣніе, король вздумалъ обратить вниманіе его на другой предметъ. Для этого оставалось начать войну съ кѣмъ нибудь изъ сосѣдей—и вотъ Густавъ снова вооружается противъ Даніи, снова начинаетъ переговоры съ Россіей, надѣясь обмануть Екатерину; но это ему не удалось и свиданіе его съ императрицей въ Фридрисгамѣ выказало только ничтожность Густава какъ дипломата.

Съ этихъ поръ Густавъ искалъ только случая удобнѣе напасть на Россію; онъ былъ намѣренъ во время войны ея съ Турціей произвести высадку близь Ораніенбаума, и аттаковать въ тоже время Петербургъ со стороны Финляндіи. Главное затрудненіе состояло въ томъ,

что надо было заставить сенатъ объявить войну, потому что по конституціи 1772 инициатива наступательной войны принадлежала штатамъ. Густавъ началъ распускать слухи о вооруженіяхъ Россіи, будто-бы угрожавшихъ Швеціи. Напрасно баронъ Полькенъ, шведскій посланникъ въ Петербургѣ, увѣрялъ его, что эти опасенія неосновательны, король стоялъ на своемъ и, чтобъ разомъ покончить всѣ проволочки, написалъ къ самому себѣ депешу будто-бы отъ барона Полькена, о томъ, что русская армія форсированными маршами приближается къ предѣламъ Швеціи. Съ этой депешей въ рукахъ онъ явился въ совѣтѣ, и война была рѣшена. Въ тоже время онъ велѣлъ финляндскимъ войскамъ приблизиться къ границѣ и умѣлъ распорядиться такъ, что одинъ отрядъ былъ аттакованъ казаками; правда, нѣкоторые сомнѣваются въ этомъ и полагаютъ, что эти казаки были переодѣтые Шведы...

Не станемъ слѣдить за всѣми переворотами этой войны, надѣясь, что она извѣстна всякому; замѣтимъ только, что неудачами Густава задумала воспользоваться недовольная аристократія. Въ тоже время финляндскіе патріоты повели заговоръ объ образованіи изъ Финляндіи отдѣльной самостоятельной области, скоро Густавъ былъ поставленъ на край гибели: Датчане вторглись въ Швецію и дошли до Готембурга, шведскій флотъ былъ разбитъ; финансы были приведены въ такое жалкое положеніе, что король нашелся вынужденнымъ чеканить фальшивую русскую монету, которую и посылалъ въ войска, расположенныя на театрѣ войны...

Миръ въ Верелѣ обратилъ дѣятельность Густава въ другую сторону; онъ не отказался отъ своихъ фантастическихъ замысловъ, но только надѣялся осуществить ихъ другимъ путемъ. Онъ хотѣлъ стать въ головѣ европейской коалиціи для возстановленія Лудовика XVI и поправить этимъ разстроенные финансы Швеціи; съ этой цѣлью онъ предложилъ ему помощь шведской арміи и флота, и отправилъ барона Ферзена, чтобъ содѣйствовать бѣгству короля. Бѣгство это, какъ извѣстно, не удалось; Лудовикъ былъ задержанъ въ Вареннѣ; тѣмъ не менѣе Густавъ 14 іюня прибылъ въ Экс-Ла-Шапелль. Увидя планы свои опрокинутыми, онъ старался увлечь Россію и Австрію въ войну съ Франціей. Политическія соображенія помѣшали Екатеринѣ принять въ ней участіе, тѣмъ болѣе, что она понимала, что Густавъ дѣйствовалъ не по убѣжденію. Въ самомъ дѣлѣ въ меморіи представленной имъ императрицѣ встрѣчает-

ся слѣдующее мѣсто: «лучше принять сторону національнаго собранія противъ принцевъ, чѣмъ оставаться спокойнымъ зрителемъ грядущихъ событій, потому что если національное собраніе восторжествуетъ—въ немъ можно будетъ найти по крайней мѣрѣ полезнаго союзника; тогда какъ сохраненіе пассивной роли заставитъ югъ позабыть о сѣверѣ, что будетъ совершенно не политично, потому что сохранить общее уваженіе важнѣе, чѣмъ думаютъ».

Предоставленный самому себѣ, Густавъ продолжалъ выражать свою непріязнь къ Франціи: онъ отказался допустить въ шведскіе порты ея новый національный флагъ, не принялъ экземпляра ея новой конституціи, объявилъ, что не признаетъ больше французскаго уполномоченнаго и въ заключеніе отправилъ посланникомъ къ принцамъ барона Оксенштіерна и принялъ отъ нихъ барона д'Эскара. Эта ненависть къ французской революціи усиливалась въ немъ съ каждымъ днемъ болѣе: онъ приписывалъ ей антогонизмъ между дворомъ и дворянствомъ, которое на всякой діетѣ поднимало голосъ противъ злоупотребленій Густава.

На діетѣ 1789 года притязанія аристократіи показались ему такъ дерзкими, что онъ рѣшился арестовать важнѣйшихъ членовъ аристократіи и провозгласилъ актъ соединенія и общественной безопасности, который передавалъ совершенно въ его руки неограниченную власть. Такъ въ первомъ пунктѣ было сказано: «король есть наслѣдственъ; онъ имѣетъ полное право управлять государствомъ и защищать его; объявлять войну, заключать миръ, вступать въ союзы съ иностранными державами, прощать, избавлять отъ смерти и возстановлять честь, возвращать имущества; располагать, какъ угодно, всѣми должностями въ королевствѣ, которыя должны быть занимаемы Шведами, распоряжаться судопроизводствомъ и надзирать за поддержаніемъ законовъ. Другія дѣла королевства ведутся какъ онъ признаетъ за полезнѣйшее». Эта власть еще болѣе усилилась 6 пунктомъ акта, гдѣ сказано, что діета обязана заниматься разсужденіемъ только о тѣхъ предметахъ, которые будутъ предложены ей королемъ.

Подобная мѣра не могла не вызвать оппозиціи. Генералъ Пекленъ раздавалъ своимъ знакомымъ переписанныя сочиненія Томаса Пена (Payne); другіе распространяли брошюру подъ названіемъ: «Воззваніе стараго христіанина противъ узурпаторства Августа» брошюру, въ которой прямо проводилась теорія цареубійства. Французская конституція и наиболѣе яркія статьи француз-

ской журналистики расходились съ изумительною быстротой. Напрасно Густавъ думалъ парализировать общественное мнѣніе мѣрами строгости: напрасно онъ запретилъ журналамъ не только заниматься внутренними волненіями Франціи, но даже упоминать о преніяхъ и рѣшеніяхъ національнаго собранія; напрасно въ послѣдствіи онъ запретилъ всѣ журналы, кромѣ двухъ подкупленныхъ правительствомъ— броженіе не прекращалось. Причина его скрывалась въ самомъ положеніи общества, а не въ какихъ нибудь постороннихъ подстреканіяхъ; самъ Густавъ своими поступками постоянно возбуждалъ общественное негодованіе. Безумная роскошь двора болѣзненно отзывалась на раззоренномъ народѣ. Поставивъ себѣ Францію образцомъ, король изобрѣлъ множество должностей безъ всякой надобности для одного только блеску; игра, балы, спектакли слѣдовали другъ за другомъ безпрерывно. Но при всѣхъ этихъ удовольствіяхъ соблюдался самый строгій этикетъ; онъ простирался до того, что даже игра въ карты была облечена въ уставъ своего рода десяти тысячъ церемоній, такъ партнеры королевы должны были имѣть генеральскій чинъ; карты они сдавали стоя и доходя до королевы низко кланялись; за королеву сдавалъ дежурный каммергеръ; онъ-же сводилъ ея счеты. Подобныя же церемоніи существовали при обѣдѣ и при ужинѣ... Но вся эта блестящая обстановка не вела ни къ чему: она поглощала пропасть времени и нисколько не способствовала увеличенію уваженія къ королю. Мало этого, оно значительно упало отъ любви Густава къ театру. Вообразивъ себя талантливымъ драматическимъ писателемъ и актеромъ, онъ весь предался зрѣлищамъ; настроилъ великолѣпныхъ залъ, надѣлалъ дорогихъ костюмовъ, распоряжался репетиціями, давалъ рисунки для костюмовъ и самъ неутомимо занимался разучиваніемъ ролей, предпочитая женскія, преимущественно тѣ, которыя требовали блистательныхъ костюмовъ; кромѣ театровъ онъ любилъ примѣрныя сраженія, турниры, олимпійскія игры, вообще все, что поражаетъ воображеніе. Эта страсть навлекала на него насмѣшки со стороны не только другихъ монарховъ, но и народа, который поговаривалъ, что король должно быть не въ своемъ умѣ. Такое нерасположеніе еще болѣе усиливалось развратнымъ поведеніемъ двора и самого Густава, король чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ своей женѣ; окруженный миньонами, онъ велъ жизнь на подобіе Генриха III (Валуа); королеву обвиняли въ связи съ Мункомъ; принца Карла, брата короля, въ связи съ графиней Левенгіельмъ, придвор-

ныя дамы и пажи соперничали другъ передъ другомъ въ любовныхъ похожденіяхъ, возобновляя оргіи достойныя временъ Мессалины. Все это сильно оскорбляло народъ, тѣмъ болѣе, что его подстрекало духовенство. Средній-же классъ оставался въ какомъ-то оцепѣненіи. «Наша публика, говоритъ Кельгренъ, имѣетъ только весьма умѣренную наклонность къ наукѣ и ученію; она неспособна ни къ какому умственному усилію; она тупа и лѣнива и въ тоже время легкомысленна, хотя это легкомысліе происходитъ не отъ живости и быстроты соображенія, какъ у нѣкоторыхъ націй, но отъ безсилія исчерпать идею. Это родъ какого то механическаго движенія: ужасаются при видѣ большаго сочиненія; находятъ предметы серьезные слишкомъ длинными; легкіе—недостойными вниманія; жалуются на недостатокъ важности въ белетристикѣ; на поверхностность въ сочиненіяхъ ученыхъ, безъ сомнѣнія для того, чтобъ дать себѣ право презирать тѣ и другія«... «Умъ есть ничто; знаніе рождаетъ только споры. Человѣкъ, который продаетъ водку, во сто разъ полезнѣе для государства, чѣмъ стихотворецъ или мыслитель. Доживу ли я до того дня, когда всѣ книжныя лавки превратятся въ кабаки, всѣ авторы въ цѣловальниковъ, всѣ читатели въ пьяницъ»... Сколько горечи, сколько ироніи въ этихъ словахъ! Разумѣется, подобное общество было не опасно для Густава. Дворянство и народъ были раздѣлены между собой; первое не покидало надеждъ возвратить прежнее время; второй опасался повторенія прошедшихъ бѣдствій и сохранялъ остатки благодарности къ королю, который избавилъ его отъ притѣсненій олигархіи. Такимъ образомъ королю угрожала опасность только со стороны тайныхъ обществъ и аристократіи; послѣдняя не имѣя силъ бороться открыто, могла дѣйствовать только посредствомъ заговоровъ.

Мы уже говорили, что Густавъ покровительствовалъ масонамъ. Принцъ Карлъ былъ ихъ гросмейстеромъ въ Швеціи. Мистицизмъ служилъ могущественнымъ двигателемъ масонства. Скептическій духъ философіи XVIII вѣка, разрушая вѣрованія, погружая ножъ анализа въ самыя сокровенныя фибры сердца, не уничтожилъ въ немъ стремленія къ чудесному. Какъ всегда послѣ сильнаго скептицизма наступила пора реакціи. Большинство приняло ученіе энциклопедистовъ, но не усвоило его; оно было навѣяно извнѣ, но не выработано жизнію; въ принятіи его значительно участвовалъ литературный авторитетъ Вольтера и его сподвижниковъ и заманчивый эпикуреизмъ, разлитый въ ихъ твореніяхъ. Отъ этого предержащія власти смотрѣли

снисходительно на проведенiе идей энциклопедистовъ. Густавъ былъ ревностнымъ ихъ поклонникомъ, съ одной стороны изъ жажды славы, съ другой потому что находилъ въ ихъ теорiяхъ оправданiе своихъ поступковъ. Ему нравились либеральныя возрѣнiя Кельгрена, который проповѣдывалъ равенство правъ мужчины и женщины и полную свободу плоти, и онъ сдѣлалъ его секратаремъ своимъ; ему нравилися вакхическiя пѣсни Бельмана, и онъ далъ ему мѣсто въ дирекцiи лоттерей; онъ сочувствовалъ теорiи личной свободы, но допускалъ примѣненiе ея только для себя; онъ не считалъ энциклопедистовъ сначала опасными для своей власти; напротивъ того, онъ опасался болѣе духовенства и потому старался уменьшить его влiянiе и унизить значенiе. Такъ, когда въ Парижѣ представили ему Леблана, автора трагедiи «Друиды», онъ сказалъ ему: «Ваша трагедiя прекрасна, но вы ошиблись, представивши одного изъ нихъ честнымъ — всѣ они мошенники». Но если скептическое направленiе не представляло немедленной опасности, зато мистицизмъ постоянно висѣлъ надъ короною какъ громовая туча. Представителями этого направленiя въ литературѣ являются Эренсвердъ и Торильдъ: оба идеалисты, полные любви къ человѣчеству, желавшiе его преобразовать для его-же блага. Въ звукахъ ихъ не слышно ни скептическаго хохота Кельгрена, ни эпикурейскаго спокойствiя Бельмана; съ грустью и отчаянiемъ указываютъ они на печальное положенiе отечества: во имя его взываютъ они къ молодому поколѣнiю, приглашая его идти по слѣдамъ предковъ; возвысить духъ свой до идеаловъ, завѣщанныхъ вѣками, и въ природѣ и въ духѣ искать обновленiя. Это идеально-мистическое направленiе нашло для себя богатую почву, подготовленную иллюминизмомъ Сведенборга. Мистицизмъ еще болѣе усилился со времени внесенiя въ Швецiю ученiя Месмера. Но и прежде того совершались мистическiя операцiи въ засѣданiяхъ франкмасоновъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Бiорнрамъ, гадалъ на рѣшетѣ, въ замкѣ Розербергѣ, въ присутствiи принца Карла и получилъ отъ духовъ слѣдующiе отвѣты: что король умретъ внезапно, что принцъ Карлъ будетъ регентомъ государства и покоритъ Норвегiю. Это предсказанiе получило еще больше силы, когда его подтвердилъ Ульфенклоу. Онъ, лейтенантъ финляндскаго флота, славившiйся предсказанiемъ, прибылъ въ Стокгольмъ въ 1783 году, былъ немедленно призванъ къ принцу Карлу и подтвердилъ ему всѣ предсказанiя Бiорнрама. Когда же вскорѣ принцъ явился къ нему, Ульфенклоу помазалъ его елеемъ, говоря: «посвящаю васъ королемъ

Швеціи и Норвегіи».. Потомъ, заставивъ его подписать нѣкоторыя обязательства какъ условія восшествія его на престолъ, продолжалъ: «во имя Господа говорю вамъ, не безпокойтесь болѣе о Густавѣ, я отрекся отъ него и его потомства, какъ онъ отрекся отъ меня. Мщеніе мое обрушится надъ головой его: онъ предался богамъ, которые нисколько не помогутъ ему...

Эта рѣчь даетъ намъ поводъ думать, что Ульфенклоу имѣлъ гораздо большее значеніе, чѣмъ кажется съ перваго раза. Очень можетъ быть, что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ патріотовъ, которые мечтали объ отдѣленіи Финляндіи и ставили это условіемъ своей помощи принцу Карлу. Что Ульфенклоу былъ шарлатанъ—въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; его вскорѣ обличилъ въ шарлатанствѣ баронъ Риттергольмъ, фаворитъ принца, опасавшійся встрѣтить въ немъ соперника; тѣмъ не менѣе вліяніе его предсказаній было огромно. Объ нихъ говорилъ весь городъ; слухи дошли и до короля; онъ пожелалъ увидѣть предсказателя и пригласилъ его составить гороскопъ наслѣднаго принца. «Густавъ-Адольфъ будетъ королемъ, отвѣчалъ смѣлый Финляндецъ; онъ женится, будетъ имѣть дѣтей и принцъ Карлъ взойдетъ на престолъ»...

Всѣ эти обстоятельства имѣли огромное вліяніе на Густава: тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ сдѣлался чрезвычайно суевѣренъ: ѣздилъ къ извѣстной гадальщицѣ дѣвицѣ Арведсонъ, призывалъ къ себѣ славнаго въ то время Пломенфельта, который употреблялъ въ дѣло всѣ шарлатанскія уловки средневѣковыхъ колдуновъ. Предсказанія его совершенно сходились съ предсказаніями другихъ. Теперь становится совершенно понятно, почему король сдѣлался въ высочайшей степени подозрителенъ и смотрѣлъ на брата съ крайней недовѣрчивостью. Причина антипатіи между братьями существовала съ давнихъ временъ. Чувствуя непреодолимое отвращеніе къ королевѣ и видя ея безплодіе, король сталъ задумываться о томъ, кто будетъ наслѣдникомъ его. Послѣ долгихъ размышленій онъ обратился къ принцу Карлу, убѣждая его жениться на принцессѣ гольштинской. Принцъ долго колебался, плѣненный прелестями графини Левенгіельмъ, но нерѣшимость его исчезла, когда Густавъ далъ ему торжественное обѣщаніе не сближаться съ королевой. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы молодая принцесса объявила себя беременной. Это извѣстіе, вмѣсто того, чтобы обрадовать Густава, наполнило сердце его мрачной завистью. Онъ вспомнилъ, что принцъ былъ

приверженцемъ партіи колпаковъ, и опасался возобновленія прежняго порядка вещей, и вмѣстѣ съ тѣмъ погибели своей славы. Слѣдствіемъ этихъ размышленій было сближеніе съ королевой.

Исторія этого сближенія замѣчательна... Король принужденъ былъ обратиться къ Мунку... Вмѣшательство его было успѣшно. Съ этихъ поръ началась его карьера: пожизненный пенсіонъ отъ королевы былъ данъ ему и его матери. Онъ былъ сдѣланъ барономъ, а потомъ графомъ, командоромъ ордена полярной звѣзды, и получилъ много другихъ наградъ въ самое короткое время... Между тѣмъ у короля въ 1778 году родился сынъ. Этимъ разрушились всѣ честолюбивыя надежды принца Карла; немудрено, что онъ сталъ искать другихъ средствъ осуществить ихъ. Санъ гросмейстера масоновъ, дружба съ главнѣйшими членами партіи колпаковъ и финляндскими патріотами давали ему въ руки огромныя средства.

Такимъ образомъ въ началѣ 1792 года мы находимъ Густава, стоящаго одиноко. Онъ не падаетъ только потому, что непріятели его не могутъ соединиться между собой, что интересы ихъ различны. Онъ чувствуетъ, что гроза готова разразиться надъ нимъ, но надѣется отвратить ударъ мѣрами строгости. Но это усиліе только болѣе раздражало недовольныхъ: къ ненависти политической присоединилась ненависть личная. Графъ Горнъ ненавидѣлъ его за то, что онъ лишилъ его невѣсты, заставивъ выйти ее за барона Эссена; другіе ненавидѣли за отнятіе мѣстъ и прежнихъ правъ. Число недовольныхъ съ каждымъ днемъ увеличивалось. Они рѣшились арестовать короля и перемѣнить, во время содержанія его подъ арестомъ, форму правленія. Но затрудненія, встрѣченныя ими на первыхъ шагахъ, были такъ велики, что они должны были дожидаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Тогда одинъ изъ заговорщиковъ, капитанъ Анкарстремъ предложилъ убить короля. Это былъ человѣкъ мрачный, сосредоточенный, съ сильными страстями. Поведеніе короля раздражало его и онъ нисколько не скрывалъ своего мнѣнія. Замѣшанный во время войны съ Россіей въ дѣло финляндскихъ патріотовъ, онъ былъ сосланъ на островъ Готландъ. Непоколебимый изгнаніемъ, онъ, казалось, еще болѣе закалилъ духъ свой въ этомъ мрачномъ уединеніи...

Маскарадъ, назначенный 16 марта, былъ избранъ для убійства короля. Заговорщики собрались у генерала Пеклена и условились обо всѣхъ подробностяхъ. Анкарстремъ вооружился двумя пистолетами и огромнымъ зазубреннымъ ножомъ и отправился въ театръ.

Между тѣмъ заговорщики пировали у Пеклена, король ужиналъ въ маленькихъ комнатахъ оперы. Во время ужина ему подали письмо, въ которомъ извѣщали его о предполагаемомъ убійствѣ и умоляли отсрочить маскарадъ. «Государь! писалъ Лиліегорнъ (письмо было отъ него). Это признаніе, сдѣланное съ полной откровенностью, покажется вамъ тѣмъ менѣе подозрительнымъ, что, бывши на діетѣ въ Гефлѣ, я не отказался драться съ вашими солдатами до послѣдней капли крови, если-бъ они осмѣлились употребить оружіе противъ представителей народа... Безъ сомнѣнія, будетъ трудно или даже невозможно предохранить васъ отъ всѣхъ несчастій, угрожающихъ вамъ, если вы не примете мѣръ примириться съ здравомыслящей частью націи, измѣнивъ свое поведеніе». Это письмо, повидимому, не произвело никакого дѣйствія на короля. Прочитавъ его со вниманіемъ, онъ положилъ его въ карманъ и ровно въ полночь явился въ своей ложѣ безъ маски. Зала была полна народу; самые разнообразные костюмы пестрѣли повсюду, но вниманіе короля привлекла группа черныхъ домино, направлявшихся къ его ложѣ. Пошептавшись между собою, они разсѣялись по разнымъ угламъ залы, чтобъ не возбудить подозрѣній. Тогда Густавъ показалъ недавно полученное имъ письмо барону Эссену и приготовился сойти въ залъ; напрасно фаворитъ умолялъ его остаться. «Пойдемъ, отвѣчалъ ему король, надѣвая черное домино, посмотримъ, какъ они осмѣлятся поднять руку на меня».

Когда онъ явился въ залу, балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Густавъ тотчасъ же былъ узнанъ... Сдѣлавъ кругъ по залѣ, онъ хотѣлъ уже войти въ фойе, какъ вдругъ у выхода былъ остановленъ толпой черныхъ домино. Bon jour, beau masque!, сказало одно изъ нихъ, положивъ ему руку на плечо. Это было сигналомъ. Анкарстремъ, стоявшій сзади короля, выстрѣлилъ ему въ поясницу. «Я раненъ, вскрикнулъ Густавъ, бросаясь въ сторону и срывая съ себя маску, остановите его!»

Невозможно вообразить себѣ того шума, который послѣдовалъ за выстрѣломъ. «Пожаръ! пожаръ! потолокъ падаетъ! кричали заговорщики, тѣснясь къ дверямъ, но выходъ былъ уже заперть. Кругомъ стояли часовые. Гостей выпускали по одиночкѣ и каждаго заставляли снимать маску и осматривали. Анкарстрема пропустили, потому что онъ успѣлъ бросить свое оружіе на полъ тотчасъ же послѣ выстрѣла. Только на другой день нѣкоторые изъ виновныхъ были открыты, въ томъ числѣ и Анкарстремъ. Слѣдствіе началось; но тайныя приказанія принца Карла умѣрили ревность слѣдователей.

Между тѣмъ пока продолжался процессъ, силы короля постепенно ослабѣвали. Въ ночь на 29 марта онъ почувствовалъ приближеніе смерти и поспѣшилъ сдѣлать окончательныя распоряженія. Докторъ Дальбергъ предложилъ призвать принца Карла для примиренія съ нимъ въ этотъ торжественный часъ; но Густавъ энергически отвѣчалъ: «никогда я не прощу моему убійцѣ»—и сдѣлавъ прибавленіе къ духовному завѣщанію относительно регентства, подозвалъ къ себѣ барона Армфельта.

— Клянитесь, сказалъ онъ ему, сохранить къ моему сыну ту же вѣрность, ту же преданность, какую сохраняли ко мнѣ.

— Ваше величество, не имѣете надобности въ моихъ клятвахъ... Вы знаете мое сердце, мои чувства ..

Густавъ сжалъ руку барона, пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ и потомъ громко продолжалъ:

— Бѣдный ребенокъ! онъ нуждается въ друзьяхъ! Вы будете его другомъ, какъ были моимъ... вы никогда не оставите его... не правда-ли?

— Ахъ, государь, отвѣчалъ Армфельтъ, всхлипывая: буду-ли я всегда въ возможности исполнить это желаніе?..

— Всегда! . Я такъ приказалъ!..

Черезъ нѣсколько часовъ Густава не стало. Страшная казнь ожидала Анкарстрема. Слѣдствіе, наряженное надъ заговорщиками, нашло виновными только девятерыхъ: графовъ Горна и Риббинга, барона Эренсварда, братьевъ Энгестремъ, генерала Пеклена, маіора Гартмансдорфа, полковника Лиліегорна и капитана Анкарстрема. Первые двое приговорены были къ лишенію правъ состоянія, къ отрубленію правой руки и головы и къ четвертованію; Эренсвардъ и Лиліегорнъ къ лишенію правъ состоянія и отсѣченію головы, остальные, кромѣ Анкарстрема, подвергались заключенію на разные сроки; чтоже касается до послѣдняго, для него изобрѣли особенную казнь. Въ теченіи трехъ дней онъ долженъ былъ выставляться къ позорному столбу въ продолженіи двухъ часовъ и по истеченіи этого времени подвергался 25 ударамъ прутьевъ; послѣ трехъ дней его должны были возвести на эшафотъ, отрубить правую руку и голову, которыя выставить на особомъ столбѣ, а туловище четвертовать и оставить на съѣденіе хищнымъ птицамъ.

Сентенція эта была представлена на утвержденіе принца Карла. Онъ находился въ затруднительномъ положеніи: пощадить виновныхъ—значило сознаться въ сообщничествѣ съ ними, казнить ихъ—значило

лишиться поддержки партіи колпаковъ; оставалось одно: простить наиболѣе знатныхъ заговорщиковъ и казнить другихъ. Карлъ такъ и сдѣлалъ, и смертной казни подвергся одинъ Анкарстремъ.

Представивъ въ важнѣйшихъ чертахъ царствованіе Густава, мы рѣшительно не понимаемъ, какъ можетъ ему сочувствовать г. Леузонъ Ле-Дюкъ. Во всѣхъ поступкахъ короля лежитъ глубокій эгоизмъ, считавшій всякія средства дозволенными. Съ самаго начала мы видимъ его нарушителемъ той конституціи, которую онъ клялся сохранять. Г. Леузонъ Ле-Дюкъ увѣряетъ, что онъ это сдѣлалъ для пользы народа и для освобожденія его отъ иноземнаго вліянія, но мы видимъ, что онъ не избавился отъ вліянія другихъ державъ: онъ перемѣнилъ только политику: вмѣсто союза съ Даніей и Россіей онъ вступилъ въ союзъ съ Франціей. Если-бы онъ желалъ добра народу, онъ не обременилъ-бы его налогами, не втянулъ бы въ раззорительныя войны и далъ больше простора народному элементу на діетахъ; если-бъ онъ любилъ народъ, онъ уважалъ бы общественное мнѣніе, не сталъ бы чеканить фальшивую монету, не уничтожилъ-бы свободы печати, о которой самъ же говорилъ, что она (поставленная въ разумныя границы) служитъ средствомъ для правительства узнавать желанія народа, не держалъ-бы при себѣ Армфельта, извѣстнаго расточителя, интригана и совершенную ничтожность по способностямъ. Нѣтъ, Густавъ не любилъ народа, онъ только притворялся и лицемѣрилъ: онъ хотѣлъ даже, чтобъ тотъ-же порядокъ вещей сохранился и послѣ его смерти, поручая наслѣднаго принца Армфельту. Мы думаемъ, что Густавъ не только не возвысилъ достоинства націи, но даже уронилъ его своими дипломатическими интригами; мы думаемъ, что вездѣ и во всемъ онъ оставался актеромъ: внѣшній блескъ и жажда рукоплесканій руководили всѣми его поступками; если послѣдняя и заставляла его предпринимать какія нибудь полезныя мѣры, то страсть къ роскоши и безумное финансовое управленіе разрушали ихъ. Вообще объ немъ можно сказать, что его легкомысліе, фантастичность, любовь къ эффектамъ, и самовластіе, нанесли странѣ раны, которыя не скоро могли быть излѣчены. Подобныя личности иногда обольщаютъ современниковъ блестящей обстановкой и громомъ своихъ подвиговъ и пріобрѣтаютъ названіе великихъ, мудрыхъ и т. п., но приходитъ время—и внимательные потомки, вмѣсто славы и счастія, находятъ только раны и слезы угнетеннаго народа...

В. ПОПОВЪ.

Очерки литературы второй французской империи отъ переворота 2-го декабря. Уильяма Реймонда.

Etudes sur la litterature du second empire français depuis le coup d'etat du deux decembre. par William Reymond. Berlin. 1861.

Эта книга составляетъ предметъ лекцій, читанныхъ г. Реймондомъ въ Берлинѣ. «Современная французская литература, говоритъ онъ, представляетъ послѣднія содраганія общества, современная литература, вмѣсто того, чтобъ быть вѣнцомъ французской цивилизаціи, является слабымъ эхомъ прошедшаго или безсильнымъ порывомъ поколѣнія, которому обрѣзали крылья при самомъ рожденіи». Причина такого упадка заключается, по мнѣнію г. Реймонда, не только въ положеніи общества... Настоящее, утверждаетъ онъ, есть логическое слѣдствіе предшествовавшихъ эпохъ...

Безъ всякаго сомнѣнія литература служитъ только отраженіемъ идей, волнующихъ общество. Разумѣется, сперва идеи эти дѣлаются достояніемъ людей, наиболѣе развитыхъ, которые спѣшатъ подѣлиться ими съ массой печатно или словесно—все равно, но идеи не остаются въ замкнутомъ кружкѣ. Переходя постепенно въ сознаніе общества, онѣ ищутъ себѣ осуществленія. Литература можетъ распространить, развить ихъ, дать имъ изящную форму, но создать общества она не можетъ, потому что развитіе его зависитъ отъ другихъ обстоятельствъ, потому что она только одинъ изъ многочисленныхъ элементовъ его жизни, и можетъ процвѣтать только тогда, когда самая жизнь имѣетъ полный просторъ для всесторонняго развитія. Во всѣ эпохи мы видимъ, что одна какая либо сторона литературы преобладала, вытѣсняла другія и потомъ въ свою очередь уступала имъ. Сердце человѣческое непостоянно: оно ищетъ перемѣны, ищетъ удовлетворенія даже минутныхъ своихъ влеченій, оно безпрестанно переходитъ отъ мистицизма къ сомнѣнію и отъ сомнѣнія къ мистицизму: оно не можетъ выдержать разрушенія своихъ воздушныхъ замковъ и съ любовью обращается къ тому, кто берется снова выстроить ихъ. Такъ оно не выдержало скептическаго настроенія XVIII вѣка и съ жадностью бросилось на мистицизмъ, вызываніе духовъ и магнетизмъ Месмера. Такимъ образомъ толчокъ былъ данъ и реакція готова была совершить-

ся при первомъ удобномъ случаѣ, тѣмъ болѣе что, таланты Шатобріана и Сталь могущественно содѣйствовали ей. Реставрація принесла съ собою романтизмъ. Послѣ сильнаго сомнѣнія настала пора вѣрованія; старые маркизы–эмигранты явились ревностными католиками: либерализмъ ихъ былъ либерализмомъ моды: они говорили о Вольтерѣ, предавались всѣмъ наслажденіямъ, осмѣивали духовенство, потому что находили такую жизнь пріятной и удобной. Но какъ скоро вихорь революціи выбросилъ ихъ изъ Франціи, либерализмъ этотъ, не имѣя подъ собою твердой почвы, тотчасъ развалился. Съ одной стороны ненависть къ революціи и желаніе поддержать существующій порядокъ вещей религіозными и нравственными связями, съ другой вліяніе англійской и германской литературы способствовали введенію романтизма. Но являясь католическимъ и роялистскимъ въ началѣ, романтизмъ оказался впослѣдствіи либеральнымъ: свобода формы, историческія изслѣдованія, знакомство съ Байрономъ, сближеніе съ народомъ дали ему въ руки страшныя средства.

Политическія обстоятельства превратили эту литературную партію въ политическую и поставили ее во главѣ оппозиціи. Но едва іюльская революція передала власть въ ея руки, какъ эта партія раздѣлилась: одни стали проповѣдовать теорію искусства для искусства; другіе испугались, что слишкомъ далеко зашли, и стали оглядываться назадъ; весьма немногіе остались вѣрны прежнимъ тенденціямъ и продолжали разработывать начатые вопросы. Здѣсь опять подтверждается наше мнѣніе, что литература служитъ только отраженіемъ общества. Послѣ іюльской революціи преобладающимъ классомъ явилась буржуазія. Богатая, самодовольная, упрямая, эгоистическая, съ узкими воззрѣніями и узкой моралью, она искала въ литературѣ пріятнаго времяпрепровожденія, средства расшевелить свои нервы, но только не сценами изъ дѣйствительности. Она не понимала чужихъ страданій. «Чѣмъ вы недовольны, говоритъ Жозефъ Прюдомъ, типъ парижскаго буржуа? Развѣ я не наживаюсь на акціяхъ, развѣ у меня нѣтъ хорошаго стола, хорошей квартиры; развѣ меня не уважаютъ? развѣ я не выбранъ въ капитаны національной гвардіи и не надѣюсь быть представленнымъ на балѣ королю? Еще разъ спрашиваю васъ, чѣмъ вы недовольны? Что же могло дѣйствовать на подобныхъ людей: водевиль, фельетонный романъ, раздирающая неестественная драма; они боялись всякаго новаго слова, всякой живой идеи; неподвижность и умственный застой были ихъ девизомъ. Въ этихъ же правилахъ они

воспитывали дѣтей своихъ, приготовляя изъ нихъ будущихъ Прюдомовъ. Другой чертой французскаго общества было то что слава, военные подвиги кружили головы всѣмъ; молодежь рада была подраться за кого бы то ни было; блестящія воспоминанія первой имперіи увлекли даже нѣкоторыхъ передовыхъ людей какъ напримѣръ Беранже—и бонапартизмъ вскорѣ въ рядахъ своихъ считалъ многихъ литераторовъ. Но въ то время, когда большинство писателей тѣшило публику, явились люди, которые взглянули на свое призваніе серьезнѣе: они старались распространить знаніе въ народѣ, развить его, сдѣлать лучше, они хотѣли пересоздать общество, забывая, что это невозможно безъ преобразованія личности. Наступило 24-е февраля. Народъ возсталъ за реформы противъ эксплоатаціи своихъ силъ буржуазіей и, къ удивленію, буржуазія была на этотъ разъ съ нимъ, буржуазія шла прозивъ своего идола—Гизо, противъ того Гизо, который держался во всемъ золотой средины и былъ благонравенъ не менѣе самаго благонравнаго изъ парижскихъ буржуа. Дѣло объясняется очень просто: въ торговлѣ обнаружился застой, фонды на биржѣ упали, явились многочисленныя банкротства—а буржуазія этого не любитъ... буржуазія увидѣла, что дѣло идетъ объ ея существованіи и съ восторгомъ поспѣшила поддержать то правительство, которое обезпечивало ей прежнее тначеніе. Войско, съ своей стороны, вѣрное преданіямъ бонапартизма, поддержало новаго президента—и современный порядокъ вещей былъ упроченъ.

Такимъ образомъ настоящее французское правительство опирается на буржуазію и на войско и поддерживается многочисленной бюрократіей (болѣе 500,000 чиновниковъ). Какая-же литература можетъ быть въ подобномъ обществѣ? Какія его стремленія и требованія? Конечно тѣ же самыя, что были при министерствѣ Гизо. Разница только въ томъ, что общество смотритъ теперь съ большимъ скептицизмомъ на всякія политическія теоріи, а правительство имѣетъ болѣе силъ. Общество равнодушно смотритъ на это, потому что оно сдѣлалось равнодушно къ политикѣ, отказалось отъ участія въ управленіи, и съ благодарностью довольствуется той скромной ролью, которую иногда даютъ ему. Не таково было общество XVIII вѣка: оно съ жаромъ поддерживало литературу: но интересовалось ей и сочиненія Вольтера, Руссо расходились въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, списывались, заучивались... А теперь? теперь публика гоняется за скандаломъ; ее занимаютъ брошюры Дюпанну, Гизо и т. п.; она прочитаетъ ихъ и

броситъ и дня черезъ два забудетъ, возьметъ Прудона, займется имъ,—и также забудетъ. Все скользитъ по душѣ этой публики, ни надъ чѣмъ не останавливается она.

Сами литераторы тоже измѣнились: одни исписались, другіе перешли на сторону правительства, третьи стали въ ультрамонтанскую оппозицію; изрѣдка раздаются голоса прежнихъ писателей, но и ихъ лира слабѣетъ; современная же литература не дала ни одного замѣчательнаго дѣятеля: все это памфлетисты или фабриканты фельетонныхъ романовъ; невѣжество и самохвальство встрѣчаются на каждомъ шагу; критика скользитъ поверхностно по явленіямъ жизни, не проникая въ глубь ихъ; изрѣдка встрѣчаются критическія статьи Тэна, Ренана, Реклю, какъ исключенія... Вездѣ фразерство, общія мѣста, отсутствіе политическаго такта, компиляція и крайняя неразвитость.

Въ такомъ положеніи находится современная французская литература. Не станемъ въ подробности разсматривать ея дѣятелей, по примѣру г. Реймонда — это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что взглядъ его—взглядъ доктринера и къ тому же доктринера-идеалиста, хотя онъ и признаетъ теорію искуства для жизни. Вѣрный преданіямъ нѣмецкихъ эстетикъ, онъ безпрестанно толкуетъ о прекрасномъ, объ истинѣ и благѣ, объ идеалѣ — Вслѣдствіе этого воззрѣнія водянистый Ламартинъ является у него первымъ французскимъ поэтомъ. Но это печальное состояніе литературы не служитъ еще признакомъ агоніи Франціи. Въ груди ея пропасть жизни. Можно-ли говорить о смерти народа, который въ роковыя минуты всегда возставалъ во всемъ величіи патріотизма, удивляя міръ блескомъ своихъ подвиговъ, среди котораго раздаются до сихъ поръ полныя чувства и мысли пѣсни Савиньяна Лапуента и Пьера Дюпона; одни только верхогляды славянофилы могутъ говорить о гніеніи и близкой смерти запада, только они могутъ утверждать, что онъ отжилъ и истратилъ свои силы... Мы держимся другаго мнѣнія; мы думаемъ, что пора разумной сознательной жизни — — — еще не наступила

не сказать — имѣющихъ ихъ въ срочно-обязанномъ отношеніи и на оброкѣ.

По части военныхъ реформъ мы находимъ слѣдующія распоряженія правительства:

— Изъ составлявшихъ полевую артиллерію кавказской арміи 24 батарей, упразднены 8.

— Приказомъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Сухозанета, всѣмъ военнымъ медикамъ присвоены эполеты.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія комитета, составленнаго для соображенія постановленій относительно права ношенія аксельбанта, предоставлено это право всѣмъ безъ исключенія офицерамъ, удовлетворительно окончившимъ курсъ въ военной академіи и въ институтахъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, корпуса горныхъ инженеровъ, лѣсномъ и межевомъ и константиновскомъ межевомъ.

По измѣненію торговаго устава, по управленію финансами и по устройству общественнаго и частнаго кредита обнародованы были слѣдующія постановленія:

Дозволено ввозить въ Россію съ 1 апрѣля 1862 чаи, вывозимые изъ Китая моремъ, съ уплатою пошлины по сортамъ, отъ 2 до 65 к. съ фунта. Съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшенъ изъ Россіи вывозъ чрезъ Кяхту золота въ слиткахъ и монеты. Нѣтъ сомнѣнія, что эта послѣдняя мѣра будетъ имѣть вліяніе на обращеніе у насъ звонкой монеты; товары наши берутся не совсѣмъ охотно китайцами, а золото въ слиткахъ и серебро, какъ металлъ легко опредѣляемый въ своемъ достоинствѣ, навѣрное, получитъ предпочтеніе предъ прочими товарами. Наша торговля съ Китаемъ, поддерживаемая до нынѣ преимущественно мѣною товаровъ на чай, съ новымъ постановленіемъ, естественно, должна измѣниться; но русское населеніе должно выиграть какъ потребители, отъ ввоза кантонскаго чая.

— Въ видахъ развитія общественнаго кредита, учрежденная отъ правительства коммисія разсматривала вопросъ объ учрежденіи земскихъ банковъ, которые и до сихъ поръ остается еще вопросомъ какъ въ самой коммисіи, такъ и въ журналахъ. Одни полагаютъ, что учрежденіе частныхъ земскихъ банковъ возможно и полезно; другіе доказываютъ, что частные банки неосуществимы, а напротивъ полезны банки государственно-земскія, потому что осуществленіе ихъ возможно.

— Какъ на опыты частныхъ кредитныхъ учрежденій укажемъ здѣсь на С. Петербургское и Московское кредитныя общества, которыя, едва

объявивъ о своемъ открытіи, тотчасъ же сознались, что начать своихъ операцій не въ силахъ.

— Къ числу финансовыхъ неудачныхъ попытокъ также необходимо присоединить и проектъ Благотворительно-ссуднаго банка, представленный учредителями на разсмотрѣніе коммисіи о земскихъ банкахъ. Этотъ фантастическій проектъ предполагаетъ выпускъ акцій на 60 милліоновъ рублей. Кампанія этого учрежденія предполается «для содѣйствія къ возможному улучшенію жилыхъ и нежилыхъ строеній въ городахъ и селеніяхъ Россійской Имперіи, Царства Польскаго и Великаго княжества Финляндскаго, и для облегченія землевладѣльцевъ въ ихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, посредствомъ выдачи денежныхъ ссудъ подъ залогъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ; равно для храненія разнаго рода движимостей, въ томъ числѣ, храненія и залога актовъ и документовъ. Независимо отъ сего, компанія въ видѣ благотворительности принимаетъ на себя выдачу пособій нуждающимся, производствомъ имъ опредѣленныхъ ссудъ безъ залога, и постоянное призрѣніе, а равно и временное помѣщеніе лицъ благороднаго званія, пострадавшихъ отъ нечаянныхъ бѣдствій, какъ-то пожаровъ, наводненій и т. п.»

Мы думаемъ, что ни въ одной просвѣщенной странѣ Европы не могъ бы не только осуществиться, но даже и появиться въ печати подобный проектъ, обличающій многое, чего бы ни должно быть.

— Курсы на переводъ русскихъ денегъ за границу въ теченіи цѣлаго года стояли постоянно высокіе, съ болѣе или менѣе незначительными колебаніями; послѣдовавшее въ началѣ года разрѣшеніе вывоза за границу нашихъ бумажекъ, какъ слѣдовало ожидать, должно бы было способствовать пониженію курса. Впрочемъ, неизвѣстно, до какой степени возвысился бы курсъ безъ этой мѣры; поэтому разрѣшеніе вывоза бумажекъ за границу слѣдуетъ считать, во всякомъ случаѣ мѣрой раціональной, хотя, можетъ быть, и нѣсколько опоздавшей своимъ появленіемъ.

— Высочайше утвержденными 29-го мая, мнѣніями государственнаго совѣта, предоставлено министру финансовъ выпустить мѣдной монеты на 3 милліона рублей серебромъ и серебряной на 6 милліоновъ руб., съ тѣмъ, что если встрѣтится надобность умножить количество монеты серебряной и мѣдной, то войти о новомъ выпускѣ оной, по порядку, съ особымъ представленіемъ.

— Новыя постановленія объ акцизѣ съ табаку, съ питей и о трактирныхъ заведеніяхъ. Объ уставахъ этихъ въ нашей лѣтописи было говорено своевременно.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Общій характеръ прошедшаго года. — Акты по международнымъ сношеніямъ за 1861 г. — Распоряженія правительства по части военныхъ реформъ. — По измѣненію торговаго устава, управленію финансами и по устройству общественнаго и частнаго кредита. — Объ ипотечной системѣ и земскихъ повинностяхъ. — По крестьянскому дѣлу. — О выкупномъ учрежденіи. — Объ успѣхѣ и мѣрахъ для народнаго образованія. — По почтовому вѣдомству. — О событіяхъ въ Польшѣ и Западномъ Краѣ. — Разныя постановленія, распоряженія и событія въ 1861 году. — Разсужденія о цивилизаціи вообще и цивилизаціи восточной и западной. — О прогрессѣ. Послѣднія извѣстія. — Желаніе подписчикамъ получить скорѣе эту книжку.

Объемъ нашего листка не дозволяетъ намъ составить полнаго категорическаго отчета о всемъ совершившемся въ Россіи въ 1861 г. по части законодательства и администраціи, тѣмъ болѣе, что большинство постановленій и административныхъ мѣръ, обнародованныхъ правительствомъ въ этомъ году, относится къ частнымъ мелкимъ сторонамъ нашего быта, или къ мѣстнымъ вопросамъ какого либо края; но мы попробуемъ напомнить читателю тѣ постановленія и событія, которыя можно бы было назвать общими, всероссійскими. Группируя ихъ, мы будемъ имѣть въ виду указать на наши потребности и на то, что сдѣлано уже для удовлетворенія ихъ и что предполагается.

Общій характеръ прошедшаго года, по нашему мнѣнію, таковъ: съ одной стороны стремительная дѣятельность нашего правительства достигнуть общественнаго благосостоянія и благоустройства пересмотромъ и измѣненіемъ многихъ отдѣльныхъ уставовъ и принятіемъ разныхъ мѣръ; съ другой стороны — холодность, съ которой встрѣчаются обществомъ и событія, выражающія собою какія либо частныя стороны жизни, и постановленія, и административныя мѣры.

По международнымъ сношеніямъ опубликованы въ 1861 году слѣдующіе акты:

Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ государственномъ совѣтѣ мнѣнія о мѣрѣ наказанія за преступленія противу безопасности дружественныхъ Россіи державъ. Мнѣніе это утверждаетъ предположенное II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи дополненіе подлежащихъ статей уложенія о наказа-

ніяхъ, имѣющее служить основаніемъ для заключенія условія съ австрійскимъ правительствомъ о взаимности наказаній по государственнымъ преступленіямъ.

— Договоръ, заключенный съ китайскимъ правительствомъ объ уступкѣ Россіи лѣваго берега р. Амура.

— Конвенція между Россіей и Саксоніей о невзиманіи пошлинъ съ наслѣдственныхъ имѣній, достающихся обоюднымъ подданнымъ какъ въ Россіи, такъ въ Царствѣ Польскомъ и Великомъ княжествѣ Финляндскомъ.

— Конвенція между Россіей и Швеціей о взаимной высылкѣ бродягъ, нищихъ и преступниковъ.

— Конвенція между Россіей и Франціей о литературной и художественной собственности. По силѣ этой конвенціи право литературной или художественной собственности русскихъ подданныхъ во Франціи и французовъ въ Россіи будетъ продолжаться для самихъ авторовъ въ теченіи всей ихъ жизни и переходить на двадцать лѣтъ къ ихъ прямымъ наслѣдникамъ или наслѣдницамъ и на 10 лѣтъ по боковой линіи; сроки эти считаются со дня смерти автора.

Такъ какъ эта послѣдняя конвенція не стѣсняетъ права перевода съ французскаго на русскій и на оборотъ, а перепечатка у насъ книгъ, издаваемыхъ во Франціи никогда не существовала въ дѣйствительности, то отношенія нашей переводной литературы къ литературнымъ произведеніямъ французскаго ума остаются прежнія; страдаютъ только музыкальные издатели, которые донынѣ черпали матеріалы для своей дѣятельности изъ нотныхъ французскихъ магазиновъ. Для русской же литературы напротивъ конвенція сообщаетъ новое право, сокращающее 50-ти лѣтній срокъ, установленный у насъ въ 1857 г. на владѣніе по наслѣдству литературной собственностью: тѣ сочиненія, которыя въ Россіи будутъ составлять чью либо исключительную собственность въ теченіи 50 лѣтъ,—могутъ быть изданы свободно во Франціи черезъ 20 или 10 лѣтъ и привезены въ Россію; такимъ образомъ право свободнаго изданія чрезъ 20 и 10 лѣтъ, хотя и внѣ страны, но все же существуетъ, и составляя, можетъ быть, одну изъ книгопродавческихъ непріятностей, имѣетъ совершенно-противоположное значеніе для публики. Можно надѣяться, что дешевыя изданія сочиненій Пушкина и Гоголя намъ привезутъ изъ Парижа гораздо скорѣе, нежели мы дождемся этого отъ своихъ отечественныхъ издателей, владѣющихъ произденіями этихъ писателей по крѣпостному праву на 50 лѣтъ, или, луч-

что бы оно было окончено въ возможной скорости, какъ этого требуютъ обстоятельства.

Коммисія для пересмотра системы податей и сборовъ обнародовала, между прочимъ, проектъ положенія объ измѣненіи устава о мѣщанахъ. Сословіе это, можетъ быть, когда нибудь и сдѣлается важнымъ въ нашей народной жизни, но теперь оно есть не болѣе какъ какое-то странное соціальное явленіе — сопричисленіе къ одному названію всякаго сорта людей, не имѣющихъ между собою ничего общаго и не пользующихся при томъ опредѣленными гражданскими правами; мѣщане исполняютъ самыя разнородныя обязанности и повинности, а опредѣленныхъ правъ, которыя соотвѣтствовали бы этимъ обязанностямъ, они не имѣютъ. Почти всѣ постановленія о мѣщанахъ относятся къ концу прошедшаго столѣтія, и слѣдовательно значительно поустарѣли; такъ что коммисіи, разсматривающей это дѣло, слѣдовало бы, не ограничиваясь одной лишь незначительной передѣлкой или дополненіемъ старыхъ законоположеній, разсмотрѣть ихъ нѣсколько радикальнѣе, обративъ также вниманіе и на сущность мѣщанскаго быта и нужды этого сословія.

Главными неудобствами существующихъ издавна положеній ощущаются: личная подать съ мѣщанъ, которая, при разнообразіи ихъ промысловъ ни въ какомъ случаѣ не могла быть уравнительной, и затѣмъ перечисленія и причисленія изъ сословія и къ сословію мѣщанъ не иначе какъ съ согласія общества. Неудобства эти не устраняются въ настоящемъ проектѣ положеній о мѣщанахъ, и трудно объяснить цѣль, для которой они будутъ продолжать свое существованіе. Промысловые налоги какъ нельзя болѣе уравнительно легли бы на сословія, минуя, конечно, тѣхъ, которыя почему бы то ни было не въ силахъ заниматься промыслами, именно старыхъ, увѣчныхъ, больныхъ или случайно лишившихся способовъ добыванія себѣ трудомъ средствъ для жизни.

Кандидатами въ мѣщанство состоитъ теперь большинство дворовыхъ людей, находящихся еще покуда въ временно-обязанныхъ отношеніяхъ; поэтому въ новыхъ положеніяхъ о мѣщанахъ должны бы быть вообще цѣли, направленныя для всевозможнаго облегченія той участи, которая ожидаетъ вообще мѣщанство съ увеличеніемъ числа его членовъ.

Мѣщане и купечество — это два единственныя сословія, изъ которыхъ можетъ возникнуть у насъ въ послѣдствіи городское сословіе въ смыслѣ европейскомъ; всѣ мелкіе промыслы, мануфактурная производительность, торговля мелочная и вообще всякая — все это рано или

поздно должно перейти въ руки означенныхъ сословій и положить солидарность ихъ интересовъ, безъ чего, конечно, нѣтъ и понятія объ обществѣ людей, какъ о сословіи. По тѣсной связи и зависимости вообще сословныхъ интересовъ отъ общихъ гражданскихъ, эти последніе интересы невольно являются необходимыми основаніями частныхъ интересовъ каждаго сословія и даже каждаго изъ его членовъ; поэтому умственное развитіе, распространеніе здравыхъ идей, знакомство съ наукой и болѣе всего въ ея прикладныхъ формахъ,—суть лучшія двигатели благосостоянія и нашего мѣщанства, котораго достигнуть стремится какъ проектъ новыхъ объ этомъ сословіи положеній, такъ и общественное мнѣніе.

Другимъ трудомъ коммисіи для устройства податей и сборовъ, какъ мы сказали уже выше, былъ уставъ о земскихъ повинностяхъ. По поводу нераціональнаго разграниченія этихъ повинносией, коммисія излагаетъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Переводы многихъ издержекъ *казны* на *земство*, произволъ въ составленіи смѣтъ и раскладокъ въ теченіи XIX столѣтія (вѣроятно половины столѣтія), осязательно доказываютъ преобладаніе правительственныхъ властей надъ земствомъ, и это преобладаніе, хотя въ меньшей уже мѣрѣ, развито въ послѣднемъ уставѣ (1851 г.), по которому распоряженіе и контроль по земскимъ повинностямъ оставлены существенно подъ вліяніемъ высшихъ правительственныхъ высшей. Такимъ образомъ потерялся на практикѣ всякой дѣйствительный характеръ земства, повинности коего, смѣшанныя съ государственными и частными повинностями, не имѣютъ еще законодательства, вполнѣ соотвѣтствующаго ихъ значенію.»

Мы не касаемся сложныхъ соображеній коммисіи о распредѣленіи и управленіи земскими повинностями, но замѣтимъ, что коммисія, своимъ умозрительнымъ путемъ пришла къ весьма логичнымъ заключеніямъ относителчно контроля для земскихъ повинностей.

Въ докладѣ коммисіи говорится, что лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ контролемъ будетъ общественное мнѣніе подъ той или другой формой. Въ этомъ соображеніи коммисія нашла полезнымъ, съ одной стороны подчинить всѣ распоряженія по земскимъ повинностямъ хозяйственному надзору и повѣркѣ представителей (?) той мѣстности, интересовъ которой касаются эти распоряженія, съ другой — гласному и публичному обсужденію общества чрезъ печать. Подобная гласность, увѣряетъ коммисія, вызывается въ настояще время единодушнымъ отзывомъ общественнаго мнѣнія и неоднократно выраженными жела-

Замѣчательные проекты, находящіеся, между прочимъ, въ разсмотрѣніи коммиссіи о земскихъ банкахъ и о пересмотрѣ устава о податяхъ и повинностяхъ суть: объ ипотезной системѣ, о земскихъ повинностяхъ и о мѣщанахъ.

Общественный кредитъ, въ свою очередь находится въ тѣсной связи съ кредитомъ частнымъ, то есть, другими словами говоря, съ той большею или меньшею степенью свободы, обусловливаемой опредѣлительными гражданскими постановленіями, съ какою частныя имущества и капиталы могутъ переходить изъ рукъ въ руки и которая имѣетъ вліяніе на довѣріе, питаемое частными лицами другъ къ другу при совершеніи между ними взаимныхъ различныхъ сдѣлокъ и договоровъ, обеспечиваемыхъ залогомъ имѣній.

Наши гражданскіе законы признаютъ два вида обеспеченія частныхъ гражданскихъ правъ на недвижимую собственность: 1) по волѣ и согласію самого собственника, такъ называемое *закладное* право и 2) по распоряженію правительства — запретительный порядокъ. Оба эти вида обеспеченія получили свое начало у насъ при Петрѣ I, при усилившейся системѣ централизаціи и распространеніи дѣятельности присутственныхъ мѣстъ, и опираются главнѣйшимъ образомъ на крѣпостной порядокъ совершенія актовъ. Оба эти вида имѣютъ весьма существенные недостатки, которые заключаются вообще: въ медленности взысканія по договорамъ, въ смѣшеніи власти нѣсколькихъ присутственныхъ мѣстъ по одному дѣлу и разобщенности дѣйствій по производству взысканій съ недвижимаго имущества и въ неопредѣленности законовъ относительно многихъ обстоятельствъ, сопряженныхъ со взысканіемъ посредствомъ публичной продажи.

Тѣсная связь, существующая между общественнымъ кредитомъ и системой взысканія по договорамъ между частными лицами, обеспечиваемымъ залогомъ недвижимаго имущества, а равно и недостатки нынѣ дѣйствующихъ по сему предмету законовъ, сдѣлались явленіемъ общественнымъ, отражающимся весьма печально и на нашей торговлѣ, и вообще на всѣхъ денежныхъ оборотахъ. Поэтому правительство поручило коммисіи о земскихъ банкахъ составить проектъ положенія, объ обеспеченіи договоровъ и обязательствъ ипотечнымъ порядкомъ.

Ипотека въ древней Греціи состояла въ томъ, что кредиторъ ставилъ въ имѣніи своего должника столбъ съ обозначеніемъ на немъ суммы долга, обеспеченнаго этимъ имѣніемъ. Въ римскомъ правѣ, а за тѣмъ и во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ, *ипотекою* стало называться закладное право на недвижимое имущество, или вообще

всякое право, претензія, требованіе имъ обеспеченное. Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, самаго высшаго развитія достигла ипотека въ Германіи. Тамъ въ ипотечныя книги вносится опись имущества и всѣхъ состоящихъ на немъ долговъ, претензій, исковъ, — однимъ словомъ всѣхъ безъ изъятія правъ всякаго посторонняго лица, обеспеченныхъ этимъ имуществомъ и потому уменьшающихъ его цѣнность для владѣльца. Внесеніе какой либо суммы въ ипотечную книгу равносильно съ заключеніемъ закладной на имѣніе, и за тѣмъ остается въ долгу на имѣніи, въ чьи бы руки оно не переходило.

Зародышъ *ипотеки* мы находимъ и у себя въ старинномъ русскомъ правѣ. По дѣйствовавшимъ въ старину обычаямъ, купчія крѣпости, хотя бы онѣ были формально написаны, давали однако пріобрѣтателю только право отъ продавца недвижимаго имущества отдачи его — юридически же имущество считалось перешедшимъ въ полную собственность пріобрѣтателя лишь со времени утвержденія его за пріобрѣтателемъ въ особо учрежденномъ для вотчинныхъ дѣлъ помѣстномъ приказѣ. Обычай этотъ былъ оставленъ во всей его силѣ уложеніемъ 1649 года. Въ силу его, всякій разъ, когда требовалось утвердить имѣніе за новымъ владѣльцемъ, наводили справки въ дѣлахъ помѣстнаго приказа, и сверхъ того всякому переходу имуществъ придавали возможную по тогдашнему времени гласность, именно: сзывали окрестныхъ жителей и объявляли публично о переходѣ имѣній и удостовѣрялись при томъ, нѣтъ ли какихъ либо споровъ, исковъ или взысканій, которые могли бы препятствовать переходу имущества.

Порядокъ этотъ изчезаетъ съ реформами Петра. Съ уничтоженіемъ сословія *площадныхъ подъячихъ*, которые занимались писаніемъ купчихъ и другихъ актовъ, совершеніе и писаніе крѣпостей и актовъ сдѣлалось монополіей казны и вообще весь прежній порядокъ вотчиннаго дѣлопроизводства, заключавшій въ себѣ зародышъ ипотечной системы, также изчезъ.

Коммисія о земскихъ банкахъ собрала матеріалы для разрѣшенія у насъ ипотечнаго вопроса, и опубликовала вмѣстѣ съ ними нѣсколько предположеній о введеніи въ Россіи ипотечной системы. Для этого, конечно, должна быть отмѣнена вовсе запретительная система и расширенъ кругъ дѣятельности публичныхъ нотаріусовъ, которые замѣнили бы собою крѣпостныя дѣла.

Ипотечная система, наравнѣ съ многими прочими необходимыми введеніями, составляетъ одно изъ ожиданій будущаго года. Желательно,

залогъ земель, пріобрѣтаемыхъ крестьянами у помѣщиковъ въ собственность вмѣстѣ съ усадебной осѣдлостью.

Выкупное учрежденіе обязано: разрѣшать выкупныя ссуды, на основаніи положенія и особыхъ правилъ, которыя будутъ изданы по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; распоряжаться заготовленіемъ государственныхъ пяти-процентныхъ выкупныхъ билетовъ и свидѣтельствъ и отсылкою ихъ въ губернскія выкупныя учрежденія; 3) производить тиражъ билетовъ, замѣнять ихъ свидѣтельствами, извлекать изъ обращенія, составлять годовые отчеты по выкупной операціи; обсуждать вопросы и недоумѣнія, какія будутъ возникать при исполненіи «Положенія» относительно выкупной операціи и облегченіи ея.

Если помѣщикъ пожелаетъ обмѣнять на деньги пяти-процентные билеты, которые будутъ выдаваться въ счетъ выкупной суммы, то долженъ заявить о томъ при представленіи выкупной сдѣлки. Министерство финансовъ производитъ продажу этихъ билетовъ и по продажѣ владѣльцу выдается нарицательная сумма сполна.

Содѣйствіе правительства къ выкупу крестьянами земель относится къ тѣмъ лишь имѣніямъ, гдѣ крестьяне состоятъ на оброкѣ; можно надѣяться, — если пяти-процентные билеты будутъ, находить себѣ хорошій сбытъ, — выкупная операція будетъ содѣйствовать значительно прекращенію барщины тамъ, гдѣ она еще остается.

— 4 мая послѣдовало высочайшее повелѣніе о замѣнѣ барщины въ царствѣ Польскомъ денежнымъ окупомъ.

Отдавая краткій отчетъ обо всемъ совершившемся у насъ въ теченіи 1861 г., мы хотѣли бы опредѣлить и успѣхи развитія народнаго образованія въ этомъ году; но мы боимся ошибиться въ результатѣ, по недостатку данныхъ о числѣ открытыхъ школъ и числѣ учащихся въ нихъ. По газетнымъ извѣстіямъ видно, что въ 1861 году открыто школъ менѣе нежели въ предъидущемъ году; даже самыя извѣстія по этому предмету, появлявшіяся прежде массами, сдѣлались рѣже. Но причина этого можетъ быть двоякая: или въ дѣйствительности дѣло народнаго образованія ослабѣло, или извѣстія о ходѣ дѣла перестали печататься въ мѣстныхъ газетахъ.

Воскресные школы, получили въ началѣ 1861 года правила, сопричислившія школы къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія; кромѣ того, правила эти опредѣлили программу преподаванія; порядокъ опредѣленія и увольненія преподавателей; зависимость ихъ отъ вѣдомства министерства на-

роднаго просвѣщенія и т. п. Такимъ образомъ воскресныя школы, получившія свое начало отъ одной чисто-общественной, частной иниціативы, перешли съ 1861 г. въ вѣдѣніе правительства.

Въ мартѣ мѣсяцѣ распорядители частныхъ воскресныхъ школъ въ С. Петербургѣ сдѣлали общее собраніе въ залѣ второй гимназіи. Подобныя собранія, конечно, моглибы принести много пользы дѣлу; но продолженія ихъ не было; по крайней мѣрѣ въ печати нѣтъ извѣстій о нихъ; въ экономическомъ обществѣ, гдѣ существуетъ, (впрочемъ болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ) комитетъ о распространеніи грамотности, было нѣсколько засѣданій, не принесшихъ впрочемъ никакой пользы.

— Обнародованы въ іюнѣ мѣсяцѣ новыя правила для пріема въ университеты. Дальнѣйшія подробности этого дѣла, со включеніемъ послѣдняго недавняго извѣстія о закрытіи С. Петербургскаго университета, впредь до составленія другихъ новыхъ правилъ, мы считаемъ излишнимъ говорить, потому что все это, у всѣхъ слишкомъ еще въ памяти, чтобы нуждаться въ повтореніяхъ.

Для соображеній по вопросамъ, касающимся университетовъ, по высочайшему повелѣнію, предложено было прибыть въ С. Петербургъ, въ началѣ декабря, попечителямъ тѣхъ учебныхъ округовъ, въ которыхъ находятся университеты, вмѣстѣ съ депутатами отъ университетовъ, столичныхъ — по два, а прочихъ по одному, изъ профессоровъ, по выбору попечителей. По прибытіи означенныхъ лицъ въ Петербургъ, образована изъ нихъ, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника фонъ-Брадке, особая коммиссія, которая, съ 7-го декабря начала и продолжаетъ ежедневно свои занятія.

— Въ началѣ года, Почтовый Департаментъ приглашалъ къ публичному обсужденію мѣръ для замѣны земской повинности на содержаніе почтовой гоньбы, учрежденіемъ вольныхъ почтъ, которыя были бы содержимы за одни возвышенные прогоны. При чемъ департаментъ вполнѣ доказалъ, что существующій у насъ теперь порядокъ крайне несостоятеленъ. Въ журналахъ мы не встрѣчали подробнаго и обстоятельнаго обсужденія, предложеннаго департаментомъ вопроса; а лишь время отъ времени читали жалобы на нѣкоторую неисправность и медленность въ отправкѣ журналовъ и т. п. Сколько получилъ департаментъ и какіе именно проекты о преобразованіи почтовой гоньбы, и что именно предполагалось по этой части опытными людьми, — неизвѣстно. Порядокъ гоньбы, тяжелая почта для журналовъ, остаются и до нынѣ въ прежнемъ видѣ.

ніями дворянскихъ собраній; она признавалась уже издавна; еще въ 1811 году правительство выражало сочувствіе къ этой мысли, постановивъ, что свѣдѣнія о земскихъ сборахъ должны быть «предаваемы *тиснению* и публикуемы во всеобщее свѣдѣніе» (Учр. Мин. Фин. ст. 285).

Самое важное въ вопросѣ о земскихъ повинностяхъ, это раскладка и употребленіе денегъ. До сихъ поръ, по сознанію коммисіи, вредило раціональному устройству земскихъ повинностей преобладаніе и произволъ правительственныхъ властей надъ земствомъ. Для устраненія этого, коммисія предполагаетъ точное отдѣленіе чисто земской повинности отъ всѣхъ другихъ повинностей, смѣшавшихся съ ней и принадлежащихъ къ категоріи государственныхъ и т. п. Но въ этомъ мы не видимъ точнаго разграниченія правъ земства и правительственныхъ властей, разграниченія, которое избавило бы земство отъ преобладанія означенныхъ властей. Преобладаніе это вытекало всегда изъ злоупотребленій власти мѣстными правительственными учрежденіями, и вообще отъ того, что всякая борьба съ ними земства сему послѣднему не подъ силу. Личное вліяніе, опирающееся на возможность избѣгнуть кары за злоупотребленіе; также личное вліяніе, опирающееся на сознаніи своей силы, — вотъ тѣ причины, которыя могутъ препятствовать развиваться всякому земскому дѣлу, при всѣхъ возможныхъ частныхъ уставахъ; если и не будетъ прямого вліянія властей на земскія повинности, то чѣмъ же умѣрится косвенное?... А оно можетъ быть по результатомъ вполнѣ равносильно прямому вліянію.

Надо удивляться, что земскія повинности, при столь счастливомъ сочетаніи способовъ управленія и контроля надъ ними, не получили до сихъ поръ желаемаго устройства. Вѣроятно, наша гласность, къ которой правительство выразило сочувствіе еще въ 1811 году, какъ говоритъ коммисія, — была совершенно бездѣятельна въ отношеніи земскихъ повинностей.

Отдавая на публичное обсужденіе свои соображенія о земскихъ повинностяхъ, коммисія, при ея воззрѣніяхъ на гласность, конечно, вправѣ была ожидать отъ сей послѣдней самыхъ раціональныхъ, радикальныхъ и глубомысленныхъ указаній; на самомъ дѣлѣ появилось лишь нѣсколько посредственныхъ статей о земскихъ повинностяхъ, составляющихъ, дѣйствительно, довольно важную сторону земскихъ дѣла.

Что касается до насъ, то мы оговариваемся: мы журналъ — по преимуществу политическій и литературный и не можетъ обращаться по-

дробно къ такимъ частностямъ, каковъ вопросъ о земскихъ повинностяхъ, не смотря на все его значенiе для земства.

Въ теченiи года было нѣсколько собранiй политико-экономическаго комитета при географическомъ обществѣ. Предметомъ пренiй служили практическiе финансовые и политико-экономическiя вопросы. Заключенiя, къ которымъ приходилъ *комитетъ* были, по преимуществу, критическаго и отрицательнаго свойства; прямаго же практическаго значенiя ни размышленiя комитета, ни вообще его засѣданiя не имѣли. Мы были бы готовы одобрить вполнѣ существованiе политико-экономическаго комитета, какъ всякой ассамблеи, имѣющей серьозныя наклонности; но не рѣшаемся сдѣлать этого потому, что комитетъ нѣкоторымъ образомъ парализируетъ болѣе широкiй способъ разсмотрѣнiя общественныхъ вопросовъ — въ журналахъ, составляя самъ по себѣ учрежденiе замкнутое, не всякому доступное и при томъ направляемое извѣстной, заранѣе опредѣленной точкой зрѣнiя. Если бы комитетъ этотъ не существовалъ вовсе, то лучшiя изъ мнѣнiй, высказываемыхъ въ немъ, являлись бы въ журналахъ прежде, нежели они выскажутся въ какомъ либо изъ немногихъ засѣданiй комитета; тогда это было бы хотя нѣсколько похоже на такъ называемую гласность, — гласность дѣйствительную, журнальную, и такихъ мнѣнiй, подъ которыми было бы совѣстно подписать свое имя, конечно, являлось бы менѣе, а, можетъ быть, и вовсе бы не печаталось; между тѣмъ какъ въ комитетѣ они болѣе возможны. Вообще, недопуская, чтобы китайскiя тѣни могли замѣнять собою картину, мы находимъ, что и существованiе политико-экономическаго комитета, не имѣющiя никакого практическаго значенiя и парализующiя собою то, что могло бы въ противномъ случаѣ имѣть хоть долю этого значенiя, — есть явленiе отчасти безполезное.

По крестьянскому дѣлу манифестъ 19 февраля объ отмѣнѣ крѣпостнаго права обнародованъ былъ 5-го марта; одновременно съ этимъ положенiемъ учрежденъ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянiя.

Съ половины мая по октябрь обнародывались правительствомъ извѣстiя о волненiяхъ крестьянъ при введенiи въ дѣйствiе положенiй 19 февраля и о мѣрахъ противу сего принятыхъ.

Въ положенiяхъ 19 февраля правительство обѣщало содѣйствовать выкупу крестьянами земель посредствомъ ссудъ; для приведенiя въ исполненiе этой мѣры открыто нынѣ при С. Петербургской сохранной казнѣ «Главное выкупное учрежденiе» для производства ссудъ подъ

маршала князя Барятинскаго, оказался виновнымъ въ измѣнѣ русскому правительству, произведеніи возмущенія между ичкеринцами и другими горцами съ цѣлью отложиться отъ подданства Россіи, и въ упорномъ сопротивленіи съ оружіемъ въ рукахъ при взятіи его нашими войсками; по конфирмаціи князя Барятинскаго, Байсунгаръ «казненъ смертію» — повѣшенъ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, по разсмотрѣніи представленія управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ троекратной публикаціи въ вѣдомостяхъ при выѣздѣ за границу, утвердилъ это представленіе, съ тѣмъ, что «мѣста и лица», которыя должны выдавать отъѣзжающимъ за границу свидѣтельства, о не имѣніи къ тому препятствій, выдаютъ эти свидѣтельства, если на отбывающихъ за границу не были предъявлены или не поступили законныя претензіи по день выдачи означенныхъ свидѣтельствъ. Публикаціи объ отъѣзжающихъ за границу были одной изъ безплодныхъ формальностей.

Военныя извѣстія получены были: изъ Терской области, объ усмиреніи беноевцевъ, которые, въ числѣ 1218 душъ обоего пола, доведены были силою оружія до безусловной покорности; изъ Кубанской области, гдѣ наши войска раззорили жилища горцевъ, и занимались проложеніемъ удобныхъ сообщеній и приготовительными работами по устройству казачьихъ станицъ.

Въ Варшавѣ, дѣйствія войскъ къ подавленію попытокъ нарушенія общественнаго спокойствія, (кавалерійскія атаки и перестрѣлка) обнародованы изъ Варшавской корреспонденціи, отъ 28-го марта, (9 апрѣля) помѣщенной въ Journ. de St. Petersb. и всѣхъ русскихъ газетахъ.

— Получено донесеніе генералъ-адъютанта Безака о взятіи крѣпости Янъ-Кургана, въ киргиз-кайсацкой ордѣ.

По свѣдѣніямъ мѣстныхъ газетъ, урожаи хлѣбовъ почти повсемѣстно были плохи.

Перечисливъ событія, законоположенія и административныя мѣры правительства, обнародованныя въ 1861 году, мы оставляемъ уму читателя сдѣлать общій выводъ обо всемъ совершившемся. Пусть самъ онъ заключитъ о современномъ состояніи развитія нашей внутренней гражданской жизни, о нашей зрѣлости и о той степени, на которой стоитъ русская цивилизація. Мы же съ своей стороны въ заключеніе нашей лѣтописи, находимъ не лишнимъ отнестись умозрительно къ нѣкоторымъ современнымъ вопросамъ соціалогіи и высказать о нихъ наши

убѣжденія въ общей и тѣсной формѣ, именно сколько позволяетъ объемъ нашего листка. Убѣжденія и примѣненіе ихъ къ дѣйствительности — единственные и постоянные двигатели социальной жизни.

Абсолютныхъ истинъ мы не признаемъ, но вѣримъ въ непреложность истины — въ извѣстную эпоху, при извѣстныхъ условіяхъ, и при извѣстной массѣ свѣдѣній и ясно понятыхъ явленій жизни. Всякая эпоха имѣетъ свои истины и убѣжденія, и все, что отжило свой вѣкъ перестаетъ быть истиннымъ; убѣжденія времени нужно вводить въ жизнь, вѣрить въ нихъ; если бояться ошибокъ и такъ называемыхъ увлеченій, не довѣрять тому, что выработали уроки жизни, не довѣрять вслѣдствіе того, что все новое, не провѣрено опытомъ, — то это будетъ значить лишить себя права пользоваться разсудкомъ; если мы не будемъ вводить въ жизнь убѣжденій, это будетъ значить, что мы не способны стремиться къ достиженію нашихъ интересовъ, что мы не понимаемъ своихъ общественныхъ обязанностей и не можемъ выйти на тотъ путь жизни, который обѣщаетъ болѣе, нежели можно найти на торной дорогѣ прошедшаго. Мы искренно вѣримъ, что истинная цивилизація и прогрессъ не чужды и Россіи, иначе надо бы было признать возможнымъ возвратъ отъ *желѣзныхъ дорогъ* къ нашему отечественному *тарантасу*, поэтому мы и хотимъ поговорить о цивилизаціи и прогрессѣ нѣсколько подробнѣе обыкновеннаго. Относясь къ предмету умозрительно, мы оставляемъ въ сторонѣ исторію собственно русской цивилизаціи: — предметъ этотъ, какъ можно основательно надѣяться, дождется *когда нибудь* своего Бекля.

Цивилизація есть тотъ фазисъ жизни обществъ, когда жизнь эта получаетъ опредѣленныя формы; общества дикарей не могутъ быть названы цивилизованными. Но опредѣленіе это слишкомъ обще для того, чтобы быть яснымъ и точнымъ. Отсталость одно и то же, что дикость, и то и другое требуетъ новыхъ прививковъ, перерожденія, обновленія, однимъ словомъ — реформы. Поэтому, семьей цивилизованныхъ народовъ могутъ быть называемы лишь тѣ народы, которые, не перестаютъ развиваться; всѣ же оставшіеся при прежнихъ формахъ жизни, хотя и имѣвшіе прежде право на названіе цивилизованныхъ, утрачиваютъ свое мѣсто въ общей цивилизаціи. Мнѣніе это сначала можетъ показаться парадоксальнымъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же народъ въ одну эпоху можетъ быть участникомъ цивилизаціи, а въ другую терять свое мѣсто? Но исторія даетъ намъ много примѣровъ обратнаго шествія народовъ. Греція, Римъ, Египетъ, Арабы, Индія и Персія были странами передовыми, представителями цивилизаціи въ разныя

— 14 марта послѣдовалъ высочайшій манифестъ о развитіи и улучшеніи постановленій Царства Польскаго.

Съ апрѣля мѣсяца ажитація края усиливается постепенно, какъ объяснялось въ обнародованныхъ правительствомъ извѣстіяхъ.

Въ Іюнѣ обнародовано учрежденіе государственнаго совѣта Царства и постановленіе о выборахъ въ уѣздные и городскіе совѣты, о собраніяхъ избирателей, засѣданіяхъ и составѣ совѣтовъ. За тѣмъ, съ возстановленіямъ государственнаго совѣта высочайшимъ указомъ іюня 15, общее собраніе варшавскихъ департаментовъ правительствующаго сената упразднено.

2 Октября Царство Польское объявлено на военномъ положеніи. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлано распоряженіе объ отобраніи у жителей края оружія.

Въ западномъ краѣ учреждены временные полицейскіе суды и обнародованы правила о порядкѣ объявленія военнаго положенія въ западныхъ губерніяхъ.

Въ концѣ августа Виленскій военный, Гродненскій и Ковенскій генералъ-губернаторъ объявилъ край на военномъ положеніи.

Изъ оффиціальной газеты Царства Польскаго видно, что переговоры между правительствомъ и духовною властью, объ открытіи церквей продолжается постоянно, но до сихъ поръ они не имѣли никакого успѣха.

Общія постановленія и распоряженія правительства въ 1861 году были слѣдующія:

— Въ Россіи учрежденъ совѣтъ министровъ и установленъ порядокъ производства дѣлъ во ономъ.

— 28 мая совершена въ Новгородѣ закладка памятника тысячилѣтію Россіи.

— Министръ народнаго просвѣщенія тайный совѣтникъ Ковалевскій уволенъ, согласно его желанію, отъ должности, а на мѣсто его назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Путятинъ.

— Министръ юстиціи предписалъ прокурорамъ о введеніи въ тюрьмахъ работъ и распространеніи между арестантами чтенія, обученія грамотѣ и распространеніи ремеслъ.

— Румянцовскій музей переведенъ въ Москву.

— Учреждены губернскіе и областные статистическіе комитеты, для содержанія мѣстной административной статистики.

— Отмѣненъ законъ, обязывающій дворянъ и вольноопредѣляющихся-

ся. поступившихъ въ военную службу по собственнымъ прошеніямъ, пробыть въ оной извѣстные сроки.

— Хорольскій уѣздный предводитель дворянства (Полтавской губерніи) по желанію дворянъ оставилъ службу.

— Учреждена Петровская земледѣльческая академія, въ селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ, близъ Москвы.

— 4 Сентября обнародовано наставленіе военнымъ начальникамъ въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій и безпорядковъ.

— Измѣненъ уставъ главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ предоставленіемъ новыхъ льготъ обществу и освобожденіемъ его отъ постройки двухъ линій желѣзныхъ дорогъ, изъ числа четырехъ, къ проведенію которыхъ оно обязано было прежнимъ уставомъ.

Въ числѣ общественныхъ дѣятелей удостоенъ серебряной медали для ношенія въ петлицѣ колязинскій 2-й гильдіи купецъ Семеновъ, за успѣшное пользованіе одержимыхъ пристрастіямъ къ спиртнымъ напиткамъ.

— Для удовлетворенія лицъ, всемилостивѣйше пожалованныхъ землею, назначена въ Оренбургской губерніи полоса въ количествѣ 60.468 десят. и южная часть башкирской полосы Самарской губерніи, Николаевскаго уѣзда, въ количествѣ 79,000 десятинъ.

— Предоставлено право лицамъ свободныхъ сельскаго и городскаго сословій переселяться въ крымъ на владѣльческія земли, по добровольному съ владѣльцами соглашенію и съ предоставленіемъ имъ отъ правительства льготъ: освобожденія отъ податей на 10 лѣтъ и отъ рекрутской повинности на три набора.

— Опубликованы правила для переселенія желающихъ въ области Амурскую и приморскую въ Восточной Сибири; льгота отъ податей на 10 лѣтъ, а отъ рекрутства на 10 наборовъ.

— Ссыльно-каторжнымъ разрѣшено вступленіе въ бракъ, спустя отъ одного до трехъ лѣтъ послѣ поступленія въ отрядъ исправляющихся. При всемъ желаніи мы не могли ни чего найти для разрѣшенія вопроса о томъ, въ какой степени этотъ гумманный законъ приложимъ практически.

— Послѣдовалъ 29 марта всемилостивѣйшій манифестъ о созваніи въ Финляндіи Коммисіи отъ всѣхъ сословій для разсмотрѣнія проектовъ постановленій по устройству и управленію края.

— За политическое преступленіе судимъ: ичкеринецъ Байсунгаръ, который, какъ сказано въ приказѣ главнокомандующаго, генералъ-фельд-

эпохи, и слѣдовали по пути обратнаго шествія. Не все ли равно въ сущности, сдѣлался ли народъ дикимъ, какъ напримѣръ Индійцы, вслѣдствіе того, что пошли назадъ, или остается дикимъ вслѣдствіе того, что вовсе не вступалъ на путь цивилизаціи? Такимъ образомъ, мы находимъ, что одинаково невозможно признать цивилизованными народами: ни жителей Сандвичевыхъ острововъ, которые однажды съѣли депутатовъ отъ англійскаго корабля, ни Китайцевъ, ни современныхъ Персіянъ, ни настоящихъ потомковъ древнихъ Арабовъ, ни Индѣйцевъ, которые даже забыли, что когда-то жили въ гражданскихъ обществахъ.

Степень цивилизаціи народовъ, какъ мы желали доказать, опредѣляется прежде всего степенью развитія гражданскихъ формъ, затѣмъ, мѣриломъ народнаго развитія служитъ объемъ знаній, пріобрѣтенныхъ народомъ и приложеніе ихъ къ практической жизни; всего нагляднѣе опредѣляется степень цивилизаціи народа степенью подчиненія силъ природы волѣ человѣка, съ помощію положительныхъ знаній и изученія природы. Чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ покорнѣе природа человѣку, и до чего можетъ простираться преобладаніе человѣческаго духа надъ грубыми силами природы, — трудно вообразить.

Стихіи и теперь уже подчинены человѣку въ значительной степени, и служатъ, между прочимъ, къ удовлетворенію его высшихъ протребностей: паръ и электричество безпрерывно являются на помощь дѣятельности цивилизованныхъ обществъ; ни пространство, ни грозныя физическія явленія не останавливаютъ стремленій человѣка; но всего этого мало для болѣе полнаго торжества надъ природой. На сѣверѣ холодно еще, на югѣ жарко; въ степяхъ сильны вѣтры; высокія горы, непрорѣзанныя тоннелями, затрудняютъ сообщенія одной мѣстности съ другой; еще много земли, покрытой болотами, недающими человѣку никакой пользы; и напротивъ, есть земли, необитаемыя человѣкомъ по причинѣ безводности; человѣкъ небезопасенъ отъ хищнаго звѣря, — одна лишь Англія истребила его у себя окончательно и держитъ лишь въ звѣринцѣ; и вообще, человѣкъ еще бѣденъ; онъ не умѣетъ взять отъ природы болѣе того, что получаетъ простымъ, безискусственнымъ трудомъ; наука еще мало ему помогаетъ, кромѣ Англіи и Америки, гдѣ машина облегчаетъ трудъ человѣка и могла бы послужить къ его несомнѣнному благополучію, при меньшей зависимости труда отъ капитала.

А между тѣмъ все въ рукахъ человѣка — это многимъ уже доказано: древніе Египтяне строили пирамиды для того, чтобы защитить сыпучіе пески отъ движенія сѣвернаго вѣтра; безводныя степи они

орошали искуственно Ниломъ; Альпы прорѣзаны тоннелями въ недавнее и весьма короткое время; Суэзскій перешеекъ исчезнетъ для того, чтобы соединить два моря; віадуки отняли у высокихъ горъ ихъ неприступность; ирригація, дренажъ осушаютъ и орошаютъ землю; порохъ и молотокъ взрываютъ каменистые скалы на западѣ и югѣ Европы и превращаютъ ихъ въ плодоносные сады и виноградники; оклиматизированіе растеній и животныхъ распредѣляетъ между странами, противоположными по климату и географическимъ широтамъ, богатства природы; изобрѣтенія человѣческаго генія обобщаютъ мысль, науку, способствуютъ умственному развитію одного народа на счетъ другаго... Силы у человѣка громадны, и какіе же относительно-бѣдные результаты онъ получаетъ отъ своихъ силъ!! А что бы, кажется, помѣшало ему превращать, смотря по своимъ потребностямъ, горы въ степи и наоборотъ и тѣмъ смягчать холодъ сѣвера и жаръ юга?... Многое мѣшаетъ не только творить все это, но и выйти на ту дорогу, по которой можно дойти до возможности этихъ чудесъ... Если бы можно было сосчитать, хотя приблизительно падшихъ жертвами честолюбія, нетерпимости, ожесточенія, даже недоразумѣнія между-народныхъ войнъ, то мы увидѣли бы сколько силъ потеряло человѣчество и цивилизація. Есть цѣлые народы, прожившіе ряды столѣтій такъ называемой исторической жизнью, которые готовы были скорѣе оставаться замкнутыми въ скорлупу своей народности, нежели примкнуть къ общему ходу цивилизаціи. Если бы также можно было опредѣлить время, потраченное на самую безплодную борьбу партій, кастъ, сословій и т. п., то мы увидѣли бы сколько утрачено силы для умственнаго развитія цѣлаго человѣчества и для матеріальнаго труда, который всегда остается наслѣдствомъ отъ одного поколѣнія другому...

Древняя цивилизація, которая, такъ сказать, все-таки есть мать новѣйшей цивилизація, началась, какъ извѣстно, на Востокѣ. Едва ли кто будетъ сомнѣваться, что климатъ, почва, пища и вообще природа въ свою очередь имѣютъ также довольно сильное вліяніе какъ на отдѣльнаго человѣка, такъ и на цѣлыя общества. Роскошная природа Востока, щедро снабжая человѣка своими дарами, и оставляя въ покоѣ его умъ, способствовала почти исключительно развитію фантазіи, неразлучнымъ спутникомъ которой, какъ извѣстно, являются суевѣріе, фанатизмъ и т. п.; отъ этого, мы видимъ, цивилизація древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ является какимъ-то замысловато разукрашеннымъ чудовищемъ, ни ʼмало неудовлетворяющимъ требованіямъ здраваго, развитаго разума; по всему видно, что

въ ней ничто иначе не создавалось, какъ дѣйствіемъ одного лишь горячаго воображенія, почти безъ всякаго участія разума; на каждомъ шагу мы видимъ *форму безъ содержанія;* вмѣсто рисунка — хитросплетенныя арабески; вмѣсто ясныхъ опредѣленныхъ очертаній туманныя картины; вмѣсто естественнаго, правильнаго соціальнаго развитія народовъ — какой-то волшебный фонарь; вмѣсто науки — таинства чародѣйства.

Между восточной и западной цивилизаціей существуетъ совершенная противоположность; на Востокѣ природа подчинила себѣ человѣка, на Западѣ человѣкъ подчинилъ себѣ природу; отсюда начало и необходимость, для европейца, высшаго индивидуальнаго развитія; отсюда тоже необходимость опредѣленности въ отношеніяхъ индивидуума къ обществу и столь раціональнаго развитія сего послѣдняго, чтобы отношеніе индивидуума и общества находились между собою въ гармоніи. На Востокѣ рабство всѣхъ возможныхъ видовъ: политическое, гражданское, семейное, остается неприкосновеннымъ въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ; въ Европѣ, напротивъ, послѣ того, какъ сдѣлались всѣмъ извѣстны ассирійскія и вавилонскія нелѣпости, человѣкъ сталъ требовать не только своей личной независимости во всемъ, но и даже освобождаетъ отъ всякихъ оковъ свой умъ; борется со всякими предразсудками, пытливо допрашиваетъ природу наукой о ея свойствахъ, и съ помощію своихъ неутомимыхъ изысканій возвышается до раціональныхъ воззрѣній. Даже экономическіе принципы европейскихъ обществъ неизбѣжно должны разниться отъ принциповъ древней восточной цивилизаціи. Щедрая природа Востока дала всѣмъ одинаково и солнечную теплоту, и земные плоды, добываемые съ малымъ трудомъ, и роскошную цвѣтущую растительность; при этихъ блаженныхъ условіяхъ, естественно, не могли развиться опредѣленныя понятія о собственности, которая въ глазахъ человѣка не могла получить того значенія, какое имѣетъ она въ странахъ, гдѣ каждый кусокъ хлѣба, каждый градусъ тепла можетъ быть добытъ не иначе какъ только упорнымъ трудомъ. Отъ этого, мы видимъ, собственность на Востокѣ получила неправильное, неравномѣрное распредѣленіе. Совершенно другія потребности мы видимъ на Западѣ.

Прогрессъ — это есть то движеніе, которымъ народъ достигаетъ послѣдовательно цѣлей, вытекающихъ изъ условій цивилизаціи извѣстной эпохи. Великій шагъ для націи, когда она вступила на этотъ путь и сознаетъ это.

Этими разсужденіями мы оканчиваемъ нашу лѣтопись, удѣляя за тѣмъ нѣсколько строкъ извѣстіямъ послѣднихъ дней.

Министръ Народнаго Просвѣщенія, Генералъ-Адъютантъ, Адми-

ралъ, Графъ Путятинъ, согласно его прошенію, уволенъ отъ настоящей должности, съ оставленіемъ членомъ государственнаго Совѣта и въ званіи Генералъ-Адъютанта.

Состоящій по Морскому Министерству, Статсъ-Секретарь, Тайный Совѣтникъ Головнинъ назначенъ быть Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, съ оставленіемъ въ званіи Статсъ-Секретаря.

Финляндской Всеобщей Газетѣ пишутъ изъ Гельсингфорса, отъ 14-го декабря: «Въ среду, 11-го декабря, порядокъ у насъ былъ нарушенъ, и это вызвало вмѣшательство мѣстныхъ начальствъ. Въ шесть часовъ по полудни образовалось народное сборище, которое предполагало съ пѣснями расхаживать по городу и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позволять себѣ неприличные возгласы. Эти сцены, причиненныя не только невѣжествомъ введенной въ заблужденіе толпы, но и заключавшія въ себѣ родъ демонстраціи, въ которой принимали участіе, говорятъ, лица, принадлежащія къ цивилизованнымъ классамъ, доказываютъ, особенно въ настоящую минуту, когда всѣ имѣютъ причины быть довольными, необдуманность и легкомысліе, которыя, конечно, будутъ осуждены общественнымъ мнѣніемъ.»

Переводимъ изъ офиціальной газеты Царства Польскаго, слѣдующую статью:

«Подъ заглавіемъ: *Правительство русское и польское духовенство*, въ газетѣ «Le Monde» помѣщена, 13-го декабря, передовая статья, въ которой, искажая характеръ фактовъ, придумывая ложныя объясненія имъ, приписываютъ исключительно духовенству честь инниціативы революціоннаго движенія въ Польшѣ.

«Далѣе говоритъ газета, что такими похвальными и, по истинѣ, угодными Провидѣнію дѣйствіями, духовенство не могло бы, казалось, возстановить противъ себя правительство; однако, во-время исполненія религіозныхъ обрядовъ, недальновидное и ненаходчивое начальство выслало казаковъ.

«Казаки вбѣжали въ костелъ, топтали ногами ксендза, оскверняли святыню и осыпали колѣно-преклоненный народъ позорными ударами.

«Это начало опредѣлило характеръ всего движенія.»

«Начало было совершенно-иное; и не духовенству принадлежитъ инниціатива этого движенія, съ мнимымъ религіознымъ характеромъ. Подстрекатели, чувствуя себя не въ силахъ предпринять что-нибудь важное съ оружіемъ въ рукахъ, а между тѣмъ, желая возмутить массы и приготовить ихъ къ мысли объ общемъ возстаніи, придумали рядъ мнимо-религіозныхъ мирныхъ демонстрацій.

«Цѣлью ихъ было: обратить въ позоръ тѣ мѣры, кои могли быть предприняты противъ людей, которыхъ сами они представляли людьми безоружными и молящимися.

«Только тѣ, которые нарочно закрываютъ глаза передъ свѣтомъ, могутъ не знать, что, съ самаго начала, религія была неболѣе, какъ маской, прикрывавшею революціонный характеръ демонстрацій. Неужели, въ самомъ-дѣлѣ, имѣла религіозный характеръ та процессія, которая, вечеромъ 25-го февраля, двигалась къ Старому Городу, гдѣ и была разсѣяна отрядомъ жандармовъ? По совершеніи церковной службы въ костелѣ Паулиновъ, около пятидесяти человѣкъ молодежи, изъ которыхъ одинъ, по предложенію приходскаго ксендза, отказался нести святую хоругвь — взяли съ возу, поставленнаго на углу одной изъ улицъ, значки съ польскими національными цвѣтами, и, зажегши факелы, запѣли гимнъ, начинающійся словами: «Boze, cos Polske».

Спустя два дня послѣ этого, 27-го числа, вопреки положительному приказанію начальства, другая процессія, гораздо-многолюднѣйшая (такъ-какъ было время набрать себѣ сторонниковъ), остановилась передъ замкомъ, занимаемымъ императорскимъ намѣстникомъ, пѣла постоянно тотъ же самый гимнъ, и носила картины, изъ коихъ не на всѣхъ были священныя изображенія, такъ-какъ между этими картинами находился портретъ революціоннаго витязя, сапожника Келинскаго.

«Въ этотъ печальный день была пролита кровь, но нельзя, однако, взводить всю отвѣтственность на правительство. Вторженіе казаковъ въ костелъ бернадиновъ, во-время служенія, сломаніе креста — все это такіе постыдные вымыслы, уже столько разъ опровергнутые, что они не должны бы найти мѣста въ столбцахъ серьезной газеты.

«Таково было истинное начало движенія, столь восхваляемаго въ газетѣ «Monde», съ самаго начала, и — этого нельзя не повторить нѣсколько разъ — духовенство держало себя благоразумно въ сторонѣ, и каждый житель Варшавы могъ видѣть, какъ ксендзы уходили въ ризницы и гасили свѣчи, когда, сперва, только незначительное число голосовъ начинало пѣть гимнъ: Boze, cos Polske.

«Одинъ изъ ксендзовъ церкви св. Креста, когда прервана была служба пѣніемъ помянутаго гимна, ушелъ отъ алтаря, не давши благословенія народу. На другой день онъ получилъ безъименныя письма, которыя были наполнены угрозами. Правда, что нѣсколько-позднѣе, подъ вліяніемъ этихъ угрозъ, при подстрекательствѣ мнимыхъ патріотовъ, ободренныхъ снисходительностью правительства, духовенство приняло непріязненный видъ и, съ возрастающею, вслѣдствіе безнака-

занности, смѣлостію, начало говорить, въ своихъ проповѣдяхъ, въ духѣ совершенно-неевангельскомъ. Въ нѣкоторыхъ костеляхъ духовенство перестало удаляться въ ту пору, когда начиналось запрещенное пѣніе, и даже органы стали вторить этому пѣнію. Тогда, дѣйствительно, нѣкоторые епископы разослали пастырскія увѣщанія, цѣлью которыхъ было убѣдить крестьянъ въ томъ, что они не могли и не должны были ожидать улучшенія своего быта отъ кого другаго, какъ-только отъ своихъ помѣщиковъ; но газета «Monde» несправедливо говоритъ, будто-бы эти пастырскія увѣщанія были вызваны безотлагательною необходимостью препятствовать проискамъ правительства, разсылавшаго по деревнятъ циркуляры и эмиссаровъ, для возбужденія возстанія. Ложно также сообщаетъ газета «Monde», будто-бы ксендзы въ конфессіоналахъ получали страшные вопросы, въ которыхъ спрашивали ихъ, есть ли преступленіе убить помѣщика? Подобные вопросы, называемые на религіозномъ языкѣ исповѣдью, тайну которой не можетъ открыть ни одинъ ксендзъ — какъ это должно быть извѣстно газетѣ «Monde» — не могли имѣть мѣста, такъ-какъ правительство ни прямо, ни косвенно не возбуждало крестьянъ противъ помѣщиковъ, а въ 1846 году оно съумѣло, съ помощью энергическихъ мѣръ, предотвратить пролитіе крови въ царствѣ, между-тѣмъ какъ это было въ Галиціи.

«Если же сельскіе обыватели преданы правительству, если они тщательно держали себя всторонѣ отъ движенія, то это потому, что правительство серьезно занялось улучшеніемъ ихъ быта, и потому еще, что, благодаря его иниціативѣ въ 1846 году, половина сельскихъ общинъ не несетъ барщины, но платитъ оброкъ; наконецъ, и потому еще, что крестьяне, наученные опытомъ прошедшаго, совершенно не вѣрятъ тѣмъ прекраснымъ обѣщаніямъ, которыя дѣлаются имъ помѣщиками и ксендзами съ амвоновъ.

«Газета «Monde» вдается въ область вымысловъ, когда она, въ той же статьѣ, представляетъ, съ одной стороны, казаковъ, рыскающихъ по улицамъ Варшавы, а съ другой, мужчинъ и женщинъ, дѣтей и старцевъ, падающихъ на колѣна и поющихъ гимнъ, въ которомъ Богъ и отчизна сливаются въ одну молитву и въ одну любовь. Упомянутая газета остается въ той же области и тогда, когда она прибавляетъ, что можно было ожидать ужасныхъ бѣдствій, еслибы возвышенныя чувства не овладѣли толпой, и еслибы ей не пришло на мысль искать побѣду въ мученичествѣ. Всѣ, которые были въ Варшавѣ во время волненія народа, знаютъ, что сходбища и разсѣянныя толпы были сходбищами и толпами шумными, крикливыми, пытавши

мися оказать сопротивленіе; онѣ были не колѣнопреклонными передъ смертью, но умѣвшими прекрасно уходить, всякій разъ, когда войска получили приказъ дѣйствовать оружіемъ.

«Безъ всякаго сомнѣнія, намѣреніемъ подстрекателей было выдумывать жертвы, для того, чтобъ всякій разъ все сильнѣе волновать народъ и вызывать его на несчастіе; имъ удалось отыскать такихъ, но, несмотря на ихъ фанатическія увѣщанія, охота къ мученичеству не распространилась въ массахъ.

«А гимны, пѣтые въ костелахъ, неужели, въ самомъ дѣлѣ, были гимнами религіозными? Извѣстнѣйшій изъ нихъ Boże coś Polske—былъ правда, первоначально, благодарственною пѣснію, сочиненною въ честь Императора Александра, но потомъ, посредствомъ разныхъ прибавокъ, приданъ ей возмутительный характеръ, въ особенности измѣненіемъ припѣва, въ которомъ выражается желаніе низвергнуть существующій порядокъ. Пѣсня, сложенная въ память галиційской рѣзни, была также пѣта во всѣхъ костелахъ, хотя ей прямо можно было отказать въ молитвенномъ характерѣ, какъ это и сдѣлалъ польскій ксендзъ Яловацкій, въ своемъ недавно-напечатанномъ письмѣ.

«Эти мнимо-религіозныя пѣсни были отвергнуты, въ Пруссіи, епископомъ Хелминскимъ; такъ же сдѣлали теперь, въ Галиціи, архіепископъ львовскій и два епископа.

«Если въ общественномъ порядкѣ встрѣчается только одна нравственная сторона, то тѣмъ болѣе не можетъ быть двойственной нравственности въ дѣлахъ религіозныхъ. Если въ царствѣ не всѣ высокіе сановники церкви возстали гласно противъ злоупотребленій молитвы, то это потому, что они были послушны мірскому вліянію. Они, какъ говоритъ архіепископъ львовскій, покорились натиску журналистики, и въ особенности подстрекателей.

«Это, впрочемъ, видно изъ отвѣта, блаженной памяти, архіепископ-Фіалковскаго, на предложеніе коммисіи исповѣданія, чтобы онъ внушилъ прекратить въ костелахъ пѣніе религіозно-политическихъ пѣсень. Не отвѣчалъ онъ такъ, какъ ошибочно пишетъ газета «Monde», будто бы ему не подобаетъ внушать о прекращеніи пѣнія, но онъ увѣдомилъ только о безполезности этой мѣры, т. е. онъ отвѣчалъ, что просимыя у него приказанія не будутъ никѣмъ исполняемы, и что, такимъ образомъ, неуваженіе къ его внушенію будетъ имѣть вредное послѣдствіе для религіи. Хотя, въ настоящее время, часть духовенства оказываетъ тайное сопротивленіе правительству, однако, оппозиція эта не имѣетъ вовсе характера явной борьбы, какъ представляетъ ее

авторъ статьи въ газетѣ «Monde». На циркуляры, предлагавшіе духовенству избѣгать, въ проповѣдяхъ, политическихъ намековъ, духовенство никогда не отвѣчало, что укрощать междоусобную войну и уничтожать, согласно съ заповѣдями божіими, ненависть, воровство и убійство — оно считаетъ своею обязанностію, и что до него вовсе не касается, называются ли эти преступленія политикой.

«Духовенство никогда единогласно не отказывалось отъ содѣйствія, которое было ему предложено, а именно: увѣдомлять начальство о каждой процессіи и религіозномъ обрядѣ, собирающихъ значительное число людей. Одинъ только епископъ привелъ нѣсколько замѣчаній, несогласныхъ, впрочемъ, съ выраженіями, напечатанными въ газетѣ «Monde».

«Хотя на закрытіе всѣхъ костеловъ въ Варшавѣ и нельзя смотрѣть иначе, какъ на политическую демонстрацію, однако, духовенство протестуетъ противъ подобной мѣры, и примѣръ, данный варшавскимъ капитуломъ, нигдѣ не находитъ подражанія, хотя положеніе дѣлъ повсюду одинаково.

Воскресныя школы, какъ увѣряетъ «Русскій Инвалидъ» идутъ плохо. Кредитъ нашъ тоже плохо ростетъ. Денегъ, по прежнему, нѣтъ; такъ что даже входитъ въ сильную моду говорить: «денегъ нѣтъ,» — мода это основывается на томъ, что у всѣхъ тѣхъ, у кого *встарину* водились деньги, теперь ихъ нѣтъ; такимъ образомъ всякому хочется причислить себя къ той категоріи людей, которые имѣли возможность прежде имѣть деньги. О мѣрахъ противъ сего мы ничего не слыхали и потому въ утѣшеніе читателя ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что денегъ нѣтъ, вѣроятно, передъ деньгами, какъ обыкновенно бываетъ «послѣ вёдрышка ненастье» и на оборотъ.

Въ самое заключеніе, тѣмъ изъ нашихъ отдаленныхъ читателей, къ которымъ журналъ нашъ, по тяжелой почтѣ прибудетъ вначалѣ новаго года, — посылаемъ нашъ привѣтъ, а тѣмъ, кто получитъ эту книжку послѣ масляницы, желаемъ не истощать терпѣнія и съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ преклониться предъ нетороплпвостью тяжелой почты.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Прошедшее и настоящее Москвы.—Ожиданіе ея метаморфозы.— Времена «Москвитянина» и «Русскаго Вѣстника».—Параллель между Москвой и Петербургомъ.—Московскій публицистъ и его «ученыя арабески».—Нѣчто о литературномъ казачествѣ и объ анархіи умовъ.—Другой московскій ученый—поэтъ и его баллада. — Мои грезы по этому поводу. — Новогодній мадригалъ Москвѣ. — Г. Бланкъ и что такое *стадообразное явленіе*. — Философское открытіе г. Бланка.—Къ какой породѣ онъ принадлежитъ?—«Основа» и «Сіонъ».—Національные лишаи и новое оскорбленіе Евреевъ.—Г. Кулишъ и судъ его надъ собой.—Есть-ли у насъ женщины? — Женщины въ Медицинской академіи и разсужденія по этому поводу фельетониста одного *дѣтскаго* журнала.—Совершенно новый взглядъ на женскую эманципацію.—Русскій Отелло и его перерожденіе.—*Дары эманципаціи*—современная фантазія.—У всѣхъ ли есть *свои* слова?—Странныя желанія одного библіофила.—Домашній картель между «Русскимъ Міромъ» и «Сыномъ Отечества».—Два голоса: поэтъ изъ канцеляріи и поэтъ изъ Мюнстеровской галлереи.—«Новое дарованіе» и его муза.—Эротическое стихотвореніе къ солнцу. — Наше совершеннолѣтіе и наши шалости.—Шалуны con amore и шалуны-практики.—Исторія одного узелка на желѣзной дорогѣ.—Петербургскій спекуляторъ и его похожденія.—Мое открытіе: почему березу называютъ *плакучей*. Петербургскій наставникъ и нѣчто о педагогическихъ аккордахъ.—Образчики безсмысленнаго формализма.—Открытія Кокорева и «Книжнаго Вѣстника».—Послѣдній изъ Леонидовъ.—Полемика по поводу русскаго балета.—Два слова Гейне вообще о балетахъ.—Г. Ротчевъ и его увлеченія.—Петербургскій театралъ и его взглядъ на Ристори.—Ученое животное въ пассажѣ.—Провинціальныя вѣсти.—Проэктъ женской гимназіи въ г. Черниговѣ.—Покража общественныхъ денегъ.—Догадливость Черниговца и новыя продѣлки.—Неудавшійся проэктъ.—Николаевскій почтмейстеръ-скептикъ.—Австрія, какъ вновь открытое государство.—Нѣсколько провинціальныхъ библіографическихъ рѣдкостей.—Новая голова Медузы въ провинціи.—Дѣятельность *Вишневки въ городкѣ* N.—Храбрый мировой посредникъ.—Вѣсти изъ Крутогорска.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ потухъ «Маякъ» и заснулъ вѣчнымъ сномъ «Москвитянинъ», съ тѣхъ поръ, какъ желѣзная дорога и телеграфъ соединили обѣ столицы, всепомиряющіе

люди надѣялись, что это послужитъ въ пользу обоимъ городамъ и между ними не будетъ прежняго рѣзкаго различія и фамильнаго несходства. Петербургъ, какъ иностранецъ, думалъ обруситься, Москва же хоть на шагъ подвинуться къ Европѣ. Мы ждали. Проходили года; въ Москвѣ открыло свои засѣданія Общество любителей Россійской словесности, явились «Русскій Вѣстникъ», «Наше Время», «Русская Бесѣда», рѣже стали являться сказочные богатыри, которые, заломивъ шапку и подъ вліяніемъ Ивана Великаго и Ивана Аксакова, молодецкимъ голосомъ восклицали:

Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?

съ твердой увѣренностью, что на такіе нелѣпые подвиги никто не рѣшится... Дѣйствительно Москва начала будто-бы просыпаться, пародировала на Кузнецкомъ мосту Невскій проспектъ, выстроила новый театръ и нарядила всѣхъ своихъ купчихъ въ необъятные парижскіе кринолины. Вся внѣшность говорила о прогрессѣ...Москва даже не обидѣлась,—по крайней мѣрѣ, явно,—что памятникъ тысячелѣтія будетъ построенъ не въ ея стѣнахъ, а въ Новгородѣ...Москвичи даже самое слово «патріотъ» стали произносить съ оттѣнкомъ невской ироніи и баварское пиво начали предпочитать славянскому квасу. Новые журналы, новые люди, новыя зданія... но, увы! скоро всѣ мы узнали, что

Дома новы, но предразсудки стары,
И ихъ въ Москвѣ не истребятъ
Ни Шевыревы, ни Китарры...

Скоро всѣ мы узнали, что наша матушка-бѣлокаменная достойна такого названія и сквозь свои каменныя стѣны еще и до текущихъ дней не пропускаетъ свѣжаго воздуха, свѣжихъ идей, и только одно развѣ «свѣжее преданіе» пропустила для послѣ-обѣденныхъ наслажденій. Еще никогда съ такимъ старушечьимъ негодованіемъ не смотрѣла она на Петербургъ, какъ въ настоящее время: такъ точно племена Индѣйцевъ смотрѣли нѣкогда на новыхъ Американскихъ поселенцевъ. Отстаивая свое первородство, Москва не уступитъ его ни за какую чечевичную похлёбку въ мірѣ и съ нетерпѣніемъ каждый годъ ожидаетъ, что Петербургъ—прикажетъ долго жить, опустошенный на-

водненіемъ.... Москва и Петербургъ! Параллель между этими двумя городами была когда-то любимой темой многихъ даровитыхъ нашихъ писателей. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь вновь хочется взглянуть да посравнить обѣ эти столицы, и я, сколько позволяютъ мнѣ границы моего отдѣла, попробую начать старую погудку—на новый ладъ. . Не стану я пускаться въ подробную физіологію обоихъ городовъ—это было уже разсказано другими, но разсмотрю только нѣкоторыя стороны и черты, въ которыхъ современные Петербургъ и Москва ярко отдѣляются другъ отъ друга.

Москва, гордясь своей древней родословной и вѣрная правиламъ старины, смотритъ на Петербургъ—какъ на незаконнорожденнаго, какъ на выскочку, не помнящаго своего родства и не можетъ простить ему никакаго успѣха. Петербургъ, не имѣя сзади себя ни дѣтства, ни исторіи, ни миѳологіи, лишь опирается на свои личныя заслуги и въ своей бабушкѣ лишь видитъ старуху, выжившую изъ ума. Когда я въѣзжаю въ Москву, то она своимъ характеромъ и прихотливыми запутанными улицами—ужасно напоминаетъ мнѣ Московскія Вѣдомости, въ которыхъ всѣ листы перепутаны и перетасованы, внѣ всякихъ правилъ порядка и нумераціи. Москва называетъ это лирическимъ безпорядкомъ, Петербургъ же, прямолинейный до скуки и однообразія, считаетъ эту картинность деревенскимъ безвкусіемъ. Въ Петербургѣ каждый писатель смотритъ редакторомъ, или кандидатомъ его, въ Москвѣ нѣтъ редакторовъ—тамъ одни писатели. Въ Москвѣ—литература для журналистовъ—умственный моціонъ, развлеченіе, въ Петербургѣ литература сводитъ въ гробъ и больницу. Въ Петербургѣ даже г. Старчевскій въ своей газетѣ—корчитъ изъ себя прогрессиста; въ Москвѣ Катковъ называетъ прогрессистовъ пустоголовыми, а Н. Ф. Павловъ своимъ авторитетомъ поощряетъ московскихъ литературныхъ Держимордъ. Московскіе журналы плачутъ, если у нихъ изъ конторы пропадетъ четвертакъ; петербургскимъ сотрудникамъ вымараютъ шесть печатныхъ листовъ, а они на другой день напишутъ восемь. Петербуржцу предложатъ подписаться въ пользу бѣдныхъ тружениковъ — онъ непремѣнно подпишется, но не всегда деньги отдаетъ; москвичъ же попроситъ три дня сроку подумать и вовсе не подпишется. Петербургскій *свистунъ*, а тамъ всѣ—свистуны, оборветъ гдѣ нужно, да и отойдетъ; москвичъ не свиститъ, но прочтетъ сначала проповѣдь, а потомъ и въ драку полѣзетъ, прямо на кулаки. Москва, чтобъ убить время, ходила къ Ивану Яковлевичу

*

и слушала его лекціи или же читала оракулъ дѣвицы Ленорманъ; петербуржецъ и къ Ристори за недосугомъ перестала ходить. Петербургскій писатель напишетъ въ газету статью, и за другую еще не написанную деньги впередъ возьметъ; московскому литератору деньги не всегда отдадутъ и онъ довольствуется часто одними только оттисками своихъ статей. Въ Москвѣ если заведется славянофилъ—такъ безъ смазныхъ сапогъ шагу не сдѣлаетъ и безъ нагольнаго тулупа не понимаетъ народности. Въ Москвѣ г. Миллеръ издаетъ «развлеченіе» и платитъ деньги своимъ сотрудникамъ, что бы ни написали; въ Петербургѣ Льву Камбеку сотрудники деньги платятъ—только печатай. Въ Петергургѣ издается одинъ иностранный журналъ «Journal de St-Petersbourg», который и Французы не читаютъ; въ Москвѣ выходятъ два иностранные журнала «Русскій Вѣстникъ» и «Русская Рѣчь»,—и ничего, читаютъ охотники. Въ Петербургѣ если вы оскорбите женщину, напишете нелѣпость или просто провретесь, то васъ непремѣнно освищутъ обличители; въ Москвѣ же иной ученый мужъ, лишившись самаго дорогаго сокровища, здраваго смысла, все-таки продолжаетъ учить и наставлять, а слушатели попрежнему хлопаютъ. Въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ появленія «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго, нѣкто Ждановъ выдумалъ особаго рода жидкость для уничгоженія міазмовъ;—въ Москвѣ ученыя арабески московскаго публициста... но на московскомъ публицистѣ позвольте мнѣ теперь немного остановиться. Есть личности, о которыхъ неуважительно говорить мелькомъ, въ двухъ-трехъ словахъ. Я понимаю это очень хорошо и потому мѣняю тонъ, застегиваю фракъ на всѣ пуговицы и начинаю говорить самымъ солиднымъ образомъ:

— Есть много мыслителей и ученыхъ, имена которыхъ мы произносимъ съ великимъ благоговѣніемъ, но имя московскаго публициста и его ученая дѣятельность таковы, что простымъ людямъ безъ особенныхъ приготовленій о нихъ и говорить просто нельзя. Съ тѣхъ поръ, какъ мы прочли въ журналѣ знаменитое письмо этого ученаго «изъ Парижа въ Лондонъ», съ тѣхъ поръ его авторитетъ выросъ до громадныхъ размѣровъ. Этимъ журнальнымъ трудомъ.

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный, вѣчный...

Каждое новое сочиненіе, новое слово этого дѣятеля читалось, ловилось на лету.

Но вотъ въ чемъ дѣло

Лишь то бѣда:
Не пишутъ эти господа!

А если и пишутъ, то очень рѣдко и мало. Московскій публицистъ долго молчалъ, и только недавно наша Москва удостоилась первая услышать его вдохновенный голосъ. Да именно вдохновенный, что я *далѣе постараюсь доказать.* «Ученыя арабески» московскаго публициста по своему содержанію и всестороннему разнообразію не могутъ во всей своей цѣлости разбираться въ дневникѣ Темнаго человѣка: это не его ума дѣло. Пусть мудрые спеціалисты займутся серьезной оцѣнкой этихъ «арабесокъ», я же съ своей стороны только укажу на нѣкоторыя мѣста ея и мысли, ярко выдающіяся по своей ученой оригинальности. Въ своемъ твореніи г. Чичеринъ разбросалъ, какъ жемчугъ, драгоцѣнныя мысли,—только подбирай, да любуйся. Кое-что и мы подобрали.

Между прочимъ вотъ что говоритъ московскій публицистъ:

— «Разумное общественное мнѣніе—первое условіе свободнаго и плодотворнаго развитія; общественное мнѣніе шаткое, страстное, безразсудное вызываетъ только реакцію и бросаетъ тѣнь подозрѣнія на свободу. Между тѣмъ у насъ слышится только нестройный говоръ едва пробудившейся мысли. Стоитъ только прислушаться къ хаосу разнорѣчащихъ возгласовъ, которые раздаются кругомъ насъ, стоитъ вникнуть въ эту полную анархію умовъ, шатающихся изъ стороны въ сторону и хватающихся за самыя крайнія мысли, въ надеждѣ найти въ нихъ какую нибудь точку опоры. Весь этотъ буйный разгулъ мысли, все это умственное и литературное качество составляютъ, къ несчастію, проявленіе одной изъ историческихъ стихій русской жизни. Но ей всегда противодѣйствовали разумныя общественныя силы, которыя поставляли себѣ задачею развитіе гражданственности и порядка».

Послѣ этой тирады объ литературномъ *казачествѣ* (а въ литературѣ нашей только и былъ одинъ казакъ, Луганскій) да и тотъ замолчалъ давно о *буйномъ разгулѣ мысли*, объ *анархіи умовъ*; авторъ «ученыхъ арабесокъ» высказываетъ нѣсколько блестящихъ афоризмовъ, въ родѣ того, напр., что каждый Русскій долженъ гордиться прошедшей исторіей своей родины, или-что въ государственномъ управленіи необходимы чиновники и проч.

Но я не буду дѣлать указаній на «красоты» ученыхъ арабесокъ: ихъ достоинство и оригинальность говорятъ сами за себя.

Укажу теперь на другаго московскаго ученаго, который съумѣлъ свои научныя изысканія приправить самымъ благовоннымъ лиризмомъ и поэтическими сравненіями. Я совершенно понимаю г. Рыжева, который недавно пришелъ въ восторгъ отъ его учено-поэтической брюлетки. Дѣйствительно, нужно быть истиннымъ поэтомъ въ душѣ, чтобы по поводу нѣкоторыхъ философскихъ рѣшеній, фантазировать цѣлыя баллады. «Давно уже, говоритъ ученый, было замѣчено, что обширныя области благопріятствуютъ развитію абсолютизма, а мелкія, напротивъ, представляютъ лучшія условія для народнаго правленія». Что можетъ быть проще, повторяю я снова, этого изреченія? Какая фантазія можетъ разыграться при взглядѣ на эту теорему?.. Можеът и очень можетъ, читатели! Новый поэтъ-мыслитель не задумался и въ ученомъ сочиненіи написалъ для большей наглядности слѣдующую эклогу:

1.

«Представьте себѣ съ одной стороны обширную черноземную равнину, покрытую лѣсомъ, съ другой-страну, представляющую разнообразную поверхность, изобилующую скалами, ущельями, долинами.

2.

«По обѣимъ скитаются дружины, съ своими вождями...

3.

«Естественно, что въ послѣдней странѣ каждый дружинный начальникъ усядется на неприступную скалу,

4.

«Гдѣ онъ построитъ себѣ каменный замокъ, откуда онъ будетъ владычествовать надъ окрестностью;

5.

«Куда недостанетъ до него чужая рука.

6.

«На черноземной равнинѣ это невозможно»...

Дочитавъ до такого мѣста въ философской статьѣ, я по своей впечатлительности долго не могъ забыть его и мрачная картина пустыни съ одной стороны и скалистой, угрюмой мѣстности—съ другой—постоянно стояла передъ моими глазами. Пришла ночь—но и ночью, у моего изголовья раскрывалась та же панорама и долго, долго я не могъ уснуть... Наконецъ сонъ одолѣлъ меня, но я и во снѣ увидѣлъ какіе-то неясные образы изъ картины поэта-мыслителя.... Передо мной то являлся съ сардоническою улыбкою мефистофель и шепталъ мнѣ на ухо какія-то таинственныя слова, то будто изъ земли выросталъ художникъ-оригиналъ изъ послѣдней повѣсти Помяловскаго и хитро прищуриваясь говорилъ мнѣ:

— А вѣдь веселенькій пейзажикъ?

Сонъ мнѣ снился удивительный!

Удивительный снился мнѣ сонъ,
Лишь прилегъ я вздремнуть на разсвѣтѣ:
Духомъ тьмы отъ земли унесенъ,
Я стоялъ на какой-то планетѣ.

* *
*

И земной позабылъ я мірокъ,
Въ новомъ мірѣ, испугомъ объятый,
И внималъ, какъ читалъ монологъ
Мой таинственный чудный вожатый.

*
* *

«Посмотри!» говорилъ сатана:
«Предъ тобою равнина направо,
Здѣсь же—горъ и ущелій страна
И вулкановъ остывшая лава.

*
* *

Почва плоская — жителямъ рай;
Безбоязненно тамъ проходи ты,
Не рискуй заходить только въ край,
Гдѣ живутъ по ущельямъ бандиты.

*
* *

На равнинахъ лишь розы ростутъ,
Гдѣ же горы, да горы, да горы,
Тамъ у пропастей, въ замкахъ живутъ
Безсердечные хищники — воры».

*
* *

Я внималъ, но понять все не могъ
Эту длинную, длинную рѣчь я:
Мефистофеля теменъ урокъ
И зловѣще его краснорѣчье.

*
* *

Но потомъ измѣнялся мой сонъ...
Я въ Москвѣ... и, съ величіемъ Федры,
Мужъ какой-то, суровъ и ученъ
Возвѣщаетъ о чемъ-то, съ кафедры.

*
* *

Говоритъ, говоритъ, говоритъ,
И хоть сердцу не вѣрится какъ-то,
Но задавленный разумъ молчитъ,
Мудрецомъ убѣжденный de facto.

*
* *

Я проснулся... бѣжалъ съ меня потъ...
Волоса надъ глазами повисли,
А мой черепъ—весь день на-пролётъ
Все давили ужасныя мысли.

Но на чемъ же я остановился?.. Московскій публицистъ и поэтъ-мыслитель такъ увлекли меня, что я совершенно потерялъ нить моего сказанія о двухъ столицахъ Россіи. Помню только одно, что у меня былъ превосходный планъ и матеріалы для этого сказанія. Во всѣхъ такихъ трудныхъ положеніяхъ, я прибѣгаю къ помощи своей музы, которая меня не разъ ужъ выручала. Такъ и на этотъ разъ, желая добродушно разстаться съ матушкой Москвой, становлюсь въ позу блаженной памяти—Ѳ. Глинки и пою слѣдующій мадригалъ бѣлокаменной:

МОСКВА.

Ахъ, лукавитъ молва,
Чтó уснула Москва,
Братцы,
Чтó осиливъ блины,
Ей тревожные сны
Снятся,

—

Что́ не зная заботъ —
Ей милѣй круглый годъ
Спать-бы,
И гадать на бобахъ
И играть черезъ свахъ
Свадьбы.

—

Ахъ, зачѣмъ клевета
Осмѣяла мѣста
Эти!
Вѣдь языкъ злыхъ людей
Бьетъ, повѣрьте, больнѣй
Плети.

—

Нѣтъ, Москва-старина
И въ просонкахъ умна
Даже,
Не слабѣетъ отъ лѣтъ,
Европейской въ ней нѣтъ
Блажи.

—

Не горитъ въ ней «Маякъ».
«Москвитянинъ» — чудакъ,
Гдѣ-ты?
Какъ «Маякъ», отъ кручинъ,
Ты погибъ средь пучинъ
Леты.

—

Но иная заря,
Надъ Москвою горя,
Встала...
Развѣ новыхъ умовъ
Межъ твоихъ теремовъ
Мало?

—

Развѣ старую лѣнь
Не прогналъ въ тебѣ «День?»
То-то!..
Развѣ Павловъ дремалъ,
Развѣ стихъ не звучалъ
Грота?

—

Нѣтъ, лукавитъ молва,
Что уснула Москва,
Братцы!
Всё впередъ въ ней идетъ,
Лишь за дѣло начнетъ
Браться.

Но довольно о Москвѣ.... У насъ теперь на очереди стоятъ нѣсколько достопримѣчательныхъ явленій, которыя нельзя пройти молчаніемъ. Я не буду говорить о такихъ мелкихъ явленіяхъ, какъ напримѣръ, полемика между г.г. Хотимскимъ и Аммосовымъ, о достоинствѣ аммосовскихъ печей или о твореніяхъ Л. Блюммера, оправдывавшаго идеи московскаго публициста, и пр. и пр. Я даже пройду молчаніемъ знаменитое открытіе г. Щебальскаго, который своимъ умомъ дошелъ до убѣжденія, что «страсть или привычка къ доносамъ—есть одна изъ выдающихся сторонъ характера нашихъ предковъ»... Я молчу, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ молчаніе очень краснорѣчиво... Я остановлюсь ненадолго только на письмѣ г. Бланка, истинно замѣчательномъ письмѣ... Чтобъ совершенно оцѣнить его, нужно непремѣнно припомнить собственныя слова г. Бланка, такъ какъ онъ непереводимъ, неподражаемъ. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ его письма:

«Единодушный выборъ крестьянами волостнаго старшины есть *явленіе стадообразное*»...

Такъ какъ ни въ одной энциклопедіи, ни въ одной физикѣ мы не могли найти явленія, называемаго *стадообразнымъ*, то и рѣшили, что это слово—родилось въ головѣ г. Бланка. Будемъ слѣдить дальше:

...«Можно ли въ этомъ обвинять крестьянъ? (г. Бланкъ, какъ человѣкъ современный на это не рѣшится) никогда, потому что ихъ необразованіе естественно должно поддерживать въ нихъ животный инстинктъ и они также безсознательно, въ этомъ случаѣ, пошли одинъ за другимъ, какъ овцы сигаютъ черезъ канаву, оттого, что туда перескочила одна, какъ лошади несутся въ сторону, оттого, что туда поскакала первая, какъ коровы, понуривъ головы, медленно слѣдуютъ за выдавшеюся изъ стада. *Сравненіе это ни мало не можетъ быть обидно для крестьянъ* (??)...

— Какъ-такъ, г. Бланкъ? Сравнивъ крестьянина съ овцой, лошадью и коровой, вы еще находите это необиднымъ?

— «Необиднымъ, потому, продолжаетъ г. Бланкъ, «*что всѣ люди—суть животныя* и имѣютъ вмѣстѣ съ неразумными нѣчто общее въ характерѣ... Вотъ какой жестокій ударъ наноситъ человѣчеству г. Бланкъ, и даже самого себя не щадитъ и забываетъ, что и самъ онъ, принадлежитъ къ породѣ разумныхъ существъ...

Не гордись же, смертный,
Быстротой развитья:
Господиномъ Бланкомъ
Сдѣлано открытье.

—

Брось труды науки,
Ей ни въ чемъ не вѣря:
Міръ — *стадообразный,*
Люди—хуже звѣря.

—

Все встрѣчай на свѣтѣ
Съ чувствомъ беззаботнымъ:
Господиномъ Бланкомъ
Ты сравнёнъ съ животнымъ.

—

Лишь одинъ вопросъ есть
Въ слѣдующемъ родѣ:
Такъ къ какой же Бланка
Отнести породѣ?

Этого вопроса рѣшить мы не можемъ... пусть читатель уже самъ рѣшаетъ... Впрочемъ, что жъ такое? Г. Бланкъ совершенно новаго слова намъ не сказалъ въ своемъ открытіи. Если намъ и рѣдко доводилось слышать мнѣніе, не признающее людей—въ людяхъ, зато намъ часто приходится читать и слышать проклятія и ненависть обращенныя къ цѣлымъ національностямъ. Еще не могли мы забыть извѣстнаго восклицанія славянофиловъ: «Безумная нація»!—какъ снова приходится убѣдиться въ томъ, какъ сильны еще наши предразсудки, какъ грубы мы въ своемъ отвращеніи къ чуждымъ племенамъ и народностямъ. Давно-ли, кажется, по поводу статьи «Иллюстраціи» (подъ прежней ея редакціей) былъ поднятъ у насъ длинный литера-

турный протестъ за оскорбленіе Евреевъ,—и вотъ въ текущіе дни нашего прогресса—опять поднимается такая же точно исторія. Газета «Сіонъ» въ своемъ № 21, помѣстила статью, названную: «Къ русскимъ журналамъ», въ которыхъ проситъ ихъ вмѣшательства и заступничества. Вотъ что пишутъ въ этой статьѣ:

«... въ сентябрской книжкѣ «Основы» напечатана статья г. Кулиша, подъ заглавіемъ «Передовые жиды». Статья эта содержитъ въ себѣ не разборъ мнѣній, изложенныхъ въ «Сіонѣ» по вопросу о національностяхъ, а безпримѣрно-наглыя ругательства, и ни на чемъ не основанныя обвиненія въ такомъ образѣ дѣйствій, котораго не можетъ не гнушаться честный человѣкъ. Такого рода обвиненія, возводимыя противъ какого-бы то ни было органа гласности въ Россіи, по нашему мнѣнію, не могутъ и не должны быть оставлены безъ вниманія русской литературою. Почва, на которой она стоитъ, не настолько еще тверда, обстановка, среди которой она развивается, не настолько еще благопріятна, чтобы она могла оставаться равнодушною къ дѣламъ подобнаго рода, предоставляя разрѣшеніе ихъ только ближайше-заинтересованнымъ лицамъ и журналамъ. Она должна сама вникнуть въ сущность такого рода обвиненій и извѣстить, заслужены-ли они дѣйствительно, и за тѣмъ отвергнуть отъ себя или тотъ журналъ, который «*для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаетъ къ неровному оружію, ведетъ свою полемику недостойными литературы способами, оскорбляетъ достоинство печатнаго слова, употребляетъ въ дѣло съ извѣстнаго рода ловкостью и дальновидностью плутовство и хитрость*», и т. д. (Основа)—или же тотъ журналъ, который позволяетъ себѣ, незаслуженнымъ образомъ, такъ клеймить своего собрата, возводя на него, безъ всякаго права и основанія, такія гнусныя вины. Воздерживаясь поэтому отъ всякаго предварительнаго самозащищенія, мы передаемъ свое дѣло съ «Основой» на судъ всей русской публицистики, и, обращаясь къ ея представителямъ, съ просьбою разобрать это дѣло, мы напередъ увѣрены, что они вмѣнятъ себѣ въ нравственную обязанность принять на себя такой пересудъ и произнести свой приговоръ въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ своихъ журналовъ»...

Не имѣя подъ руками статьи г. Кулиша, я тѣмъ не менѣе увѣренъ въ точности выписки, сдѣланной «Сіономъ» изъ «Основы». Я даже нахожу, что самое названіе статьи г. Кулиша «Передовые жиды»—очень неприлично. Это все равно, что статью о Финнахъ на-

звать «Передовые Чухонцы», или о Полякахъ»—«Передовые Ляхи». Самъ г. Кулишъ, вѣроятно—былъ-бы не совсѣмъ доволенъ, если бы какой нибудь рецензентъ, надъ разборомъ его послѣдней поэмы «Настуся» написалъ такое заглавіе: «*Хохлацкіе поэты*». Но г. Кулишъ, внѣ своей украинской народности, сколько можно замѣтить, не признаетъ никакого другаго племени и народа; зная его пристрастіе къ нарѣчію малороссіянъ, нужно еще удивляться тому, что онъ иногда, изъ великодушія пишетъ на языкѣ великоруссовъ. Г. Кулишъ прежде всего откровененъ: говоритъ все, что думаетъ, и если доволенъ самъ собой, то и себя похвалитъ, даже печатно. Вотъ примѣръ. Въ октябрьской книжкѣ «Основы» г. Кулишъ, въ видѣ приложенія помѣстилъ страничку, на которой напечатана его басня: «Гоголь и ворона»:

Плывé Гóголь по Славýту,
Въ вóду поринáе.
На гíллі сидúть Ворóна
Вáженько здихáе... и т. д.

Какъ вы думаете, съ какой цѣлью приложена эта басня?

— А вотъ съ какой, отвѣчаетъ г. Кулишъ въ своемъ примѣчаніи: «Украинское слово, по моему глубокому убѣжденію, способно проявить себя современемъ во всѣхъ родахъ и видахъ стиховъ и прозы. *Надѣюсь, что читатели увидятъ это отчасти и въ моемъ сборникѣ, изъ котораго заимствована предлагаемая басня*»...

Г. Кулишъ видимо очень уважаетъ свой талантъ. и пользуется случаемъ похвалить его... А тутъ вдругъ еврейская газета обвиняетъ его за нѣжные эпитеты: *плутовство* и *хитрость*... Но обвиненіе это, какъ видно, нисколько не безпокоитъ украинскаго поэта. На Украйнѣ существуетъ такая логика: еврей—не малороссъ, слѣдовательно... онъ жидъ... Нѣтъ, я рѣшительно совѣтую Сіону написать статью подъ заглавіемъ: «Хохлацкая поэзія»...

Къ числу общественныхъ новостей того мѣсяца мы можемъ отнести одну довольно пріятную, гдѣ личность женщины начинаетъ выступать немного впередъ. Но не увлекайтесь этимъ довѣрчивый читатель, не увлекайтесь, прошу васъ... я потому только и хочу сказать нѣсколько словъ по поводу одного явленія, что оно у насъ рѣдкость ужасная... Въ послѣднее время много было писано о жен-

щинахъ, много гражданскихъ вызововъ было направлено въ ихъ станъ, имъ указана была роль и работа... и что же? Откликнулась-ли хоть одна современная русская женщина на эти вызовы? Чѣмъ заявила себя? Гдѣ выказала свои силы? А случаевъ было много, гдѣ бы могла она явиться съ полнымъ гражданскимъ правомъ на участіе во всемъ, что занимало, радовало и терзало молодое поколѣніе Россіи. Не вѣря больше въ свои надежды, мы грустно оглянулись, и увидѣли, что у насъ есть матери, сестры, жены, есть артистки, дамы–игроки, дамы канканерки но женщинъ въ полномъ смыслѣ этого слова нѣтъ. И вотъ только недавно *одинъ* случай немного оживилъ забытыя надежды; мы довольны имъ, но какъ–то грустно довольны... Одна молодая дѣвушка въ Петербургѣ съ мѣсяцъ тому назадъ подала просьбу о разрѣшеніи ей слушанія лекцій медицинскихъ наукъ и о правѣ держать экзаменъ на ученую медицинскую степень. Медицинскій совѣтъ отвѣчалъ на эту просьбу согласіемъ... Случай этотъ, какъ фактъ не безъ смысла—нельзя пройти мимо, но нашлись у насъ еще такіе наивные эманципаторы, которые, опираясь на этотъ совершенно исключительный фактъ, уже выстроили цѣлую новую систему, доходящую до наивнаго, простодушнаго комизма. Фельетонистъ одного *дѣтскаго* (въ переносномъ смыслѣ) журнала по этому поводу ужасно разчувствовался и пошелъ—благо дорога избитая—тянуть старыя нотки. Но видно и на торной дорогѣ можно сбиться съ дороги... фельетонисту *дѣтскаго* журнала. Совѣтую послушать его, особенно молодымъ женщинамъ. Тоненькимъ голоскомъ онъ такъ изволитъ выражаться:

«И такъ женскій полезный трудъ прививается у насъ, исчезнутъ эти сладенькіе, раздушенные доктора спеціалисты женскихъ болѣзней, (вотъ оно что), безчестившіе свое ремесло веселенькимъ взглядомъ на его привлекательность... Ну, а скоро–ли же другихъ имъ подобныхъ трутней по боку? Скоро-ли въ магазинахъ женскихъ вещей (слушайте, всѣ ревнивые мужья, слушайте)! исчезнутъ изъ за прилавковъ эти красавцы—прикащики, приманка для охотницъ до красивыхъ масокъ? Скоро ли женскія головы будутъ убираться женскими руками, а болтливые французскіе artistes en cheveux ограничутся проведеніемъ неизобразимо тонкихъ англійскихъ проборовъ и завивкою головъ Гришъ, Коко и Сержевъ? Скоро–ли съ ногъ нашихъ сестеръ и дочерей (чтó за нравственный эманципаторъ)! будутъ снимать мѣрки неотвратительно–красивые комми, а приличныя дѣвушки? Кажется, пора–бы»!..

О, русская эманципація! Какъ далеко зашла ты! Я никакъ не

предполагалъ, что можно ожидать ее и любить съ этой точки зрѣнія. Теперь только я понялъ, что каждый Отелло долженъ говорить не

«Крови, крови жажду я...

но» эманципацію скорѣе женщинамъ, эманципацію...

Недавно я, восхищенный мыслію фельетониста *дѣтскаго* журнала, наткнулся на одного русскаго Отелло, у котораго жена какъ разъ вчетверо его моложе.

Я завелъ рѣчь о женскомъ вопросѣ и ихъ освобожденіи.

—Отелло посинѣлъ отъ злости и увелъ меня въ другую комнату, «чтобъ жена не услыхала». Тутъ онъ началъ упрекать меня.

— Не грѣхъ-ли вамъ при молодой женщинѣ говорить о такихъ вещахъ?..

— О какихъ вещахъ?

— Да о женской, будь она проклята, эманципаціи... Съ женщинами и безъ того справиться нельзя, отъ рукъ отбиваются, а когда имъ волю дашь, такъ всѣ мужья локти будутъ кусать...

— Чтобъ убѣдить своего собесѣдника, я началъ объяснять ему, сколько удобствъ влечетъ за собой гражданское образованіе женщины. Чтобъ не показать ему, что я знаю его слабость, я началъ издалека.

— Посмотрите, говорилъ я, на обстановку современной женщины. Въ обществѣ дамъ ей скучно, потому что въ немъ нѣтъ содержанія и кромѣ сплетней и разговоровъ о нарядахъ ничего не услышишь... Поэтому-то наши женщины и предпочитаютъ общество мужчинъ... А образуйте-ка женское поколѣніе и изъ нихъ выйдутъ дѣятели, художники, доктора и т. д. Заболѣетъ напр. ваша дочь—вы обращаетесь къ женщинѣ—врачу, которая и будетъ лечить больную, гораздо лучше, чѣмъ какой нибудь медикъ... На тѣхъ ступеняхъ, гдѣ прежде стояли мужчины, будутъ стоять женщины...

Я долго говорилъ на эту тему и мой слушатель сталъ веселѣе. Онъ понялъ, что для него тутъ много есть хорошаго. Но на первый разъ, какъ человѣкъ осторожный, онъ не хотѣлъ показать мнѣ своего удовольствія. Такъ мы и разстались.

Черезъ недѣлю я его снова встрѣтилъ и совершенно не узналъ. Совсѣмъ эманципаторомъ сдѣлался и того гляди, что напишетъ огромный трактатъ «о воспитаніи женщинъ»...

— Знаете, говорилъ онъ мнѣ—вѣдь не дурно было бы, если бы и въ семьѣ, въ хозяйствѣ женщины стали на мѣсто мужчинъ... Я прогналъ теперь всю мужскую прислугу, повара даже прогналъ...

— Ну, а кучера?..

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. По-моему, если идти впередъ, такъ идти до конца: на козлы бы я самъ Маврушку посадилъ, баба здоровая, съ тройкой справится, а вотъ поди—сдѣлай это у насъ, то дуракомъ назовутъ... Ужасное варварство!..

Я съ этимъ вполнѣ согласился и разсказалъ, между прочимъ о молодой дѣвушкѣ, посѣщающей постоянно университетъ...

— Вотъ этого, батюшка, съ жаромъ замѣтилъ онъ, я никогда бы не позволилъ своей дочери. Учиться можно, но сидѣть рядомъ съ молодыми людьми на одной скамейкѣ... Сохрани меня Богъ допустить такое неприличіе...

И моего эманципатора даже при одной мысли объ этомъ, всего передернуло.

— Хорошъ гусь! подумалъ я, и втайнѣ пожалѣлъ о его бѣдной женѣ.

Но типъ *новаго* прогрессиста въ дѣлѣ освобожденія женщинъ такъ много занималъ меня, что я не удержался отъ желанія достойно воспѣть его на моей лирѣ въ скромной элегіи, съ которою я и познакомлю моего читателя.

ДАРЫ ЭМАНЦИПАЦІИ.

Мужъ ревнивый смотритъ звѣремъ,
Грозной бурею реветъ,
И жену, запрятавъ въ теремъ,
День и ночи стережетъ.
Рветъ съ чела послѣдній волосъ,
Съ каждымъ шорохомъ дрожитъ,
А ему все чей-то голосъ,
Слухъ лаская, говоритъ:

—

«Погоди, о, старецъ! скоро
Женскій кончится полонъ,
И поднимутъ изъ позора
Дочерей и вашихъ женъ.

И онѣ, какъ дѣти вѣка,
Царство истины узнавъ,
Отъ Невы и до Казбека
Захотятъ гражданскихъ правъ;
Цѣпь ихъ старая надтреснетъ,
Мысль могучій дастъ побѣгъ,
Въ каждой женщинѣ воскреснетъ
Гражданинъ и человѣкъ.»

—

Но съ угрозою на это
Машетъ дряхлая рука,
Но опять все рѣчи гдѣ-то
Слышетъ ухо старика:

—

«Погоди, наступитъ время —
Сброситъ женщина свой гнетъ,
И новѣйшее ихъ племя
Знамя новое возьметъ.
Всѣ разумнѣй станутъ, краше:
Педагогомъ—будетъ мать
И съ кафедры жены ваши
Станутъ лекціи читать.
И привыкнетъ понемногу
Пораженная молва,
Что въ профессорскую тогу
Облечетъ себя вдова.»

—

Но склонясь, какъ хилый колосъ,
Старецъ дремлетъ и ворчитъ,
И опять все чей-то голосъ
Не смолкая говоритъ:

—

«Слушай, дядя: мудрый вѣкъ ты
Не считай за мракъ и тьму:
Наши новые проекты
Близки сердцу твоему.
Знай: въ Москвѣ и въ Петербургѣ
Съ плечъ мужей спадетъ гора:
Женъ лечить ужъ не хирурги, —
Будутъ дамы доктора.

Дамъ научатъ очень скоро
Безъ мужчины танцовать,
Роли Гамлета и Мора
Станутъ дамы исполнять.
Ужъ мужьямъ ненадо старымъ
За женой слѣдить съ утра:
Станетъ Ксенія швейцаромъ,
Вступитъ Ѳекла къ кучера,
Въ домѣ женская прислуга,
Въ людяхъ—женщины самъ-другъ...
Будетъ тихо спать супруга,
Будетъ сладко спать супругъ.
Нѣтъ мужчинъ — и нѣтъ соблазна,
Волокитъ исчезнетъ рать,
И жену свою заглазно
Ты забудешь ревновать»...

—

Смолкнулъ вѣстникъ говорившій,
Словно вѣтеръ межъ вѣтвей,
И ревнивца взоръ ожившій
Вдругъ сверкнулъ изъ подъ бровей.

—

И старикъ какъ солнце веселъ,
Словно молодость узналъ,
И вскочивъ невольно съ креселъ,
Милой рѣчи снова ждалъ.

—

Онъ взыгралъ, и пламенѣя
Вдругъ въ объятія свои,
Вѣка новаго идеи
Принялъ съ ропотомъ любви.

Почти во всѣхъ нашихъ текущихъ журналахъ мы находимъ теперь печальное извѣстіе о смерти одного изъ честныхъ русскихъ писателей Н. А. Добролюбова, съ небольшимъ очеркомъ его короткой литературной дѣятельности; въ ноябрской книжкѣ Русскаго Слова объ этой грустной новости было также написано нѣсколько страницъ.

Всѣ сказали свое теплое слово надъ свѣжей могилой и выразили полное сочувствіе къ памяти покойнаго. Даже С.-Петербургскія Вѣдо-

мости сдѣлали то же самое, впрочемъ осторожно оговорившись, что, съ воззрѣніями Н. А. Добролюбова они не соглашались»... Читая не давно біографическій очеркъ объ этомъ писателѣ въ «Книжномъ Вѣстникѣ», я былъ такъ смущенъ однимъ мѣстомъ, котораго никакъ не могъ понять. Вѣроятно всѣмъ извѣстно теперь, что Добролюбовъ похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, рядомъ съ Бѣлинскимъ. Тамъ есть третье свободное мѣсто; «но нѣтъ еще для него человѣка въ Россіи», сказалъ г. Чернышевскій, стоя передъ этими двумя могилами. Авторъ «біографическаго очерка» желая при этомъ случаѣ сказать какое нибудь *свое* слово, не расчелъ, что у него, какъ у Тургеневской Лизы *своихъ* словъ нѣтъ, и далъ такой оборотъ словамъ г. Чернышевскаго: «рядомъ съ двумя поименованными могилами есть еще третье, свободное мѣсто: *оно ждетъ, не выдвинется-ли еще кто изъ рядовъ нашей литературы и журналистики*. Странныя желанія у «автора очерка». Не успѣли мы оправиться отъ потери одного даровитаго человѣка, а онъ говоритъ, что могила ждетъ еще новыхъ жертвъ... Можетъ быть онъ не это хотѣлъ сказать, а написалъ совсѣмъ другое. Дѣйствительно, *свои* слова не у всякаго есть... Вотъ, напримѣръ «Сынъ Отечества» попробовалъ сказать *свое* слово о «Русскомъ Мірѣ» и ни съ того, ни съ сего обругалъ его, а вотъ теперь, я думаю, и самъ не радъ своей выходкѣ. Чтобъ понять неловкое положеніе «Сына Отечества», нужно только прочесть отвѣтъ «Русскаго Міра« и его предостереженіе. Это такъ любопытно, что я сдѣлаю изъ него маленькую выдержку. «Всякій журналъ, говоритъ Р. М., конечно, имѣетъ свою *физіономію*, и по естественному чувству самохраненія долженъ *беречь* ее; подобныя же выходки и фразы, какъ напримѣръ, «запустить руку въ карманъ ближняго»— за что обыкновенно судятъ уголовнымъ судомъ—обнаруживаетъ въ редакціи «Сына Отечества», что она нисколько не бережетъ своей физіономіи.

Своихъ словъ и въ поэзіи нашей давно уже не слышно. Всѣ перепѣваютъ другъ друга, поютъ старыя погудки на новый ладъ и лиризмъ старыхъ поэтовъ, помѣщенныхъ въ христоматіи Галахова, приправляютъ сахарной водицей и—пускаютъ въ свѣтъ. Лиризмъ нашихъ стихотворцевъ не молодъ, не искрененъ; въ немъ есть что-то старческое, что-то дѣланное, а подчасъ и комическое. За примѣ-

*

рами ходить не далеко. Помните-ли вы одинъ глупый припѣвъ какой-то канцелярской пѣсенки временъ Мерзлякова и К°.

Ѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ
Въ невысокомъ чинѣ:
Не выпить-ли водочки
По этой причинѣ?

Этотъ безхитростный припѣвъ потому и смѣшенъ, что очень глупъ, но зато онъ сложенъ былъ безъ всякой претензіи и, вѣроятно, подъ пьяную руку... Теперь я укажу вамъ на начало стихотворенія одного изъ нашихъ поэтовъ изъ мюнстеровской галлереи, и спрошу, далеко-ли мы ушли впередъ въ поэзіи? Я укажу только на одинъ первый куплетъ; для меня и этого довольно:

Не женевскомъ озерѣ
Лодочка плыветъ,
Ѣдетъ странникъ въ лодочкѣ,
Тяжело гребетъ...

Который изъ этихъ куплетовъ лучше? Красотъ ихъ я вообще не понимаю, потому что гимнастика такихъ куплетовъ вещь очень не трудная, и я, не бывши поэтомъ, могу во всякое время *творить* стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

Не одно изданіе
Я не проглядѣлъ,
«Свѣжее преданіе»
Даже одолѣлъ.
Все читалъ по совѣсти,
Не забылъ двухъ словъ...
Ахъ, какія повѣсти
Пишетъ Кушнеревъ!

и т. д. до безконечности.

Недавно встрѣтился я съ однимъ «новымъ дарованіемъ»; это дарованіе думаетъ выступить на литературное поприще и присоединиться къ соловьямъ нашего парнаса. Всѣ эти юные таланты, воспитанные на переводныхъ стихотвореніяхъ Гейне, на старыхъ мотивахъ Фета,

начали доводить свои лирическія причитанія до самыхъ уродливыхъ нотъ, и если-бы «любезная природа», которую они постоянно воспѣваютъ, могла ихъ слышать, то она бы сдѣлала самую кислую улыбку. «Новое дарованіе», о воторомъ я замѣтилъ, тоже идетъ по этой дорогѣ. Я получилъ отъ него цѣлую связку стихотвореній, изъ которыхъ выбралъ одно, съ извѣстной точки зрѣнія весьма замѣчательное, потому что въ немъ наивно доведена до каррикатуры общая слабость нашихъ лириковъ. Ученикъ пошелъ еще дальше своихъ наставниковъ, и красоты поэзіи своихъ менторовъ довелъ до идеала безобразія. Очень поучительно!.. Получивъ отъ поэта право распоряжаться этимъ стихотвореніемъ, какъ мнѣ угодно, я привожу его здѣсь; вотъ оно:

КЪ СОЛНЦУ.

(Эротическое стихотвореніе).

День играетъ и смѣется,
Какъ проснувшійся ребенокъ;
Звукъ по воздуху несется
Серебристъ, и чистъ, и звонокъ.

—

Солнце грѣетъ воздухъ ясный,
Въ щеки дышетъ и цѣлуетъ,
Какъ вакханка сладострастно
Распаляетъ и волнуетъ.

—

Золотое это солнце
Лишь уйдетъ — и я тоскую,
Набѣжитъ на солнце тучка—
Я, какъ женщина, ревную.

—

И забывъ дѣла мірскія,
Дѣвъ и женъ былыя ласки,
Все бы пилъ я золотыя
Свѣта солнечнаго краски.

— Что хотѣли вы сказать этимъ стихотвореніемъ? спрашивалъ я юнаго поэтика.

— Объяснить любовь человѣка къ солнцу!

— Какъ же это вы будете пить его золотыя краски? вотъ я не понимаю.

— Да развѣ можно такъ придираться... это поэтическій образъ, поэтическая вольность... поймите это.

— А цѣловаться-то съ солнцемъ какая вамъ пришла охота? Какимъ образомъ это вы ухитритесь сдѣлать?

Поэтъ посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ. Ему было грустно за мою тупость, а я смѣялся.

— Вамъ этого объяснить нельзя... Тутъ нуженъ не анализъ, а поэтическое чутье... Наконецъ вы должны видѣть въ этихъ стихахъ аллегорію. Поэтъ высказываетъ свою любовь къ солнцу, къ свѣту, т. е. къ прогрессу. Тутъ лежитъ въ основаніи современная мысль...

— Вотъ оно куда пошло! подумалъ я, и выпросилъ это стихотвореніе въ свое потомственное владѣніе.

— Возьмите и дѣлайте съ нимъ, что хотите—сказало мнѣ «новое дарованіе.» Хоть въ «дневникъ темнаго человѣка» помѣстите.

— Ловлю васъ на словѣ, замѣтилъ я, и теперь, какъ видите, воспользовался своимъ правомъ...

Хотя «новое дарованіе» и нашло, что у меня нѣтъ поэтическаго чутья, но я твердо увѣренъ, что я, если не на дѣлѣ поэтъ, то по крайней мѣрѣ обладаю всѣми слабостями поэта; это видно даже по моему дневнику, гдѣ я больше кажется пишу стихами, чѣмъ прозой. За такую привычку Тамбовскій Гейне сравнилъ меня «съ стряпчимъ подъ столомъ»... Въ моихъ стихахъ, видите-ли, лиризма нѣтъ, а лиризмъ ихъ всѣхъ одолѣлъ... Стоитъ просмотрѣть всѣ послѣднія стихотворенія нашихъ поэтовъ отъ Святогорца до г. Вейнберга, отъ Кускова до Аскоченскаго, чтобъ это замѣтить... Не могу теперь пройти молчаніемъ только одного стихотворенія гр. Алексѣя Толстаго—поэта съ самымъ оригинальнымъ, *русскимъ* талантомъ. Пьеска эта, помѣщенная въ № 5 «Дня», такъ хороша, что я не могу не повторить ее здѣсь:

*
* *

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Что ты изволишь въ котлѣ варить?

—

Кашицу, матушка, кашицу,
Кашицу, сударыня, кашицу!

—

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
А гдѣ ты изволилъ крупъ достать?

—

За моремъ, матушка, за моремъ,
За моремъ, сударыня, за моремъ.

—

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Нешто своей крупы не было?

—

Сорная, матушка, сорная,
Сорная, сударыня, сорная!

—

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Чѣмъ же ты изволишь мѣшать ее?

—

Палкою, матушка, палкою,
Палкою, сударыня, палкою.

—

Государь ты нашъ батюшка
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Вѣдь каша-то выйдетъ крутенька!

—

Крутенька, матушка, крутенька,
Крутенька, сударыня, крутенька!

—

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ,
Вѣдь каша-то выйдетъ сóлона?

—

Сóлона, матушка, сóлона,
Сóлона, сударыня, сóлона!

—

Государь ты нашъ, батюшка,
Государь Петръ Алексѣевичъ
А кто жъ будетъ ее расхлебывать?

—

Дѣтушки, матушка, дѣтушки,
Дѣтушки, сударыня, дѣтушки.

Простодушнѣе и въ то же время злѣе этой эпиграммы мнѣ давно ничего не удавалось читать. Юморъ гр. Алексѣя Толстаго совершенно оригиналенъ и нельзя не пожалѣть, что этотъ поэтъ такъ рѣдко нынѣ пишетъ.

Несмотря на то, что чрезъ нѣсколько недѣль Россія вступитъ въ свое историческое совершеннолѣтіе и будетъ на рубежѣ десяти вѣковъ своей жизни, несмотря на это, мы всѣ еще молоды. Мы молоды ужъ потому одному, что думаемъ, что очень стары; молоды потому, что сердимся тамъ, гдѣ нужно смѣяться, и смѣемся, когда нужно плакать. Во всѣхъ нашихъ увлеченіяхъ, въ страстныхъ движеніяхъ, въ нашей односторонности, даже во всѣхъ нашихъ промахахъ—видна молодость. И это, разумѣется, наше счастье, наша сила. Ужъ лучше пылкое дѣтство, чѣмъ безсильная, завистливая, ревнивая старость. У каждаго возраста есть свои права: какъ смѣшна искуственная зрѣлость розоваго юноши, такъ и отвратительно подогрѣтое ребячество отживающей дряхлости. Отнимите у юноши лучшее его жизни—его увлеченія, его поэтическія крайности—и вы изуродуете его натуру, сдѣлаете ходячей теоріей, олицетвореніемъ пошленькой морали. Дѣти увлекаются — шалятъ — и это прекрасно. Но есть шалости, которыя нельзя извинять и дѣтямъ, и вотъ на такія-то именно шалости я и хочу теперь обратить вниманіе. Шалуновъ такихъ у насъ развелось много и ихъ шалости очень разнообразны. У насъ шалятъ акціонерныя общества, шалятъ откупщики, московскіе публицисты, петербургскіе Держиморды... однимъ словомъ шалостямъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ нѣтъ числа. Я остановлюсь на шалунахъ особаго рода, для которыхъ проказы есть вдохновеніе, поэзія жизни, а иногда и тонкій практическій расчетъ. Субъекты попадаются разные...

Перейду теперь прямо къ разсказу и перенесу читателя на одинъ изъ поѣздовъ желѣзной дороги. Какъ извѣстно, *съ легкой руки* г Козляинова поѣзды желѣзной до; оги сдѣлались теперь ареной для многихъ траги-комическихъ происшествій...

День скверный, мокрый, осенній... Въ вагонахъ холодно и темно. Въ особомъ отдѣленіи вагоновъ 2-го класса сидитъ небольшая группа:

человѣкъ шесть шалуновъ военныхъ и одинъ статскій, скромно одѣтый по дорожному. Послѣдній былъ уѣздный лекарь, ѣхавшій по службѣ за нѣсколько станцій. Ему нужно было свернуть куда-то въ сторону отъ желѣзной дороги и потому и самый его костюмъ былъ приспособленъ ко всѣмъ необходимостямъ путешествія подъ осеннимъ дождемъ, въ тряской, неуклюжей телѣгѣ. Какъ человѣкъ запасливый, лекарь, еще до ухода поѣзда, купилъ себѣ на станціи сотни двѣ вареныхъ раковъ и еще кое-что для дорожной закуски, завязалъ все это въ узелокъ и положилъ на свое кресло въ вагонѣ.

Вотъ засвистѣлъ локомотивъ, поѣздъ тронулся, проѣхалъ одну станцію, другую, наконецъ подъѣзжаетъ къ третьей: узелокъ спокойно лежитъ на мѣстѣ, и никого изъ пассажировъ это не огорчаетъ, не безпокоитъ. Въ это время, люкарю вздумалось заглянуть въ другое отдѣленіе вагона, чтобъ съ кѣмъ-то поговорить. Вдругъ оберъ-кондукторъ видитъ въ окно, что какой-то узелъ былъ выброшенъ прямо за рельсы. Удивившись, онъ входитъ въ отдѣленіе, гдѣ сидѣли шалуны, и спрашиваетъ вѣжливо у пассажировъ:

— Чей это узелокъ былъ выброшенъ изъ окна?

— Да помилуйте, говоритъ ему одинъ изъ пассажировъ: съ нами сѣлъ какой-то господинъ, съ узломъ вареныхъ раковъ, вонь пошла невыносимая, я выбросилъ узелъ изъ окна.

Коротко и ясно.

— Какъ же вы могли такъ распорядиться съ чужою собственностью? замѣчаетъ оберъ-кондукторъ. Вы могли сказать объ этомъ мнѣ, и еслибы было нужно, я велѣлъ бы положить узелъ въ багажъ.

— Чортъ возьми этого господина съ раками!

Выслушавъ такое заключеніе, оберъ-кондукторъ ушелъ, и объявилъ лекарю, что узелъ съ провизіей его былъ выброшенъ въ окно однимъ изъ его сосѣдей. Вспомнивъ благообразіе и солидность своихъ спутниковъ, лекарь не повѣрилъ этому и вошелъ въ свой вагонъ. Смотритъ, его вещей дѣйствительно нѣтъ. Лекарь хотѣлъ обратиться съ вопросомъ къ знакомому ему, почтенному инженеру, сидѣвшему на ближайшемъ креслѣ, но инженеръ какъ разъ на это время вздумалъ уснуть.

Лекарь обращается съ вопросомъ къ своимъ спутникамъ:

— Господа! Не знаете-ли вы, куда дѣлся мой узелъ, лежавшій на этомъ креслѣ?

Но спутники ничего не отвѣчали и очень внимательно смотрѣли въ окно. Въ это время поѣздъ пришелъ на слѣдующую станцію. Лекарь

явился къ начальнику станціи и объявилъ ему о томъ, что одинъ изъ пассажировъ выкинулъ его вещи въ окно вагона. Оберъ-кондукторъ подтвердилъ это. Въ то же время подошелъ къ нимъ одинъ полковникъ, ѣхавшій въ томъ же вагонѣ. Лекарь и на него сослался, какъ на свидѣтеля, но получилъ самый сильный отпоръ отъ него.

Между тѣмъ всѣ пассажиры узнали объ этой исторіи и вслухъ высказывали свое неудовольствіе на такое дерзкое нарушеніе правъ чужой собственности. Тогда тотъ же спутникъ, который сначала грубо оттолкнулъ отъ себя доктора, началъ вѣжливо объяснять ему, что не стоитъ изъ-за этого заводить дѣла...

— Вѣдь это, м. г., только одна *шалость*! утѣшалъ онъ лекаря.

— Тѣмъ хуже, говорилъ лекарь. Въ моемъ узелкѣ могло быть все мое состояніе. Кто могъ знать, что завязано было въ немъ?

Но спутникъ его никакъ не могъ понять характера этой шалости и говорилъ ему: «не Богъ знаетъ чего стоилъ вашъ узелокъ»... бросьте вы это дѣло.

Тѣмъ дѣло, въ самомъ дѣлѣ и кончилось, если вѣрить Сѣверной Пчелѣ, разсказавшей подробно объ этомъ случаѣ. Узелъ исчезъ, а шалуны остались въ сторонѣ. Да и что для нихъ значитъ швырнуть въ окно узелокъ какого нибудь бѣдняка лекаря: они и передъ гордіевымъ узломъ не задумываются. Въ подобной шалости они видятъ какой-то шикъ, ухарство, даже остроуміе своего рода. Они, во имя этого остроумія, готовы и ногу вамъ отдавить, и вуаль сорвать съ лица беззащитной женщины и извощика заставить ждать цѣлый день у проходныхъ воротъ огромнаго дома или наконецъ прохожаго смять подъ ноги рысаковъ своихъ. Чего имъ бояться? Завтра же они съ хохотомъ будутъ разсказывать исторію докторскаго узла, увѣренные, что никто не отвернется отъ нихъ съ презрѣніемъ, не броситъ имъ въ глаза обиднаго укора. Пусть, де-скать, дитя позабавится, лишь бы занято было! И тѣшутся, и забавляются милыя дѣти вдоволь.

Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ тяжкихъ трудовъ...

Кромѣ этихъ шалуновъ con amore, шалуновъ романтиковъ, есть у насъ другой типъ петербургскаго шалуна — практика, который на своихъ проказахъ строитъ замки, и замки не воздушные. Эти господа уже не хвастаются своими похожденіями, не посвящаютъ никого въ

свои тайны. Шалости ихъ часто смѣлы до геніальности и гадки до отвращенія. Жизнь такихъ людей всегда покрыта мракомъ неизвѣстности. Они часто прекрасно живутъ, вездѣ являются и не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ занятій. Откуда же сыпятся на нихъ щедроты неба? Гдѣ источникъ ихъ богатства?

Постараюсь разрѣшить эту загадку, разсказавъ одинъ случай изъ похожденій такихъ личностей.

Къ одному подрядчику является не очень давно какой-то богатый повидимому баринъ, прекрасно одѣтый, въ каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ.

Баринъ рекомендуется. «Я слышалъ, говорилъ онъ, что вамъ нужно купить большое количество пеньки?»

— Да-съ, нуждаюсь...

— Я помѣщикъ Курской губерніи и могу доставить вамъ пеньки сколько угодно, и главное, не дорого, потому что теперь нуждаюсь въ деньгахъ. Я говорю съ вами прямо и откровенно.

Подрядчикъ обрадовался выгодному случаю и усадилъ гостя.

— У меня здѣсь въ городѣ есть образчики моей пеньки... Поэтому, если вамъ будетъ угодно взять ее, то вотъ вамъ мой адресъ... Заѣзжайте ко мнѣ хоть завтра... Если порѣшимъ дѣло, то я тотчасъ же напишу въ деревню и пенька, въ какомъ вамъ угодно количествѣ, будетъ немедленно сюда выслана.

Условились. На другой день должны были рѣшить дѣло, Помѣщикъ уѣхалъ. Купивъ въ то же утро довольно большую связку пеньки лучшаго достоинства, онъ заботливо расчесалъ ее гребнемъ, перевязалъ шнуркомъ и приложилъ къ нему свою фамильную печать.

Утромъ на другой день пріѣзжаетъ къ нему подрядчикъ. Помѣщикъ жилъ въ прекрасномъ нумерѣ одной изъ лучшихъ петербургскихъ гостиницъ и занималъ нѣсколько комнатъ.

Пенька была показана и одобрена. Условившись въ количествѣ подвоза и въ цѣнѣ, которая была очень умѣренная, подрядчикъ, не желая упустить выгоднаго случая, предложилъ задатокъ.

Помѣщикъ объявилъ, что ему непремѣнно нужно теперь пять тысячъ. Такая крупная цифра смутила купца, который предлагалъ только въ видѣ задатка пять сотъ рублей.

— Такой суммы не могу дать...

— А я иначе не могу запродать вамъ пеньки, потому что одна случайная крайность заставляетъ меня отдать ее такъ дешево... Если

вамъ не угодно принять мои условія, то я найду себѣ другихъ покупателей. При моей цѣнѣ за покупателями дѣла не станетъ...

У подрядчика глаза разгорѣлись... Онъ понялъ, что хорошее дѣльце можетъ ускользнуть изъ его рукъ и началъ уступать...

— Три тысячи берете?

— Пять...

— Ну? четыре тысячи,..

— Пять; меньше рѣшительно не могу.

Наконецъ ударили по рукамъ, обрадованный и довѣрчивый подрядчикъ взялъ съ помѣщика частную росписку, а тотъ получилъ пять тысячъ въ задатокъ.

Проходитъ недѣля, другая... Купецъ вздумалъ заѣхать къ своему должнику въ номера. Тамъ узнаетъ онъ, что этотъ баринъ выѣхалъ изъ города, а куда — не извѣстно.

Подрядчикъ пришелъ въ ужасъ и началъ распрашивать о шалунѣ.

— Вѣдь онъ помѣщикъ Курской губерніи?

— Какой онъ помѣщикъ, отвѣчали ему: онъ отставной Титулярный Совѣтникъ П., выгнанный изъ службы за разныя темныя дѣла. — Затѣмъ слѣдовали кое-какія подробности о его различныхъ похожденіяхъ.

Подрядчикъ подалъ жалобу и повелъ съ П. дѣло. Но противъ П. не было никакихъ ясныхъ уликъ и онъ совершенно оправдался, а пять тысячъ несчастнаго купца такъ и пропали... Самозванецъ же живъ и здоровъ и считаетъ себя вполнѣ *практическимъ* и умнымъ человѣкомъ; вѣдь

Умный человѣкъ не можетъ быть неплутомъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о шалостяхъ другаго рода — о шалостяхъ педагогическихъ. Есть частное, учебное заведеніе. Содержатели этого заведенія, исполняя всѣ русскіе обычаи, покупаютъ березки не только къ Троицыну дню, но къ каждой субботѣ... Береза, въ самомъ дѣлѣ, играетъ такую важную роль въ нашемъ воспитаніи, что я совершенно понимаю теперь, почему это дерево–называютъ *плакучей* березой. Не подъ вліяніемъ-ли это березы ужъ изъ поконъ вѣковъ наше дѣтство и отрочество такъ горько и громко плачетъ... Заведеніе, о которомъ я говорю, навѣрное будетъ согласно съ моимъ филологическимъ открытіемъ. Не такъ-ли, господа?... Припомните хоть вотъ этотъ случай.

Есть въ частномъ учебномъ заведеніи одинъ наставникъ Цвей-Дрей самаго рѣшительнаго характера, радикалъ въ другую сторону. Какъ истинному педагогу ему незнакома мягкость въ обращеніи.

И не страшась людской молвы,
Онъ деликатность презираетъ;
Съ ученикомъ своимъ — не *вы*,
Но *ты* — всегда употребляетъ.

Случилось какъ-то одному ученику нетвердо отвѣчать свой урокъ. Для Цвей-Дрей это было уже преступленіе, и наказаніе послѣдовало въ видѣ полновѣсной нѣмецкой оплеухи.

Оскорбленный ученикъ отправился къ ближайшему начальнику. Этотъ, какъ Пилатъ, омылъ руки и передалъ дѣло на разсмотрѣніе *набольшаго* педагога. *Набольшій* задумался и не вдругъ приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла. Наконецъ онъ размыслилъ, что обвиненный—сѣдовласый наставникъ, а обвиняемый — молокососъ, слѣдовательно виноватъ послѣдній.

И вотъ ученика призываютъ въ секретную комнату.

— Какъ вы осмѣлились жаловаться на вашего начальника? загремѣлъ *набольшій*.

— Онъ меня ударилъ по лицу.

— Клевета!... Вы должны отказаться отъ своихъ словъ, иначе... и онъ указалъ ему на разные приборы домашняго воспитанія.

Но ученикъ стоялъ на своемъ... Тогда послѣдовала привычная расправа, и подъ вліяніемъ ея, мальчикъ поневолѣ долженъ былъ оклеветать себя и сказать, что онъ солгалъ.

— Видите, какъ я знаю сердце человѣческое—говорилъ *набольшій* своимъ подчиненнымъ. Я по глазамъ видѣлъ, что этотъ мальчуганъ лжетъ... оно такъ и вышло...

Что же дальше? Дальше все пошло по-старому, а Цвей-Дрей еще больше сталъ свирѣпѣе и придирчивѣе...

Въ той самой школѣ, гдѣ совершаются подобные соломоновскіе суды, существуетъ правило, по которому воспитанники не могутъ одни ходить въ отпускъ, а должны всегда представлять своего провожатаго. Разумѣется, такая разумная мѣра ни къ чему не привела, потому что провожатаго воспитанникъ всегда можетъ найти. Такъ всѣ и стали дѣлать. Начали разыгрываться очень комическія сцены.

Передъ праздникомъ одинъ воспитанникъ, по лѣтамъ давно уже не ребенокъ, является къ начальнику просить отпускнаго билета.

— Да вѣдь вы знаете наши правила: безъ провожатаго нельзя...

— Да я съ провожатымъ...

— Кто же за вами пришелъ?.

— Вотъ эта дѣвочка. И двадцатилѣтній юноша указалъ на 11-ти лѣтнюю дѣвочку, которую изъ за стола не было видно начальнику.

— А, это другое дѣло!—успокоился начальникъ: теперь вы можете идти. Этотъ случай есть лучшій примѣръ того, какъ нелѣпа и безсмысленна всякая форма безъ цѣли, безъ содержанія... А такихъ случаевъ очень много.

О какихъ еще общественныхъ новостяхъ, случаяхъ, открытіяхъ буду говорить я?... Задача трудная... Впрочемъ, виноватъ: я могу сообщить о двухъ открытіяхъ. Первое изъ нихъ откупное. Извѣстный нашъ откупщикъ—писатель г. Кокоревъ, предвидя откупную катастрофу, устраиваетъ въ Москвѣ въ собственномъ домѣ оптовый складъ водки — «на всякій случай». Очень предусмотрительно...

Въ Петербургѣ также есть открытіе, которое, право, стоитъ преміи. «Книжный Вѣстникъ» (его услугу навѣрно оцѣнитъ вся русская литература) открылъ недавно новаго литератора, «извѣстнаго, (??!) пишетъ онъ, въ русской библіографической литературѣ подъ «псевдонимомъ Леонида Книжника». О невѣжество! мы до сихъ поръ не знали своего *извѣстнаго* литератора! Послѣдній изъ «Леонидовъ», котораго мы читали во время оно, былъ «Леонидъ» — Рафаила Зотова, и тутъ вдругъ Леонидъ Книжникъ, да еще извѣстный... Бываютъ же такія неожиданности...

Недавно заинтересованный одной жаркой полемикой о русскомъ балетѣ и объ игрѣ г-жи Петипа и г-жи Богдановой, я самъ отправился въ балетъ, просидѣлъ три битыхъ часа въ креслахъ, хлопалъ и... и ничего не могу сказать объ этихъ представленіяхъ. Скажу одно: очень хорошо и очень, очень притомъ скучно. Въ этомъ виноваты разумѣется не наши знаменитыя танцовщицы, а виноватъ самый характеръ балета, однообразный, утомительный, скучный. Въ нашемъ балетѣ, говоритъ Гейне, какъ въ классической трегедіи, только и видишь, одну натянутую искуственность; тѣ же александрійскіе стили, тѣ же декламаторскіе прыжки, гдѣ въ вертлявыхъ пируэтахъ

на одной ногѣ ничего не видишь кромѣ потолка, да трико, кромѣ идеальничанья и лжи. Классичесая трагедія умерла, а балетъ остался съ прежней ходульностью.

Вотъ г. Р., который послѣ назвалъ себя г. А. Ротчевымъ, какъ видно, совершенно другаго мнѣнія о балетѣ вообще, и о г-жѣ Петипа въ особенности; онъ такъ увлекся, что написалъ такую похвалу балетной артисткѣ: г-жа Петипа обладаетъ и даровитостью, и молодостью и красотой, и несмотря на совершенство такой *обстановки*, есть же люди, которые... и т. д. По оригинальному выраженію г. Ротчева молодость и красота и дарованіе — есть *обстановка* женщины. Очень не дурно придумано.

И такъ, о балетѣ говорятъ, спорятъ, а въ Маріинскій театръ къ Ристори никто и не заглядываетъ: и ложи и кресла постоянно пусты.

Недавно видѣлъ я одного петербургскаго фланера-театрала, посвященнаго во всѣ тайны закулисной жизни.

— А давно вы были на представленіи Ристори,

— Нынѣшній годъ еще ни разу не былъ... Да и знаете-ли что? не стоитъ, я вамъ скажу. Артистка она, положимъ, не безъ дарованія, но искренности, теплоты въ ея игрѣ нѣтъ. Разъ-два взглянуть можно—и довольно. А были вы въ пассажѣ?

— Нѣтъ, а что тамъ?

— Замѣчательную собаку изъ Берлина привезли; я каждый день по дорогѣ заѣзжаю взглянуть на это чудо въ своемъ родѣ. Представьте себѣ, эта собака Цампа знаетъ четыре правила ариѳметики, составляетъ изъ отдѣльныхъ буквъ разныя фразы и великолѣпно играетъ въ домино и карты. Не хотите-ли зайти теперь взглянуть?

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю. Я не большой охотникъ до ученыхъ животныхъ...

Театралъ, скучающій въ представленіяхъ Ристори, отправился одинъ на спектакль этой мудрой Цампы. Чтожъ? вкусы бываютъ разные...

Но пока довольно о Петербургѣ... И безъ-того много разныхъ впечатлѣній, съ которыми не вдругъ справишься...

Нѣтъ! отъ общественныхъ вопросовъ
Готовъ въ постель я прямо слечь:

Здѣсь — о законности доносовъ
Намъ говоритъ Щебальскій рѣчь,
Тамъ воспѣваетъ самъ Аммосовъ
Свою аммосовскую печь.
Въ жару полемики находчивъ
Здѣсь Р., раскрывъ свой псевдонимъ,
Провозгласилъ, что онъ есть — Ротчевъ
И началъ бой съ врагомъ своимъ.
Тамъ—приложенья первый нумеръ
Пускаетъ въ люди Левъ Камбекъ,
Здѣсь—доказать всѣмъ хочетъ Блюммеръ,
Что онъ почтенный человѣкъ..
Въ концертахъ—старые аккорды,
На русской сценѣ—Лже-Макбетъ,
На всѣхъ подъѣздахъ — Держиморды,
Вездѣ слова, а дѣла нѣтъ.
То Загуляева разсказы,
То пѣсни Вейнберга Петра,
Протесты, сплетни и проказы
Et caetera et caetera...

И такъ прощусь съ Петербургомъ до новаго года, а теперь перейду въ другія мѣста нашей матушки-Россіи, и остановлюсь на первый разъ въ г. Черниговѣ. Черниговъ—городъ прогрессивный и не прочь иногда сдѣлать хорошее дѣло—способствовать доброму и полезному предпріятію, но это не всегда удается ему и благія предпріятія и начинанія очень часто откладываются тамъ *до завтра*, по разнымъ непредвидѣннымъ причинамъ.

Задумали тамъ открыть женскую гимназію.

«Непремѣнно устроимъ это дѣло!» говорили черниговскіе радикалы. «Нашимъ дочерямъ и сестрамъ нѣтъ возможности иначе получить настоящее воспитаніе женщины. Дружно будемъ работать!»..

Работать дѣйствительно стали дружно. Все общество какъ-будто бы оживилось, задвигалось. Затѣяли концерты, стали дѣлать пожертвованія для новой гимназіи и собрали до двухъ тысячъ рублей серебромъ. Итакъ, на первый разъ фундаментъ былъ основанъ, но тутъ-то случилась неожиданная бѣда. Деньги, собранныя для гимназіи, были поручены обществомъ одному молодому чиновнику-прогрессисту, для положенія ихъ въ приказъ общественнаго призрѣнія. Молодой прогрес-

систъ, получивъ деньги и видя, что надъ нимъ нѣтъ никакого контроля, нашелъ болѣе для себя удобнымъ, положить ихъ въ свой собственный карманъ. Потомъ, оставивъ службу, онъ началъ сбираться за границу.

Черниговцы знали объ этомъ, но никому изъ нихъ не пришло въ голову спросить у отъѣзжающаго, какъ онъ распорядился съ деньгами общества и куда ихъ дѣлъ? Довѣрчивые граждане!..

Чиновникъ посмотрѣлъ, подождалъ, да и махнулъ наконецъ за границу на счетъ будущей гимназіи.

— Чортъ съ ней совсѣмъ съ гимназіей! рѣшилъ онъ. Дѣла они не сдѣлаютъ, а деньги и безъ того пропали-бы... Ужь лучше мнѣ онѣ достанутся.

Когда за прогрессистомъ и слѣдъ простылъ, тогда только Черниговецъ всталъ отъ сна, протеръ глаза и равнодушно выслушалъ вѣсть о похищеніи денегъ.

— Вѣдь деньги-то ваши увезли?

— Увезли? Черниговецъ постарался сдѣлать удивленное лицо и почесалъ себѣ затылокъ.

— Бестія! рѣшилъ онъ наконецъ и отправился заснуть послѣ обѣда. Сонъ видѣлъ хорошій и пріятный.

— А какъ же насчетъ гимназіи? спросили его потомъ утромъ натощакъ.

— Да можно еще собрать, рѣшилъ Черниговецъ, сладко потягиваясь.

Началась подписка, и еще было собрано триста рублей. Но Черниговецъ и тутъ не позаботился найти вѣрнаго человѣка для храненія этихъ денегъ, и онѣ были отданы нѣкоему г. З—лу. Этотъ юноша, осмѣленный своимъ предшественникомъ, и зная добрый нравъ Черниговца, деньги эти употребилъ себѣ на туалетъ, а самъ куда-то неожиданно уѣхалъ.

Черниговецъ и тутъ, по лѣности, не разсердился, а только рукой махнулъ.

— Знать ужь не судьба быть у насъ женской гимназіи! Можетъ быть это и къ лучшему! замѣтилъ онъ про себя, въ видѣ утѣшенія. Затѣмъ—

Шапку на ухо надвинулъ
И на вѣкъ затихъ.

Въ Черниговѣ снова водворились покой и тишина и всѣ обыватели о женской гимназіи и говорить считаютъ неприличнымъ.

Въ г. Николаевѣ случаются и не такія вещи, особенно съ тамошнимъ почтмейстеромъ. Онъ, какъ скептикъ, ничему не вѣритъ и все отрицаетъ, даже существованіе нѣкоторыхъ государствъ. Корреспондентъ *Амура* разсказываетъ вотъ какой любопытный случай.

Въ почтовую контору является одинъ купецъ изъ иностранцевъ и отдаетъ письмо, которое нужно отправить въ Австрію.

— Австрія! Австрія! подумалъ почтмейстеръ-скептикъ и недовѣрчиво покачалъ головой. Взглянувъ вторично на письмо и на его подателя, онъ наконецъ проговорилъ очень рѣшительно:

— Письма этого я принять не могу.

— Почему? спрашиваетъ его удивленный купецъ.

— У насъ нѣтъ книги для Австріи.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Пошлите въ Пруссію, въ Пруссію можно: а въ Австрію—не могу.

— Купецъ, плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и не понимая затрудненія почтмейстера, побѣжалъ за переводчикомъ. Онъ и переводчикъ черезъ часъ снова являются въ контору.

— На просьбу о принятіи письма почтмейстеръ отвѣчалъ то же самое.

— Въ Австрію нельзя, посылайте въ Пруссію.

Напрасно переводчикъ силился объясниться съ скептикомъ, онъ все твердилъ одно:

— Въ Австрію не могу, никакъ не могу.

Переводчикъ наконецъ придумалъ средство успокоить почтмейстера, взялъ перо и написалъ на письмѣ новый адресъ: «черезъ Петербургъ и Пруссію въ Австрію».

Почтмейстеръ былъ пораженъ такою рѣшительностью и находчивостью, но подозрительности своей все-таки оставить не могъ.

— Какъ же это? спросилъ онъ наивно: да развѣ Пруссія ближе, чѣмъ Австрія?

— Ближе, отвѣчаютъ ему.

— Ближе, такъ и хорошо, а по пути-ли только?

Убѣдившись и въ этомъ, онъ досталъ свою «Прусскую книгу» и ужасное письмо было наконецъ принято...

Провинціальныхъ рѣдкостей въ этомъ родѣ у насъ есть нѣсколько,

и можно надѣяться, что современемъ изъ нихъ составится самый разнообразный букетъ. Вотъ на удачу нѣсколько изъ нихъ.

Въ Ворожежской Бесѣдѣ, бирюченскій городничій П. Т. разсказываетъ о слѣдующей замѣчательной грамотѣ. «У одного помѣщика Бирючинскаго уѣзда недавно еще висѣла въ его кабинетѣ обдѣланная въ рамку грамота, гласившая такъ: «Аттестатъ данъ сей Бирючинскаго уѣзда училища ученику перваго класса дворянину Н., въ томъ, что онъ. Н., на публичномъ экзаменѣ, при посѣтителяхъ прочелъ рѣчь *не свойственнымъ его лѣтамъ голосомъ»* (?).

Что нужно понимать подъ этимъ *голосомъ*—неизвѣстно: вѣроятно, что-нибудь очень замысловатое.

Вотъ еще нѣсколько находокъ.

Въ официіальной части 48 № Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостей находится слѣдующая статья: «*О розысканіи родственниковъ.* Губернское правленіе розыскиваетъ *родственниковъ* къ оставшимся послѣ смерти маіора Ридзишевскаго *четыремъ патентамъ и указу объ отставкѣ его.* О чемъ и публикуется повсемѣстно».

Что это? юморъ или наивность?.,

Въ Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (№ 48) слѣдующее объявленіе: «*О наложеніи ареста на бревна и дрова*, принадлежащія торговому дому, подъ фирмою «Савва Морозовъ съ сыновьями».

Такихъ примѣровъ можно бы привести много, но на этотъ разъ и этихъ довольно...

Въ городѣ N., въ одной изъ мужскихъ школъ уже нѣсколько лѣтъ преподаетъ исторію нѣкто Медузина-голова, именемъ котораго въ У. матери пугаютъ своихъ ребятишекъ. Постоянно тихій и скромный съ виду, вѣчно улыбающійся, онъ выглядитъ совершенной овечкой, но всѣ знаютъ, что это волкъ въ овечьей шкурѣ, и гдѣ только есть возможность укусить кого-нибудь—онъ непремѣнно укуситъ. Къ каждому ученику онъ всегда обращается съ словомъ «душа».

— Нѣтъ, душа, не могу тебя простить: иди въ карцеръ.

Въ каждомъ классѣ у него были любимыя «души», которыхъ онъ неутомимо преслѣдовалъ и мучилъ. Нѣсколько разъ уже на его дурное обращеніе жаловались начальнику заведенія, но Медузиной-головѣ все съ рукъ сходило.

Недавно заболѣлъ инспекторъ школы, и исполненіе его должно-

сти было поручено Медузиной головѣ. Тутъ-то онъ и показалъ себя и далъ волю своей кровожадности. Заболѣвшій инспекторъ былъ человѣкъ благородный и кроткій и сильныхъ наказаній никогда не употреблялъ, но его преемникъ думалъ совершенно иначе: и пучки розогъ начали привозится въ школу въ огромномъ количествѣ. Учениковъ старшаго класса онъ особенно преслѣдовалъ и гналъ. Однажды онъ является въ этотъ классъ, начинаетъ свой урокъ и въ то же время посматриваетъ: къ кому бы можно придраться?

Вдругъ онъ замѣтилъ, что одинъ воспитанникъ плюнулъ на полъ. Этого ужъ было достаточно для него, чтобъ начать преслѣдованіе.

— А развѣ у васъ нѣтъ носоваго платочка? спросилъ онъ тѣмъ нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ, отъ котораго у всѣхъ дрожь пробѣгала по тѣлу.

— Нѣтъ, есть, отвѣчалъ ученикъ.

— Такъ отчего же вы вашего платочка не возьмете?

Ученикъ молчалъ.

— Скажите, пожалуйста, продолжала Медузина-голова, вы должно быть изъ мѣщанъ? вашъ отецъ, вѣрно, мѣщанинъ? А?..

Ученикъ растерялся, но наставникъ не унимался.

— Вы непремѣнно росли въ мѣщанскомъ кругу? продолжалъ онъ съ язвительной улыбкой, вашъ отецъ должно быть на базарѣ арбузами торговалъ?

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова, потому что, къ счастію, понялъ, что Медуза только хочетъ вызвать его на дерзости, а потомъ и приступить къ пятому акту всѣхъ педагогическихъ исправительныхъ мѣръ.

Послѣ конца класса ученикъ жаловался на Медузу, но совершенно безполезно... Медуза застрахованъ отъ всякаго выговора...

Кстати о педагогахъ. Мѣсяцевъ пять тому назадъ, говоря объ обитателяхъ *городка,* я сказалъ нѣсколько словъ о достопочтенномъ наставникѣ *Вишневкѣ.* За мою внимательность *Вишневка*, говорятъ, не мало разсердился на меня. Очень сожалѣю объ этомъ... При этомъ *Вишневка* язвительно еще замѣтилъ:

— Фактовъ у нихъ мало... про меня *тамъ* никакихъ точныхъ свѣдѣній не имѣютъ, а потому я и спокоенъ...

Напрасно вы такъ думаете, почтенный педагогъ: дѣятельность ва-

ша намъ очень хорошо извѣстна, и это мы постараемся и доказать вамъ. Что вы хорошій и любимый наставникъ, въ этомъ мы и не сомнѣваемся: не даромъ же одинъ ученикъ подарилъ вамъ передъ праздниками *сивую* лошадку, а вы, какъ предусмотрительный человѣкъ, отправили сивку-бурку въ деревню... Нѣтъ! въ вашихъ прекрасныхъ качествахъ мы никогда не сомнѣвались.

— А теперь не угодно ли прослушать маленькій разсказъ.

Года три тому назадъ, въ мужскомъ пансіонѣ *городка* появился новый инспекторъ *Наливка*, *Вишневка*—тожъ. Вступая въ свою новую роль (прежде онъ былъ экономомъ), *Вишневка* поклялся, что онъ искоренитъ всѣ злоупотребленія, которыя есть въ пансіонѣ. По его же мнѣнію,

Чтобъ зло пересѣчь,
Мальчишекъ нужно сѣчь и сѣчь.

— На первый разъ, рѣшилъ онъ непремѣнно *освѣжить* пансіонъ.

Вы можетъ быть не понимаете, что́ значитъ въ этомъ случаѣ *освѣжить?* Но въ пансіонѣ это очень хорошо поняли, потому что въ тотъ же день нѣсколько учениковъ были наказаны розгами только за то, что они бѣгали по корридору.

Вслѣдъ за этою мѣрою искорененія зла было приступлено къ другимъ мѣрамъ. Чтобъ удобнѣе слѣдить за поведеніемъ воспитанниковъ и неожиданнѣе являться передъ ними во всякое время дня и ночи, Вишневка велѣлъ всѣ петли и блоки на двери своей квартиры постоянно смазывать масломъ. При этомъ губернскій сапожникъ, по его заказу, сшилъ ему сапоги безъ каблуковъ и съ самой тонкой подошвой, и это дало ему возможность незамѣтно подкрадываться къ шалунамъ и курильщикамъ.

Но вскорѣ эти мѣры не помогли, потому что догадливые воспитанники начали вездѣ ставить часовыхъ, которые давали знать, когда Вишневка покажетъ только носъ изъ своей квартиры.

Но геній Вишневки былъ разнообразенъ въ своихъ изобрѣтеніяхъ. Онъ открылъ въ пансіонѣ новую систему шпіонства, органомъ котораго сдѣлались служители и воспитанники младшихъ классовъ, и тѣ, и другіе усердно взялись за свои новыя роли. Въ пансіонѣ всѣ стали бояться одинъ другаго, потому что доносы дѣлались каждый день,

каждый день употреблялись исправительныя мѣры. Иногда Вишневка самъ подавалъ примѣръ шпіонству и подслушивалъ у дверей, забывъ на это время всю свою грандіозность.

Воздухъ пансіона былъ отравленъ; дѣти систематически развращались отъ новой системы, а зло, которое Вишневка хотѣлъ вырвать съ корнемъ, было во всемъ разцвѣтѣ.

Бывшій экономъ съумѣлъ и самую обстановку пансіонеровъ сдѣлать отвратительной. Отъ обѣда и ужина воспитанники дѣлались больны; иные голодали потому, что не рѣшались употреблять тухлую, вонючую пищу... Прежде воспитанники носили постоянно суконныя куртки, но Вишневка нашелъ, что такая одежда очень роскошна и нарядилъ ихъ въ коленкоровыя, пропитанныя запахомъ клея... и еще чего-то... Вотъ что значитъ быть экономомъ!.

Когда Вишневка разными происками столкнулъ съ мѣста главнаго начальника частнаго пансіона и согналъ его съ квартиры, на которую переѣхалъ самъ, тогда онъ совершенно далъ волю рукамъ своимъ и занялся различными *улучшеніями*... Нечего и говорить о томъ, что такого благодѣтеля весь пансіонъ обожаетъ, какъ отца роднаго.

Въ № 8 «Дня» напечатанъ очень любопытный, подлинный документъ, въ которомъ характерно обрисовывается личность одного *храбраго* мироваго посредника. Вотъ эта замѣчательная бумага.

Въ В—й земскій судъ.

Пристава 2 стана N.

Доношеніе.

«Поручикъ графъ N, со времени вступленія въ должность мироваго посредника, не ограничиваясь взиманіемъ земскихъ лошадей при проѣздахъ чрезъ помѣщичьи имѣнія моего стана, отдалъ приказаніе выставлять для себя по тройкѣ изъ слободы В—ки, за 15 верстъ въ имѣніе помѣщика Б., изъ Д—го тоже за 15 верстъ въ имѣніе генерала Б., а въ слободѣ В—кѣ имѣть постоянно тройку лошадей на случай его пріѣзда, не отпуская ее мнѣ и другимъ членамъ земской полиціи. Такое распоряженіе, нарушая силу статей 215, 219 и 232 IV тома св. зак. уст. о зем. пов., поставляло меня въ затрудненіе

и даже невозможность выполнять служебныя обязанности съ такою быстротою и дѣятельностію, какая требуется закономъ. Опасеніе, противодѣйствіемъ распоряженію г. посредника, ослабить служебное его значеніе, заставило меня отложить это дѣло до личнаго съ нимъ свиданія.

«Вчерашняго числа, т. е. 21 іюня, я находился въ сл. В—кѣ, какъ для исполненія имѣющихся у меня порученій, такъ и по случаю пріѣзда... (одного сановника)... куда пріѣхалъ и мировой посредникъ графъ N, на четверкѣ своихъ лошадей. Срочныя исполненія и дѣла призывали меня въ другія мѣста стана, а потому, удовлетворившись предварительно, что... (сановникъ)... не имѣлъ надобности въ исполнителѣ приказаній его, я послалъ розсыльнаго за лошадьми; тотъ, возвратясь, объявилъ мнѣ, что лошадей на лицо одна тройка, которую, безъ позволенія графа N, почтсодержатель не смѣетъ дать мнѣ. Зная, что графъ N, имѣя собственныхъ лошадей, не могъ нуждаться въ земскихъ, я лично приказалъ почтсодержателю вести ко мнѣ оставшуюся тройку. Чрезъ нѣсколько времени явился ко мнѣ волостной старшина Шевченко съ приказаніемъ графа N взять у меня лошадей, чтобы припречь въ экипажъ графа. Я послалъ старшину объяснить графу, что лошадей всего одна тройка, на которой я выѣзжаю въ станъ по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства. Старшина съ дерзостію повторилъ мнѣ приказаніе посредника—отнять у меня лошадей силою. Поступокъ старшины, вышедшаго изъ границъ подчиненности, заставилъ меня удалиться въ комнаты. Затѣмъ старшина, отлучившись на нѣкоторое время, привелъ ко мнѣ въ квартиру до 6 человѣкъ мужиковъ съ дубинками; они окружили мой тарантасъ и силою отнимали лошадей; а старшина, надѣвъ передо мною шляпу, съ азартомъ приказывалъ моему ямщику — не слушать меня и вести лошадей къ графу N. По убѣжденію купца Степана Михайлова Дѣдухова, бывшаго всему этому свидѣтелемъ, старшина ушелъ со двора, но къ воротамъ дома поставилъ караулъ изъ 6 человѣкъ, вооруженныхъ дубинками, съ приказаніемъ не выпускать меня изъ квартиры. Все это видѣли и слышали N N. N N; изъ крестьянъ же, бывшихъ на караулѣ около воротъ и отнимавшихъ у меня лошадей, я могъ узнать только троихъ: прочихъ не знаю.

«Не признавая законности *ареста*, ставившаго меня въ ложное положеніе передъ лицами подчиненными, я, съ помощію своего разсыльнаго и хозяина дома, успѣлъ запречь лошадей и, сѣвши въ та-

рантасъ, велѣлъ ѣхать къ графу N для объясненія. Караульные хотя и выпустили меня со двора, но окруживши тарантасъ, сопровождали по улицамъ. Вскорѣ мы были настигнуты несущеюся во весь опоръ каретой въ четыре лошади; въ ней сидѣлъ поручикъ графъ N, *а на запяткахъ стоялъ волостной старшина* съ палкой и кричалъ изъ всѣхъ силъ: «Остановить становаго тарантасъ!»... Караульные съ крикомъ бросились было къ моимъ лошадямъ; лошади, испугавшись, понесли по улицѣ. Толпа мужиковъ съ неистовствомъ преслѣдовала меня вмѣстѣ съ каретой, которая, не доѣзжая дома (сановника)... настигла тарантасъ; кучеръ и разсыльный сбиты съ козелъ, а лошади никѣмъ несдерживаемыя и запуганныя, понесли меня въ помѣщичій дворъ и къ счастію остановились передъ окнами дома (сановника).

«Не помня себя отъ испуга, покрытый грязью, изъ поврежденнаго тарантаса я вскочилъ въ домъ и просилъ защиты отъ наглаго посягательства на личность и права мои, какъ полицейскаго чиновника. Между тѣмъ какъ г. посредникъ N, не уважая значенія... (сановника).... дозволилъ себѣ странные и въ высшей степени неприличные поступки, называя себя начальникомъ въ присутствіи самого... (сановника).... бывшаго подъ окномъ, угрожалъ мнѣ судомъ и удаленіемъ отъ службы, своими связями съ вліятельными лицами, и строгомъ ямщику,—приказалъ выпречь моихъ лошадей и заложить ихъ въ свой экипажъ, *а форейторомъ быть помощнику волостнаго старшины.* Все это было передъ окнами дома г.... (сановника)... въ присутствіи его сына, управляющаго вотчиной, его помощника N и служителей помѣщика, сильно заинтересованныхъ страннымъ, небывалымъ и унизительнымъ, конечно не для меня, зрѣлищемъ. Въ то время, когда графъ N, совершенно довольный блистательнымъ проявленіемъ своего значенія, хотѣлъ ѣхать со двора,... (сановникъ).... чрезъ своего управляющаго N передалъ ему, чтобы онъ отнятыхъ силою лошадей возвратилъ мнѣ, и что если ему угодно непремѣнно выѣхать шестерикомъ,—можетъ взять изъ господской конюшни двѣ лошади. N уступилъ волѣ г.... взялъ двухъ лошадей изъ его конюшни, а земскихъ возвратилъ мнѣ».

«Все вышеизложенное, повергая начальническому разсмотрѣнію Земскаго Суда, имѣю честь покорнѣйшее просить: объ оскорбленіи меня, при отправленіи должности, поручикомъ графомъ N, произвести строгое изслѣдованіе чрезъ особаго губернскаго чиновника, на каковой предметъ представить г. начальнику губерніи въ подлинникѣ настоя-

щій мой рапортъ; а между тѣмъ сдѣлать зависящее распоряженіе о предупрежденіи на будущее время затрудненій при взиманіи членами земской полиціи лошадей для служебныхъ разъѣздовъ».

«По «*начальническаго разсмотрѣнія*» земскимъ судомъ дѣла этого не послѣдовало—какъ говорятъ—потому, что оскорбленнаго становаго самъ проѣзжій сановникъ, *для него*, просилъ оставить храбрость мироваго посредника—безъ послѣдствій»....

Прошлый разъ я началъ говорить о Крутогорскѣ: и не кончилъ. Милый этотъ городъ Крутогорскъ; вездѣ теперь идутъ перемѣны, оживленіе вездѣ замѣтно, а тамъ все идетъ по старому.

Ни что не волнуетъ, не возмущаетъ тишины стоячаго болота... Спокойствіе, доходящее до пошлости... Пріѣхалъ наприм. въ Крутогорскъ новый богатый обыватель *Васисдасъ*, началъ разныя дѣла творить, но никого это не заняло, не смутило... «Ничего,—жить можно,» рѣшили всѣ—и только.

А между тѣмъ *Васисдасъ* не дремалъ и принялся помогать разнымъ *улучшеніямъ*. Первымъ его дѣломъ было участіе въ составленіи комитета *объ уничтоженіи нищенства*.

Казалось бы мысль благодѣтельная! И вотъ началось уничтоженіе, но не нищенства, а самихъ нищихъ. *Васисдасъ* подалъ мысль, чтобъ каждаго изъ такихъ людей, лишь завидятъ на улицѣ, тотчасъ бы брали и *дѣлали что нужно*! Васисдасъ, болѣющій своей душой за часть каждаго бѣднаго брата, не могъ видѣть нищенскаго не совсѣмъ граціознаго костюма. Едва онъ завидитъ такого бѣдняка на улицѣ, то съ нимъ тотчасъ дѣлается припадокъ... бѣшенства, разумѣется.

Однажды *Васисдасъ* только вышелъ съ крыльца, подходитъ къ нему девяностолѣтняя старуха, вся разбитая параличемъ и протягиваетъ къ нему дрожащую руку.

— Прочь, старая вѣдьма! крикнулъ гуманный Нѣмецъ.

Старуха перетрусила, еще больше задрожала, но съ мѣста не двинулась...

Тогда Васисдасъ, примѣняя къ практикѣ теорію объ уничтоженіи нищихъ, ударилъ чуть живую старуху палкой. Ударъ не пропалъ даромъ и нищая упала за-мертво. Онъ велѣлъ ее *подобрать* и отправить въ больницу... На другой день старуха умерла.

Вслѣдствіе этого дѣло было формулировано такъ: больная старуха была отвезена въ больницу и умерла отъ удара... отъ удара *апоплексическаго*.

Примѣры, говорятъ, заразительны... Скоро послѣ этого случая, два чиновника отправились въ —скій уѣздъ для повѣрки лѣсовъ. Какъ поклонники Діониса, спутники не забывали во время пути утолять свою жажду. Ѣдутъ они, и вдругъ видятъ въ сторонѣ отъ дороги группу какихъ-то оборванныхъ странниковъ.

— Что за люди?

Оказывается, что это нищіе, выгнанные изъ города. Путешественникамъ пришла новая мысль въ голову: поохотиться за нищими. Отчего себя не позабавить? Вѣдь Американцы, де-скать, почище насъ, да и тѣ такой охотой занимались. Сказано—сдѣлано. Охота была самая горячая, и со стороны осаждающихъ было пущено въ дѣло даже холодное оружіе... Двое нищихъ избиты до полусмерти.

Наряженъ былъ судъ... одного изъ истребителей все-таки оправдали...

Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, нельзя сомнѣваться, что Крутогорскій комитетъ «*объ истребленіи нищенства*,» скоро достигнетъ своей цѣли и не одного нищаго не останется... въ цѣлой губерніи.

А Васисдасъ попрежнему покоенъ и величественъ, точно на душѣ цѣлый ворохъ разныхъ добродѣтелей. Ничѣмъ такъ нельзя утѣшить Васисдаса, какъ выраженіемъ безпредѣльнаго благоговѣнія передъ его особой. Горе тѣмъ, которые не чувствуютъ и не умѣютъ выразить этого благоговѣнія. Какъ-то случилось Васисдасу гулять въ общественномъ городскомъ саду, на берегу *Крутогорки*. Гуляетъ Васисдасъ по саду, и строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ гуляющіе при каждой встрѣчѣ съ нимъ, почтительнѣйше снимали передъ нимъ фуражку. Другой разъ пять попадется ему навстрѣчу, но все-таки обязанъ каждый разъ снимать шапку, потому что въ выраженіи глазъ богатаго обывателя читаетъ приказаніе:

Поклонъ, сударь, отвѣсьте!..

Одинъ бѣдный горожанинъ, находившійся въ саду, разъ при встрѣчѣ поклонился Васисдасу и помѣстился въ бесѣдкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ является въ бесѣдку и истребитель нищихъ. Горожанинъ, при вторичной съ нимъ встрѣчѣ не счелъ нужнымъ повторять своего поклона и... и это не прошло ему даромъ. Васисдасъ, какъ человѣкъ не мстительный по природѣ, ограничилъ свое наказаніе только тѣмъ,

что, по его хлопотамъ, бѣднякъ былъ лишенъ одного частнаго мѣста... Можно-ли быть больше великодушнымъ?..

Покровительство Васисдаса не трудно заслужить, но вотъ какимъ путемъ. Когда открыты были мѣста судебныхъ слѣдователей, является къ нему чиновникъ, съ просьбою взять его подъ свою протекцію.

Васисдасъ его выслушалъ и все чего-то ждалъ. Но ждалъ онъ напрасно: проситель былъ новичекъ, пріѣзжій и крутогорскихъ манеръ не зналъ.

— Обратитесь, говоритъ онъ просителю, вотъ къ такой-то городской власти.

Чиновникъ является къ городской власти и объясняетъ, что его послалъ Васисдасъ.

— Вамъ, спрашиваютъ его, мѣсто желательно получить?

— Да!

Тогда *власть* отводитъ его въ сторону и откровенно спрашиваетъ:

— Есть у васъ триста рублей?

— Нѣтъ!

— Такъ достаньте: иначе *онъ* не будетъ хлопотать за васъ.

— Денегъ у меня теперь нѣтъ, а есть свой домъ... Могу заложить его...

— Нѣтъ ужъ вы лучше достаньте гдѣ нибудь, а домъ закладывать—это длинная пѣсня.

Проситель денегъ не нашелъ, а потому и мѣста не получилъ...

У Васисдаса есть помощникъ — *Правая рука* — совершенно ему подъ пару. Прежде, когда *правая рука* прозябалъ въ меньшемъ чинѣ, онъ извѣстенъ былъ въ Крутогорскѣ, какъ доморощенный канцелярскій поэтъ, писавшій вирши на разные торжественные случаи. Но взойдя на высшую ступень, онъ забылъ свои стишки, и началъ заниматься предпріятіями болѣе прозаическими. Принялъ онъ мѣсто домашняго секретаря въ самомъ тощемъ тѣлѣ и въ скудныхъ обстоятельствахъ. Но прошло не много времени — и его брюшко округлилось, сукно на платьѣ явилось отличное, а на конюшнѣ—пара хорошихъ лошадокъ. Исправникъ, говорятъ, подарилъ по дружбѣ. Шубъ у него явилось множество; сегодня видятъ его въ медвѣжьей шубѣ, завтра въ енотовой и т. д.

И странное дѣло! Вчера напр. эта самая шуба была на плечахъ

какого нибудь отставнаго становаго, ищущаго мѣста, а на другой день—глядь—она уже украшала фигуру *Правой руки*...

Вотъ съ такимъ-то сподвижникомъ Васисдасъ спокойно плаваетъ въ морѣ житейскомъ, не боясь никакихъ бурь и крушеній...

На этомъ я и остановлюсь, и закончу дневникъ свой. До новаго года, читатели.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 35.

Ноябрь (1861 года).

Бристольскій митингъ Британской Шахматной Ассоціаціи.— Турниры.— Двѣ партіи Колиша съ Паульсеномъ.— Шахматныя состязанія по телеграфу.— Новые подвиги Паульсена въ игрѣ по памяти.— Три одновременныя партіи Бильгера.— Рѣшеніе задачъ.— Задачи.— Корреспонденція.

Послѣдніе выпуски иностранныхъ шахматныхъ журналовъ наполнены разсказами о бристольскомъ митингѣ Британской Шахматной Ассоціаціи, программу котораго мы сообщили читателямъ въ іюльскомъ Листкѣ. Передавать эти разсказы во всей полнотѣ, считаемъ излишнимъ. Многія подробности, интересныя англійскимъ, французскимъ и германскимъ любителямъ, которые привыкли слѣдить за самыми микроскопическими явленіями шахматной жизни въ Англіи, были бы совершенно безцвѣтны для нашихъ шахматистовъ; едва ли кто нибудь изъ нихъ пожелаетъ имѣть собраніе всѣхъ произнесенныхъ на митингѣ рѣчей, перечень провозглашенныхъ тамъ тостовъ и т. п., и ужь конечно ни одинъ русскій любитель не полюбопытствуетъ знать въ какихъ именно словахъ Кеннеди изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что болѣзнь помѣшала лорду Литтельтону предсѣдательствовать митингомъ. И такъ, мы бросимъ только

бѣглый взглядъ на дѣйствія этого собранія и остановимся исключительно на тѣхъ изъ нихъ, которыя не лишены общаго шахматнаго интереса.

Первымъ дѣломъ митинга было устройство турнира для первоклассныхъ игроковъ англійскихъ и иностранныхъ. Восемь человѣкъ пожелали участвовать въ этомъ состязаніи, а именно: Боденъ, Гамптонъ, Горвитцъ, Станлей, Паульсенъ, Колишъ, Уайтъ и Уильсонъ.

Жребій раздѣлилъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Станлей противъ Уильсона.

2) Гамптонъ противъ Уайта,

3) Боденъ противъ Горвитца.

4) Колишъ противъ Паульсена.

На первомъ столѣ партія шла совершенно ровно до одинадцатаго хода; тутъ Уильсонъ пожертвовалъ слона за трехъ пѣшекъ, вслѣдъ за тѣмъ завоевалъ коня и, имѣя такимъ образомъ три лишнія пѣшки, кончилъ побѣдою, не смотря на упорную защиту противника. Проще рѣшилось дѣло на второмъ столѣ: Гамптонъ прозѣвалъ ладью—вотъ какіе промахи бываютъ въ самыхъ серьезныхъ состязаніяхъ!—и положилъ оружіе. Боденъ (столъ третій) открылъ игру шотландскимъ гамбитомъ; выигралъ échange, а за тѣмъ и партію, какъ ни усиливался Гамптонъ привести ее по крайней мѣрѣ къ розыгрышу. Но не эти, болѣе или менѣе интересныя партіи, занимали съѣхавшихся въ Бристоль любителей: борьба Колиша съ Паульсеномъ приковывала ихъ вниманіе. Колишъ начиналъ: онъ двинулъ пѣшку короля на два мѣста, Паульсенъ смѣло отвѣчалъ такимъ же движеніемъ и завязалась слѣдующая партія.

Колишъ. (Бѣлые).	Паульсенъ. (Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5
2) g1 — f3	b8 — c6
3) f1 — b5	a7 — a6
4) b5 — a4	g8 — f6
5) 0 — 0	f8 — e7
6) d2 — d3	d7 — d6

7) b1 — c3 0 — 0
8) h2 — h3 h7 — h6

До сихъ поръ партія ведена съ обѣихъ сторонъ съ величайшею осторожностью, и если бѣлые имѣютъ нѣкоторое, весьма не значительное превосходство, то это необходимое слѣдствіе испанскаго дебюта.

9) f3 — h2 f6 — h7
10) f2 — f4 e5 — f4°
11) c1 — f4° e7 — g5
12) d1 — d2

Очень хорошо; взявъ слона слономъ, Колишъ далъ бы противнику возможность быстро развернуть силы, а отступая слономъ, стѣснилъ бы свою партію.

12) . . . . . c6 — d4
13) h2 — f3 d4 — f3° +
14) f1 — f3° c7 — c6
15) a4 — b3 c8 — e6
16) c3 — e2 e6 — b3°
17) a2 — b3° d6 — d5

Этимъ движеніемъ черные пріобрѣтаютъ атаку.

18) e2 — g3 d5 — e4°
19) g3 — e4° d8 — d4 +
20) g1 — h1 d4 — b2°
21) a1 — f1 g5 — f4°
22) d2 — f4° h7 — g5
23) e4 — g5° h6 — g5°
24) f4 — g5° a8 — e8

Тутъ Колишъ предложилъ своему противнику признать игру, которая длилась уже семь часовъ, за ничью, на что Паульсенъ немедленно согласился.

Битва возобновилась на слѣдующій день. Ходъ былъ за Паульсеномъ и Колишъ прибѣгъ къ защитѣ сициліянской. Всѣ старанія американскаго игрока пріобрѣсти сильную атаку остались безъ успѣха: каждый ударъ отражался совершенно вѣрнымъ отвѣтнымъ движеніемъ, и послѣ девяти часовъ безостановочной борьбы, партія

окончилась розыгрышемъ. Три дня спустя участь состязанія рѣшилась блестящею побѣдою Паульсена.

Колишъ.	Паульсенъ.
Бѣлые.	Черные.
1) e2 — e4	e7 — e5
2) g1 — f3	b8 — c6
3) f1 — c4	f8 — c5
4) b2 — b4	c5 — b4°
5) c2 — c3	b4 — a5
6) d2 — d4	e5 — d4°
7) 0 — 0	d7 — d6
8) c3 — d4°	a5 — b6
9) d4 — d5	c6 — a5
10) c1 — b2	g8 — e7

Ясно, что брать слона конемъ нѣтъ никакой пользы: бѣлые дадутъ шахъ ферземъ на a4 и возьмутъ коня.

11) c4 — d3

Взявъ пѣшку g7 слономъ, бѣлые подверглись бы сильнымъ атакамъ на сторонѣ своего короля.

11)	0 — 0
12) b1 — c3	e7 — g6
13) c3 — e2	f7 — f6

Это по видимому странное движеніе удивило зрителей: всѣ думали что Паульсенъ ошибся; но дальнѣйшее теченіе партіи обнаружило всю основательность его соображенія.

14) d1 — d2	c7 — c5

И этотъ ходъ представляется, съ перваго взгляда ошибочнымъ, а между тѣмъ онъ расчитанъ какъ нельзя лучше.

15) g1 — h1

Полагая вѣроятно, что черные съиграютъ 15. $\frac{}{f6 — e5}$, тогда: 16. $\frac{f3 — e5^\circ}{f6 — e5^\circ}$ 17. $\frac{f2 — f4}{}$ и бѣлые имѣютъ превосходное положеніе. Впрочемъ, настоящій ходъ бѣлыхъ во всякомъ случаѣ не дуренъ: онъ даетъ возможность двинуть со временемъ пѣшку f2.

15) . . . . . c8 — d7
16) a1 — c1 a7 — a6
17) f3 — e1 d7 — b5
18) f2 — f4 c5 — c4
19) d3 — b1 c4 — c3

Этимъ мастерскимъ пожертвованіемъ пѣшки, черные пріобрѣтаютъ великолѣпную атаку.

20) c1 — c3° a5 — c4
21) d2 — c1 a8 — c8
22) b1 — d3 b6 — e3
23) c1 — c2 c4 — d2
24) f1 — g1

Этимъ движеніемъ Колишъ надѣется завоевать двухъ мелкихъ офицеровъ за ладью, полагая, что черному коню некуда уйти; дѣйствительно, всѣ клѣтки, на которыя этотъ конь можетъ прыгнуть съ занимаемаго имъ теперь мѣста, находятся подъ ударомъ, но при всемъ томъ, мы увидимъ, что Колишъ ошибся въ расчетѣ.

24) . . . . . c8 — c3°
25) c2 — c3° d8 — b6

Этотъ маневръ спасаетъ коня.

26) b2 — c1 e3 — g1°
27) e2 — g1° b5 — d3°
28) e1 — d3°

Ошибка; но партія бѣлыхъ уже во всякомъ случаѣ проиграна.

28) . . . . . d2 — e4° и бѣлые сдаются.

На второмъ турѣ Паульсенъ разбилъ Уильсона, Боденъ—Уайта, а за тѣмъ оба побѣдителя вступили въ борьбу между собою. По условіямъ турнира, участь этого состязанія рѣшается не одною, а тремя партіями, но Боденъ, проигравъ первую, призналъ себя побѣжденнымъ.

Одновременно съ этимъ турниромъ былъ розыгранъ другой (the minor tournament), устроенный для менѣе сильныхъ и притомъ исключительно англійскихъ игроковъ. Онъ состоялъ изъ шестнадцати любителей; первый призъ достался Больту, второй Пиготту.

Одинъ день былъ посвященъ партіямъ по электрическому телеграфу. Изъ нихъ замѣчательна консультаціонная партія между Лондономъ и Бристолемъ; лондонской игрой управляли Монгредіенъ, Кэмпбель и Коффе, бристольской—Лёвенталь, Кеннеди и сиръ Джонъ Блонденъ. Ходъ достался лондонскимъ союзникамъ; они съиграли дебютъ королевскаго коня и ихъ противники,—опасаясь можетъ быть модной въ Англіи атаки Лопеца,—прибѣгли къ такъ называемой русской защитѣ (1. $\frac{e2-e4}{e7-e5}$, 2. $\frac{g1-f3}{g8-f6}$). Бристоль скоро пришелъ въ стѣсненное положеніе, такъ что принужденъ былъ пожертвовать пѣшкой; игра развернулась, оживилась сильными атаками и контръатаками, а затѣмъ получилось такое положеніе, въ которомъ ни та ни другая сторона не могла казалось пріобрѣсти рѣшительнаго перевѣса. Тогда Бристоль предложилъ признать игру за ничью. «Мы сдѣлаемъ ничью постепенно (We will draw by and by)» отвѣчали ему изъ Лондона. Не безъ смѣха встрѣтили эту депешу въ Бристолѣ; дѣйствительно забавно: Монгредіенъ и К° согласны что розыгрышъ, и все же хотятъ продолжать! А между тѣмъ становилось поздно, бойцы утомились, проголодались. «Очень голодны».— «Ужинъ готовъ».—«Ничья навѣрно». Этими оригинальными депешами заключилась партія. Въ тоже время пришли къ окончанію и одиночныя телеграфическія игры. Ихъ было семь: двѣ выиграны Лондономъ, пять признаны за ничьи. Впрочемъ, позднѣйшее разсмотрѣніе партій обнаружило, что изъ этихъ пяти ничьихъ двѣ должны были кончиться въ пользу Лондона, одна въ пользу Бристоля и только двѣ остальныя дѣйствительно заключились бы розыгрышемъ. Кромѣ того съиграна была консультаціонная партія по телеграфу между клубами бристольскимъ (Ролей, Уейтерсъ, Филиппсъ) и ливерпульскимъ (Шуль, Стиль, Гоуардъ); побѣда осталась за Ливерпулемъ.

Но самымъ любопытнымъ эпизодомъ митинга были удивительные, почти невѣроятные подвиги Паульсена въ игрѣ по памяти. Онъ съигралъ такимъ образомъ одинадцать партій одновременно противъ одинадцати довольно сильныхъ противниковъ: Уильсона, Поллера, Вейнса, Берри, Голлоуэ, Феддена, Селькирка, Уайта, Стиля, Гоуарда и Нуджента. Дѣло началось немного до полудня; въ половинѣ третья-

го громъ рукоплесканій встрѣтилъ побѣду Паульсена надъ Уайтомъ, два часа спустя партія съ Берри окончилась розыгрышемъ, а Селькиркъ призналъ себя побѣжденнымъ. Въ шесть часовъ поневолѣ надо было прекратить игру, потому что наступило время заранѣе назначеннаго банкета. Въ партіяхъ съ Вейнсомъ и Поллеромъ Паульсенъ завоевалъ офицера, во всѣхъ остальныхъ тоже имѣлъ несомнѣнный перевѣсъ. Относительно послѣдняго обстоятельства мнѣнія впрочемъ разногласны; такъ напримѣръ французскій журналъ La Nouvelle Régence утверждаетъ. что двѣ изъ неоконченныхъ партій остановились въ положеніи невыгодномъ Паульсену. Какъ бы то нибыло, бристольскій опытъ въ полномъ блескѣ обнаруживаетъ совершенно-необычайную способность Паульсена къ игрѣ à l'aveugle: онъ ни разу не сдѣлалъ фальшиваго хода, ни разу не сбился въ порядкѣ партій, усматривалъ всѣ разставляемыя ему противниками ловушки, совершенно вѣрно расчитывалъ самыя отдаленныя послѣдствія ходовъ; однимъ словомъ, игралъ нисколько не хуже чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Разсмотрѣніе слѣдующихъ двухъ игоръ лучше всего покажетъ съ какой изумительной ясностью и отчетливостью ведетъ Паульсенъ свои слѣпыя партіи.

ПАРТІЯ № 218.

(Эта игра принадлежитъ къ числу 11-ти партій, игранныхъ г-мъ Паульсеномъ въ Бристолѣ, не смотря на доску, одновременно противъ 11-ти довольно сильныхъ любителей.)

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ КОРОЛЕВСКИХЪ СЛОНОВЪ.

Паульсенъ.	Уайтъ.
Бѣлые..	Черные.
1) e2 — e4	e7 — e5
2) f1 — c4	f8 — c5
3) g1 — f3	b8 — c6 (1)
4) b2 — b4 (2)	c5 — b4°
5) c2 — c3	b4 — c5
6) d2 — d4	e5 — d4°

7)	0 — 0	d7 — d6
8)	c3 — d4°	c5 — b6
9)	b1 — c3	c8 — g4
10)	c4 — b5	g4 — d7 (3)
11)	e4 — e5	g8 — e7
12)	c1 — g5	0 — 0
13)	c3 — d5	d8 — e8 (4)
14)	d5 — f6 +	g7 — f6°
15)	g5 — f6°	e7 — d5
16)	d1 — d2	d5 — f6°
17)	e5 — f6°	e8 — e4
18)	b5 — d3	e4 — g4
19)	d2 — h6	и выигрываетъ.

Примѣчанія къ партіи № 218.

(1) Лучше было бы защитить пѣшку e5 посредствомъ 3. $\frac{d7-d6}{}$, такъ какъ королевскій слонъ уже выведенъ.

(2) Теперь игра свелась на гамбитъ Эванса.

(3) Лучшій ходъ; брать въ настоящемъ положеніи коня ведетъ къ матеріяльной потерѣ или, по крайней мѣрѣ, къ невыгодному положенію игры.

(4) Этимъ ходомъ черные спасаютъ офицера, но они не видятъ, что имъ тутъ же грозитъ гораздо большая опасность.

ПАРТІЯ № 219.

ГАМБИТЪ МУЦІО СЪ ВАРІЯНТОМЪ КОХА.

(Эта игра принадлежитъ къ числу 5-ти, игранныхъ Паульсеномъ, въ Лондонѣ, не смотря на доску, одновременно противъ 5-ти игроковъ.)

	Паульсенъ. (Бѣлые.)	Г-нъ .А (Черные.)			
1)	e2 — e4	e7 — e5	7)	c4 — d5°	g8 — f6
2)	f2 — f4	e5 — f4°	8)	0 — 0	c7 — c6
3)	g1 — f3	g7 — g5	9)	d5 — f7° + (1)	e8 — f7°
4)	f1 — c4	g5 — g4	10)	f3 — f4°	h8 — g8
5)	d2 — d4	g4 — f3°	11)	e4 — e5	f8 — e7
6)	d1 — f3°	d7 — d5	12)	f4 — h4	f7 — g7

13)	c1 — g5	f6 — d5	28)	a1 — e1	g7 — g4
14)	h4 — h6 +	g7 — h8	29)	h4 — h6	g4 — d4° +
15)	f1 — f7	c8 — f5	30)	d2 — c1	d4 — e4 (4)
16)	g5 — e7°	g8 — g2° + (2)	31)	e1 — f1	f3 — g4
17)	g1 — f1	g2 — g1 +	32)	c2 — c4	d5 — h4
18)	f1 — f2	g1 — g2 +	33)	f1 — f8	e4 — e1 +
19)	f2 — f3	d8 — g8	34)	c1 — d2	e1 — e2 +
20)	e7 — f6 +	d5 — f6°	35)	d2 — c3	h4 — a2° +
21)	h6 — f6° +	g2 — g7	36)	c3 — b3	a2 — c1 +
22)	f7 — f8	f5 — g4 +	37)	b3 — a4	b7 — b5 +
23)	f3 — e3	h8 — d7	38)	a4 — a5	c1 — b3 +
24)	f8 — g8° +	a8 — g8° (3)	39)	a5 — b4	a7 — a5 +
25)	f6 — h4	d7 — b6	40)	b4 — b3°	a5 — a4 +
26)	b1 — a3	b6 — d5 +	41)	b3 — a2	и черные сдаются.
27)	e3 — d2	g4 — f3			

Примѣчанія къ партіи № 219.

(1) Смѣлое пожертвованіе, тѣмъ болѣе смѣлое, что бѣлые отдали уже одного офицера.

(2) Хорошій ходъ; если бѣлые возьмутъ ладью, то 17. d8 — g8+; черные возвращаютъ ладью и отражаютъ атаку.

(3) Теперь Паульсенъ имѣетъ матеріяльное превосходство: ферзя и двухъ пѣшекъ за ладью и слона; но за то король и ферзь его открыты разнымъ нападеніямъ, а ладья и конь не вошли еще въ игру.

(4) Очень хорошо; если Паульсенъ возьметъ ладью, то ему матъ не позже третьяго хода.

Въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ Шахматнаго Листка (1859 года стр. 50—52) мы сообщили нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ игрѣ à l'aveugle, изъ которыхъ видно, что искусство это уже издавна извѣстно любителямъ шахматной игры; но никогда еще не достигало оно такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ въ наше время: Гаррвитцъ, Морфи, Паульсенъ совершенно затмили своихъ предшественниковъ на поприщѣ *слѣпой* игры. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Германіи дивились мастерству Бильгера въ этихъ упражненіяхъ, а между тѣмъ, онъ игралъ не болѣе трехъ партій за

разъ. Свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ опытовъ покойнаго Бильгера сохранились въ особо напечатанномъ, для немногихъ любителей листкѣ, который въ настоящее время составляетъ уже библіографическую рѣдкость. Благодаря обязательности К. А. Яниша, намъ удалось получить экземпляръ этого листка, и мы думаемъ сдѣлать пріятное читателямъ, сообщивъ здѣсь заключающіяся въ немъ партіи, для сравненія съ выше-приведенными состязаніями Паульсена. Онѣ играны въ Берлинѣ $\frac{18}{30}$-го марта 1840 года; первая и вторая диктованы Бильгеромъ безъ доски и шашекъ, третья играна обыкновеннымъ способомъ. Въ партіяхъ à l'aveugle Бильгеръ имѣлъ, какъ кажется, дѣло съ противниками далеко не сильными: отъ начала до конца они ведутъ игру довольно слабо, а мѣстами дѣлаютъ даже грубыя ошибки, что и подало поводъ одному изъ присутствовавшихъ любителей сказать, что Бильгеръ имѣлъ въ этихъ *слѣпыхъ* партіяхъ вполнѣ слѣпое счастіе.

ПАРТІЯ № 220.

ШОТЛАНСКІЙ ГАМБИТЪ.

Бильгеръ. (Бѣлые).	Г-нъ О. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	15) e5 — d6°	e7 — f6
2) g1 — f3	b8 — c6	16) b1 — c3	0 — 0
3) d2 — d4	e5 — d4°	17) c3 — e4	d8 — c6
4) f1 — c4	d7 — d6	18) e4 — f6° +	f8 — f6°
5) c2 — c3	d4 — d3	19) c1 — e3	b7 — b6
6) 0 — 0	c8 — e6	20) a1 — d1	c8 — f8
7) c4 — e6°	f7 — e6°	21) d3 — e4	c6 — a5
8) d1 — b3	d8 — c8	22) b2 — b4	c5 — b4°
9) f3 — g5	c6 — d8	23) c4 — c5	b6 — c5°
10) f2 — f4	c7 — c5	24) f3 — e5	f8 — e8
11) c3 — c4	h7 — h6	25) f1 — e1	d7 — e5°
12) g5 — f3	g8 — f6	26) e4 — e5°	a5 — c4
13) b3 — d3°	f8 — e7	27) d6 — d7	e8 — d8
14) e4 — e5	f6 — d7	28) e5 — e4	c4 — b6

29) e4 — c6	e6 — e5	34) e1 — f1	a8 — a7
30) c6 — c5°	e5 — f4°	35) f4 — e3	d8 — e7
31) e3 — f4°	b6 — d7°	36) e6 — f7° +	e7 — f7°
32) c5 — d5 +	f6 — f7	37) f1 — f7°	g8 — f7°
33) d5 — e6	a7 — a5	38) e3 — a7° и бѣлые выигрывают.	

ПАРТІЯ № 221.

ГАМБИТЪ КУНИНГАМА.

Бильгеръ. (Бѣлые).	Г-нъ Л. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	16) d5 — g5 +	g7 — h8
2) f2 — f4	e5 — f4°	17) g5 — f6 +	g8 — g7
3) g1 — f3	f8 — e7	18) c1 — h6	e8 — e4° +
4) f1 — c4	e7 — h4 +	19) h4 — f3	e4 — g6
5) g2 — g3	f4 — g3°	20) h6 — g7° +	g6 — g7°
6) 0 — 0	g3 — h2° +	21) f6 — d8 +	g7 — g8
7) g1 — h1	g8 — h6	22) f3 — e5	g8 — d8°
8) d2 — d4	h6 — g4	23) e5 — f7 +	h8 — g7
9) c4 — f7° +	e8 — f7°	24) f7 — d8°	b8 — a6
10) f3 — e5° +	f7 — g8	25) b1 — c3	a6 — b4
11) d1 — g4°	d7 — d6	26) f1 — f7 +	g7 — g6
12) g4 — h5	g7 — g6	27) a1 — f1	c8 — g4
13) e5 — g6°	d8 — e8	28) f1 — f6 +	g6 — g5
14) h5 — d5 +	g8 — g7	29) c3 — e4 + и бѣлые выигрываютъ.	
15) g6 — h4°	h8 — g8		

ПАРТІЯ № 222.

GIUOCO-PIANO.

Бильгеръ. (Бѣлые).	Г-нъ К. (Черные).		
1) e2 — e4	e7 — e5	3) f1 — c4	f8 — c5
2) g1 — f3	b8 — c6	4) c2 — c3	d7 — d6

5)	d2 — d4	c5 — b6
6)	d4 — e5°	d6 — e5°
7)	d1 — d8° +	e8 — d8°
8)	c4 — f7°	h7 — h6
9)	f7 — d5	g8 — e7
10)	b2 — b4	a7 — a6
11)	h2 — h3	h8 — f8
12)	0 — 0	c8 — h3°
13)	f1 — d1	d8 — e8
14)	a2 — a4	h3 — g4
15)	b1 — d2	a8 — d8
16)	b4 — b5	e7 — d5°
17)	e4 — d5°	c6 — a5
18)	c1 — a3	f8 — f4
19)	a3 — b2	d8 — d5°
20)	d1 — e1	g4 — f3°
21)	d2 — f3°	a5 — c4
22)	b2 — c1	f4 — f6
23)	a1 — a2	e8 — f7
24)	a2 — e2	a6 — b5°
25)	a4 — b5°	d5 — b5°
26)	e2 — e4	b5 — c5
27)	c1 — e3	c4 — e3°
28)	f3 — e5° +	c5 — e5°
29)	e4 — e5°	e3 — g4
30)	e5 — e7 +	f7 — g6
31)	g1 — h1	b6 — f2°
32)	e1 — e4	h6 — h5
33)	e7 — d7	f2 — g3
34)	e4 — g4° +	h5 — g4°
35)	d7 — d1	g3 — e5
36)	d1 — c1	g4 — g3

и бѣлые проигрываютъ.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 88.

1)	d4 — c2	a6 — a5
2)	b3 — d2	b4 — b3
3)	d2 — b1	b3 — c2°
4)	b2 — b3 ✕	

№ 89.

1)	a1 — h8	e1 — f1° (A)
2)	h8 — h1 ✕	

(A.)

1)		e1 — d1°
2)	h8 — a1 ✕	

№ 90.

1) b4 — d2° +	d5 — b4
2) d2 — b4° +	d4 — c4
3) b4 — d6 +	c4 — c3
4) d6 — e5 +	c7 — e5°
5) f4 — d5 +	e6 — d5°
6) a4 — d4 +	e5 — d4°
7) d1 — c1 +	g5 — c1° ×

№ 91.

(Н. Власова).

1) f8 — g6 +	e5 — f6
2) f4 — h5 +	f6 — f7
3) h6 — g7 +	f7 — e8
4) a4 — a8 +	c7 — a8°
5) g7 — h8 +	e8 — f7
6) g6 — e5 +	e7 — e5°
7) h8 — g7 +	f7 — e8
8) g7 — g8 +	e8 — e7
9) c5 — c6 +	d5 — b4 ×

№ 91.)

(Г-на З.. . . .)

1) h5 — g5	c5 — c4
2) f1 — d2	c4 — d3° + (A)
3) c2 — c1	d4 — c3
4) h5 — c5 ×	

(A.)

2)	c4 — c3
3) d2 — f3 ×	

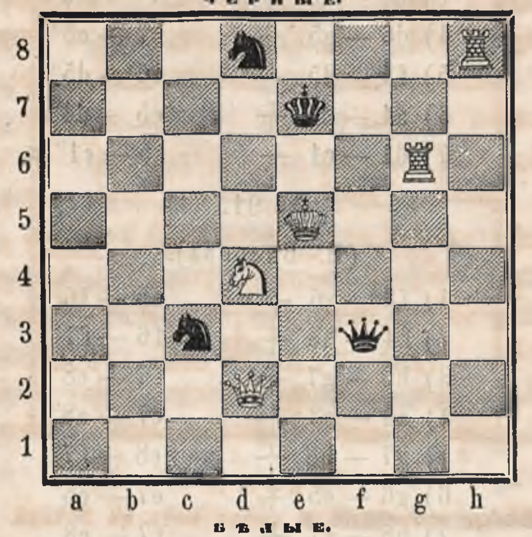
(*) По опечаткѣ, двѣ задачи означены были однимъ и тѣмъ же нумеромъ; для избѣжанія всякаго недоразумѣнія, мы выставили здѣсь имена сочинителей этихъ задачъ.

Задачи.

№ 112.

КЛАУЗИНСКАГО (въ Вильнѣ).

ЧЕРНЫЕ.

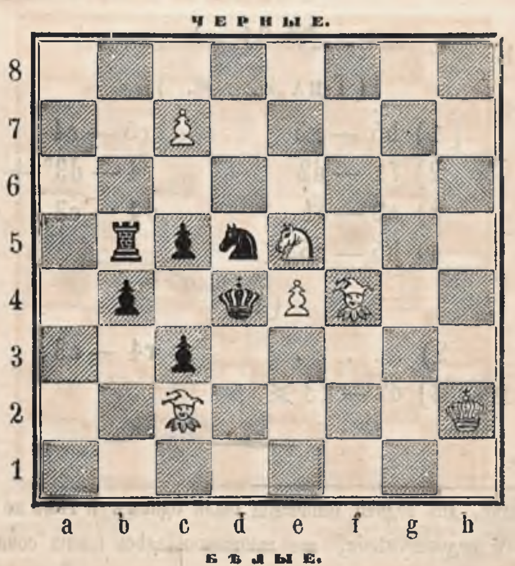
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

№ 113.

КЕЙЗЕРИЦКАГО.

ЧЕРНЫЕ.

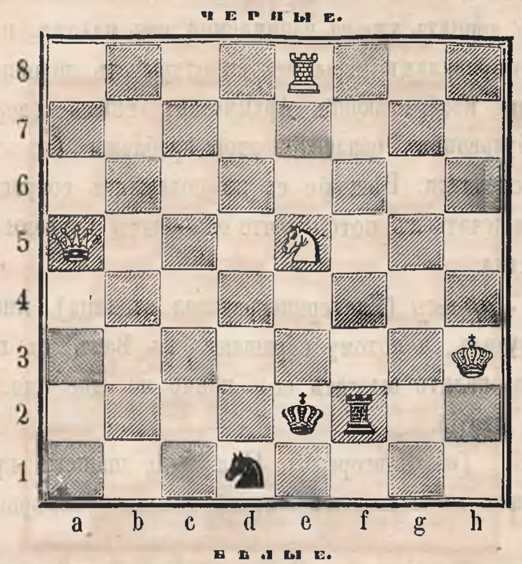
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 114.

Изъ Schachzeitung,

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 115.

КЕЙЗЕРИЦКАГО.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Корреспонденція. *Г-ну В. Х. Герн—у* (въ Одессѣ). Ваше рѣшеніе «Архимедова винта» ошибочно: ходъ d6 — c8°, послѣ того какъ конь e5 двинутъ уже съ занимаемой имъ клѣтки, невозможенъ, такъ какъ по правиламъ игры нельзя открывать короля подъ шахъ. Обѣ діаграммы, изображающія Архимедовъ винтъ совершенно вѣрны, но въ буквенномъ означеніи этой проблемы (въ отвѣтѣ г-ну К. . .) есть опечатки. Рѣшеніе ея не подлежитъ сокращенію. Задачи Вашей не печатаемъ потому, что она—какъ Вы сами замѣтили—слишкомъ легка.

Г-ну Е. Лар—ву (Екатериноградская станица). Анализа Вашего я не получилъ, а потому обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою благоволить выслать его прямо на мое имя. Благодарю за сообщеніе партій.

Г-ну К. . . (въ Новгородѣ). Положеніе шашекъ проблемы Архимедовъ винтъ въ іюльскомъ Листкѣ показано невѣрно. Вотъ настоящее:

Бѣлые: Король h2, ферзь a3, кони e5 и d6, пѣшки b4, c5, h3 и h6.

Черные: Король a8, ферзь g8, ладья h7, слоны b8 и c8, конь g6, пѣшки a6, b6, f7 и g2.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 36.

Декабрь 1861 года.

Игнатій Колишъ и Людвигъ Паульсенъ.—Условія ихъ матча.—Извлеченіе изъ Новаго Устава Шахматной Игры, составленнаго К. А. Янишемъ. — Различные фазисы и окончательный результатъ матча Колиша съ Паульсеномъ. — Непослѣдовательность одного обще-принятаго при шахматныхъ состязаніяхъ условія. — Восемь партій Паульсена съ Колишемъ.—Еще приблизительное рѣшеніе проблемы А. Д. Петрова, посвященной Н. Д. Ахшарумову.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.— Корреспонденція.

Долгое время искалъ Колишъ случая упрочить свою шахматную извѣстность серьезнымъ, продолжительнымъ состязаніемъ съ однимъ изъ знаменитыхъ современныхъ игроковъ, и постоянно встрѣчалъ къ тому какое-нибудь неожиданное препятсвіе. Весною 1859 года онъ пріѣхалъ въ Парижъ съ твердой рѣшимостью сразиться съ Морфи,—и опоздалъ! Морфи не задолго до его пріѣзда уѣхалъ въ Англію. Годъ спустя, отправился въ Лондонъ, въ надеждѣ помѣриться силами съ Лёвенталемъ или Стаунтономъ: Лёвенталя засталъ тяжко больнымъ, а Стаунтонъ просто отказался отъ боя. Лондонскій клубъ послалъ, отъ имени Колиша, формальный вызовъ Морфи; тотъ отвѣчалъ, что далъ себѣ слово не играть болѣе серьез-

ныхъ матчей. Только нынѣшнимъ лѣтомъ Колишу удалось устроить маленькій матчъ съ Андерсеномъ. Но тутъ новая неудача: Андерсенъ выигралъ четыре партіи въ то время, какъ Колишъ имѣлъ только три, а такъ какъ, по условіямъ матча, участь его рѣшалась четырмя выигранными партіями (*), то побѣда осталась за Андерсеномъ.

Въ такомъ же положеніи находился другой, не менѣе талантливый игрокъ, Людвигъ Паульсенъ, краткую біографію котораго мы сообщили читателямъ въ одномъ изъ первыхъ выпусковъ Шахматнаго Листка. Необычайные подвиги Паульсена въ игрѣ по памяти, обнаруживая удивительную силу воображенія, служатъ вѣрнымъ ручательствомъ тому, что и въ игрѣ обыкновенной онъ долженъ быть очень силенъ. Кто въ состояніи вести безошибочно одиннадцать партій за разъ, безъ помощи доски и шашекъ, тотъ конечно способенъ прослѣдить мысленно самыя отдаленныя послѣдствія каждаго хода, а это-то и составляетъ главное условіе хорошей игры (**). Но до сихъ поръ, Паульсенъ тоже не имѣлъ случая вполнѣ обнаружить свои шахматныя способности, сдѣлать ихъ очевидными состязаніемъ съ знаменитыми игроками. Правда, на ньюіоркскомъ турнирѣ 1858 года онъ взялъ второй призъ, но тамъ, за исключеніемъ Морфи, которому Паульсенъ и уступилъ первенство, не было игроковъ, пользующихся особенною извѣстностію. Еще менѣе извѣстны тѣ любители, которыхъ Паульсенъ безъ труда разбивалъ въ Чикаго и Дюбюкѣ. Говорятъ, что онъ посылалъ вызовъ Морфи и тотъ отвѣчалъ, что будетъ играть не иначе, какъ давая пѣшку и ходъ впередъ; на такомъ оскорбительномъ условіи Паульсенъ играть не согласился. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ слухъ этотъ справедливъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что между Морфи и Паульсеномъ не было матча.

(*) Такое условіе въ высшей степени неосновательно, но оно было вынуждено обстоятельствами: Андерсенъ пріѣхалъ въ Лондонъ на самое короткое время.

(**) Мысль о тѣсной связи игры обыкновенной съ игрою à l'aveugle превосходно развита г-мъ Янишемъ въ его статьѣ о партіяхъ Морфи (Шахм. Лист. 1860 года стр. 186—195).

Изъ сказаннаго понятно, что Колишъ и Паульсенъ не могли не желать помѣриться силами въ продолжительномъ состязаніи, тѣмъ болѣе, что первая ихъ встрѣча на бристольскомъ турнирѣ ясно доказала, что они вполнѣ достойны другъ друга, что ни тому, ни другому побѣда не достанется легко, а чѣмъ труднѣе подвигъ, тѣмъ завлекательнѣе онъ для самолюбія истиннаго шахматиста. Довольно значительное пари, всегда необходимое для оживленія шахматнаго состязанія, составилось по подпискѣ членовъ Лондонскаго клуба, и матчъ состоялся на слѣдующихъ условіяхъ:

1.) Побѣдителемъ признается тотъ, кто первый выиграетъ девять партій.

2,) Каждый день играется не менѣе одной партіи.

3.) Время на обдумываніе ходовъ ограничено: каждому изъ играющихъ предоставляется не болѣе двухъ съ половиною часовъ на совершеніе двадцати четырехъ ходовъ.

Комитетъ, занимавшійся устройствомъ матча, полагалъ назначить два часа на помянутое число ходовъ, какъ это было въ состязаніи Андерсена съ Колишемъ, но, по желанію послѣдняго, срокъ увеличенъ получасомъ. Журналы и письма, изъ которыхъ мы заимствуемъ свѣдѣнія объ этомъ матчѣ, не объясняютъ, къ сожалѣнію, какому именно взысканію подвергался игрокъ, въ случаѣ нарушенія имъ условія относительно времени; если такое нарушеніе влекло за собою проигрышъ партіи, каковъ бы ни былъ ея дѣйствительный исходъ, то это, по нашему мнѣнію, крайне не справедливо. Надо замѣтить, что постановленіе *о времени* вошло лишь въ немногіе, новѣйшіе уставы игры, съ полною же ясностью и послѣдовательностью изложено единственно въ *Новомъ Уставѣ*, составленномъ К. А. Янишемъ и принятомъ въ 1857 году Обществомъ Любителей Шахматной игры въ С.-Петербургѣ. Полагая, что многіе русскіе любители совершенно незнакомы съ этимъ постановленіемъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь содержащую его статью Новаго Устава.

Ст. XLIII. О срокѣ, положенномъ для совершенія ударовъ.

«При важныхъ состязаніяхъ, партіяхъ по консультаціи и по электрическому телеграфу, нерѣдко признается нужнымъ принимать въ расчетъ

время, употребляемое игроками на размышленіе. Въ такихъ случаяхъ, передъ начатіемъ игры, съ общаго согласія назначается каждому игроку срокъ на совершеніе ударовъ *его во всю партію*, такъ что сумма обоихъ сроковъ будетъ законнымъ предѣломъ *продолженія* партіи. Эти сроки могутъ быть и неравны, а именно: тогда, когда игрокъ, болѣе быстрый въ соображеніяхъ, согласится дать впередъ часть времени противнику. Расчетъ же времени всегда возлагается на свидѣтелей, которые отмѣчаютъ при всякомъ ходѣ, сколько на него употреблено минутъ (секундъ), съ той и съ другой стороны.

«Несоблюденіе игроками назначенныхъ имъ сроковъ *ни въ какомъ случаѣ* не прерываетъ партіи. Только по окончаніи игры сводится свидѣтелями итогъ времени, и вступаютъ въ силу слѣдующія правила:

«1.) Когда *ни съ чьей* стороны не нарушено было условія о времени, или, наоборотъ, когда оно нарушено было обѣими *равномѣрно* (т. е. оба игрока превзошли срокъ, но *не двойной* срокъ; оба превзошли двойной, но *не тройной* срокъ, и т. д.), то выигравшій сохраняетъ свое право, а *ничья* считается, какъ обыкновенно, розыгрышемъ.

«2.) Когда *одинъ только* игрокъ превзошелъ срокъ, ему положенный *(не двойной* срокъ), тогда выигранная имъ партія считается ничьею, ничья проигранною, а проигрышъ партіи вмѣняется ему въ *двойной* проигрышъ. Тому же подвергается игрокъ, превзошедшій двойной *(не тройной)* срокъ, если противникъ превзошелъ *только простой* срокъ, и т. д.

«3.) Когда, при *полномъ* соблюденіи срока одною стороною, противная превзойдетъ его *вдвое* (лишь бы не втрое), то выигранная ею партія считается проигранною, ничья вдвое проигранною, а проигрышъ вмѣняется ей въ тройной проигрышъ. То же правило прилагается, когда одинъ игрокъ превзойдетъ *простой* (не двойной) срокъ, а противникъ превзойдетъ уже *тройной* (не четверной) срокъ, и т. д.»

Теперь перейдемъ къ самому матчу. Первая партія была ничья; вторую выигралъ Колишъ, а затѣмъ, изъ пятнадцати игръ, не выигралъ ни одной: въ шести одержалъ побѣду Паульсенъ, девять

кончились розыгрышемъ; казалось, Колишу нѣтъ ужъ ни какой надежды, но онъ быстро поправился, пять разъ сряду поразивъ своего соперника; двадцать вторая партія кончилась въ пользу Паульсена, а за ней слѣдовало девять ничьихъ. И такъ изъ тридцати одной партіи, Колишъ выигралъ шесть, Паульсенъ семь, осьмнадцать имѣли исходомъ розыгрышъ. Въ виду такого множества ничьихъ и почти совершенно равнаго числа выигранныхъ съ той и другой стороны партій, Колишъ и Паульсенъ рѣшились признать весь матчъ *ничьимъ* (as a drawn battle). Нельзя не согласиться, что такое рѣшеніе вполнѣ основательно; весь ходъ матча доказываетъ какъ нельзя болѣе, что оба состязателя равносильны, а между тѣмъ еслибъ вести его до конца, то одинъ изъ двухъ непремѣнно одержалъ бы побѣду, такъ какъ участь состязанія рѣшалась девятью выигранными партіями: ктонибудь долженъ же наконецъ первый выиграть девятую. Дѣло въ томъ, что общепринятое обыкновеніе полагать предѣломъ матча извѣстное число *выигранныхъ* партій имѣетъ, какъ сейчасъ увидимъ, существенный недостатокъ. Главная цѣль серьезнаго шахматнаго состязанія заключается въ возможно-точномъ опредѣленіи относительной силы двухъ игроковъ. Но играя матчъ на то или другое число выигранныхъ партій, равенство силъ обоихъ состязателей, возможное въ дѣйствительности, никогда не можетъ обнаружиться. Иными словами: вы хотите измѣрить двѣ величины, и заранѣе лишаете себя возможности придти къ заключенію, что онѣ равны между собою. Для устраненія изъясненнаго неудобства, надлежитъ соблюдать при шахматныхъ состязаніяхъ слѣдующее постановленіе Новаго Устава.

«Когда для точнаго опредѣленія относительной силы двухъ противниковъ назначается между ними состязаніе (*match*) на *извѣстное* число партій, то число это — буде играется *такъ и такъ* — должно непремѣнно избрать *четное*, съ тѣмъ, чтобы въ него включать и *розыгрышныя* партіи, а выкидывать изъ общаго счета однѣ *недѣйствительныя*. Превосходство останется за игрокомъ, который выиграетъ *чаще* противника; равное же число побѣдъ обнаружитъ одинакую силу обѣихъ сторонъ. Впрочемъ, дѣлаютъ также предварительное условіе, коимъ, въ случаѣ *нерѣши-*

тельнаго исхода, обязываются съиграть столько *паръ* дополнительныхъ игоръ, сколько потребуется для доставленія превосходства какой-либо сторонѣ».

Этотъ новый порядокъ шахматныхъ состязаній имѣетъ передъ прежнимъ, къ сожалѣнію и до нынѣ наиболѣе употребительнымъ, весьма немаловажныя преимущества, а именно:

1.) Онъ даетъ возможность обнаружиться равенству силъ состязателей.

2.) Каждый изъ играющихъ пользуется правомъ выступки (le trait) непремѣнно одинакое число разъ.

3.) Предѣлъ матча заранѣе извѣстенъ; когда же играется на то или другое число выигранныхъ партій, розыгрыши могутъ затянуть состязаніе на неопредѣленное время, что на практикѣ представляетъ огромное неудобство.

ПАРТІЯ № 223.

GIUOCO PIANO.

Колишъ. (Бѣлые.)	Паульсенъ. (Черные.)		
1) c2 — e4	e7 — e5	18) f3 — h4	g5 — e6
2) g1 — f3	b8 — c6	19) d2 — b3	e8 — e7
3) f1 — c4	f8 — c5	20) a4 — a5	b6 — d4 (4)
4) 0 — 0	g8 — f6	21) a1 — c1	c6 — b4° (5)
5) d2 — d3	d7 — d6	22) c2 — c4 (6)	c7 — c6
6) c1 — g5	h7 — h6	23) c4 — b4°	c6 — b5°
7) g5 — h4	c8 — g4	24) h4 — f5 +	g4 — f5°
8) h2 — h3	g4 — h5	25) e4 — f5°	e6 — c5
9) c2 — c3	g7 — g5 (1)	26) b3 — d4°	c5 — d3°
10) h4 — g3	d8 — d7	27) b4 — d2	d3 — c1°
11) b2 — d4	c5 — b6	28) f1 — c1°	e5 — d4°
12) b1 — d2	g5 — g4 (2)	29) d2 — d4° (7)	h8 — g8
13) h3 — g4°	h5 — g4°	30) c1 — e1 +	e7 — d8
14) a2 — a4	a7 — a5 (3)	31) d4 — f6 +	e8 — c8
15) c4 — b5	a5 — b4°	32) e1 — c1 +	c8 — b8
16) c3 — b4°	f6 — h7	33) g3 — d6° +	и черные сдаются.
17) d1 — c2	h7 — g5		

Примѣчанія къ партіи № 223.

(1) Двинувъ такимъ образомъ пѣшку, черные уже не могутъ рокировать въ сторону короля, а потому настоящій ходъ неосторожень.

(2) Вѣрно; но бѣлый король такъ хорошо защищенъ, что атака на этомъ флангѣ для него не опасна.

(3) a7 — a6 было бы основательнѣе.

(4) На b6 — a7, бѣлые отвѣтили бы 21. $\frac{a5 - a6}{}$

(5) Ошибочный ходъ.

(6) Стаунтонъ утверждаетъ, что вмѣсто этого движенія ферзя бѣлымъ слѣдовало брать слона конемъ и разсматриваетъ слѣдующіе варіанты:

I.

22) b3 — d4°	b4 — c2°
23) d4 — f5 +	e7 — d8

Если 23 $\frac{}{g4 - f5^\circ}$ то $\frac{h4 - f5^\circ +}{}$ и т. д.

24) b5 — d7°	d8 — d7° (лучшій ходъ).
25) c1 — c2° и бѣлые завоевали офицера.	

II.

22) b3 — d4°	d7 — b5°
23) c2 — c7° +	e6 — c7°
24) c1 — c7° +	e7 — d8

25) d4 — b5° и бѣлые опять имѣютъ лишняго офицера. Такъ; но мнѣ кажется, что Стаунтонъ ошибается, заставляя черныхъ идти 24. $\frac{}{e7 - d8}$; имъ лучше съиграть 24. $\frac{}{b5 - d7}$; Тогда 25. $\frac{c7 - d7^\circ}{g4 - d7^\circ}$ и черные хотя и потеряли офицера, но за то имѣютъ по крайней мѣрѣ échange.

III.

22) b3 — d4°	c6 — d4°
23) b5 — d7°	беретъ ферзя любымъ конемъ.
24) d7 — g4° и бѣлые опять выиграли офицера.	

IV.

22) b3 — d4°	c7 — c6
23) d4 — f5 +	двигаетъ короля.
24) c2 — d2 и бѣлые выигрываютъ.	

(7) Колишъ потерялъ ладью за мелкаго офицера, но сила позиціи съ избыткомъ вознаграждаетъ эту потерю.

ПАРТІЯ № 224.

GIUOCO PIANO.

Колишъ. (Бѣлые.)	Паульсенъ. (Черные.)		
1) c2 — e4	e7 — e5	16) h4 — f6°	g7 — f6°
2) g1 — f3	b8 — c6	17) d1 — c1	g8 — g7
3) f1 — c4	f8 — c5	18) c1 — c5°	e7 — c5°
4) d2 — d3	d7 — d6	19) e4 — c5°	d4 — f3°
5) 0 — 0	g8 — f6	20) h2 — h3 (3)	f3 — d2
6) c2 — c3	0 — 0	21) h3 — g4°	d2 — f1°
7) c1 — g5	c8 — e6	22) a1 — f1°	b7 — b6
8) b1 — d2	h7 — h6	23) c5 — e4	a8 — d8
9) g5 — h4	g8 — h7	24) d3 — c2	c7 — c5
10) g1 — h1	d8 — e7	25) f2 — f3	d8 — d4
11) d3 — d4	e5 — d4°	26) h1 — g1	f8 — d8
12) c4 — d3 (1)	h7 — g8	27) g1 — f2 (4)	d4 — d2 +
13) c3 — d4°	c6 — d4°	28) e4 — d2°	d8 — d2° +
14) e4 — e5 (2)	d6 — e5°	29) f2 — g3	d2 — c2 ° и
15) d2 — e4	e6 — g4	бѣлые сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 224.

(1) Ловко съиграно; угрожаютъ взять коня и разстроить непріятельскую позицію посредствомъ шаха на вскрышу (e4 — e5).

(2) Всѣ эти ходы бѣлыхъ очень хорошо расчитаны.

(3) Ясно, что, взявъ коня, бѣлые подверглись бы грозной, едва ли отразимой атакѣ.

(4) Непостижимая ошибка! Отдать слона и коня за ладью въ то время, когда противникъ имѣетъ ужъ столь значительный перевѣсъ въ пѣшкахъ, поведетъ къ неизбѣжной гибели.

ПАРТІЯ № 225.

GIUOCO PIANO.

Колишъ. (Бѣлые.)	Паульсенъ. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	13) d5 — d6 (5)	c7 — d6° (6)
2) g1 — f3	b8 — c6	14) b1 — c3	b7 — b6
3) f1 — c4	f8 — c5	15) c3 — d5	a5 — b7
4) 0 — 0	g8 — f6	16) a3 — b2	b7 — c5
5) b2 — b4 (1)	c5 — b4°	17) d3 — e3	c5 — e6
6) c2 — c3	b4 — e7	18) f3 — d4 (7)	e7 — f6
7) d2 — d4	e5 — d4°	19) d4 — c6 (8)	d7 — c6°
8) c3 — d4° (2)	f6 — e4°	20) d5 — f6° +	g7 — f6° (9)
9) d4 — d5 (3)	c6 — a5	21) e3 — h6	d6 — d5
10) c4 — d3	e4 — c5	22) b2 — f6°	d8 — d6
11) c1 — a3 (4)	c5 — d3°	23) f2 — f4	f8 — e8
12) d1 — d3°	0 — 0	24) f1 — f3	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 225.

(1) Этотъ гамбитъ былъ бы очень силенъ, еслибъ черные съиграли четвертымъ ходомъ d7 — d6, но въ настоящемъ случаѣ 5. $\frac{d2 - d4}{}$ и 5. $\frac{d2 - d5}{}$ сильнѣе.

(2) Хорошо было бы также съиграть 8 $\frac{e4 - e5}{}$.

(3) Потеря двухъ пѣшекъ вполнѣ вознаграждается превосходствомъ положенія.

(4) Очень хорошо.

(5) Стаунтонъ замѣчаетъ, что эта жертва едва-ли вполнѣ основательна. Дѣло, говоритъ онъ, обернулось въ пользу бѣлыхъ, но это скорѣе потому, что черные плохо защищались.

(6) Ошибка; слѣдовало брать слономъ.

(7) Этимъ приготовляется неожиданная и въ высшей степени блестящая развязка.

(8) Великолѣпно съиграно.

(9) Уходить королемъ на h8 было бы лучше, но атака бѣлыхъ такъ сильна, что побѣда всетаки осталась бы за ними.

ПАРТІЯ № 226.

ГАМБИТЪ МУЦІО.

	Колишъ. (Бѣлые.)	Паульсенъ. (Черные.)			
1)	e2 — e4	e7 — e5	16)	e7 — e4	f6 — g5
2)	f2 — f4	e5 — f4°	17)	g2 — g4	f5 — g6
3)	g1 — f3	g7 — g5	18)	h2 — h4	g5 — h4°
4)	f1 — c4	g5 — g4	19)	f3 — f4°	d7 — d6
5)	0 — 0	g4 — f3°	20)	f4 — f7°	g6 — f7°
6)	d1 — f3°	d8 — f6	21)	f1 — f7°	c6 — e5
7)	e4 — e5	f6 — e5°	22)	f7 — h7°	e5 — c4°
8)	d2 — d3	f8 — h6	23)	c4 — c4°	c7 — c6
9)	c1 — d2	g8 — e7	24)	d5 — c7	a8 — b8
10)	b1 — c3	b8 — c6	25)	c4 — f4	h4 — e7
11)	a1 — e1	e5 — f5	26)	f4 — f7	d8 — c7°
12)	c3 — d5	e8 — d8	27)	f7 — e7° +	c7 — b6
13)	d2 — c3	h8 — g8	28)	e7 — g7	g8 — g7°
14)	c3 — f6	h6 — g5	29)	h7 — g7°	c8 — e6 и чер-
15)	e1 — e7°	g5 — f6°		ные выигрываютъ.	

ПАРТІЯ № 227.

ГАМБИТЪ СЛОНА.

	Паульсенъ. (Бѣлые)	Колишъ. (Черные.)			
1)	e2 — e4	e7 — e5	12)	g1 — f3	f7 — f6
2)	f2 — f4	e5 — f4°	13)	g5 — e3	d6 — d5 (3)
3)	f1 — c4	d8 — h4 +	14)	e4 — d5°	c6 — b4
4)	e1 — f1	g7 — g5 (1)	15)	d5 — d6 (4)	e7 — d5 (5)
5)	b1 — c3	f8 — g7	16)	e3 — d2	c7 — c6
6)	d2 — d4	g8 — e7	17)	c3 — d5° (6)	b4 — d5°
7)	g2 — g3	f4 — g3°	18)	c2 — c4	d5 — b6
8)	f1 — g2	d7 — d6 (2)	19)	e2 — d3	g7 — f8
9)	h2 — g3°	h4 — g4	20)	f3 — g5 (7)	f8 — d6°
10)	c4 — e2	g4 — d7	21)	d1 — h5 + и бѣлые выигры-	
11)	c1 — g5°	b8 — c6		ваютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 227.

(1) Мы ужь не разъ имѣли случай говорить о несостоятельности этой классической защиты.

(2) Въ настоящемъ положеніи лучше всего было бы отступить ферземъ на h6.

(3) Неосновательный ходъ; вообще всю эту партію Колишъ играетъ слабѣе обыкновеннаго.

(4) Прекрасный ходъ.

(5) Если, вмѣсто этого, возьмутъ пѣшку пѣшкой, то теряютъ одного изъ коней вслѣдствіе: 16. $\frac{e2-b5}{}$ и 17. $\frac{d4-d5}{}$, а если возьмутъ ее ферземъ, то бѣлые пріобрѣтутъ сильную атаку посредствомъ 16. $\frac{e3-f4}{}$ и 17. $\frac{c3-b5}{}$.

(6) c3 — e4 было бы, кажется, лучше.

(7) Рѣшительный ударъ; ясно, что, взявъ коня, черные проиграли бы немедленно.

ПАРТІЯ № 228.

GIUOCO PIANO.

	Колишъ. (Бѣлые.)	Паульсенъ. (Черные.)			
1)	e2 — e4	e7 — e5	17)	f1 — e1	c8 — f5
2)	g1 — f3	b8 — c6	18)	d1 — b3 (2)	a8 — b8
3)	f1 — c4	f8 — c5	19)	a1 — d1	d8 — d6
4)	0 — 0	g8 — f6	20)	c3 — b5	d6 — b6
5)	c2 — c3	f6 — e4°	21)	e5 — c4	f5 — c2 (3)
6)	c4 — d5	e4 — f6	22)	b3 — c2°	e8 — e1° +
7)	d5 — c6°	d7 — c6°	23)	d1 — e1°	b6 — b5°
8)	f3 — e5°	0 — 0	24)	c4 — e5	b8 — d8
9)	d2 — d4	c5 — d6	25)	e1 — d1	c5 — c4
10)	c1 — g5	c6 — c5	26)	c2 — c4°	b5 — b2°
11)	f2 — f4	c5 — d4°	27)	c4 — c7	b2 — e2
12)	c3 — d4°	c7 — c5	28)	c7 — f7° +	g8 — h8
13)	d4 — d5 (1)	h7 — h6	29)	d1 — f1	f6 — e5°
14)	g5 — h4	d6 — e7	30)	f4 — e5°	e2 — e5°
15)	h4 — f6°	e7 — f6°	31)	f7 — b7°	e5 — d4 +
16)	b1 — c3	f8 — e8	32)	g1 — h1	d8 — d5 игра

ничья.

Примѣчанія къ партіи № 228.

(1) Бѣлые имѣютъ теперь значительное превосходство положенія.

(2) d1 — h5 было бы кажется сильнѣе.

(3) Надо думать, замѣчаетъ Стаунтонъ, что Колишъ не предвидѣлъ этого маневра, играя коня на b5.

ПАРТІЯ № 229.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

	Колишъ. (Бѣлые).	Паульсенъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	b2 — b4	c5 — b4°
5)	c2 — c3	b4 — a5
6)	d2 — d4	e5 — d4°
7)	0 — 0	d7 — d6
8)	d1 — b3	d8 — f6
9)	c3 — d4°	a5 — b6
10)	e4 — e5	d6 — e5°
11)	d4 — e5°	f6 — g6
12)	f3 — g5	g8 — h6
13)	e5 — e6	0 — 0
14)	g5 — f7°	h6 — f7°
15)	e6 — f7° +	g8 — h8
16)	c1 — a3	c6 — d5 (1)
17)	b3 — c3	c7 — c5
18)	b1 — d2	c8 — e6
19)	g1 — h1	e6 — c4°
20)	d2 — c4°	g6 — f7°
21)	a1 — b1	f7 — h5
22)	c4 — b6°	a7 — b6°
23)	b1 — b6°	f8 — f2°
24)	b6 — b1	f2 — f1° + (2)
25)	b1 — f1°	b7 — b6
26)	a3 — b2	h5 — e2
27)	f1 — e1	a8 — f8 (3)
28)	h2 — h3	f8 — f1 +
29)	e1 — f1°	e2 — f1° +
30)	h1 — h2	f1 — f4 +
31)	c3 — g3	g7 — g5
32)	g3 — f4°	g5 — f4°
33)	g2 — g3	f4 — g3° +
34)	h2 — g3°	h8 — g7
35)	g3 — f4	g7 — g6
36)	f4 — e5	d4 — c6 +
37)	e5 — d6	c6 — b4
38)	a2 — a4	g6 — f5
39)	d6 — c7	b4 — d5 +
40)	c7 — c6	f5 — e4
41)	a4 — a5	b6 — a5°
42)	c6 — c5°	d5 — f4
43)	c5 — b5	f4 — h3°
44)	b5 — a5°	h7 — h5 (4)
45)	b2 — f6	e4 — f4
46)	a5 — b5	h3 — g5
47)	b5 — c4	h5 — h4

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 229.

(1) Атака бѣлыхъ, повидимому, очень сильна, но настоящій ходъ Паульсена совершенно ее отражаетъ.

(2) Тутъ черные могли завоевать ферьзя за ладью и коня, играя 24. $\frac{\quad}{\text{d4}-\text{f3}}$; ясно, что бѣлые должны брать коня ферьземъ, ибо если возьмутъ пѣшкою, то матъ слѣдующимъ ходомъ, а если съиграютъ 25. $\frac{\text{h2}-\text{h3}}{\quad}$, то 25. $\frac{\quad}{\text{h5}-\text{h3}^{\circ}+}$ 26. $\frac{\text{g2}-\text{h3}^{\circ}}{\text{f2}-\text{h2}\times}$, красивый матъ. Надо полагать что Паульсенъ не замѣтилъ этой комбинаціи.

(3) Очень хорошо.

(4) Казалось бы, игра непремѣнно должна быть ничья: бѣлымъ стоитъ только пожертвовать слона за пѣшку; но на дѣлѣ выходитъ иначе.

ПАРТІЯ № 230.

GIUOCO PIANO.

	Колишъ. (Бѣлые.)	Паульсенъ. (Черные.)			
1)	e2 — e4	e7 — e5	17)	g3 — f5 +	e7 — e8
2)	g1 — f3	b8 — c6	18)	c4 — c5 (6)	d6 — c5°
3)	f1 — c4	f8 — c5	19)	f5 — g7 +	e8 — e7
4)	d2 — d3 (1)	d7 — d6	20)	a1 — d1	c6 — d5
5)	b1 — c3 (2)	g8 — f6	21)	f3 — h5	f8 — g8
6)	c3 — e2	0 — 0	22)	b4 — c5°	e7 — f8 (7)
7)	0 — 0	c8 — e6	23)	h5 — e5°	g8 — g7°
8)	c1 — g5	e6 — c4°	24)	c5 — b6°	d4 — e2 + (8)
9)	d3 — c4° (3)	h7 — h6	25)	g1 — h1	d8 — h4
10)	g5 — h4	g7 — g5	26)	b6 — c7°	g7 — h7
11)	f3 — g5° (4)	h6 — g5°	27)	d1 — d3	e2 — f4 (9)
12)	h4 — g5°	g8 — g7	28)	d3 — d8 +	a8 — d8°
13)	e2 — g3	g7 — g6	29)	c7 — d8° Ф +	h4 — d8°
14)	b2 — b4 (5)	c5 — b6	30)	e5 — f4°	h7 — h5
15)	g5 — f6°	g6 — f6°	31)	h2 — h3	h5 — a5
16)	d1 — f3 +	f6 — e7	32)	f1 — b1	b7 — b6

33) f4 — h6 +	f8 — e7	40) h4 — h8	g5 — g7
34) h6 — h4 +	f7 — f6	41) h8 — e8 +	g7 — e7
35) h4 — g4	a5 — g5	42) e8 — g8 +	e7 — f7
36) g4 — f3	g5 — a5	43) d1 — d8	c7 — c5
37) h1 — d1	d8 — c7		
38) f3 — g4	a5 — g5		
39) g4 — h4	e7 — e6		

и бѣлые даютъ матъ въ четыре хода.

Примѣчанія къ партіи № 230.

(1) Тутъ играется обыкновенно 0—0 или c2—c3, но и d2—d3 вполнѣ основательно; многіе даже предпочитаютъ этотъ ходъ.

(2) Вмѣсто этого можно бы съ выгодою двинуть пѣшку b2, обращая игру въ гамбитъ Эванса; но, замѣчаетъ Стаунтонъ, Колишъ не знакомъ съ нѣкоторыми тонкостями этой красивой атаки, а потому благоразумно дѣлаетъ, придерживаясь болѣе осторожнаго giuoco piano.

(3) Сдвоеніе пѣшекъ въ настоящемъ случаѣ не представляетъ невыгоды.

(4) Это пожертвованіе часто бываетъ выгодно, особенно когда, какъ въ настоящемъ случаѣ, имѣешь подъ рукою другаго коня для содѣйствія слону; но чтобъ рискнуть столь смѣлый ходъ, необходимо обладать способностью вѣрно расчитывать большое число ходовъ.

(5) Въ надеждѣ, что если черные возьмутъ пѣшку, тогда: f2—f4 и партія бѣлыхъ очень сильна.

(6) Вѣрный ходъ; онъ вынуждаетъ черныхъ или потерять офицера, или дать противнику возможность ввести въ дѣйствіе ладью.

(7) Если 22. $\frac{\quad}{h6 - c5^{\circ}}$, то 23. $\frac{h5 - e5^{\circ} +}{e7 - f8}$ 24. $\frac{e5 - c5^{\circ} +}{\quad}$ и т. д.

(8) Отчего не d4 — f3? Намъ кажется, что этотъ ходъ непремѣнно давалъ побѣду чернымъ, а именно: 24. $\frac{\quad}{d4 - f5 +}$ 25. $\frac{g1 - h1}{f5 - e5^{\circ}}$ 26. $\frac{d1 - d8^{\circ} +}{e8 - d8^{\circ}}$ и черные имѣютъ ладью и коня за три пѣшки. Странно, что Стаунтонъ, напечатавъ эту партію съ весьма дѣльными примѣчаніями, не замѣтилъ однако столь простаго обстоятельства.

(9) Чтобъ воспрепятствовать противнику двинуть слѣдующимъ ходомъ ладью на h3.

Въ послѣднее время мы получили нѣсколько приблизительныхъ рѣшеній знаменитой проблемы А. Д. Петрова, посвященной г-ну Ахшарумову. Лучшія изъ нихъ принадлежатъ гг. Острогорскому въ Москвѣ, Петровскому въ Петербургѣ и Водзинскому въ Переславлѣ-Залѣсскомъ: они вынуждаютъ обратный матъ въ 14 ходовъ безъ всякихъ варіантовъ. Вотъ, напримѣръ какъ достигаетъ этого г-нъ Острогорскій:

1)	g7 — g8 +	c6 — e5
2)	a3 — b5 +	a6 — b5°
3)	e3 — e4 +	d4 — d5
4)	e4 — e5 +	d5 — d4
5)	e5 — e4 +	d4 — d5
6)	e4 — d4 +	d5 — e6
7)	f8 — h6 +	e6 — e7
8)	h8 — f6 +	e7 — e6
9)	f6 — g7 +	e6 — e7
10)	h6 — g5 +	e7 — e6
11)	c8 — e8 +	b5 — e8°
12)	g5 — f5 +	e6 — e7
13)	h4 — g6 +	e8 — g6°
14)	f5 — f7 +	g6 — f7° ⨯

А между тѣмъ непроницаемый сфинксъ разгаданъ, наконецъ, однимъ германскимъ любителемъ, Рикардомъ Мангельсдорфомъ. За симъ нѣтъ уже причины скрывать долѣе истинное рѣшеніе проблемы: читатели найдутъ его въ настоящемъ листкѣ.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 67 (*).

1)	g7 — h6 +	c6 — e5
2)	e3 — e4 +	d4 — d5
3)	e4 — e5° +	d5 — d4
4)	e5 — e4 +	d4 — d5
5)	f8 — f7 +	d5 — d6
6)	f7 — e7 +	d6 — d5
7)	e7 — d7 +	b7 — d6
8)	e4 — e5 +	d5 — d4
9)	c2 — c3 +	a5 — c3°
10)	a3 — b5 +	a6 — b5°
11)	d7 — a7 +	a1 — a7°
12)	e5 — h5 +	a7 — g7
13)	h4 — f5 +	d6 — f5° ⨯

№ 92.

1)	d8 — h4	f4 — f3
2)	h4 — f2	f3 — e2°
3)	e4 — d4° ⨯	

№ 93.

1)	a3 — f3 +	e4 — f3°
2)	c6 — e5 ⨯	

№ 94.

1)	f1 — g2 +	f3 — f4
2)	b4 — d5 +	f4 — f5
3)	d5 — e7 +	f5 — e6 (A)
4)	d7 — f8 +	e6 — f7
5)	g2 — d5 +	f7 — f8°
6)	e7 — g6 ⨯	

(A.)

3)		f5 — f4
4)	d4 — e5 +	f4 — e3

(*) Это и есть проблема А. Д. Петрова, посвященная Н. Д. Ахшарумову.

5) e7 — d5 +	e3 — f2
6) e5 — d4 ✕	

№ 95.

1) f6 — e4°	d5 — e4° (A)
2) e5 — a5 ✕	

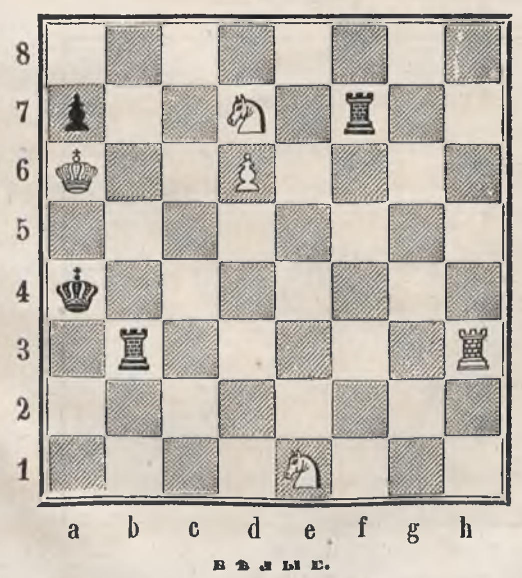
(A.)

1)	d7 — d6
2) e5 — e8 ✕	

Задачи.

№ 116.

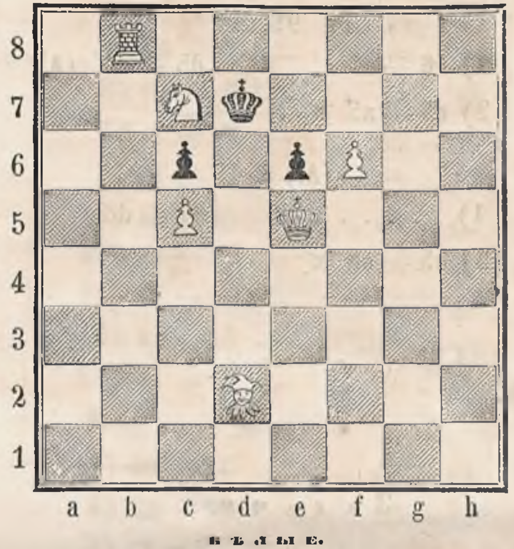
Изъ Schachzeitung.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 117.

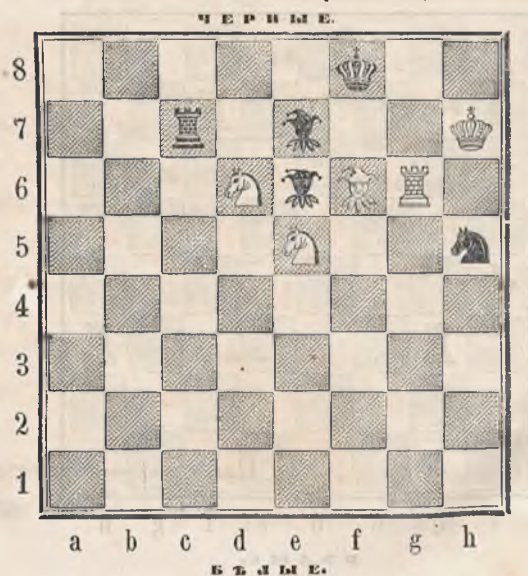
КЕЙЗЕРИЦКАГО.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 118.

РИХТЕРА (въ Бреславлѣ).

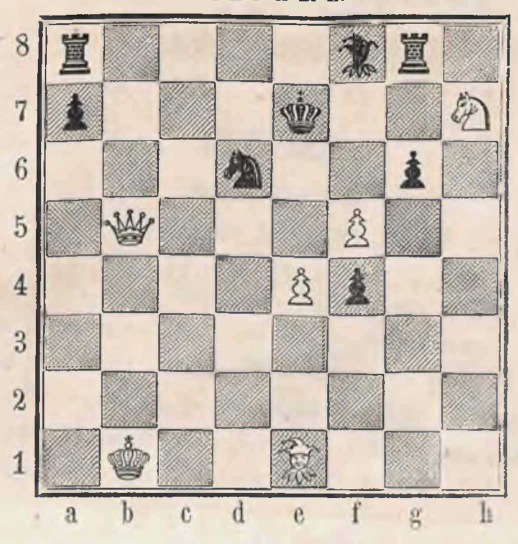

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 119.

МИЛЛЕРА.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. *Н. Остр—му* (въ Москвѣ). Весьма благодаренъ за сообщеніе замысловатой кипергани; она будетъ напечатана въ слѣдующемъ листкѣ, только безъ посвященія, но причинѣ, которую Вы конечно легко угадаете.

В. Хохр—ву. Обращаюсь къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбою благоволить сообщить, прямо на мое имя: 1) Вашъ адресъ и 2) Рѣшеніе присланныхъ Вами 12-ти проблемъ г-на Кейзерицкаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШАХМАТНАГО ЛИСТКА

за 1859, 1860 и 1861 г.

—

партіи изъ числа десяти игранныхъ имъ одновременно не смотря на доску.— Руководство къ изученію шахматной игры соч. князя С. С. Урусова (статья 3-я).—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

№ 5-й (Май).

Замѣчанія г-на М. А. на сочиненіе князя Урусова.—Искусственная партія къ одной изъ задачъ Стаммы. — Новый шахматный журналъ «La Rivista degli Scacchi».—Извѣстія изъ Америки, Австраліи, Остъ-Индіи. — Партіи: Дюбуа съ де-Ривіеромъ; Дюбуа съ герц. Брауншвейгскимъ, гр. Казабіанка и г-мъ Прети (игравшими по консультаціи); Дюбуа съ Муромъ; Индуса Рунхундера съ Гриномъ; И. С. Шумова съ кн. Д. С. Урусовымъ; кн. Д. С. Урусова съ В. М. Михайловымъ.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.

№ 6-й (Іюнь).

Продолженіе сочиненія М. Ланге о Морфи.—Шесть партій Морфи съ Гаррвитцомъ.—Воинственное проявленіе берлинской Schachzeitung.—Жизнеописаніе Филидора, составленное профессоромъ Олленомъ. — Заграничныя шахматныя извѣстія.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.—Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. С. Урусова (статья 4-я).

№ 7-й (Іюль).

Нѣсколько словъ въ видѣ вступленія. — Разсужденіе о распространеніи шахматной игры въ Европѣ и Америкѣ.—Торжество въ Нью-Іоркѣ по случаю возвращенія Морфи.—Партіи: Ланге съ Зиккелемъ и Эліасономъ; Лондонскаго клуба съ Парижскимъ; Лабурдоне съ Макдоннелемъ; Стаунтона съ Андерсеномъ.—Примѣчаніе къ *проблемѣ коня*.—Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. С. Урусова (статья 5-я).—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.

№ 8-й (Августъ).

Затруднительное положеніе шахматнаго фельетониста. — О нормальномъ (французскомъ) и сициліанскомъ дебютѣ.—Шесть партій сициліанскаго дебюта.—Партія Гг. Колиша и Мандольфо.—Erratum іюльскаго Листка.—Руководство къ изученію шахматной игры кн. С. Урусова (статья 6-я).—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

№ 9-й (Сентябрь).

Два слова о королевскомъ дебютѣ вообще.—Выходъ королевскаго коня.—Историческія свѣдѣнія и разсужденіе о giuoco piano.—Пять партій этого дебюта: Ланге съ Гг. Эйхертомъ, Гроддекомъ и Эрихомъ; Парижа съ Лондономъ; А. Д. Петрова съ Гофманомъ.—Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. С. Урусова (статья 7-я).—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.

№ 10-й (Октябрь).

О задачѣ А. Д. Петрова, посвященной Морфи.—Рѣшеніе ея Н. И. Петровскимъ. — О различіи италіянскихъ правилъ отъ правилъ, принятыхъ въ прочихъ странахъ Европы. —Рокировка. —Passar bataglia. —Переименованіе пѣшекъ въ офицеры.—О новомъ уставѣ С.-Петербургскаго Общества Любителей шахматной игры.—Партіи: Дюбуа съ французскимъ любителемъ, Чайковскимъ, Уейвиллемъ и Робелло.—Рѣшеніе задачъ. —Задачи. —Корреспонденція.—Руководство къ изученію шахматной игры соч. кн. С. Урусова (статья 8-я).

№ 11-й (Ноябрь).

Теорія киперганей или обратныхъ матовъ (статья 1-я).—Новыя изслѣдованія Н. И. Петровскаго надъ задачею А. Д. Петрова.—Бертольдъ Зуле.—Его партіи съ Андерсеномъ. —Одна партія Андерсена съ Ланге. —Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

№ 12-й (Декабрь).

Записка кн. С. С. Урусова о его играхъ съ А. Д. Петровымъ.—Побѣды кн. Урусова въ Петербургѣ.—Его партія съ И. С. Шумовымъ.—Двѣ партіи В. М. Михайлова съ Беллоти и г-мъ ***. — Партія Колиша противъ герц. Брауншвейгскаго и графа *** (игравшими по консультаціи).—Новое рѣшеніе задачи А. Д. Петрова. — Двѣ важныя опечатки въ XI нумерѣ Листка.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

1860 годъ.

№ 13-й (Январь).

Объ изданіи Шахматнаго Листка въ нынѣшнемъ году.—Теорія киперганей (статья 2-я).—Шахматный турниръ у гр. Кушелева-Безбородко.—Партіи: И. С. Шумова съ княземъ С. С. Урусовымъ; В. М. Михайлова съ Д. С. Стерномъ и Э. И. Форшемъ.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

№ 14-й (Февраль).

Шахматные вечера гр. Г. А. Кушелева-Безбородко. — Окончаніе перваго турнира.—Нѣсколько словъ о характерѣ игры Д. С. Стерна и В. В. Пеликана.—Партіи: Д. С. Стерна съ И. С. Шумовымъ и В. В. Пеликаномъ.—Второй турниръ.—Третій турниръ.—Опровërженіе обвиненій г-на А. М—ва (въ Березовѣ).—Опечатки въ нумераціи задачъ.—Удачная опечатка или найденышъ.—Задачи.—Руководство къ изученію шахматной игры, соч. князя С. Урусова (статья 9-я).

№ 15-й (Мартъ).

№ 16-й (Апрѣль).

№ 17-й (Май).

№ 18-й (Іюнь).

№ 19-й (Іюль).

№ 20-й (Августъ).

№ 21-й (Сентябрь).

№ 22-й (Октябрь).

№ 23-й (Ноябрь).

№ 24-й (Декабрь).

1861 годъ.

№ 25-й (Январь).

№ 26-й (Февраль).

Листка.—Новый трудъ Н. И. Петровскаго надъ кипергаваю Петрова, посвященной Морфи.—Нѣсколько словъ о способѣ составленія проблемъ и сократимости ихъ рѣшеній.—Объясненіе по поводу одной изъ бывшихъ въ Листкѣ задачъ. — Одна партія изъ матча Колиша съ Андерсеномъ. — Пять игоръ Гейдебранда фонъ-деръ-Лаза съ Ганстейномъ.—Задачи.—Корреспонденція.

№ 34-й (Октябрь).

Мое трехлѣтнее горе и не ожиданная радость.—Остроуміе Искры.—Стансы въ честь анонима, громящаго Русское Слово и Шахматный Листокъ. — Вдохновенный характеръ анонима.—Выписка изъ Искры.—Грустныя заключенія.—Извѣстіе о матчѣ Колиша съ Паульсеномъ.—Петербургскіе шахматные турниры.—Консультаціонная партія И. С. Шумова и гр. Кушелева-Безбородко противъ В. М. Михайлова и В. В. Пеликана.—Одна игра А. М. Максимова съ Н. А. Михайловымъ.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.—Исправленіе опечатки.

№ 35-й (Ноябрь).

Бристольскій митингъ Шахматной Ассоціаціи.—Турниры.—Двѣ партіи Колиша съ Паульсеномъ.—Шахматныя состязанія по телеграфу.—Новые подвиги Паульсена въ игрѣ по памяти.—Три одновременные партіи Бильгера.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

№ 36-й (Декабрь).

Игнатій Колишъ и Людвигъ Паульсенъ.—Условія ихъ матча.—Извлеченіе изъ Новаго Устава Шахматной игры, составленнаго К. А. Янишемъ.—Различные фазисы и окончательный результатъ матча Колиша съ Паульсеномъ.—Неосновательность одного общепринятаго при шахматныхъ состязаніяхъ условія.—Восемь партій Паульсена съ Колишемъ.—Еще приблизительное рѣшеніе проблемы А. Д. Петрова, посвященной Н. Д. Ахшарумову.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

ОБЪ ИЗДАНІИ
МОРСКАГО СБОРНИКА
ВЪ 1862 ГОДУ.

Приступая къ изданію Морскаго Сборника на 1861 годъ, редакція заявила программу журнала и тѣ начала, которыя положены въ основаніе этой программы, а въ Современномъ Обозрѣніи № 11-го Морскаго Сборника за текущій годъ, принявъ участіе въ обсужденіи вопроса объ изданіи спеціальныхъ журналовъ, редакція высказалась съ большею подробностію. Остается замѣтить, ччо Морской Сборникъ въ 1861 году не успѣлъ вполнѣ осуществить свою программу и что нѣкоторые изъ предметовъ, имѣющихъ современный интересъ, едва только были затронуты. Надѣемся, что въ будущемъ году намъ удастся ближе подойти къ тѣмъ задачамъ, которыя занимаютъ въ настоящее время русское образованное общество вообще и морское въ частност .

Не лишнимъ считаемъ повторить еще разъ, что признавая главною своею обязанностью—сообщать еще морскимъ офицерамъ такія спеціальныя свѣдѣнія по морской части, которыхъ каждый изъ нихъ отдѣльно не могъ бы пріобрѣсти своими собственными средствами, Морской Сборникъ вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не касаться нѣкоторыхъ нравственныхъ и общественныхъ сторонъ морскаго быта, обусловливающихъ успѣхъ самой техники и морскаго дѣла въ Россіи,

военнаго и коммерческаго. Поэтому статьи о воспитаніи, о лучшей системѣ наказаній, слѣдствія и суда, о грамотности и улучшеніи быта нижнихъ чиновъ, о вольномъ трудѣ, всегда найдутъ мѣсто въ Морскомъ Сборникѣ, если только онѣ не будутъ противорѣчить основнымъ истинамъ, выработаннымъ современною наукою и самымъ опытомъ жизни и службы. Въ особенности же Морской Сборникъ обратитъ вниманіе на разъясненіе вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ (до сихъ поръ несовсѣмъ яснаго для нѣкоторыхъ читателей), о гласномъ судопроизводствѣ и о военнорабочихъ тюрьмахъ. Кромѣ того, редакція полагаетъ, что сами читатели, какъ моряки, такъ и не моряки, наведутъ Морской Сборникъ на обсужденіе нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ развитія нравственныхъ или матеріальныхъ сторонъ морскаго дѣла въ Россіи и которые являются иногда неожиданно, какъ результатъ событій и болѣе или менѣе непредвидимаго хода жизни гражданскихъ обществъ.

На сколько возможно, Морской Сборникъ, независимо отъ Правительственнаго Указателя, появившагося въ журналѣ съ 1861 года, будетъ содѣйствовать гласности въ сферѣ служебной и общественной дѣятельности, такой гласности, которая не ограничивается заявленіемъ однихъ только свѣтлыхъ сторонъ этой дѣятельности, но и указываетъ на ея темныя стороны, или, по выраженію покойнаго адмирала М. Ф. Рейнеке, «не столько хвастать своимъ, сколько стараться, общими силами, изучать недостатки своей морской семьи».

Въ числѣ статей, полученныхъ и обѣщанныхъ для Морскаго Сборника въ будущемъ году, упомянемъ о слѣдующихъ:

А. С. Афанасьева-Чужбинскаго—Поѣздка по рр. Днѣстру и Бугу; — **Д. В. Григоровича** — Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ; — **П. Н. Головина** — Обзоръ владѣній Россійско-Американской компаніи; — **И. И. Льховскаго** — Замѣтки о кругосвѣтномъ плаваніи; — **С. В. Максимова** — Путешествіе по Амуру и Восточному океану; — и **Excelsior'a** (извѣстный читателямъ Морскаго Сборника псевдонимъ) — Путевыя впечатлѣнія и очерки нравовъ.

К. С. Варранда и **NN** Замѣтки о внутреннемъ устройствѣ различныхъ министерствъ въ Бельгіи, Франціи, Германіи и проч.—О гласномъ военномъ судопроизводствѣ и военно-рабочихъ тюрьмахъ.

А. И. Бутакова, Г. И. Бутакова, В. А. Римскаго-Корсакова, И. И. Фонъ-Шанца—о различныхъ предметахъ морскаго дѣла и о спеціальномъ морскомъ воспитаніи.

Ѳ. Ѳ. Веселáго, С. И. Елагина, Н. Закревскаго, В. П. Мельницкаго, г. Палеолога, и **А. В. Фрейганга**—По исторіи русскаго флота и морскаго общества, преимущественно ближайшей къ намъ исторической эпохи.

А. С. Горковенко, Н. А. Ивашинцова, Н. Н. Тресковскаго, А. Ф. Ульскаго,—по исторіи русскихъ гидрографическихъ работъ и о гидрографическомъ изслѣдованіи Каспійскаго и другихъ морей.

Х. Вольдемара—О прибрежныхъ жителяхъ, о морской торговлѣ и промышленности.

А. Ф. Кашеварова (креола)—О русскихъ колоніяхъ и бытѣ колоніальныхъ туземцевъ.

А. Т. Бѣляева, И. А. Семенова и др. по механикѣ.

А. Н. Савича—по астрономіи и физикѣ, и наконецъ:

Записки о кругосвѣтномъ плаваніи капитановъ *Белинсгаузена*, *Лазарева*, *Васильева* и *Шишмарева*.

ПОДПИСКА НА ПОЛУЧЕНІЕ МОРСКАГО СБОРНИКА

ВЪ 1862 ГОДУ ПРИНИМАЕТСЯ;

Въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ А. Ф. Базунова, на Невскомъ проспектѣ, домъ Ольхиной, противъ милютиныхъ лавокъ; и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

ЦѢНА МОРСКАГО СБОРНИКА ЗА ГОДЪ:

ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ САНКТПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ

БЕЗЪ ДОСТАВКИ

четыре руб. сер.—для лицъ морскаго вѣдомства (со включеніемъ резерва и служащимъ въ коммерческомъ флотѣ), и **пять** р. с.—для прочихъ подписчиковъ.

За доставку на квартиру въ С. Петербургѣ и Москвѣ всѣ вообще подписчики прилагаютъ 1 р. с.

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ СЪ ДОСТАВКОЮ ПО ПОЧТѢ:

Лицамъ морскаго вѣдомства . . . . . . **5 р. с.**
Прочимъ подписчикамъ . . . . **7 » »**

Отъ жителей Финляндiи подписка принимается въ Финляндскомъ почтамтѣ на вышеизложенныхъ условiяхъ для иногородныхъ.

Перемѣны адресовъ, претензiи и проч. сообщенiя подписчиковъ покорнѣйше просятъ адресовать въ Главную Контору М. Сб. (при магазинѣ Базунова), и если будетъ признано нужнымъ для свѣдѣнiя—въ Редакцiю журнала, чрезъ Морской Ученый Комитетъ. Жалобы на Контору въ неудовлетворенiи подписчиковъ присылаются, помимо Конторы, въ Редакцiю, также чрезъ Ученый Комитетъ.

Въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжки М. Сб. сдаются въ почтамтъ въ наглухо-заклеенныхъ пакетахъ, съ печатнымъ адресомъ подписчика, и въ случаѣ поздняго полученiя ихъ, а также если книжка будетъ доставлена распечатанною, просятъ доводить о томъ до свѣдѣнiя почтоваго начальства.

Полные экземпляры М. С. за 1855—1861 годы можно получать на вышеизложенныхъ условiяхъ. Каждая же книжка отдѣльно продается по 75 к. сер.